Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

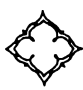
Тома I-IV

Николай Карамзинъ.

Николай Михайлович

КАРАМЗИН

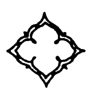

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ТРЕХ КНИГАХ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИХ В СЕБЕ
ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ

Санкт-Петербург
«ЗОЛОТОЙ ВЕК»
«ДИАМАНТ»
1997

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

ТОМА I—IV

Санкт-Петербург
«ЗОЛОТОЙ ВЕК»
«ДИАМАНТ»
1997

ББК 63.3(2)
К21

Карамзин Н. М.

К21 История государства Российского. В 3 книгах. Кн. 1: История государства Российского. Т. I-IV. / Вступ. ст. Ю. Лотмана; примеч., словарь М. Зиминой; родосл. табл. В. Синельникова; оформление Ю. Амбросова; СПб.: ООО «Золотой век», ТОО «Диамант», 1997. — 624 с., ил.

ISBN 5—89215—035—6
ISBN 5—89215—032—1

ISBN 5—89215—035—6
ISBN 5—89215—032—1

© ООО «Золотой век», 1997
© *Примечания, словарь,*
М. Зимина, 1997
© *Родословные таблицы,*
В. Синельников, 1997

КОЛУМБ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Пушкин назвал Карамзина Колумбом, открывшим для своих читателей Древнюю Русь подобно тому, как знаменитый путешественник открыл европейцам Америку. Употребляя это сравнение, поэт сам не предполагал, до какой степени оно правильно.

Мы знаем теперь, что Колумб не был первым европейцем, достигшим берегов Америки, и что само его путешествие сделалось возможным лишь благодаря опыту, накопленному его предшественниками. Называя Карамзина первым русским историком, нельзя не вспомнить имен Татищева, Болтина, Щербатова, не упомянуть ряда публикаторов документов, которые, при всем несовершенстве их методов издания, привлекали внимание и будили интерес к прошлому России.

И все же слава открытия Америки по праву связывается с именем Колумба, а дата его мореплавания — одна из решающих вех мировой истории. Карамзин имел предшественников. Но только его «История государства Российского» сделалась не еще одним историческим трудом, а *первой историей России.* Открытие Колумба — событие мировой истории не только и не столько потому, что он обнаружил новые земли, а потому, что оно перевернуло все представления жителей Старой Европы и изменило их способ мышления не меньше, чем идеи Коперника и Галилея. «История государства Российского» Карамзина не просто сообщила читателям плоды многолетних изысканий историка — она перевернула сознание русского читающего общества. Нельзя уже было думать о настоящем вне связи с прошлым и без дум о будущем. «История государства Российского» была не единственным фактором, сделавшим сознание людей XIX в. историческим: здесь решающую роль сыграли и война 1812 г., и творчество Пушкина, и общее движение философской мысли России и Европы тех лет. Но «История» Карамзина стоит в ряду *этих* событий. Поэтому значение ее не может быть оценено с какой-либо односторонней точки зрения.

— Является ли «История» Карамзина научным трудом, создающим целостную картину прошлого России от первых ее веков до кануна царствования Петра I? — В этом не может быть никаких сомнений. Для целого

ряда поколений русских читателей труд Карамзина был основным источником знакомства с прошлым их родины. Великий русский историк С. М. Соловьев вспоминал: «...Попала мне в руки и история Карамзина: до тринадцати лет, т. е. до поступления моего в гимназию, я прочел ее не менее двенадцати раз»[1]. Подобные свидетельства можно было бы умножить.

— Является ли «История» Карамзина плодом самостоятельных исторических изысканий и глубокого изучения источников? — И в этом невозможно сомневаться: примечания, в которых Карамзин сосредоточил документальный материал, послужили отправной точкой для значительного числа последующих исторических исследований, и до сих пор историки России постоянно к ним обращаются, не переставая изумляться громадности труда автора.

— Является ли «История» Карамзина замечательным литературным произведением? — Художественные достоинства ее также очевидны. Сам Карамзин однажды назвал свой труд «исторической поэмой», и в истории русской прозы первой четверти XIX в. труд Карамзина занимает одно из самых выдающихся мест. Декабрист А. Бестужев-Марлинский, рецензируя последние прижизненные тома «Истории» (десятый и одиннадцатый) как явления «изящной прозы», писал: «Смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукою истинного дарования»[2].

Вероятно, можно было бы указать и на иные связи, с точки зрения некоторых «История государства Российского» есть явление замечательное. Но самое существенное состоит в том, что ни одной из них она не принадлежит нераздельно: «История государства Российского» — явление русской культуры в ее целостности и только так и должна рассматриваться.

31 ноября 1803 г. специальным указом Александра I Карамзин получил звание историографа. С этого момента он, по выражению П. А. Вяземского, «постригся в историки» и не бросал уже пера историка до последнего дыхания. Однако фактически исторические интересы Карамзина уходят корнями в более раннее его творчество. В 1802—1803 гг. в журнале «Вестник Европы» Карамзин опубликовал ряд статей, посвященных русской истории. Но и это не самое начало: сохранились выписки и подготовительные материалы по русской истории, относящиеся к началу века[3]. Однако и тут нельзя видеть истоки. 11 июня 1798 г. Карамзин набросал план «Похвального слова Петру I». Уже из этой записи видно, что речь шла о замысле обширного исторического исследования, а не риторического упражнения. На другой день он добавил следующую мысль, ясно показывающую, чему он рассчитывал посвятить себя в будущем: «Естьли Провидение пощадит меня; естьли не случится того, что для меня ужаснее смерти (Карамзин болел и боялся ослепнуть. — *Ю. Л.*)... займусь Историею. Начну с Джиллиса; после буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманием и делать выписки; а там примусь за древних Авторов,

---

[1] Соловьев С. М. Избр. тр. Записки. М., 1983. С. 231.

[2] Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2т. М., 1958. Т. 2. С. 552.

[3] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 205 и сл.

особенно за Плутарха»[4]. Запись эта свидетельствует о сознании необходимости внести систему в исторические занятия, которые фактически уже идут весьма интенсивно. Именно в эти дни Карамзин читает Тацита, на мнения которого он будет неоднократно ссылаться в «Истории государства Российского», переводит для издаваемого им «Пантеона иностранной словесности» Цицерона и Саллюстия и борется с цензурой, запрещающей античных историков[5].

Конечно, мысль безраздельно посвятить себя истории еще далека от него. Замышляя похвальное слово Петру I, он не без кокетства пишет Дмитриеву: это «требует, чтобы я месяца три посвятил на чтение Руской истории и Голикова: едва ли возможное для меня дело! А там еще сколько надобно размышления!»[6] Но все же планы сочинений на исторические темы постоянно возникают в голове писателя.

Однако можно предположить, что корни уходят еще глубже. Во второй половине 1810-х гг. Карамзин набросал «Мысли для Истории Отечественной Войны». Утверждая, что географическое положение России и Франции делает почти невероятным, чтобы они «могли непосредственно ударить одна на другую»[7], Карамзин указывал, что только полная перемена «всего политического состояния Европы» могла сделать эту войну возможной. И прямо назвал эту перемену: «Революция», добавив к этой исторической причине человеческую: «Характер Наполеона». Можно думать, что, когда Карамзин во Франкфурте-на-Майне впервые услышал о взятии Бастилии народом Парижа, когда позже он сидел в зале Национального собрания и слушал ораторов революции, когда следил за всеми шагами генерала Бонапарта к власти и слушал топот легионов Наполеона по дорогам Европы, он усваивал урок наблюдать современность глазами историка. Как историк он был свидетелем первых раскатов революции на улицах Парижа и последних пушечных залпов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Он рано и на всю жизнь почувствовал, что писатель, живущий в историческую эпоху, должен быть историком.

Общепринято деление творчества Карамзина на две эпохи: до 1803 г. Карамзин – писатель, позже – историк. Но мы имели возможность убедиться, что, с одной стороны, Карамзин и после пожалования его историографом не переставал быть писателем (А. Бестужев, П. Вяземский оценивали «Историю» как выдающееся явление русской прозы, и это, конечно, справедливо: «История» Карамзина в такой же мере принадлежит искусству, как и, например, «Былое и думы» Герцена), а с другой – «по уши влез в русскую историю» задолго до официального призвания.

Однако для противопоставления двух периодов творчества есть другие, более веские, основания. Само как бы напрашивается сопоставление: основное произведение первой половины творчества – «Письма русского путешественника», второй – «История государства Российского». Многократные противопоставления, заключенные в заглавиях этих произведений, столь явны, что намеренность их не подлежит сомнению. Прежде всего:

---

[4] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 203.

[5] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 97.

[6] Там же. С. 102.

[7] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. С. 192.

«руский» — «Российский». Здесь противопоставление стилистическое. Корень «рус» (через «у» и с одним «с») воспринимался как принадлежащий разговорной речи, а «росс» — высокому стилю. У Ломоносова в одах форма «руский» (еще Даль протестовал против того, что «русский» пишут с двумя «с»[8]) не встречается ни разу. Ее заменяет естественная для высокого стиля форма «росский»: «Победа, Росская победа!» («На взятие Хотина»), «Красуйся светло Росский род» (ода 1745 г.) и др. Но если «росский» — стилистически высокий синоним для «руский», то «российский» включает и смысловой оттенок — в нем содержится семантика государственности. Так возникает другая антитеза: путешественник, частное лицо, и нарочито приватный документ — письма к друзьям, с одной стороны, и история государства — борьба за власть, летописи — с другой. Наконец, за всем этим возникает образ культуры Запада в одном случае и истории России — в другом. Исходя из этой системы противопоставлений, легко построить и схему эволюции автора: индивидуалист, сентименталист, либерал и «западник» в начале и патриот, сторонник традиции, консерватор и «государственник» в конце. Для такой схемы легко подобрать подтверждающие ее цитаты, тем более что некоторая, хотя весьма поверхностная, истина в ней есть. Взгляды Карамзина, конечно, менялись. Пушкин писал: «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют»[9]. Например, в доказательство того, что эволюция Карамзина может быть определена как переход от «русского космополитизма» к «ярко выраженной национальной ограниченности»[10], обычно приводится отрывок из «Писем русского путешественника»: «...Петр двинул нас своею мощною рукою... Все жалкие *Иеремиады* об изменении Руского характера, о потере Руской нравственной физиогномии, или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом вышшем состоянии: для нас открыты все пути к уточнению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим.* Главное дело быть *людьми,* а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое,* ибо *я* человек!»[11].

Цитаты, долженствующие подтвердить «реакционность» и «национализм» позднего Карамзина, извлекаются обычно из «Записки о древней и новой России», предисловия к «Истории государства Российского» или же из действительно колоритного эпизода с заключительной фразой проекта манифеста 12 декабря 1825 г., написанного от лица вступавшего на престол Николая I (новый царь забраковал текст Карамзина и опубликовал манифест в редакции Сперанского): Карамзин высказал в конце манифеста

[8] См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 114.

[9] Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949. Т. 1—16. Т. 12. С. 34. Далее ссылки даются в тексте — ПСС, с указанием тома — римскими цифрами, страницы — арабскими.

[10] Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 71.

[11] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 254.

желание царя «стяжать благословение Божие и любовь народа Российского», но Николай и Сперанский заменили последнее выражение на «любовь народов Наших»[12].

Дело, однако, не в наличии или отсутствии тех или иных подтверждающих цитат, а в возможности привести не менее яркие примеры, опровергающие эту схему. И в ранний период, в том числе и в «Письмах русского путешественника», Карамзин проявлял себя как патриот, остающийся за границей *«русским* путешественником». Не поздний Карамзин, а автор «Писем русского путешественника» написал такие слова: «...Англичане знают французский язык, но не хотят говорить им... Какая розница с нами! У нас всякой, кто умеет только сказать: comment vous portez-vous? без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с руским не говорить по-руски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...»[13].

Вместе с тем Карамзин никогда не отказывался от мысли о благодетельности влияния западного просвещения на культурную жизнь России. Уже на закате своих дней, работая над последними томами «Истории», он сочувственно отмечал стремление Бориса Годунова разрушить культурную изоляцию России (это при общем отрицательном отношении к личности этого царя!), а о Василии Шуйском, пытавшемся в огне государственной смуты наладить культурные связи с Западом, писал: «Угождая народу своею любовию к старым обычаям Руским, Василий не хотел однакожь, в угодность ему, гнать иноземцев: не оказывал к ним пристрастия, коим упрекали Расстригу и даже Годунова, но не давал их в обиду мятежной черни... старался милостию удержать всех честных немцев в Москве и в царской службе, как воинов, так и людей ученых, художников, ремесленников, любя гражданское образование и зная, что они нужны для успехов его в России; одним словом, имел желание, не имел только времени сделаться просветителем отечества... и в какой век! в каких обстоятельствах ужасных!» (XII, 42–44)[14].

Упреки же, которые в этот период Карамзин высказывал в адрес Петра I, касались не самой европеизации, а деспотических ее методов и тиранического вмешательства царя в частную жизнь своих подданных — область, которую Карамзин всегда считал изъятой из-под государственного контроля. Карамзин, пожалуй, первым заметил роковую в истории России связь между прогрессом цивилизации и развитием государственного деспотизма.

Несмотря на то что противопоставление двух периодов — «западнического» и «национального» — в творчестве Карамзина, как мы видели,

---

[12] Не следует, однако, торопиться с противопоставлением «консерватизма» Карамзина «либерализму» Сперанского и Николая I: в том же проекте манифеста Карамзин писал: «Да будет Престол Наш тверд Законом». Всякое упоминание о твердых законах Сперанский и Николай немедленно вычеркивали (см.: Неизданные сочинения... С. 19–20).

[13] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 338.

[14] Здесь и далее в скобках даются ссылки на «Историю» Карамзина по изданию И. Эйнерлинга (СПб, 1842–1843. Кн. 1–3): римские цифры означают номер тома, арабские—страницы или номер примечания.

не исчезло со страниц исследований, решение вопроса было дано еще в 1911 г. С. Ф. Платоновым в речи, произнесенной на открытии скромного памятника Карамзину в Остафьеве. Отметив, что в истории русской культуры сложилось противопоставление России Западу, С. Ф. Платонов указывал: «В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы, как различных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как одну из равнокачественных с прочими наций. Он не клял Запада во имя любви к родине, а поклонение западному просвещению не вызывало в нем глумления над отечественным невежеством». «Исходя из мысли о единстве человеческой культуры, Карамзин не устранял от культурной жизни и свой народ. Он признавал за ним право на моральное равенство в братской семье просвещенных народов»[15].

«История государства Российского» ставит читателя перед рядом парадоксов. Прежде всего надо сказать о заглавии этого труда. На титуле его стоит «история государства». На основании этого Карамзина стали определять как «государственника» (да простит нам читатель это употребляемое некоторыми авторами странное слово!). Достаточно сравнить «Историю» Карамзина с трудами исследователей так называемой «государственной школы» Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина (в предшественники которых Карамзина иногда, также основываясь на заглавии, зачисляют), чтобы увидеть, в какой мере Карамзину были чужды вопросы административно-юридической структуры, организации сословных институтов, т. е. проблемы формально-государственной структуры общества, столь занимавшие «государственную школу». Более того, исходные предпосылки Карамзина и «государственной школы» прямо противоположны: по Чичерину, государство — административно-юридический аппарат, определяющий жизнь народов; именно оно, а не отдельные лица, действует в истории; история есть история государственных институтов: «Государство призвано к осуществлению верховных начал человеческой жизни; оно, как самостоятельное лицо, играет всемирно-историческую роль, участвует в решении судеб человечества»[16]. Такая постановка снимает вопрос о моральной ответственности личности как историческом явлении. Он оказывается просто за пределами истории. Для Карамзина же он всегда оставался основным. Для того чтобы уяснить, что Карамзин понимал под государством, следует, по необходимости кратко, рассмотреть общий характер его миросозерцания.

На воззрения Карамзина глубокий отпечаток наложили четыре года, проведенные им в кружке Н. И. Новикова. Отсюда молодой Карамзин вынес утопические чаянья, веру в прогресс и мечты о грядущем человеческом братстве под руководством мудрых наставников. Чтение Платона, Томаса Мора и Мабли также поддерживало убеждение в том, что «*Утопия* (к этому слову Карамзин сделал примечание: «Или *Царство щастия* сочинения Моруса». — *Ю. Л.*) будет всегда мечтою доброго сердца...»[17]. Порой эти мечты всерьез овладевали воображением Карамзина. В 1797 г. он писал А. И. Вяземскому: «Вы заблаговременно жалуете мне патент на право гражданства в будущей *Утопии*. Я без шутки занимаюсь иногда такими планами

---

[15] Платонов С. Ф. Н. М. Карамзин. СПб., 1912. С. 8—9.
[16] Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 285.
[17] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 227.

и, разгорячив свое воображение, заранее наслаждаюсь совершенством человеческого блаженства»[18]. Утопия мыслилась Карамзиным в этот период в облике Республики Платона как идеальное царство добродетели, подчиненное строгой регламентации мудрых философов-начальников.

Однако идеал этот рано начал подтачиваться скептическими сомнениями. Карамзин много раз подчеркивал позже, «что Платон сам чувствовал невозможность ее (блаженной республики. — *Ю. Л.*)»[19]. Кроме того, Карамзина привлекал и другой идеал, уходящий корнями в сочинения Вольтера, сильное влияние которого он испытал в эти годы: не суровый аскетизм, отказ от роскоши, искусства, успехов промышленности ради равенства и гражданских добродетелей, а расцвет искусств, прогресс цивилизации, гуманность и терпимость, облагораживание человеческих эмоций. Следуя дилемме Мабли, Карамзин разрывался между Спартой и Афинами. Если в первом случае его влекла суровая поэзия античного героизма, то во втором привлекал расцвет искусств, культ изящной любви, тонкое и образованное женское общество, красота как источник добра. Но и к тем и к другим надеждам рано начал добавляться горький привкус скептицизма, и не случайно дверь первого мыслителя, в которую постучался Карамзин во время заграничного путешествия, вела в кабинет «всеразрушающего» Канта.

Заграничное путешествие Карамзина совпало с началом Великой французской революции. Событие это оказало огромное влияние на все его дальнейшие размышления. Обычная схема: молодой русский путешественник сначала увлекся либеральными мечтами под влиянием первых недель революции, но позже испугался якобинского террора и перешел в лагерь ее противников — весьма далека от реальности. Прежде всего, следует отметить, что Карамзин, которого часто, но совершенно безосновательно отождествляют с его литературным двойником — повествователем из «Писем русского путешественника», — не был поверхностным наблюдателем событий: он был постоянным посетителем Национальной ассамблеи, слушал речи Мирабо, аббата Мори, Рабо де Сент-Этьена, Робеспьера, Ламета. Он беседовал с Жильбером Роммом, Шамфором, Кондорсе, Лавуазье, вероятно, был знаком лично с Робеспьером; в Национальную ассамблею его провел Рабо де Сент-Этьен. Он посещал кафе, в которых ораторствовали Дантон, Сен-Юрюж и Камилл Демулен. Он видел Людовика XVI и Марию-Антуанетту, Лафайета и Бальи, видимо, посещал салон госпожи Неккер и Отейль госпожи Гельвеций, читал газеты и покупал эстампы, каждый день бывал в театрах, которые в это время бурлили не меньше, чем Национальное собрание. Можно полагать, что Жильбер Ромм ввел его в революционные клубы[20]. Можно с уверенностью сказать, что ни один из видных деятелей русской культуры не имел таких подробных и непосредственно личных впечатлений от Французской революции, как Карамзин. Он знал ее в лицо. Здесь он встретился с историей.

---

[18] Рус. архив. 1872. № 7/8. С. 1324.

[19] Моск. журнал. 1791. Ч. 3. С. 211 (рец. на роман Бартелеми «Путешествие младого Анахарсиса по Греции»).

[20] Подробнее о парижских впечатлениях Карамзина см.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Пушкин проницательно сказал о Радищеве: «Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не мог сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра» (ПСС, XII, 34). Не случайно Пушкин называл идеи Карамзина парадоксами: с ним произошло прямо противоположное. По авторитетным свидетельствам современников, Карамзин относился к Робеспьеру с глубоким уважением и разразился слезами при известии о его гибели. К Мирабо был холоден, хотя и пережил в 1790 г. обаяние его красноречия. Это может показаться неожиданным и требует разъяснений.

Начало революции было воспринято Карамзиным как исполнение обещаний философского столетия. «Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикой, умозрения с деятельностию», — писал Карамзин в середине 1790-х гг. («Мелодор к Филалету»). Идеалы общечеловеческой гармонии, надежды на всемирное братство людей оживились. В 1792 г. в «Московском журнале» Карамзин опубликовал «Разные отрывки (Из записок одного молодого Россианина)», где содержались следующие строки: «Естьли бы я был старшим братом всех братьев сочеловеков моих и естьли бы они послушались старшего брата своего, то я созвал бы их всех в одно место, на какой-нибудь большой равнине, которая найдется, может быть, в *новейшем* свете, — стал бы сам на каком-нибудь высоком холме, откуда бы мог обнять взором своим все миллионы, биллионы, триллионы моих разнородных и разноцветных родственников — стал бы и сказал им — таким голосом, который бы глубоко отозвался в сердцах их — сказал бы им: *братья!..* Тут слезы рекою быстрою полились бы из глаз моих; перервался бы голос мой, но красноречие слез моих размягчило бы сердца и Гуронов и Лапландцев... *Братья!* повторял бы я с сильнейшим движением души моей: *братья! обнимите друг друга с пламенною, чистейшею любовию, которую небесный Отец наш, творческим перстом своим, вложил в чувствительную грудь сынов своих; обнимите и нежнейшим лобзанием заключите священный союз всемирного дружества,* и когда бы обнялись они, когда бы клики дружелюбия загремели в неизмеримых пространствах воздуха; когда житель Отаити прижался к сердцу обитателя Галии и дикий Американец, забыв все прошедшее, назвал бы Гишпанца милым своим родственником; когда бы все народы земные погрузились в сладостное, глубокое чувство любви: тогда бы упал я на колена, воздел к небу руки свои и воскликнул: *Господи!* ныне отпущаеши сына твоего с миром! Сия минута вожделеннее столетий — я не могу перенести восторга своего, — прими дух мой — я умираю! — и смерть моя была бы счастливее жизни ангелов»[21].

Правда, публикуя этот отрывок в 1792 г., Карамзин добавил скептическую концовку: «Мечта!» («мечта» употреблено здесь в церковно-славянском значении слова: «пустое воображение, видение вещи без ее бытности»[22]), но в тот период его настроения были именно такими. Утопические надежды и человеколюбивые чаяния захватили его, и не случайно, узнав во Франк-

---

[21] Моск. журн. 1972. Ч. 6. С. 73.

[22] Алексеев П. Церковный словарь. 4-е изд. СПб., 1818. Ч. 3. С. 19.

фурте-на-Майне о взятии Бастилии, он кинулся читать «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера, а в Париже перечитывал Мабли и Томаса Мора.

Но при этом надо подчеркнуть одну особенность: Утопия для него — не царство определенных политических или общественных отношений, а царство добродетели; сияющее будущее зависит от высокой нравственности людей, а не от политики. Добродетель порождает свободу и равенство, а не свобода и равенство — добродетель. К любым формам политики Карамзин относился с недоверием.

В этом отношении заседания Национальной ассамблеи преподали Карамзину важные уроки. Он слышал бурные выступления Мирабо о том, что живо волновало Карамзина: о веротерпимости, связи деспотизма и агрессии, злоупотреблениях феодализма, слушал и его противника — аббата Мори. Даже в осторожной формулировке 1797 г.: «Наш путешественник присутствует на шумных спорах в Национальном Собрании, восхищается талантами Мирабо, отдает должное красноречию его противника аббата Мори...»[23] — видно предпочтение первому. Можно не сомневаться, что защита аббатом исторических прав католической церкви (в ответ на это Мирабо патетически вызвал тени жертв Варфоломеевской ночи) и феодального порядка не вызывала у Карамзина никакого сочувствия. Но именно здесь у него возникла важнейшая мысль о том, что истину словам придает лишь соответствие их внутреннему миру того, кто их произносит. В противном случае любые истины превращаются в столь ненавидимые Карамзиным в дальнейшем «фразы». Речи Мирабо заставляли Карамзина чувствовать «великий талант» оратора и, бесспорно, волновали его. Но он не мог забыть, что сам оратор — потомок древнего рода, маркиз, беспринципный авантюрист, занимающий роскошный особняк и ведущий бурную жизнь, скандальные подробности которой Карамзин услышал еще в Лионе. Мирабо мало напоминал героев античной добродетели, от сурового патриотизма которых можно было бы ждать превращения Франции в республику Платона. Но и его противник был не лучше: сын бедного сапожника-гугенота, снедаемый честолюбием, стремящийся любой ценой добиться шляпы кардинала, одаренный, но беспринципный Мори отрекся от веры отцов, семьи и родных, перешел в стан врагов и сделался их трибуном, демонстрируя в Национальном собрании красноречие, ум и цинизм.

Много позже Карамзин записал мысли, впервые мелькнувшие у него, возможно, в зале Национального собрания: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностию? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху[24]. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод»[25].

---

[23] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 453.

[24] Имеются в виду слова Цицерона в трактате «О дивинации»: «Хорошо известны давние слова Катона, который говорил, что удивляется, как может удерживаться от смеха один гаруспик, когда смотрит на другого» (кн. II, гл. 24; ср. его же «О природе богов», кн. I, гл. 26. Цит. по: Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 261 и 82). Римские жрецы авгуры предсказывали по полету птиц, гаруспики — по внутренностям жертвенных животных.

[25] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения. С. 194.

Карамзин, ценивший лишь искренность и нравственные качества политических деятелей, выделил из числа ораторов Ассамблеи близорукого и лишенного артистизма, но уже стяжавшего кличку «неподкупный» Робеспьера, сами недостатки ораторского искусства которого казались ему достоинствами. Робеспьер верил в Утопию, избегал театральных жестов и отождествлял нравственность с революцией. Умный циник Мирабо бросил о нем с характерным оттенком презрения: «Он пойдет далеко, потому что он верит в то, что говорит» (для Мирабо это было свидетельством умственной ограниченности).

Карамзин избрал Робеспьера. Декабрист Николай Тургенев, не раз беседовавший с Карамзиным, вспоминал: «Робеспьер внушал ему благоговение <...> под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному домашнему обиходу, составлявшему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи»[26].

Часто повторяемые утверждения о том, что Карамзин «испугался» крови, нуждаются в уточнении. То, что торжество Разума вылилось в ожесточенную вражду и взаимное кровопролитие, было неожиданным и жестоким ударом для всех Просветителей, и Радищев страдал от этого не меньше, чем Шиллер или Карамзин. Однако напомним, что в 1798 г., набрасывая план похвального слова Петру I, Карамзин записал: «Оправдание некоторых жестокостей. Всегдашнее мягкосердечие несовместимо с великостию духа. Les grands hommes ne voyent que le tout. Но иногда и чувствительность торжествовала»[27]. Не следует забывать, что Карамзин смотрел на события глазами современника и очевидца и многое представлялось ему в неожиданной для нас перспективе. Он не отождествлял санкюлотов и конвент, улицу и трибуну, Марата и Робеспьера и видел в них противоборствующие стихии. Кровь, пролитая на улице самосудной толпой, вызывала у него ужас и отвращение, но «некоторые жестокости», на которые вынужден идти законодатель, жертвующий своей чувствительностью ради высокой цели, могли быть оправданы.

Слезы, которые пролил Карамзин на гроб Робеспьера, были последней данью мечте об Утопии, платоновской республике, государству Добродетели.

Фантастическое, мечтательное царствование Павла I («романтического нашего императора», как выразился Пушкин в своем дневнике — ПСС, XII, 330), пытавшегося воскресить рыцарский век, к тому же в формах, существовавших лишь в его воображении, довершило переворот в воззрениях Карамзина. Пережив мучительный кризис во второй половине 1790-х гг., Карамзин вышел из него холодным мыслителем с твердым умом и разочарованным сердцем. Он остается «республиканцем в душе», но верит теперь лишь государственной практике, власти, отвергающей любые теории и противопоставляющей эгоизму людей сильную волю и твердую руку. Идеалом его становится принципат, соединяющий республиканские институты и сильную власть, держащий равновесие между тиранией и

---

[26] Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915. С. 342.

[27] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения. С. 202 (пер. с фр. «Великие люди видят лишь общее).

анархией, а консул Бонапарт — реальное воплощение такого идеала в 1802—1803 гг[28].

Теперь Карамзина привлекает политик-реалист. Печать отвержения с политики снята. Карамзин начинает издавать «Вестник Европы» — первый политический журнал в России.

На страницах «Вестника Европы», умело используя иностранные источники, подбирая и переводы (порой весьма вольно) таким образом, чтобы их языком выражать свои мысли, Карамзин развивает последовательную политическую доктрину. Люди по природе своей эгоисты: «Эгоизм — вот истинный враг общества», «к несчастию, везде и все — эгоизм в человеке»[29]. Эгоизм превращает высокий идеал республики в недосягаемую мечту: «Без высокой народной добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падают»[30]. Бонапарт представляется Карамзину тем сильным правителем-реалистом, который строит систему управления не на «мечтательных» теориях, а на реальном уровне нравственности людей. Он вне партий. «Бонапарте не подражает Директории, не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу, иногда республиканца роялисту»[31]. «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастия Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти»[32]. Определяя консулат «истинной монархией», Карамзин подчеркивает, что ненаследственный характер власти Бонапарта и способ захвата им ее полностью оправдывается благодетельным характером его политики: «Бонапарте не есть похититель» власти, и история «не назовет его сим именем»[33]. «Роялисты должны безмолвствовать. Они не умели спасти своего доброго короля, не хотели погибнуть с оружием в руках, а хотят только возмущать умы слабых людей гнусными клеветами». «Франции не стыдно повиноваться Наполеону Бонапарте, когда она повиновалась госпоже Помпадур и Дю-Барри». «Мы не знаем предков консула, но знаем его — и довольно»[34].

Любопытно отметить, что, следуя своей политической концепции, Карамзин в этот период высоко оценивает Бориса Годунова, причем словами, напоминающими характеристику первого консула: «Борис Годунов был один из тех людей, которые сами творят блестящую судьбу свою и доказывают чудесную силу Натуры. Род его не имел никакой знаменитости»[35]. В дальнейшем мы коснемся причин изменения этой оценки в «Истории».

---

[28] Бонапартизм в эти годы уживался с либерализмом. С. Глинка вспоминал: «Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом» (Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 194); бонапартистом был в эти годы герой Бородина А. А. Тучков; ср. образы Андрея Болконского и Пьера Безухова в «Войне и мире».

[29] Вести. Европы. 1803. № 9. С. 24—25.

[30] Там же. 1802. № 20, С. 319—320.

[31] Там же. № 9, С. 76.

[32] Там же. № 2. С. 90.

[33] Там же. № 16, С. 245.

[34] Там же. 1803. № 17, С. 79.

[35] Карамзин. Соч. СПб., 1848. Т. 1. С. 487.

О том, что наследственность не была для Карамзина в эти годы существенным фактором, свидетельствует настойчивое противопоставление на страницах «Вестника» энергичному ненаследственному диктатору отрицательного образа слабого, хотя и доброго, наследственного монарха, охваченного либеральными идеями. Играя на его метафизических умозрениях, хитрые вельможи создают олигархическое правление (таким изображается султан Селим; описывая бунт Пасвана-Оглу, Карамзин, под видом перевода, создает собственный текст, глубоко отличный от оригинала). За этими персонажами возникает явное для современников противопоставление: Бонапарт — Александр I. Позже оно будет прямо высказано в «Записке о древней и новой России».

Замысел «Истории» созрел в недрах «Вестника Европы». Об этом свидетельствует все возрастающее на страницах этого журнала количество материалов по русской истории. Но «Вестник Европы» был изданием отчетливо публицистического свойства: он противостоял планам реформ, о которых платонически мечтали Александр I и его «молодые друзья», и отстаивал программу сильной власти, твердого законодательства и народного просвещения. Исходя из принципа политического реализма, Карамзин отрицал эффектные замыслы, которые на практике (как это было с учреждением министерств) лишь усложняли административно-бюрократическую систему. «История» должна была противопоставить кабинетным планам знание России и ее прошлого.

Взгляды Карамзина на Наполеона менялись. Увлечение начало сменяться разочарованием. После превращения первого консула в императора французов Карамзин с горечью писал брату: «Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы»[36]. Но в одном он оставался человеком наполеоновской эпохи: идеал Утопии сменился импозантным образом государственного величия, а само это величие мыслилось неотделимым от пространственой обширности, военной мощи и внутреннего единства. Во внутренней жизни ему соответствовал «полный гордого доверия покой» — просвещение и административная устроенность. Так сложилось карамзинское понятие государства: единство территории и управления, связанное с понятиями мощи и величия. Конкретное содержание типа администрации сюда не входило. В понятие самодержавия, которым, по мнению Карамзина, создалась и укрепилась Россия, для него не включались механизмы управления или борьба общественных сил. Зато обязательными признаками его были переведенные на язык русских исторических понятий наполеоновская воля и якобинское «единая и неделимая».

Замысел «Истории» должен был показать, как Россия, пройдя через века раздробленности и бедствий, единством и силой вознеслась к славе и могуществу. Именно в этот период и возникло заглавие «история *государства*». В дальнейшем замысел претерпевал изменения. Но заглавия менять уже было нельзя.

Однако развитие государственности никогда не было для Карамзина *целью* человеческого общества. Оно представляло собой лишь *средство*. Целью же, как и когда-то, в годы пребывания в кружке Новикова, так и

---

[36] Атеней. 1858. Ч. 3. № 20. С. 255.

далее, на протяжении всей жизни, было движение человечества к нравственному совершенству. У Карамзина менялось представление о сущности прогресса, но вера в прогресс, дававшая смысл человеческой истории, оставалась неизменной. В самом общем виде прогресс для Карамзина заключался в развитии гуманности, цивилизации, просвещения и терпимости. В шутливой фразе, которой Карамзин заключил в «Вестнике Европы» статью о тайной канцелярии: «Гораздо веселее жить в то время, когда в Преображенском поливают землю не кровью, а водою для произведения овощей и салата», — для него был глубокий смысл.

Основную роль в гуманизации общества призвана сыграть литература. В 1790-е гг., после разрыва с масонами, Карамзин полагал, что именно изящная словесность, поэзия и романы будут этими великими цивилизаторами. Цивилизация — избавление от грубости чувств и мыслей. Она неотделима от тонких оттенков переживаний. Поэтому архимедовой точкой опоры в нравственном усовершенствовании общества является язык. Не сухие нравственные проповеди, а гибкость, тонкость и богатство языка улучшают моральную физиономию общества. Именно эти мысли имел в виду карамзинист поэт К. Н. Батюшков, когда указывал на «будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностию гражданскою, с просвещением, и следственно — с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире»[37].

Но в 1803 г., в то самое время, когда закипели отчаянные споры вокруг языковой реформы Карамзина, сам он думал уже шире. Реформа языка призвана была сделать русского читателя «общежительным», цивилизованным и гуманным. Теперь перед Карамзиным вставала другая задача — сделать его гражданином. А для этого, считал Карамзин, надо, чтобы он *имел историю* своей страны. Надо сделать его *человеком истории.* Именно поэтому Карамзин «постригся в историки».

Действительно: на поприще поэта, прозаика, журналиста можно было уже пожинать плоды долгих предшествующих трудов — на поприще историка приходилось все начинать сызнова, овладевать методическими навыками, учиться без малого в сорок лет как студент. Но Карамзин видел в этом свой долг, свой подвиг. Истории у государства нет, пока историк не рассказал государству о его истории. Давая читателям историю России, Карамзин давал России историю. Если молодые сотрудники Александра торопливо стремились планами реформы заглянуть в будущее, то Карамзин противопоставлял им взгляд в прошлое как основу будущего.

...Однажды в Петербурге, на Фонтанке, в доме Е. Ф. Муравьевой, Карамзин читал близким друзьям отрывки из «Истории». Александр Иванович Тургенев так писал об этом брату Сергею: «Вчера Карамзин читал нам покорение Новгорода и еще раз свое предисловие. Право, нет равного ему историка между живыми <...> Его Историю ни с какою сравнить нельзя, потому что он приноровил ее к России, т. е. она излилась из материалов и источников, совершенно свой особенный национальный характер имеющих. Не только это будет истинное начало нашей литературы; но и история его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического чувствования и, Бог даст, русской

[37] Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 8.

возможной конституции (подчеркнуто А. И. Тургеневым. — *Ю. Л.*). Она объединит нам понятия о России или лучше даст нам оные. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего status quo, и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям»[38].

Взгляды А. И. Тургенева, арзамасца и карамзиниста, эклектика из доброты и дилетантского помощника Карамзина (А. Тургенев проходил свои исторические штудии в Геттингене под руководством Шлецера, а Карамзин никакого исторического образования не имел), не полностью совпадали с карамзинскими, и Карамзин вряд ли поставил бы свою подпись под этим письмом. Но одно Тургенев усвоил прочно: взгляд в будущее должен основываться на знании прошлого.

Бурные события прошлого Карамзину довелось описывать посреди бурных событий настоящего. В канун 1812 г. Карамзин работает над VI томом «Истории», завершая конец XV в. Приближение Наполеона к Москве прервало занятия. Карамзин «отправил жену и детей в Ярославль с брюхатою княгинею Вяземскою»[39], а сам переселился в Сокольники, в дом своего родственника по первой жене гр. Ф. В. Растопчина, ближе к источнику известий. Он проводил в армию Вяземского, Жуковского, молодого историка Калайдовича и сам готовился вступить в московское ополчение. Дмитриеву он писал: «Я простился и с Историею: лучший и полной экземпляр ее отдал жене, а другой в Архив Иностранной Коллегии»[40]. Хотя ему 46 лет, но ему «больно *издали* смотреть на происшествия решительные для нашего отечества». Он готов «сесть на своего серого коня». Однако судьба готовит ему иное: отъезд к семье в Нижний Новгород, смерть сына, гибель в Москве всего имущества и, особенно, драгоценной библиотеки. Дмитриеву он пишет: «Вся моя библиотека обратилась в пепел, но история цела: Камоэнс спас "Лузиаду"»[41].

Последующие годы в погоревшей Москве были трудны и печальны, однако работа над «Историей» продолжается. В 1815 г. Карамзин закончил восемь томов, написал «Введение» и решил отправиться в Петербург для получения разрешения и средств на печатанье написанного.

В Петербурге Карамзина ждали новые трудности. Историк был восторженно встречен молодыми карамзинистами-арзамасцами, его радушно принимали царица Елизавета Алексеевна, умная и образованная, больная и фактически покинутая Александром I; вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие княгини. Но Карамзин ждал другого — аудиенции у царя, который должен был решить судьбу «Истории». А царь не принимал, «душил на розах». 2 марта 1816 г. Карамзин писал жене: «Вчера, говоря с в<еликой> к<нягиней> Екатериною Павловною, я только что не дрожал от негодования при мысли, что меня держат здесь бесполезно почти оскорбительным образом». «Если не удостоят меня *лицезрения,* то надобно забыть Петербург: докажем, что и в России есть благородная и Богу не противная гордость»[42]. Наконец Карамзину дали понять, что царь его не

---

[38] РО ИРЛИ АН (Пушкинского Дома). Архив бр. Тургеневых, № 124, л. 272.
[39] Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. С. 164—165.
[40] Там же. С. 165.
[41] Там же. С. 166.
[42] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения. С. 163—166.

примет, пока историограф не нанесет визита всесильному Аракчееву. Карамзин колебался («Не заключат ли, что я пролаз и подлой искатель? Лучше, кажется, не ехать», — писал он жене) и отправился лишь после настоятельных просьб со стороны Аракчеева, так что поездка приобрела характер визита светской вежливости, а не хождения просителя. Не Карамзин, а Аракчеев чувствовал себя польщенным. После этого царь принял историографа, милостиво пожаловал 60 000 на печатанье истории, разрешив публиковать ее без цензуры. Печатать пришлось в Петербурге. Надо было перебираться туда со всей семьей. Для Карамзина начался новый период жизни.

В начале 1818 г. 3000 экземпляров первых восьми томов вышли в свет. Несмотря на то что тираж был по тем временам огромным, издание разошлось в 25 дней, тут же потребовалось второе, которое принял на себя книгопродавец Слёнин. Появление «Истории государства Российского» сделалось общественным событием. Откликов в печати было мало: критика Каченовским предисловия и мелочные замечания Арцыбашева прошли бы незамеченными, если бы карамзинисты не отвечали на них взрывом эпиграмм. Однако в письмах, разговорах, рукописях, не предназначенных для печати, «История» долгое время оставалась главным предметом споров. В декабристских кругах ее встретили критически. М. Орлов упрекал Карамзина за отсутствие лестных для патриотического чувства гипотез относительно начала русской истории (скептическая школа будет упрекать историка в противоположном). Наиболее основателен разбор Никиты Муравьева, критиковавший отношение Карамзина к исторической роли самодержавия. Грибоедов в путевых заметках 1819 г., наблюдая деспотизм в Иране, писал: «Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? <...> У них и историки панегиристы»[43]. Сопоставляя действия деспотизма в Иране и у себя на родине, Грибоедов в последних словах, конечно, думал о Карамзине. Однако все, кто нападали на «Историю» — справа и слева, — уже были ее читателями, они осуждали автора, но собственные выводы строили на его материале. Более того, именно факт появления «Истории» воздействовал на течение их мысли. Теперь уже ни один мыслящий человек России не мог мыслить вне общих перспектив русской истории.

А Карамзин шел дальше. Он работал над IX, X и XI томами «Истории» — временем опричнины, Бориса Годунова и Смуты. И эта вторая половина его труда заметно отличается от первой. Именно в этих томах Карамзин достиг непревзойденной высоты как прозаик: об этом свидетельствует сила обрисовки характеров, энергия повествования. Но не только это отличает Карамзина-историка последнего, «петербургского» периода его деятельности. До сих пор Карамзин считал, что успехи централизации, которые он связывал с образованием самодержавной власти князей московских, одновременно были успехами и цивилизации. В царствование Ивана III и Василия Ивановича не только укрепилась государственность, но и достигла успехов самобытная русская культура. В конце VII тома, в обзоре культуры XV—XVI вв., Карамзин с удовлетворением отмечал появление светской литературы — для него важного признака успехов образованности: «...видим, что предки наши занимались не только истори-

---

[43] Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 50—51.

ческими или Богословскими сочинениями, но и романами; любили произведения остроумия и воображения» (VII, 139). Царствование Ивана Грозного поставило историка перед трудной ситуацией: усиление централизации и самодержавной власти приводило не к прогрессу, а к чудовищным злоупотреблениям деспотизма.

Более того, Карамзин не мог не отметить падения нравственности и губительное воздействие царствования Ивана Грозного на моральное будущее России. Грозный, пишет он, «хвалился правосудием», «глубокою мудростию государственною», «губительною рукою касаясь самых будущих времен: ибо туча доносителей, клеветников, кромешников, им образованных, как туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила злое семя в народе; и если иго Батыево унизило дух Россиян, то без сомнения не возвысило его и царствование Иоанново» (IX, 260). По сути дела, Карамзин подошел к одному из труднейших вопросов русской истории XVI в. Все историки, которые прямолинейно признавали усиление государственности основной исторически прогрессивной чертой эпохи, фатально оказывались перед необходимостью оправдывать опричнину и террор Грозного как историческую необходимость. В жару полемики со славянофилами так высказался Белинский, и уже безоговорочно оправдал все действия Грозного К. Д. Кавелин. Исходя из идеи прогрессивности «государственных начал» в их борьбе с «родовым бытом», к этой позиции приблизился и С. М. Соловьев. О направленности террора Грозного против исторически обреченного землевладения бывших удельных княжат писал С. Ф. Платонов. На позиции поисков социально-прогрессивного смысла в опричнине и казнях Грозного стоял и П. А. Садиков. Традиция эта получила одиозное продолжение в исторических и художественных трудах 1940—1950-х гг., выразившись в восклицании, которое бросал Иван Грозный с экрана в фильме Эйзенштейна: «Нет напрасно осужденных!» Источник идеализации Грозного в текстах этих лет очевиден. Н. К. Черкасов в своей книге «Записки советского актера» (М., 1953. С. 380) вспоминал о беседе И. В. Сталина с Эйзенштейном и им самим как исполнителем роли Грозного: «Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами,— если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени <...> И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что тут Ивану помешал бог: "Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает «грехи», тогда как ему надо было бы действовать еще решительнее!"»

Карамзин остановился в недоумении перед противоречием между усилением государственной консолидации и превращением патологии личности царя в трагедию народа и, безусловно оправдав первую тенденцию, категорически осудил вторую. Он не пытался найти государственный смысл в терроре Грозного. И если Погодин в этом отношении выступил продолжателем Карамзина, то Кавелин и многие последующие историки объявили взгляд Карамзина на Грозного устаревшим. Иначе отнесся к карамзинской концепции Грозного объективный и проницательный историк С. Б. Веселовский: «Большой заслугой Н. М. Карамзина следует признать то, что он, рассказывая про царствование Ивана IV, про его опалы и казни, про опричнину в частности, не фантазировал и не претендовал на широкие

обобщения социологического характера. Как летописец, он спокойно и точно сообщил огромное количество фактов, впервые извлеченных им из архивных и библиотечных первоисточников. Если в оценке царя Ивана и его политики Карамзин морализирует и берет на себя роль судьи, то его изложение настоящего настолько ясно и добросовестно, что мы легко можем выделить из рассказа сообщаемые им ценные сведения и отвергнуть тацитовский подход автора к историческим событиям»[44].

Следует отметить, что декабристы поддержали концепцию Карамзина, и отношение прогрессивных кругов к «Истории» после появления IX тома резко изменилось. Рылеев писал: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита»[45]. Михаил Бестужев в крепости, получив IX том, «перечитывал — и читал снова каждую страницу»[46].

Отчетливо понимая, что устное чтение будет иметь значительно больший резонанс, чем книжная публикация, Карамзин, выходя из роли беспристрастного наблюдателя современности, несколько раз выступал с публичными чтениями отрывков из IX тома. А. И. Тургенев так описывал свое впечатление от одного из таких чтений: «Истинно грозный Тиран, какого никогда ни один народ не имел ни в древности, ни в наше время — этот Иоанн представлен нам с величайшею верностию и точно русским, а не римским тираном»[47]. Когда Карамзин решил прочесть отрывок о казнях Грозного в шишковской академии, куда он был избран членом, Шишков смертельно перепугался. Карамзин так писал об этом П. А. Вяземскому: «Хочу на торжественном собрании пресловутой Российской Академии читать несколько страниц об ужасах Иоанновых: президент счел за нужное доложить о том через министра Государю!»[48]. Следует иметь в виду, что письмо это написано во время, когда отношения Карамзина и Александра I сделались предельно напряженными. 29 декабря 1819 г. Карамзин написал записку «Для потомства», в которой изложил свой разговор с императором 17 октября, когда он сказал царю то, чего, вероятно, никто никогда ему не говорил: «Государь, Вы слишком самолюбивы... Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. То, что я сказал Вам, я сказал бы Вашему отцу... Государь, я презираю однодневных либералистов, я люблю лишь свободу, которой у меня не может отнять никакой тиран... Я более не прошу Вашего расположения. Может быть я обращаюсь к Вам в последний раз»[49].

С такими настроениями шел Карамзин на чтения в Российской Академии. Вот что вспоминал через 48 лет митрополит Филарет: «Читающий и чтение были привлекательны: но читаемое страшно. Мне думалось тогда, не довольно ли исполнила свою обязанность история, если бы хорошо осветила лучшую часть царствования Грозного, а другую более бы покрыла тенью, нежели многими мрачными резкими чертами, которые тяжело видеть, положенными на имя русского царя»[50]. Декабрист Лорер рассказал

---

[44] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 15.
[45] Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 458.
[46] Воспоминания Бестужевых. М; Л., 1951. С. 114.
[47] РО ИРЛИ АН (Пушкинского Дома). Архив бр. Тургеневых, № 124, л. 272.
[48] Карамзин Н. М. Письма к кн. П. А. Вяземскому, 1810—1826. СПб., 1897.

[49] Карамзин Н. М. Неизданные сочинения. С. 9.
[50] Чтения в имп. Моск. ОИДР. 1880. 4. С. 12.

в своих мемуарах, что вел. князь Николай Павлович, глядя из окна Аничкова дворца на идущего по Невскому историографа, спросил: «Это Карамзин? Негодяй, без которого народ не догадался бы, что между царями есть тираны»[51]. Известие это анекдотично: Карамзин и Николай Павлович познакомились еще в 1816 г., и отношения их имели совсем иной характер. Но и анекдоты важны для историка: в декабристском фольклоре Карамзин — автор IX тома и Николай Павлович запечатлелись как полярные противоположности.

Столкновение с дисгармонией между государственностью и нравственностью, видимо, потрясло самого Карамзина, и это отразилось на усилении морального пафоса последних томов. Особенно интересен пример метаморфозы в оценке Бориса Годунова. И в «Письмах русского путешественника», и в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» Карамзин именует Бориса Годунова русским Кромвелем, т. е. цареубийцей, хотя в «Исторических воспоминаниях...» и оговаривает недоказанность его участия в смерти Димитрия. Тем не менее характеристика Годунова в «Исторических воспоминаниях...» — панегирик. Карамзин берет под сомнение достоверность тех самых источников, которые в «Истории» определят его позицию: «Несправедливость наших летописцев в рассуждении сего Царя заставила меня войти здесь в некоторые подробности». «Царские его заслуги столь важны, что Русскому Патриоту хотелось бы сомневаться в сем злодеянии: так больно ему гнушаться памятью человека, который имел редкий ум, мужественно противоборствовал государственным бедствиям и страстно хотел заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого роду святынею; и робкий Историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом История делается иногда эхом злословия...»[52]

Итак, важность «царских заслуг» на первом месте. Моральная непогрешимость — как бы ее следствие. В «Истории» соотношение меняется, и преступная совесть делает бесполезными все усилия государственного ума. Аморальное не может быть государственно полезным.

Эта нота настойчиво звучит в последних томах «Истории». Страницы, посвященные царствованию Бориса Годунова и Смутному времени, принадлежат к вершинам исторической живописи Карамзина, и не случайно именно они вдохновили Пушкина на создание «Бориса Годунова».

Карамзин последних лет настойчиво повторяет, что нравственное совершенство есть дело личных усилий и личной совести отдельного человека, независимое от тех непонятных и трагических путей, которыми Провидение ведет народы, и, следовательно, совершаемое вне хода государственного развития.

5 декабря 1818 г. Карамзин произнес в торжественном собрании Российской Академии речь (речь была написана раньше, еще осенью, в то самое время, когда историк отмечал: «Описываю злодейства Ивашки»). Здесь впервые он резко противопоставил государство и мораль, «державу» и «душу»: «Для того ли образуются, для того ли возносятся Державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и

---

[51] Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 60.

[52] Карамзин. Соч. СПб., 1848. Т. 1. С. 486—487.

его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширною своею могилою служила вместо подножия новой Державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! и жизнь наша и жизнь Империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души[53], все для ума и чувства; все бессмертно в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением»[54]. Еще раньше, в 1815 г., похоронив дочь Наташу, Карамзин писал А. И. Тургеневу: «*Жить* есть не писать историю, не писать трагедии или комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, — не исключаю и моих осьми или девяти томов»[55].

С этими настроениями связано очевидное разочарование Карамзина в труде, которому он отдал 23 года непрерывной работы. Еще более поразительно, что он, поставивший на титуле «история государства», не хочет писать о периоде, когда государство достигает больших успехов и действительно становится в центре исторической жизни, — о периоде Петра I. Видимо, даже царствование Алексея Михайловича его не привлекает. Восстание декабристов и смерть Александра поставили его перед необходимостью переосмыслить свою историческую концепцию, на что у него уже не было сил. Не случайно один из карамзинистов назвал восстание на Сенатской площади вооруженной критикой на «Историю государства Российского».

Карамзин пишет в последний день 1825 г., что серьезно думает об отставке и жизни в Москве или службе в дипломатической миссии за границей, «но прежде хотелось бы издать дюженный том моей исторической поэмы» («дюже́нный» — двенадцатый том — посвящен Смуте и, видимо, должен был заканчиваться избранием Михаила Романова; поскольку в конце Карамзин хотел сказать «что-нибудь» об Александре, то, очевидно, этим бы «История» и завершилась)[56]. А через несколько недель, сообщая Вяземскому об обуревающей его жажде путешествий, Карамзин пишет: «Никак не мог бы я возвратиться к своим прежним занятиям, если бы здесь и выздоровел»[57].

Смерть, оборвавшая работу над «исторической поэмой», решила все вопросы.

Если говорить о значении «Истории государства Российского» в культуре начала XIX в. и о том, что́ в этом памятнике привлекает современного читателя, то уместно будет рассмотреть научный и художественный аспекты вопроса[58].

---

[53] Эти слова стали боевым кличем карамзинистов, но истолковывались по-разному; Жуковский записал в дневнике: «Мир существует только для души человеческой»; Вяземский же считал иначе, о чем свидетельствует его письмо к Тургеневу: «Конечно, у Жуковского все душа, и все для души. Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздят для убиения народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аракадии» (Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 170).

[54] Карамзин. Соч. СПб., 1848. Т. 3. С. 654.

[55] Там же. С. 737.

[56] Карамзин Н. М. Письма к кн. П. А. Вяземскому. С. 169.

[57] Там же. С. 173.

[58] Интересный опыт синтетического рассмотрения этих аспектов см. в книге Н. Эйдельмана «Последний летописец» (М., 1983).

Заслуги Карамзина в обнаружении новых источников, создании широкой картины русской истории, сочетании ученого комментария с литературными достоинствами повествования не подвергаются сомнению. Однако научные достижения историка начали рано оспариваться. Первые критики Карамзина-историка: Каченовский и Арцыбашев – упрекали его в недостаточном критицизме. Но поскольку теоретические положения самих критиков (отрицание возможности существования русской культуры и государственности до XIII в., отрицание подлинности ряда бесспорно оригинальных текстов XI–XII вв. и др.) вскоре потеряли убедительность, не их возражения поколебали научный авторитет Карамзина и заставили историков-профессионалов говорить о его «устарелости». Первый шаг в этом направлении сделал Николай Полевой, а затем с разных позиций об этом заговорили историки последующих школ и направлений. В этой критике была большая научная правда. Однако уже то, что каждое новое направление, прежде чем оформить свою научную позицию, должно быть ниспровергнуть Карамзина, говорит лучше всего о том месте, которое он, несмотря ни на что, занял в русской исторической науке. С ненужным не спорят, мелкое не опровергают, с мертвым не соревнуются. И то, что Полевой, С. Соловьев, Ключевский создавали труды, «отменяющие» «Историю» Карамзина, что вершина труда историка традиционно стала видеться как целостный опыт истории России, красноречивее всяких рассуждений.

Начиная с Н. Полевого Карамзину предъявляется один главный упрек: отсутствие «высшего» (Полевой) или философского, как стали говорить позже, взгляда, эмпиризм, подчеркивание роли отдельных личностей и отсутствие понимания стихийной работы исторических законов. Если критика, которой подвергает Карамзина-историка П. Милюков[59], поражает необъективностью и каким-то личным раздражением, то современный читатель может только присоединиться к словам В. О. Ключевского: «...лица у К<арамзина> окружены особой нравственной атмосферой: это – отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели <...> К<арамзин> не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил слагается исторический процесс и как они действуют»[60].

Действительно, представление об истории как поле действия определенных закономерностей стало складываться в 1830-е гг. и было чуждо Карамзину. Идея исторической закономерности внесла подлинный переворот в науку, что дает известные основания относить все предшествующее в донаучный период. Однако где достижения, там и потери. Начиная с Полевого, Кавелина, С. Соловьева, историк не мог уже уклониться от создания организующей концепции. А это стало порождать стремление пренебречь фактами, в концепцию не укладывающимися... И несколько ворчливые слова акад. С. Б. Веселовского содержат гораздо больше истины, чем утверждение Милюкова о том, что Карамзин не оказал никакого влияния на историческую науку. С. Б. Веселовский писал: «Нет надобности говорить и спорить о том, что Карамзин как историк устарел во многих

---

59 См.: Милюков Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 114–200.

60 Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 134.

отношениях, но по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он до сих пор остается образцом, не досягаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и с постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах»[61]. Действительно, если многие идеи Карамзина устарели, то сам он как образец научной честности, высокого чувства профессиональной ответственности перед истиной остается благородным примером.

Наконец, «нравственная атмосфера», о которой пишет Ключевский, также не только признак архаичности устарелых методов Карамзина, но и источник обаяния, особой прелести его создания. Никто не станет призывать к возврату к морализаторству и «нравственным урокам» истории, но взгляд на историю как на безликий автоматический процесс, действующий с фатальной детерминацией химической реакции, тоже устарел, и вопросы моральной ответственности человека и нравственного смысла истории оказываются определяющими не только для прошлого, но и для будущего исторической науки. Может быть, в этом — она из причин «возвращения» Карамзина-историка.

Но «История государства Российского» должна быть рассмотрена и в ряду произведений художественной литературы. Как литературное явление она принадлежит первой четверти XIX в. Это было время торжества поэзии. Победа школы Карамзина привела к тому, что понятия «литература» и «поэзия» отождествились. Все крупнейшие литераторы той поры: Жуковский, Батюшков, Вяземский, Денис Давыдов, Крылов, Грибоедов, Рылеев, молодой Пушкин — поэты. В поэзии же господствуют «малые жанры», лирика. Эпические поэмы отданы на откуп «беседчикам», осмеяны и поставлены как бы вне литературы (среди них такие значительные, как «Таврида» Боброва). Романы пишет только Нарежный, тоже поставленный критикой в положение «вне игры». Границы художественной прозы могут показаться для нас неожиданными: подобно тому, как во Франции Бюффон — автор «Естественной истории» — труда по зоологии — считался образцовым стилистом, с точки зрения стиля оценивался, например, «Опыт теории партизанского действия» Дениса Давыдова — научное исследование по военной теории. Пушкин писал:

Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога...

Но победа «легкой поэзии» стала ее поражением — литература повернула сначала к романтическим поэмам, а затем — к драме («Борис Годунов», «Горе от ума», драмы Кюхельбекера, замыслы Рылеева). У пушкинской драмы были вдохновители: Шекспир, летописи, «История государства Российского». Но Карамзин не был карамзинистом. Он никогда не был последователем и завоеванное им поле всегда оставлял другим. В 1803 г. он не отказался от литературы, а смело расширил ее границы. Среди малых жанров, легкой поэзии доонегинского периода выделяются два эпических замысла, которым трудно найти место в стандартной исто-

---

[61] Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 15.

рико-литературной обойме (лучший признак значительности произведения). Это «Илиада» Гомера в переводе Гнедича и «История государства Российского» Карамзина. Оба замысла отличаются эпической величественностью, оба обращают читателя к истории и мифу, оба вместо романтического автора, прихотливо создающего сюжет игрой своего воображения, ставят в центр текста «почти не автора» — переводчика чужих легенд или пересказчика чужих летописей. Этот боковой путь вел в неизведанные литературные дебри. Через романтическую поэму шла дорога к «Онегину», поэмам Баратынского и дальше — к психологическому роману. От «Илиады» Гнедича путь вел к «Тарасу Бульбе», а от «Истории государства Российского» — к «Войне и миру». Конечно, большое литературное произведение никогда не принадлежит какой-либо *одной* традиции и всегда стоит на перепутье многих дорог. Однако между «Историей» Карамзина и «Войной и миром» связь более глубокая, чем это может показаться.

Критики «Истории» напрасно упрекали Карамзина в том, что он не видел в движении событий глубокой идеи. Карамзин был проникнут мыслью, что история *имеет смысл.* Но смысл этот — замысел Провидения — скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность. Подлинный же смысл истории ноуменален. Его можно угадывать поэтически, но он лежит по ту сторону строгой истории. Это и есть подлинная причина «психологизма» и «морализма» Карамзина. Но именно это — сочетание таинственных объективных процессов и сознательной — судимой совестью — воли человека — отправная точка исторических рассуждений Толстого. И когда стареющий Карамзин записывает: «Мы все как *муха на возу:* важничаем и в своей невинности считаем себя виновниками великих происшествий»[62], то автором этих строк вполне можно представить себе создателя «Войны и мира».

В 1803 г. Карамзин поднял на себя тяжелое бремя, вероятно, еще не подозревая, каким «неудобьносимым» оно окажется. Он нес его сквозь горести и беды, сквозь пожар Москвы, через могилы своих детей, сквозь насмешки и дифирамбы — не оскорбляясь одними и не прельщаясь другими. Он нес свой труд и сложил его лишь с последним дыханием. Он часто думал о потомстве. После острого конфликта с Александром он в бумагах своих обратился к потомству: «Потомство! достоин ли я был имени гражданина Российского? Любил ли Отечество?»[63].

А одна из последних написанных его рукой бумаг кончается: «Потомству приветствие из гроба!»[64].

Настоящее издание — знак того, что слова эти дошли до адресата. Карамзин возвращается*).

Ю. М. Лотман

---

62 Карамзин Н. М. Неизданные сочинения. С. 197.

63 Там же. С. 9.

64 Там же. С. 20.

*) Статья Ю. М. Лотмана "Колумб Русской истории" была написана для издания: Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Книга, 1988.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ

Всемилостивейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюся ревностию и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвигах Героя, Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному Отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! если счастие Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят

властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победно устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, история предаст деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемилостивейший Государь! Вашего Императорского Величества

верноподданный Николай Карамзин.

Декабря 8, 1815

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были

посвящены Вере и деепнсанию[1]; омраченный густой сению невежества, народ с жадностию внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум и питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы – красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, раз-

---

[1] Деепнсание – описание деяний святых, жития. (Здесь и далее т. I XII цифрами помечены примечания редактора.)

ноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междуцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*[1], ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный, истинно мужественный, Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастия и несчастия, странный Лжедимитрий, и за сонмом доблественных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвятитель Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь Алексий, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где

---

[1] Здесь и далее (т. I – XII) курсив Н. М. Карамзина.

все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о дееписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. — Одним словом, чтение всех историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения,* сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново введение в историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями

изготовили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени, в отрывках,* то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода истории: *первая* — современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века[1]. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит,* не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали, — или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизмененные правила и навсегда отлучил дееписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зерцалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается

---

[1] Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слыхали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах. - *Примеч. Н. М. Карамзина.*

2 Зак. № 38

источником удовольствия и пользы. Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло.* Но история, говорят, наполнена ложью: скажем, лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям[1] древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером, и справедливо: оба суть достойные совместники древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!» — есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*[2], *уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль — *дар:* читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до

[1] Хартия, харатья – пергамент (пергамен), а также старинная рукопись, написанная на нем.

[2] Апоффегма, апофегма *(греч.)* — краткое наставительное изречение.

скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке: так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врозь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого[1]. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, од-

---

[1] См. послесловие.

нако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до моголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век самозванцев ознаменован более злосчастием, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* от Иоанна до Петра и *новую* от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой эпохи*, единовластие — *второй*, изменение гражданских обычаев — *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем[1].

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти томов[2], могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

---

[1] Ж и в о е у р о ч и щ е — естественная, природная граница.

[2] В 1-м издании (в 8-ми томах) Н. М. Карамзин довел историю до 1560 г.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

I. *Летописи.* Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные и сделался *первым* летописцем нашего отечества. *Второй,* именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушие последнего и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными;* можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новегороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастию, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государствования Алексея Михайловича. Некоторые доныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский и Троицкий*

XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский.* В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому.*

II. *Степенная книга,* сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени,* или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы,* или Всеобщая история по византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития святых,* в патерике, в прологах, в минеях[1], в особенных рукописях. Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных прологах; а патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные дееписания:* например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и проч.

VI. *Разряды,* или распределение воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга:* есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов.*

Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

---

[1] П а т е р и к — сборник житий отцов церкви; п р о́ л о г — церковная книга, содержащая отрывки из житий и писаний отцов церкви, расположенные по дням года; м и н е и — церковная книга, содержащая жития святых, расположенные по месяцам.

X. Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы:* источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты.* Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские новогородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков,* или посольских дел, и грамот в архиве иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка.

К сей нашей собственности присовокупляются:

XIII. *Иностранные современные летописи:* византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов:* всего более пользовался я выписками из кенигсбергского.

Вот материалы истории и предмет исторической критики!

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения греков о России. Путешествие аргонавтов. Тавры и киммериане. Гипербореи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полунощных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы скифов: их падение. Митридат, геты, сарматы, алане, готфы, венеды, гунны, анты, угры и болгары. Славяне: их подвиги. Авары, турки, огоры. Расселение славян. Падение аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских.

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оного, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Меотисское или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры и киммериане, обитатели южной России.

Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное* море, как вероятно, получило оттого свое название. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росою, блаженствуют несколько веков и, насытясь жизнию, бросаются в волны морские.

Наконец, сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского, построена выходцами милетскими еще в славные времена Мидийской империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского пролива[1]. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

Киммериане, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с германскими цимбрами, — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и, наконец, утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии

[1] Киммерийский пролив - Керченский пролив.

и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизам или калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «везде настигать неприятелей и везде от них скрываться»; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и царь скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и грифов. — Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная орда, или *Царственная,* кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть единоплеменники древних киммериан: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице*, τῇ Παρθένῳ, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον. Геродот пишет еще о многих других народах *не скифского* племени: агафирсах в Седмиградской области, или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к северу, в ближнем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть зимою покрывались волчьими кожами. — За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), — ирки, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них — скифские беглецы *орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. — На восток от агрип-

пеев (в Великой Татарии) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стрегут золото:* сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевавших на восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах, победивших Кира, и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы и, не зная железа, ни серебра, делали палицы и копья из меди.

Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом. — Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера, сей историк именует еще реку Днестр (Τύρησ, при устье коего жили греки, называемые тиритами), Прут (Πоράτα), Серет (Ορδησσόσ), и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и неизвестен скифам. Таким образом, север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею таинственною для истории. Хотя скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но греки назвали всю нынешнюю азиатскую и европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индиею, ссылаясь на историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными греками, скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единоземец их, философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотев дать им законы афинские, был жертвою сего несчастного опыта. В надежде на свою храбрость и многочислен-

ность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Могущество скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего историка, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским царством, утеснил и скифов: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним кавказским странам России. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время царя своего, Беребиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром. Наконец сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что *особенное бытие* скифов исчезло для истории; осталось только их славное имя, коим несведущие греки и римляне долго еще называли все народы мало известные и живущие в странах отдаленных.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале христианского летосчисления, когда римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени историки римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, роксолан и язигов; но географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины севера, обратили имя сарматов (подобно как прежде скифское) в общее для всех народов полунощных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелию последнего. Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии; язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный

роскошию, вместе с гражданскою свободою утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу сарматов. Тацит именует язигов союзниками своего народа, и сенат, решив прежде судьбу великих государей и мира, с уважением встречал послов народа кочующего. — Хотя война Маркоманнская, в коей сарматы присоединились к германцам, имела несчастные для них следствия; хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска, или Тисы, долго еще беспокоили набегами римские владения.

Почти в одно время с язигами и роксоланами узнаем мы и других — вероятно, единоплеменных с ними — обитателей юго-восточной России, алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем. Они, равно как и все азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, аорсы и сираки, о коих в первом веке христианского летосчисления упоминают разные историки и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками римлян. Алане, вытеснив сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приближились от Балтийского к Черному морю готфы[1] и другие народы германские, овладели Дакиею, римскою провинциею со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами империи[2]. Переплыв на судах в Азию, готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги греческие, там найденные; но приняли совет одного умного единоземца, который сказал им: «Оставьте грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами». Ужасные свирепостию и мужеством, готфы основали сильную империю, которая разделялась на восточную и западную, и в IV столетии, при царе их Эрманарихе, заключала в себе не малую часть России европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

---

[1] Готфы — готы.

[2] Империя. — *Здесь:* Восточная Римская империя, то есть Византия.

Готфский историк VI века Иорнанд пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *венеды,* по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *славян,* предков народа российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у венедов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиею. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским.* Следственно, ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах* и только на конях сражались: Тацитовы же венеды имели домы, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на алан, готфов, владения римские, истребляя все огнем и мечом. Современные историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольною смертию спешил избавиться от рабства. Восточные готфы должны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастию своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, со-

единясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частию империи.

История сего времени упоминает об *антах,* которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, царя готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов. — Нет сомнения, что анты и венеды признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного.* — С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество гуннов. Народы, порабощенные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии, или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи — и скоро изгладились следы ужасного бытия гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частию удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое: ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию. — Но скоро угры и болгары, по сказанию греков единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые готфы, принявшие веру христианскую) и в 474 году

начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские.

С другой стороны выходят на феатр[1] истории *славяне,* под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы,* — и народ, коего бытие мы едва знали, с VI века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастия. На берегах черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы лонгобарды и гепиды; от Днепра к морю Каспийскому угры и болгары; за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердясь в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарами. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои

---

[1] Феатр — театр.

лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так, что южные берега дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царяграда[1] от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовали в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостию величал себя *Антическим,* или *Славянским,* хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии, но в VI веке, побежденные турками, ушли из земли своей. Сии турки, по свидетельству историков китайских, были остатками гуннов, древних полунощных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с другими ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и

---

[1] Царьград — Константинополь, столица Византии.

счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сим алтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула киргизы и гунны-огоры. Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем аваров, некогда могущественных, и предложили союз императору византийскому. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннониею, или Венгриею, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала, — тревожа набегами Китай и Персию — около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Воспор, осаждали Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чехи, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отмстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил

желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнию. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения,* жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения. — С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакиею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; долженствовали первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грециею, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслися и в знак благодарности были казнены ханом.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так, в исходе VI века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших, вместо оружия, кифары, или гусли. Император спросил, кто они? Мы — славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную. — Император дивился тихому нраву сих

людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство балтийских славян, во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастия, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец *богемские* славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым вождем их: благодарные и вольные славяне избрали его в цари. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в VI веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале VII столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию, изгнали оттуда аваров* и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры охотно дозволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров, — и в VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии, или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. — Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Кубрат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили

---

* Авары кавказские могут быть остатком тех древних, истинных аваров, которых победили турки алтайские и которых именем назвалися огоры, т. е. лжеавары. (I, 62.) (Здесь и далее — т. I–XII — звездочками помечены выдержки из «нотиц» — затекстовых примечаний Н. М. Карамзина, с указанием номера тома и номера примечания.)

в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к аварам, пятый в Италию; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевав и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи[1] и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием*. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

Глава II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение славян российских. Поляне. Радимичи и вятичи. Древляне. Дулебы и бужане. Лутичи и тивирцы. Хорваты, северяне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новогородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия славян российских. Господство и гибель обров. Козары. Варяги. Русь.

Нестор пишет, что славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, ко-

---

[1] Морея — Пелопоннес, то есть Греция.
* Говорим о российских славянах. (I, 64.)

торые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где славяне долженствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, славяне в то же время обитали и внутри России; может быть андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Трояновых в Дакии, и что славяне российские начинали, кажется, свое летосчисление от времени сего мужественного императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем гетов. Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались *полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства Польского. От сего же племени славян были два брата, Радим и Вятко, главами радимичей и вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; дулебы и бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; лутичи и тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; белые хорваты в окрестностях гор Карпатских; северяне, соседи полян, на берегах Десны, Семи и

Сулы, в Черниговской и Полтавской губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрой Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз.* Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевом.* Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место *городищем Киевцом.* Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях?* Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы – ныне Скавицы – Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян.

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *черемиса, мещера, мордва* на юго-восток от мери; *ливь* в Ливонии; *чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *нарова* там, где Нарва; *ямь,* или *емь,* в Финляндии; *весь* на Белеозере; *пермь* в губернии сего имени; *югра,* или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосве; *печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остяков обских, чуваш, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *финскими.* Уже Тацит в первом столетии говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их рим-

ский историк: имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. — Древняя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириаландии[1] и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармиею, а на северо-запад — с Квенландиею, или Каяниею. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармиею* называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. *Исландские повести*[2] наполнены сказаниями о сей великой финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами составляют народ латышский. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов: из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда готфы удалились к пределам империи, тогда венеды и финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались латышами, или *обитателями земель расчищенных;* ибо *лата* знаменует на языке литовском *расчищение.* Их, кажется, называет Иорнанд видивариями, которые в половине шестого

---

[1] Кириаландия — Карелия.

[2] Исландские повести — произведения древнескандинавского фольклора («Старшая Эдда»).

века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание латышей, уверяющих, что их первый государь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где он и доныне находится и где, до самого введения христианской Веры, управлял им северный далай-лама, главный судия и священник криве[1], живший в прусском местечке Ромове.

Многие из сих финских и латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие, не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. — Скоро явились другие завоеватели: на юге — козары; варяги — на севере.

Козары, или хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в географиях восточных. Еще с третьего столетия они известны по армянским летописям: Европа же узнала их в IV веке вместе с гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях астраханских. Аттила властвовал над ними: болгары также, в исходе V века; но козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, царь персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и доныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в истории византий-

---

[1] См. с. 85.

ской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь императору (который из благодарности надел диадему царскую на их кагана[1], или хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на угров, болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею.* Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою козарскою и стражу свою составили из сих храбрых азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии[2]; вели кровопролитные войны с аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых калифов.

Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимичи и вятичи признали над собой власть каганову. «Киевляне — пишет Нестор — дали своим завоевателям по *мечу с дыма*[3], и мудрые старцы козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие».* Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X и XI веке! По крайней мере завоеватели *не удовольствовались мечами,* но обложили славян иною данию и брали, как говорит сам летописец, «по белке с дома»: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность[4] людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями натуры, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости обров, не говорит

---

[1] Каган — наименование хазарского хана.

[2] Иверия — Грузия; Мидия — юг Азербайджана и северо-запад Ирана.

[3] С дыма — с избы.

[4] Промышленность — занятия, дающие средства жизни, ремесла.

ничего подобного о козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и многолюдной столице, основанной близ волжского устья Хозроем, царем персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие азиатские варвары любили только разрушать города: но козары требовали искусных зодчих от греческого императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище* близ Харькова и другие, называемые *козарскими,* близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли веру иудейскую, а в 858 [году] христианскую... Ужасая монархов персидских, самых грозных калифов, и покровительствуя императоров греческих, козары не могли предвидеть, что славяне, порабощенные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную державу.

Но могущество наших предков на юге долженствовало быть следствием подданства их на севере. Козары не властвовали в России далее Оки: новогородцы, кривичи были свободны до 850 года. Тогда — заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на чудь, славян ильменских, кривичей, мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев варяжских, от *племени русского,* которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться Русью. — Сие происшествие важное, служащее основанием истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским:* кто же в сие время — то есть в IX веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с готфами. Они, под общим именем норманов или *северных людей,* громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве свеонов, или шведов; еще в шестом веке датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего монарха, который с досадою видел, что норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии

и построили там города, которые доныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить датскому историку Саксону Грамматику, именующему государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с королями скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям,* сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется Girkia, Grikia или Россия), что норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, варяги овладели странами чуди, славян, кривичей и мери, не было на севере другого народа, кроме скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища мери), то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что летописец наш разумеет их под именем варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

I. Имена трех князей варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора[1] — призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманские: так, в летописях франкских около 850 года — что достойно замечания — упоминается о трех *Рориках:* один назван вождем датчан, другой королем (Rex) норманским, третий просто норманом; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях,* между име-

---

[1] Рюрик, Синеус и Трувор. — Современные исследователи считают, что реально существовавшим историческим лицом был только Рюрик; Синеус и Трувор обязаны своим рождением плохому переводу скандинавского сказания новгородским летописцем: Рюрик прибыл с «sine use» — своими родичами и «tru war» — верной дружиной.

нами князей и витязей скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снио, Синия.* — II. Русские славяне, будучи под владением князей варяжских, назывались в Европе *норманами,* что утверждено свидетельством Лиутпранда, кремонского епископа, бывшего в десятом веке два раза послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и норманами». — III. Цари греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *варягами,* Βαραγγοι, а по-своему Wäringar, и состояли большею частию из норманов. Слово Vaere, Vara есть древнее готфское и значит *союз:* толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастия, могли именовать себя варягами в смысле *союзников* или товарищей. Сие нарицательное имя обратилось в собственное. — IV. Константин Багрянородный, царствовавший в X веке, описывая соседственные с империею земли, говорит о порогах днепровских и сообщает имена их на *славянском* и *русском* языке. Русские имена кажутся скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе. — V. Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманскими. Слова *тиун, вира* и прочие, которые находятся в *Русской Правде,* суть древние скандинавские или немецкие (о чем будем говорить в своем месте). — VI. Сам Нестор повествует, что варяги живут на море Балтийском к западу, и что они разных народов: урмяне, свие, англяне, готы. Первое имя в особенности означает норвежцев, второе — шведов, а под готами Нестор разумеет жителей шведской Готии. Англяне же причислены им к варягам для того, что они вместе с норманами составляли варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного летописца подтверждает истину, что варяги его были скандинавы.

Но сие общее имя датчан, норвежцев, шведов не удовлетворяет любопытству историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *русью,* дал отечеству нашему и первых государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для империи Греческой? Напрасно в древних летописях скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над славянами; однако ж историки находят основательные причины думать, что Несторовы варяги-русь обитали в королевстве шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою,* Ros-lagen. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть известны в землях соседственных под особенным названием так же, как и готландцы, коих Нестор всегда отличает от шведов. Финны, имея некогда с *Рос*-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют

3 Зак. № 38

всех ее жителей *россами, ротсами, руотсами.* — Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертинских летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «Греческий император Феофил прислал послов к императору франков, Людовику *Благонравному,* и с ними людей, которые называли себя *россами* (Rhos), а короля своего Хаканом (или Гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *шведскому».* — Гакан был, конечно, одним из владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе императора греческого, вздумал отправить к нему послов.

Сообщим и другое мнение с его доказательствами. В *Степенной книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел *из Пруссии,* где издавна назывались Курский залив *Русною,* северный рукав Немана, или Мемеля, *Руссою,* окрестности же их *Порусьем.* Варяги-русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Росс-лагена, согласно с известием древнейших летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, умильганы или ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между латышами, они могли разуметь язык славянский и тем удобнее примениться к обычаям славян новогородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новегороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство географа равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *роксолан:* думают, наших россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. — Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *шведский* в 839 году, следственно, еще до пришествия князей варяжских в землю Новогородскую и чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *россами.*

Предложив ответ на вопросы: *кто были варяги* вообще и *варяги-русь* в особенности? — скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро варяги могли овладеть всею обширною страною от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех

жителей данию; не вдруг могли чудь и славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но летописец объявляет, что варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862 [году] варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли славянам опасность и вред народного правления; но не знав иного в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих. Что вооружило их против норманских завоевателей? Любовь к независимости — и вдруг сей народ требует уже властителей?.. Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что норманы ранее 859 года брали дань с чуди и славян. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* истории и счисляет годы со времен императора Михаила, как сам говорит, для того, что греческие летописцы относят первое нашествие россиян на Константинополь к Михаилову царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При дворе великих князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память варяжского завоевания и первых государей России: но вероятно ли, чтобы старцы и бояре княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологиею византийскою, принятою ими вместе с христианством, не могло ли ввести нашего первого летописца в ошибку? — Впро-

чем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем историю государства Российского с 862 года.

Но прежде всего должно иметь понятие о древнем характере народа славянского вообще, чтобы история славян российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных византийских и других, не менее достоверных летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших в *особенности.*

Глава III

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы славян российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота.

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способности ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно справедливее и сообразнее с нашими священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от оного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствует долголетию, как замечают медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние славяне по описанию

современных историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостию всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, славяне мало пеклися о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным европейцам. — Сие изображение славян и антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о венедах, без великого труда покоренных в IV веке готфским царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных славян балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но славяне дунайские, оставив свое древнее отечество на севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностию торжествует над искусством долголетным. Несколько времени славяне убегали сражений в открытых полях и боялись крепостей; но узнав, как ряды легионов римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем полководце славян; они имели вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность славян была столь известна, что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых аваров, гибли с отчаянием. — Византийские историки пишут, что славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так, знаменитый Велисарий при осаде Авксима избрал в войске своем славянина, чтобы схватить и представить ему одного готфа

живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. — Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Храбрость всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолюбии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время долженствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались готфы, гунны и другие народы; ей жертвовали славяне своею жизнию, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли домы и спасались бегством в Константинополь со всем имением; туда же спешили и священники с драгоценною утварию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими легионами империи и не имея надежды спасти добычу, славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников. — Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость славян в рассуждении греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостию, без вопля и стона; умирали в муках и не ответствовали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. — Таким образом славяне свирепствовали в империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они — вместо того, чтобы пользоваться ими, — обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства,

отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостию, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин ответствовал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель — можно сказать — *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были дунайские славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что славяне были некогда облаготворены иностранцами; что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с балтийскими венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением христианской Веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не дозволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкно-

венно покупали их: обычай, доныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году греки нашли между убитыми славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестию могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютости! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах славян российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностию между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. — Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит история VI века о славянах дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что

иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастися бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевого состояния: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству. — Думают, что славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть латинское, следственно, заимствованное ими от жителей сей земли, где язык римлян был в употреблении; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов германских, скифских и сарматских, богатых скотоводством, венеды, или славяне, долженствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. — Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством славянским. Мед[1] был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их. — Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных.

---

[1] Мед - имеется в виду хмельной напиток из меда.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностию в землях славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. — В VIII веке славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в немецких городах особенному надзиранию своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходил величием все иные города европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но долженствовали таить христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что король датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания; но и ныне, т. е. в XII веке — существуют остатки сего древнего города». Впрочем торговля славян до введения христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в империи и видев собственными глазами изящные творения греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием и в герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму. — Памятником каменосечного искусства древних славян остались большие, глад-

ко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы. Венеды называли их *гонтинами,* от слова *гонт,* доныне означающего на русском языке особенный род тесниц[1], употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая — удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные венеды в шестом веке сказывали греческому императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы славянские доныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, славяне веселились, пели и забывали опасность. Так, Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение греческого вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними: также и старинные припевы русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастии. Вероятно, что сии песни, мирные в первобытном отечестве венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приближился к империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею историею славянскою. Так везде

---

[1] Тесница — доска (*ср.* тесаная доска).

рождалось стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые немецкими вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым русским; нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъявлять оное разными телодвижениями: рождается *пляска*, любимая забава самых диких народов. По нынешней русской, богемской, далматской можем судить о древней пляске славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых. — Народные игры и потехи, доныне единообразные в землях славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски — остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10 000, есть древнее славянское. Наблюдая течение года, они, подобно римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями и действиями природы: генварю — *просинец* (вероятно, от *синеты* неба), февралю — *сечень*, марту — *сухий*, апрелю — *березозол* (думаю, от золы березовой), маию — *травный*, июню — *изок* (так называлась у славян какая-то певчая птица), июлю — *червен* (не от красных ли плодов или ягод?), августу — *зарев* (от зари или зарницы), сентябрю — *рюен* (или *ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), октябрю — *листопад*, ноябрю — *груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), декабрю — *студеный*. Столетие называлось *веком*, то есть жизнию человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностию.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении

от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связию. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя империю, где царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизились жилищами и завели селения; другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою; перешли в греческие владения и согласились зависеть от императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть славян немецких; но своевольство неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельства им благоприятствовали, они свергали с себя иго и жестоко мстили чужеземному властелину за свое временное порабощение, так, что одна Вера христианская могла наконец смирить их.

Многочисленные области славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, хан аваров, зная сей тесный союз племен славянских и покорив многие из них в Дакии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от славян балтийских. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, ответствуя устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мек-

ленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями.

Народное правление славян чрез несколько веков обратилось в аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастием Героев, он искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных распрях своих отдавались на суд знаменитым гражданам; а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностию повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у славян именами *боярина, воеводы*[1], *князя, пана, жупана, короля или краля*, и другими. Первое без сомнения происходит от *боя* и в начале своем могло знаменовать воина отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о боярах, вельможах, или главных чиновниках славян болгарских. — Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у богемских и саксонских вендов, в Крайне государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию. — Слово *князь* родилось едва ли не от *коня,* хотя многие ученые производят его от восточного имени *каган* и немецкого König. В славянских землях кони были драгоценнейшею собственностию: у поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался князем, nobilis capitaneus et Princeps. В Кроации и Сервии именовались так братья королей; в Далмации главный судья имел титло *великого князя.* — *Пан* славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами и председательствовал на сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века

[1] В древнейших списках Нестора везде стоит бояре; но в сборнике, недавно найденном в Воскресенском монастыре и писанном в 1073 году для в. к. Святослава, два раза встречается имя *боляр:* так писали у нас и в новейшие времена, производя его от слова *большой, болес* (но не от глагола *болеть,* как некоторые толкуют). (I, 167.)

означало в Богемии владельцев богатых, а на польском языке и ныне значит *господина.* – Округи в славянских землях назывались *жупанствами,* а правители их *жупанами,* или *старейшинами,* по толкованию Константина Багрянородного; древнее слово *жупа* означало *селение.* Главною должностию сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии славянские поселяне доныне называют так судей своих; но в средних веках достоинство жупанов уважалось более княжеского. В разборе тяжебных дел помогали им *суддавы,* или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили жупанам. – Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии владетели стали именоваться *кралями,* или королями, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара*[1], *или наказание.*

Итак, первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали полководцев. В теснейших связях общежития славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей, но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностию в делах войны и мира. – История славян подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие бояре, воеводы, князья, паны, жупаны и самые короли славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять правителей, если они не умеют отвратить бедствий от государства. Сих примеров довольно в истории языческих, даже и христианских славян. Они вообще не любили наследственной власти и более принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершего воеводы или князя. – Избрание герцога, то есть воеводы, в славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец

---

[1] Другие утверждают, что слово *краль* произошло от Карла Великого. (I, 172.)

сидел на престоле или на большом диком камне. Новый властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние славяне выбрали первого властелина для защиты их от насилия и злодейства.

Однако ж многие князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В западной Сервии был пример, что жена князя Доброслава по смерти его правила землею. – Государи славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество уделами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сии примеры бывали редки во времена язычества: князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддалися.

Главный начальник, или правитель, судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо славяне воображали, что бог суда, *Прове,* живет в тени древних, густых дубов. Сии места и домы княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, воевода, король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего славяне бросали камень в море, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клок волос своих вместе с горстию травы). Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

Так славяне в разные века и в разных землях управлялись гражданскою властию. О славянах российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает греческий историк и которые имели для них силу законов писаных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя летописец наш не говорит о том, но российские славяне, конечно, имели властителей с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с греками, в 911 году, упоминается уже *о великих боярах русских:* сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не варягами было введено в России, ибо оно есть древнее славянское. Самое имя князя, данное нашими пред-

ками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, не отвратимых никакою мудростию человеческою, — хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии,* Богу вселенной. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством вер языческих. — Анты и славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умилостивить обетами, приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, нимф, демонов и гадали будущее. — В новейшие времена славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не *образом,* но *телом* богов, ими одушевляемым, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом* и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и му-

жествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, славяне балтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умилостивить жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что славяне заимствовали мысль о Чернобоге от христиан, уподоблявших Диавола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами,* и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно сибирским шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гуслях, а для того именовались в некоторых землях славянских *гуслярами.*

Между богами добрыми славился более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие венды, но и короли датские, исповедуя уже христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле христианского святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от корбейских монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достойно замечания, что иллирические славяне доныне празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из христианских князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не преставал обожать Святовида. Привязанность не только балтийских, но и других славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оного.

Народ рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* — Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками, которые вили на нем свои гнезда); *второму* — Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; *третьему* — Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правою рукою за бороду, а левою за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст,* бог страноприимства, как некоторые думают: ибо славяне были всегда *рады гостям.* Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота.*

Сива — может быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Рацебурге. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские славяне поклонялись доброй *Фрихии,* богине германских народов; но как в исландских древностях Фрихия или *прекрасная Фрея* называется *Ванадис,* или венедскою, то вероятно, что готфы заимствовали от славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между ретрскими истуканами нашлись германские, прусские, т. е. латышские, и даже греческие идолы. Балтийские славяне поклонялись Водану, или скандинавскому Одину, узнав об нем от германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды мекленбургские доныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой. — Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстуков, или Берстуков, доказывают, что они были латышские идолы; но славяне молились им в ретрском храме, так же как и греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. — Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога, Ипабога, Зибога,* или *Збмбога,* и *Немизы.* Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось *исчис-*

ление времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли.* Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав.* Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала,* означал, кажется, любострастие: ибо христианские писатели сравнивали его с Приапом; а третий, *Геровит,* или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. — Жители Вагрии особенно чтили *Прова,* бога правосудия, и *Падагу,* бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградою с двумя вратами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертию, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира о *двух лицах,* найденного в числе ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у сербов назывался Погодою: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и вёдро. — Мерзебургские венды обожали идола Гениля, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте.

О Вере славян иллирических не имеем никаких известий; но как морлахи на свадебных пиршествах своих доныне славят *Давора, Дамора, Добрую Фрихию, Яра* и *Пика,* то с вероятностию заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами. — Сказание польских историков о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Нии,* славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще *Марзану* или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса* или *Ясна,* римского Юпитера; *Ладона* или *Ляда,* Марса; *Дзидзилию,* богиню любви и деторождения, *Зивонию* или *Зиванну,* Диану; *Зиваго,* или бога жизни; *Леля* и

Полеля, или греческих близнецов Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста,* бога ясных дней и сильного ветра. «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена».

В России, до введения христианской Веры, первую степень между идолами занимали *Перун,* бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Миоправителя.* Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, и в Новегороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именует еще идолов *Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла* и *Мокоша,* не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с греками упоминается еще о *Волосе,* которого именем и Перуновым клялись россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. — Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском синопсисе. Хотя они выбраны отчасти из польских ненадежных историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо:* ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 мая до 25 июня, отцы и мужья в гостинницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, дидис Ладо,* то есть *великий Ладо.* Такое же обыкновение доныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах: *Лада, диди-Лада.* Мы уже заметили, что славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам; следственно, имели одних богов с латышами, ежели не все, то хотя некоторые славянские племена в России — вероятно, кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали латышского первосвященника *криве* главою Веры своей. Впрочем, *Ладо* мог быть и древним славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доныне твердят имя Лада.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе Купальницею. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала.*

Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому. В Архангельской губернии многие поселяне 23 июня топят бани, настилают в них траву *купальницу* (лютик, ranunculus acris) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки,* вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 декабря язычники русские славили *Коляду,* бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа русского открываем также некоторые следы древнего славянского богопочитания: доныне простые люди говорят у нас о *леших,* которые видом подобны сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о *русалках,* или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и злых *домовых,* о ночных *кикимрах* и проч.

Таким образом грубый ум людей непросвященных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность богов, славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц, и проч. Кроме идолов, немецкие славяне, подобно дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и российские славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою мнимоцелебных источников и бросали в них серебряные монеты.

Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия. — У многих народов славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а юлинские — богу, обитавшему в дереве обсеченном, и весною плясали вокруг него с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревам, особенно же *дупловатым,* обвязывая их ветви убрусами[1], или платами. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали, заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю. Празднование Семика[2] и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении христианства, так что герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимосвятые дубравы своего народа.

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя балтийских вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. — В числе ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи упоминается о двух славянских знаменах, которые считались богинями. Хитрость полководцев ввела, без сомнения, сию веру, чтобы воспламенять дух храбрости в воинах или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения олтарей[3] камни в несколько саженей мерою. Сии

---

[1] Убрус — вышитые и расшитые жемчугом, золотом платок, покрывало или полотенце.

[2] Семик — седьмой от Пасхи четверг, народное название праздника Пятидесятницы, Духов день.

[3] Олтарь — алтарь, жертвенник.

каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые веки и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады. Жрецы в присутствии и в глазах народа совершали обряды Веры на сих величественных олтарях; но в течение времен, желая еще сильней действовать на воображение людей, вздумали, подобно друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но славяне не умели подражать грекам и римлянам в гордой высоте зданий и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные историки описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностию. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о штетинском следующее: «Там было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускнели. — Следуя древнему обычаю предков, штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволовы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим художеством и богатством. В трех иных *гонтинах,* или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо славяне в некоторые часы и дни веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах».* — Деревянный храм арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его — в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности. — Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и

величественном. Достойно примечания, что славяне балтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах славян российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере все другие народы славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестию людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своевольство людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так, первосвященник рюгенский, уважаемый более самого короля, правил многими славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцов чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена славяне закалали[1], в честь

---

[1] З а к а л а л и — от закалать, то есть убивать.

Богу невидимому, одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагряли свои требища кровию христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. — В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Балтийские славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копья: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины рюгенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие славяне уставили в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастия для острова; наконец объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу. Другие славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился майский *праздник источников.* — Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решали судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах славян россий-

ских, которых потомки доныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды.* — Во многих землях славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых:* в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим. — В сей день немецкие славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти, сожигают ее или бросают в реку и славят лето песнями. — В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах[1], тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими славянами. Историки немецкие — более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных авторов — описывают оное следующим образом: старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными.* Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою** и было еще в VI веке причиною великого бедствия для славян: ибо греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову побили их войско.

Славяне российские — кривичи, северяне, вятичи, радимичи — *творили* над умершими *тризну:* показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный вятичами и кривичами до времен Нестора, изъявляет воинственный дух народа, который праздновал смерть,

---

[1] Личина — накладная маска.

* *Страва* значит на польском языке *кушанье, пищу.* От сего древнего славянского имени происходит глагол русский *травить.* (I, 235.)

чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но славяне киевские и волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы;* ближние умершего язвили[1] лица свои и закалали на могиле любимого коня его.

Все народы любят веру отцов своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях славян; но, устрашенный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, славяне отлично[2] ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Балтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних христиан, брали их корабли в добычу, а священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные наконец упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением христианским.

Собрав исторические достопамятности славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком греческим, смягченным долговременною жизнию в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но славяне, приняв христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в

---

[1] Я з в и т ь – уязвлять, наносить рану.

[2] О т л и ч н о – особо.

средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы государства...

2) *Польское*, смешанное со многими латинскими и немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других богемских ученых среднее между кроатским и польским. Венгерское наречие именуется *славакским*, но разнится от чешского большею частию только в выговоре, хотя авторы *Многоязычного словаря* признают его *особенным*. Впрочем, и другие славянские наречия употребляются в Венгрии.

4) *Иллирическое*, то есть болгарское, самое грубое из всех славянских – боснийское, сербское, самое приятнейшее для слуха, как многие находят, – славонское и далматское.

5) *Кроатское*[1], сходное с виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с лаузицским, котбузским, кашубским и люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда славянский язык был народным, он уже заменен немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам азиатским; но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, еврейскими или халдейскими, сирскими, арабскими, которые находятся и в других языках европейских, свидетельствуя единственно их общее азиатское происхождение; и что славянский

---

[1] Кроатское – хорватское.

имеет с греческим, латинским, немецким гораздо более связи, нежели с еврейским и с другими восточными. Сие великое, явное сходство встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими — ибо названия *грома, журчания* вод, *крика* птиц, *рева* зверей могут на всех языках сходствовать между собою от подражания естеству — но и в выражении самых первых мыслей человека, в ознаменовании главных нужд жизни домашней, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что венеды издревле жили в соседстве с немцами и долгое время в Дакии (где язык латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в империи и служили императорам греческим; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык славянский только некоторые особенные немецкие, латинские или греческие слова, и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким? неизвестно, но без сомнения древнейшим в Европе, *где история находит их:* ибо Греция, а после и часть Италии, населена *пеласгами, фракийскими* жителями, которые прежде эллинов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с германцами и славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство — немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки — сведала Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена и без сомнения от финикиян, или непосредственно, или через пеласгов и эллинов. Нельзя вообразить, что древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из христианских философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов европейских: греческие, мальтийские, так называемые пеласгские в Италии, этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), гальские, изображенные на памятнике мученика Гордиана, Улфиловы, или готфские, кельтиберские, бетские, турдетанские в Испании, руны скандинавов и германцев

более или менее сходствуют с финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним галлам. Испанцы могли научиться письму от самих финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотворения. Каким образом европейский Север получил буквы, мы не знаем: от финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом британским и янтарем прусским? или от народов южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо руническое и готфское письмо сходнее с греческим и латинским, нежели с финикийским. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Балтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но венеды или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных венедами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским, весьма недостаточны для языка славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же богемские, иллирические и российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены греческим императором Михаилом в Моравию к тамошним христианским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с греческого языка, изобрели славянский особенный алфавит, образованный по греческому, с прибавлением новых букв: **Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ѫ.** Сия азбука, называемая *кирилловскою,* доныне употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне далматские имеют другую, известную под именем *глагольской,* или *буквицы,* которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было славян в римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века; но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 года; надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия глагольская азбука явно составлена по нашей, отличается кудрявостию знаков и весьма неудобна для употребления.

Моравские христиане, пристав к римскому исповеданию, вместе с поляками начали писать латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные папою Иоанном XIII. Епископы салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письмена славянские — изобретением арианских готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь далматского монаха выдумать новые, то есть глагольские буквы и защитить их от нападения римских суеверов именем Св. Иеронима. — Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там греческую азбуку.

Итак, предки наши были обязаны христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностию, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей — изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже Науки и просвещение.

Глава IV

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР
862—879 гг.

Призвание князей варяжских в Россию. Основание монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение россиян на империю. Начало христианства в Киеве. Смерть Рюрика.

Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластье (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш летописец — и рассеянные племена славянские основали государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки[1], с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют

---

[1] Земли Северной Америки. — Имеется в виду Аляска, до 1867 г. принадлежавшая России.

свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что варяги, овладевшие странами чуди и славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с югом и западом Европы, где на развалинах колосса римского основались новые государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской*, – варяги, или норманы, долженствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре славянские, недовольные властию завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастие, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и славяне, *убежденные* – так говорит предание – *советом новогородского старейшины Гостомысла,* потребовали властителей от варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике;* но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей истории.

---

* Гроза, которая сокрушила величие Рима и несколько веков свирепствовала в Европе, начала утихать уже в конце VI века. Все бывшее исчезло: явились новые правления, новые обычаи и законы; прославились новые имена народов. Германцы, оставив большую половину своего древнего отечества славянам, властвовали в Англии, Галлии, Италии; но в VIII веке уступили Аравию аравитянам, пришедшим в Европу с мечом, Алкораном и любовию к наукам. Карл Великий, в последний год сего века, основал империю Западную, несравненно сильнейшую Восточной, которая ужасалась всякого неприятеля, но еще дерзала именоваться Римскою. Скандинавия ... разделенная на малые королевства, повелевала морями: ее бесчисленные витязи, скучая тесными пределами отечества, суровым его климатом и праздностию, трубили в рога, стремились от пиршества на легкие корабли свои, искали добычи, новых земель и завоеваний. Азиатские народы болгары, хозары господствовали на западных и северных берегах Черного моря. Калифы, наследники Магометовы, еще славились на Востоке. В сие время начинается История Государства Российского. (I, 272.)

4 Зак. № 38

Новогородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финских племен, вместе с ними плативших дань варягам: имев несколько лет одну долю, и повинуясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что славяне новогородские, кривичи, *весь* и *чудь* отправили [862 г.][1] посольство за море, к варягам-руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами.* Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор[2], знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечом права избранных государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белаозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской губерний была названа тогда *Русью,* по имени князей варяго-русских. — Более не знаем никаких достоверных подробностей; не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? насладился ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие летописцы говорят, что славяне скоро вознегодовали на рабство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым,* пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новегороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

Чрез два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему княжеству, основал монархию Российскую [864 г.]. Уже пределы ее достигали на востоке до нынешней Ярославской и Нижегородской губернии, а на юг до Западной Двины; уже меря, мурома и полочане зависели от

---

[1] Здесь и далее в квадратных скобках внесены в текст наиболее существенные даты из приведенных на полях в издании "Истории..." 1842 г.

[2] См. примеч. 1 к с. 64.

Рюрика: ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать. Таким образом, вместе с верховною княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система *феодальная, поместная,* или *удельная,* бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность государей к верности вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим князем, отправились с товарищами из Новагорода в Константинополь искать счастия; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: чей он? Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих варягов из Новагорода, начали под именем россиян властвовать как государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить императору: тогда ободренные своим успехом и многочисленностию войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечом берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя россиян, Ρωσ. Молва народная возвестила их скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с агарянами. Узнав от эпарха или наместника цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию

пробрался сквозь суда российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по сказанию византийских летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с византийскими историками описывает сей случай, но некоторые из них прибавляют, что язычники российские, устрашенные Небесным гневом, немедленно отправили послов в Константинополь и требовали святого крещения. Окружная грамота патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к восточным епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. «Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к богослужению христианскому». Константин Багрянородный и другие греческие историки пишут, что россы крестились во время царя Василия Македонского и патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года. «Император (говорят они), не имея возможности победить россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в христианство». — Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной: ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игорево время было уже много христиан в Киеве. Вероятно, что проповедники для лучшего успеха в деле своем тогда же ввели в употребление между киевскими христианами и новые письмена славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху: славяне исповедовали одну Веру, а варяги другую; впоследствии увидим, что древние государи киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла князей не препятствовать успехам новой Веры,

соединявшей их подданных, славян, и надежных товарищей, варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом варяги основали две самодержавные области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге. Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских: оружие без сомнения решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами; и ежели варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новегороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать,* и государи скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялися именем Одиновым быть завоевателями. Спокойствие государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу царей; но князья русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к западу, северу и востоку народами финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных. — Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новегороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого самодержца российского, осталась бессмертною в нашей истории и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома наконец обратились в славян, приняв их обычаи, язык и Веру.

Глава V

ОЛЕГ-ПРАВИТЕЛЬ
879—912 гг.

Завоевания Олеговы. Нашествие угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с греками. Договор с империею. Кончина Олега.

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностию, победами, благоразумием, любовию подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число новогородцев, кривичей, веси, чуди, мери и в 882 году пошел к странам днепровским. Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления: чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить государям киевским, что варяжские купцы, отправленные князем новогородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *Вы не князья и не знаменитого роду, но я князь* — и показав Игоря, примолвил: *Вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым... Простота, свой-

ственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. — Тела несчастных князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители киевские доныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обагренный кровию невинных князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, устрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с греческим Херсоном, с козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей князь сказал: *Да будет Киев материю городов российских!* Монархи народов образованных желают иметь столицу среди государства, во-первых, для того, чтобы лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности: Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. — Он поручил дальние области вельможам; велел строить города или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей и внутренних мятежников; уставил также налоги общие. Славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнею ходячею монетою российскою: что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения российские еще не имели твердой связи. Ильменские славяне граничили с весью, весь с мерею, меря с муромою и с кривичами; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. Храбрый князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года [884—885 гг.] князь российский овладел землею днепровских северян и соседственных с ними радимичей. Он победил первых, освободил их от власти козаров, и сказав: *я враг им, а не вам!* — удовольствовался самым легким

налогом: верность и доброе расположение северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей российских с северными. Радимичи, жители берегов сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что козарам: по *щлягу*, или мелкой монете, с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство хана козарского в Витебской и Черниговской губернии. Сей хан дремал, кажется, в приятностях восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив север, князь российский обратил счастливое оружие свое к югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от российской державы славяне, единоплеменные с черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо летописец в числе его подданных именует дулебов, тивирцев и хорватов, там обитавших.

Но между тем, как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные *вежи*, или шатры, угров (маджаров, или нынешних венгерцов), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть в Харьковской губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским*. Олег пропустил ли их дружелюбно, или отразил силою, неизвестно. Сии беглецы переправились через Днепр и завладели Молдавиею, Бессарабиею, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года; знаем только, что он правил еще государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших истори-

ческих книгах сказано, что Ольга была варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной княгине или в знак Игоревой к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что цари и патриархи греческие старались умножать число христиан в Киеве и вывести самого князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, священников и патриарха и дары от императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с греками и терпимостию христианства. Мы знаем по византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым архиепископством* в списке епархий, зависевших от главы константинопольского духовенства; знаем также, что в 902 году 700 россов, или киевских варягов, служили во флоте греческом и что им платили из казны 100 литр золота. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе императоров: греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с империею [906 г.]. Все народы, ему подвластные: новогородцы, финские жители Белаозера, ростовская меря, кривичи, северяне, поляне киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тивирцы соединились с варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий и, наконец, искусство

людей разрушили некоторые из сих преград каменных: в IX и X веке они долженствовали быть несравненно опаснее. Первые варяги киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до лимана, они исправляли мачты, паруса, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабии и сильные болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к греческой столице, где суеверный император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах астрологии более, нежели о безопасности государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома, вельмож греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали гунны и народы германские в областях империи; так, в сие же самое время, норманы, единоземцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями... Сии греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но князь российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, устрашенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино: князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо, то не россиян, а греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на

каждого человека во флоте своем, и греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско российское отступило далее от города, и князь отправил послов к императору. Летопись сохранила норманские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор:

I. «Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того, *уклады* на города Киев, Чернигов, *Переяславль*, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные». Война была в сии времена народным промыслом: Олег, соблюдая обычай скандинавов и всех народов германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани и получают на возвратный путь съестные припасы, якоря, снасти, паруса и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания. – II. Да запретит Князь послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих. – III. Россияне могут жить только у Св. Мамы* и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: киевским, черниговским, переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами Веры: император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благо-

---

* Между городскими стенами и Боспором. Там была церковь и монастырь Св. Мамы, дворец, портик и гавань. (I, 313.)

словенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим,* то есть мудрым или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие историки молчат о сем важном случае; но когда летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен: то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? Мог ли с дерзостию уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые, с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царюграду и возвратился с успехом,* кажется достоверным.

Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но желая утвердить мир с греками, Олег вздумал отправить в Царьград послов, которые заключили с империею договор *письменный,* драгоценный и древнейший памятник истории российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

Договор русских с греками

«Мы от роду Русского Карл Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, *Великим* Князем Русским и *всеми сущими под рукою* его Светлыми Боярами к вам, Льву, Александру и Константину» (брату и сыну первого) «Великим Царям Греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшие любви между Христианами и Русью, по воле наших Князей и всех сущих под рукою Олега, следующими *главами* уже не *словесно,* как *прежде,* но письменно утвердили сию любовь, и клялися в том по закону Русскому своим оружием.

I. Первым словом да *умиримся* с вами, Греки! да любим друг друга от всей души и не дадим никому из сущих под рукою наших Светлых Князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Также и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим Светлым Князьям Русским и всем сущим под рукою Светлого Олега. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — и *каждый да клянется* по Вере своей». Взаимные обиды и ссоры греков с россиянами в Константинополе заставили, как надобно думать, императоров и князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. «Русин ли убьет Христианина или Христианин Русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом, доколе найдут его и казнят смертию.

IV. Кто ударит другого мечом или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда Русин украдет что-либо у Христианина или Христианин у Русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если Русин или Христианин, под видом обыска, войдет в чей дом и силою возьмет там чужое вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет Греческую ладию на землю чуждую, где случимся мы, Русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю Греческую, и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного.* Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурею или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладию до ближней пристани Русской. Товары и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши послы к царю или гости для купли, они с честию приведут туда ладию и в целости отдадут, что выручено за ее товары. Если же кто из русских убьет человека на сей ладии, или что-нибудь украдет, да приимет виновный казнь вышеозначенную.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками Россияне или в Руси Греки, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников; пленные также да будут возвращены в отечество, и за каждого да внесется окупу 20 *златых.* Но Русские воины, которые из чести придут служить царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле Греческой.

VIII. Ежели невольник Русский уйдет, будет украден или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним;* а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми Русскими в Греции будут виновные и ежели потребуют их в отечество для наказания, то Царь Христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и Русские в отношении к Грекам!

Для верного исполнения сих условий между нами, Русью и Греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь Греческий скрепил их своею рукою, клялся святым крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога, и дал хартию нашей Светлости; а мы, Послы Русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех Русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира...»*

Договор мог быть писан на греческом и славянском языке. Уже варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели скандинавским. Дети варягов, принявших христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны, при дворе и в войске греческом находились издавна многие славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане патриарха, церковию; и в самое то время, когда император Александр подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником. Условия мирные надлежало разуметь и грекам и варягам: первые не знали языка норманов, но славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных

---

* ...договор заключен, по нашему летосчислению, в сентябре 911 года... (I, 317.)

торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают — и Константин Багрянородный то же свидетельствует, — что купцы российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. — Надобно также приметить, что между именами четырнадцати вельмож, употребленных великим князем для заключения мирных условий с греками, нет ни одного славянского. Только варяги, кажется, окружали наших первых государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить воображению грубых людей величие Бога христианского) и с честию отпустил их в Киев, где они дали отчет князю в успехе посольства.

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое — и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы — так говорит летописец — предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и Герой скончался»... Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стенал и проливал слезы.* Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу государя умершего? Итак, Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника. — Присоединив к державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней Рос-

сии, сей князь был истинным основателем ее величия. Рюрик владел от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова: Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских. Мудростию правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? и права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители киевские, современники Нестора, звали сие место *Олеговою могилою.*

Глава VI

КНЯЗЬ ИГОРЬ
912—945 гг.

Бунт древлян. Явление печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с греками. Убиение Игоря.

Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников государя великого или презирают недостойных.

Смерть победителя ободрила побежденных, и древляне отложились от Киева. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов; смирил их и наказал прибавлением дани. — Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостию и грабительством, явились в пределах России [914—915 гг.]. Они под именем *печенегов* так славны в летописях наших, византийских и венгерских от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на феатр истории, сказать несколько слов о свойстве и древнем отечестве сего народа.

Восточная страна нынешней Российской монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столе-

тий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: гунны, угры, болгары, авары, турки – и все они исчезли в Европе, кроме угров и турков. К сим народам принадлежали узы и печенеги, единоплеменники туркоманов: первые, обитая между Волгою и Доном в соседстве с печенегами, вытеснили их из степей саратовских: изгнанники устремились к западу; овладели Лебедиею; чрез несколько лет опустошили Бессарабию, Молдавию, Валахию; принудили угров переселиться оттуда в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до самой Алуты, составив 8 разных областей, из коих 4 были на восток от Днепра, между россиянами и козарами; а другие – на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами славянскими, подвластными киевским государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках, или вежах, печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседей для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отведать счастия в битве и мирно удалились в Бессарабию, или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоземцы. Там народ сей сделался ужасом и бичом соседей; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания угров и болгаров, особенно же россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем: ибо днепровские пороги и дунайское устье были заняты печенегами. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей, или, в случае союза, подкреплять государей киевских наемным войском своим. Сия несчастная политика дозволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Предание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого

941 года, когда Нестор, согласно с византийскими историками, описывает войну Игореву с греками. Сей князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с греческим флотом в Италию. Если верить летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя византийским историкам, с новым ужасом говорит о свирепости россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана протовестиария*. Корабли Игоревы стояли на якорях близ фара, или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем греческим***, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным азиатским войском напали на толпы россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и войском греческим, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам фракийским, сразились еще с греками на море и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них империею в течение трех месяцев, остались надолго незабвенными в ее азиатских и европейских областях.

О сем несчастном Игоревом походе говорят не только византийские, но и другие историки: арабский Эльмакин и кремонский епископ Лиутпранд; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоревых воинов, взятых тогда в плен греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства.

Игорь не уныл, но хотел отмстить грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал варягов из-за моря, нанял пе-

---

* Протовестиарий был хранителем царских одежд и первым по доместике или начальнике сухопутных войск. (I, 342.)

** Греческий огонь изобретен, как известно, в VII веке греком Калиником. В наше время не умеют составлять его. (I, 343.)

ченегов — которые дали ему аманатов в доказательство верности своей — и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и болгары вторично дали знать императору, что море покрылось кораблями российскими. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых печенегов. Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание греков. «Когда царь, — ответствовали верные товарищи князя российского, — без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет? мы ли? они ли? и с морем кто *советен*? Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям». Игорь принял их совет, взял дары у греков на всех воинов своих, велел наемным печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

В следующий год Лакапин отправил послов к Игорю, а князь российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир на таких условиях.

I. Начало, подобное Олегову договору: «Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы», и проч. Следует около пятидесяти норманских имен, кроме двух или трех славянских. Но достойно замечания, что здесь в особенности говорится о послах и чиновниках Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двух *нетиев* Игоревых, то есть племянников или детей сестриных, Улеба, Акуна, и супруги Улебовой, Передславы. Далее: «Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого княжения, от всех людей Русской земли, обновить *ветхий* мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем *боярством* и со всеми людьми Греческими, вопреки Диаволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу,* на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имут помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от *собственных* мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостьми и Послами. Гости, как *было уставлено,* носили печати серебряные, а Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и

кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да не взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно».

III. Начало статьи есть повторение условий, заключенных Олегом под стенами Константинополя, о том, как вести себя послам и гостям русским в Греции, где жить, чего требовать и проч. – Далее: «Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает ссоры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 *золотников* (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою. Отправляясь из Царяграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением.

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, *как прежде уставлено,* по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к Россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда Русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица *добрая,* за середовича восемь, за старца и младенца пять. Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупа десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страною Херсонскою и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы дадим ему, сколько будет надобно.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладию Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убиет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому.

IX. Русские да не творят никакого зла херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни

у *Св. Еферия;* но при наступлении осени да идут в домы свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает *черных* болгаров воевать в стране Херсонской». — *Черною* называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству болгаров.

XI. «Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет князь власти наказывать их; но да приимут они сию казнь в царстве Греческом.

XII. Когда Христианин умертвит Русина или Русин Христианина, ближние убиенного, задержав убийцу, да умертвят его». — Далее то же, что в III статье прежнего договора.

XIII. Сия статья о побоях есть повторение IV статьи Олегова условия.

XIV. «Ежели цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью.

Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христиане в соборной церкви Св. Илии *предлежащим честным крестом* и сею хартиею, а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные».

Историк должен в целости сохранить сии дипломатические памятники России, в коих изображается ум предков наших и самые их обычаи. Государственные договоры X века, столь подробные, весьма редки в летописях: они любопытны не только для ученого дипломатика, но и для всех внимательных читателей истории, которые желают иметь ясное понятие о тогдашнем гражданском состоянии народов. Хотя византийские летописцы не упоминают о сем договоре, ни о прежнем, заключенном в Олегово время, но содержание оных так верно представляет нам взаимоотношения греков и россиян X века, так сообразно с обстоятельствами времени, что мы не можем усомниться в их истине...

Клятвенно утвердив союз, император отправил новых послов в Киев, чтобы вручить князю русскому *хартию мира*. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее и драгоценнее для русских язычников. Христиане варяжские присягали в соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве. Летописец именно говорит, что многие варяги были тогда уже христианами.

Игорь, одарив послов греческих мехами драгоценными, воском и пленниками*, отпустил их к императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. «Мы босы и наги, говорили воины Игорю, а Свенельдовы отроки богаты оружием и всякою одеждою. *Поди в дань* с нами, да и мы, вместе с тобою, будем довольны». *Ходить в дань* значило тогда объезжать Россию и собирать налоги. Древние государи наши, по известию Константина Багрянородного, всякий год в ноябре месяце отправлялись с войском из Киева для объезда городов своих и возвращались в столицу не прежде апреля. Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями или содержать народ и чиновников в зависимости от великих князей. Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, вельмож и бояр, особенно Свенельда, знаменитого воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться вместе с *отроками* своими, или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Им завидовала дружина Игорева, и князь, при наступлении осени, исполнил ее желание; отправился в землю древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его — пользуясь, может быть, слабостию князя престарелого — тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмиренных только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: «Князь! Мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Ослепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные древляне, видя — по словам летописца — что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою,* вооружились под начальством князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский историк повествует, что они, привязав сего несчастного князя к двум деревам, разорвали надвое.

Игорь в войне с греками не имел успехов Олега; не имел, кажется, и великих свойств его: но сохранил целость Российской державы, устроенной Олегом; сохранил честь и выгоды ее в

---

* *Челядью,* т. е. рабами или невольниками, которыми торговали россияне. (I, 360).

договорах с империею; был язычником, но позволял новообращенным россиянам славить торжественно Бога христианского и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным печенегам утвердиться в соседстве с Россиею и, не довольствуясь справедливой, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил древлянам за прежний их мятеж; но государь унижается местию долговременною: он наказывает преступника только однажды. — Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего более в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года.

К сему княжению относится любопытное известие современного арабского историка Массуди. Он пишет, что *россияне* идолопоклонники, вместе с славянами, обитали тогда в козарской столице Ателе и служили кагану; что с его дозволения, около 912 года, войско их, приплыв на судах в Каспийское море, разорило Дагестан, Ширван, но было наконец истреблено магометанами. Другой арабский повествователь, Абульфеда, сказывает, что россияне в 944 году взяли Барду, столицу арранскую (верстах в семидесяти от Ганджи) и возвратились в свою землю рекою Куром и морем Каспийским. Третий историк восточный, Абульфарач, приписывает сие нападение аланам, лезгам и славянам, бывшим кагановым данникам в южных странах нашего древнего отечества. Россияне могли прийти в Ширван Днепром, морями Черным, Азовским, реками Доном, Волгою (чрез малую переволоку в нынешней Качалинской станице) — путем дальним, многотрудным; но прелесть добычи давала им смелость, мужество и терпение, которые в самом начале государственного бытия России ославили имя ее в Европе и в Азии.

Глава VII

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ
945—972 гг.

Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с греками. Наружность Святославова. Кончина его.

Святослав, сын Игорев, первый князь славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость державы, только мечом основанной и хранимой; бунт древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие полководцев варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость державы и власть государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитывался боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга — вероятно, с помощию сих двух знаменитых мужей — овладела кормилом государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь летописец сообщает нам *многие подробности,* отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностию истории и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки;* но как истинное происшествие должно быть их *основанием,* и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени: то мы повторим Несторовы простые сказания о *мести и хитростях Ольгиных.*

«Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их князь Мал женился на вдове Игоря, ибо они, платя дань государям киевским, имели еще князей собственных. Двадцать знаменитых послов древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего князя Мала.* Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша.*

Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладию свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках... Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать послов. Исполняя волю ее, они сказали: *Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *Что делать! Мы невольники; Игоря нет, а княгиня наша хочет быть супругою вашего князя* — и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честию?* Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою» — доныне видимый, как уверяют, близ сего места — «и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* княгинины угощали знаменитейших древлян, которые вздумали наконец спросить о своих послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоревою* дружиною. — Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим — и 5000 древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы.

Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско [946 г.] и выступила с ним против древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младой Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и с восклицанием: *Друзья! Станем за князя!* — устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* велела она сказать древлянам: *Все иные города ваши сдались мне, и жители их*

мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщения: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего. Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все домы их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастися бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данию».

Так рассказывает летописец... Не удивляемся жестокости Ольгиной: вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятна ли оплошность древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве послов древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вместе с юным Святославом объехала всю древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третью часть дани своей посылать к самой Ольге в ее *собственный удел,* в Вышегород, основанный, может быть, героем Олегом и данный ей в вено* как невесте или супруге великого князя: чему увидим и другие примеры в нашей древней истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на *высоком* берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения. — Ольга, кажется, утешила древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники — ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних героев, забавлялась ловлею зверей —

---

* *Вено* значит *приданое.* (I, 376.)

долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новогородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты,* или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Через 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия княгиня, рожденная во Пскове, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новымгородом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовию своего признательного сына и не менее признательного народа. — Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей церковной истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец ее перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть христианкою и сама отправилась в столицу империи и Веры греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике [955 г.]. Там патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный — восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы княжеские,* ее свойственницы, многие знатные госпожи, послы российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встретили Ольгу: после чего император на свободе беседовал с нею в тех комнатах,

где жила царица. В сей первый день, 9 сентября, был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой,* где императрица сидела на троне и где княгиня российская, в знак почтения к супруге великого царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными госпожами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие царского дома и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* княгини дали 30 *милиаризий* — или 2 ½ червонца,— каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати послов 12, каждому из сорока трех купцов то же, священнику или духовнику Ольгину именем Григорий 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осьмнадцати служительницам каждой 8. 18 октября княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам император обедал в другой зале со всеми россиянами. Угощение заключались также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 милиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние государи российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость,* без сомнения, заставила великую княгиню принять в дар шестнадцать червонцев.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная в святом крещении Еленою — отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою.

Наставленная в святых правилах христианства самим патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев греческие послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое

обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда царь ваш постоит у меня на Почайне столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско» — с чем послы и возвратились к императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность двора византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при дворе императоров, в их флоте, войсках, и в 964 году, по сказанию арабского историка Новайри, сражались в Сицилии, как наемники греков, с Аль-Гассаном, вождем сарацинским. Константин нередко посылал так называемые *златые буллы,* или грамоты с золотою печатию, к великому князю, надписывая: *Грамота Христолюбивых Императоров Греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав ответствовал ей: «могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа российского и сына.

Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле. Там суровою жизнию он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины. — Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного

нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *Иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первым феатром его воинских, счастливых действий. Он покорил вятичей, которые все еще признавали себя данниками хана козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял козарскую *Белую Вежу,* или *Саркел,* как именуют ее византийские историки, город на берегу Дона, укрепленный греческим искусством. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *ясов* и *касогов:* первые — вероятно, нынешние оссы или оссетинцы, — будучи аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахиею: оссетинцы и теперь называют их касахами. — Тогда же, как надобно думать, завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего царства Воспорского, названная потом княжеством Тмутороканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностию России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областию Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества каганов.

Неудовольствие императора Никифора Фоки на болгарского царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить болгарам за то, что они не хотели препятствовать венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника херсонского, ехать послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному князю российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора [967 г.], взяв с греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60 000 воинов явился в ладиях на Дунае. Тщетно болгары хотели отразить их: россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдалися победителю. Царь болгарский умер от горести. Удовлетворив мести греков, богатый добычею, гордый славою, князь российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от императора

и жил весело в болгарском Переяславце, не думая о том, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности.

Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго князя [968 г.], и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял воевода российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с *уздою* из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Тут неприятели, узнав свою ошибку, начали стрелять в него; а россияне с другого берега выехали навстречу и взяли отрока в лодку. Слыша от сего посланного, что изнуренные киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святославова, воевода решился спасти хотя семейство княжеское — и печенеги на рассвете увидели лодки российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе, и великая княгиня Ольга могла, вместе со внуками, безопасно встретить своих избавителей за стенами города. Князь печенежский увидел их малое число, но все еще не смел сразиться: требовал дружелюбного свидания с предводителем российским и спросил у него, князь ли он? Хитрый воевода объявил себя начальником передовой дружины Святославовой, уверяя, что сей Герой со многочисленным войском идет вслед за ним. Обманутый печенег предложил мир: они подали руку один другому и в знак союза обменялись оружием. Князь дал воеводе саблю, стрелы и коня: воевода князю щит, броню и меч. Тогда печенеги немедленно удалились от города.

Освобожденные киевляне отправили гонца к Святославу сказать ему, что он для завоевания чуждых земель жертвует собственною; что свирепые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствие государя и защитника может снова подвергнуть их той же опасности, и чтобы он сжалился над бедствием отечества, престарелой матери и юных детей своих. Тронутый князь с великою поспешностию возвратился в Киев. Шум воинский, любезный его сердцу, не заглушил в нем нежной чувствительности сына и родителя: летопись говорит, что он с горячностию лобызал мать и детей, радуясь их спасению. — Дерзость печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов

России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце Героя стремилось к берегам дунайским. Собрав бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности искусства и природы: греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды; богемцы и венгры серебро и коней; россияне меха, воск, мед и невольников». Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. «Погреби меня — сказала она — и тогда иди, куда хочешь». Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась [969 г.]. — Она запретила отправлять по себе языческую тризну и была погребена христианским священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою,* церковь *Святою,* история *Мудрою.* Отмстив древлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святославова; с деятельностию великого мужа учреждала порядок в государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие князья до времен Ольгиных *воевали:* она *правила* государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы. — При Ольге Россия стала известной и в самых отдаленных странах Европы. Летописцы немецкие говорят о посольстве ее в Германию к императору Оттону I. Может быть, княгиня российская, узнав о славе и победах Оттоновых, хотела, чтобы он также сведал о знаменитости ее народа, и предлагала ему дружественный союз чрез послов своих. — Наконец, сделавшись ревностною христианкою, Ольга — по выражению Нестора, *денница и луна спасения* — служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве.

По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу государства на берега дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие государство, сопредельное с империею, превосходило Россию и

в гражданском образовании: но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавиею и Валахиею, то есть выгнать оттуда печенегов, чтобы непрерывною цепию завоеваний соединить Болгарию с российскими владениями. Но сей князь излишно надеялся на счастие оружия и на грозное имя победителя козаров.

Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные князья. В то же время новогородцы, недовольные, может быть, властию княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного князя: Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери любчанина Малька: новогородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. — Итак, Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные уделы:* пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областию, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу болгаров; но воины Святославовы, ободренные его речью: *Братья и дружина! Умрем, но умрем с твердостию и мужеством!* — напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный грек, именем Калокир, самый тот, который от императора Никифора был послом у Святослава. Калокир с помощию россиян надеялся свергнуть государя своего с престола и царствовать в Константинополе: за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары. — Между тем Святослав, довольствуясь властию над сею землею, позволял сыну умершего ее царя, именем Борису, украшаться знаками царского достоинства.

Греки, призвавшие россиян на берега дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее болгаров. Иоанн Цимиский, тогдашний император, предлагая сему князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы

5 Зак. № 38

россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать послов и с гордостию ответствовал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и византийские историки не согласны: первый отдает честь и славу победы князю российскому, вторые императору — и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у греков, а Святослав принужден был, с горстию воинов, идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же греческие историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий князь (говорят они), к русской дружине присоединив болгаров, новых своих подданных — венгров и печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения. Варда Склир, полководец империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить печенегов: тогда греки, ободренные успехом, сразились с князем Святославом. Россияне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин, патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать *число* его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить вождя смелого, единодушно ответствовали: *Наши головы лягут вместе с твоею!* Вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения...» Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальней-

шее его повествование гораздо менее вероятно. «Цимиский (пишет он) в страхе, в недоумении призвал вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и паволоками драгоценными, отправил их с человеком хитрым и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал отрокам своим: *Возьмите.* Тогда император послал к нему в дар оружие: Герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимиский, не смея ратоборствовать с таким неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их родственников. Гордый Святослав с торжеством возвратился в Болгарию». Греки не имели нужды *искушать* великого князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

В следующий [971] год, по известиям византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к дунайскому устью, без сомнения для того, чтобы пресечь сообщение россиян водою с Киевом. Сей император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив царя Никифора, но правил государством благоразумно и был героем. Избирая полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых воинов, строго наказывая малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее римское славолюбие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственное его мужество было примером для тех и других. – На пути встретили императора послы российские, которые хотели единственно узнать силу греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан греческий и возвратиться к своему князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, император с отборными ратниками, с легионом так называемых *бессмертных,* с 13 000 конницы, с 10 500 пехоты, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 россиян, которые спокойно занимались там воинским ученьем. Они изумились, но храбро вступили в бой с греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. Как скоро оно пришло, греки со всех сторон окружили город, где начальствовал российский полководец Сфенкал. Сам князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам греческих летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав россиянам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именем царь болгарский, достался грекам в плен, со многими его знаменитыми единоземцами: император обошелся с ними благосклонно, уверяя — как бывает в таких случаях — что он вооружился единственно для освобождения их от неволи и что признает врагами своими одних россиян.

Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно император ободрял греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимискія, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав — два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе, — каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара греков поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастие ласкало ту и другую сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя империи; был везде, где была опасность; махом копия своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот греческий, который пресек свободное плавание россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан греков. Россияне (пишут византийские историки) оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастися: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни. Самые жены их ополчались и, как древние амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды в счастливой вылазке, приняв магистра Иоанна, свойственника Цимискиева,

за самого императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостию, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалали пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию византийцев, а доблестью вельможа), пали в рядах неприятельских. Сверх того россияне, стесненные в Доростоле и лишенные всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные россияне вышли из лодок, напали из лесу на греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. — Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка русская не могла выплыть из Доростола.

Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастие совсем оставило россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того, греки имели во всем изобилие, и новые легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастися бегством в ночное время; другие советовали просить мира у греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец, все думали, что войско российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но великий князь не согласился с ними и хотел еще испытать счастие оружия. «Погибнет, — сказал он с тяжким вздохом, — погибнет слава россиян, если ныне устрашимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим греков, или падем с честию, совершив дела великие!» Тронутые сею речью, достойные его

сподвижники громкими восклицаниями изъявили решительность геройства — и на другой день все войско российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началося утром: в полдень греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благоприятствуют малочисленным россиянам, велел полководцам своим заманить их на обширное поле притворным бегством; но сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь развела воинства без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с князем Святославом и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав ответствовал: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!» За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел великого князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый грек пал от мечей дружины княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая природа ополчилась на Святослава: страшный ветр поднялся с юга и, дуя прямо в лицо россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так что они долженствовали прекратить битву, оставив на месте 15 500 мертвых и 20 000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказывали друг другу, будто бы Св. Феодор Стратилат явился впереди их войска и, разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки российские.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частию раненных, и сам уязвленный, решил наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. «Возьмем их, сказал великий князь дружине своей: когда же будем недовольны греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду». Так повествует наш летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах греческого оружия. Византийские историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам российским торговать в Константинополе, примолвил с

великодушною гордостию: «Мы, греки, любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями». Императорский вельможа Феофан Синкел и российский воевода Свенельд именем государей своих заключили следующий договор, который находится в Несторовой летописи и также ясно доказывает, что успех войны был на стороне греков: ибо Святослав, торжественно обязываясь на все полезное для империи, не требует в нем никаких выгод для россиян.

«Месяца июля, Индикта XIV, в лето 6479 [971 г.], я, Святослав, князь Русский, по данной мною клятве, хочу иметь *до конца века* мир и любовь совершенную с Цимискием, Великим Царем Греческим, с Василием и Константином, Боговдохновенными Царями, и со всеми людьми вашими, обещаясь именем всех сущих *подо мною* Россиян, Бояр и прочих никогда *не помышлять на вас,* не собирать моего войска и не приводить чужеземного на Грецию, область Херсонскую и Болгарию. Когда же иные враги *помыслят на Грецию,* да буду их врагом и да борюся с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят *сих правых* условий, да *имеем клятву* от Бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты, как золото,* и собственным нашим оружием *иссечены.* В удостоверение чего написали мы договор на сей хартии и своими печатями запечатали». Утвердив мир, император снабдил россиян съестными припасами; а князь российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили — и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский в то же время отправил к печенегам послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме по-

следнего, досадуя на россиян за то, что они примирились с греками. Так пишут византийские историки; но с большею вероятностию можно думать совсем противное. Тогдашняя политика императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами греки наставили печенегов воспользоваться слабостию российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

Печенеги обступили днепровские пороги и ждали россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так что они давали полгривны за лошадиную голову. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно [972 г.]. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубил ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие россияне спаслись с воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о погибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней истории, который столь мужественно боролся и с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнию с героями песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка.

Если Святослав в 946 году — как пишет Нестор — был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК 972—980 гг.

Междоусобие князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы российские в Германии.

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в древлянской земле, Владимир в Новегороде. Единодержавие пресеклось в государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

Виновником сей вражды был славный воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в *своем владении:* причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отмстить ему, убедил Ярополка идти войною на древлянского князя и соединить область его с Киевскою.

Олег, узнав о намерении своего брата, также собрал [977 г.] войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего князя в глубокий ров. Ярополк вступил в город и хотел видеть брата: сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с моста. Победитель, видя бездушный, окровавленный труп Олегов, лежащий на ковре пред его глазами, забыл свое торжество, слезами изъявил раскаяние и, с горестию указывая на мертвого, сказал Свенельду: *Того ли хотелось тебе?..* Могила Олегова в Несторово время была видима близ Овруча, где и ныне показывают оную любопытным путешественникам. Поле служило тогда кладбищем и для самых князей владетельных, а высокий бугор над могилою единственным мавзолеем.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной. – Владимир, князь новогородский, сведав о кончине брата и завоевании древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбия и бежал за море к варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих наместников, или посадников, и таким образом сделался государем единодержавным в России.

Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях норманов, которых флаги развевались на всех морях европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих варягов под свои знамена [980 г.]; прибыл с сей надежною дружиною в Новгород, сменил посадников Ярополковых и сказал им с гордостию: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

В области Полоцкой, в земле кривичей, господствовал тогда варяг Рогволод, который *пришел из-за моря,* вероятно, для того, чтобы служить великому князю российскому, и получил от него в удел сию область. Он имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы: ибо мать Владимира, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины варяжской, славян новогородских, *чуди и кривичей:* сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их государю. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе. Окружив стан свой окопами, Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. «Желаю твоей помощи, велел сказать ему Владимир: ты будешь мне вторым отцом, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей». Гнусный любимец не усомнился предать государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удаляться от битвы. Страшася верности добрых киевлян, он уверил князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр. Киевляне, оставленные государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне.* Изменник Блуд склонял сего князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответствовал наконец: «Да

будет по твоему совету! Возьму, что уступит мне брат». Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они верных добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит история память его!), который говорил ему: «Не ходи, государь, к брату: ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле печенегов». Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову... Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку.

Таким образом, старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года киевским владетелем и 3 года главою всей России, оставил для истории одну память добродушного, но слабого человека. Слёзы его о смерти Олеговой свидетельствуют, что он не хотел братоубийства, и желание снова присоединить к Киеву область древлянскую казалось согласным с государственною пользою. Самая доверенность Ярополкова к чести Владимировой изъявляет доброе, всегда неподозрительное сердце; но государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть героем, достоин сожаления, а не власти.

Ярополк оставил беременную супругу, прекрасную монахиню греческую, пленницу Святославову. Он был женат еще при отце своем, но сватался за Рогнеду: следственно, многоженство и прежде Владимира не считалось беззаконием в России языческой.

В княжение Ярополка, в 973 году, по известию летописца немецкого, находились в Кведлинбурге, при дворе императора Оттона, *послы российские:* за каким делом? Неизвестно; сказано только, что они вручили императору богатые дары.

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ 980—1014 гг.

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые христианские мученики в Киеве. Бунт радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение государства. Строение городов. Война с хорватами и печенегами. Церковь Десятинная. Набег печенегов. Пиры Владимировы. Милосердие. Осада Белагорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри.

Владимир с помощью злодеяния и храбрых варягов овладел государством; но скоро доказал, что он родился быть государем великим.

Сии гордые варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостию отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предуведомили императора, чтобы он не оставлял мятежных варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не дозволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ *теремного двора,* на священном холме, вместе с иными кумирами. Там, говорит летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодеяний... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева), и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. Польские славяне, ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно славянам российским, еще ранее их прибегнули к единовластию. Мечислав, государь знаменитый в истории введением христианства в земле своей, правил тогда народом польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к государству польскому. Он взял города *Червен* (близ Хелма), Перемышль и другие, которые, с сего времени будучи собственностию России, назывались *червенскими.* В следующие два года храбрый князь смирил бунт вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну ятвягов, дикого, но мужественного народа латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к северо-западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря: ибо Ливония, по свидетельству [982 г.] Стурлезона, летописца исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом.

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обагрить олтари. Исполняя совет *бояр и старцев,* он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов — и жребий пал на юного варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастии: вдохновенный любовию к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели христианство; но торжест-

венное хуление Веры их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор варяжского христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостию сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастие. Радимичи, спокойные данники великих князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их [984 г.]. Храбрый воевода его, прозванием *Волчий Хвост,* начальник передовой дружины княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны* и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: *радимичи волчья хвоста бегают.*

На берегах Волги и Камы издревле обитали болгары, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться хану козарскому. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с новогородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *торки,* союзники или наемники россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с туркоманами и печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались орды печенежские. Великий князь победил болгаров; но мудрый Добрыня, по известию летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах,* сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников!*» Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде». — Ежели не с данию, то по крайней мере с честию и с дарами великий князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою,* простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены

в любви: ибо великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди — близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино,* — заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца, Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем». Владимир, бросив меч на землю, ответствовал: «Кто знал, что ты здесь!» ... удалился, собрал бояр и требовал их совета. «Государь! — сказали они: прости виновную для сего младенца, и дай им в удел бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской губернии и, назвав его *Изяславлем,* отправил туда мать и сына.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец вся и торжественно признала святость оного, почти в одно время с землями соседственными: Венгриею, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний летописец наш повествует, что не только христианские проповедники, но и магометане, вместе с иудеями, обитавшими в земле козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что великий князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также — увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества — искать истины в разных Верах.

Первые послы были от волжских, или камских, болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера магометанская, утвержденная там счастли-

вым оружием аравитян: болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино — уставом безрассудным. *Вино,* сказал он, *есть веселие для русских; не можем быть без него.* — Послы немецких католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь ответствовал им: *Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от папы.* Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, ответствовали проповедники: но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?* сказал Владимир: *мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.* — Наконец, безымянный философ, присланный греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися,* ответствовал философ — *и будешь в раю с первыми.*

Летописец наш *угадывал,* каким образом проповедники Вер долженствовали говорить с Владимиром; но ежели греческий философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона христианского. Вера славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей, и нередко увеселялись их кровию. Хотя славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там,

за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

Владимир, отпустив философа с дарами и с великою честию, собрал бояр и *градских старцев;* объявил им предложения магометан, иудеев, католиков, греков и требовал их совета. «Государь! сказали бояре и старцы: Всякий человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству» — и великий князь отправил *десять* благоразумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле немецких католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты;* наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* сказал император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести послов в Софийскую церковь, где сам патриарх, облаченный в святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого духовенства греческого, богатые одежды служебные, убранство алтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется... Возвратясь в Киев, послы говорили князю с презрением о богослужении магометан, с неуважением о католическом и с восторгом о византийском, заключив словами: «Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение бояр и старцев. «Когда бы Закон греческий, — сказали они, — не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий князь решился быть христианином.

Так повествует наш летописец, который мог еще знать современников Владимира, и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего российского посольства в страну католиков и в Царьград, для испытания Закона христианского, утверждается также известиями одной греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего царя византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного.*

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и священники христианские;

но князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

Собрав многочисленное войско, великий князь пошел [988 г.] на судах к греческому Херсону, которого развалины доныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть императоров греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях черноморских, наслаждались изобилием. — Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастию, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: *За вами, к востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, российский князь еще более возгордился своим величием и чрез послов объявил императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия. Империя,

по смерти героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным государям и спорили с ними о державе. Сии обстоятельства принудили императоров забыть обыкновенную надменность греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощию сильного князя российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру христианскую, он получит и руку царевны и Царство небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостию изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с князем народа, по мнению греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что великий князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда святитель возложил на него руку. Бояре российские, удивленные чудом, вместе с государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили великий князь и невеста его). Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо великий князь, как верный союзник императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город царям греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева

близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонским митрополитом в тайнах и нравственном учении христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди русские, вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда великий князь и бояре предпочли ее старой Вере отцов своих. Там явился Владимир, провождаемый собором греческих священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда священный собор нарек всех граждан киевских христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес моливу: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!»... *В сей великий день,* говорит летописец, *земля и небо ликовали.*

Скоро знамения Веры христианской, принятой государем, детьми его, вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ [988—990 гг.]. Великий князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, священники, проповедовали Христа в разных областях государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России

до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян.* Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных киевским христианам, великий князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостию, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил государство на области и дал в удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который доныне существует в Минской губернии и назван так от имени варяга Тура, повелевавшего некогда сею областию. Владимир отправил малолетних князей в назначенный для каждого удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить государства и дал сыновьям одни права своих наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный князь, повинуясь отцу, самовластному государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства печенегов, великий князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и населил их новогородскими славянами, кривичами, чудью, вятичами. Укрепив киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто живал в оном [990 г.].

Война с хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набеге печенегов [993 г.], которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий князь встретился с ними на берегах Трубежа: причем летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско печенегов стояло за рекою: князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. *Ежели русский убьет печенега,* сказал он, *то обязываемся три года не воевать с вами, а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю.* Владимир согласился и велел *бирючам,* или герольдам, в стане своем кликнуть охотников для поединка: не сыскалось ни одного, и князь российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал надвое толстую воловью кожу. Государь! Вели ему бороться с печенегом.* Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одной рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими давнул печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина княжеская, воскликнув победу, бросилась на устрашенное войско печенегов, которое едва могло спастися бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем:* ибо юноша русский *переял* у врагов *славу.* Великий князь, наградив витязя и старца, отца его, саном боярским, возвратился с торжеством в Киев». Поединок может быть истиною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с греками в 906 году.

Россия года два или три [994–996 гг.] наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери и художеством греков украшенного. Там, исполненный Веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: «Господи! В сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам храбрых россиян!» и в знак сердечной радости угостил во дворце княжеском бояр и градских старцев;

не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам. — Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней херсонским иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; уставил брать ему десятую часть из собственных доходов княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме. Следственно, Анастас был священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною)* находилась под его особенным ведением. Новейшие летописцы утвердительно повествуют о киевских митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу. Нестор совсем не упоминает о митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения греках или славянах греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и великий князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир вельмож, посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого государя. С того времени сей князь всякую неделю угощал в *гриднице,* или в прихожей дворца своего, бояр, *гридней* (меченосцев княжеских), воинских сотников, десятских и всех людей именитых, или *нарочитых.* Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды — как рассказывает летописец — гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого государя русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные,* говоря благоразумно: *Серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду.* Владимир, по словам летописи, отменно

любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных бояр и чиновников, он был истинным отцом бедных, которые всегда могли приходить на двор княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: *больные,* говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* — и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» — спрашивали люди княжеские и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут,* и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете,* вселили в душу великого князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *вирою,* или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные пастыри церкви вывели набожного князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» — спросили они. *Боюсь гнева Небесного,* ответствовал Владимир. «Нет, сказали епископы: ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий князь, приняв их совет, отменил *виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными государями: польским, венгерским и богемским; но хищные печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые епископы и *старцы* доказали великому князю, что государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних врагов — и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве.

Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения печенегов, сам отправился в Новгород [997 г.]; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *вече,* или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, говорил он: печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но

хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная,* спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою[1], другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду.

Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 года. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора и в течение *семнадцати лет* он сказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида — одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать — и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с норвежским принцем Эриком, о коей повествует исландский летописец Стурлезон. Гонимый судьбою, малолетний принц норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из вельмож Владимировых, с материю, вдовствующею королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при дворе, осыпаемый милостями великой княгини, и ревностно служил государю; но, оклеветанный завистливыми боярами, должен был оставить его службу. Чрез несколько лет — может быть, с помощью России — он сделался королем норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город российский *Альдейгабург,* или, как *вероятно,* нынешнюю Старую Ладогу, где обыкновенно приставали мореплаватели скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый норвежский принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

---

[1] Сыта — медовый взвар, разварной мед на воде.

Наместники новогородские ежегодно платили две тысячи гривен великому князю и тысячу раздавали гридням, или телохранителям княжеским. Ярослав, тогдашний правитель Новагорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого.

Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время [1015 г.] печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, князю ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило государства на волю рока...

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину великого князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: вельможи, народ, воины бросились в церковь; увидели труп государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей князь, названный церковию *Равноапостольным,* заслужил и в истории имя *Великого.* Истинное ли уверение в святыне христианства, или, как повествует знаменитый арабский историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с государями византийскими решило его креститься? известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился Ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей князь, похитив единовластие, благо-

разумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ ятвяжский; расширил пределы государства на западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе восточных императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в политике, за назначение особенных уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние скандинавские, немецкие, византийские, арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий церкви и нашего первого летописца о делах Владимировых, память сего великого князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новогородском, Александре *с золотою гривною,* Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к христианству, любовию к наукам, живут доныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новегороде, под руководством дяди, боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого монарха, дополним историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

Глава X

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы. Правление. Законы гражданские. Воинское искусство. Флоты. Чиноначалие и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы.

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние государства европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новагорода и Киева к западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу до порогов днепровских и Киммерийского Воспора; к северу и востоку граничила она с Финляндиею и с чудскими народами, обитателями нынешних губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с мордвою и с казанскими болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским, или Хвалисским).

Слова новогородцев и союзных с ними народов, преданные нам летописцем: «хотим князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть монархического.

Но князья привели с собою многих независимых варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную дружину и верховный совет, с коим государь делился властию. Мы видели, что послы российские заключали договор с Грециею от имени князя и бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с императором и что вся *дружина княжеская* должна была вместе с ним присягать на священном холме.

Самый народ славянский, хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белогородцы, теснимые печенегами, рассуждали на вече, что им делать. — Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия. Так новогородцы объявили Свя-

тославу, что они требуют от него сына в правители, или, в случае отказа, изберут себе особенного князя.

На войне права государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю. Желая один воспользоваться грабежом в земле древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемою с народов, уже подвластных России, князья делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностию великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, *княжил* в Полоцке.

Варяги, на условиях *поместной системы* владевшие городами, имели титло князей: о сих-то *многих* князьях российских упоминается в Олеговом договоре с греческим императором. Дети их, заслужив милость государя, могли получать те же уделы: бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием, или отчиною. Но великий князь как государь располагал сими частными княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых уделами вельмож норманских. Другие города и волости непосредственно зависели от великого князя: он управлял ими чрез своих посадников, или наместников. Образ сего внутреннего правления ответствовал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова уставил смертную казнь. — Нестор упоминает еще о *градских старейшинах,* которые летами, разумом и честию заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

Во времена независимости российских славян гражданское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности; но варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам великих князей с греками и во всем согласные с древними законами скандинавскими. Например: и в тех и других было уставлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки; что за каждый удар мечом, копием или другим оружием надлежало платить денежную пеню.

Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно, к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих. — Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не славяне, то по крайней мере варяги российские могли иметь в IX и X веке *законы писаные:* ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление рунических письмен было известно до времен христианства.

Мы имеем еще древний так называемый *Владимиров устав,* по коему, сообразно с греческими номоканонами[1], отчуждены от мирского ведомства монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним епископам: также весы и мерила городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба[2], снятие одежды с мертвеца и проч. и проч. Нет сомнения, что духовенство российское в первые времена христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относилися к совести и нравственным правилам новой Веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом): но сей *устав* есть подложный — и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх *Фотий* дал ему *первого* митрополита Леона; а *Фотий* умер за 90 лет до сего великого князя.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для

---

[1] Номоканон *(греч.)* — сборник церковных правил; Кормчая книга.

[2] Татьба — воровство.

защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности.

Подобно другим славянам мужественные на суше, они заимствовали от варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь греческий* мог спасти Царьград от флота Игорева: для того великие князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые греки уверяли их, что Ангел Небесный вручил оный императору Константину и что одни христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли российские были не что иное, как гребные, с помощию больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек.

О древнем чиноначалии и внутреннем образовании войска известно нам следующее: князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали воеводы, тысячские, сотники, десятские. Дружину первого составляли опытные витязи и бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорева и по смерти князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, отроки, гридни, которые служили при князе: первые считались знаменитее вторых. Главные воеводы имели также своих отроков, как Свенельд, воевода Игорев. — Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и гридни, или *мечники,* брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче.

Народы, из коих составилось государство Российское, и до пришествия варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые древляне жили отчасти в городах; самые вятичи и радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам варяжских князей: договоры их с греками свидетельствуют, что в X веке жило множество россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию

и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец: к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные россам славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые μονοξυλα: ибо оне делаются *из одного дерева.* По вскрытии Днепра славяне приплывают в Киев и продают оные россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В апреле месяце собирается весь российский флот в городке Витичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого опасного, то есть *Неясытя,* купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где херсонцы, *возвращаясь* из *России,* переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников и доплыв до острова Св. Григория, россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с печенегами и, наконец, миновав Конопу, Константию, также устье болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого греческого города». Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов и когда она была предметом всякого их мирного договора с империею. — Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским.* Но цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги днепровские; одни, кажется, херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним киргизам и калмыкам, они продавали россиянам множество азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого. — Волжские болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, арабского географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев.

О торговле древних россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в скандинавских и немецких летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали новогородцы еще в Олеговы времена. В славной Виннете и других балтийских городах находились купцы российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на севере, что летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страною, *изобильною всеми благами,* omnibus bonis affluentem.

Вероятно, что великие князья, следуя примеру скандинавских владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах,* нежели в *деньгах.* Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами,* или с оброком княжеским, что называлось: *возить повоз.* Следственно, казна изобиловала *товарами* и могла отпускать их в чужие земли.

Россияне, подобно норманам, соединяли торговлю с грабежом. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского озера и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм) не могли их удерживать. Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы российские предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело, без сомнения, важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников.

Счастливые войны и торговля россиян, служив к обогащению народа,- долженствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность двора константинопольского, великие князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников. Нередко послы российские именем государя требовали в дар от греков царской

6 Зак. № 38

одежды и венцов: чего императоры, желая отличаться от *варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками Ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питие всех народов славянских, был еще душою славных пиров его; но киевляне в Олеговы времена уже имели вина греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги, и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде,* находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением России* и даже *вторым Константинополем.* Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицею великого князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтися без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: доныне вместо их жители Мальтийских островов употребляют раковины. Так и славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, *куниц* и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордка́ми* и другими *лоскутками,* куньими и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с империею сказано, что грек, ударив мечом россиянина, или россиянин грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра.* Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника греческого 20 *золотников,* т. е. византийских червонцев, *номисм* или *солидов.* Нет сомнения, что и внутри государства ходило серебро в монетах: радимичи вносили в казну *щляги,* или шиллинги, без сомнения полученные ими от козаров. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных.

Именем *гривны* означалось известное число *кун,* некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен новогородскими кунами.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России христианскою Верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим,* ибо сей великодушный, смелый князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: *Погибоша аки обри — беда аки в Родне — пищанцы волчья хвоста бегают* и, конечно, многие другие, хранили также память важных случаев. В государственных договорах великих князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии россиян; например: *Дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятся щиты своими — да будем золоти аки золото* и проч. Краткая сильная речь Святославова есть достойный памятник сего Героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка славянского. Хотя кирилловские письмена могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые христиане киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, не велико: Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить церкви пастырей и священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются...

Здесь должно ответствовать на вопрос любопытный: какие священные книги были тогда употребляемы христианами российскими? Те ли самые, коими доныне пользуется наша церковь, или *иного, древнейшего перевода?* Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые

Нестором в летописи, с печатною московскою или киевскою Библиею, всякий уверится, что россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема при Константине, волынском князе, в XVI веке; при царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка славянского. Библия чешская или богемская переведена с латинской Иеронимовой в XII и XIV веке; польская, краинская, лаузицкая еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? При великом ли князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая преложены книгы* (т. е. Библия) *в Мораве, яже прозвася грамота словенская, еже грамота есть з Руси,* он ясно дает знать, что российские христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка славянского на греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть иллирического, или сербского, в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия долженствовали менее нынешнего разниться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг христианских, и сам Нестор подражал ему; но русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве,* о коем будем говорить в примечаниях на российскую словесность XII века.

Нужнейшие искусства механические, равно как и свободные, были известны древним россиянам. И ныне селянин русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих

ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все немецкие славяне торговали полотнами: русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*. Народ, составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечах, будто бы предложенных киевлянами в дань козарам. — Христианская Вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитою, но и самым украшением. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых и проч. *Клети,* или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сенями; спальни назывались *одринами.* На дворах строились вышки для голубей: ибо россияне искони любили сих птиц. — Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить русских. — Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь россиян к искусству мусикийскому[1].

Что касается собственно до нравов сего времени, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. Россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостию; но императоры византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет греков коварными. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри государства: еще более увидим их; но чем же иным богата история Европы в средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства

[1] Мусикийский — музыкальный.

умножились... Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого вождя: *станем крепко, не посрамим земли Русской* – вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах. – Дома и в мирное время они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры и сказал магометанским болгарам: *Руси есть веселие пити.* Между достопамятными чертами древних русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских вечах они имели первенство. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых государей: плакал над телом великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени русскому.

Конец I тома

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК
1015—1019 гг.

Святополк, похититель престола. Добродетель Бориса. Братоубийства. Безрассудная жестокость Ярославова. Великодушие новогородцев. Битва у Любеча. Союз Ярослава с императором немецким. Война с Болеславом Храбрым. Битва на Буге. Взятие Киева. Вторичное великодушие новогородцев. Вероломное избиение поляков. Болеслав оставляет Россию. Черная река. Битва на Альте. Бегство и смерть Святополка.

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный летописец немецкий, Дитмар, говорит, что Святополк, правитель Туровской области, женатый на дочери польского короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что великий князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и немецкого епископа Реинберна, который приехал с дочерью Болеслава. Владимир — может быть, при конце жизни своей — простил Святополка: обрадованный смертию дяди и благодетеля, сей недостойный князь спешил воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно

своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь государем России!» Борис ответствовал: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» — спросил новый государь. Бояре ответствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред Всевышним сердце свое в святых песнях Давидовых. Он уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу Небесною Верою, лег на одр и с твердостию ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного отрока его, который хотел собственным телом защитить государя и друга. Сей юный воин, именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим князем своим и в знак его милости носил на шее золотую гривну: корыстолюбивые убийцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других княжеских отроков, которые не хотели спасаться бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет[1] и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он велел двум варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах. — Летописец хотел предать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк без сомнения наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к муромскому князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый

---

[1] Намет — накидной чехол, какая-либо покрышка.

сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу; однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от Ярослава, князя новогородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивал отца и любимого брата, в усердных молитвах поверяя Небу горесть свою, явились вооруженные убийцы и схватили его ладию. Дружина муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодами, и был наконец погребен в вышегородской церкви Св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни. — Братоубийца торжествовал злодеяния свои, как славные и счастливые дела: собирал граждан киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярослав, сильнейший из князей удельных, восстал на изверга; но собственною безрассудною жестокостию едва не отнял у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославом в Новгород, дерзкие, неистовые, ежедневно оскорбляли мирных граждан и целомудрие жен их. Не видя защиты от князя пристрастного к иноземцам, новогородцы вышли из терпения и побили великое число варягов. Ярослав утаил гнев свой, выехал в загородный дворец, на Ракому, и велел, с притворною ласкою, звать к себе именитых новогородцев, виновников сего убийства. Они явились без оружия, думая оправдаться пред своим князем; но князь не устыдился быть вероломным и предал их смерти. В ту же самую ночь получил он известие из Киева от сестры своей Передславы о кончине отца и злодействе брата; ужаснулся и не знал, что делать. Одно усердие новогородцев могло спасти его от участи Борисовой; но кровь их детей и братьев еще дымилась на дворе княжеском... Не видя лучшего средства, Ярослав прибегнул к великодушию оскорбленного им народа, собрал граждан на вече и сказал: «Вчера умертвил я, безрассудный, верных слуг своих; теперь хотел бы купить их всем золотом казны моей...» Народ безмолвствовал. Ярослав отер слезы и продолжал: «Друзья! Отец мой скончался, Святополк овладел престолом его и хочет погубить братьев». Тогда добрые новогородцы, забыв все,

единодушно ответствовали ему: «Государь! Ты убил собственных наших братьев, но мы готовы идти на врагов твоих». — Ярослав еще более воспламенил их усердие известием о новых убийствах Святополковых; набрал 40 000 россиян, 1000 варягов, и сказав: *да скончается злоба нечестивого!* выступил в поле.

Святополк, узнав о том, собрал также многочисленное войско, призвал печенегов и на берегах Днепра, у Любеча, сошелся с Ярославом [1016 г.]. Долго стояли они друг против друга без всякого действия, не смея в виду неприятеля переправляться чрез глубокую реку, которая была между ими. Уже наступила осень... Наконец воевода Святополков обидными и грубыми насмешками вывел новогородцев из терпения. Он ездил берегом и кричал им: «Зачем вы пришли сюда с *хромым* князем своим? (Ибо Ярослав имел от природы сей недостаток.) Ваше дело *плотничать,* а не сражаться». *Завтра,* сказали воины новогородские, *мы будем на другой стороне Днепра; а кто не захочет идти с нами, того убьем как изменника.* Один из вельмож Святополковых был в согласии с Ярославом и ручался ему за успех ночного быстрого нападения. Между тем как Святополк, нимало не опасаясь врагов, пил с дружиною, воины князя новогородского до света переехали чрез Днепр, оттолкнули лодки от берега, желая победить или умереть, и напали на беспечных киевлян, обвязав себе головы платками, чтобы различать своих и неприятелей. Святополк оборонялся храбро; но печенеги, отделенные от его стана озером, не могли приспеть к нему вовремя. Дружина киевская, чтобы соединиться с ними, вступила на тонкий лед сего озера и вся обрушилась. Ярослав победил, а Святополк искал спасения в бегстве. Первый вошел с торжеством в Киев; наградил щедро своих мужественных воинов — дав каждому чиновнику и новогородцу 10 гривен, а другим по гривне — и, надеясь княжить мирно, отпустил их в домы.

Но Святополк еще не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами, и прибегнул к защите Болеслава. Сей король, справедливо названный *Храбрым,* был готов отмстить за своего зятя и желал возвратить Польше города червенские, отнятые Владимиром у Мечислава: имея тогда войну с Генриком II, императором немецким, он хотел кончить оную, чтобы тем свободнее действовать против России. Епископ мерзебургский, Дитмар, лично знакомый с Генриком II, говорит в своей летописи, что император вошел в сношение с Ярославом, убеждая его предупредить *общего* их врага, и что князь российский, дав ему слово быть союзником, осадил польский город, но более не причинил никакого вреда Болеславу.

Таким образом, Ярослав худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: начал сию бедственную войну, не собрав, ка-

жется, достаточных сил для поражения столь опасного неприятеля, и дал ему время заключить мир с Генриком. Император, теснимый с разных сторон, согласился на условия, предложенные гордым победителем, и, недовольный слабою помощию россиян, старался даже утвердить короля в его ненависти к великому князю. Болеслав, усилив свое опытное войско союзниками и наемниками, немцами, венграми, печенегами — вероятно, молдавскими, — расположился станом на берегах реки Буга [1018 г.].

За несколько месяцев до того времени [1018 г.] страшный пожар обратил в пепел большую часть Киева: Ярослав, озабоченный, может быть, старанием утешить жителей и загладить следы сего несчастия, едва успел изготовиться к обороне. Польские историки пишут, что он никак не ожидал Болеславова нападения и беспечно удил рыбу в Днепре, когда гонец привез ему весть о сей опасности; что князь российский в ту же минуту бросил уду на землю и сказав: *не время думать о забаве; время спасать отечество,* вышел в поле, с варягами и россиянами. Король стоял на одной стороне Буга, Ярослав на другой; первый велел наводить мосты, а второй ожидал битвы с нетерпением — и час ее настал скорее, нежели он думал. Воевода и пестун Ярославов, *Будый,* вздумал, стоя за рекою, шутить над тучностию Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острым копьем своим. Король польский в самом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостию, он сказал воинам: «Отмстим, или я погибну!» — сел на коня и бросился в реку; за ним все воины. Изумленные таким скорым нападением, россияне были приведены в беспорядок. Ярослав уступил победу храброму неприятелю, и только с четырьмя воинами ушел в Новгород. Южные города российские, оставленные без защиты, не смели противиться и высылали дары победителю. Один из них не сдавался: король, взяв крепость приступом, осудил жителей на рабство или вечный плен. Лучше других укрепленный, Киев хотел обороняться: Болеслав осадил его. Наконец утесненные граждане отворили ворота — и епископ киевский, провождаемый духовенством в ризах служебных, с крестами встретил Болеслава и Святополка, которые 14 августа въехали торжествуя в нашу столицу, где были сестры Ярославовы. Народ снова признал Святополка государем, а Болеслав удовольствовался именем великодушного покровителя и славою храбрости. Дитмар повествует, что король тогда же отправил киевского епископа к Ярославу с предложением возвратить ему сестер, ежели он пришлет к нему дочь его, жену Святополкову (вероятно, заключенную в Новогородской или другой северной области).

Ярослав, устрашенный могуществом короля польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к варягам; но великодушие новгородцев спасло его от сего несчастия и стыда. Посадник Коснятин, сын Добрыни славного, и граждане знаменитые, изрубив лодки, приготовленные для князя, сказали ему: «Государь! Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны: возьми все, что имеем». Они собрали с каждого человека по четыре куны, с бояр по осьмнадцати гривен, с городских чиновников, или старост, по десяти; немедленно призвали корыстолюбивых варягов на помощь и сами вооружились.

Вероломство Святополково не допустило новогородцев отомстить Болеславу. Покорив южную Россию зятю своему, король отправил назад союзное войско и развел собственное по городам Киевской области для отдохновения и продовольствия. Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостью, тайно велел градоначальникам умертвить всех поляков, которые думали, что они живут с друзьями, и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей государь сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих бояр российских и сестер Ярославовых. Дитмар говорит — и наш летописец подтверждает, — что Болеслав принудил одну из них быть своею наложницею — именно Передславу, за которую он некогда сватался и, получив отказ, хотел насладиться гнусною местию. Хитрый Анастас, быв прежде любимцем Владимировым, умел снискать и доверенность короля польского; сделался хранителем его казны и выехал с нею из Киева: изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти. — Польские историки уверяют, что многочисленное войско россиян гналось за Болеславом; что он вторично разбил их на Буге и что сия река, два раза несчастная для наших предков, с того времени названа ими *Черною*... Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города червенские в Галиции, и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем королевстве.

Святополк, злодейством избавив Россию от поляков, услужил врагу своему. Уже Ярослав шел к Киеву... Не имея сильного войска, ни любви подданных, которая спасает монарха во дни опасностей и бедствий, Святополк бежал из отечества к печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приблизились к берегам Альты [1019 г.]. Там увидели они полки российские. Ярослав стоял на месте, обагренном кровию святого Бориса. Умиленный сим пе-

чальным воспоминанием, он воздел руки на небо, молился, и сказав: *кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему,* дал знак битвы. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина новогородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватали друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоскою, сей изверг впал в расслабление и не мог сидеть на коне. Воины *принесли* его к Бресту, городу Туровского княжения; он велел им идти далее за границу. Гонимый Небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса; не дерзнул вторично прибегнуть к великодушию Болеслава; миновал Польшу и кончил гнусную жизнь свою в пустынях Богемских, заслужив проклятие современников и потомства. Имя *окаянного* осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного князя: ибо злодейство есть несчастие.

Глава II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, ИЛИ ГЕОРГИЙ 1019—1054 гг.

Война с полоцким князем. Победы Мстиславовы. Падение козарской державы. Голод в Суздале. Битва у Листвена. Мир. Основание Юрьева, или Дерпта. Завоевания в Польше. Смерть Мстислава. Единовластие. Судислав заключен. Новые уделы. Победа над печенегами. Каменные стены и собор Св. Софии в Киеве. Митрополит. Строение монастырей. Любовь Ярослава к книгам. Война с ятвягами, литвою, мазовшанами, ямью. Поход на греков. Древнее предсказание. Брачные союзы. Митрополит россиянин. Наставление и кончина Ярослава. Гроб его. Свойства сего князя. Крещение костей. Первое народное училище. Киев — второй Царьград. Монета Ярославова. Демественное пение. Россия — убежище изгнанников. Северные владения России. Законы.

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан великого князя Российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов и внук Владимира. Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое удельное княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской губернии [1021 г.]. Пленники новогородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с великим князем: ибо Ярослав оставил его в покое. — О сей войне упоминают древние исландские *саги*. Варяги, или норманы, служившие тогда нашим князьям, рассказывали, возвратясь в отечество, следующие обстоятельства, достойные замечания, хотя, может быть, *отчасти* и баснословные: «Храбрый витязь Эймунд, сын короля Гейдмаркского, оказал великие услуги Ярославу в продолжение трехлетней войны с киевским государем (Святополком); наконец, взяв сторону Брячислава, еще более удивил россиян своим мужеством и хитростию. Сей витязь засел с товарищами в одном месте, где надлежало ехать супруге Ярославовой: убил под нею коня и привез ее к Брячиславу, остыдив многочисленных воинов, окружавших великую княгиню. Брячислав, заключив мир с братом, наградил Эймунда целою областию». — Скоро опаснейший неприятель восстал на Ярослава.

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. Сей князь, рожденный быть Героем, хотел войны и победы: император греческий предложил ему уничтожить державу каганову в Тавриде. Искав дружбы козаров идолопоклонников, но сильных, греки искали их погибели, когда они приняли Веру христианскую, но утратили свое могущество. Андроник, вождь императорский, в 1016 году пристал к берегам Тавриды, соединился с войском Мстислава и в самом первом сражении пленил кагана, именем Георгия Цула. Греки овладели Тавридою, удовольствовав Мстислава одною благодарностию или золотом. — Таким образом пала козарская держава в Европе; но в Азии, на берегах Каспийского моря, она существовала, кажется, до самого XII века, и в 1140 году левит еврейский, равви Иегуда, писал еще похвальное слово монарху ее, своему единоверцу. С одной стороны Аскольд, Дир, Олег, отец и сын Св. Владимира[1]; а с другой узы, печенеги, команы, ясы ослабили, сокрушили сие некогда знаменитое царство, которое от устья Волжского простиралось до Черного моря, Днепра и берегов Оки. — Чрез несколько лет Мстислав объявил

---

[1] Отец и сын Св. Владимира — Святослав Игоревич и Мстислав Владимирович.

войну касогам, или нынешним черкесам[1], восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину? — сказал он Мстиславу: одолей меня и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы князя российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу — низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных.

Уверенный в своем воинском счастии, сей князь не захотел уже довольствоваться областию Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкою: он собрал подвластных ему козаров, черкесов, или касогов, и пошел к берегам Днепровским [1023 г.]. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава. — Великий князь усмирял тогда народный мятеж в Суздале. Голод свирепствовал в сей области, и суеверные, приписывая оный злому чародейству, безжалостно убивали некоторых старых жен, мнимых волшебниц. Ярослав наказал виновников мятежа, одних смертию, других ссылкою, объявив народу, что не волшебники, но Бог карает людей гладом и мором за грехи их, и что смертный в бедствиях своих должен только умолять благость Всевышнего. Между тем жители искали помощи в изобильной стране казанских болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался. Восстановив порядок в земле Суздальской, великий князь спешил в Новгород, чтобы взять меры против властолюбивого брата.

Знаменитый варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Сей витязь скандинавский носил на больных глазах шитую золотом *луду,* или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил северян, или черниговцев, в средине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Небо покрылось густыми тучами — и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов; при свете молнии, говорит летописец, страшно блистало оружие. Храбрость,

---

[1] Касоги, черкесы — адыги.

искусство и счастие Мстислава решили победу: варяги, утомленные битвою с черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их, Якун, бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую *луду* свою. На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: «Мне ли не радоваться? Здесь лежит северянин, там варяг; а собственная дружина моя цела». Слово недостойное доброго князя: ибо черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнию, стоили по крайней мере его сожаления.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих наместников и собирал войско. Наконец сии два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз [1026 г.] и разделили государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливония платила дань Владимиру: междоусобие детей его возвратило ей независимость. Ярослав в 1030 году снова покорил чудь, основал город Юрьев, или нынешний Дерпт[1], и, собирая дань с жителей, не хотел насильно обращать их в христианство: благоразумие достохвальное, служившее примером для всех князей российских! Пользуясь свободою Веры, древняя Ливония имела и собственных гражданских начальников, о коих, согласно с преданием, пишут, что они были вместе и судии и палачи, то есть, обвинив преступника, сами отсекали ему голову. — Однако ж, несмотря на умеренность россиян и на легкость ига, возлагаемого ими на данников, чудь и латыши, как увидим, нередко старались свергнуть оное и не щадили крови своей для приобретения вольности совершенной.

В Польше царствовал тогда Мечислав, малодушный сын и наследник Великого Болеслава. Пользуясь слабостию сего короля и внутренними неустройствами земли его, Ярослав взял Бельз: в следующий год, соединясь с мужественным братом своим, овладел снова всеми городами червенскими; входил в самую Польшу, вывел оттуда множество пленников и, населив ими берега Роси, заложил там города или крепости.

Искреннее согласие двух государей российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг

---

[1] Ю р ь е в, и л и н ы н е ш н и й Д е р п т — в настоящее время Тарту (Эстония).

занемог и скончался [1036 г.]. Сей князь, прозванный *Удалым,* не испытал превратностей воинского счастия: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовию к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что государь не златом наживает витязей, а с витязями злато. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. — Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богоматери в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом и дебел телом*[1]*; имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя.*

Ярослав сделался монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних удельных князей оставался один Брячислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, летописец не упоминает более, сказывая только, что великий князь, обманутый клеветниками, заключил в Пскове Судислава, меньшего своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бедствиям удельного правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери шведского короля Олофа — которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу — он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, великий князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набеге печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в средине; на правом

---

[1] Чермен лицом и дебел телом — то есть был лицом красен и телом тучен.

крыле граждане киевские, на левом новогородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслися бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества великий князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми,* а новую церковь Святою Софиею *Митрополитскою,* украсив ее золотом, серебром, мусиею[1] и драгоценными сосудами. Тогда был уже митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт — вероятно, грек, — который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богоматери, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным киевским пожаром 1017 года. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины. Сей государь, по сказанию летописца, весьма любил *церковные уставы,* духовных пастырей и в особенности *черноризцев;* не менее любил и книги Божественные; велел переводить их с греческого на славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления. Определив из казны своей достаточное содержание иереям, он умножил число их во всех городах и предписал им учить новых христиан, образовать ум и нравственность людей грубых; видел успехи Веры и радовался, как усердный сын церкви и добрый отец народа.

Ревностное благочестие и любовь к учению книжному не усыпляли его воинской деятельности. Ятвяги были побеждены Владимиром Великим; но сей народ, обитая в густых лесах, питаясь рыбною ловлею и пчеловодством, более всего любил дикую свободу и не хотел никому платить дани. Ярослав имел с ним войну; также с литовцами, соседями Полоцкого или Туровского княжения, и с мазовшанами, тогда независимыми от государя польского. Сын великого князя, Владимир, ходил с новогородцами на ямь, или нынешних финляндцев, и победил их; но в сей земле, бесплодной и каменистой, воины его оставили всех коней своих, бывших там жертвою мора.

Предприятие гораздо важнейшее ознаменовало для нашей истории 1043 год. Дружба великих князей с императорами, основанная на взаимных выгодах, утвердилась единством Веры и

---

[1] Мусия — мозаика.

родственным их союзом. С помощию россиян шурин Владимиров[1] завоевал не только Тавриду, но и Болгарию; они сражались под знаменами империи в самых окрестностях древнего Вавилона. Летописцы византийские рассказывают, что чрез несколько лет по кончине Св. Владимира прибыл на судах в гавань цареградскую какой-то родственник его; объявил намерение вступить в службу императора, но тайно ушел из пристани, разбил греков на берегах Пропонтиды и вооруженною рукою открыл себе путь к острову Лимну, где самский наместник и воевода солунский злодейским образом умертвили его и 800 бывших с ним воинов. Сие обстоятельство не имело никаких следствий: купцы российские, пользуясь дружественною связию народа своего с империею, свободно торговали в Константинополе. Но сделалась ссора между ими и греками, которые, начав драку, убили одного знаменитого россиянина. Вероятно, что великий князь напрасно требовал удовольствия[2]: оскорбленный несправедливостию, он решился наказать греков; поручил войско мужественному полководцу, Вышате, и велел сыну своему, Владимиру, идти с ним к Царюграду. Греция вспомнила бедствия, претерпенные некогда ею от флотов российских, — и послы Константина Мономаха встретили Владимира. Император писал к нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что он желает мира и дает слово наказать виновников обиды, сделанной россиянам. Юный Владимир не уважил сего письма, отпустил греческих послов с ответом высокомерным, как говорят византийские историки, и шел далее. Константин Мономах, приказав взять под стражу купцов и воинов российских, бывших в Цареграде, и заключив их в разных областях империи, выехал сам на царской яхте против неприятеля; за ним следовал флот и конница берегом. Россияне стояли в боевом порядке близ Фара. Император вторично предложил им мир. «Соглашаюсь, — сказал гордый князь новогородский, — ежели вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого человека в моем войске». Тогда Мономах велел своим готовиться к битве и, желая заманить неприятелей в открытое море, послал вперед три галеры, которые врезались в средину Владимирова флота и зажгли греческим огнем несколько судов. Россияне снялись с якорей, чтобы удалиться от пламени. Тут сделалась буря, гибельная для малых российских лодок; одни исчезли в волнах, другие стали на мель или были извержены на берег. Корабль Владимиров пошел на

---

[1] Шурин Владимиров — византийский император Василий, на сестре которого Анне был женат Владимир.

[2] Удовольствие — удовлетворение.

дно; некто Творимирич, один из усердных чиновников, спас князя и воевод Ярославовых, взяв их к себе в лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 россиян, которые, не имея судов, решились возвратиться в отечество сухим путем. Главный воевода Ярославов, Вышата, предвидя неминуемую для них опасность, хотел великодушно разделить оную и сошел на берег, сказав князю: «Иду с ними; буду ли жив, или умру, но не покину достойных воинов». Между тем император праздновал бурю как победу и возвратился в столицу, отправив вслед за россиянами флот и два легиона. 24 галеры греческие обогнали Владимира и стали в заливе: князь пошел на них. Греки, будучи со всех сторон окружены неприятельскими лодками, сцепились с ними и вступили в отчаянный бой. Россияне победили, взяв или истребив суда греческие. Адмирал Мономахов был убит, и Владимир пришел в Киев со множеством пленных... Великодушный, но несчастный Вышата сразился в Болгарии, у города Варны, с сильным греческим войском: большая часть его дружины легла на месте. В Константинополь привели 800 окованных россиян и самого Вышату; император велел их ослепить!

Сия война предков наших с Грециею была последнею. С того времени Константинополь не видал уже их страшных флотов в Воспоре: ибо Россия, терзаемая междоусобием, скоро утратила свое величие и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказание, неизвестно кем написанное в X или XI веке под истуканом Беллерофона (который стоял на Таврской площади в Цареграде), что «россияне должны овладеть столицею империи Восточной»: столь имя их ужасало греков! — чрез три года великий князь заключил мир с империею, и пленники российские, бесчеловечно лишенные зрения, возвратились в Киев.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*: изгнанный в детстве из отечества вместе с материю, он удалился (как рассказывают историки польские) во Францию и, не имея надежды быть королем, сделался монахом. Наконец вельможи польские, видя мятеж в государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери Св. Владимира. Польские историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария*, названная *Доброгневою*, приняла веру латинскую и что король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный

летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* — то есть за невесту свою — 800 человек: вероятно, россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здравою политикою обоих государств, утвердил за Россиею города червенские; а Ярослав, как искренний друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть государем независимым. Великий князь, разбив его многочисленное войско, покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда[1], принца норвежского. В юности своей выехав из отечества, он служил князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу императора восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения святым местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался королем норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, королем французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом колене. Генрик, будучи свойственником государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и великих его преемников. В 1048 году — по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви — король отправил послом к Ярославу епископа шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию государей французских. — По кончине Генрика I, в

---

[1] Будучи не только Герой, но и стихотворец, Гаральд в своих походах сочинил 16 песен, из коих всякая заключалась воспоминанием о любезной дочери Ярославовой; например:

Легкие суда наши окружили Сицилию.
О, время славы блестящей!
Темный корабль мой, людьми обремененный,
Быстро рассекал волны.
Думая только о войне и битвах,
Я не искал иного счастия,
Но Русская красавица меня презирает! (II, 41)

1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с графом де-Крепи. Один французский летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера католическая, ею принятая, удерживали сию королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за короля венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых россиян переселиться в Венгрию, где в разных графствах, на левой стороне Дуная, живет доныне многочисленное их потомство, утратив чистую Веру отцов своих.

Ссылаясь на летописцев норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери английского короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем.* Саксон Грамматик, древнейший историк датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, короля датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за российского князя, именем Владимира; но сей князь не мог быть *Ярославич.* Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 (построив в Новегороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то, что его родная тетка была за сим королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *греческой царевне.* Новейшие летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои. Мы не знаем даже, по византийским летописям, ни одной греческой царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв императором, прижил супругу Всеволодову с *первою,* неизвестною нам женою? — О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного.* Историки немецкие пишут, что дочь Леопольда, графа Штадского, именем Ода, и Кунигунда, Орламиндская графиня, вышли около половины XI века за князей российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с немецкими принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от рос-

сийского князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю, Бориса Вячеславича, о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию.

Великий князь провел остаток жизни своей в тишине и в христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам Веру и присылая главных духовных пастырей, надеялись, может быть, чрез них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею: Ярослав не хотел того и еще в первый год своего единодержавия, будучи в Новегороде, *сам* избрал в начальники для сей епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве епископов, велел им поставить митрополитом Илариона *россиянина,* без всякого участия со стороны константинопольского патриарха... Иларион, муж ученый и добродетельный, был иереем в селе Берестове при церкви Святых Апостолов: великий князь узнал его достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, говорил он: вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцов, и к несчастию ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ и священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви. Сей па-

мятник, украшенный резными изображениями птиц и дерев, уцелел до наших времен.

Ярослав заслужил в летописях имя государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благодетельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тению огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отмстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных новогородцев за убиение варягов так, как государи не должны наказывать: вероломным обманом; но, признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья новогородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот,* к сожалению истребленных временем. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новагорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *двором Ярослава.*

Сей князь заточил брата, обнесенного[1] клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастия России, прежнюю вражду князя тмутороканского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве — Олеговы и Ярополковы, — крестил их и положил в киевской церкви Св. Богородицы. Ревность его к христианству соединялась, как мы видели, с любовию к просвещению. Летописцы средних веков говорят, что сей великий князь завел в Новегороде первое народное училище, где 300 отроков, дети пресвитеров и старейшин, приобретали сведения, нужные для священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и будучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царемградом.* Ярослав любил искусства:

---

[1] Обнесенный — оговоренный, очерненный.

художники греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, доныне видимою в киевской Софийской церкви. Сия мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на златом поле лица и одежду святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестию красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков искусства. — Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с греческою надписью: ό Γεοργιοσ, и с русскою: *Ярославе сребро:* доказательство, что древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные. — Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, великий князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие: пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы греческие, научившие российских церковников согласному *демественному* пению.

Двор Ярославов, окруженный блеском величия, служил убежищем для государей и князей несчастных. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олоф *Святой,* король норвежский, лишенный трона, требовал защиты российского монарха. Ярослав принял его с особенным дружелюбием и хотел дать ему в управление знаменитую область в государстве своем; но сей король, обольщенный сновидением и надеждою победить Канута, завоевателя Норвегии, выехал из России, оставив в ней юного сына своего, Магнуса, который после царствовал в Скандинавии. Дети мужественного короля английского, Эдмунда, изгнанные Канутом, Эдвин и Эдвард, также принц венгерский, Андрей (не быв еще зятем Ярославовым), вместе с братом своим Левентою искали безопасности в нашем отечестве. — Ярослав с таким же великодушием принял князя варяжского Симона, который, будучи изгнан дядею, *Якуном Слепым,* со многими единоземцами вступил в российскую службу и сделался первым вельможею юного Всеволода.

Мы сказали, что Ярослав не принадлежит к числу завоевателей; однако ж вероятно, что в *его* княжение область Новогородская распространилась на восток и север. Жители Перми, окрестностей печорских, югра, были уже в XI веке данниками новогородскими (Нестор знал и диких самоедов, которые обитали к северу от югры): завоевание столь отдаленное не могло вдруг совершиться, и россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской губернии, древним отечеством народов чудских, славным в северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию исландцев, был торговый город, где съезжались

летом купцы скандинавские и где норвежцы, отправленные в Биармию Св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшение финского идола Йомалы. Баснословие их стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с камскими болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и звериною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они спокойно наслаждались независимостию, до самого того времени, как смелые и предприимчивые новогородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белаозера до реки Печоры, была названа Заволочьем и мало-помалу населена выходцами новогородскими, которые принесли туда с собою и Веру христианскую (по достоверным историческим свидетельствам нам известно, что в XII веке уже существовали монастыри на берегах Двины). Скоро отдаленный хребет гор Уральских, идущий от Новой Земли к югу и бывший несколько времени предметом баснословия в нашем отечестве, сделался как бы границею России, и новогородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири чрез своих югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей на железные орудия и другие дешевые вещи.

Наконец, блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого монарха. Сему князю приписывают древнейшее *собрание* наших гражданских уставов, известное под именем *Русской Правды.* Еще в Олегово время россияне имели законы; но Ярослав, *может быть,* отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы *письменные* на языке славянском. Они, конечно, были государственными или *общими,* хотя древние списки их сохранились единственно в Новегороде и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам* Рима, есть верное зерцало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для истории: предлагаем его здесь в извлечении.

Глава III

ПРАВДА РУССКАЯ, ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ

Законы уголовные. Денежные пени за убийство. Вира. Гражданские степени. Дикая вира. Поток. Пеня за удары. Двор княжеский есть место суда. Охранение собственности. Воровство. Оценка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Свод. Кража людей. Беглые. Кабала. Долги. Торговля рабов. Сохранение пожитков. Росты. Улики, оправдания. Испытание железом и водою. Право наследственное. Судии присяжные. Общий характер законов. Устав о мостовых. Устав церковный.

Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: устав Ярославов утверждает ту и другую следующим образом:

I. «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию; а когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в казну: за голову боярина княжеского, тиуна *огнищан,* или граждан именитых, и тиуна *конюшего* — 80 гривен или двойную виру; за княжеского отрока или гридня, *повара, конюха,* купца, тиуна и мечника боярского, за всякого *людина,* то есть свободного человека, русского (варяжского племени) или славянина — 40 гривен или виру, а за убиение жены полвиры. За раба нет виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за тиуна *сельского* или старосту княжеского и боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна, и за кормилицу 12 гривен, за простого холопа боярского и людского 5 гривен, за рабу шесть гривен, и сверх того в казну 12 гривен *продажи»,* дани или пени.

Мы уже имели случай заметить, что россияне получили свои гражданские уставы от скандинавов. Желая утвердить семейственные связи, нужные для безопасности личной в новых обществах, все народы германские давали родственникам убитого право лишить жизни убийцу или взять с него деньги, определяя разные пени или виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянию убитых, ничтожные в сравнении с нынешнею ценою вещей, но тягостные по тогдашней редкости денег. Законодатели берегли жизнь людей, нужных для государственного могущества, и думали, что денежная пеня может отвращать злодеяния. Дети Ярославовы, как увидим, отменили даже и законную месть родственников.

Сия уголовная статья весьма ясно представляет нам гражданские степени древней России. Бояре и тиуны княжеские занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитого чиновника: второе есть скандинавское или древнее немецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *муж честный,* vir probus; так вообще назывались дворяне англосаксонские, иногда дружина государей, графы и проч. — Люди военные, придворные[1], купцы и земледельцы свободные принадлежали ко второй степени; к третьей, или нижайшей, холопы княжеские, боярские и монастырские, которые не имели никаких собственных прав гражданских. Древнейшими рабами в отечестве нашем были, конечно, потомки военнопленных; но в сие время — то есть в XI веке — уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит, что «холопом *обельным,* или полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях; 2) кто не может удовольствовать своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в ключники, и 5) *закуп,* то есть наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к князю или судьям искать управы на господина. Но служба не делает вольного рабом. Наемники могут всегда отойти от господина, возвратив ему не заработанные ими деньги. Вольный слуга, обманом проданный за холопа, совершенно освобождается от кабалы, а продавец вносит в казну 12 гривен пени».

II. «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то *вервь,* или округа, где совершилось убийство, платит за него пеню» — которая называлась в таком случае *дикою вирою* — «но в разные сроки, и в несколько лет, для облегчения жителей. За найденное мертвое тело человека неизвестного вервь не ответствует. — Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину виры, а другую с самого убийцы». Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным. — «Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его *на поток»* — или в руки государю — «с женою, с детьми и с имением». Устав жестокий и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дети ответствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностию.*

---

[1] Придворные — дворовые, челядь.

III. Как древние немецкие, так и Ярославовы законы определяли особенную пеню за всякое действие насилия: «за удар мечом необнаженным, или его рукояткою, тростию, чашею, стаканом, пястию 12 гривен; за удар палицею и жердию 3 гривны, за всякий толчок и за рану легкую 3 гривны, а раненому гривну на леченье». Следственно, гораздо неизвинительнее было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканом, нежели тяжелою палицею или самым острым мечом. Угадаем ли мысль законодателя? Когда человек в ссоре *обнажал* меч, брал палицу или жердь, тогда противник его, *видя опасность,* имел время изготовиться к обороне или удалиться. Но рукою или домашним сосудом можно было ударить *незапно;* также мечом необнаженным и тростию: ибо воин *обыкновенно* носил меч и всякий человек *обыкновенно* ходил с тростию: то и другое не заставляло остерегаться. Далее: «За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в казну, а самому изувеченному 10 гривен; за выдернутый клок бороды 12 гривен в казну; за выбитый зуб то же, а самому битому гривну; за отрубленный палец 3 гривны в казну, и раненому гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без княжеского повеления, накажет *огнищанина* (именитого гражданина) или смерда (земледельца и простого человека), платит за первого 12 гривен князю, за второго 3 гривны, а битому гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика. Дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить виновного холопа или взять за бесчестье гривну. — «Если господин в пьянстве и без вины телесно накажет *закупа,* или слугу наемного, то платит ему как свободному». — Большая часть денежной пени, как видим, шла обыкновенно в казну: ибо всякое нарушение порядка считалось оскорблением государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на двор княжеский, — где обыкновенно судились дела, — придет истец, окровавленный или в синих пятнах, то ему не нужно представлять иного свидетельства; а ежели нет знаков, то представляет очевидцев драки, и виновник ее платит 60 *кун»* (см. ниже). «Ежели истец будет окровавлен, а свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения».

Оградив личную безопасность, законодатель старался утвердить целость собственности в гражданской жизни.

V. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве; а кто продержит его связанного *до света,* тот обязан идти с ним

на княжеский двор. Убиение татя взятого и связанного есть преступление, и виновный платит в казну 12 гривен. Тать *коневый* выдается головою князю и теряет все права гражданские, вольность и собственность». Столь уважаем был конь, верный слуга человеку на войне, в земледелии и в путешествиях! Древние саксонские законы осуждали на смерть всякого, кто уведет чужую лошадь. — Далее: «С вора *клетного»* — т. е. домашнего или горничного — «взыскивается в казну 3 гривны, с вора *житного,* который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, 3 гривны и 30 кун; хозяин же берет свое жито, и еще полгривны с вора. — Кто украдет скот в хлеве или в доме, платит в казну 3 гривны и 30 кун, а кто в поле, тот 60 кун» (первое считалось важнейшим преступлением: ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина): «сверх чего за всякую скотину, которая не возвращена лицом, хозяин берет определенную цену: за коня *княжего* 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 кун, за жеребца неезжалого гривну, за жеребенка 6 *ногат,* за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кун, за барана и поросенка ногату».

Статья любопытная: ибо она показывает тогдашнюю оценку вещей. В гривне было 20 *ногат* или 50 *резаней,* а 2 резани составляли одну *куну.* Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в России и в Ливонии.

VI. «За бобра, украденного из норы, определяется 12 гривен пени». Здесь говорится о бобрах *племенных,* с коими хозяин лишался всего возможного приплода. — «Если в чьем владении будет изрыта земля, найдутся сети или другие признаки воровской ловли, то вервь должна сыскать виновного или заплатить пеню».

VII. «Кто умышленно зарежет чужого коня или другую скотину, платит 12 гривен в казну, а хозяину гривну». Злоба бесчестила граждан менее, нежели воровство: тем более долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешет *бортные* знаки или запашет межу полевую, или перегородит дворовую, или срубит бортную грань, или *дуб* гранный или межевый столп, с того взять в казну 12 гривен». Следственно, всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные гражданским правительством, и знаки их были священны для народа.

IX. «За борть ссеченную виновный дает 3 гривны пени в казну, за дерево полгривны, за выдрание пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун». Читателю известно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а леса единственными пчельниками. — «Ежели тать скроется, должно искать его по следу, но с чужими людьми и

свидетелями. Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но буде след кончится у гостиницы или на пустом, незастроенном месте, то взыскания нет».

X. «Кто срубит шест под сетию птицелова или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за украденного сокола или ястреба 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кун, за куропатку 9 кун, за утку 30 кун; за гуся, журавля и лебедя то же». Сею чрезмерною пенею законодатель хотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле.

XI. «За покражу сена и дров 9 кун в казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты».

XII. «Вор за ладию платит 60 кун в казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за струг гривну, за челн 8 кун, если не может лицом возвратить украденного». Имя *набойная* происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна, для возвышения боков его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается головою князю со всем имением, из коего надобно прежде вознаградить убыток, понесенный хозяином гумна или дома».

XIV. «Если обличатся в воровстве холопы княжеские, бояр или простых граждан, то с них не брать в казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны — разумеется, с господина, который обязан или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вместе с другими участниками сего воровства, кроме их жен и детей. Ежели холоп, обокрав кого, уйдет, то господин платит за всякую унесенную им вещь по цене обыкновенной. — За воровство слуги наемного господин не ответствует; но если внесет за него пеню, то берет слугу в рабы или может продать».

XV. «Утратив одежду, оружие, хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у *горожанина,* идет с ним *на свод,* то есть спрашивает, где он взял ее? и переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина. Но ежели ссылка пойдет на жителей *уездных,* то истцу взять за украденное деньги с *третьего* ответчика, который идет с поличным далее, и наконец отысканный вор платит за все по закону. — Кто скажет, что краденое куплено им у человека неизвестного или жителя иной области, тому надобно представить двух свидетелей, граждан свободных, или мытника (сборщика пошлин), чтобы они клятвою утвердили истину слов его. В таком случае хозяин берет свое лицом, а купец лишается вещи, но может отыскивать продавца».

7 Зак. № 38

XVI. «Ежели будет *украден холоп,* то господин, опознав его, также идет с ним на свод от человека к человеку, и *третий* ответчик дает ему *своего* холопа, но с украденным идет далее. Отысканный виновник платит все убытки и 12 гривен пени князю; а *третий* ответчик берет обратно холопа, отданного им в залог вместо сведенного».

XVII. «О *беглом* холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в казну 3 гривны. — Кто беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6, или клянется, что он не слыхал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен: в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых. — Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет посадникова отрока и дает ему 10 кун за связание беглеца».

XVIII. «Кто возьмет чужого холопа в кабалу, тот лишается данных холопу денег или должен присягнуть, что он считал его свободным: в таком случае господин выкупает раба и берет все имение, приобретенное сим рабом».

XIX. «Кто, не спросив у хозяина, сядет на чужого коня, тот платит в наказание 3 гривны» — то есть всю цену лошади. Сей закон слово в слово есть повторение древнего ютландского и еще более доказывает, что гражданские уставы норманов были основанием российских.

XX. «Ежели наемник потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать; а ежели утратит плуг и борону господскую, то обязан платить или доказать, что сии вещи украдены в его отсутствие и что он был послан со двора за господским делом». Итак, владельцы обрабатывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными. — «Вольный слуга не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет оную в поле или не загонит на двор, то платит. — Ежели господин обидит слугу и не выдаст его полного жалованья, то обидчик, удовольствовав истца, вносит 60 кун пени; ежели насильственно отнимет у него деньги, то, возвратив их, платит еще в казну 3 гривны».

XXI. «Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение. — Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается».

XXII. «Если купец поверил деньги купцу для торговли и должник начнет запираться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает». Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и Вере.

XXIII. «Если кто многим должен, а купец *иностранный*, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами: но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег».

XXIV. «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки: ибо власть Божия и несчастие не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар или промотает его, или испортит от небрежения: то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж, или продадут должника в неволю».

XXV. «Если холоп *обманом,* под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит *известному* холопу, лишается денег. — Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

XXVI. «Если гражданин отдаст свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав: ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу».

XXVII. «Кто отдает деньги в рост или мед и жито взаймы, тому в случае спора представить свидетелей и взять все по сделанному договору. *Месячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже *третные,* а не *месячные».* Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что последние были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников. — «Законы позволяют брать 10 кун с гривны на год» — то есть сорок на сто. В землях, где торговля, художества и промышленность цветут из давних времен, деньги теряют цену от своего множества. В Голландии, в Англии заимодавцы довольствуются самым малым прибытком; но в странах, подобно древней России, богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою, — в странах, где пер-

вобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими; где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши, — деньги имеют высокую цену, и лихоимство пользуется их редкостию.

Следуют общие постановления для улики и оправдания:

XXVIII. «Всякий уголовный донос требует свидетельства и присяги *семи* человек; но варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идет единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Итак, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев.

XXIX. «Свидетели должны быть всегда граждане свободные; только по нужде и в малом иске дозволено сослаться на тиуна *боярского* или закабаленного слугу». (Следственно, боярские тиуны не были свободные люди, хотя жизнь их, как означено в первой статье, ценилась равно с жизнию вольных граждан.) — «Но истец может воспользоваться свидетельством раба и требовать, чтобы ответчик оправдался *испытанием железа.* Если последний окажется виновным, то платит иск; если оправдается, то истец дает ему за муку гривну и в казну 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку полгривны (что называется *железною пошлиною).* Когда же ответчик вызван на сие испытание по неясному свидетельству людей свободных, то, оправдав себя, не берет ничего с истца, который платит единственно пошлину в казну. — Не имея никаких свидетелей, сам истец доказывает правость свою *железом:* чем решить всякие тяжбы в убийстве, воровстве и поклепе, ежели иск стоит полугривны золота; а ежели менее, то испытывать *водою;* в двух же гривнах и менее достаточна одна истцова присяга».

Законы суть дополнения летописей: без Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников: обыкновение безрассудное и жестокое, славное в истории средних веков под именем *суда Небесного.* Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка: после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дня не оставалось язвы или знака на ее коже, то невинность была доказана. Ум здравый и самая Вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и христианские пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что Богу легко сделать чудо для спасения

невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных.

Древнейшие законы всех народов были уголовные; но Ярославовы определяют и важные права наследственности.

XXX. «Когда простолюдин умрет бездетен, то все его имение взять в казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оного. Но князь не может наследовать после бояр и мужей, составляющих воинскую дружину; если они не имеют сыновей, то наследуют дочери». Но когда не было и последних? Родственники ли брали имение или князь?.. Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

XXXI. «Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отцовский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» — как юнейшему и менее других способному наживать доход.

XXXII. «Вдова берет, что назначил ей муж: впрочем она не есть наследница. — Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери. Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев».

XXXIII. «Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое. Но дети не могут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка,* или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние».

XXXIV. «Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцовское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей».

XXXV. «Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то отрок княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд».

XXXVI. «Ежели останутся дети малолетние, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику, с имением и с домом; а что сей опекун присовокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям. — За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим».

XXXVII. «Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу, и с матерью».

Главою правосудия вообще был князь, а двор княжеский обыкновенным местом суда. Но государь поручал сию власть тиунам

и своим отрокам. — Чиновники, которым надлежало решить уголовные дела, назывались *вирниками,* и каждый судья имел помощника, или отрока, *метельника,* или писца. Они брали запас от граждан и пошлину с каждого дела. — Вирнику и писцу его, для объезда волости, давали лошадей.

В одном из новогородских списков Ярославовой *Правды* сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* — может быть, присяжных, которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню. Так было и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его доныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Лодброк, король датский, первый учредил думу двенадцати присяжных.

Таким образом, устав Ярославов содержит в себе полную систему нашего древнего законодательства, сообразную с тогдашними нравами. В нем не упоминается о некоторых возможных злодеяниях, например: о смертной отраве (как в 12 досках Рима), о насилии женщин (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно в России, а второе казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах? Не упоминается также о многих условиях и сделках, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ; но взаимная польза быть верным в слове и честь служили вместо законов.

Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновный платил или жизнию, или вольностию, или деньгами — и скажем о сих законах то же, что Монтескье говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти.

Предложим еще одно замечание: германцы, овладев Европою, не давали всех гражданских прав своих народам покоренным: так, по уставу Салическому, за убиение франка надлежало платить 200 су, и вдвое менее за убиение римлянина. Но законы Ярославовы не полагают никакого различия между россиянами варяжского племени и славянами: сим обстоятельством можно утвердить вероятность Несторова сказания, что князья варяжские *не завоевали* нашего отечества, но были избраны славянами управлять государством.

Ярославу же приписывают древний устав новогородский о *мостовых,* по коему знаем, что сей город, тогда уже весьма обширный, разделялся на части, или концы (Словенский, Неревский, Горничский, Людин, Плотинский), а жители на *сотни,*

означаемые именами их старейшин; что одна улица называлась *Добрыниною* (в память сего знаменитого воеводы и дяди Владимирова), а главный ряд *Великим* рядом; что немцы или варяги, готы, или готландцы, привлеченные в Новгород торговлею, жили в особенных улицах, и проч. — Но так называемый Церковный Устав Ярославов, о коем упоминают новейшие летописцы и коего имеем разные списки, есть без сомнения подложный, сочиненный около XIV столетия. Подобно мнимому Владимирову, он дает епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, делаемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Устав не согласен с *Русскою Правдою* и, кроме нелепостей, содержит в себе выражения и слова новейших времен; например, определяет пени *рублями,* еще не употребительными в денежном счете времен Ярославовых.

Глава IV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ДИМИТРИЕМ 1054—1077 гг.

Уделы. Победа над голядами и торками. Половцы. Ужасные чудеса. Освобождение Судислава. Междоусобия. Поражение россиян на берегах Альты. Мятеж в Киеве. Бегство великого князя. Разбитие половцев. Киевляне хотят бежать в Грецию. Изяслав возвращается с поляками. Киев — новая Капуя. Война с полоцким князем. Перенесение мощей Бориса и Глеба. Новое бегство великого князя. Изяслав у немецкого императора. Посольство Генрика IV в Киев. Письмо папы к Изяславу. Россияне в Силезии. Возвращение Изяслава. Междоусобие. Смерть великого князя. Монастырь Киевопечерский. Россияне служат в Греции. Зависимость нашей церкви от греческой. Переписка с патриархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастие, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей

до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных. Но Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь государства Российского от начала до нынешней степени оного. Увидим толпу князей недостойных и слабых; но среди их увидим и Героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий, являются также яркие черты ума народного, свойства, нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе государство. Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на юг и запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и *Поволжье,* или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в *частный* удел, город Владимир. Князь полоцкий, внук славной Рогнеды, Брячислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал удел отца – и Россия имела тогда шесть юных государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лет: россияне вооружались только против внешних неприятелей. Изяслав победил голядов, жителей, как вероятно, прусской *Галиндии,* народ латышский; а Всеволод торков, восточных соседов Переяславской области, которые, услышав, что и великий князь, вместе с черниговским и полоцким, идет на них сухим путем и водою, удалились от пределов России: жестокая зима, голод и мор истребили большую часть сего народа. – Но отечество наше, избавленное от торков, с ужасом видело приближение иных варваров, дотоле неизвестных в истории мира.

Еще в 1055 году половцы, или команы, входили в область Переяславскую: тогда князь их, Болуш, заключил мир со Всеволодом. Сей народ кочующий, единоплеменный с печенегами и, вероятно, с нынешними киргизами, обитал в степях азиатских, близ моря Каспийского; вытеснил узов (именуемых, как вероятно, торками в нашей летописи); принудил многих из них бежать к Дунаю (где они частию погибли от язвы, частию поддалися

грекам); изгнал, кажется, печенегов из нынешней юго-восточной России и занял берега Черного моря до Молдавии, ужасая все государства соседственные: Греческую империю, Венгрию и другие. — О нравах его говорят летописцы с омерзением: грабеж и кровопролитие служили ему забавою, шатры всегдашним жилищем, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животных и стерво[1] обыкновенною пищею. — Мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием, и в 1061 году половцы, не имея терпения дождаться лета, с князем своим Секалом зимою ворвались в области Российские, победили Всеволода и с добычею возвратились к Дону.

С сего времени начинаются бедствия России, и летописец сказывает, что небо предвестило их многими ужасными чудесами; что река Волхов шла вверх пять дней; что кровавая звезда целую неделю являлась на западе, солнце утратило свое обыкновенное сияние и восходило без лучей, подобно месяцу; что рыболовы киевские извлекли в неводе какого-то удивительного мертвого урода, брошенного в Днепр. Сии сказки достойны некоторого замечания, изъявляя страшное впечатление, оставленное в уме современников тогдашними несчастиями государства. «Небо правосудно! — говорит Нестор: — оно наказывает россиян за их беззакония. Мы именуемся христианами, а живем как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, а в домах трубы, гусли и скоморохи». — Сия укоризна, без сомнения, не исправила современников, но осталась для потомства любопытным известием о тогдашних нравах.

Дети Ярославовы еще не нарушали завещания родительского и жили дружно. Изяслав считал себя более равным, нежели государем братьев своих: так они, по смерти Вячеслава в 1057 году, с *общего согласия* отдали Смоленск Игорю (чрез два года потом умершему) и, вспомнив о заточенном дяде, Судиславе, возвратили ему свободу. Сей несчастный сын великого Владимира, двадцать четыре года сидев в темнице, клятвенно отказался от всяких требований властолюбия, даже от самого света, постригся и кончил жизнь в киевском монастыре Св. Георгия.

Первым поводом к междоусобию было отдаленное княжество Тмутороканское. Владимир Ярославич оставил сына, Ростислава, который, не имея никакого удела, жил праздно в Новегороде. Будучи отважен и славолюбив, он подговорил с собою некоторых молодых людей; вместе с Вышатою, сыном новогородского Изяславова посадника Остромира, ушел в Тмуторокань и выгнал

---

[1] Стерво — падаль.

юного князя, Глеба Святославича, который управлял сею Азовскою областию. Святослав спешил туда с войском: племянник его, уважая дядю, отдал ему город без сопротивления; но когда черниговский князь удалился, Ростислав снова овладел Тмутороканем. Скоро народы горские, касоги и другие, должны были признать себя данниками юного Героя, так, что его славолюбие и счастие устрашили греков, которые господствовали в Тавриде: они подослали к сему князю своего знатного чиновника, катапана, или префекта, умевшего вкрасться к нему в доверенность; и в то время, как Ростислав, угощая мнимого друга, пил с ним вино, катапан, имея под ногтем скрытый яд, впустил его в чашу, отравил князя, уехал в Херсон и торжественно объявил жителям, что завоеватель тмутороканский умрет в седьмой день. Предсказание исполнилось; но херсонцы, гнушаясь таким коварством, убили сего злодея камнями. — Безвременная кончина мужественного Ростислава, отца трех сыновей, была в тогдашних обстоятельствах несчастием для России: он мог бы лучше других защитить отечество и сохранить по крайней мере воинскую его славу. Нестор описывает сего юношу, прекрасного и благовидного, не только храбрым в битвах, но и добрым, чувствительным, великодушным.

Святослав не мог вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что в государстве явился новый неприятель: князь полоцкий. Сей правнук Рогнедин ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Современный летописец называет Всеслава злым и кровожадным, суеверно приписывая сию жестокость какой-то волшебной повязке, носимой сим князем для закрытия природной на голове язвины. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церквей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и, несмотря на жестокую зиму, осадили Минск в княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам. Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество россиян с обеих сторон легло на месте. Великий князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу.

Провидение наказало вероломных: там, где отец их одержал славную победу над Святополком и печенегами, на берегах Альты, чрез несколько месяцев Изяслав и братья его в ночном сражении были наголову разбиты свирепыми половцами [1068 г.]. Великий князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали веча; собрались на торговой площади, в киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с половцами. Великий князь, оскорбленный сим своевольством, не хотел исполнить их желания. Сделался мятеж, и недовольные, обвиняя во всем главного воеводу Изяславова, именем Коснячка, окружили дом его. Воевода скрылся. Мятежники разделились на две толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другие на двор княжеский. Изяслав, сидя с дружиною в сенях, смотрел в окно, слушал укоризны народа и думал усмирить бунт словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу к заточенному Всеславу; наконец, видя остервенение черни, советовали великому князю тайно умертвить его. Но Изяслав не мог ни на что решиться, и бунтовщики действительно освободили полоцкого князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава государем своим и разграбил дом княжеский, похитив великое множество золота, серебра, куниц и белок.

Изяслав удалился в Польшу; но его братья спокойно княжили в своих уделах, а племянник Глеб в области Воспорской, будучи снова призван ее жителями. Князь черниговский имел случай отмстить половцам, которые жгли и грабили в его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, он вступил с ними в битву: 3000 россиян, ободренных примером и словами князя, стремительно ударили на 12 000 половцев, смяли их и пленили вождя неприятельского; множество варваров утонуло в реке Снове. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцов своих, приученных к победе Мстиславом, знаменитым сыном Владимира Великого.

Король польский, Болеслав II, сын Марии, Владимировой дочери, и супруг неизвестной нам княжны российской, приняв Изяслава со всеми знаками искреннего дружелюбия как государя несчастного и ближнего родственника, охотно согласился быть ему помощником. Всеслав допустил его до самого Белагорода; наконец выступил с войском из Киева; но, устрашенный силою поляков и, может быть, не веря усердию своих новых подданных, ночью ушел из стана в Полоцк. Россияне, сведав о бегстве его, с ужасом возвратились в Киев. Все граждане собрались на вече и немедленно отправили послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что киевляне, изгнав государя законного, признают вину свою; но

как Изяслав ведет с собою врагов иноплеменных, коих жестокость еще памятна россиянам, то граждане не могут впустить его в столицу, и прибегают в сей крайности к великодушию достойных сынов Ярослава и отечества. «Врата Киева для вас отверсты, — говорили послы: — идите спасти град великого отца своего; а ежели не исполните нашего моления, то мы, обратив в пепел столицу России, с женами и детьми уйдем в землю Греческую». Святослав обещал за них вступиться, но требовал, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда брат мой, — сказал черниговский князь, — войдет в город мирно и с малочисленною дружиною, то вам нечего страшиться. Когда же он захочет предать Киев в жертву ляхам, то мы готовы мечом отразить Изяслава, как неприятеля». В то же самое время Святослав и Всеволод известили брата о раскаянии киевлян, советуя, чтобы он удалил поляков, шел в столицу и забыл мщение, если не хочет быть врагом России и братьев. Великий князь, дав слово быть милосердым, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице: умертвил 70 человек, освободивших Всеслава; других ослепил и жестоко наказал множество невинных, без суда, без всякого исследования. Граждане не смели жаловаться и с покорностию встретили Изяслава, въехавшего в столицу с Болеславом и с малым числом поляков [2 мая 1069 г.].

Историки польские говорят, что великий князь, обязанный королю счастливою переменою судьбы своей, взялся содержать его войско, давал ему съестные припасы, одежду и жалованье; что Болеслав, плененный красотою места, роскошными приятностями Киева и *любезностию россиянок,* едва мог выйти из сей новой Капуи, что он на возвратном пути, в Червенской области, или Галиции, осаждал Перемышль, который, будучи весьма укреплен искусством, каменными стенами и башнями, долгое время оборонялся. Ежели сие обстоятельство справедливо, то Болеслав вышел из России неприятелем: что же могло вооружить его против великого князя? Сказание Нестора служит объяснением: россияне, ненавидя поляков, тайно убивали их, и король, устрашенный сею народною местию, подобно его знаменитому прадеду, Болеславу I, спешил оставить наше отечество.

Изяслав, через семь месяцев снова государь киевский, не забыл, что бедственный для него мятеж сделался на торговой площади: сие место, отдаленное от дворца, казалось ему опасным, и для того он перевел торг из Подола в верхнюю часть города: осторожность малодушная и бесполезная! Едва учредив порядок в столице, великий князь спешил отмстить Всеславу и, жарким приступом взяв Полоцк, отдал сей важный город в удел Мсти-

славу: по внезапной же его кончине Святополку, другому своему сыну. Но в то самое время бодрый Всеслав с сильным войском явился под стенами Новагорода, где начальствовал юный Глеб Святославич, переведенный туда отцом из Тмутороканя. Ненавидя полоцкого князя, новогородцы сразились отчаянно, разбили его и могли бы взять в плен, но великодушно дали ему спастися бегством. — Сия война кончилась ничем: ибо деятельный Всеслав умел снова овладеть своею наследственною областию, и хотя был еще побежден Ярополком, третьим сыном великого князя, однако ж удержал за собою Полоцк. — Между тем бедное отечество стенало от внешних неприятелей; требовало защитников и не находило их: половцы свободно грабили на берегах Десны.

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышегороде, управляемом тогда вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего духовенства, бояр и народа, 2 маия [1072 г.], день в который великий князь, за три года пред тем, вступил с Болеславом в Киев. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополит Георгий признал святость российских мучеников, к удовольствию государя и народа. Духовное празднество заключилось веселым пиром: три князя обедали за одним столом, вместе с своими боярами, и разъехались друзьями.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с князем полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу, надеясь, что великие сокровища, увезенные им из Киева, доставят ему сильных помощников вне государства. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России: взял его сокровища и (по словам летописца) *указал ему путь от себя.* Горестный изгнанник отправился к немецкому императору, Генрику IV; был ему представлен в Маинце саксонским маркграфом Деди; поднес в дар множество серебряных и золотых сосудов, также мехов драгоценных, и требовал его заступления, обещая, как говорят немецкие летописцы, признать себя данником империи. Юный и храбрый Генрик, готовимый судьбою к бедствиям гораздо ужаснейшим Изяславовых, не отказался быть защитником угнетенного. Окруженный в собственном государстве изменниками и неприятелями, он послал в Киев Бурхарда, трирского духовного чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, как вероятно, и велел объявить князьям российским, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, несмотря на отдаленность, мужественное войско немецкое смирит хищников. В Киеве господствовал тогда Святослав,

придав, может быть, Всеволоду некоторые из южных городов: он дружелюбно угостил послов императорских и старался уверить их в своей справедливости. Нестор пишет, что сей князь, подобно иудейскому царю Езекии, величался пред немцами богатством казны своей и что они, видя множество золота, серебра, драгоценных паволок, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто в сравнении с мужеством и великодушием.* «Следствие доказало истину их слов, — прибавляет Нестор: — по смерти Святослава исчезли *как прах* все его сокровища». — Бурхард возвратился к императору с дарами, которые удивили Германию. «Никогда, — говорит современный немецкий летописец, — не видали мы столько золота, серебра и богатых тканей». Генрик, обезоруженный щедростью Святослава и не имея, впрочем, никакого способа воевать с россиянами, утешил изгнанника одним бесполезным сожалением.

Изяслав обратился к папе, славному в истории Григорию VII, хотевшему быть Главою всеобщей Монархии, или Царем Царей, и послал в Рим сына своего. Жертвуя властолюбию и православием восточной церкви и достоинством государя независимого, он признавал не только духовную, но и мирскую власть папы над Россиею; требовал его защиты и жаловался ему на короля польского. Григорий отправил послов к великому князю и к Болеславу, написав к первому следующее: «Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию, Князю Россиян (Regi Russorum), и Княгине, супруге его, желает здравия и посылает Апостольское благословение.

Сын ваш, посетив святые места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властию Св. Петра утвердили его на княжении, и дал присягу быть верным главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю — согласную с вашею, как он свидетельствует, — поручили ему кормило Государства Российского именем Верховного Апостола, с тем намерением и желанием, чтобы Св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота, и сделал вас некогда сопричастником славы вечной. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим послам — из коих *один вам* известен *и друг верный* — изустно переговорить с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Примите их с любовию, как послов Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложат вам от имени нашего — и проч. Всемогущий Бог да озарит сердца ваши и да приведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 маия, Индикта XIII» (то есть 1075 году).

Таким образом Изяслав, сам не имея тогда власти над Россиею, дал повод надменному Григорию причислить сию державу

ко мнимым владениям Св. Петра, зависящим от мнимого Апостольского Наместника!.. В письме к Болеславу говорит папа: «Беззаконно присвоив себе казну государя Российского, ты нарушил добродетель христианскую. Молю и заклинаю тебя именем Божиим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидут в Царствие Небесное, ежели не возвратят похищенного».

Заступление гордого папы едва ли имело какое-нибудь действие, и в следующем [1076] году юные князья российские, Владимир Мономах и Олег — первый Всеволодов, а вторый Святославов сын, — заключив союз с поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастию Изяславову, переменились. Главный враг его, Святослав, умер от разрезания какой-то затверделости, или опухоли. Тогда изгнанник ободрился: собрал несколько тысяч поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в Волынии и, вместо битвы, предложил ему мир. Братья клялися, забыв прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев государем, уступив меньшему княжение Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленск.

Опасаясь честолюбия беспокойных племянников и замыслов давнишнего врага своего, Всеслава, они хотели удалить первых от всякого участия в правлении и вторично изгнать последнего. Роман *Святославич* княжил в Воспорской области: сын *Вячеславов,* Борис, в самое то время, когда Изяслав и Всеволод заключали мир на границе, овладел Черниговом; но предвидя, что дяди не оставят его в покое и накажут как хищника, чрез несколько дней ушел в Тмуторокань к Роману. Князь новогородский, Глеб, юноша прекрасный и добродушный, к общему сожалению погиб тогда в отдаленном Заволочье: Изяслав отдал его княжение Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегород. Олег Святославич господствовал в области Владимирской: он должен был, по воле дядей своих, выехать оттуда и жить праздно в Чернигове. Князь полоцкий довольствовался независимостию и наследственным уделом: Ярославичи объявили ему войну. Всеволод ходил к его столице и ничего более не сделал. В следующий год Владимир Мономах и Святополк выжгли только ее предместие; но Мономах возвратился к отцу с богатою добычею, дал ему и печальному Олегу роскошный обед на *красном дворе* в Чернигове и поднес Всеволоду в дар несколько фунтов золота.

Сей Олег, рожденный властолюбивым, не мог быть обольщен ласками дяди и брата; считал себя невольником в доме Всеволодовом; хотел свободы, господства; бежал в Тмуторокань и

решился, вместе с Борисом Вячеславичем, искать счастия оружием. Наняв половцев, они вошли в пределы Черниговского княжения и разбили Всеволода. Многие знаменитые бояре лишились тут жизни. Победители взяли Чернигов и думали, что все государство должно признать власть их; а несчастный Всеволод ушел в Киев, где Изяслав обнял его с нежностию и сказал ему сии достопамятные слова: «Утешься, горестный брат, и вспомни, что было со мною в жизни! Отверженный народом, всегда мне любезным; лишенный престола и всего законного достояния, мог ли я чем-нибудь укорять себя? Вторично изгнанный братьями единокровными — и за что? свидетельствуюсь Богом в моей невинности — я скитался в землях чуждых; искал сожаления иноплеменников! По крайней мере ты имеешь друга. Если нам княжить в земле Русской, то обоим; если быть изгнанными, то вместе. Я положу за тебя свою голову...» Он немедленно собрал войско. Мужественный Владимир спешил также из Смоленска к отцу своему и едва мог пробиться сквозь многочисленные толпы половцев. Великий князь, Всеволод, Ярополк и Мономах соединенными силами обступили Чернигов. Олег и Борис находились в отсутствии; но граждане хотели обороняться. Владимир взял приступом внешние укрепления и стеснил осажденных внутри города. Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис ответствовал ему: «останься спокойным зрителем моей битвы с ними», — сразился близ Чернигова, и заплатил жизнию за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты: неприятельский всадник ударил его копьем в плечо: великий князь пал мертвый на землю. Наконец Олег обратился в бегство и с малым числом воинов ушел в Тмуторокань. — Бояре привезли тело Изяслава в ладии: на берегу жители киевские, знатные и бедные, светские и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (как говорит летописец) заглушал священное пение. Ярополк с княжескою дружиною шел за трупом, оплакивая несчастную судьбу и добродетели отца своего. — Положенное в мраморную раку, тело великого князя было предано земле в храме Богоматери, где стоял памятник Св. Владимира.

Нестор пишет, что Изяслав, приятный лицом и величественный станом, не менее украшался и тихим нравом, любил правду, ненавидел криводушие; что он истинно простил мятежных киевлян и не имел ни малейшего участия в жестокостях Мстиславовых; помнил только любовь Всеволода, добровольно уступившего ему великое княжение, и забыл вражду его; сказал, что охотно умрет за брата, и, к несчастию, сдержал слово... Верим похвале

современника благоразумного, любившего отечество и добродетель; но Изяслав был столь же малодушен, сколь мягкосердечен: хотел престола, и не умел твердо сидеть на оном. Своевольные злодеяния сына в Киеве — ибо казнь без суда и нарушение слова есть всегда злодеяние — изъявляют, по крайней мере, слабость отца, который в то же самое время сделал его князем владетельным. Наконец бедствие Минска и вероломное заточение Всеслава согласны ли с похвалами летописца?

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших вельмож того времени: Коснячка, воеводу ненавистного киевлянам, Перенита, Никифора, Чудина и совершенно уничтожил смертную казнь, уставив денежную пеню за всякие убийства: по излишнему ли человеколюбию, как Владимир? или для сохранения людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащения *вирами*[1] *казны государей?*

При Изяславе был основан славный монастырь Киевопечерский, и сам Нестор рассказывает достопамятные обстоятельства сего учреждения. Некто, житель города Любеча, одушевленный христианским усердием, захотел видеть Святую гору, возлюбил житие монахов афонских и, постриженный в их обители, был назван Антонием. Игумен, наставив его в правилах монастырских, дал ему благословение и велел идти в Россию, предвидя, что он будет в нашем отечестве светилом черноризцев[2]. Антоний возвратился еще при князе Ярославе, обходил тогдашние монастыри российские и близ Киева, на высоком берегу Днепровском, увидел пещеру: Иларион, будучи еще простым иереем берестовским, ископал оную собственными руками и часто, окруженный безмолвием дремучего леса, молился в ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларион, в сане митрополита, пас церковь и жил в столице. Антоний пленился красотою сего дикого уединения, остался в пещере Иларионовой и посвятил дни свои молитве. Слух о пустыннике разнесся в окрестностях: многие люди желали видеть святого мужа; сам великий князь Изяслав приходил к нему с своею дружиною требовать благословения. Двенадцать монахов, отчасти Антонием постриженных, выкопали там подземную церковь с кельями. Число их беспрестанно умножалось: великий князь отдал им всю гору над пещерами, где они заложили большую церковь с оградою. Смиренный Антоний не хотел начальства: поручив новую обитель игумену Варлааму, уединился в пещеру, однако ж не избавился от гонения. Считая Антония другом Все-

---

[1] Вира -- денежная пеня за смертоубийство; цена крови.

[2] Черноризец — монах.

славовым, великий князь приказал воинам ночью схватить его и вывезти из области Киевской. Но добродетельный муж скоро возвратился с честию в любимую свою пещеру и жил в ней до самой кончины, имев удовольствие видеть лавру Киевскую в самом цветущем состоянии. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и поместьями. Святослав дал 100 гривен, или 50 фунтов золота, на строение каменного великолепного храма Печерского, призвал художников из Константинополя и своими руками начал копать ров для основания церкви. Знаменитый варяг Симон, вельможа Всеволодов, подарил Антонию на украшение алтаря златую цепь в 50 гривен и венец драгоценный, наследие отца его, князя варяжского. Святой Феодосий, преемник Варлаамов, заимствовал от цареградского Студийского монастыря устав черноризцев, который сделался общим для всех монастырей российских. Сей благочестивый игумен завел в Киеве первый дом странноприимства и питал несчастных в темницах. Добродетель Феодосиева была столь уважаема, что великий князь нередко приходил беседовать с ним наедине, оставался у него обедать, ел хлеб, сочиво[1] и с улыбкою говаривал, что роскошная трапеза княжеская ему не так приятна, как монастырская. Любя Изяслава, Феодосий великодушно обличал виновного брата, гонителя его, в беззаконии. Святослав терпел сии укоризны, оправдывался, и когда святой муж входил в шумный дворец его, где часто гремела музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертном одре, Феодосий благословил Святослава и сына его, Глеба. — Монахи печерские, возбуждаемые наставлением и примером своих достойных начальников, служили ревностно Богу и человечеству; некоторые из них прияли венцы мучеников, обращая идолопоклонников: Леонтий в Ростове, Св. Кукша в земле вятичей (в Орловской или Калужской губернии). Самые вельможи, отказываясь от света, искали душевного мира в Печерской обители. Так Варлаам, первый игумен, сын знаменитейшего боярина Иоанна и внук славного Вышаты, ослепленного Константином Мономахом, был пострижен Антонием. Сей юноша, плененный учением святого мужа, приехал к нему со многими отроками, которые вели навьюченных лошадей; сошел с коня, бросил к ногам Антония свою одежду боярскую и сказал: «Вот прелесть мира! Употреби, как тебе угодно, мое бывшее имение; хочу жить в уединении и бедности».

Изяслав и его братья соблюдали неразрывную дружбу с греками и давали им войско, которое в частых внутренних неуст-

[1] Сочиво — сок (молоко) из миндаля, конопли, мака и т. п., употребляемый вместо масла, а также пища с этим соком (каша, овощи); постная пища.

ройствах поддерживало слабых императоров на троне. Знаменитый Алексий Комнин, еще не государь, но только полководец империи, в 1077 году, смиряя мятежника Никифора Вриения, имел с собою множество судов российских.

Ярославичи возвратили константинопольскому патриарху важное право ставить киевских митрополитов: Георгий, преемник Иларионов, родом грек, был прислан из Царяграда; устрашенный, может быть, раздором князей, он чрез несколько лет выехал из нашего отечества. С того времени церковь российская, до самого падения Восточной империи, зависела от патриарха константинопольского, и в росписи епископств, находившихся под его ведением, считалась *семидесятым.* В знак уважения к достоинству наших митрополитов патриархи обыкновенно писали к ним грамоты за *свинцовою,* а не восковою *печатью:* честь, которую они делали только императорам, королям и знаменитейшим сановникам.

Успехи христианского благочестия в России не могли искоренить языческих суеверий и мнимого чародейства. К истории тогдашних времен относятся следующие известия Несторовы:

В 1071 году явился в Киеве волхв, который сказывал народу, что Днепр скоро потечет вверх и все земли переместятся; что Греция будет там, где Россия, а Россия там, где Греция. Невежды верили, а благоразумные над ним смеялись, говоря ему, чтобы он сам берегся. Сей человек (пишет Нестор) действительно пропал в одну ночь без вести.

Около того же времени сделался в Ростовской области голод. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основанного, думаю, великим князем Ярославом, — ходили по Волге и в каждом селении объявляли, что бабы причиною всего зла и скрывают в *самих себе* хлеб, мед и рыбу. Люди приводили к ним матерей, сестер, жен; а мнимые волхвы, будто бы надрезывая им плеча и высыпая из своего рукава жито, кричали: «Видите, что лежало у них за кожею!» Сии злодеи с шайкою помощников убивали невинных женщин, грабили имение богатых и дошли наконец до Белаозера, где вельможа Янь, сын Вышатин, собирал дань для князя Святослава: он велел ловить их, и чрез несколько дней белозерцы привели к нему двух главных обманщиков, которые не хотели виниться и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Диавол сотворил тело человека, гниющее в могиле, а Бог душу, парящую на небеса; что Антихрист сидит в бездне; что они веруют в его могущество и знают все сокровенное от других людей. «Но знаете ли собственную вашу участь?» — сказал Янь. «Ты представишь нас Святославу, — говорили кудесники: — а если умертвишь, то будешь несчастлив». Смеясь над

сею угрозою, он велел их повесить на дубу, как государственных преступников.

Не только в Скандинавии, но и в России финны и чудь славились волшебством, подобно как в древней Италии тосканцы. Нестор рассказывает, что новогородцы ходили в Эстонию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с *черными крылатыми духами.* Один из таких кудесников торжественно осуждал в Новегороде Веру христианскую, бранил епископа и хотел идти пешком через Волхов. Народ слушал его как человека божественного. Ревностный епископ облачился в святительские ризы, стал на площади и, держа крест в руках, звал к себе верных христиан. Но ослепленные граждане толпились вокруг обманщика: один князь Глеб и дружина его приложились к святому кресту. Тогда Глеб подошел ко мнимому чародею и спросил: предвидит ли он, что будет с ним в тот день? — Волшебник ответствовал: «Я сделаю великие чудеса». «Нет!» — сказал смелый князь — и топором рассек ему голову. Обманщик пал мертвый к ногам его, и народ уверился в своем заблуждении.

Глава V

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД
1078—1093 гг.

Междоусобия. Олег в Родосе. Подвиги Мономаха. Убиение Ярополка. Нападение болгаров на Муром. Засуха и мор. Землетрясение. Видения. Набеги половцев. Слабость великого князя. Кончина его. Дочь Всеволода за Генриком IV. Митрополит Иоанн. Его сочинение. Крестильницы. Праздник 9 маия. Сношения с Римом.

Не сын Изяслава, но Всеволод наследовал престол великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел во всяком случае право старейшинства и заступал место отца для племянников. — Сей государь утвердил Святополка на княжении Новогородском: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Мономаху Чернигов.

Роман Святославич, князь тмутороканский, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили мир со Всеволодом у Переяславля и на возвратном пути умертвили

Романа; а брата его, Олега, неволею отправили в Константинополь. Пользуясь несчастием Святославичей, великий князь прислал в Тмуторокань наместника своего, Ратибора. Но сия область Воспорская, убежище князей обделенных, скоро была завоевана Давидом *Игоревичем* и Володарем *Ростиславичем,* внуком и правнуком Великого Ярослава, которые также недолго в ней господствовали. Изгнанник Олег, жив два года на острове Родосе, славном в истории своими древними мудрыми законами, науками, великолепием зданий и колоссом огромным, возвратился в Тмуторокань и, вероятно, с помощию греков овладел им; казнил многих виновных козаров, его личных неприятелей, давших совет половцам умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустил в Россию.

Всеволод любил мир, и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий князь осадил Смоленск: Владимир спешил туда с черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю, и чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Таким образом сей несчастный город вторично пострадал за своего князя. — Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных вятичей, и везде гнал неутомимых злодеев России, половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их вождей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и князья российские междоусобием своим усиливали внешних неприятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, в доме у Ярополка, бежали от него и в отсутствие дяди, который гостил у Всеволода в неделю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владимир [1084 г.]. Всякий знаменитый мятежник, обещая грабеж и добычу, мог собирать тогда шайки усердных помощников: доказательство, сколь правление было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволод, оскорбленный несчастием племянника, велел Мономаху идти на Ростиславичей: их выгнали, и Ярополк возвратился в свой удел с честию. — В то же время Давид Игоревич, скитаясь в южной России и вне пределов ее, завладел Олешьем, греческим городом близ устья днепровского, и нагло ограбил там многих купцов: Всеволод, призвав его к себе, дал ему Дорогобуж в Волынии.

Сам Ярополк, облагодетельствованный Всеволодом, не устыдился быть врагом его: князь слабый, послушный коварным советникам и скоро наказанный за свою безрассудность. Дядя, сведав о злых намерениях сего неблагодарного, предупредил их

опасное исполнение; и слух, что Мономах идет с войском, заставил Ярополка бежать в Польшу. Владимир нашел в Луцке мать его, супругу, дружину, казну; возвратился с ними в Киев, а владение Ярополково отдал Давиду Игоревичу. — Но Ярополк, не сыскав заступников вне России, скоро умилостивил Всеволода искренним раскаянием и, заключив мир с его сыном, Мономахом, в Волынии, получил обратно свое княжение. Судьба не дала ему времени заслужить великодушие дяди или снова быть неблагодарным. Он чрез несколько дней погиб от руки злодея, на пути в *червенский* Звенигород: сей преступник, именем Нерядец, ехал за ним верхом вместе с другими княжескими отроками и вонзил саблю в бок своему государю, покойно лежавшему на колеснице. Ярополк встал, извлек из себя окровавленное железо, громко сказал: «Умираю от коварного врага» — и скончался. Летописец не объясняет тайной причины злодейства, сказывая только, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из Ростиславичей, которым Всеволод уступил сей город в удел и которые, приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение, более несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тело убиенного в Киев, чтобы воздать ему честь погребения там, где лежали кости его родителя: Всеволод, Мономах, Ростислав (меньший сын великого князя), духовенство и народ встретили оное с искренним изъявлением горести. — Летописец говорит, что Ярополк, добродушный подобно отцу своему, давал всегда церковную *десятину* в храм Богоматери, исполняя завещание Владимира Великого; завидовал святости Бориса и Глеба и желал также умереть мучеником. Давид Игоревич наследовал область Владимирскую.

Между тем как Всеволод занимался восстановлением порядка и тишины в ближних областях, камские болгары взяли Муром [1088 г.]. Не имея духа воинского, любя торговлю, земледелие и в случае неурожая питая восточный край России, они хотели, вероятно, отмстить жителям Муромской области за какую-нибудь обиду или несправедливость: по крайней мере сия война не имела дальнейшего следствия, и взятый ими город недолго был в их власти.

Великий князь не мог утешиться всеобщим спокойствием. Междоусобие прекратилось; но бедствия иного рода посетили Россию [1092 г.]. От беспрестанных, неслыханных жаров везде иссохли поля, и леса в болотных местах сами собою воспламенялись, к ужасу сельских жителей; голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях, и в одном Киеве умерло от 14 ноября до 1 февраля 7000 человек. Воображение несчастных видело во всем страшные знамения гнева Божеского: в самых обыкно-

венных метеорах, в затмении солнца, в легком бывшем тогда землетрясении. К сим случаям естественным суеверие прибавило нелепые чудеса: рассказывали, что огромный змей упал с неба в то время, как великий князь забавлялся ловлею зверей; что злые духи в Полоцке ночью и днем скакали на конях, невидимо уязвляя граждан, и что множество людей от того умерло. Народ стенал, государь был в унынии, половцы грабили; на обеих сторонах Днепра дымились села, обращенные в пепел сими жестокими варварами, которые взяли даже несколько городов: Песочен на реке Супое, Переволоку близ устья Ворсклы, и нигде, кажется, не находили сопротивления. Наконец Василько Ростиславич, правнук Ярославов, уговорил их оставить Россию и вместе с ним воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами. Сей князь, по смерти брата своего, Рюрика, наследовал часть Перемышльской области: скоро увидим его великодушие и злосчастие.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали уделов, — с завистию воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием удельного князя и спокойный сердцем. Не имев никогда великодушной твердости, сей князь, обремененный летами и недугами, впал в совершенное расслабление духа; удалил от себя бояр опытных, слушал только юных любимцев и не хотел уже следовать древнему обычаю государей российских, которые сами, в присутствии вельмож, судили народ свой на дворе княжеском. Сильные утесняли слабых; наместники и тиуны грабили Россию, как половцы: Всеволод не внимал жалобам. — Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался [1093 г.] в объятиях Владимира и Ростислава, орошенный их искренними слезами: христианин набожный, человеколюбивый, *трезвый* и целомудренный от самой юности; одним словом, достохвальный между частными людьми, но слабый и, следственно, порочный на степени государей.

Великий Ярослав желал, чтобы любимый сын его, со временем наследовав законным образом Киевскую область, был и во гробе с ним неразлучен: воля нежного отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, там же, где лежали Ярославовы кости — в Софийском храме, — с обыкновенными торжественными обрядами и в присутствии народа, который погребал тогда государей как истинных отцов своих, с чувствительностию и слезами, забывая их слабости и помня одни благодеяния.

Всеволод оставил супругу второго брака, мачеху Владимира, и трех дочерей, Янку, или Анну, Евпраксию и Екатерину; первые две отказались от света и заключились в монастыре. Мы знаем, что император Генрик IV в 1089 году женился на российской княжне Агнесе, или Адельгейде, вдове маркграфа Штаденского, которая после умерла игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода. В то же время другая россиянка, именем *Евпраксия,* была за сыном Болеслава, отравленным в цветущей юности; но историки польские называют сию княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

При Всеволоде был митрополитом грек Иоанн, муж знаменитый ученостию и христианскими добродетелями, ревностный наставник духовенства и друг несчастных. «Никогда» (сказано в летописи) «не бывало у нас такого и не будет!» Мы имеем его сочинение, названное *Церковным правилом,* в коем он с великою ревностию осуждает тогдашнее обыкновение князей российских выдавать дочерей за государей латинской Веры; доказывает всякому гостю или купцу, сколь грешно торговать крещеными рабами в земле язычников (половцев), даже ездить туда, и для выгод сребролюбия оскверняться их нечистыми яствами; налагает епитимью на тех, которые совокупляются с правнучатными или женятся без венчания, думая, что сей обряд изобретен единственно для князей и бояр; отлучает от церкви иереев, благословляющих союз мужа с третьею женою; велит им и монахам служить для всех людей примером трезвости; наконец, в дополнение к гражданским законам, уставляет *духовное покаяние* для преступников благонравия и целомудрия. Сей митрополит, наименованный от современников *пророком Христа,* святил церковь Феодосиева монастыря Печерского, о коей написано столь много чудесного в патерике Киевском. Византийские художники, украсив оную, не захотели уже возвратиться в отечество и кончили жизнь свою в Печерской обители: доныне показывают там гробы их. — В 1089 году, когда преставился митрополит Иоанн, дочь Всеволодова, Янка, ездила в Константинополь и привезла с собою нового митрополита, скопца, именем также Иоанна, но человека весьма обыкновенного, слабого здоровьем и столь бледного, что народ прозвал его *мертвецом*: он через год умер. Третий митрополит Всеволодова княжения был Ефрем, грек, по известию новейших летописцев; другие же называют его монахом печерским. Нестор сказывает только, что Ефрем, скопец подобно Иоанну, жил в *Переяславле, где находилась тогда митрополия,* и что он, создав многие храмы каменные, первый начал в России строить при церквах крестильницы. Сей митрополит, как пишут, уставил торжествовать 9 маия пренесение мощей Св. Николая из Ликии в

италиянский город Бар: праздник западной церкви, отвергаемый греками, и доказательство, что мы имели тогда дружелюбное сношение с Римом. Нестор молчит, но летописец средних времен говорит о каком-то святителе Феодоре, приезжавшем к великому князю от папы (Урбана II) в 1091 году. Властолюбивые наместники Св. Петра без сомнения всячески старались подчинить себе церковь российскую.

Глава VI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ 1093—1112 гг.

Великодушие Мономаха. Война с половцами. Брак Святополков. Беспокойный Олег. Жалкое состояние южной России. Саранча. Победы. Вероломство россиян. Междоусобия. Гордость Олегова. Сожжение монастыря Киевопечерского. Храбрость и добродушие Мстислава. Красноречивое Мономахово письмо. Вероломство Олегово. Великодушие Мстислава. Съезд князей. Злодейство Давида и Святополка. Ослепление Василька. Слезы Мономаховы. Речь митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбие поляков. Новое коварство Святополка. Умеренность Ростиславичей. Поражение венгров. Междоусобия. Новый съезд князей. Усмирение Давида. Строптивость новогородцев. Совет князей. Счастливая война с половцами. Война с мордвою и с князьями полоцкими. Бедствие россиян в Семигалии. Новые успехи в войне с половцами. Поход знаменитый. Имя Тмутороканя исчезает в летописях. Кончина Святополкова. Евреи в Киеве. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоний римлянин. Путешествие Даниила. Россияне в Иерусалиме. Конец Несторовой летописи. Старец Янь.

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый князь уступил оный Изяславову сыну и, сказав: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной», объявил Святополка государем российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Святополк, княжив несколько лет в Новегороде, еще в 1088 году выехал оттуда, будучи, как вероятно, недоволен его беспокойными гражданами (которые тогда же призвали к себе юного князя, Мстислава, сына Владимирова) и жил в Турове:

он с радостию прибыл в Киев, и народ также с радостию встретил нового государя, обещая себе мир и тишину под его властию. Сия надежда не исполнилась, и начало Святополкова княжения ознаменовалось великими несчастиями.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк не посоветовался с боярами отца своего и дяди: велел заключить послов в темницу; но сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и великий князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодых людей, нужны не *сотни,* а *тысячи* для отражения врагов; что область Киевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустела и что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но князья, соединив дружины, не могли согласиться в мыслях; стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях». Святополк и Владимир, приняв благой совет, обнялися братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест, по тогдашнему обыкновению.

Неприятели осаждали Торческ, город, населенный торками, которые, оставив жизнь кочевую, поддалися россиянам: князья хотели освободить его, Святополк битвою, Мономах миром. Остановясь близ Триполя, они призвали бояр на совет. Янь, воевода киевский, друг блаженного Феодосия, и многие другие были одного мнения с князем черниговским. «Половцы (говорили они) видят блеск мечей наших и не отвергнут мира». Но киевляне, желая победы, склонили большинство голосов на свою сторону, и войско российское перешло за Стугну. Святополк вел правое крыло, Владимир левое, Ростислав находился в средине. Они поставили знамена между земляными укреплениями трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и замешались. Великий князь оказал примерную неустрашимость; бился долго, упорно и последний оставил место сражения. Средина и левое крыло, не умев искусным, быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля. Земля дымилась кровию. Россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стугне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность

и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн — и сей князь, оплакивая Ростислава, многих бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов, а Святополк в Киев. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тело сего юноши, коего безвременная смерть была предметом всеобщего сожаления.

Половцы снова осадили Торческ. Граждане оборонялись мужественно; но, изнуренные голодом и жаждою, напрасно требовали съестных припасов от Святополка: бдительный неприятель со всех сторон окружил город, который держался более двух месяцев. Половцы, оставив часть войска для осады, приближились к столице. Святополк хотел еще сразиться и, вторично разбитый под Киевом, ушел только с двумя воинами. Торческ сдался [23 июля 1093 г.]: стены и здания его обратились в пепел, а граждане были отведены в неволю.

Не имев счастия воинского, Святополк надеялся иным способом обезоружить половцев и женился на дочери их князя, Тугоркана [1094 г.]. Но сей родственный союз, который мог быть оправдан одною государственною пользою, не защитил России от варваров: князь тмутороканский, Олег Святославич, в *третий раз* пришел с ними разорять отечество, осадил Мономаха в Чернигове и требовал сей области как законного наследия: ибо она принадлежала некогда его родителю. Владимир, любимый своею дружиною и народом, несколько дней оборонялся; но жалея крови, великодушно сказал: *Да не радуются враги отечества!* и добровольно уступил княжение Олегу: вторая жертва, принесенная им общей пользе! Он выехал из Чернигова в Переяславль с женою и детьми, под щитами малочисленной, верной дружины, готовой отражать толпы хищных половцев, которые, несмотря на мир, еще долгое время свирепствовали в Черниговской области: жестокий Олег, довольный их помощию, равнодушно смотрел на сии злодейства. — Вся южная Россия представляла тогда картину самых ужаснейших бедствий. «Города опустели, — пишет Нестор: — в селах пылают церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхают под острием меча или трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая друг другу со слезами: *Я из такого-то города русского, я из такой-то веси!* Не видим на лугах своих ни стад, ни коней; нивы заросли травою, и дикие звери обитают там, где прежде жили христиане!» К умножению несчастий, Россия узнала в сие время новый бич естественный: саранча, дотоле неизвестная нашим предкам, покрыв землю, совершенно истребила жатву; тучи сих пагубных насекомых летели от юга к северу, оставляя за собою отчаяние и голод для бедных поселян.

Наконец великий князь и Владимир ободрили победами унылый дух своего народа. Они, к сожалению, начались вероломством. Долговременные несчастия государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей. Вожди половецкие, Итларь и Китан, заключив мир с Мономахом, взяли в *тали,* или в аманаты[1], сына его, Святослава [1095 г.]. Китан безопасно жил в стане близ городского вала: Итларь гостил в Переяславле у вельможи Ратибора. Тогда недостойные советники предложили князю воспользоваться оплошностию ненавистных врагов, нарушить священный мир и не менее священные законы гостеприимства — одним словом, злодейски умертвить всех половцев. Владимир колебался; но дружина успокоила его робкую совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву... В глубокую ночь россияне, вместе с торками, им подвластными, вышли из города, зарезали сонного Китана, его воинов и с торжеством привели ко Владимиру освобожденного Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своих ласковых хозяев, когда сын Ратиборов, Олбег, пустил ему в грудь стрелу сквозь отверстие, нарочно для того сделанное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, был жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних князей российских казался дозволенною хитростию!

Ожидая справедливой мести за такое злодеяние, Владимир и Святополк хотели предупредить оную. *В первый раз* дерзнули россияне искать половцев в их собственной земле; взяли множество скота, вельблюдов, коней, пленников и возвратились благополучно. — Но в то же самое лето Юрьев, город на берегу Роси, был сожжен половцами: жители его ушли с епископом в столицу, и великий князь населил ими, близ Киева, особенный новый городок, дав ему имя *Святополча.*

Олег Черниговский, вопреки данному слову, не ходил с великим князем на половцев. Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он хотя выдал им или сам велел умертвить знатного половецкого юношу, сына Итларева, бывшего у него в руках; но князь черниговский отвергнул и сие предложение как злодейство бесполезное. С обеих сторон неудовольствие возрастало. Святополк и Владимир, действуя во всем согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленск, отданный ему, как вероятно, еще Всеволодом, и послали его княжить в Новгород, откуда Мономах перевел сына своего, Мстислава, в Ростов; но своевольные новогородцы чрез два года

---

[1] Таль или аманат — заложник.

объявили Давиду, что он им не надобен, и вторично призвали к себе, на его место, Мстислава. Лишенный удела, Давид прибегнул, может быть, к Олеговой защите: по крайней мере ему возвратили область Смоленскую. Юный сын Мономахов, Изяслав, правитель Курска, подал новый ко вражде случай, нечаянно завладев Муромом, городом черниговского князя, и взяв в плен Олегова наместника.

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на *съезд княжеский.* «Там, в старейшем граде русском, — говорили они, — утвердим безопасность государства в общем совете с знаменитейшим духовенством, с боярами отцов наших и гражданами». Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им ответствовал: «Я — князь, и не хочу советоваться ни с монахами, ни с чернию». *Когда так,* сказали Святополк и Владимир: *когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества, и Бог да судит между нами!* Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец черниговский князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Святополк нетерпеливо хотел прекратить сию междоусобную войну, ибо половцы тогда опустошали Россию; одна толпа их сожгла в Берестове дом княжеский, другая местечко Устье, близ Переяславля, и тесть Святополков, Тугоркан, осадил сию Мономахову столицу. Великий князь и Владимир умели скрыть свои движения от неприятеля, перешли Днепр, явились внезапно под стенами осажденного города. Обрадованные жители встретили их, и россияне бросились в Трубеж, ревностно желая битвы с половцами, которые стояли на другой стороне сей реки. Напрасно осторожный Владимир хотел построить воинов: не внимая начальникам, они устремились на варваров и своим мужеством решили победу. Сам Тугоркан, сын его, знаменитейшие половцы легли на месте. Святополк взял тело первого и с честию предал оное земле недалеко от своего берестовского дворца. — В то самое время, когда россияне торжествовали свою победу, другой князь половецкий, Боняк, едва не овладел Киевом; выжег предместие, *красный двор* Всеволодов на Выдобичах, монастыри; ворвался ночью в обитель Печерскую, умертвил несколько безоружных монахов, пробужденных шумом и воплем свирепого неприятеля; ограбил церковь, кельи и с добычею удалился, оставив деревянные здания в пламени.

Святополк, возвратясь в Киев, напрасно ждал Олега, который, не быв принят смоленскими жителями, пошел к Мурому. Изяслав, сын Мономахов, призвал к себе войско из Ростова, Суздаля, Белаозера и готовился отразить сего неприятеля. «Иди княжить в свою Ростовскую область, — велел сказать ему Олег: — отец твой отнял у меня Чернигов: неужели и в Муроме, наследственном моем достоянии, вы лишите меня хлеба? Я не хочу войны и желаю примириться с Владимиром». Олег имел с собою малочисленную дружину, набранную им в Рязани, которая зависела тогда от черниговских князей; но, получив гордый отказ, смело обнажил меч. Юный Изяслав пал в сражении, и войско его рассеялось. Победитель взял Муром (где была супруга Изяславова), Суздаль, Ростов и, следуя тогдашнему варварскому обыкновению, пленил множество безоружных граждан.

Мстислав Владимирович, князь новогородский, крестник Олегов, сведав о несчастной судьбе Изяславовой, велел привезти к себе тело его и с горестию погреб оное в Софийской церкви. Сей великодушный князь, любя справедливость, не винил Олега в завоевании Мурома, но требовал, чтобы он вышел из Ростова и Суздаля; не упрекал его даже и смертию Изяслава, говоря ему чрез послов: «Ты убил моего брата; но в ратях гибнут цари и герои. Будь доволен своим наследственным городом: в таком случае умолю отца моего примириться с тобою». Олег не хотел слушать никаких предложений, думая скоро взять самый Новгород. Тогда Мстислав, любимый народом, вооружился. Начальник отряда новогородского, Добрыня Рагуйлович, захватил людей Олеговых, посланных для собрания дани, и сбил его передовое войско на реке Медведице (в Тверской губернии). Олег не мог удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжег сей последний город, оставив в нем только один монастырь с церквами, и засел в Муроме. Добродушный Мстислав, уважая крестного отца, снова предложил ему мир, желая только, чтобы он возвратил пленных, и в то же время убедительно просил родителя своего забыть вражду Олегову. Мономах отправил в Суздаль меньшего сына, Вячеслава, с конным отрядом союзных половцев, написав к Олегу красноречивое письмо такого содержания: «Долго печальное сердце мое боролось с законом христианина, обязанного прощать и миловать: Бог велит братьям любить друг друга; но самые умные деды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагом Христовым, восставали на кровных... Пишу к тебе, убежденный твоим крестным сыном, который молит меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на суд Божий. Сей юноша устыдил отца своим великодушием! Дерзнем ли, в самом деле, отвергнуть пример Божественной кротости,

данный нам Спасителем, мы, тленные создания? ныне в чести и в славе, завтра в могиле, и другие разделят наше богатство! Вспомним, брат мой, отцов своих: что они взяли с собою, кроме добродетели? Убив моего сына и твоего собственного крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядший цвет, ты не пожалел об нем; не пожалел о слезах отца и матери; не хотел написать ко мне письма утешительного; не хотел прислать бедной, невинной снохи, чтобы я вместе с нею оплакал ее мужа, не видав их радостного брака, не слыхав их веселых свадебных песней... Ради Бога отпусти несчастную, да сетует как горлица в доме моем; а меня утешит отец Небесный. — Не укоряю тебя безвременною кончиною любезного мне сына: и знаменитейшие люди находят смерть в битвах; он искал чужого и ввел меня в стыд и в печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взяв Муром, не брал Ростова и тогда же примирился со мною. Рассуди сам, мне ли надлежало говорить первому или тебе? Если имеешь совесть; если захочешь успокоить мое сердце и с послом или священником напишешь ко мне грамоту без всякого лукавства: то возьмешь добрым порядком область свою, обратишь к себе наше сердце, и будем жить еще дружелюбнее прежнего. Я не враг тебе, и не хотел крови твоей у Стародуба» (где Святополк и Мономах осаждали сего князя): «но дай Бог, чтобы и братья не желали пролития моей. Мы выгнали тебя из Чернигова единственно за дружбу твою с неверными; и в том каюсь, послушав брата (Святополка). Ты господствуешь теперь в Муроме, а сыновья мои в области своего деда. Захочешь ли умертвить их? твоя воля. Богу известно, что я желаю добра отечеству и братьям. Да лишится навеки мира душевного, кто не желает из вас мира христианам! — Не боязнь и не крайность заставляют меня говорить таким образом, но совесть и душа, которая мне всего на свете драгоценнее».

Олег согласился заключить мир, чтобы обмануть племянника; и когда Мстислав, распустив воинов по селам, беспечно сидел за обедом с боярами своими, гонцы принесли ему весть, что коварный его дядя стоит уже на Клязьме с войском [1 марта 1097 г.]. Олег думал, что Мстислав, изумленный его внезапным нападением, уйдет из Суздаля; но сей юный князь, в одни сутки собрав дружину новогородскую, ростовскую, белозерскую, приготовился к битве за городским валом. Олег четыре дня стоял неподвижно, и Вячеслав, другой сын Мономахов, успел соединиться с братом. Тогда началось сражение. Олег ужаснулся, видя славное знамя Владимирово в руках вождя половецкого, заходившего к нему в тыл с отрядом Мстиславовой пехоты, и скоро обратился в бегство; поручил меньшему своему брату, Ярославу,

Муром, а сам удалился в Рязань. Мстислав, умеренный в счастии, не хотел завладеть ни тем, ни другим городом, освободив единственно ростовских и суздальских пленников, там заключенных. Бегая от него, Олег скитался в отчаянии и не знал, где приклонить голову; но племянник велел ему сказать, чтобы он был спокоен. «Святополк и Владимир не лишат тебя земли Русской, — говорил сей чувствительный юноша: — я буду твоим верным ходатаем. Останься и властвуй в своем княжении: только смирися». Мстислав сдержал слово: вышел из Муромской области, возвратился в Новгород и примирил Олега с великим князем и своим отцом.

Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благоразумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников, половцев, — успокоить государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из князей российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами — Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем — Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами — Перемышль и Теребовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говоря: *да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем.* Добрый народ благословлял согласие своих князей: князья обнимали друг друга как истинные братья.

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства. Летописец извиняет главного злодея, сказывая, что клеветники обманули его; но так обманываются одни изверги. Сей недостойный внук Ярославов, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторож-

ности, а месть жертвы. Великий князь содрогнулся и заплакал, вспомнив несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сие ужасное обвинение? — сказал он: — да накажет тебя Бог, если обманываешь меня от зависти и злобы». Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным, подобно отцу своему. Не зная ничего, спокойный в совести, Василько ехал тогда мимо Киева, зашел помолиться в монастырь Св. Михаила, ужинал в сей обители и ночевал в стане за городом. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин великого князя, то есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать с поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. «Видишь ли? — сказал Давид великому князю: — он презирает тебя в самой области твоей: что ж будет, когда приедет в свою? займет без сомнения Туров, Пинск и другие места, тебе принадлежащие. Вели схватить его и отдать мне, или ты вспомнишь совет мой, но поздно». Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный князь дал слово; сел на коня и въезжал уже в город: тут встретился ему один из его усердных отроков и с ужасом объявил о гнусном заговоре. Василько не верил. «Мы целовали крест, — сказал он, — и клялися умереть друзьями; не хочу подозрением оскорбить моих родственников» — перекрестился и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей, еще новый в ремесле своем, бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Мера злодейства еще не совершилась, и Святополк боялся народного негодования: в следующий день, созвав бояр и граждан киевских, он торжественно объявил им слышанное от Давида. Народ ответствовал: «Государь! безопасность твоя для нас священна: казни Василька, если он действительно враг твой; когда же Давид оклеветал его, то Бог отмстит ему за кровь невинного». Знаменитые духовные особы смело говорили великому князю о человеколюбии и гнусности вероломства. Он колебался; но снова устрашенный коварными словами Давида, отдал ему жертву в руки. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож, расстилали ковер; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он затрепетал и, хотя был окован, но долгое время оборонялся с таким

8 Зак. № 38

усилием, что им надлежало кликнуть помощников. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы... Василько лежал на ковре без чувства. Злодеи отправились с ним в Владимир, приехали в город Здвиженск обедать и велели хозяйке вымыть окровавленную рубашку князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привел его в память. Он спросил: «Где я?», выпил свежей воды; ощупал свою рубашку и сказал: «Начто вы сняли с меня окровавленную? я хотел стать в ней пред Судиею Всевышним»... Давид ожидал Василька в столице своей, Владимире, и заключил в темницу, приставив к нему двух отроков и 30 воинов для стражи.

Мономах, узнав о сем злодействе, пришел в ужас и залился слезами. «Никогда еще, — сказал он, — не бывало подобного в земле Русской!» и немедленно уведомил о том Святославичей, Олега и Давида. «Прекратим зло в начале, — писал к ним сей добрый князь: — накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь еще более польется, и мы все обратимся в убийц; земля Русская погибнет: варвары овладеют ею». Олег и Давид, подвигнутые таким же великодушным негодованием, соединились с Мономахом, приблизились к Киеву и грозно требовали ответа от Святополка [1098 г.]. Послы их говорили именем князей: «Ежели Василько преступник, то для чего же не хотел ты судиться с ним пред нами? и в чем состоит вина его?» Великий князь оправдывался своим легковерием и тем, что не он, а Давид ослепил их племянника. «Но в твоем городе», — сказали послы и вышли из дворца. На другой день Владимир и Святославичи уже готовились идти за Днепр, чтобы осадить Киев. Малодушный Святополк думал бежать; но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили к нему посольство. Митрополит и вдовствующая супруга Всеволодова явились в стане соединенных князей: первый говорил именем народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные! — сказал митрополит Владимиру и Святославичам: — не терзайте отечества междоусобием, не веселите врагов его. С каким трудом отцы и деды ваши утверждали величие и безопасность государства! Они приобретали чуждые земли; а вы что делаете? губите собственную». Владимир пролил слезы: он уважал память своего родителя, вдовствующую княгиню его и пастыря церкви; а всего более любил Россию. «Так! — ответствовал Мономах с горестию: — мы недостойны своих великих предков и заслуживаем сию укоризну». Князья согласились на мир, и Владимир простил Святополку собственную обиду; ибо сей неблагодарный, обязанный ему престолом, не устыдился поверить клевете и счи-

тать его своим тайным злодеем. Великий князь, сложив всю вину на Давида, дал слово наказать его как общего недруга.

Давид сведал о том и хотел отвратить бурю. Здесь один из дополнителей Несторовой летописи, именем Василий — вероятно, инок или священник, — представляет сам важное действующее лицо и рассказывает следующие обстоятельства: «Я был тогда в Владимире. Князь Давид ночью прислал за мною. Окруженный своими боярами, он велел мне сесть и сказал: *Василько говорит, что я могу примириться с Владимиром. Иди к заключенному; советуй ему, чтобы он отправил посла к Мономаху и склонил сего князя оставить меня в покое. В знак благодарности дам Васильку любой из городов червенских: Всеволож, Шеполь или Перемиль.* Я исполнил Давидову волю. Несчастный Василько слушал меня со вниманием и с кротостию ответствовал: *Я не говорил ни слова; но сделаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь россиян. Только удивляюсь, что Давид в знак милости дает мне собственный мой город Шеполь: я и в темнице князь Теребовля. Скажи, что желаю видеть и послать ко Владимиру боярина моего, Кулмея.* Давид не хотел того, ответствуя, что сего человека нет в Владимире. Я вторично пришел к Васильку, который выслал слугу, сел со мною и говорил так: *Слышу, что Давид мыслит отдать меня в руки ляхам; он еще не сыт моею кровию: ему надобна остальная. Я мстил ляхам за отечество и сделал им много зла; пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя истину, открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за гордость. Зная, что идут ко мне союзные торки, берендеи, половцы и печенеги, я думал в своей надменности:* «Теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мне только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю, летом завоюю Польшу. Земля у нас не богата жителями: пойду на дунайских болгаров и пленниками населю ее пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов отечества, на злодеев половцев; достигну славы или положу голову за Русскую землю». *В душе моей не было иной мысли. Клянуся Богом, что я не хотел сделать ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям любезным*». Сей несчастный князь, в стенах темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному иноку, не думал, что самое отдаленное потомство услышит его слова, достойные Героя!

Еще более месяца Василько томился в заключении: Владимир — озабоченный, как вероятно, набегами половцев — не мог освободить его. Давид ободрился и хотел увеличить область свою завоеванием Теребовля; но, устрашенный мужеством Володаря Ростиславича, не дерзнул обнажить меча в поле и бежал в город

Бужск. Володарь, осадив его, требовал единственно брата, и гнусный Давид, принужденный отпустить Василька, уверял, что один Святополк был виною злодеяния. «Не в моей области, — говорил он, — пострадал брат твой; я должен был на все согласиться, чтобы не иметь такой же участи». Володарь заключил мир; но как скоро освободил Василька, то снова объявил войну Давиду. Ослепленные злобою мести, Ростиславичи обратили в пепел город Всеволож, бесчеловечно умертвили жителей и, приступив ко Владимиру, велели сказать гражданам, чтобы они выдали им трех советников Давидовых, научивших его погубить Василька. Граждане созвали вече и рассуждали, что им делать. «Мы рады умереть за самого князя, — говорил народ: — а слуги его не стоят кровопролития. Он должен исполнить нашу волю, или отворим городские ворота и скажем ему: *промышляй о себе!*» Давид хотел спасти наперсников; но, боясь возмущения, предал двух из них в жертву (третий ушел в Киев). Злодеев повесили и расстреляли: Васильковы отроки совершили сию месть в знак любви к своему князю.

Ростиславичи удалились; но Давид не избавился от бедствия. Святополк, обязанный торжественною клятвою [1099 г.], шел наказать его и стоял уже в Бресте. Давид искал защиты у короля польского, Владислава: сей государь, взяв от него 50 гривен золота, велел ему ехать с собою, расположился станом на Буге и вступил в переговоры с великим князем. Королю хотелось новых даров: получив их от Святополка, он советовал Давиду возвратиться в свою область, ручаясь за его безопасность. Но великий князь, с согласия поляков, немедленно осадил Владимир. Обманутый королем, Давид чрез семь недель примирился с Святополком, уступил ему Владимирскую область и выехал в Польшу.

Святополк не замедлил остыдить себя новым вероломством. Вступая в пределы Волыни, он торжественно клялся Ростиславичам, что будет им другом и желает единственно смирить их общего неприятеля, Давида; но, победив его, великий князь захотел овладеть Перемышлем и Теребовлем, объявляя, что сии города принадлежали некогда отцу его и брату. Святополк надеялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слепой Василько явился на месте битвы и, показывая в руках крест, громко кричал Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступник? Лишив меня зрения, хочешь отнять и жизнь мою. Крест святой да будет нам судиею!» Сражение было кровопролитное. Святополк не мог устоять и бежал в Владимир: поручил сей город сыну Мстиславу, прижитому с наложницею; другого сына, Ярослава, отправил в Венгрию за наемным войском; племянника, Святошу Давидовича, оставил в

Луцке, а сам уехал в Киев. Ростиславичи гнались за побежденным только до границ своей области и возвратились, не желая никаких приобретений: умеренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими в Любече, и гнушались примерами вероломства.

Сын великого князя, Ярослав, склонил государя венгерского объявить войну Ростиславичам, и Коломан, собрав великие силы, вступил в Червенскую область. Володарь затворился в Перемышле. Давид Игоревич, напрасно искав друзей и союзников вне государства, возвратился тогда из Польши: видя общую опасность, прибегнул к Ростиславичам и, в знак доверенности оставив жену свою у Володаря, отправился к половцам. Хан Боняк, встретив его на границе, взялся действовать против врага России. Летописец говорит, что половцев было 390 человек, а Давидовых воинов 100; что Боняк, искусный гадатель будущего, в темную глубокую ночь отъехал от стана и начал *выть;* что звери степные ответствовали ему таким же воем и что обрадованный хан предсказал Давиду несомнительную победу. Суеверие бывает иногда счастливо: ободрив воинов, мужественный Боняк разделил их на три части; велел товарищу своему, Алтунопе, идти прямо на венгров с 50 стрелками; поручил Давиду главный отряд, а сам засел впереди, по обеим сторонам дороги, имея не более 100 человек. Алтунопа увидел вдали множество венгров, коих оружие и латы блистали от первых лучей восходящего солнца и которые стояли рядами на великом пространстве. Он шел смело и, пустив несколько стрел, обратился в бегство. Когда же венгры устремились вслед за ним без всякого порядка, Боняк ударил на них в тыл, Алтунопа спереди, Давид также. Володарь, осажденный в Перемышле, мог воспользоваться сим случаем для удачной вылазки. Изумленные венгры в ужасе, в смятении давили друг друга; бросались в реку Сан и тонули. Победители гнали их два дня. Сам Коломан едва спас жизнь свою, потеряв около 40 000 воинов, многих баронов и телохранителей; а сын Святополков ушел в Брест. Венгерские летописцы рассказывают, что виною сего *беспримерного* несчастия была неосторожность их государя, обманутого притворными слезами вдовствующей российской княгини *Ланки,* которая, стоя на коленах, умоляла его быть милосердным к ее народу; что венгры, не ожидая сопротивления и битвы, спали крепким сном, когда хан половецкий напал в глубокую ночь на их стан и, не дав им опомниться, умертвил множество людей. Коломан без сомнения думал тогда завладеть Червенскою областию: с ним были не только знаменитейшие светские чиновники, но и епископы, готовые обращать россиян в свою Веру. Один из сих епископов, именем Купан, погиб в сражении.

Давид Игоревич, желая употребить в свою пользу несчастие Святополка и союзников его, взял Червен и внезапно осадил Владимир, где сын великого князя, Мстислав, собственною неустрашимостию ободрял воинов; но, пораженный стрелою — в самое то мгновение, как он натягивал лук, — сей юноша пал на стене и чрез несколько часов умер. Три дня кончина его была тайною для народа: узнав оную, граждане в общем совете положили уведомить Святополка о своей крайности. С одной стороны, они боялись гнева его, с другой — неминуемого голода. Святополк отправил к ним воеводу Путяту и велел ему соединиться в Луцке с дружиною Святоши. Сей юный племянник великого князя взял под стражу Давидовых послов, которых он до того времени клятвенно уверял в дружбе, обещаясь известить их государя о первом движении Святополкова войска. Обманутый Давид беспечно отдыхал в полдень, когда Путята и Святоша напали на его стан; в то же время осажденные сделали вылазку. Пробужденный шумом и криком битвы, Давид искал спасения в бегстве, и владимирцы с радостию приняли в город свой посадника Святополкова; но обстоятельства переменились, как скоро Путята вывел оттуда войско. Боняк, славный победитель венгров, вступился за Давида и возвратил ему область его, изгнав Святошу из Луцка и посадника киевского из Владимира.

Тогда князья российские, взаимно огорчаемые своим несогласием, вероломством, малодушным властолюбием, вторично собралися близ Киева: Святополк, Мономах и Святославичи; заключили [30 июня 1100 г.] новый союз между собою и звали Давида. Сей князь владимирский не дерзнул их ослушаться; но приехав, гордо сказал: «Я здесь: чего от меня хотите? кто недоволен мною?..» *Не ты ли сам,* — ответствовал ему Владимир, — *желал общего княжеского собрания, чтобы представить нам свои неудовольствия? Теперь сидишь на одном ковре с братьями: говори, кто и чем оскорбил тебя?* Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехав в сторону, каждый советовался с своею дружиною. Давид сидел один. Наконец они снеслися между собою, и послы их торжественно сказали ему: «Князь Давид! Объявляем волю наших государей. Область Владимирская уже не твоя отныне: ибо ты был причиною вражды и злодейства, неслыханного в России. Но живи спокойно; не бойся смерти. Бужск остается твоим городом: Святополк дает тебе еще Дубно и Черторижск, Мономах 200 гривен, Олег и брат его тоже». Давид смирился, и Святополк чрез некоторое время уступил ему Дорогобуж Волынский, отдав Владимир сыну своему Ярославу. Соединенные князья отправили также послов к Ростиславичам, требуя, чтобы они выдали пленников, взятых ими в битве с коварным Святополком, и господст-

вовали в одном Перемышле; чтобы Володарь взял к себе несчастного Василька или прислал к дядям, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи с гордостию отвергнули сие предложение, и великодушный слепец хотел умереть теребовльским князем. Святополк, испытав храбрость их, не смел уже воевать с ними; но строго наказал своего родного племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя в Бресте, вооружался и хотел завладеть другими городами. Его привезли в Киев окованного цепями. Митрополит и духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бежав из Киева, попался в руки владимирскому князю, сыну Святополкову: снова был заключен, и чрез десять месяцев умер в темнице.

Разделение государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть князей. Народ, видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага. Читатель заметил уже многие примеры тогдашнего своевольства граждан: следующее происшествие еще яснее доказывает оное. Великий князь и Мономах согласились отдать Новгород сыну первого, а Мстиславу, в замену сей области, Владимир. Исполняя волю отца, Мстислав явился во дворце киевском, сопровождаемый знатными новогородцами и боярами Мономаха. Когда Святополк посадил их, бояре говорили ему: «Мономах прислал к тебе Мстислава, чтобы ты отправил его княжить в Владимир, а сына своего в Новгород». *Нет!* сказали послы новогородские: *объявляем торжественно, что сего не будет. Святополк! ты сам добровольно оставил нас: теперь уже не хотим ни тебя, ни сына твоего. Пусть едет в Новгород, ежели у него две головы! Мы сами воспитали Мстислава, данного нам еще Всеволодом.* Великий князь долго спорил с ними; но, поставив на своем, они возвратились в Новгород со Мстиславом.

Между тем второй княжеский съезд был счастливее первого, утвердив союз Святославичей с великим князем и Мономахом. Половцы, опасаясь следствий оного, именем всех ханов своих требовали мира и, заключив его в городе Сакове, взяли и дали аманатов. Сей мир, как и прежние, только отсрочил войну, необходимую по мнению благоразумного князя Владимира. В следующий год, весною, он и Святополк имели свидание близ Киева, на лугу, и, сидя в одном шатре, советовались с боярами. Дружина великого князя говорила, что весна не благоприятна для военных действий; что если они для конницы возьмут лошадей у земледельцев, то поля останутся не вспаханы, и в селах не будет хлеба. «Удивляюсь (ответствовал Мономах), что вы жалеете коней более отечества. Мы дадим время пахать земледельцу; а

половчин застрелит его на самой ниве, въедет в село, пленит жену, детей и возьмет все имение оратая[1]». Бояре не могли оспоривать сего убедительного возражения, и великий князь, встав с места, сказал: *я готов!* Владимир с нежностию обнял брата, говоря ему, что земля Русская назовет его своим благодетелем. Они старались возбудить такую же ревность и в других князьях, призывая их смирить варваров или умереть Героями. Олег Святославич отговорился болезнию; но два брата его охотно вооружились. Князь полоцкий, Всеслав, знаменитый враг племени Ярославова, скончался в 1101 году: меньший сын его, Давид, жертвуя наследственною злобою общему благу, прибыл в стан соединенных войск: также Игорев внук, Мстислав, коего отец неизвестен и который вместе с дядею своим, Давидом Игоревичем, в 1099 году осаждав Владимир, искал потом добычи или славы на море. Великий князь взял с собою родного племянника, Вячеслава, а Мономах сына своего, Ярополка. Грозное ополчение сухим путем и водою двинулось к югу. Флот остановился за днепровскими порогами, у Хортицкого острова: там построилось войско и четыре дня шло степями к востоку до места, называемого *Сутень*. Встревоженные неприятели собирались многочисленными толпами к вежам своих ханов, которые, видя опасность, советовались между собою, что им делать. Старший из них, именем Урособа, говорил товарищам, что надобно просить мира и что россияне, долгое время терпев от половцев, будут сражаться отчаянно. Ко славе соединенных князей, младшие ханы отвергнули сей благоразумный совет, с гордостию ответствуя: «Старец! Ты боишься россиян! Но мы положим дерзких врагов на месте и возьмем все беззащитные города их».

В то время, когда половцы уже делили в мыслях своих добычу нашего стана, россияне готовились в битве молитвою и благочестивыми обетами; одни давали клятву, в случае победы, наградить убогих; другие украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою Верою, они шли с бодростию и веселием. Алтунопа, славнейший из храбрецов половецких, был впереди на страже: россияне, окружив его, совершенно истребили сей отряд неприятельский. Началося главное сражение. Летописец говорит, что многочисленные полки варваров казались на обширной степи дремучим, необозримым бором; но что половцы, объятые тайным ужасом, были как сонные, едва могли править своими конями и, смятые первым ударом наших, бежали во все стороны. Никогда еще российские князья не одерживали такой знаменитой победы

---

[1] Оратай — пахарь, земледелец, хлебопашец.

над варварами. Урособа и 19 других ханов пали в сражении. Одного из них, именем Бельдюза, привели к Святополку: сей пленник хотел откупиться серебром, золотом и конями. Святополк велел отвести его к Владимиру, который сказал ему: «Ты не учил детей своих и товарищей бояться клятвопреступления. Сколько раз вы обещали мир и губили христиан? *Да будет же кровь твоя на главе твоей!*» Бельдюза рассекли на части. Победители взяли в добычу множество скота, вельблюдов, коней; освободили невольников и в числе пленных захватили торков и печенегов, которые служили половцам. Увенчанный славою Мономах, призывая россиян к торжеству и веселию, хвалил их мужество, но всего более славил Небо. «Сей день (говорил он) есть праздник для отечества. Всевышний избавил от врагов землю Русскую: они лежат у ног наших! Сокрушены главы змия, и мы обогатилися достоянием неверных». В надежде, что половцы не дерзнут уже беспокоить Россию, Святополк старался загладить следы их прежних опустошений и возобновил город Юрьев, ими сожженный, на берегу Роси.

К несчастию, сии мирные попечения о гражданском благосостоянии государства не могли тогда иметь успеха: княжение Святополка, от начала до конца, представляет цепь ратных действий. Россия была станом воинским, и звук оружия не давал успокоиться ее жителям.

Ярослав Святославич, брат Олегов и Давидов, был побежден мордвою [1104 г.] в губернии Тамбовской или Нижегородской, где сей народ обитал издревле в соседстве с казанскими болгарами. — Следуя примеру отцов своих, великий князь и Мономах вооружились против наследников Всеславовых, которые независимо господствовали в Полоцкой области. Путята, воевода Святополков, Олег и Ярополк, сын Владимиров, ходили осаждать Глеба Всеславича в Минске. Родной брат Глебов, Давид, находился с ними: вероятно, что он держал их сторону. Но войско соединенное возвратилось без успеха. — Всеславичи, избавленные от сей опасности, хотели покорить Семигалию. Нестор называет ее жителей данниками России: быть может, что они прежде зависели от князей полоцких и вздумали тогда отложиться[1]. Кровопролитная битва утвердила их свободу [1106 г.]: Всеславичи, потеряв 9000 воинов, едва могли спасти остаток своей рати.

С другой стороны половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не *сокрушил гидры* и что не все *главы* ее пали от меча российского. Уже варвары с добычею и с не-

[1] Отложиться — свергнуть с себя власть, отказаться от повиновения.

вольниками возвращались в свою землю, когда воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Боняк, захватив табуны переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым вождем половецким, старым Шаруканом. Великий князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые не имели времени построиться, ни сесть на коней и, спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. Россияне, гнав их до самого Хороля, многих убили и взяли в плен. — Сии успехи не возгордили Олега и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях ханских. Омерзение к злобным язычникам уступало политике и надежде успокоить государство хотя на малое время. — Мир не продолжался ни двух лет: россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали вежи половецкие. Наконец Мономах [1111 г.] снова убедил князей действовать соединенными силами, и в то время, когда народ говел, слушая в храмах молитвы великопостные, воины собирались под знаменами. Достойно замечания, что около сего времени были многие воздушные явления в России, и самое землетрясение; но благоразумные люди старались ободрять суеверных, толкуя им, что необыкновенные знамения предвещают иногда необыкновенное *счастие* для государства, или победу: ибо россияне не знали тогда иного счастия. Самые мирные иноки возбуждали князей разить злобных супостатов, ведая, что Бог мира есть также и Бог воинств, подвигнутых любовию ко благу отечества. Россияне выступили 26 февраля и в осьмой день стояли уже на Гольтве, ожидая задних отрядов. На берегах Ворсклы они торжественно целовали крест, готовясь умереть великодушно; оставили многие реки за собою и 19 марта увидели Дон. Там воины облеклися в брони и стройными рядами двинулись к югу. Сей знаменитый поход напоминает Святославов, когда отважный внук Рюриков шел от берегов Днепра сокрушить величие Козарской империи. Его смелые витязи ободряли, может быть, друг друга песнями войны и кровопролития: Владимировы и Святополковы с благоговением внимали церковному пению иереев, коим Мономах велел идти пред воинством со крестами. Россияне пощадили неприятельский город Осенев (ибо жители встретили их с дарами: с вином, медом и рыбою); другой, именем Сугров, был обращен в пепел. Сии города на берегу Дона существовали до самого нашествия татар и были, как вероятно, основаны козарами: половцы, завладев их страною, и сами уже обитали в домах. 24 марта князья разбили варваров и праздновали Благовещение вместе с победою; но чрез два дня свирепые враги окружили их со всех

сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный Герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Летописец говорит, что Ангел свыше карал половцев и что головы их, *невидимою* рукою ссекаемые, летели на землю: Бог всегда *невидимо* помогает храбрым. — Россияне, довольные множеством пленных, добычею, славою (которая, по уверению современников, разнеслася от Греции, Польши, Богемии, Венгрии до самого Рима), возвратились в отечество, уже не думая о своих древних завоеваниях на берегах Азовского моря, где половцы без сомнения тогда господствовали, овладев Воспорским царством, или Тмутороканским княжением, коего имя с сего времени исчезло в наших летописях.

В числе многих князей, ходивших на Дон с Владимиром и Святополком, был и Давид Игоревич Дорогобужский, памятный злодейством: он скоро умер; область его наследовал зять Мстислава Новогородского, Ярослав Святополкович, который ознаменовал свое мужество двукратною победою над ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества. Сею войною заключились подвиги россиян в бурное княжение Святополка, умершего в 1113 году. Он имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастии и робость в бедствиях. При нем унизилось достоинство великого князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лет на престоле, даруя победы отечеству.

Святополк был набожен: готовясь к войне, к путешествию, он всегда брал молитву у печерского игумена, над гробом Феодосия, и там же благодарил Всевышнего за всякую победу; украшал, строил церкви, — как-то Михаила Златоверхого в Киеве, где погребено тело сего князя — и в 1108 году велел митрополиту вписать Феодосиево имя в синодик для поминовения во всех российских епископиях. Довольный наружностию благочестия, он явно преступал святые уставы нравственности, имея наложниц и равняя побочных детей с законными.

Святополк оставил супругу, которая по его смерти раздала великое богатство монастырям, священникам и бедным (ибо он собрал множество золота, и притом всякими средствами: терпел евреев в Киеве — вероятно, переехавших к нам из Тавриды, — и сам не стыдился, к утеснению народа, торговать солью, которую привозили купцы из Галича и Перемышля). — Сбыслава, дочь великого князя, в 1102 году сочеталась браком с королем польским, Болеславом Кривоустым. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвин, епископ краковский, исходатайствовал разрешение от папы: ибо княжна российская была в свой-

стве с королем. Брачное торжество совершилось в Кракове: Болеслав, в изъявление своего удовольствия, щедро одарил вельмож польских. Он уважал тестя и простил своего брата, мятежного Избыгнева, который, в 1106 году приехав в Киев, молил великого князя быть посредником между ими. Вторая дочь Святополкова, именем Передслава, в 1104 году вышла за королевича венгерского, сына Коломанова, Ладислава, или Николая. В то же самое время — в 1104 году — третья княжна российская, дочь знаменитого Володаря и племянница Василькова, была выдана за царевича греческого, сына Алексиева, Андроника, или Исаакия: первый убит на войне в цветущей юности; второй был родоначальником императоров трапезунтских. — Коломан, государь венгерский, уже престарелый женился в 1112 году на дочери Мономаховой, Евфимии; но сей брак имел несчастные следствия. Подозревая супругу в неверности, Коломан развелся с нею, и Евфимия беременная возвратилась в отечество, где родила сына, Бориса.

В княжение Святополково митрополитами были греки Николай и Никифор: первый ездил послом к Мономаху от киевских граждан в 1098 году и ходатайствовал за несчастного племянника Святополкова, Ярослава; при втором сын Давида Черниговского, Святослав, названный за его благочестие *Святошею,* отказался от мира и заключился в обители Печерской, уважая монашеские добродетели более гражданских. Сей князь, быв сперва слугою иноков и вратарем[1], долгое время смирял плоть свою трудами и воздержанием, беспрестанно работая в келье или в саду, им разведенном; отдавал бедным все, что имел, и способствовал в монастыре своем заведению библиотеки. — Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще в церковных летописях прибытием в Новгород Св. Антония Римского, ученого мужа, которому тамошние чиновники и епископ Никита дали на берегу Волхова место и село для основания монастыря, одного из древнейших в России.

К достопамятностям века Святополкова принадлежит любопытное путешествие российского игумена Даниила к святым местам, уже завоеванным тогда крестоносцами. Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение. Под защитою королевской дружины сей игумен ходил к Дамаску, в Акру, и мог безопасно осмотреть всю Палестину, где еще скитались толпы неверных и грабили христиан. Он выпросил дозволение у Бальдвина поставить лампаду над гробом Спасителя и записал в обители Св. Саввы, для поминания на ектениях, имена князей российских:

---

[1] Вратарь — сторож при воротах, дворник.

Святополка-Михаила, Владимира-Василия, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратия и Глеба Минского. Достойно замечания, что многие знатные киевляне и новогородцы находились тогда в Иерусалиме. Алексей Комнин без сомнения приглашал и россиян действовать против общих врагов христианства; отечество наше имело собственных: но вероятно, что сие обстоятельство не мешало некоторым витязям российским искать опасностей и славы под знаменами крестового воинства. Впрочем, быть может, что одно христианское усердие и желание поклониться гробу Иисусову приводило их в Палестину: ибо мы знаем по иным современным и не менее достоверным свидетельствам, что россияне в XI веке часто давали Небу обет видеть ее места святые.

Описание времен Святополковых заключим известием, что Нестор при сем князе кончил свою летопись, сказав нам в 1106 году о смерти *доброго* девяностолетнего *старца* Яня, славного воеводы, жизнию подобного древним христианским праведникам и сообщившего ему многие сведения для его исторического творения. Отселе путеводителями нашими будут другие, также современные летописцы.

Глава VII

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ 1113—1125 гг.

Грабят жидов в Киеве. Мономах усмиряет мятеж. Новое пренесение мощей Бориса и Глеба. Закон о ростах. Победы в Ливонии, в Финляндии, в Болгарии, на Дону. Черные клобуки. Беловежцы. Дела с греками. Мономахова шапка. Царевич Леон. Усмирение минского князя и новогородцев. Изгнание и бедствие князя владимирского. Венгры, богемцы и поляки в России. Их неудача. Плен Володаря. Смерть трех князей знаменитых. Кончина Мономахова. Свойства его. Поучение. Основание Владимира Залесского. Гида, супруга Мономахова. Ее дети. Сочинение митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из князей российских должен быть великим князем, отправили послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно

оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению долженствовали наследовать престол великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия: киевляне не хотели слышать о другом государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом тысячского, именем Путяты, и всех жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка. Спокойные граждане, приведенные в ужас таким беспорядком, вторично звали Мономаха. «Спаси нас, — говорили их послы, — от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши домы и святыню монастырей». Владимир приехал в столицу: народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя князя великодушного на главном престоле российском.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались князьями удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцов своих торжествовали вместе пренесение [2 мая 1115 г.] мощей Св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский: сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к отечеству: ибо древняя Россия признавала оных мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи князем переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрою, как говорит летописец, что греки дивились ее богатству и художеству. Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде князья, духовенство, воеводы, бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякий хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир князьям; три дня угощали бедных и странников. — Сие торжество, и церковное и государственное, изображая дух времени, достойно замечания в истории.

Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного. Причиною киевского мятежа было, кажется, лихоимство евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостию денег, угнетали должников неумеренными ростами[1]. Мономах, желая облег-

---

[1] Росты — проценты.

чить судьбу недостаточных людей, собрал в берестовском дворце своем знатнейших бояр и тысячских: Ратибора киевского, Прокопия белогородского, Станислава переяславского, Нажира Мирослава и боярина Олегова, Иоанна Чудиновича; рассуждал, советовался с ними и наконец определил, что заимодавец, взяв три раза с одного должника так называемые *третные росты,* лишается уже истинных своих денег или капитала: ибо как ни велики были тогдашние годовые росты, но месячные и третные еще превышали их. Мономах включил сей закон в Устав Ярославов.

Сей государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив чудь, завладел городом Оденпе, или *Медвежьею Головою, в Ливонии.* Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Худой зимний путь (ибо весна уже наступала) и бедность земли угрожали россиянам голодною смертию; недостаток был так велик, что они за каждый хлеб платили ногату. — Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю казанских болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; взял три города в области половецкой: Балин, Чешлюев, Сугров; пленил множество ясов, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на коей он женился. Около сего же времени Владимир выгнал из России берендеев, печенегов и торков, новых пришельцев: утесняемые половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем *черных клобуков, или черкасов,* и служили россиянам. — Летопись Владимирова времени упоминает еще о беловежцах, охотно принятых великим князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости козарской на берегах Дона, взятой мужественным Святославом I, спасаясь от свирепости половцев, основали новый город в верховье реки Остера и назвали его именем древнего, или Белою Вежею, коей известные развалины (во 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились *каменные* стены, башни, ворота и другие здания. Козары, наученные греками, строили лучше наших предков.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего великого князя на востоке и западе, что имя его, по выражению летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оного. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Гре-

ческую империю. Они рассказывают, что великий князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над греками, со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что устрашенный Алексий Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа кесаря, венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова; что Неофит, митрополит ефесский, вручил сии дары великому князю, склонил его к миру, венчал в киевском соборном храме императорским венцом и возгласил *царем* российским. В Оружейной московской палате хранятся так называемая *Мономахова златая шапка,* или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы, коими украшаются самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром императора Алексия. Мы знаем, что и в X веке государи российские часто требовали царской утвари от византийских императоров; знаем также, что великие князья московские XIV столетия отказывали в завещаниях наследнику трона некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа). Но завоевание Фракии кажется сомнительным, и в древних летописях находятся только следующие известия о делах Владимира в отношении к грекам:

«В 1116 году *супруг Мономаховой дочери Марии, царевич Леон,* сын бывшего императора Диогена, собрав войско на берегах Черного моря, вступил в северные области империи и завладел городами дунайскими; но царь Алексий подослал к нему в Доростол двух аравитян, которые злодейски умертвили его (августа 15). Тогда Владимир, желая или отмстить за убийство зятя, или сохранить для юного сына Марии, именем Василия, взятые Леоном города, велел идти на Дунай воеводе Иоанну Войтишичу и сыну своему, Вячеславу, с другим боярином, Фомою Ратиборовичем; первый действительно занял некоторые из оных, а Вячеслав без успеха отступил от Доростола». Вопреки сему сказанию, Анна Комнина в истории отца ее, славного императора Алексия, уверяет, что Леон, сын Диогенов, погиб в сражении с турками близ Антиохии. «Чрез некоторое время, — пишет Анна, — явился в империи обманщик, принявший на себя его имя. Сосланный за то в Херсон, он был освобожден половцами и, предводительствуя их толпами, шел во Фракию; но, взятый в плен греками, испытал, что дерзость не остается без наказания: ему выкололи глаза» (в 1096 году). Сего несчастного и другие византийские летописцы именуют самозванцем; но зять Мономахов, убитый в Доростоле, был, конечно, истинным Диогеновым сыном: ибо Владимир, находясь в тесных связях с двором константинопольским, не мог, кажется, дать себя в обман лжецу-

бродяге. — Вдовствующая супруга Леонова, Мария, скончалась монахинею в России, где сын ее, Василий, усердно служил великим князьям; а города дунайские были скоро возвращены империи или силою оружия, или вследствие мирных договоров.

Владимир, одолевая внешних неприятелей, смирял и внутренних [1116–1123 гг.]. Князь минский, Глеб, не хотел ему повиноваться, сжег город Слуцк, захватывал людей между Припятью и Двиною: за то сын Мономахов, Ярополк, опустошил Друцк и вывел жителей в новый городок, для них основанный. Сам великий князь, соединясь с Давидом Черниговским и с Ольговичами, взял город Вячеславль, Оршу, Копыс; осаждал Минск, смирил Глеба и, вновь им оскорбленный, привел его как пленника в Киев, где он и скончался. — Беспокойные новогородцы, употребляя во зло юность своего князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнев Мономаха, который, призвав всех тамошних бояр в Киев, велел им торжественно присягнуть в верности, удержал некоторых у себя, а других заточил. Правые или не столь виновные возвратились домой, узнав опытом, что самый человеколюбивый, но мудрый государь не оставляет дерзких ослушников без наказания. Уже несколько времени посадники новогородские были, кажется, избираемы из тамошних граждан: Владимир, опасаясь их мятежного духа, дал сей сан киевскому вельможе Борису.

Сын Святополков Ярослав, или Ярославец, князь владимирский, ненавидел жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ее деда: Мономах выступил с войском, соединился с Ростиславичами, князьями юго-западной России, около двух месяцев держал город Владимир в осаде и принудил Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянник снова оскорбил дядю, с презрением удалив от себя нелюбимую супругу: он бежал в Польшу. Никто из бояр не хотел за ним следовать, и великий князь отдал Владимирский удел сыну своему, Роману, Володареву зятю, который в том же году умер. Мономах послал на его место другого сына, Андрея (женатого на внучке половецкого князя, Тугоркана) и велел ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустого, зная, что сей король, свойственник изгнанного князя владимирского, ожидает только удобного случая для объявления войны россиянам. Андрей опустошил соседственные владения королевские и возвратился с добычею. Ляхи, приведенные Ярославом, хотели взять Червен; но с великим уроном были отражены тамошним наместником, Фомою Ратиборовичем. Тогда Ярослав прибегнул к государю венгерскому, Стефану, который, желая отмстить россиянам за отца своего, побежденного ими на берегах Сана, вступил в область Владимирскую вместе с богемцами и поляками.

Великий князь, не имев времени собрать войско, с малою дружиною отправил Мстислава к городу Владимиру, где юный Андрей, осажденный многочисленными неприятелями, не терял бодрости. Уже надменный Ярослав, подъехав к стенам, грозил сыну Мономахову и народу страшною местию в случае сопротивления; осматривал крепость и в уме своем назначал места для приступа, отложенного только до следующего дня. В одну минуту все переменилось. Два человека вышли тайно из крепости, засели на пути, между неприятельским станом и городом, и копьями пронзили неосторожного Ярослава, когда он сам-третий[1] возвращался к союзному войску. Несчастный умер в ту же ночь; а союзники, изумленные его бедствием, спешили заключить мир с великим князем. Летописец венгерский повествует, что Стефан, огорченный смертию Ярослава, клялся взять крепость или умереть; но что воеводы его не хотели ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили короля возвратиться в Венгрию.

В стане Владимировых неприятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: каким образом сии два брата, славные благородством и великодушием, могли присоединиться ко врагам России? В древнейших летописцах польских находим объяснение. Мужественный Володарь, ужас и бич соседственных ляхов, не умел защитить себя от их коварства. Они подослали к нему одного хитрого вельможу, именем Петра, который вступил в его службу, притворно изъявлял ненависть к Болеславу, вкрался в доверенность к добродушному князю перемышльскому, ездил с ним на охоту и в лесу с помощию своих людей, внезапно схватив безоружного Володаря, увез его связанного к себе в замок: что случилось незадолго до осады Владимира. Брат и сын выкупили знаменитого пленника из неволи, отправив в Польшу на возах и вельблюдах множество золота, серебра, драгоценных одежд, сосудов. Сверх того Ростиславичи обязались жить в союзе с Болеславом и находились, кажется, в его стане под Владимиром, единственно для заключения сего договора или желая быть посредниками между изгнанником Ярославом и великим князем.

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономах утвердил свое могущество внутри государства, но не думал переменить системы наследственных уделов, столь противной благу и спокойствию отечества. Долговременное обыкновение казалось тогда уже законом; или Владимир боялся отчаянного сопротивления князей черниговских, полоцких и Ростиславичей, которые

---

[1] Сам-третий — втроем.

не уступили бы ему прав своих без страшного кровопролития. Он не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современиков неверному счастию потомства; хотел быть *первым*, а не *единственным* князем российским: покровителем России и главою частных владетелей, а не государем самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и князя владимирского (ибо сей последний хотел обесчестить семейство Мономахово разводом с дочерью Мстислава и звал иноплеменников грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законного достояния у князей спокойных. — По кончине гордого Олега и кроткого Давида, вообще уважаемого за его правдивость, меньший их брат, Ярослав, мирно княжил в области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимирко, Ростислав, и Васильковичи, Григорий с Иоанном, наследовали Перемышль, Звенигород, Теребовль и другие места в юго-западной России, когда в 1124 году умерли отцы их, оставив навсегда в России память своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался на 73 году от рождения [19 мая 1125 г.], *славный победами за Русскую землю и благими нравами,* как говорят древние летописцы. Уже в слабости и недуге он поехал на место, орошенное святою кровию Бориса, и там, у церкви, им созданной, на берегу Альты, предал дух свой Богу в живейших чувствованиях утешительной Веры. Горестные дети и вельможи привезли его тело в Киев и совершили обряд погребения в Софийском храме. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелию; но Владимир отличался христианским сердечным умилением: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Не менее хвалят летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не ослушался*), снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами.* Но всего яснее и лучше изображает его душу *поучение,* им самим написанное для сыновей. К счастию, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в истории.

Великий князь говорит вначале, что дед его, Ярослав, дал ему русское имя Владимира и христианское Василия, а отец и мать прозвание *Мономаха,* или *Единоборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук греческого царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъявлял особенную воинскую доблесть? — «Приближаясь ко гробу, —

пишет он, — благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: *он говорит несправедливо!*

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, Чудесны дела Его!» Описав в главных чертах, и по большей части словами Давида, красоту творения и благость Творца, Владимир продолжает:

«О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я ответствовал: *не могу забыть крестного целования;* развернул Псалтырь и читал с умилением: *вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Не ревнуй лукавнующим ниже завиди творящим беззаконие.* — Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовию благословение духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.* — Бойтесь всякой лжи, пиянства и любострастия, равно гибельного для тела и души. — Чтите старых людей как отцов, любите юных как братьев. — В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. — На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапу: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней. — Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; а где остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и посла; если не можете одарить его, то хотя брашном[1]

[1] Брашно - яство, кушанье, еда, хлеб-соль.

и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу. — Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. — Любите жен своих, но не давайте им власти над собою. — Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками:* за что хвалят нас чужестранцы. Леность — мать пороков: берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господа с радостию и говорили: *Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твой красный.* Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. — Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей[1]; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов». — Исчислив свои дела воинские, уже известные читателю, Владимир пишет далее: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомню. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках. — Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен. — Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней вдруг по нескольку. Два раза буйвол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтала ногами; вепрь сорвал меч с бедры моей, медведь прокусил седло; лютый зверь[2] однажды бросился и низвергнул коня подо мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя жизни в юности и не щадя головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком

[1] Посадник — начальник города или посада, выборный воевода; бирюч — глашатай, вестник.

[2] Лютый зверь — рысь.

случае, посланном от Бога. Если Провидение определит кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Хранение Божие надежнее человеческого».

Без сего завещания, столь умно писанного, мы не знали бы всей прекрасной души Владимира, который не сокрушил чуждых государств, но был защитою, славою, утешением собственного; и никто из древних князей российских не имеет более права на любовь потомства: ибо он с живейшим усердием служил отечеству и добродетели. Если Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного[1] и вероломным образом умертвить князей половецких, то можем отнести к нему слова Цицероновы: *век извиняет человека.* Считая половцев врагами христианства и Неба (ибо они жгли церкви), россияне думали, что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело.

К сожалению, древние летописцы наши, рассказывая подробно воинские и церковные дела, едва упоминают о государственных или гражданских, коими Владимир украсил свое правление. Знаем только, что он, желая доставить народу все возможные удобности, сделал на Днепре мост; часто ездил в Ростовскую и Суздальскую землю, наследственную область Всеволодова дома, для хозяйственных распоряжений; выбрал прекрасное место на берегу Клязьмы, основал город, назвал его *Владимиром Залесским,* окружил валом и построил там церковь Св. Спаса. Сын его, Мстислав, распространил в 1114 году укрепления новогородские, а посадник, именем Павел, заложил каменную стену в Ладоге.

Во время Мономахова княжения, довольно спокойное и мирное в сравнении с другими, были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу.* Народ с ужасом видел еще одно совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота в Волхове.

Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. Нет сомнения, что *первою* была Гида, дочь английского короля Гаральда, о коей мы упоминали и которая, по известию древнего историка датского, около 1070 года вышла за нашего князя, именем Владимира. Норвежские летописцы сказывают, что сын Гиды и сего князя женился на Христине, дочери шведского ко-

---

[1] Право народное — Имеется в виду международное право.

роля Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владимировича действительно называлась Христиною. Ее дочери, внуки Мономаховы, вступили в знаменитые брачные союзы: *одна* с норвежским королем Сигурдом, а после с датским Эриком Эдмундом; *вторая* с Канутом Святым, королем оботритским, отцом *Вальдемара,* славного государя датского, названного сим именем, может быть, в честь его великого прадеда, *Владимира* Мономаха; *третия* с греческим царевичем: думаю, сыном императора Иоанна, Алексием, коего супруга именем и родом неизвестна по византийским летописям.

В год сего бракосочетания (1120) приехал из Константинополя в Россию митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа знаменитого сведениями и красноречием: чего памятником остались два письма его к Мономаху: первое о *разделении церквей,* Восточной и Западной; второе о *посте,* особенно любопытное, ибо оно содержит в себе не только богословские, но и философические умствования, заключаемые хвалою добродетелей Мономаховых. — *«Разум,* — пишет Никифор, — *разум есть светлое око души, обитающей во главе.* Как ты, государь мудрый, сидя на престоле, чрез воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии: ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын княжеской и царской (греческой) крови, властитель земли сильной, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, снимая с себя любимую одежду простую, надеваешь властительскую; когда, угощая других обедами княжескими, сам только смотришь на яства роскошные?.. Восхвалю ли тебе и другие добродетели? Восхвалю ли щедрость, когда десница твоя ко всем простерта; когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаешь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать Божия с тобою?.. Скажу единое: как душа обязана испытывать или поверять действия чувств, зрения, слуха, ее всегдашних орудий, дабы не обмануться в своих заключениях: так и государь должен поверять донесения вельмож. Вспомни, кто изгнан, кто наказан тобою: ни клевета ли погубила сих несчастных?.. Князь любезный! Да не оскорбит тебя искренняя речь моя! Не думай, чтобы я слышал жалобу осужденных и за них вступался; нет, пишу единственно на воспоминание тебе: ибо власть великая требует и великого отчета; а мы начинаем теперь пост, время душеспасительных размышлений, когда пастыри церковные должны и князьям смело говорить

истину. Ведаю, что мы сами, может быть, в злом недуге; но слово Божие в нас здраво и цело: ежели оно полезно, то надобно ли входить в дальнейшее исследование? Человек в лице, Бог в сердце», и проч. — Таким образом древние учители нашей церкви беседовали с государями, соединяя усердную хвалу с наставлением христианским. Слог сих писем ознаменован печатию века: груб, однако ж довольно ясен, и многие выражения сильны.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ
1125—1132 гг.

Набег половцев. Изгнание Ярослава Черниговского. Начало особенных княжений, муромского и рязанского. Удаление половцев за Волгу. Междоусобие в юго-западной России. Ссылка князей полоцких в Грецию. Война с чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голод. Древнейшая грамота.

Мстислав Владимирович наследовал достоинство великого князя. Братья его господствовали в уделах: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей в Владимире, Георгий в Суздале; а сыновья, Изяслав и Ростислав, в Курске и Смоленске. — Новый государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Княжение его, к несчастию кратковременное, прославилось разными успехами воинскими, которыми он желал единственно успокоить государство и восстановить древнее величие оного.

Половцы, сведав о кончине Мономаха, думали, что Россия осиротела и будет снова жертвою их грабительства. Они хотели соединиться с торками, кочевавшими близ Переяславля; но Ярополк Владимирович, тамошний князь, узнал о сем намерении: велел торкам въехать в город и сам, не имев терпения дождаться помощи от своих братьев, с одною переяславскою дружиною ударил на варваров, разбил их и множество потопил в реках.

Мстислав, объявив себя покровителем утесненных князей, [1127 г.], должен был обнажить меч на Всеволода Ольговича, который выгнал из Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвил его бояр верных и разграбил их домы. Мстислав клялся изгнанному князю наказать сего мятежного сына Олегова. Следуя не-

счастному примеру отца, Всеволод заключил союз с половцами: варвары, в числе семи тысяч, спешили к границам России, дав весть о том черниговскому хищнику; но послы их не могли уже возвратиться и были схвачены, в окрестностях реки Сейма, посадниками Ярополка. Ожидав долгое время ответа и боясь измены, половцы ушли наконец восвояси. Тогда Всеволод прибегнул к смирению; молил великого князя забыть вину его и между тем осыпал дарами вельмож киевских. Мстислав еще не колебался, однако ж медлил, и несчастный дядя сам приехал из Мурома, чтобы напомнить ему священный обет мести. Бояре, не ослепленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорий, игумен Андреевской обители, любимец покойного Мономаха, весьма уважаемый великим князем, говорил, что миролюбие есть должность христианина. Митрополит Никита уже скончался, и церковь российская не имела главы: сей игумен склонил на свою сторону всех духовных сановников, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! Лучше преступить клятву, нежели убивать христиан. Не бойся греха: мы берем его на свою душу». Убежденный ими, великий князь примирился со Всеволодом, и бедный Ярослав с горестию возвратился в Муром (где и скончался через два года, оставив сию область и Рязанскую в наследие сыновьям). Мстислав забыл наставление отца: «Дав клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть без сомнения добродетель; но монарх, преступая обет, нарушает закон естественный и народный; а миролюбие, которое спасает виновного от казни, бывает вреднее самой жестокости. К чести Мстислава скажем, что он во всю жизнь свою оплакивал сей проступок.

Великий князь, излишно снисходительный в отношении ко Всеволоду, отмстил по крайней мере варварам, его союзникам. Летописцы говорят, что войско Мстислава «загнало половцев не только за Дон, но и за Волгу» и что они уже не смели беспокоить наших пределов.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимирко и Ростислав, начали ссориться между собою: однако ж, боясь его, не смели воевать друг с другом. Исполняя завещание отца, первый господствовал в Звенигороде, а второй в Перемышле. Когда же Мономах скончался, Владимирко хотел изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Иоанн и Григорий; также и великий князь Мстислав, желая единственно отвратить зло насилия. Мирные убеждения, съезды и переговоры в Серете остались бесполезными: Владимирко уехал в Венгрию, чтобы просить войска у короля Стефана. Тогда Ростислав осадил Звенигород, где 3000 венгров и россиян оборонялись столь мужественно, что он должен был отступить. Но сия война не имела

дальнейших следствий. Владимирко, возвратясь в отчизну, смирился; ибо великий князь решительно требовал, чтобы каждый из братьев довольствовался своим уделом.

Важнейшее происшествие сего времени есть падение знаменитого дома князей полоцких, которые издавна отделились, так сказать, от России, желая быть владетелями независимыми. Мстислав решился покорить сию древнюю область кривичей и сделал то, чего напрасно хотели его деды. Он привел в движение силы многих князей; велел идти братьям своим, Вячеславу из Турова, Андрею из Владимира, сыну Изяславу из Курска, дав ему собственный полк княжеский; Ростиславу, другому сыну, из Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, из Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, из Клецка. Все они долженствовали начать военные действия в один день. Всеволод Ольгович, послушный великому князю, и братья его вместе с отрядом верных торков, отданных в начальство боярину Ивану Войтишичу, в то же время шли к минскому городу Борисову. Изяслав взял Логожск еще ранее назначенного Мстиславом дня и спешил соединиться с дядями, обступившими город Изяславль, удел знаменитой Рогнеды, первой супруги Св. Владимира. Там находился Брячислав, сын Бориса Всеславича, зять Мстиславов: хотев бежать к отцу, он попался в руки к своему шурину, который вел с собою многих пленных логожан. Узнав, что сии пленники и Брячислав довольны умеренностию победителя, осажденные граждане решились сдаться, но требовали клятвы от Вячеслава, сына Мономахова, что он защитит их от всякого насилия. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслед за дружиною тысячских, посланною в город, бросились все воины Андреевы и Вячеславовы: князья не могли или не хотели остановить их; едва спасли имение дочери Мстиславовой, мечом удержав неистовых грабителей, а бедных граждан отдали им в жертву. Скоро и Всеволод, старший сын великого князя, вступил с новогородцами в область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись и выгнали своего князя, Давида, на место коего, согласно с их желанием, Мстислав дал им Рогволода, брата Давидова; а чрез два года отправил всех князей полоцких в ссылку за то, как сказано в некоторых летописях, что они не хотели действовать вместе с ним против врагов нашего отечества, половцев. Всеславичи Давид, Ростислав, Святослав, и племянники их Василько, Иоанн, сыновья Рогволодовы, с женами и детьми были на трех ладиях отвезены в Константинополь. Мстислав отдал княжение Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу.

Князь новгородский Всеволод, соединясь с братьями, два раза ходил на чудь, или эстонцев, зимою [1130–1132 гг.]: обратил в

пепел селения, умертвил жителей, взял в плен их жен и детей; но в другом походе сам лишился многих воинов. Сей народ ненавидел россиян как утеснителей, отрекался платить дань и сопротивлением отягчал свою долю. — Сам великий князь воевал Литву и привел в Киев великое число пленников. Тогдашние беспрестанные войны доставляли нашим князьям и боярам множество невольников, которые отчасти шли в продажу, отчасти (как надобно думать) были расселяемы по деревням.

Мстислав по возвращении из Литвы скончался на 56 году от рождения [15 апреля 1132 г.], заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время. — Сей великий князь, вторично женатый на дочери знатного новогородца, Димитрия Завидича, имел от нее двух сыновей: Святополка и Владимира (кроме дочерей, из коих одна была за Всеволодом Ольговичем Черниговским). Старшие их братья родились от Христины, первой супруги.

Сверх тогдашних мнимых ужасов, солнечных затмений и легкого землетрясения в южной России (августа 1, 1126 года) действительным несчастием княжения Мстиславова был страшный голод в северных областях, особенно же в Новогородской. От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях, вместо зелени, одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила нынешними серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовою корою, мхом, древесною гнилью. Изнуренные голодом люди скитались как привидения; падали мертвые на дорогах, улицах и площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей купцам иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных. «Новгород опустел», говорят летописцы: однако ж войско его чрез год уже разило неприятелей, торговля цвела по-прежнему, купеческие суда ходили в Готландию и Данию.

Заметим, что самая древнейшая из подлинных княжеских грамот русских, доныне нам известных, есть Мстиславова, данная им новогородскому Юрьевскому монастырю, вместо крепости, на земли и судные пошлины, с приписью сына его, Всеволода, что он дарит тому же монастырю серебряное блюдо для употребления за братскою трапезою.

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК
1132—1139 гг.

Неустройства. Дань печорская. Завоевание Дерпта. Битва на Ждановой горе. Кровопролитие в южной России. Изгнание князя из Новагорода. Великодушие Василька Полоцкого. Псков отделился от Новагорода. Устав о церковной дани. Новагородцы опять изгоняют князя. Междоусобие в южной России. Мир и кончина великого князя. Столетняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое княжение. Характер Владимирка. Борис воюет с королем венгерским; является в стане короля французского; убит изменником.

Превосходные достоинства Мстислава удерживали частных князей в границах благоразумной умеренности: кончина его разрушила порядок.

Граждане киевские объявили Ярополка Владимировича государем своим и призвали его в столицу. Согласно с торжественным договором, заключенным между им и старшим братом, в исполнение Мономахова завещания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей князь новогородский, приехав туда, чрез несколько часов был изгнан дядею, Георгием Владимировичем, князем суздальским и ростовским, который заключил союз с меньшим братом Андреем и боялся, чтобы Ярополк не сделал Всеволода наследником киевского престола. Великий князь убедил Георгия выехать из Переяславля; но, чтобы успокоить братьев, отдал сию область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, князю полоцкому. Таким образом слабость нового государя обнаружилась в излишней снисходительности, и несчастные следствия доказали, сколь малодушие его было вредно для государства. Новогородцы, ладожане и псковитяне (которые составляли одну область) уже не хотели принять Всеволода. «Забыв клятву умереть с нами (говорили они), ты искал другого княжения: иди же, куда тебе угодно!» Несчастный князь должен был удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и посадники, издревле знаменитые слуги князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом. — Полочане также воспользовались отсутствием Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали князем своим Василька Рогволодовича, который возвратился тогда из Царяграда.

Новые перемены служили только поводом к новым беспорядкам и неудовольствиям. Желая совершенно угодить братьям, Ярополк склонил Изяслава уступить Переяславль дяде своему, Вячеславу. Племянник в замену получил Туров и Пинск, сверх его прежней Минской области; был доволен и ездил в уделы Мстиславичей, в Смоленск, в Новгород, собирать дары и налоги для Ярополка [1133 г.]. Достойно примечания, что Новгород, владея отдаленными странами нынешней Архангельской губернии, платил за них великим князьям особенную дань, которая называлась *печорскою.* Но скоро верность Изяслава и братьев его поколебалась: легкомысленный Вячеслав, жалея о своем бывшем уделе, отнял у племянника Туров, а Георгий Владимирович взял Переяславль, отдав за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области. Огорченный Изяслав прибегнул ко Всеволоду: сей новогородский князь незадолго до того времени победил мятежную чудь, взял Юрьев, или Дерпт, основанный Великим Ярославом, и в надежде на свою храбрость обещал брату завоевать для него область Суздальскую. Он не сдержал слова: дошел только до реки Дубны и возвратился. Между тем в Новегороде господствовало неустройство: народ волновался, избирал, сменял посадников и даже утопил одного из главных чиновников своих, бросив его с моста, который служил новогородцам вместо скалы Тарпейской. Недовольные худым успехом Всеволодова похода, они требовали войны и хотели снова идти к Суздалю. Напрасно Михаил, тогдашний митрополит Киевский, приехав к ним, старался отвратить их от сего междоусобия: новогородцы считали оное нужным для своей чести; не пустили от себя митрополита и, несмотря на жестокость зимы, выступили в поле 31 декабря; с удивительным терпением сносили холод, вьюги, метели и кровопролитною битвою, 26 генваря [1134 г.], на долгое время прославили Жданову гору (в нынешней Владимирской губернии); потеряли множество людей, убили еще более суздальцев, но не могли одержать победы; возвратились с миром и немедленно освободили митрополита, который предсказал им несчастные следствия их похода.

И южная Россия была в сие время феатром раздора. Ольговичи, князья черниговские, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьям его; призвали половцев; жгли города, села; грабили, пленяли россиян и заключили мир под Киевом. Изяслав был тут же. Он не ходил вторично с новогородцами в область Суздальскую: великий князь уступил ему Владимир, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростов и Суздаль возвратил Георгию, который сверх того удержал за собою Остер в южной России. В сем случае новогородцы поступили

как истинные, добрые сыны отечества: не хотев взять участия в междоусобии, они прислали своего посадника Мирослава и наконец епископа Нифонта, обезоружить князей словами благоразумия. Нифонт, муж строгой добродетели, сильными убеждениями тронул их сердца и более всех способствовал заключению мира.

Но чрез несколько месяцев опять возгорелась война [1136 г.], и князья черниговские новыми злодействами устрашили бедных жителей Переяславской области. В жестокой битве, на берегах Супоя, великий князь лишился всей дружины своей; она гналась за половцами и была отрезана неприятелем: ибо Ярополк с большею частию войска малодушно оставил место сражения. Пленив знатнейших бояр, Ольговичи взяли и знамя великого князя. Василько, сын Мономаховой дочери, Марии, и греческого царевича Леона, находился в числе убитых. — Завоевав Триполь, Халеп, окрестности Белагорода, Василева, победители уже стояли на берегах Лыбеди, когда Ярополк, готовый ко вторичной битве, но ужасаясь кровопролития, вопреки мнению братьев предложил мир и согласился уступить Ольговичам Курск с частию Переяславской области. Митрополит ходил к ним в стан и приводил их к целованию креста, по тогдашнему обычаю.

Между тем новогородцы, миря других, сами не умели наслаждаться внутреннею тишиною. Князь был жертвою их беспокойного духа. Собрав граждан ладожских, псковских, они торжественно осудили Всеволода на изгнание, ставя ему в вину, 1) что «он не *блюдет* простого народа и любит только забавы, ястребов и собак; 2) хотел княжить в Переяславле; 3) ушел с места битвы на Ждановой горе прежде всех и 4) непостоянен в мыслях: то держит сторону князя черниговского, то пристает ко врагам его». Всеволод был заключен в епископском доме с женою, детьми и тещею, супругою князя Святоши; сидел как преступник 7 недель за всегдашнею стражею тридцати воинов, и получил свободу, когда Святослав Ольгович, брат князя черниговского, избранный народом, приехал княжить в Новгород. Оставив там аманатом юного сына своего, Владимира, Всеволод искал защиты Ярополковой, и добросердечный великий князь, забыв вину сего племянника (хотевшего прежде, в досаду ему, овладеть Суздальскою землею), дал изгнаннику Вышегород; но равнодушно смотрел на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояние государей киевских, уже не признавала над собою их власти.

Мятеж продолжался в Новегороде. Всеволод имел там многих ревностных друзей, ненавистных народу, который одного из них, именем Георгия Жирославича, бросил в Волхов. Сии люди, не теряя надежды успеть в своем намерении, хотели даже застрелить

князя Святослава. Сам посадник держал их сторону и наконец с некоторыми знатными новогородцами и псковитянами ушел ко Всеволоду, сказывая ему, что все добрые их сограждане желают его возвращения [1137 г.]. Рожденный, воспитанный с ними, сей князь любил Новогород как отчизну и неблагодарных его жителей как братьев; тосковал в изгнании и с сердечною радостию спешил приблизиться к своей наследственной столице. На пути встретил его с дружиною Василько Рогволодович, князь полоцкий, в 1129 году сосланный Мстиславом в Константинополь: он имел случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько был великодушен: видел Всеволода в несчастии и клялся забыть древнюю вражду; желал ему добра и сам с честию проводил его чрез свои области.

Псковитяне с искренним усердием приняли Всеволода: новогородцы же не хотели об нем слышать и, сведав, что он уже во Пскове, разграбили домы его доброжелателей, а других обложили пенями, и собранные 1500 гривен отдали купцам на заготовление нужных вещей для войны. Святослав призвал брата своего, Глеба, из Курска; призвал самых половцев. Уже варвары надеялись опустошить северную Россию, как они с жестоким отцом сего князя грабили южную; но псковитяне решились быть друзьями Всеволода: завалив все дороги в дремучих лесах своих, они взяли такие меры для обороны, что устрашенный Святослав не хотел идти далее Дубровны и возвратился. Таким образом город Псков сделался на время особенным княжением: Святополк Мстиславич наследовал сию область по кончине брата своего, набожного, благодетельного Всеволода-Гавриила, коего гробницу и древнее оружие доныне показывают в тамошней соборной церкви.

Новогородцы, избрав Святослава, объявили себя неприятелями великого князя, также суздальского и смоленского. Псковитяне не хотели иметь с ними сношения; ни Василько, князь полоцкий, верный союзник Всеволодов. Лишенные подвозов, они терпели недостаток в хлебе (которого осьмина стоила тогда в Новегороде 7 резаней), и неудовольствие народное обратилось на князя невинного. Одно духовенство имело некоторую причину жаловаться на Святослава: ибо он сочетался каким-то незаконным браком в Новегороде, не уважив запрещения епископского и велев обвенчать себя собственному или придворному иерею. За то сей князь старался обезоружить Нифонта своею щедростию, возобновить древний устав Владимиров о церковной дани, определив епископу брать, вместо *десятины от вир* и *продаж*, 100 гривен из казны княжеской, кроме уездных оброков и пошлины с купеческих судов. Но Святослав не мог успокоить народа и был изгнан с бесчестием. Желая защитить себя от мести Оль-

говичей, граждане оставили в залог у себя его бояр и княгиню; сослали ее в монастырь Св. Варвары и призвали в Новгород Ростислава, внука Мономахова, сына Георгиева; заключили мир с великим князем, псковитянами и хвалились своею мудрою политикою. — Горестный Святослав, разлученный с женою, на пути своем в Чернигов был остановлен смоленскими жителями и заперт в монастыре Смядынском: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сии беспокойные князья вместе с половцами ограбили селения и города на берегах Сулы. Андрей Владимирович не мог отразить их, ни иметь скорой помощи от братьев, которые, в надежде на мир, распустили войско. Он не хотел быть свидетелем бедствия своих подданных и спешил уехать из Переяславля, оставив их в добычу врагам и не менее хищным наместникам. Заключение Святослава еще более остервенило жестоких Ольговичей; пылая гневом, они как тигры свирепствовали в южной России, взяли Прилук, думали осадить Киев. Но Ярополк собрал уже сильную рать, заставил их удалиться и скоро приступил к Чернигову. Не только все российские князья соединились с ним, но и венгры дали ему войско: в стане его находились еще около 1000 конных берендеев или торков. Жители черниговские ужаснулись и требовали от своего князя, Всеволода, чтобы он старался умилостивить Ярополка. «Ты хочешь бежать к половцам, — говорили они: — но варвары не спасут твоей области: мы будем жертвою врагов. Пожалей о народе и смирися. Знаем человеколюбие Ярополково: он не радуется кровопролитию и гибели россиян». Черниговцы не обманулись: великий князь, тронутый молением Всеволода, явил редкий пример великодушия или слабости: заключив мир, утвержденный с обеих сторон клятвою и дарами, возвратился в Киев и скончался [18 февраля 1139 г.]. Сей князь, подобно Мономаху, любил добродетель, как уверяют летописцы; но он не знал, в чем состоит добродетель государя. С его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастием России: ибо первые не хотели довольствоваться своею наследственною областию и не могли, завидуя вторым, спокойно видеть их на престоле великокняжеском.

Вместе с другими россиянами находилась под Черниговом, в Ярополковом стане, и вспомогательная дружина *галицкая*: так с сего времени называется в летописях юго-западная область России, где сын Володарев, честолюбивый Владимирко, господствуя вместе с братьями, перенес свою особенную столицу на берег Днестра, в Галич, и прославился мужеством. Он не мог забыть коварного злодеяния ляхов, столь бесчестно пленивших Володаря,

и мстил им при всяком случае. Какой-то знатный венгерец, Болеславов вельможа, начальник города Вислицы, изменив государю, тайно звал галицкого князя в ее богатую область. Владимирко без сопротивления завладел оною и сдержал данное венгерцу слово: осыпал его золотом, ласкою, почестями; но, гнушаясь злодеянием, велел тогда же ослепить сего изменника и сделать евнухом. «Изверги не должны иметь детей, им подобных», — сказал Владимирко, хотев таким образом согласить природную ненависть к полякам с любовию к добродетели. Он удовольствовался взятою добычею и не мог удержать за собою Вислицы. Польские летописцы говорят, что Болеслав старался отмстить ему таким же грабежом в Галицкой области: свирепствовал огнем и мечом, плавал в крови невинных земледельцев, пастырей, жен, и возвратился *с честию!* Тогдашние ужасы войны без сомнения превосходили нынешние и казались не злодейством, но ее принадлежностию, обыкновенною и необходимою.

Владимирко — то враг, то союзник венгров — участвовал также в войне Бориса, сына Евфимии, Мономаховой дочери, с королем Белою *Слепым.* Еще в утробе матери осужденный на изгнание и воспитанный в нашем отечестве, Борис, возмужав, хотел мечом доказать силу наследственных прав своих и вступил в Венгрию с *россиянами,* его союзниками, и с Болеславом Польским; но в решительной битве не выдержал первого удара немцев и бежал как малодушный, не умев воспользоваться благорасположением многих венгерских бояр, которые думали, что он был законный сын их государя и что Коломан единственно по ненависти своей к российской крови изгнал супругу, верную и невинную. Напрасно искав защиты немецкого императора, Борис чрез несколько лет явился в стане Людовика VII, когда сей французский монарх шел чрез Паннонию в Обетованную землю. Узнав о том, Гейза, король венгерский, требовал головы своего опасного неприятеля; но Людовик сжалился над несчастным и, призвав на совет епископов, объявил послам Гейзы, что требование их короля не согласно ни с честию, ни с Верою христианскою. Борис, женатый на родственнице Мануила, греческого императора, удалился в Царьград, выехав тайно из французского стана на коне Людовиковом; воевал еще с Гейзою под знаменами Мануила и был застрелен изменником, половецким воином, в 1156 году. Сын его, *младший* Коломан, известный храбростию, служил после грекам и правительствовал в Киликии.

Глава X

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ОЛЬГОВИЧ 1139—1146 гг.

Всеволод изгоняет Вячеслава. Междоусобия. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразумие. Равнодушие новогородцев к княжеской чести. Беспокойства в Новегороде. Смерть Андрея Доброго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россияне в Польшѐ. Первая вражда Георгия с Изяславом. Мореходство новогородцев. Браки. Поход на Галич. Иоанн Берладник. Всеволод избирает наследника. Дела польские. Война с галицким князем. Мужество воеводы звенигородского. Кончина Всеволода.

Вячеслав, князь переяславский, спешил в Киев быть наследником Ярополковым, и митрополит, провождаемый народом, встретил его как государя [22 февраля 1139 г.]. Но Всеволод Ольгович не дал ему времени утвердить власть свою: узнав в Вышегороде о кончине Ярополковой, немедленно собрал войско; обступил Киев и зажег предместие Копыревское. Устрашенный Вячеслав послал митрополита сказать Всеволоду: «Я не хищник; но ежели условия наших отцов не кажутся тебе законом священным, то будь государем киевским: иду в Туров». Он действительно уехал из столицы, а Всеволод с торжеством сел на престоле великокняжеском, дав *светлый* пир митрополиту и боярам; вино, мед, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри получили богатую милостыню. — К неудовольствию брата своего, Игоря, Всеволод отдал Чернигов сыну Давидову, Владимиру.

Новый великий князь изъявил желание остаться в мире с сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотели ехать к нему, замышляя свергнуть его с престола. Тогда Всеволод решился отнять у них владения и послал воевод на Изяслава Мстиславича. Сия рать, объятая ужасом прежде битвы, возвратилась с уничижением и стыдом. В намерении загладить первую неудачу Всеволод приказал брату князя черниговского, Изяславу Давидовичу, вместе с галицкими князьями воевать область Туровскую и Владимирскую; а сам выступил против Андрея, гордо объявив ему, чтобы он ехал в Курск и что Переяславль должен быть уделом Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся врагов многочисленных. «Нет! — ответствовал сей князь: — дед, отец мой княжили в Переяславле, а не в Курске; здесь моя отчина и дружина верная: живой не выйду отсюда. Пусть Все-

волод обагрит свои руки моею кровию! Не он будет первый: Святополк, подобно ему властолюбивый, умертвил так же Бориса и Глеба; но долго ли пользовался властию?» Великий князь стоял на берегах Днепра и велел Святославу изгнать Андрея: но мужественный сын Мономахов, обратив его в бегство, купил победою мир. К чести Всеволода сказано в летописи, что он во время договоров, видя ночью сильный пожар в Переяславле, не хотел воспользоваться оным. Сии два князя, обещав забыть вражду, чрез несколько дней съехались в Малотине для заключения союза с ханами половецкими.

Между тем Владимирко Галицкий с Иоанном Васильковичем, брат черниговского князя с половцами и ляхи, союзники Всеволодовы, вошли в область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимирко, стыдясь быть слугою или орудием государя киевского, искал в юном, мужественном Изяславе Мстиславиче не врага, а достойного сподвижника в опасностях славы: они встретились в поле для того, чтобы расстаться друзьями. Ляхи же и половцы удовольствовались одним грабежом. Сим война кончилась. Благоразумный Всеволод не отвергнул мирных предложений Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровского; дал слово не тревожить их в наследственных уделах и желал согласить свое честолюбие с государственною тишиною.

Еще Георгий Владимирович, князь суздальский, оставался его врагом, прибыл в Смоленск и требовал войска от новогородцев, чтобы отмстить Всеволоду. Юный князь их, Ростислав, представлял им обязанность вступиться за честь Мономахова дому; но думал о выгодах мирной торговли более, нежели о чести княжеской, они не хотели вооружиться. Ростислав ушел к отцу: Георгий в наказание отнял у новогородцев Торжок. Сии люди выгоняли князей, но не могли жить без них: звали к себе вторично Святослава и в залог верности дали аманатов Всеволоду. Святослав приехал; однако ж спокойствия и тишины не было. Распри господствовали в сей области. Князь и любимцы его также питали дух несогласия и мстили личным врагам: некоторых знатных бояр сослали в Киев или заключили в оковы; другие бежали в Суздаль [1140 г.]. Всеволод хотел послать сына своего на место брата, и граждане, в надежде иметь лучшего князя, отправили за ним епископа Нифонта в Киев [1141 г.]. Тогда, не уверенный в своей безопасности, Святослав уехал тайно из Новагорода вместе с посадником Якуном. Народ озлобился; догнал несчастного любимца княжеского, оковал цепями и заточил в область Чудскую, равно как и брата Якунова, взяв с них 1100 гривен пени. Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их: при дворе Георгия Владимировича, и, благословляя

милостивого князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества.

Уже сын Всеволодов был на пути с Нифонтом и доехал до Чернигова, когда ветреные новогородцы, переменив мысли, дали знать великому князю, что не хотят ни сына, ни ближних его и что один род Мономахов достоин управлять ими. Оскорбленный Всеволод задержал их послов и самого Нифонта. Узнав о том, новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему как общему государю России, желая *от его руки* иметь властителем своим брата великой княгини, Святополка или Владимира Мстиславичей. Однако же сия уклонность не смягчила Всеволода, который призвал к себе обоих меньших шурьев и дал им Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить в Новегороде и чтобы его беспокойные жители испытали все бедствия безначалия.

В самом деле, новогородцы, лишенные защиты государя, были всячески притесняемы: никто не хотел везти к ним хлеба, и купцы их, остановленные в других городах российских, сидели по темницам. Они терпели девять месяцев, избрав в посадники врага Святославова, именем Судилу, который вместе с другими единомышленниками возвратился из Суздаля: наконец прибегнули к Георгию Владимировичу и звали его к себе правительствовать. Он не хотел выехать из своей верной области, но вторично дал им сына и скоро имел причину раскаяться: ибо Всеволод, в досаду ему, занял Остер (городок Георгиев), а новогородцы — сведав, что великий князь, в удовольствие супруге или брату ее, Изяславу Мстиславичу, согласился наконец исполнить их желание и что шурин его, Святополк, уже к ним едет — заключили, по обыкновению, Георгиева сына в епископском доме. Капитолий граничил в Риме с Тарпейскою скалою: в Новегороде престол с темницею! Боялся ли народ остаться без властителя и на всякий случай берег смененного? Или, упоенный дерзостию, хотел явить его преемнику разительный пример своего могущества, поручая ему вывести бывшего князя из темницы? Как скоро Святополк приехал, граждане отпустили Ростислава к отцу [1142 г.].

В сие время, к общей горести, преставился Андрей Владимирович, в летах мужества, заслужив имя *Доброго* и не уронив чести Мономахова дому. Вячеслав был его наследником, но медлил выехать из Турова. «Иди в свою отчину, Переяславль, — говорили ему послы Всеволодовы: — Туров есть древний город *киевский;* отдаю его моему сыну». Тихий Вячеслав жил спокойнее и безопаснее в западной России: соседство с половцами требовало деятельной осторожности, несогласной с его миролюбием. Принужденный исполнить требование Всеволодово, он увидел, что

Россия имела *своих* половцев: Игорь и Святослав Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тем, что великий князь наградил сына уделом и не хотел отдать им ни Северского Новагорода, ни земли вятичей, они вступили в тесный союз с князьями черниговскими, сыновьями Давида, и надеялись оружием приобрести себе выгодные уделы; опустошили несколько городов Георгия Владимировича Суздальского, захватив везде скот и товары; напали на область Переяславскую и два месяца жгли села, травили хлеб, разоряли бедных земледельцев. Вячеслав слышал стон людей, смотрел на дым пылающих весей и сидел праздно в городе, ожидая защиты от Всеволода и своих храбрых племянников, Мстиславичей. Великий князь действительно отрядил к нему воеводу с конницею печенежскою; с другой стороны пришел Изяслав Владимирский; а брат его, князь смоленский, завладел городами черниговскими на берегах Сожа. Инок Святоша был еще жив: Всеволод послал его усовестить хищников. Наконец они смирились. Великий князь отдал Игорю Юрьев и Рогачев, Святославу Черториск и Клецк, а Давидовичам Брест и Дрогичин, хитрым образом уничтожив опасный союз сих князей с его братьями. Но последние вторично изъявили досаду, когда Вячеслав, с согласия Всеволодова, уступил Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взяв себе Туров, и когда сын великого князя, юный Святослав, на обмен получил Владимирскую область. «Брат наш, — говорили Ольговичи, — думает только о сыне, дружится с своими ненавистными шурьями, окружил себя ими и не дает нам ни одного богатого города». Тщетно желали они поссорить его с добрыми Мстиславичами: великий князь не внимал злословию и хотел внутреннего спокойствия.

Утвердив себя на престоле киевском, он велел сыну Святославу вместе с Изяславом Давидовичем и Владимирком Галицким идти в Польшу, где герцог Владислав, зять великого князя, ссорился с меньшими братьями: с Болеславом (также зятем Всеволодовым) и с другими. К несчастию, россияне, призванные восстановить тишину государства, действовали как враги оного и вывели множество пленных ляхов, более мирных, нежели ратных [1143 г.].

Уверенный в искреннем дружелюбии Всеволода, Изяслав Мстиславич хотел, кажется, примирить его и с дядею, Георгием Владимировичем, и для того ездил к нему в Суздаль; но сии два князя не согласились в мыслях и расстались врагами: что, ко вреду государства, имело после столь кровопролитные следствия. В сем путешествии Изяслав виделся с верным братом своим, Ростиславом Смоленским, и пировал на свадьбе князя новогородского, Святополка, которого невеста была привезена из

Моравии [1144 г.]: вероятно, родственница богемского короля Владислава. Новгород успокоился: купеческие суда его ходили за море, привозили иноземные товары в Россию и в 1142 году мужественно отразили флот шведского короля, выехавшего на разбой с шестидесятью ладиями и с *епископом*. Финляндцы, дерзнув грабить Ладожскую область, были побиты ее жителями и корелами, новогородскими данниками.

Желая прекратить наследственную вражду между потомством Рогнединым и Ярослава Великого, благоразумный Всеволод женил сына своего, юного Святослава, на дочери Василька Полоцкого; а Изяслав Мстиславич выдал свою за Рогволода Борисовича, позвав к себе, на свадебный пир, Всеволода, супругу его и бояр киевских. Но, веселясь и пируя, князья рассуждали о делах государственных: Всеволод убедил их восстать общими силами на гордого Владимирка, который по смерти братьев, Ростислава и Васильковичей, сделался единовластителем в Галиче, хотел даже изгнать Всеволодова сына из Владимирской области и возвратил великому князю так называемую крестную, или присяжную грамоту в знак объявления войны. Ольговичи, князь черниговский с братом, Вячеслав Туровский с племянниками Изяславом, Ростиславом Смоленским, Борисом и Глебом, сыновьями умершего Всеволодка Городненского, сели на коней и пошли к Теребовлю, соединясь с новогородским воеводою Нерединым и герцогом польским, Владиславом.

Владимирко услышал грозную весть: призвал в союз венгров и выступил в поле с баном, дядею короля Гейзы. Река Скрет разделяла войска, готовые к битве. Всеволод искал переправы: князь галицкий, не выпуская его из вида, шел другим берегом и в седьмой день стал на горах, ожидая нападения; но Всеволод не хотел сразиться: ибо место благоприятствовало его противнику. Когда же Изяслав Давидович, брат черниговского князя, с отрядом наемных половцев взял Ушицу и Микулин в земле Галицкой: тогда великий князь приступил к Звенигороду. Вслед за неприятелем Владимирко сошел в долины. Видя стан его на другой стороне города, за мелкою рекою, Всеволод тронулся с места в боевом порядке и хитро обманул неприятеля: вместо того, чтобы вступить с ним в битву, зашел ему в тыл, расположился на высотах, отрезал его от Перемышля и Галича, оставив между собою и городом вязкие болота. Дружина Владимиркова оробела. «Мы стоим здесь, — говорили его бояре и воины, — а враги могут идти к столице, пленить наши семейства». Князь галицкий, не имея надежды сбить многочисленное войско с неприступного места, начал переговоры с братом Всеволодовым: склонил его на свою сторону; требовал мира и дал слово Игорю

способствовать ему, по смерти Всеволода, в восшествии на престол киевский. Великий князь не соглашался. «Но ты хочешь сделать меня своим наследником, — сказал Игорь брату: — оставь же мне благодарного и могущественного союзника, столь нужного в нынешних обстоятельствах России!» Всеволод исполнил наконец его волю и в тот же день обнял князя галицкого как друга; взял с него за труд 1200 гривен *серебра,* роздал оные союзным князьям и возвратился в столицу, доказав, что умеет счастливо воевать, а не умеет пользоваться воинским счастием.

Мир не продолжился. Брат Владимирков, Ростислав, оставил сына, именем Иоанна, прозванного *Берладником**, у коего дядя отнял законное наследство: сей юноша жил в Звенигороде и снискал любовь народа. Пользуясь отсутствием Владимирка, уехавшего в Тисменицу для звериной ловли, галичане призвали к себе Иоанна и единодушно объявили своим князем. Гневный Владимирко приступил к городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Иоанн в ночной вылазке был отрезан от городских ворот: пробился сквозь неприятелей, ушел к Дунаю и, наконец, в Киев. Галичане сдалися. Склонный более к строгости, нежели к милосердию, Владимирко плавал в их крови и с досадою слышал, что великий князь взял его племянника под защиту как невинно гонимого.

Однако ж Всеволод еще не думал нарушить мира, слабый здоровьем и сверх того озабоченный неустройствами Польши, где любезный ему зять, герцог Владислав, не мог ужиться в согласии с братьями. Созвав князей во дворце киевском, Всеволод сказал им, что он, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избирает наследника и что Игорь будет государем России. Князья долженствовали присягнуть ему: черниговские и Святослав Ольгович исполнили его волю. Изяслав Мстиславич долго колебался; однако ж не дерзнул быть ослушником. Успокоенный сим торжественным обрядом, Всеволод начал говорить о делах польских. «Пекись единственно о своем здравии, — ответствовал Игорь: — мы, верные твои братья, утвердим Владислава на троне». Игорь, предводительствуя войском, вступил в Польшу. Кровопролития не было: меньшие братья Владиславовы, стоявшие в укрепленном стане за болотом, не хотели обороняться и, прибегнув к суду наших князей, уступили Владиславу четыре города, а России Визну. Несмотря на то, Игорь возвратился с добычею и с пленниками. Владислав же скоро утратил престол, заслужив

---

* От Берлада... сей некогда многолюдный и крепкий город... был населен бродягами, которые славились разбоями... Вероятно, что Иоанна Галицкого назвали Берладником в смысле бродяги по образу его жизни. (II, 285.)

ненависть народную гонением единокровных и несправедливою казнию знаменитого вельможи Петра, коему он отрезал язык, выколол глаза и таким образом, по словам нашего летописца, отмстил за российского князя Володаря, в 1122 году коварно плененного сим вельможею.

Владислав бежал к тестю [1146 г.], в надежде на его помощь; но Всеволод, удостоверенный тогда в неприятельских замыслах галицкого князя, выступал в поход с дружинами киевскою, черниговскою, переяславскою, смоленскою, туровскою, владимирскою и с союзными *дикими* половцами, оставив Святослава Ольговича в столице. Успех не ответствовал ни силе войска, ни славе предводителя. Оно шло с трудом неописанным: ибо дожди согнали снег прежде времени; конница тонула в грязи. Всеволод осадил наконец Звенигород и сжег внешние укрепления, однако ж не мог овладеть крепостию: ибо там начальствовал мужественный воевода, Иван Халдеевич, который, узнав, что жители в общем совете положили сдаться, умертвил трех главных виновников сего веча и сбросил искаженные трупы их с городской стены. Народ ужаснулся, и страх имел действие храбрости: звенигородцы с утра до вечера бились как отчаянные. Всеволод отступил и возвратился в Киев, где скоро начал готовиться к новой войне, сведав, что Владимирко взял Прилуку. Но жестокая болезнь исхитила обнаженный меч из руки его. Отвезенный в Вышегород — место славное тогда чудесами святых мучеников, Бориса и Глеба, — великий князь напрасно ждал облегчения; объявил Игоря своим преемником, велел народу присягнуть ему в верности и послал зятя своего, Владислава Польского, напомнить Изяславу Мстиславичу данную им клятву. С таким же увещанием ездил боярин, Мирослав Андреевич, к князьям черниговским, которые, согласно с Изяславом, ответствовали, что они, уступив старейшинство Игорю, не изменят совести. Тогда Всеволод спокойно закрыл глаза навеки [1 августа 1146 г.]: князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобия, отчасти государственными благодеяниями! Достигнув престола киевского, он хотел устройства и тишины; исполнял данное слово, любил справедливость и повелевал с твердостию; одним словом, был лучшим из князей Олегова мятежного рода.

Глава XI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧ

Вече в Киеве. Измена киевлян. Речь Изяслава. Корыстолюбие черниговских князей. Предательство. Игорь взят в плен. Грабеж в Киеве.

Игорь, предав земле тело Всеволода, собрал киевлян среди двора Ярославова, требовал вторичного обета верности и распустил их. Но граждане еще не были довольны, открыли вече и звали князя. Приехал один брат его, Святослав, и спрашивал, чего они желают? «Правосудия, — ответствовал народ: — тиуны Всеволодовы угнетали слабых: Ратша *опустошил* Киев, Тудор Вышегород. Святослав! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете нам судиями или вместо себя изберете вельмож достойнейших». Он сошел с коня и целованием креста уверил граждан, что новый князь исполнит все обязанности отца россиян! что хищники не останутся тиунами; что лучшие вельможи заступят их место и будут довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимых никакими иными налогами. «Мы благодарны, — сказали граждане: — теперь не сомневайтесь в нашей верности». То же обещал их послам сам великий князь Игорь и, думая, что дело кончилось, сел спокойно за обед; но мятежная чернь устремилась грабить дом ненавистного, богатого Ратши. Святослав с дружиною едва мог восстановить порядок.

Такое начало не обещало хороших следствий. Игорь же, слушая злых вельмож, которые в народном угнетении видели собственную пользу, не исполнил данного гражданам слова, и хищники остались тиунами. Тогда киевляне, думая, что государь-клятвопреступник уже не есть государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть великим князем. Любовь к Мономахову роду не угасла в их сердце, и сей внук его отличался доблестию воинскою. Взяв в церкви Св. Михаила благословение у епископа Евфимия, он с верною дружиною выступил из Переяславля. На пути встретились ему послы черных клобуков и городов Киевской области. «Иди, князь добрый! — говорили они: — мы все за тебя; не хотим Ольговичей. Где увидим твои знамена, там и будем». Собрав на берегах Днепра войско многочисленное, бодрый Изяслав стал посреди оного и сказал: «Друзья и братья! Я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом, моим зятем, чтив его как второго отца. Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами? Бог рассудит меня с

ними. Или паду славно пред вашими глазами, или сяду на престоле моего деда и родителя!» Он повел войско к Киеву.

Уже новый великий князь знал опасность: ибо Изяслав, уведомленный им о восшествии его на престол, не только не ответствовал ему ни слова, но удержал и посла неволею в Переяславле. Игорь требовал вспоможения от князей черниговских: они торговались; хотели многих городов; наконец, удовлетворенные во всем, готовились идти к брату. Их медленность и коварная измена знаменитейших чиновников погубили его.

Тысячский Улеб пользовался доверенностию Всеволода и был утвержден Игорем в своем важном сане: также и первый боярин, Иоанн Войтишич, верный слуга Мономахов, завоеватель городов дунайских. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердие Игорю и в то же время тайно ссылались с его врагом, советуя ему спешить к Киеву. Изяслав приближился. Ольговичи, готовые к битве, и сын Всеволодов, Святослав, стояли вне города с своими дружинами; а киевляне особенно, на *могиле Олеговой* [август 1146 г.]. Вдруг открылась измена: Игорь увидел, что хоругвь Изяслава развевается в полках киевских; что тысячский сего князя предводительствует ими; что Улеб, Иоанн Войтишич и многие единомышленники их, повергнув свои знамена, бегут под Изяславовы; что берендеи пред самими Златыми вратами грабят обоз великокняжеский. Еще Игорь не терял бодрости: «Враг наш есть клятвопреступник: Бог нам поможет», — говорил он и хотел ударить на Изяслава, стоявшего за озером. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стеснилась между глубокими дебрями, черные клобуки заехали ей в тыл. Изяслав напал спереди, смял неприятеля, разил бегущих — и торжествуя вошел в Киев, где народ вместе с иереями, облаченными в ризы, проводил его в храм Софийский благодарить Небо за победу и престол великокняжеский. — Несчастного Игоря, слабого ногами, схватили в болоте, где увяз его конь; держали несколько дней в монастыре на Выдобичах и заключили в темнице Иоанновской обители, в Переяславле. Сей князь, за кратковременное удовольствие честолюбия наказанный неволею и стыдом, не имел и последнего утешения злосчастных: никто не жалел об нем — кроме верного брата, Святослава, который с малою дружиною ушел в Новгород Северский. Племянник их, Святослав Всеволодович, хотел скрыться в киевской обители Св. Ирины: представленный Изяславу, он был им обласкан как любимый сын; но верные слуги отца его, в особенности же Игоревы, не имели причины хвалиться великодушием победителя, дозволившего народу грабить их домы и села. С пленных бояр взяли окуп.

Глава XII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ 1146—1154 гг.

Строгость великого князя. Коварство черниговских князей. Добродушие Святослава. Георгий восстает на Изяслава. Богатство княжеское. Игорь схимник. Нежность Святославова в дружбе. Начало Москвы. Бродники. Поставление российского митрополита. Любовь к Мономаху. Измена черниговских князей. Убиение Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгия. Народный обед в Новегороде. Речь Изяслава. Опустошение земли Суздальской. Несправедливость великого князя. Битва у Переяславля. Бегство Изяслава. Союз с венграми, богемцами и поляками. Мужество Андрея. Памятник коню. Мир. Коварство Георгия. Новая вражда. Добросердечие Изяслава и Вячеслава. Победа Владимиркова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимирка. Твердость Изяславова. Воинская хитрость. Беспечность Георгия и торжество Изяслава. Ристание в Киеве. Справедливость великого князя. Признательность Вячеслава. Благодарность к королю венгерскому. Осада Киева. Миролюбие Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступление Георгия. Усердие киевлян. Битва. Изяслав ранен. Бегство и вероломство Георгия. Помощь венгров. Речь Изяславова и победа. Притворство Владимирка. Простодушие Гейзы. Любовь Георгия к южной России. Вероломство Владимирка. Подвиги Андрея. Насмешка Владимиркова. Печальная одежда. Смерть Владимирка. Речь Ярослава. Сомнительная победа. Брак Изяславов. Дела новогородские. Кончина Изяслава. Характер его. Своевольство полочан.

Изяслав — по словам летописцев, *благословенная отрасль доброго корня* — мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за князей, а не за отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества и гражданского образования.

Утвердив мир с половцами — которые всякому новому государю предлагали тогда союз, ибо хотели даров, — великий князь оказал, может быть, излишнюю строгость в рассуждении своего дяди. Обманутый советами бояр и в надежде на прежние ласки Изяславовы, на самые его обещания, миролюбивый князь туровский, Вячеслав, узнав о торжестве племянника, вообразил себя по старшинству государем России: занял города киевские и свое-

вольно отдал Владимир сыну Андрееву, Мономахову внуку. Посланный братом, смоленский князь изгнал Вячеслава; велел ему княжить только в Пересопнице или Дорогобуже Волынском; а наместников его, окованных цепями, вместе с туровским епископом, Иоакимом, привел в Киев.

Назначив Туров в удел меньшему сыну, именем Ярославу, великий князь обратил внимание на Игорева брата. Спасаясь бегством от победителя, Святослав хотел удостовериться в искренней дружбе князей черниговских, чтобы единодушно действовать с ними для освобождения Игорева. Они дали ему в том клятву; но Святослав, оставив у них своего боярина и поехав готовиться к войне, сведал от него, что сии коварные братья тайно дружатся с великим князем и наконец заключили с ним союз, предав Игоря в его волю, как недостойного ни власти, ни свободы. Скоро общие послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что он может спокойно княжить в своей области, если уступит им Новгород Северский и клятвенно откажется от брата. Сей добрый, нежный родственник залился слезами и, сказав в ответ: «Возьмите все, что имею; освободите только Игоря», решился искать покровителя в сыне Мономаховом.

Георгий Владимирович Суздальский[1] видел с досадою, что гордый Изяслав, вопреки древнему уставу, отняв старейшинство у дядей, сел на троне киевском. Пользуясь сим расположением, Святослав обратился к Георгию и молил его освободить Игоря. «Иди в Киев, — говорил он: — спаси несчастного и властвуй в земле Русской. Бог помогает тому, кто вступается за утесненных». Георгий дал ему слово и начал готовить войско. — Святослав нашел и других защитников в ханах половецких, братьях его матери: они с тремя стами всадников немедленно явились в Новегороде Северском, куда прибыли также юный князь рязанский, Владимир, внук Ярославов, и галицкий изгнанник, Иоанн Ростиславич *Берладник.*

Уже Давидовичи, соединясь с сыном великого князя, Мстиславом, вождем переяславской дружины и берендеев, вступили в область Северскую и грабили оную, тщетно хотев взять Новгород. В надежде усовестить их, духовник Святославов приехал к ним в стан и сказал именем князя: «Родственники жестокие! Довольны ли вы злодействами, разорив мою область, взяв имение, стада; истребив огнем хлеб и запасы? Желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы он навсегда отступился

[1] Георгий Владимирович Суздальский — Юрий Долгорукий.

от несчастного Игоря. «Нет! — ответствовал Святослав: — пока душа моя в теле, не изменю единокровному!» Давидовичи заняли село Игорево, где сей князь имел дворец и хранил свое богатство; нашли вино и мед в погребах, железо и медь в кладовых; отправили множество возов с добычею и, веселясь разрушением, сожгли дворец, церковь, гумно княжеское, где было *девять сот* скирдов хлеба.

Великий князь, сведав о воинских приготовлениях Георгия Владимировича, велел другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набегами тревожить Суздальскую область; сам же выступил из Киева и соединился с князьями черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная их вероломство, жители не хотели договариваться с ними, но охотно сдались великому князю. Там находился собственный дом Святослава: князья разделили его имение. Летописец сказывает, что они нашли в выходах 500 *берковцев* меду и 80 *корчаг* вина; ограбили славную церковь Вознесения, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварию, шитою золотом, коваными Евангелиями и книгами. Семь сот рабов княжеских были также их добычею.

Святослав ожидал Георгия: он действительно шел к нему в помощь; сведав же о нападении князя рязанского на Суздальскую область, возвратился из Козельска. Один сын его, Иоанн Георгиевич, приехал с дружескими уверениями к Святославу, который, в знак благодарности, отдал ему Курск и Посемье, но принужден был искать убежища в своих северных владениях. Многочисленная рать великокняжеская шла к Новугороду. Старый вельможа черниговского князя, бывший некогда верным слугою Олеговым, из сожаления тайно уведомил Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, детей своих и супругу Игореву! — говорили его друзья и бояре: — все запасы твои уже в руках неприятельских. Удалимся в *лесную* землю Карачевскую: ее дремучие боры и помощь Георгиева будут твоею защитою». Некоторые вельможи говорили искренно; другие хотели только избавиться от кровопролития и сами остались в Новегороде, когда Святослав уехал в Карачев. За ним гнался Изяслав Давидович с 3000 всадников и воеводою киевским, Шварном. Уже бегство не могло спасти несчастного: надлежало отдаться в плен или сразиться. Отчаянный Святослав с верною дружиною и *дикими* половцами ударил на врага [январь 1147 г.]; разбил его, опустошил Карачев и немедленно удалился в сопредельную землю вятичей, которая зависела от черниговских владетелей. Великий князь — напрасно желав победою загладить неудачу Изяслава — отдал Давидовичам всю завоеванную область, кроме Курска; ис-

ключительно присвоил себе одно Игорево достояние и возвратился в Киев.

В сие время Игорь был уже монахом. Изнуренный печалию и болезнию, он изъявил желание отказаться от света, когда великий князь готовился идти на его брата. «Давно, и в самом счастии, я хотел посвятить Богу душу мою, — говорил Игорь: — ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать иного?» Изяслав ответствовал ему: «Ты свободен; но выпускаю тебя единственно ради болезни твоей». Его отнесли в келью: он 8 дней лежал как мертвый; но, постриженный святителем Евфимием, совершенно выздоровел и в киевской обители Св. Феодора принял схиму, которая не спасла его от гнева судьбы: скоро увидим жалкий конец сего несчастного Олегова сына.

Князья черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля; но слыша, что Георгий прислал к нему 1000 белозерских латников, отступили к Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить в стране вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава и что убийцы будут награждены его имением! Родственники гнали сего князя, друзья оставляли. В числе их находился воевода, князь Иоанн *Берладник:* он не захотел более с ним скитаться, взял у него за службу 200 гривен серебра, 6 фунтов золота и перешел к смоленскому князю. Только Владимир Рязанский и сын Георгиев, Иоанн, усердно делили труды и беспокойства с Святославом, который, имев несчастие лишиться последнего, изъявил достохвальную чувствительность: видя Иоанна больного, забыл войну и неприятелей; молился, думал единственно об нем; столь горестно оплакивал кончину сего юноши, что сам Георгий старался его утешить и, прислав богатые дары, обещал другим сыном заменить ему умершего верного сподвижника. Общая ненависть к великому князю утвердила союз между ими: князь суздальский изгнал рязанского, союзника Изяславова, заставил его бежать к половцам, взял Торжок и пленил жителей; а Святослав разорил часть Смоленской области, вокруг Протвы, или землю Голядскую.

Довольный злом, причиненным уделу Изяславовых братьев, Георгий желал лично угостить Святослава, коего сын, Олег, подарил ему тогда редкого красотою парда[1]. Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении бояр Святославовых. Между сими вельможами отличался девяностолетний старец, именем Петр; он служил деду, отцу государя своего; уже

[1] Пард — барс.

не мог сесть на коня, но следовал за князем, ибо сей князь был несчастлив. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова.

Сие угощение достопамятно: оно происходило в *Москве*. К сожалению, летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей монархии в свете. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, марта 28, и можем верить новейшим летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного боярина *Кучка, Степана Ивановича,* велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотою места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного боярина. «Москва есть *третий* Рим, — говорят сии повествователи, — и четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и к изумлению врагов наших сделалась царством знаменитым». Она долгое время именовалась *Кучковым.*

Ободренный Святослав возвратился к берегам Оки. Там соединились с ним ханы половецкие, его дяди, и так называемые *бродники,* о коих здесь в первый раз упоминается. Сии люди были христиане, обитали в степях донских среди варваров, уподоблялись им дикою жизнию и, как вероятно, состояли большею частию из беглецов русских: они за деньги служили нашим князьям в их междоусобиях. Разорив многие селения в верховье Угры, в Смоленской области, Святослав завоевал всю страну вятичей, от Мценска до Северского удела, и вместе с Глебом, сыном Георгия, шел далее, когда послы Давидовичей встретили его и сказали именем князей: «Забудем прошедшее. Дай нам клятву союзника, и возьми свою отчину. Не хотим твоего имения». Успехи ли Ольговича склонили их к миру? Или сын Всеволодов, Святослав, который, в замену Владимиру получив в удел от великого князя Бужск, Меджибож, Котельницу и другие города, держал его сторону, но жалел о дяде и тайно с ним пересылался? Как бы то ни было, черниговские князья, Святослав Ольгович и сын Всеволодов, заключили союз, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу.

Еще великий князь не знал сего вероломства Давидовичей и спокойно занимался в Киеве важным делом церковным. Следуя примеру Великого Ярослава, он созвал шесть российских епископов и велел им без всякого сношения с Цареградом (где ду-

ховенство не имело тогда главы) на место скончавшегося митрополита, грека Михаила, поставить Климента, черноризца, схимника, знаменитого не только Ангельским образом, но и редкою мудростию. Некоторые епископы представляли, что благословение патриарха для того необходимо; что нарушить сей древний обряд есть уклониться от православия восточной церкви и что умерший святитель Михаил обязал их всех грамотою не служить без митрополита в Софийском храме. Другие, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную с пользою и честию государства. Епископ смоленский, Онуфрий, выдумал посвятить митрополита главою Св. Климента, привезенною Владимиром из Херсона (так же, как греческие архиереи издревле ставили патриархов рукою Иоанна Крестителя) и сим торжественным обрядом успокоил духовенство. Один Нифонт, святитель новогородский, не признавал Климента пастырем церкви; осуждал епископов как человекоугодников и заслужил благоволение Николая IV, который, чрез несколько месяцев заступив место изгнанного цареградского патриарха, Козьмы II, написал к Нифонту одобрительную грамоту и сравнивал его в ней с первыми Святыми Отцами.

В то время как Изяслав, распустив Собор и возобновив мир с половцами, думал наслаждаться спокойствием, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святослав завоевал их область; что они желают выгнать его с помощию великого князя и смирить Георгия, их врага общего. Изяслав отпустил к ним племянника, Всеволодова сына, и скоро, убежденный вторичною просьбою князей черниговских, велел собираться войску, чтобы идти на Святослава и Георгия. «Пойдем с радостию и с детьми на Ольговича, — говорили ему киевляне: — но Георгий твой дядя. Государь! Дерзнем ли поднять руку на сына *Мономахова?»* Столь народ любил память добродетельного Владимира! Изяслав не хотел слушать бояр, которые сомневались в верности князей черниговских. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками, — сказал он с твердостию: — иду — и пусть малодушные остаются!» Уже великий князь стоял на реке Супое, поручив столицу брату своему, Владимиру. К счастию, боярин киевский, Улеб, сведал в Чернигове тайный заговор и спешил уведомить Изяслава, что Давидовичи мыслят злодейски умертвить его или выдать Святославу, находясь в согласии с Георгием. Великий князь не верил тому; но чрез посла требовал от них новой клятвы в дружестве. «Разве мы нарушили прежнюю? — говорили они: — христианин не должен призывать всуе имени Божия». Тогда посол обличил их в гнусном злоумышлении. Безмолвствуя, Давидовичи смотрели друг на друга, выслали боярина, советовались

и, наконец, призвав его, ответствовали: «Не запираемся; но можем ли спокойно видеть злосчастие брата своего Игоря? Он чернец, схимник, и все еще в неволе. Изяслав, сам имея братьев, снес ли бы их заключение? Да возвратит свободу Игорю, и мы будем искренними друзьями!» Боярин киевский напомнил им бескорыстие своего князя, не хотевшего удержать за собою ни Северского Новагорода, ни Путивля, и сказав: «Бог да судит и сила животворящего креста да накажет клятвопреступников!» — бросил на стол *крестные,* или союзные *грамоты.* Война была объявлена, и гонцы Изяславовы в Киеве, Смоленске, Новегороде обнародовали вероломство князей черниговских, звали мстителей, воспаляли сердца праведным гневом.

Сия весть имела в Киеве следствие ужасное. Владимир Мстиславич собрал граждан на вече к Св. Софии. Митрополит, Лазарь тысячский и все бояре там присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: «Великий князь *целует* своего брата, Лазаря и всех граждан киевских, а митрополиту кланяется»... Народ с нетерпением хотел знать вину посольства. Вестник говорит: *«Так вещает Изяслав:* князья черниговские и сын Всеволодов, сын сестры моей, облаготворенный мною, забыв святость крестного целования, тайно согласились с Ольговичем и Георгием Суздальским. Они думали лишить меня жизни или свободы; но Бог сохранил вашего князя. Теперь, братья киевляне, исполните обет свой: идите со мною на врагов Мономахова роду. Вооружитесь от мала до велика. Конные на конях, пешие в ладиях да спешат к Чернигову! Вероломные надеялись, убив меня, истребить и вас». Все единогласно ответствовали: «Идем за тебя, и с детьми!» Но, к несчастию, сыскался один человек, который сие прекрасное народное усердие омрачил мыслию злодейства. «Мы рады идти, — говорил он: — но вспомните, что было некогда при Изяславе Ярославиче. Пользуясь народным волнением, злые люди освободили Всеслава и возвели на престол: деды наши за то пострадали. Враг князя и народа, Игорь, не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре Св. Феодора: умертвим его, и тогда пойдем наказать черниговских!» Сия мысль имела действие вдохновения. Тысячи голосов повторили: «Да умрет Игорь!» Напрасно князь Владимир, устрашенный таким намерением, говорил народу: «Брат мой не хочет убийства. Игорь останется за стражею; а мы пойдем к своему государю». Киевляне твердили: «Знаем, что добром невозможно разделаться с племенем Олеговым». Митрополит, Лазарь и Владимиров тысячский, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народ не слушал и толпами устремился к монастырю. Владимир сел на коня, хотел предупредить неистовых, но встретил их уже в монастырских

вратах: схватив Игоря в церкви, в самый час Божественной Литургии, они вели его с шумом и свирепым воплем. «Брат любезный! Куда ведут меня?» — спросил Игорь. Владимир старался освободить несчастного, закрыл собственною одеждою, привел в дом к своей матери и запер ворота, презирая ярость мятежников, которые толкали его, били, — сорвали с боярина Владимирова, Михаила, крест и златые цепи. Но жертва была обречена: злодеи вломились в дом, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицам до самой торговой площади; стали вокруг и смотрели как невинные. Присланные от Владимира тысячские в глубокой горести сказали гражданам: «Воля народная исполнилась: Игорь убит! Погребем же тело его». Народ ответствовал: «Убийцы не мы, а Давидовичи и сын Всеволодов. Бог и Святая София защитили нашего князя!» Труп Игорев отнесли в церковь; на другой день облачили в ризу схимника и предали земле в монастыре Св. Симеона. Игумен Феодоровской обители, Анания, совершая печальный обряд, воскликнул к зрителям: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!» В то самое время загремел гром: народ изумился и слезами раскаяния хотел обезоружить гневное Небо. — Великий князь, сведав о сем злодействе, огорчился в душе своей и говорил боярам, проливая слезы: «Теперь назовут меня убийцею Игоря! Бог мне свидетель, что я не имел в том ни малейшего участия, ни делом, ни словом: он рассудит нас в другой жизни. Киевляне поступили неистово». Но, боясь строгостию утратить любовь народную, Изяслав оставил виновных без наказания; возвратился в столицу и ждал рати смоленской.

Война началася. Святослав Ольгович, уведомленный о жалостной кончине брата, созвал дружину и, рыдая в горести, заклинал всех быть усердными орудиями мести справедливой. Он пошел к Курску, где находился сын великого князя, Мстислав, который, чтобы узнать верность жителей, спрашивал, готовы ли они сразиться? «Готовы, — ответствовали граждане: — но только не обнажим меча на внука Мономахова»: ибо Глеб, сын Георгия Владимировича, был с Святославом. Юный Мстислав уехал к отцу, а Курск и города на берегах Сейма добровольно поддалися Глебу; другие оборонялись и не хотели изменить государю киевскому: напрасно Святослав и Глеб грозили жителям вечною неволею и половцами. Соединясь с дружиною черниговскою, сии князья взяли приступом только один город; сведав же, что Изяслав идет к Суле и что рать смоленская выжгла Любеч, ушли в Чернигов, оставленные своими друзьями, половцами. Великий князь завоевал крепкий город Всеволож, обратил в пепел Белую Вежу и другие места в Черниговской области, но без успеха приступал

к *Глеблю* (ибо жители, в надежде на святого защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился в Киев торжествовать победу веселым пиром, отложив дальнейшие предприятия до удобного времени. Он велел брату своему, Ростиславу, идти в Смоленск и вместе с новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро неприятельские действия возобновились. Глеб занял Остер и, дав слово великому князю ехать к нему в Киев для свидания, хотел нечаянно взять Переяславль; но был отражен. В то же время черниговцы, дружина Святославова и половцы, их союзники, опустошили Брагин. Изяслав, осадив Глеба в Городце, или Остере, принудил его смириться, и стал близ Чернигова на *Олеговом поле,* предлагая врагам своим битву [1148 г.]. Они не смели, ибо видели рать многочисленную. Великий князь пошел к Любечу, где находились их запасы. Давидовичи, Святослав и сын Всеволодов, соединясь с князьями рязанскими, решились наконец ему противоборствовать. Уже стрелки начали дело; но сильный, необыкновенный зимою дождь развел неприятеля. Река, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днепр тронулся: Изяслав едва успел перейти на другую сторону; а венгры, служившие ему как союзники, обломились на льду.

Тогда Святослав и князья черниговские отправили посольство к Георгию. «Мы воюем, — говорили они, — а ты в бездействии. Неприятель обратил в пепел наши города за Десною и села в окрестностях Днепра, а помощи от тебя не видим. Исполни обет, утвержденный целованием креста: иди с нами на Изяслава, или мы прибегнем к великодушию врага сильного». Георгий все еще медлил. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростислав, старший сын Георгиев, посланный отцом действовать заодно с князьями черниговскими, гнушался их вероломством и, сказав дружине: «Пусть гневается родитель, но злодеи Мономаховой крови не будут мне союзниками», приехал в Киев, где Изяслав встретил его дружелюбно, угостил, осыпал дарами. Сей юноша, не имея в Суздальской земле никакого удела, предложил свои ревностные услуги великому князю, как старшему из внуков Мономаховых. Изяслав ответствовал: «Всех нас старее отец твой; но он не умеет жить с нами в дружбе, а я хочу быть для всех моих братьев нежным родственником. Георгий не дает тебе городов: возьми их у меня». Он дал ему бывший удел своего неблагодарного племянника, Святослава Всеволодовича, вместе с Городцом Остерским, выслав оттуда коварного Глеба. «Спеши к друзьям, — сказал ему великий князь, — и требуй от них удела»: ибо Глеб, смирясь невольно, оставался единомышленником неприятелей Изяславовых и вторично хотел было завладеть Пере-

яславлем. Думая, что искренний, чувствительный Ростислав может примирить отца с великим князем и страшася быть жертвою их союза, Давидовичи изъявили ему желание прекратить войну, говоря благоразумно: *«Мир стоит до рати, а рать до мира:* так слыхали мы от своих отцов и дедов. Не вини нас, хотевших войною освободить брата. Но Игорь уже в могиле, где и все будем. Бог да судит прочее; а нам не должно губить отечества». Изяслав хотел знать мысли брата. Смоленский князь ответствовал: «Я христианин и люблю Русскую землю: не хочу кровопролития; но если Давидовичи и Святослав не престанут злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать — и будет, что угодно Богу». Тогда великий князь отправил послами в Чернигов белогородского епископа Феодора, печерского игумена Феодосия и бояр, которые заключили торжественный мир. Давидовичи, Святослав Ольгович и племянник его, сын Всеволодов, в соборном храме целовали крест, дав клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю заодно с Изяславом». Скоро великий князь позвал их на совет в Городец: Святослав и племянник его отказались от свидания; но Давидовичи, ответствуя за верность того и другого, условились там с Изяславом действовать против Георгия Суздальского, который отнимал дани у новогородцев и беспокоил их границы. Союзники вместе пировали и разъехались, отложив войну до зимы: ибо реки, топи, болота затрудняли путь летом и медленность страшила полководцев более, нежели морозы, снега и метели. — Черниговцы долженствовали идти к Ростову и встретить великого князя на берегах Волги.

Георгий, желая казаться великодушным защитником утесненных Ольговичей, в самом деле мыслил только о себе и ненавидел Изяслава единственно как похитителя достоинства великокняжеского; не мог также простить и новогородцам бесчестное изгнание своего сына, Ростислава. Князь их, Святополк, хотев в 1147 году отмстить суздальскому за взятие Торжка, возвратился с дороги от распутья, и жители сего опустошенного города еще томились в неволе. Епископ Нифонт, друг народного благоденствия, ездил в Суздаль; был принят с отменным уважением, святил там храмы, освободил всех пленников, но не мог склонить Георгия к миру.

Оставив Владимира в столице, сына своего в Переяславле, а Ростислава Георгиевича послав в Бужск, чтобы охранять тамошние границы и спокойно ждать конца войны, великий князь отправился в Смоленск к брату, веселился с ним, праздновал, менялся дарами и расположил военные действия. Он поручил всю рать смоленскому князю, велел ему идти к берегам Волги, к устью Медведицы, и приехал в Новгород. Там начальствовал уже не брат его, а сын, Ярослав: ибо Святополк, утратив любовь

народную, был переведен Изяславом в область Владимирскую. Граждане давно не видали у себя великих князей и встретили внука Мономахова с живейшею радостию. Многочисленные толпы провожали его до городских ворот, где стояли все бояре с юным князем. Отслушав Литургию в Софийском храме, Изяслав дал пир народу. Бирючи, или герольды, ходили по улицам и звали граждан обедать с князем. Так называемое *Городище,* доныне известное, было местом сего истинно великолепного пиршества: государь веселился с народом, как добрый отец среди любезного ему семейства. На другой день ударили в вечевой колокол, и граждане спешили на двор Ярославов: там великий князь, в собрании новогородцев и псковитян, произнес краткую, но сильную речь. «Братья! — сказал он. — Князь суздальский оскорбляет Новгород. Оставив столицу русскую. я прибыл защитить вас. Хотите ли войны? Меч в руке моей. Хотите ли мира? Вступим в переговоры». *«Войны! Войны!* — ответствовал народ: — ты наш Владимир, ты Мстислав! Пойдем с тобою все, от старого до младенца». Ратники надели шлемы. Псковитяне, корелы собрали также войско, и великий князь на устье Медведицы соединился с братом своим, Ростиславом. Напрасно ждали они возвращения посла, отправленного ими к дяде еще из Смоленска: Георгий задержал его и не хотел ответствовать на их жалобы. Напрасно ждали и князей черниговских, которые остановились в земле вятичей и хотели прежде видеть, кому счастие войны будет благоприятствовать [1149 г.]. Мстиславичи вступили в область Суздальскую: села и города запылали на берегах Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бегством. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась без сражения: ибо весна уже наступала, реки покрывались водою и кони худо служили всадникам. Изяслав, проводив новогородцев, весновал в Смоленске и благополучно возвратился в столицу, к искренней радости народа. Семь тысяч пленников свидетельствовали его победу.

Скоро великий князь испытал превратность счастия и мог приписать оную собственной несправедливости. Ростислав Георгиевич был ему истинным другом; но клеветники говорили Изяславу, что сей князь, в его отсутствие, старался обольстить днепровских берендеев и самых киевлян, хотел завладеть столицею и подобно отцу ненавидит род Мстислава. Люди, склонные к чистосердечной доверенности, легко верят и злословию: великий князь, упрекая Ростислава неблагодарностию, отнял у него все имение, оружие, коней; заключил в цепи дружину и самого отправил с тремя человеками в лодке к отцу, не дав ему суда и не хотев слушать оправданий. Георгий оскорбился бесчестием

сына гораздо более, нежели опустошением Суздальской области. «Так платит Изяслав неосторожному юноше за безрассудную любовь и дружбу! — говорил он: — жестокий племянник совершенно отчуждает меня и детей моих от *земли Русской»* (сим именем преимущественно означалась тогда *Россия южная).* Георгий наконец выступил, соединясь с половцами. Святослав Ольгович, видя беспрестанно в мыслях своих окровавленную тень брата и считая великого князя убийцею, обрадовался случаю мести: мир, клятвенно утвержденный в черниговском храме, и брачный союз юной его дочери с сыном князя смоленского не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священным долгом. Но Давидовичи решительно отказались от дружбы Георгия, ответствуя: «Ты не спас городов наших; ныне, заключив союз с Изяславом, не хотим нарушить оного и *не можем играть душою».* Усердно помогая великому князю, они вместе с ним убеждали Святослава быть его другом, согласно с данною ими клятвою. «Буду (сказал Ольгович), когда Изяслав возвратит мне все имение моего брата». Уверенный, что Георгий действительно намерен идти к Киеву, Святослав выехал к нему на встречу близ Обояна; также и сын Всеволодов, единственно в угодность дяде. Георгий долго стоял у Белой Вежи, надеясь одним страхом победить великого князя. Но Изяслав, собрав верных братьев, готовился к битве. «Я отдал бы ему (говорил он) любую область, если бы Георгий пришел один с детьми своими; но с ним варвары половцы и враги мои, Ольговичи». Киевляне хотели мира: «Заключим его (сказал Изяслав), но имея в руках оружие». Георгий осадил Переяславль: там находились Владимир и Святополк Мстиславичи. Великий князь спешил защитить город и вошел в него; а Георгий, желая оказать умеренность, послал к нему боярина с такими словами: «Чтобы отвратить несчастное кровопролитие, забываю обиды, разорение моих областей и старейшинство, коего ты лишил меня несправедливо. *Царствуй* в Киеве: отдай мне только Переяславль, да господствует в нем сын мой!» Гордый Изяслав велел задержать посла; отслушал Литургию у Св. Михаила и, готовясь обнажить меч, требовал благословения от епископа Евфимия. Напрасно сей добрый пастырь слезно умолял его примириться. «Нет! — сказал князь: — *я добыл Киева и Переяславля головою*: могу ли отдать их?» Умные бояре советовали ему хотя помедлить, думая, что Георгий без сражения удалится, с одним стыдом неудачи. Но Изяслав, следуя мнению других и порыву собственного, нетерпеливого мужества, расположил войско против неприятеля. Уже солнце спускалось к западу, и в Переяславле благовестили к Вечерне: полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрелки были в действии. Георгий начал

отступать: тогда Изяслав, как бы пробужденный от глубокого сна, быстро устремился вперед, вообразив, что неприятель бежит. Затрубили в воинские трубы; солнце закатилось, и шум битвы раздался [23 августа 1149 г.]. Она была кровопролитна и несчастлива для великого князя. Берендеи обратили тыл; за ними Изяслав Давидович с дружиною черниговскою; за ними киевляне; а переяславцы изменили, взяв сторону Георгия. Изяслав пробился сквозь полк Ольговича и суздальский, прискакал сам-третий в Киев и, собрав жителей, спрашивал, могут ли они выдержать осаду? Граждане в унынии ответствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья наши лежат на поле битвы; другие в плену или без оружия. Государи добрые! Не подвергайте столицы расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Георгием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем». Великий князь, взяв супругу, детей, митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дня в Киев и, дружелюбно пригласив туда Владимира Черниговского, в общем княжеском совете распорядил уделы: отдал Святославу Ольговичу Курск, Посемье, Сновскую область, Слуцк и всю землю дреговичей, бывшую в зависимости от великого княжения; сыновьям же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегород, Борису Белгород, Глебу Канев, Васильку Суздаль. Знаменитый епископ Нифонт находился тогда в Киеве: призванный Изяславом, он все еще не хотел покориться митрополиту Клименту; называл его не пастырем церкви, а *волком,* и, заключенный в монастыре Печерском, великодушно сносил гонение. Георгий возвратил ему свободу и, с честию отпустив к новогородцам сего любезного им епископа, надеялся тем преклонить к себе сердца их, хотя в то же самое время воевода Иоанн Берладник, оставив смоленского князя и вступив в Георгиеву службу, нападал на чиновников новогородских, собиравших дань в уездах.

Изгнанный великий князь обратился к старшему дяде, Вячеславу, им оскорбленному; льстил ему именем второго отца, предлагал господствовать в Киеве. Но Вячеслав держал сторону Георгия, не веря ласкам, не боясь угроз племянника, который нашел союзников в венгерском короле Гейзе, Владиславе Богемском и в ляхах. Первый незадолго до того времени женился на его меньшей сестре, Евфросинии — так она называется в булле папы Иннокентия IV — и дал шурину 10 000 всадников. Летописец сказывает, что государи богемский и польский, *сваты* Изяславовы, сами привели к нему войско, и что Болеслав Кудрявый, вместе с братом Генриком угощенный роскошным обедом в Владимире, *опоясал мечом* многих сыновей боярских. Но сии

иноземные союзники, узнав, что Георгий соединился с Вячеславом в Пересопнице и что мужественный Владимирко Галицкий идет к нему в помощь, не захотели битвы, остановились у Чемерина и советовали Изяславу примириться с дядею. Они, как посредники между ими, вступили в переговоры, уверяя, что равно доброхотствуют той и другой стороне. «Верю и благодарю вас, — ответствовал Георгий: — идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готов удовлетворить требованиям моего племянника». Союзники вышли весьма охотно из России; но хитрый Георгий, удалив их, отвергнул мирные предложения, которые состояли в том, чтобы он, господствуя в столице киевской или уступив оную старшему брату, клятвенно утвердил за Изяславом область Владимирскую, Луцкую и Великий Новгород со всеми данями. Князь суздальский надеялся отнять у племянника все владения, а гордый Изяслав предпочитал гибель миру постыдному.

Неприятельские действия началися в Волынии [1150 г.] осадою Луцка, славною для сына Георгиева Андрея, ибо он имел случай оказать редкое мужество. В одну ночь, оставленный союзными половцами — которые с воеводою своим, Жирославом, бежали от пустой тревоги, — сей князь презрел общий страх, устыдил дружину и хотел лучше умереть, нежели сойти с места. Видя же под стенами Луцка знамена отца своего (пришедшего к городу с другой стороны) и сильную вылазку осажденных, Андрей устремился в битву, гнал неприятелей и был на мосту окружен ими. Его братья, Ростислав, Борис, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкий Андрей не велел распустить своей хоругви, не вспомнил сего обряда воинского и не приготовил их к сражению. Только два воина могли следовать за князем: один пожертвовал ему жизнию. Камни сыпались с городских стен; уязвленный конь Андреев исходил кровию; острая рогатина прошла сквозь луку седельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадеду; изломив копье, вынул меч; призвал имя Св. Феодора (ибо в сей день торжествовали его память), сразил немца[1], готового пронзить ему грудь, и благополучно возвратился к отцу. Георгий, дядя Вячеслав, бояре, витязи с радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынес господина из опасности и пал мертвый: благодарный Андрей соорудил ему памятник над рекою Стырем.

Брат Изяславов, Владимир, начальствовал в Луцке. Три недели продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды в

---

[1] Немец — не говорящий по-русски (немой), всякий иностранец с Запада.

Стыре, и великий князь хотел отважиться на битву для спасения города. Тут Владимирко Галицкий оказал человеколюбие: стал между неприятелями, чтобы не допустить их до кровопролития, и взял на себя быть ходатаем мира. Юрий Ярославич, внук бывшего великого князя, Святополка-Михаила, и Ростислав, сын Георгиев, мешали оному; но Владимирко, кроткий Вячеслав и всех более добродушный Андрей склонили Георгия прекратить несчастную вражду. Весною заключили мир: Изяслав признал себя *виновным,* то есть *слабейшим;* съехался с дядями в Пересопнице и сидел с ними на одном ковре. Согласились, чтобы племянник княжил спокойно в области Владимирской и пользовался данями новогородскими; обязались также возвратить друг другу всякое движимое имение, отнятое в течение войны. Изяслав сложил с себя достоинство великого князя; а Георгий, желая казаться справедливым, уступил Киев брату, старшему Мономахову сыну[1]. Свадьбы и пиры были следствием мира: одна дочь Георгиева, именем Ольга, вышла за Ярослава Владимирковича Галицкого, а другая за Олега, сына Святославова.

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгия. В угодность ему, как вероятно, бояре его представили, что тихий, слабый Вячеслав не удержит за собою российской столицы: Георгий, согласный с ними, послал брата княжить в Вышегород, на место своего сына Андрея. Сверх того, будучи корыстолюбив, он не исполнил условий и не возвратил Изяславу воинской добычи. Племянник жаловался: не получив удовлетворения, занял Луцк, Пересопницу, где находился Глеб Георгиевич. Дав ему свободу, Изяслав сказал: «У меня нет вражды с вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любит ни правды, ни ближних». Уверенный в доброхотстве киевлян, он с малочисленною дружиною пришел к берегам Днепра и соединился с берендеями; а князь суздальский, изумленный нечаянною опасностию, бежал в Городец.

Надеясь воспользоваться сим случаем, слабодушный Вячеслав приехал в Киев и расположился во дворце. Но граждане стремились толпами навстречу к Изяславу. «Ты наш государь! — восклицали они: — не желаем ни Георгия, ни брата его!» Великий князь послал объявить дяде, чтобы он, не хотев добровольно принять от него чести старейшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства переменились. «Убей меня здесь, — ответствовал Вячеслав: — а живого не изгонишь». Сия минутная твердость была бесполезна. Провожаемый множеством народа из Софийской

---

[1] Старший Мономахов сын — Вячеслав Владимирович.

церкви, Изяслав въехал на двор Ярославов, где дядя его сидел в сенях. Бояре советовали великому князю употребить насилие; некоторые вызывались даже подрубить сени. «Нет! — сказал он: — я не убийца моих ближних; люблю дядю, и пойду к нему сам». Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятеж народа? — говорил племянник: — дай миновать общему волнению и для собственной безопасности иди в Вышегород. Будь уверен, что я не забуду тебя». Вячеслав удалился.

Торжество великого князя было не долговременно. Сын его, Мстислав, хотел взять Переяславль: там княжил Ростислав Георгиевич, который вместе с Андреем решился мужественною обороною загладить постыдное бегство отца, привел в город днепровских кочующих торков, готовых соединиться с киевлянами, и ждал врага неустрашимо. Великий князь не имел времени заняться сею осадою: сведав о приближении Владимирка Галицкого, друга Георгиева, также о соединении Давидовичей с князем суздальским, он поехал к Вячеславу и вторично предложил ему сесть на трон Мономахов. «Для чего же ты выгнал меня с бесчестием из Киева? — возразил дядя: — теперь отдаешь его мне, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого». Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный князь обнял его с нежностью и, заключив с ним искренний союз над гробом святых Бориса и Глеба, отдал ему всю дружину свою, знаменитую мужеством, чтобы отразить Владимирка. Изяслав при звуке труб воинских бодро выступил из столицы; но счастие опять изменило его храбрости. Еще дружина Вячеслава не успела к нему присоединиться: берендеи же и киевляне, встретив галичан на берегах Стугны, ужаснулись их силы и, пустив несколько стрел, рассеялись. Он удерживал бегущих; хотел умереть на месте; молил, заклинал робких; наконец, видя вокруг себя малочисленных венгров и поляков, сказал дружине с горестию: «Одни ли чужеземцы будут моими защитниками?» — и сам поворотил коня. Неприятель следовал за ним осторожно, боясь хитрости. Великий князь нашел в Киеве Вячеслава и еще не успел отобедать с ним во дворце, когда им сказали, что Георгий на берегу Днепра и что киевляне перевозят его войско в своих лодках. Исполняя совет племянника, Вячеслав уехал в Вышегород, а великий князь со всею дружиною в область Владимирскую, заняв крепости на берегах Горыни.

Георгий и князь галицкий сошлися под стенами Киева: с первым находились Святослав, племянник его (сын Всеволодов) и Давидовичи. Напрасно хотев догнать Изяслава, они вступили в город, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимирку. Сей князь и Георгий торжествовали победу в мо-

настыре печерском: новые дружественные обеты утвердили союз между ими. Владимирко выгнал еще Изяславова сына из Дорогобужа, взял несколько городов волынских, отдал их Мстиславу Георгиевичу, с ним бывшему, но не мог взять Луцка и возвратился в землю Галицкую, довольный своим походом, который доставил ему случай видеть славные храмы киевские и гроб Святых мучеников Бориса и Глеба.

Георгий, боясь новых предприятий Изяславовых, поручил Волынскую область свою надежнейшему из сыновей, храброму Андрею. Сей князь более и более заслуживал тогда общее уважение: он смирил половцев, которые, называясь союзниками отца его, грабили в окрестностях Переяславля и не хотели слушать послов Георгия; но удалились, как скоро Андрей велел им оставить россиян в покое. Укрепив Пересопницу, он взял такие меры для безопасности всех городов, что Изяслав раздумал воевать с ним и в надежде на его добродушие предложил ему мир. «Отказываюсь от Киева (говорил великий князь), если отец твой уступит мне всю Волынию. Венгры и ляхи не братья мои: земля их мне не отечество. Желаю остаться русским и владеть достоянием наших предков». Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгий отвергнул мирные предложения и заставил Изяслава снова обратиться к иноземным союзникам.

Меньший его брат, Владимир Мстиславич, поехал в Венгрию и склонил короля объявить войну опаснейшему из неприятелей Изяславовых, Владимирку Галицкому, представляя, что сей князь отважный, честолюбивый, есть общий враг держав соседственных. В глубокую осень, чрез горы Карпатские, Гейза вошел в Галицию, завоевал Санок, думал осадить Перемышль. Желая без кровопролития избавиться от врага сильного, хитрый Владимирко купил золотом дружбу венгерского архиепископа, именем Кукниша, и знатнейших чиновников Гейзиных, которые убедили своего легковерного монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы с великим князем еще более утвердилась: Владимир Мстиславич женился на дочери бана, родственника королевского, и, вторично посланный братом в Венгрию, привел к нему 10 000 отборных воинов. Тогда Изяслав [1151 г.], нетерпеливо ожидаемый киевлянами, берендеями и преданною ему дружиною Вячеслава, смело выступил в поле, миновал Пересопницу и, зная, что за ним идут полки Владимирковы, спешил к столице великого княжения. Бояре говорили ему: «У нас впереди неприятель, за нами другой». Князь ответствовал: «Не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села киевские; я лишен родительского престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнет ли нас Владимирко, сразимся; встретим ли Георгия, также сразимся. Иду на суд Божий».

Граждане Дорогобужа встретили Изяслава со крестами, но боялись венгров. «Будьте покойны, — сказал великий князь: — я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и деда, а только одни враги мои должны их ужасаться». Другие города изъявляли ему такую же покорность. Он нигде не медлил; но войско его едва оставило за собою реку Уш, когда легкий отряд Галицкого показался на другой стороне. Сам Владимирко, вместе с Андреем Георгиевичем, стоял за лесом, в ожидании своей главной рати. Началась перестрелка. Великий князь хотел ударить на малочисленных неприятелей: бояре ему отсоветовали. «Река и лес перед нами, — говорили они: — пользуясь ими, Владимирко может долго сопротивляться; задние полки его приспеют к битве. Лучше не тратить времени, идти вперед и соединиться с усердными киевлянами, ждущими тебя на берегах Тетерева». Изяслав велел ночью разложить большие огни и, тем обманув неприятеля, удалился; шел день и ночь, отрядил Владимира Мстиславича к Белугороду и надеялся взять его внезапно. Так и случилось. Борис Георгиевич, пируя в белогородском дворце своем с дружиною и с попами, вдруг услышал громкий клик и воинские трубы: сведал, что полки Изяславовы уже входят в город, и бежал к отцу, не менее сына беспечному. Георгий жил спокойно в Киеве, ничего не зная: приведенный в ужас столь нечаянною вестию, он бросился в лодку и уехал в Остер; а великий князь, оставив в Белегороде Владимира Мстиславича для удержания галичан, вошел в столицу, славимый, ласкаемый народом, как отец детьми. Многие бояре суздальские были взяты в плен. Великий князь, изъявив в Софийском храме благодарность небу, угостил обедом усердных венгров и своих друзей киевских: а друзьями его были все добрые граждане. За роскошным пиром следовали игры: ликуя среди обширного двора Ярославова, народ с особенным удовольствием смотрел на ристание[1] искусных венгерских всадников.

Еще киевляне опасались Владимирка; но, изумленный бегством Георгия, он сказал Андрею, который шел вместе с ним: «Сват мой есть пример беспечности; господствует в России и не знает, что в ней делается; один сын в Пересопнице, другой в Белегороде, и не дают отцу вести о движениях врага! Когда вы так правите землею, я вам не товарищ. Мне ли одному ратоборствовать с Изяславом, теперь уже сильным? Иду в область свою». И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всех городов волынских. Обитатели, угрожаемые пленом, сносили ему серебро;

---

[1] Ристание — турнир.

жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей с печальным сердцем приехал к отцу в Городец Остерский.

Утвердясь в столице, великий князь призвал дядю своего, Вячеслава, из Вышегорода. «Бог взял моего родителя, — говорил он: — будь мне вторым отцом. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбием. Прости вину мою, да буду спокоен в совести. Киев твой: господствуй в нем подобно отцу и деду». Добрый Вячеслав, тронутый сим великодушием, с чувствительностию ответствовал: «Ты исполнил наконец долг собственной чести своей. Не имея детей, признаю тебя сыном и братом. Я стар; не могу один править землею; будь моим товарищем в делах войны и мира; соединим наши полки и дружину. Иди с ними на врагов, когда не в силах буду делить с тобою опасностей!» Они целовали крест в Софийском храме: клялися быть неразлучными во благоденствии и злосчастии. Старец, по древнему обыкновению, дал пир киевлянам и добрым союзникам, венграм. Одарив последних конями, сосудами драгоценными, одеждами, тканями, Изяслав отпустил их в отечество; а вслед за ними отправил сына своего благодарить короля Гейзу. Сей посол именем отца должен был сказать ему следующие выразительные слова: «Да поможет тебе Бог, как ты помог нам! Ни сын отцу, ни брат единокровному брату не оказывал услуг важнейших. Будем всегда заодно. Твои враги суть наши: не златом, одною кровию своею можем заплатить тебе долг. Но соверши доброе дело: еще имеем врага сильного. Ольговичи и князь черниговский, Владимир, в союзе с Георгием, который сыплет злато и манит к себе диких половцев. Не зовем тебя самого: ибо царь греческий имеет рать с тобою. Но когда наступит весна, мирная для Венгрии, то пришли в Россию новое войско. И мы в спокойную чреду свою придем к тебе с дружиною вспомогательною. Бог нам поборник, народ и черные клобуки друзья». — Великий князь звал также в помощь к себе брата, Ростислава Смоленского, который всегда думал, что старший их дядя имеет законное право на область Киевскую. Вячеслав, уверяя сего племянника в дружбе, назвал его *вторым* сыном и с любовию принял Изяслава Черниговского, который, вопреки брату, Владимиру Давидовичу, отказался от союза с князем суздальским.

Георгий имел время собрать войско и стал против Киева вместе с Ольговичами — то есть двумя Святославами, дядею и племянником — Владимиром Черниговским и половцами, разбив шатры свои на лугах восточного берега днепровского. Река покрылась военными ладиями; битвы началися. Летописцы говорят с удивлением о хитром вымысле Изяслава: ладии сего князя, сделанные о двух рулях, могли *не обращаясь* идти вверх и вниз;

одни весла были видимы: гребцы сидели под защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрелки. Отраженный Георгий вздумал переправиться ниже Киева; ввел ладии свои в *Долобское озеро* и велел их тащить оттуда берегом до реки Золотчи, впадающей в Днепр. Изяслав шел другою стороною, и суда его вступили в бой с неприятелем у *Витичевского брода.* Князь суздальский и тут не имел успеха; но половцы тайным обходом расстроили Изяславовы меры: у городка Заруба, близ трубежского устья, они бросились в Днепр на конях своих, вооруженные с головы до ног и закрываясь щитами. Святослав Ольгович и племянник его предводительствовали ими. Береговая стража киевская оробела. Напрасно воевода Шварн хотел остановить бегущих: «С ними не было князя (говорит летописец), а боярина не все слушают». Половцы достигли берега, и Георгий спешил в том же месте переправиться через Днепр.

Великий князь отступил к Киеву и вместе с дядею стал у *Златых* врат; Изяслав Давидович между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подле него князь смоленский; Борис Всеволодкович Городненский, внук Мономахов, у врат *Лятских,* или Польских. Ряды киевлян окружили город. Черные клобуки явились также под его стенами с своими вежами[1] и многочисленными стадами, которые рассыпались в окрестностях киевских. Деятельность, движение, необозримый строй людей вооруженных и самый беспорядок представляли зрелище любопытное. Пользуясь общим смятением, хищные друзья, берендеи и торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяслав, чтобы унять грабителей, велел брату своему, Владимиру, соединить их и поставить у *могилы Олеговой,* между оврагами. Воины, граждане, народ с твердостию и мужеством ожидали неприятеля.

Но старец Вячеслав еще надеялся убедить брата словами мирными и в присутствии своих племянников дал послу наставление. «Иди к Георгию, — сказал он: — целуй его моим именем и говори так: Сколько раз молил я вас, тебя и племянника, не проливать крови христиан и не губить земли Русской! Изяслав, восстав на Игоря, велел мне объявить, что ищет престола киевского единственно для меня, второго отца своего; а после завладел собственными моими городами, Туровом и Пинском! Равно обманутый и тобою — лишенный Пересопницы, Дорогобужа — не имея ничего, кроме Вышегорода, я молчал; имея Богом данную мне силу, полки и дружину, терпеливо сносил обиды, самое уничижение и, думая только о пользе отечества, унимал вас. Напрасно: вы не хотели внимать советам человеколюбия; отвергая их, нарушали

[1] Вежа — шатер, кочевой шалаш.

устав Божий. Ныне Изяслав загладил вину свою: почтил дядю вместо отца; я назвал его сыном. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто из нас старший? Я был уже брадат, когда ты родился. Опомнись, или, подняв руку на старшего, бойся гнева Небесного!» — Посол Вячеславов нашел Георгия в Василеве: князь суздальский, выслушав его, отправил собственного боярина к брату; признавал его своим отцом; обещал во всем удовлетворить ему, но требовал, чтобы Мстиславичи выехали из области Киевской. Старец ответствовал: «У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли их от родителя? У меня их только два: не расстанусь с ними. Иди в Переяславль и Курск; иди в *Великий* Ростов или в другие города свои; удали Олеговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролития, то Матерь Божия да судит нас в сем веке и будущем!» Вячеслав, говоря сии последние слова, указал на Златые врата и на образ Марии, там изображенный.

Георгий ополчился и подступил к Киеву от Белагорода. Стрелы летали чрез Лыбедь. Пылкий Андрей устремился на другую сторону реки и гнал стрелков неприятельских к городу; но был оставлен своими: один половчин схватил коня его за узду и принудил героя возвратиться. Юный Владимир Андреевич, внук Мономахов, спешил разделить с братом опасность: пестун[1] силою удержал сего отрока. Дружина их шла на полк Вячеславов и великого князя за Лыбедью; прочее войско Георгиево сразилось с Борисом у врат Лятских. Изяслав наблюдал все движения битвы: он велел братьям, не расстроивая полков, с избранными отрядами и черными клобуками ударить вдруг на неприятеля. Смятые ими, половцы, суздальцы бежали, и трупы наполнили реку Лыбедь. Тут вместе со многими пал мужественный сын хана славного, Боняка, именем Севенч, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечом врата Златые. С того времени суздальцы не дерзали переходить чрез Лыбедь, и Георгий скоро отступил, чтобы соединиться с Владимирком: ибо галицкий князь, забыв прежнюю досаду, шел к нему в помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпением гнаться за врагом. Согласно с характером своим, Вячеслав говорил, что они могут не спешить и что Всевышний дает победу не скорому, а справедливому; но, убежденный их представлениями, и сам немедленно сел на коня, вместе с племянниками совершив молитву в храме Богоматери. Никогда народ киевский не вооружался охотнее; никогда не изъявлял более усердия к своим государям. «Всякий, кто может двигаться и владеть рукою, да идет в поле! — сказали граждане: — или да лишится жизни ослушник!» Борис

---

[1] Пестун — дядька, нянька.

Городненский был отправлен лесом вслед за Георгием, который думал взять Белгород; но видя жителей готовых обороняться, пошел на встречу к галичанам. Изяслав, стараясь предупредить сие опасное соединение, настиг его за Стугною. Сделалась ужасная буря и тьма; дождь лился рекою, и ратники не могли видеть друг друга. Как бы устрашенные несчастным предзнаменованием, оба войска желали мира: послы ездили из стана в стан, и князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и половцы тому не воспротивились. Георгий, приняв их совет, решился на кровопролитие; однако ж убегал битвы, ожидая Владимирка, и ночью перешел за реку Рут (ныне Роток). Изяслав не дал ему идти далее: надлежало сразиться. Андрей устроил суздальцев; объехал все ряды; старался воспламенить мужество в половцах и в своей дружине. С другой стороны, великий князь, полководец искусный, также наилучшим образом распорядил войско и требовал благословения от Вячеслава. Сей старец, утомленный походом, должен был остаться за строем. «Неблагодарный Георгий отвергнул мир, столь любезный душе твоей, — говорили ему племянники: — теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди». Вячеслав ответствовал: «Суди Бог моего брата; я от юности гнушался кровопролитием». — Битва началася. Изяслав приказал всем полкам смотреть на его собственный, чтобы следовать ему в движениях. Андрей встретил их и сильным ударом изломил свое копие. Уязвленный в ноздри конь его ярился под всадником; шлем слетел с головы, щит Андреев упал на землю: но Бог сохранил мужественного князя. Изяслав также был впереди; также изломил копие: раненный в бедро и руку, не мог усидеть на коне и плавал в крови своей. Битва продолжалась. Дикие варвары, союзники Георгиевы, решили ее судьбу: пустив тучу стрел, обратились в бегство; за половцами Ольговичи и, наконец, князь суздальский. Многие из его воинов утонули в грязном Руте; многие легли на месте или отдались в плен. Георгий с малым числом ушел за Днепр в Переяславль.

Между тем великий князь, несколько времени лежав на земле, собрал силы, встал и едва не был изрублен собственными воинами, которые, в жару битвы, не узнали его. «Я князь», — говорил он. «Тем лучше», — сказал один воин и мечом рассек ему шлем, на коем блистало златое изображение святого Пантелеймона. Изяслав, открыв лицо, увидел общую радость киевлян, считавших его мертвым; исходил кровию, но слыша, что Владимир Черниговский убит, велел посадить себя на коня и везти к его трупу; искренно сожалел об нем и с чувствительностию утешал горестного Изяслава Давидовича, который, взяв тело брата, союзника Георгиева, спешил защитить свою столицу: ибо Святослав

Ольгович хотел незапно овладеть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бегством, сей князь принужден был отдыхать в Остере, где, сведав, что в Чернигове уже много войска, он решился ехать прямо в Новгород Северский; а после дружелюбно разделился с Изяславом Давидовичем: каждый из них взял часть отцовскую.

Мстиславичи осадили Переяславль. Утратив лучшую дружину в битве и слыша, что Владимирко Галицкий, достигнув Бужска, возвратился, Георгий принял мир от снисходительных победителей. «Отдаем Переяславль любому из сыновей твоих, — говорили они, — но сам иди в Суздаль. Не можем быть с тобою в соседстве, ибо знаем тебя. Не хотим, чтобы ты снова призвал друзей своих, половцев, грабить область Киевскую». Георгий дал клятву выехать и нарушил оную под видом отменного усердия к Св. Борису: праздновал его память, жил на берегу Альты, молился в храме сего мученика и не хотел удалиться от Переяславля. Один сын его, Андрей, гнушаясь вероломством, отправился в Суздаль. Узнав, что коварный дядя зовет к себе половцев и галичан, великий князь грозно требовал исполнения условий: Георгий оставил сына в Переяславле, но выехал только в Городец и ждал благоприятнейших обстоятельств.

Надеждою его был мужественный Владимирко. Мстислав, сын великого князя, вел к родителю многочисленное союзное войско короля Гейзы и своею неосторожностию лишился оного. Вступив в Волынию, он пировал с венграми, угощаемый дядею, Владимиром Мстиславичем; слышал о приближении галицкого князя, но беспечно лег спать, в надежде на стражу и самохвальство венгров. «Мы всегда готовы к бою», — говорили они и пили без всякой умеренности. В полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его села на коней; но упоенные вином союзники лежали как мертвые. Владимирко ударил на них пред рассветом: бил, истреблял — и великий князь получил известие, что сын его едва мог спастися один с своими боярами. Тогда Изяслав призвал союзников: князя черниговского и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святослав Ольгович, повинуясь необходимости, дал ему вспомогательную дружину. Сие войско осадило Городец. Теснимый со всех сторон, оставленный прежними друзьями и товарищами, князь суздальский должен был чрез несколько дней смириться: уступив Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился в наследственный удел свой и поручил Городец сыну Глебу. Но скоро Изяслав отнял у Георгия и сие прибежище в южной России [1152 г.]: сжег там все деревянные здания, самые церкви и сравнял крепость с землею.

10 Зак. № 38

Наказав главного неприятеля, великий князь желал отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгиеву, Владимирку: король венгерский хотел того же. Им надлежало соединиться у подошвы гор Карпатских. Летописцы славят взаимную искреннюю дружбу сих государей: сановники Гейзы от его имени приветствовали великого князя на дороге; сам король, провожаемый братьями, Ладиславом и Стефаном, всем двором, всеми баронами, выехал встретить Изяслава, который вел за собою многочисленное стройное войско. С любовию обняв друг друга, они, в шатре королевском, условились не жалеть крови для усмирения врага — и на рассвете, ударив в бубны, семьдесят полков венгерских двинулись вперед; за ними шли россияне и конные берендеи; вступив в землю Галицкую, расположились близ реки Сана, ниже Перемышля. Владимирко стоял на другой стороне, готовый к бою, и схватил несколько *зажитников** королевских. Тогда было воскресенье; Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложил битву до следующего. По данному знаку союзное войско приступило к реке. Изяслав находился в средине, и так говорил ратникам: «Братья и дружина! Доселе Бог спасал от бесчестия землю Русскую и сынов ее: отцы наши всегда славились мужеством. Ныне ли уроним честь свою пред глазами союзников иноплеменных? Нет, мы явим себя достойными их уважения». В одно мгновение ока россияне бросились в Сан: венгры также, и смяли галичан, стоявших за валом. Побежденный Владимирко, проскакав на борзом коне между толпами венгров и черных клобуков (один, с каким-то Избыгневом), заключился в Перемышле. Союзники могли бы тогда взять крепость; но воины их, грабя княжеский богатый дворец на берегу Сана, дали время многим рассеянным битвою галичанам собраться в городе. Владимирко хотел мира: ночью отправил к архиепископу и боярам венгерским множество серебра, золота, драгоценных одежд и вторично склонил их быть за него ходатаями. Они представили Гейзе, что галицкий князь, тяжело раненный, признается в вине своей; что Небо милует кающихся грешников; что он служил копием своим отцу Гейзину, Беле *Слепому,* против ляхов; что Владимирко, зная великодушие короля и готовясь скоро умереть, поручает ему юного сына и боится единственно злобы Изяславовой. Великий князь не хотел слышать о мире. «Если умрет Владимирко, — говорил он, — то безвременная кончина его будет справедливою Небесною казнию. Сей вероломный, клятвенно обещав нам приязнь свою, разбил твое и мое войско. Забудем ли бес-

* ...Древнее название людей, посылаемых вперед для заготовления съестных припасов. (II, 348.)

честие? Ныне Бог предает Владимирка в руки наши: возьмем его и землю Галицкую». Мстислав, сын великого князя, еще ревностнее отца противился миру: напрасно Владимирко старался молением и ласками обезоружить их. Но Гейза ответствовал: «Не могу убить того, кто винится», и простил врага, с условием, чтобы он возвратил чужие, занятые им города российские (Бужск, Тихомль, Шумск, Выгошев, Гнойни) и навсегда остался другом Изяславу, или, по тогдашнему выражению, *не разлучался с ним ни в добре, ни в зле.* Из шатра королевского послали ко мнимо больному Владимирку чудотворный крест Св. Стефана: сей князь дал присягу. «Если он изменит нам (сказал Гейза), то или мне не царствовать или ему не княжить». Услужив шурину и смирив надменного Владимирка, бывшего в тесном союзе с греками, король спешил к берегам Сава отразить императора Мануила, хотевшего отмстить ему за обиду своего галицкого друга. Изяслав, возвратяся в Киев с торжеством, изъявил благодарность Всевышнему, праздновал с дядею Вячеславом, уведомил брата своего, князя смоленского, о счастливом успехе похода и советовал ему остерегаться Георгия, слыша, что он вооружается в Ростове.

Князь суздальский еще более возненавидел Мстиславичей за разрушение Городца, который был единственным его достоянием в полуденных, любезных ему странах государства. Там он жил духом и мыслями; там лежал священный прах древних князей российских, славились храмы чудесами и жители благочестием. Георгий в наследственном восточном уделе своем видел небо суровое, дикие степи, дремучие леса, народ грубый; считал себя как бы изгнанником и, презирая святость клятв, думал только о способах удовлетворить своему властолюбию. Он призвал князей рязанских и половцев, кочевавших между Волгою и Доном; занял область вятичей и велел князю Новагорода Северского, Святославу Ольговичу, также быть к нему в стан под Глухов. Владимирко, сведав о походе Георгия, думал вместе с ним начать военные действия против Мстиславичей; но Изяслав успел отразить его и заставить возвратиться. Князь Галицкий, мужеством достойный отца, не хотел уподобляться ему в верности слова: не боялся клятвопреступления и доказал ошибку снисходительного Гейзы, не исполнив обещания, то есть силою удержав за собою города великокняжеские, Шумск, Тихомль и другие. Видя, что Георгий намерен осадить Чернигов, князь смоленский, по сделанному условию с братом, вошел в сей город защитить Изяслава Давидовича, их союзника. Тут находился и Святослав Всеволодович, который уже знал характер Георгиев и не любил его. С душевным прискорбием они говорили друг другу: «Будет ли конец нашему междоусобию?» Набожный князь суздальский, под-

ступив к Чернигову в день воскресный, не хотел обнажить меча для праздника; но велел половцам жечь и грабить в окрестностях! Двенадцать дней продолжались битвы, знаменитые мужеством Андрея Георгиевича: он требовал, чтобы князья, союзники Георгиевы, сами по очереди ходили на приступ, для ободрения войска; служил им образцом и собственною храбростию воспламенял всех. Осажденные не могли защитить внешних укреплений, сожженных половцами, и город был в опасности; но великий князь спас его. Услышав только, что Изяслав перешел Днепр, робкие половцы бежали: Георгий также отступил за Снов, и князь черниговский встретил своего избавителя на берегу реки Белоуса.

Святослав Ольгович, удерживая Георгия, говорил: «Ты принудил меня воевать; разорил мою область, везде потравил хлеб и теперь удаляешься! Половцы также ушли в степные города свои. Мне ли одному бороться с сильными?» Но князь суздальский, оставив у Святослава только 50 человек дружины с сыном Васильком, вышел из области Северской, чтоб овладеть всею страною вятичей, где ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяслав дождался зимы, поручил смоленскому князю наблюдать за Георгием, осадил Новгород Северский и дал мир Святославу Ольговичу; а сын великого князя, Мстислав, с киевскою дружиною и с черными клобуками воевал землю половецкую: разбил варваров на берегах Орели и Самары, захватил их вежи, освободил множество российских пленников [1153 г.]. Но сей успех не мог утвердить безопасности восточных пределов киевских: скоро Мстислав должен был вторично идти к берегам Псла для отражения половцев.

Тогда, желая покоя, великий князь отправил боярина, Петра Бориславича, с крестными грамотами к Владимирку Галицкому. «Ты нарушил клятву, — говорил ему посол, — данную тобою нашему государю и королю венгерскому в моем присутствии. Еще можешь загладить преступление: возврати города Изяславовы и будь его другом». Владимирко ответствовал: «Брат мой Изяслав нечаянно подвел на меня венгров: никогда не забуду того; умру или отмщу». Посол напоминал ему целование креста. «Он был не велик!» — сказал Владимирко в насмешку. «Но сила оного велика, — возразил Петр: — вельможа королевский объявлял тебе, что если, целовав сей чудесный крест Св. Стефана, преступишь клятву, то жив не будешь». Владимирко не хотел слушать и велел послу удалиться. Изяславов боярин положил на стол грамоты клятвенные, в знак разрыва. Ему не дали даже и подвод. Петр отправился на собственных конях; а Владимирко, пошедши в церковь к Вечерне и видя его едущего из города, смеялся над ним с своими боярами. — В ту же ночь отрок кня-

жеский, догнав сего посла, велел ему остановиться. Петр ожидал новой для себя неприятности, беспокоился, и на другой день, вследствие вторичного повеления, возвратился в Галич. Слуги Владимирковы встретили его пред дворцом в *черных* одеждах. Он вошел в сени: там юный князь Ярослав сидел на месте отца, в черной мантии и в клобуке, среди вельмож и бояр, также одетых в печальные мантии. Послу дали стул. Ярослав заливался слезами; царствовало глубокое молчание. Изумленный боярин Изяславов хотел знать причину сей общей горести и сведал, что Владимирко, совершенно здоровый накануне, отслушав Вечерню в церкви; не мог сойти с места, упал и, принесенный во дворец, скончался. «Да будет воля Божия! — сказал Петр: — все люди смертны». Ярослав отер слезы. «Мы желали известить тебя о сем несчастии, — говорил он послу: — скажи от меня Изяславу: *Бог взял моего родителя, быв Судиею между им и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мне вместо отца. Я наследовал княжение; воины и дружина родительская со мною: одно его копие поставлено у гроба: и то будет в руке моей. Люби меня как сына своего, Мстислава: пусть он ездит с одной стороны подле твоего стремени, а я с другой, окруженный всеми полками галицкими!»*

Великий князь изъявил сожаление о внезапной кончине знаменитого, умного Владимирка, основателя могущественной Галицкой области, но требовал доказательств искреннего дружелюбия от Ярослава — то есть возвращения городов киевских, и видя, что ему хотят удовлетворить только ласковыми словами, а не делом, прибегнул к оружию. Войско галицкое стояло на берегах Серета: Изяслав, пользуясь густым утренним туманом, перешел за сию реку. Мгла исчезла, и неприятели увидели друг друга. Юный князь галицкий сел на коня. Усердные вельможи сказали ему: «Ты у нас один: что будет, если погибнешь? Заключись в Теребовле: мы сразимся; и кто останется жив, тот придет умереть с тобою». В сражении упорном и кровопролитном победа казалась сомнительною. Сын и братья Изяславовы не могли устоять; но великий князь одолел на другом крыле. С обеих сторон гнались и бежали; обе стороны взяли пленников, но Изяслав более. Он поставил на месте битвы знамена неприятельские и схватил многих рассеянных галичан, которые толпами к ним собирались, обманутые сею хитростию. Видя малое число своей дружины и боясь вылазки из Теребовля, Изяслав велел ночью умертвить всех несчастных пленников, кроме бояр, и с покойною совестию возвратился в Киев, торжествовать второй брак свой. Невестою его была княжна абазинская, без сомнения христианка: ибо в отечестве ее и в соседственных землях Кавказских находились

издавна храмы истинного Бога, коих следы и развалины доныне там видимы. Мстислав, отправленный отцом, встретил сию княжну у порогов днепровских и с великою честию привез в Киев.

Готовясь к новому междоусобному кровопролитию (ибо непримиримый князь суздальский стоял уже с войском в земле вятичей, близ Козельска), Изяслав с прискорбием видел бесчестие своего меньшего сына, Ярослава, изгнанного новогородцами, которые — в 1149 году положив на месте 1000 финляндцев, хотевших ограбить Водскую область, — в течение пяти лет не имели иных врагов, кроме самих себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный сим легкомысленным народом, Ростислав Смоленский, в угодность ему, отправился княжить в Новгород, а Ярослав в Владимир Волынский, на место умершего Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзных половцев и конский падеж заставили Георгия отложить войну. Между тем Изяслав, не дожив еще до глубокой старости, скончался, к неутешной горести киевлян, всех россиян и самых иноплеменников, берендеев, торков. Они единогласно называли его своим *царем* славным, *господином* добрым, *отцом* подданных. Старец Вячеслав, проливая слезы, говорил: «Сын любезный! Сему гробу надлежало быть моим; но Бог творит, что ему угодно!» — Княжение Изяслава описано в летописях с удивительною подробностию. Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пировал с гражданами; говорил на вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым, Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему честь побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец княжеский.

Готовый умереть за Киев, Изяслав удалялся от иных случаев проливать кровь россиян: не вступился за сына, оскорбленного новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, которого полочане в 1151 году свергнули с престола, избрав на его место Ростислава Глебовича, князя минского, и признав Святослава Ольговича покровителем их области. Так граждане своевольствовали в нашем древнем отечестве, употребляя во зло правило, что *благо народное священнее всех иных законов.*

Тело Изяслава было погребено в монастыре Св. Феодора, основанном Великим Мстиславом.

Глава XIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ МСТИСЛАВИЧ 1154—1155 гг.

Любовь киевлян к Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразумие и малодушие Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство новогородцев. Киевляне поддаются Изяславу. Георгий вступает в Киев.

Узнав о кончине великого князя, Изяслав Черниговский приплыл к Киеву, чтобы оросить слезами гроб умершего; но старец Вячеслав и бояре, справедливо опасаясь его коварных намерений, не позволили ему въехать в столицу. Они ждали князя новогородского и смоленского. Граждане, торки, берендеи с изъявлением усердия встретили Ростислава (который оставил в Новегороде сына своего, Давида), и добродушный дядя сказал ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и беспокойства ратные уже не мое дело. Подобно Изяславу будь мне сыном и государем россиян. Отдаю тебе полк и дружину свою». Бояре вместе с народом требовали от нового князя, чтобы он, следуя примеру старшего брата, всегда уважал дядю как отца, и в таком случае обещались служить ему верно. — В Киеве находился тогда Святослав Всеволодович: призванный Вячеславом, он уехал тайно от своих дядей и взял сторону великого князя, отдавшего ему за то Пинск и Туров.

С другой стороны Изяслав Черниговский и Святослав Ольгович заключили союз с Георгием, которого сын Глеб, наняв половцев, осадил Переяславль: Мстислав Изяславич отразил их с помощию киевской дружины. Великий князь, чтобы предупредить суздальского, хотел воспользоваться сею первою удачею и шел к Чернигову; но печальная весть настигла его в Вышегороде. Добрый Вячеслав скоропостижно умер [1155 г.]: ввечеру пировал с боярами и ночью заснул навеки. Искренно сожалея о кончине его, Ростислав спешил в Киев предать земле тело старца в Софийском храме и быть свидетелем общей горести: ибо народ любил кроткие, христианские добродетели сего Мономахова сына. В похвалу великому князю летописцы сказывают, что он, созвав во дворце вельмож, тиунов, казначеев, ключников умершего дяди, велел принести его имение: одежды, золото, серебро; все роздал по монастырям, церквам, темницам, богадельням и, поручив исполнить сие распоряжение вдовствующей супруге отца своего, взял себе на память один крест.

Когда Ростислав возвратился к войску, бояре не советовали ему идти далее. «Ты еще слаб на престоле, — говорили они: — утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгия». Великий князь отвергнул благоразумный совет; он приближался к Чернигову, требуя, чтобы Изяслав дал ему клятву верного союзника. «Кто вступил в мою область неприятелем, с тем не хочу дружиться», — ответствовал Изяслав и, соединясь с Глебом Георгиевичем, расположился станом на берегах реки Белоуса. Тут открылось малодушие Ростислава, который, будучи устрашен множеством половцев, в самом начале перестрелки дал знать черниговскому князю, что уступает ему Киевскую область с Переяславлем, желая одного мира. С негодованием видя малодушие дяди, Мстислав Изяславич поворотил коня и, сказав: «Не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева!» — удалился с своею дружиною. Войско расстроилось; свирепые половцы гнали, рубили бегущих и схватили, в числе пленных, Святослава Всеволодовича. Мстислав, взяв в Переяславле жену, детей, ушел в Луцк, а бывший великий князь в Смоленск, лишась в то же время и Новагорода: ибо тамошние жители изгнали сына его, Давида, отправили епископа Нифонта послом в Суздаль и призвали Мстислава Георгиевича княжить в их области.

Киевляне, услышав с горестию о несчастии Ростислава, должны были обратиться к победителю. Епископ каневский, Дамиан, их именем сказал Изяславу: «Государь! Иди управлять нами, да не будем жертвою варваров!», ибо в сие время половцы свирепствовали в окрестностях Днепра и долго не могли быть усмирены Глебом Георгиевичем, которому Изяслав Давидович отдал Переяславль. Между тем Георгий уже шел с войском и близ Смоленска получил весть о новой, благоприятной для него перемене обстоятельств; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился с ним и спешил к Киеву; простил и Святослава Всеволодовича, уважив ходатайство его дяди, северского князя, и послал объявить черниговскому, чтобы он выехал из столицы Мономаховой. Изяслав колебался, медлил; говорил, что киевляне добровольно возвели его на престол; но, убежденный Святославом Ольговичем, и не имея надежды отразить силу силою, отправился в Чернигов. Георгий, вступив в Киев, с общего согласия принял сан великого князя [20 марта 1155 г.].

Глава XIV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ, ИЛИ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОЛГОРУКИЙ 1155—1157 гг.

Уделы. Мстислав едет в Польшу. Тишина в России. Новое кровопролитие. Берендеи бьют половцев. Союз с половцами. Смятение в Новегороде. Союз против Георгия. Смерть его и свойства. Ненависть к нему. Дела церковные.

Следуя обыкновению, он назначил сыновьям уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили берендеи и торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротынск, Карачев и дав ему за них другие.

Опасаясь смелого, пылкого Мстислава, великий князь послал Юрия Ярославича, внука Святополкова, с воеводами на Горынь: они взяли Пересопницу. В то же время зять Георгиев, князь галицкий[1], и Владимир[2], брат Смоленского, осадили Луцк. Мстислав отправился искать союзников в Польше; но меньший брат его, Ярослав, заставил неприятелей снять осаду.

Достигнув главной цели своей, обремененный летами и желая спокойствия, Георгий призвал Ростислава Смоленского, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянников, и хотел видеть их в Киеве. Ярослав повиновался; но Мстислав, боясь обмана, не ехал: Георгий послал к нему *крестную грамоту,* в доказательство искренней дружбы. Узнав о сем союзе и прибытии в Киев галицкой вспомогательной дружины, князь черниговский, недовольный Георгием, также смирился и выдал дочь свою за его сына, Глеба. Великий князь уступил Изяславу Корческ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же рязанские новыми крестными обетами утвердили связь с Ростиславом Смоленским, коего они признавали их отцом и покровителем.

Россия наслаждалась тишиною, говорят летописцы [1156 г.]: сия тишина была весьма непродолжительна. Мстислав принял *крестную грамоту* от деда, но не дал ему собственной и выгнал Георгиева союзника, Владимира, родного дядю своего, из Владимирской области; пленил его семейство, жену; ограбил бояр и мать, которая с богатыми дарами возвратилась тогда от королевы

---

[1] Зять Георгиев — Ярослав Осмомысл, сын Владимира Галицкого.

[2] Владимир — Владимир Мстиславич.

венгерской, ее дочери. Оскорбленный Георгий, в надежде смирить внука с помощию одного галицкого князя, не хотел взять с собою ни черниговской, ни северской дружины и выступил с берендеями. Напрасно искав защиты в Венгрии, изгнанник Владимир Мстиславич прибегнул к великому князю, но Георгий в самом деле не думал об нем, а хотел, пользуясь случаем, завоевать область Волынскую для *другого* племянника, Владимира Андреевича, чтобы исполнить обещание, некогда данное отцу его. Жестокое сопротивление Мстислава уничтожило сие намерение: десять дней кровь лилась под стенами владимирскими, и Георгий, как бы подвигнутый человеколюбием, снял осаду. «Изяслав веселится убийствами и враждою, — сказал он детям и боярам: — желаю не погибели его, а мира, и, будучи старшим, уступаю». — Владимир Андреевич ходил к Червену с мирными предложениями: напоминал тамошним гражданам о своем родителе, великодушном их князе Андрее; обещал быть ему подобным, справедливым, милостивым; но, уязвленный в горло стрелою, удалился, отмстив жителям опустошением земли Червенской. Георгий наградил его Пересопницею и Дорогобужем; а Мстислав, следуя за дедом, жег селения на берегах Горыни.

Великий князь щадил старинных друзей своих, половцев. Они тревожили окрестности Днепра и были наказаны мужественными берендеями, которые многих хищников умертвили, других взяли в плен и, в противность Георгиеву желанию, не хотели их освободить, говоря: «Мы умираем за Русскую землю, но пленники наша собственность». Георгий, два раза ездив в Канев для свидания с ханами половецкими, не мог обезоружить их ни ласкою, ни дарами, наконец заключил с ними новый союз, чтобы в нужном случае воспользоваться помощию сих варваров: ибо он, по тогдашним обстоятельствам, не мог быть уверен в своей безопасности.

Ростислав Мстиславич имел преданных ему людей в Новегороде, которые с единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотят повиноваться Мстиславу Георгиевичу. Сделалось смятение; граждане разделились на две стороны: *Торговая* вооружилась за князя, *Софийская* против него, и мост Волховский, с обеих сторон оберегаемый воинскою стражею, был границею между несогласными. Но сын Георгиев бежал ночью, узнав о прибытии детей смоленского князя, и таким образом уступил княжение Ростиславу, который, чрез два дня въехав в Новгород, восстановил совершенную тишину [1157 г.].

Сие происшествие долженствовало оскорбить Георгия: у него были и другие враги. Изяслав Давидович с завистию смотрел на престол киевский; искал друзей; примирился с Ростиславом и

для того оставил без мести неверность своего племянника, Святослава Владимировича, который, вдруг заняв на Десне города черниговские, передался к смоленскому князю. Мстислав Изяславич Волынский также охотно вступил в союз с Давидовичем, чтобы действовать против Георгия, и сии князья, напрасно убеждав северского взять их сторону, готовились идти к Киеву в надежде на свое мужество, неосторожность и слабость Георгиеву. Судьба отвратила кровопролитие: Георгий, пировав у боярина своего, Петра, ночью занемог и чрез пять дней [15 мая 1157 г.] умер. Сведав о том, Изяслав Давидович пролил слезы и, воздев руки на небо, сказал: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапною смертию, а не кровопролитием!»

Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там Веру христианскую, сей князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих; оживил дикие, мертвые пустыни знамениями человеческой деятельности; основал новые селения и города: кроме Москвы, *Юрьев* Польский, *Переяславль* Залесский (в 1152 году), украшая их для своего воображения сими, ему приятными именами и самым рекам давая названия южных. Дмитров, на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына, Всеволода-Димитрия, который (в 1154 году) родился на сем месте. — Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные летописцы наши редко говорят о злых качествах государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном князя столь любимого, не умел заслужить любви народной. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия: к бесславию его нам известно также следующее происшествие. Князь Иоанн Берладник, изгнанный Владимирком из Галича, служил Георгию, и вдруг, без всякой вины (в 1156 году), был окован цепями и привезен из Суздаля в Киев: Георгий согласился выдать его, живого или мертвого, зятю своему, Владимиркову сыну. Заступление духовенства спасло жертву: убежденный человеколюбивыми представлениями митрополита, Георгий отправил Берладника назад в Суздаль; а люди князя черниговского, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастного узника. — Одним сло-

вом, народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом княжеский за Днепром, называемый *Раем,* также имение суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской обители Спаса.

Церковные дела сего времени достойны замечания. Георгий не желал оставить митрополитом Климента, избранного по воле ненавистного ему племянника, и согласно с мыслями Нифонта, епископа новогородского, им уважаемого, требовал иного пастыря от духовенства цареградского. Святитель полоцкий и Мануил Смоленский, враг Климентов, (в 1156 году) с великою честию приняли в Киеве сего нового митрополита, именем Константина, родом грека; вместе с ним *благословили* великого князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича и в первом совете уничтожили все церковные действия бывшего митрополита; наконец, рассудив основательнее, дозволили отправлять службу иереям и диаконам, коих посвятил Климент. Ревностный Нифонт не имел удовольствия видеть свое полное торжество: он спешил встретить Константина, но еще до его прибытия скончался в Киеве, названный славным именем *поборника всей земли Русской.* Сей знаменитый муж, друг Святослава Ольговича, имел и неприятелей, которые говорили, что он похитил богатство Софийского храма и думал с оным уехать в Константинополь: современный летописец новогородский опровергает такую нелепую клевету и, хваля Нифонтовы добродетели, говорит: «Мы только за грехи свои лишились сладостного утешения видеть здесь гроб его!» — Новогородцы на место Нифонта в общем совете избрали добродетельного игумена Аркадия и еще непоставленного ввели в дом епископский: ибо избрание главного духовного сановника зависело там единственно от народа.

Глава XV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ ДАВИДОВИЧ КИЕВСКИЙ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ 1157—1159 гг.

Падение великого княжения Киевского. Новое сильное княжение Владимирское. Происшествия в западной России. Мятежный дух полочан. Раздор за Берладника. Бескорыстие Святослава. Неблагодарность Изяслава. Бегство великого князя. Странное завещание митрополита. Мор в Новегороде.

Киевляне, изъявив ненависть к умершему великому князю, послали объявить врагу Георгиеву, Изяславу Давидовичу, чтобы он шел мирно властвовать в столице российской. Изяслав, при восклицаниях довольного народа, въехал в Киев [19 мая 1157 г.], оставив в Чернигове племянника своего, Святослава Владимировича, с дружиною воинскою: ибо князь северский, хотя и миролюбивый, замышлял незапно овладеть сею удельною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяслав, желая иметь в нем благодарного союзника, добровольно отдал ему Чернигов; а племянник их, Святослав Всеволодович, получил в удел княжение Северское. Они заключили мир на берегах Свини (где ныне Березна) в присутствии Мстислава, владимирского князя, который, одобрив условия, спокойно возвратился в Волынию.

Таким образом Изяслав Давидович остался повелителем одной Киевской области и некоторых городов Черниговской. Переяславль, Новгород, Смоленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия имели тогда государей особенных, независимых, и достоинство великого князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием. Киев еще сохранял знаменитость, обязанный ею, кроме своего счастливого положения, торговле, множеству избыточных обитателей, богатству храмов, монастырей: скоро утратит он и сию выгоду, лишенный сильных защитников. Но в то время, как *древняя* столица наша клонится к совершенному падению, возникает *новая* под сению властителя, давно известного мужеством и великодушием.

Еще при жизни Георгия Долгорукого сын его, Андрей, в 1155 году уехал из Вышегорода (не предуведомив отца о сем намерении). Феатр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом, иноплеменниками и своими,

казалась ему обителию скорби и предметом гнева Небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия и с горестию видя народную к нему ненависть, Андрей, по совету шурьев своих, Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан; там народ его не изъявлял мятежного духа, не судил и не менял государей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Сей князь набожный вместо иных сокровищ взял с собою греческий образ Марии, украшенный, как говорят летописцы, пятнадцатью фунтами золота, кроме серебра, жемчуга и камней драгоценных; избрал место на берегу Клязьмы, в прежнем своем уделе: заложил каменный город Боголюбов, распространил основанный Мономахом Владимир, украсил зданиями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами.* Как нежный сын оплакав кончину родителя, он воздал ему последний долг торжественными молитвами, строением новых церквей, обителей в честь умершему, или для спасения его души; и между тем, как народ киевский злословил память Георгия, священный клирос благословлял оную в Владимире. Суздаль, Ростов, дотоле управляемые наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея государем. Любимый, уважаемый подданными, сей князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном уделе; основал новое *великое княжение Суздальское,* или *Владимирское,* и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным.

Борис Георгиевич, княжив при отце в Турове, или добровольно выехал оттуда в Суздальскую область, или был изгнан Юрием Ярославичем, Святополковым внуком, который, происходя от старшей ветви княжеского дому, имел право на самую область Киевскую. Изяслав, желая доставить удел Владимиру Мстиславичу, соединился с князьями волынскими, галицким, смоленским и приступил к Турову. Юрий искал мира, но мужественно оборонялся и чрез 10 недель многочисленное войско осаждающих удалилось, потеряв большую часть коней своих от заразы.

В числе Изяславовых союзников находились и полочане, которые едва ли уступали тогда новогородцам в своевольстве. Мы упоминали о несчастии князя Рогволода Борисовича, изгнанного ими без всякой основательной причины: Святослав Черниговский дал ему вспомогательную дружину, и жители Друцка с великою радостию приняли его, выслав Глеба Ростиславича, ограбив дом, бояр, друзей сего последнего. Отец Глебов, видя опасное волнение и в самом Полоцке, старался задобрить граждан ласками, дарами

и, взяв с них новую присягу, осадил Друцк. Сильный отпор жителей заставил сего князя искать мира: Рогволод дал клятву жить с ним в братстве и нарушил оную вместе с вероломными полочанами, которые, думая загладить измену изменою, послали сказать ему: «Князь добрый! Мы виновны, свергнув тебя с престола и разграбив твое имение: не помни зла и возвратися к нам: выдадим тебе Ростислава Глебовича». Он согласился с ними; но Ростислав, уведомленный об их замысле, ходил вооруженный, носил латы под одеждою и смелостию вселял боязнь в злодеев. Наконец они устыдились своей робости и звали князя, жившего за городом, в собрание народное, будто бы для дел государственных. «Вчера я был у вас, — ответствовал Ростислав: — для чего же вы не говорили о делах?» — однако ж поехал в город. Верный отрок княжеский остановил его: ибо народ уже снял с себя личину, грозно вопил на вече и лил кровь бояр, преданных Глебовичам. Ростислав, соединив дружину, удалился в Минск к брату Володарю; а Рогволод, подкрепленный силою князя смоленского, отнял Изяславль у Всеволода Глебовича и предписал мир его брату: остался князем полоцким, дал Всеволоду Стрежев, Изяславль Брячиславу Васильковичу и восстановил тишину кратковременную. Володарь, третий сын Глебов, воевал тогда с Литвою: братья присягнули за него в верном исполнении мирных условий.

Изяслав Давидович не долго жил в союзе с галицким и волынскими князьями. Поводом к сему разрыву служил знаменитый воевода первого, Иоанн Берладник. Князь галицкий, ненавидя и боясь сего брата двоюродного, изгнанного Владимирком, умел склонить на свою сторону не только венгерского короля с поляками, но и многих князей российских, желая, чтобы они вместе с ним убедили Изяслава выдать ему Иоанна. Гнушаясь делом столь жестоким, великий князь отвечал их послам в Киеве, что он никогда на то не согласится. Иоанн же, бесчеловечно гонимый, хотел мстить Ярославу Владимирковичу: ограбил несколько богатых судов на Дунае, нанял 6000 половцев и вступил в Галицию; но скоро был оставлен сими хищниками, ибо не дозволял им опустошать земли и щадил доброхотствующих ему жителей. Сведав, что Ярослав вооружается, великий князь предложил Святославу Ольговичу тесный союз и два города, Мозырь и Чечерск. Тут Святослав оказал бескорыстие великодушное. «Признаюсь, — говорил он, — что я досадовал, когда ты не отдал мне всей области Черниговской; но сердце мое ненавидит злобу между родными. Если враги несправедливые угрожают тебе войною, то они будут и моими врагами. Сохрани меня Бог от мздоимства в таком случае: не хочу никаких городов и вооружаюсь». Пировав три дня, они дали знать князю галицкому, что готовы соединенными силами

отразить его нападение. Ярослав успокоился; но великий князь вздумал сам объявить ему войну за Иоанна Берладника: ибо многие галичане звали сего воеводу в землю свою, уверяя, что народ толпами устремится под его знамена и что сын Владимирков не любим гражданами. Святослав Ольгович не хотел идти; удерживал великого князя; представлял ему, что Иоанн не сын, не брат их; но пылкий Изяслав с угрозами ответствовал в Василькове послу черниговскому: «Скажи брату, что он, по возвращении моем из Галича, волею и неволею может отправляться назад в Новгород Северский!» Добродушный Святослав с горестию видел несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира государству. «Богу открыто смирение души моей, — сказал он вельможам: — я не искал управы мечом, когда Изяслав, вместо целой области Черниговской, дал мне только семь городов, опустошенных половцами и населенных *псарями*. Он еще не доволен, и за миролюбивый, благоразумный совет грозится, вопреки святой клятве, выгнать меня из Чернигова! Но Провидение карает вероломных». Оно в самом деле наказало брата его. Галицкий, соединясь с волынскими князьями, Изяславичами и дядею их, Владимиром Андреевичем, предупредил великого князя и занял Белгород. Изяслав обступил их с войском многочисленным: одних половцев было у него с лишком 20 000. Указывая на сильные полки свои, он с гордостию требовал, чтобы союзники вышли из города. Но берендеи и торки изменили ему; начальники их тайно велели сказать Мстиславу: «Князь! От нас все зависит. Если будешь нам другом, как отец твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставим Изяслава». Они сдержали слово: в глубокую полночь зажгли шатры свои и с грозным воплем ускакали в город. Пробужденный ночною тревогою, великий князь сел на коня; увидел измену и бежал за Днепр вместе с Владимиром Мстиславичем, его другом; половцы также: многие из них утонули в Роси; других пленили юрьевцы и берендеи.

Союзники вошли в столицу, послав объявить смоленскому князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престол киевский и будут ему послушны как старшему. Мстислав требовал только, чтобы низверженный митрополит Климент снова управлял церковию Российскою: «ибо Константин (говорил он) клял память отца моего». Но Ростислав не хотел слышать о Клименте, избранном, по его мнению, беззаконно. Наконец согласились, чтобы не быть митрополитом ни тому, ни другому и призвать нового из Царяграда. Изгнанный Мстиславом, Константин уехал в Чернигов и скоро преставился, удивив современников и потомство странностию своего завещания. Он вручил запечатанную духовную святителю черниговскому, Антонию, и требовал,

чтобы сей епископ клятвенно обязался исполнить его последнюю волю. Антоний в присутствии князя Святослава срезал печать и с изумлением читал следующее: «Не погребайте моего тела: да будет оно извлечено из града и повержено псам на снедение!» Епископ не дерзнул нарушить клятвы; но князь, страшась гнева Небесного, велел на третий день привезти тело митрополита в Чернигов и с честию предать земле в соборной церкви, подле гроба Игоря Ярославича. Летописцы рассказывают, что в сии три дня, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молния в Киеве; что одним громовым ударом убило там семь человек и ветер сорвал шатер Ростислава, стоявшего тогда в поле близ Вышегорода; что сей князь старался молитвами в церквах умилостивить Небо и что вдруг настала тишина, когда совершилось погребение митрополитова тела.

В княжение Изяслава Новгород вторично испытал бедствие мора: не успевали хоронить ни людей, ни скота; от смрада бесчисленных трупов нельзя было ходить по городу, ни в окрестностях. Летописцы не говорят о происхождении, свойстве и наружных знаках сей язвы, которая свирепствовала единственно в Новегороде.

Глава XVI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ ВТОРИЧНО В КИЕВЕ. АНДРЕЙ В ВЛАДИМИРЕ СУЗДАЛЬСКОМ 1159—1167 гг.

Злоба Изяславова. Союз Ростислава с Святославом. Город Берлад. Впадение половцев. Андрей за Изяслава: властвует в Новегороде. Клевета на Ростислава. Ростислав изгнан. Смерть Изяслава. Берладник отравлен ядом в Греции. Ссора и мир великого князя со Мстиславом. Уделы. Набег ляхов. Единовластие Андрея. Изгнание братьев его в Грецию. Кончина Святослава: ее следствия. Вероломство епископа. Беспокойства в земле Полоцкой. Война с болгарами. Победа над шведами. Россияне бьют половцев в степях. Кончина великого князя. Его свойства. Союзы и браки. Дела церковные.

Ростислав — оставив сыновей княжить, Святополка в Новегороде, Давида в Торжке, Романа в Смоленске — был с честию и радостию принят от всех жителей киевских [12 апреля 1159 г.]. Племянник его, Мстислав, возвратился в юго-западную Россию

с богатою добычею, взяв имение Изяславовых вельмож, множество серебра, золота, рабов и всякого скота.

Бывший великий князь ушел в Сожскую область, ему принадлежавшую, и съехался в Гомье, или нынешнем Гомеле, с женою, которая вслед за ним бежала из Киева. Приписывая свое несчастие брату Ольговичу, не хотевшему дать ему помощи, Изяслав завоевал его область, землю вятичей, пленил жителей одного местечка, бывшего собственностию или веном[1] княгини черниговской, и тревожил города курские. Тогда Святослав, захватив имение и семейства многих бояр сего злобного родственника, вступил в союз с государем киевским. Они съехались в Моровске, обедали друг у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростислав подарил черниговскому князю несколько соболей, горностаев, черных куниц, песцов, волков белых и рыбьих зубов[2]; а Святослав великому князю парда и двух коней с окованными седлами.

Сии два князя, быв от юности неприятелями, искренно клялися умереть друзьями и согласились общими силами действовать против Изяслава. Надлежало прежде защитить южные пределы государства от внешних хищников. В Молдавии, между реками Прутом и Серетом, находился тогда город многолюдный и крепкий, именем Берлад (ныне местечко), основанный близ развалин древней дакийской Зузидавы: он был гнездом своевольных бродяг, людей разного племени и закона, коих главное ремесло состояло в грабеже по Черному морю и Дунаю. Шайки их взяли Олешье (знаменитое торговое место при устье Днепра, где складывались греческие товары, отправляемые в Киев): воевода великокняжеский, Георгий Нестерович, настиг сих разбойников и выручил многих взятых ими пленников вместе с богатою добычею. — Надлежало еще отразить набег половцев: сын Святославов в Черниговской области, а дружина галицкая, князья волынские и берендеи на западном берегу Днепра побили и гнали их до границы.

Сии хищники явились с другой стороны, нанятые Изяславом Давидовичем, который, не теряя времени, осадил с ними Чернигов, где Святослав и племянник его, князь северский, едва успели изготовиться к обороне, требуя войска от Ростислава. Но киевляне и берендеи, веря искреннему союзу дяди, не верили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить их, Святослав Всеволодович прислал сына в залог к Ростиславу, и полки ве-

---

[1] Вено — приданое, что дано невесте в дар, к венцу.

[2] Рыбьи зубы — моржовые клыки; по-видимому, заменяли монету, наряду с кунами (шкурками куниц) и векшами (беличьими шкурками).

ликокняжеские спасли Чернигов. Изяслав, устрашенный силою оных, бежал в степи. Там услышал он, что неосторожный Святослав отпустил союзников и сам болен: чем желая воспользоваться, Изяслав снова перешел за Десну с половцами. Князь черниговский действительно был нездоров; однако ж с супругою и детьми стоял в поле, успел возвратить киевлян и мужественно отразил варваров. Союзники, гонясь за Изяславом, приступили к Вырю, где оставалась его княгиня с казною. Тут воевода Иоанн Берладник имел случай доказать ему свое усердие; защитил город и принудил осаждающих удалиться. Изяслав отмстил им ужасным разорением Смоленской области: ибо наемники его, половцы, пленили в ней более десяти тысяч людей безоружных, кроме множества убитых; но, видя превосходство сил на стороне врагов, он искал союзника в могущественном князе суздальском.

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей великого князя: Святослава Ростиславича из Новагорода, а Давида из Торжка. Не доброхотствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда князем черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья великого князя, владетель северский с братом, полочане и дружина галицкая была с Святославом Ольговичем; но слыша, что сильное войско Андреево и муромское идет отразить их от Вщижа, союзники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обязав племянника чтить его как старшего в роде. — Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать новогородцам, что он намерен искать их княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Слава Андреева давно гремела в России: новогородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому князю; однако ж, не имея причин жаловаться на своего, не вдруг прибегнули к средствам насилия: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имела двух князей и что Давид должен оставить Торжок; когда же Святослав Ростиславич, угождая им, велел брату выехать оттуда в Смоленск, они решились, без дальнейших околичностей, взять его под стражу. Уведомленный о сем намерении, Святослав не хотел верить. «Вчера (говорил он боярам) граждане любили меня; вчера я слышал их клятвы, видел общее усердие». В самое то время народ вломился во дворец, неволею послал князя в Ладогу, запер его жену в монастырь, разграбил казну, оковал дружину. Андрей отправил племянника, Мстислава, наместником

в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу, который, в первую минуту гнева, велел заключить в душную темницу всех купцов новогородских, бывших в Киеве; но выпустил и разослал их по городам, сведав с прискорбием, что некоторые из них скоропостижно умерли в оной. Хотя великий князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

К несчастию, он не мог удовлетворить своему искреннему миролюбию. Видя, что Андрей, довольный приобретением Новагорода, не расположен воевать с великим князем, беспокойный Изяслав снова обратился к половцам и нашел единомышленника в непостоянном Святославе Всеволодовиче; их сторону взяли также некоторые бояре киевские и черниговские, хотевшие неустройства: ибо зло общее бывает иногда частною выгодою. Святослав Ольгович послал сына своего, Олега, в Киев, где великий князь желал дружелюбно угостить его. Клеветники уверили сего юношу, что Ростислав тайно готовит ему темницу, и легкомысленный Олег, не сказав ни слова отцу, пристал к Изяславу Давидовичу и князю северскому. Святослав душевно оскорбился вероломством сына и племянника в рассуждении великого князя; но коварные его вельможи старались очернить Ростислава. «Знай (говорили они своему князю), что духовник Ростиславича ездил из Смоленска к Изяславу и предлагал ему Чернигов: государь киевский притворяется другом твоим, но помогает тебе *лениво;* и до сего времени ты не видал никакой пользы от его союза». Обманутый клеветою, черниговский князь взял сторону брата; однако ж сам не хотел участвовать в войне. Изяслав с союзниками ополчился; стоял две недели под стенами Переяславля, убеждая зятя своего, Глеба Георгиевича, вооружиться против великого князя; не успел в том и, видя Ростислава готового к битве, удалился. Но вторичное его предприятие было счастливее: в течение зимы [1161 г.] усиленный множеством половцев, он переправился за Днепр выше Киева и приступил к Подолу, огражденному высоким тыном. Тут началось сражение. Половцы во многих местах рассекли ограду, ворвались в улицы и зажгли домы. Окруженные пламенем, дымом и мечами варваров, киевляне с берендеями в ужасе бежали на гору к Златым вратам каменной стены. Тогда великий князь, приняв совет дружины, оставил Киев и заключился в Белегороде, ожидая скорой помощи.

Изяслав вступил в Киев, освободил там многих друзей своих, бывших под стражею, и спешил осадить Белгород. Великий князь сжег деревянные укрепления, или *острог,* и четыре недели оборонялся в крепости. Напрасно Святослав Черниговский склонял брата к общему миру, советуя ему снять осаду, возвратиться за

Днепр и ждать всего от справедливости. Изяслав ответствовал его послам: «Ежели уйду за Днепр, то союзники оставят меня. Что ж будет со мною? В степях ли половецких найду для себя область? Лучше умру здесь от меча, нежели от голода на берегах Сейма». Он говорил смело, но действовал малодушно: ибо, услышав, что торки, берендеи, печенеги росьские, Мстислав Волынский и галичане идут в помощь к великому князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести. «Вот следствие твоей несправедливости! — сказал первый: — недовольный областию Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!» Изяслав не ответствовал, но просил воды; ему дали вина — и сей несчастный князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался [6 марта 1161 г.]. Пишут, что он в битвах обыкновенно носил власяницу брата своего, Николая Святоши, а в сей день почему-то не хотел надеть ее. Разбив половцев, Олегову дружину, черниговскую и князя северского, взяв их обозы, победители отослали в Чернигов тело Изяслава, искренно оплаканного братом Святославом и еще искреннее Иоанном Берладником. Сей злополучный галицкий князь, утратив в Изяславе единственного своего покровителя, уехал в Грецию и кончил горестную жизнь в Фессалонике, отравленный ядом, как думали современники. Великий князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнейшему северскому владетелю, некогда им облаготворенному, удовольствовался их новою присягою и нашел способ дружелюбно разделаться с Андреем, который добровольно уступил ему Новгород, изведав беспокойную строптивость его жителей. Обузданные согласием двух сильных государей, они молчали, и Святослав Ростиславич возвратился управлять ими.

Мирясь с неприятелями, Ростислав оскорбил знаменитейшего друга своего и племянника, Мстислава Волынского, который возвел его на престол и удержал на оном. Великий князь отдал ему в поместье Белгород, Триполь, Торческ, как будущему наследнику всей Киевской области. Но пылкий Мстислав начал, кажется, прежде времени господствовать в оной самовластно, не хотел слушать выговоров дяди и, с гневом уехав в Волынию, старался угрозами преклонить к себе Владимира Андреевича, княжившего в Пересопнице. Сей последний отвечал ему: «Ты властен завоевать сию область, и я готов скитаться в бедности с детьми своими по землям чуждым; но буду всегда душою и сердцем за Ростислава». Огорченный злобою племянника, вели-

кий князь отнял у него города днепровские, но с радостию возвратил ему оные, когда Мстислав одумался и прибегнул к дяде с извинениями [1162—1163 гг.]. — Столь же великодушно поступал великий князь и с другими, ближними и дальними родственниками. Меньший его брат, Владимир Мстиславич, упорный союзник Изяслава Давидовича, самовольно властвовал в Слуцке: Ростислав принудил Владимира выехать оттуда, но дал ему пять городов киевских; а внуку Вячеславову, именем Роману, два города в Смоленской области, Васильев и Красный. Мы говорили о туровском владетеле, Юрии Ярославиче, внуке Святополка-Михаила: отверженный от союза двух тогда господствующих домов княжеских, Мономахова и Черниговского, он держался единственно своим мужеством и счастливо отразил приступ соединенных князей волынских, хотевших, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его из Турова. Великий князь, любя справедливость, заключил с ним мир. — Тишина внутренняя была тем нужнее, что внешние неприятели, ляхи, в сие время беспокоили западную Россию и грабили в окрестностях Червена.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную систему уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении князей юных, грабить землю и наживаться. Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначил сие княжение для меньших детей; и что народ, обязанный уважать волю покойного государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего князя, следуя внушению коварных бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там император Мануил принял изгнанников с честию и с любовию; желал их

утешить благодеяниями и дал Васильку, по известию российских и греческих летописцев, область Дунайскую [1164–1166 гг.].

В России южной кончина Святослава Черниговского произвела несогласие между сыном его и племянником. Святослав, достопамятный своею привязанностию к несчастному брату Игорю и миролюбием, оставил наследникам великое богатство. Старший его сын, Олег, находился в отсутствии. Черниговский епископ Антоний и вельможи собралися к горестной овдовевшей княгине и, боясь хищного владетеля северского, решились таить смерть Святослава до Олегова возвращения. Все дали в том клятву, и во-первых епископ, хотя бояре говорили ему: «Нужно ли целовать крест святителю? Любовь твоя к дому княжескому известна». Но святитель был грек, по словам летописца: хитер и коварен. Он в тот же час написал к Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нет в городе; что княгиня с меньшими детьми в изумлении от горести и что Святослав найдет у нее сокровища несметные. Сей князь немедленно отправил сына занять Гомель, а бояр своих в другие черниговские области; и сам хотел въехать в столицу. Олег предупредил[1] его; однако ж добровольно уступил ему Чернигов, взяв Новгород Северский. Святослав клялся наградить братьев Олеговых иными уделами, и забыв обет, присвоил себе одному города умершего внучатого брата, сына Владимирова, князя вщижского. С обеих сторон готовились к войне. Святослав уже звал половцев; но великий князь, будучи тестем Олеговым, примирил ссору и заставил Святослава уступить Олегу четыре города.

Ростислав не мог успокоить одних владетелей кривских, или полоцких. Глебовичи, нарушив мир, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошних князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, в оковы. Рогволод Полоцкий, требуя защиты государя киевского, осадил Минск и, стояв там шесть недель, освободил Васильковичей мирным договором; а после, желая отнять Городок у Володаря Глебовича, сам утратил Полоцк, где народ признал своим владетелем его племянника двоюродного, Всеслава Васильковича. Сын великого князя, Давид, господствуя в Витебске, должен был вступиться за Всеслава, изгнанного мятежным Володарем, и снова ввел его в Полоцк, к удовольствию народа. В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях литовцы служили кривским владетелям как их подданные.

Давно россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней: Андрей, несколько

---

[1] Предупредить — опередить, быть где-либо прежде, заранее.

лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле, соединясь с дружиною князя муромского, Юрия Ярославича. Оскорбленный соседственными болгарами, он разбил их войско многочисленное, взял знамена и прогнал князя. Возвратясь с конницею на место битвы, где пехота владимирская стояла вокруг греческого образа Богоматери, привезенного из Вышегорода, Андрей пал пред святою иконою, слезами изъявил благодарность Небу и, желая сохранить память сей важной победы, уставил особенный праздник, доныне торжествуемый нашею церковию. Россияне завладели на Каме *славным* болгарским городом Бряхимовом и несколько других городов обратили в пепел.

В сие же лето новогородцы одержали победу над шведами, которые, овладев тогда Финляндиею, хотели завоевать Ладогу и пришли на судах к устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали князя и под начальством храброго посадника, Нежаты, оборонялись мужественно, так, что неприятель отступил к реке Вороной, или Салме. В пятый день приспел Святослав с новогородским посадником Захариею, напал на шведов и взял множество пленников; из пятидесяти пяти судов их спаслись только двенадцать.

В окрестностях Днепра половцы не переставали злодействовать и грабить: чтобы унять их, Ростислав призвал многих князей с дружинами. Казалось, что он хотел, подобно деду, Мономаху, прославить себя важным предприятием и надолго смирить варваров; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днепру и, несколько времени стояв у Канева, разошлося, когда флот купеческий благополучно прибыл из Греции. — Зато северский князь и брат черниговский при наступлении зимы, отменно жестокой, с малочисленною дружиною дерзнули углубиться в степи половецкие; взяли станы двух ханов и возвратились с добычею, серебром и золотом.

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престоле. Угощенный зятем Олегом в Чечерске, великий князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь смолян, которых послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, епископ Мануил, вместе с народом, приветствовали доброго старца: вельможи, купцы, по древнему обыкновению, сносили дары государю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и, призвав туда знатнейших новогородцев, взял с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного князя, *разлучиться с ним одною смертию.* Щедро одаренный ими и

Святославом, успокоенный их согласием, великий князь возвратился в Смоленск, где Рогнеда, дочь Мстислава Великого, видя изнеможение брата, советовала ему остаться, чтоб быть погребенным в церкви, им сооруженной. «Нет, — сказал Ростислав: — я хочу лежать в киевской обители Св. Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосиевом». Он скончался на пути [14 марта 1167 г.], тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы христианского умиления.

Сей внук Мономахов принадлежал к числу тех редких государей, которые в своем блестящем верховном сане находят более тягости, нежели удовольствия. Он не искал великого княжения и, дважды возведенный на престол оного, искренно желал отказаться от власти. Любя печерского игумена, Поликарпа, Ростислав имел обыкновение всякую субботу и воскресенье Великого Поста обедать во дворце с сим благочестивым мужем и с двенадцатью братьями Феодосиевой обители; беседовал о добродетелях христианских и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу в безмолвии монастырском, особенно после кончины Святослава Ольговича; но разумный игумен всегда ответствовал: «Князь! Небо требует от тебя иных подвигов; делай правду и блюди землю Русскую». Нет сомнения, что государь истинно набожный скорее иного может быть отцом народа, если одарен свыше умом и твердостию. Ростислав не отличался великими свойствами отца и деда; но любил мир, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровию россиян.

Сей великий князь был другом императора Мануила и помогал ему, как государю единоверному, против короля венгерского, Стефана III. Мануил тогда же заключил союз и с галицким князем, Ярославом. Узнав о намерении последнего выдать дочь свою за Стефана, император писал к нему, что сей король есть изверг вероломства, и что супруга такого человека без сомнения будет несчастлива. Письмо имело действие, и хотя Ярослав, уже отправив невесту в Венгрию, не мог отменить брака, однако ж взял сторону греков. Стефан — кажется, досадуя на тестя — развелся с молодою супругою и женился на дочери австрийского герцога. — Несмотря на союз с императором, галицкий князь дружески принял врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакиева, бежавшего из темницы константинопольской, и дал ему в удел несколько городов. Андроник, как пишут византийские историки, всегда ездил на охоту с Ярославом, присутствовал в его совете государственном, жил во дворце, обедал за столом княжеским и собирал для себя войско. Изъявив неудовольствие

Ярославу, Мануил прислал наконец в Галич двух митрополитов, которые уговорили Андроника возвратиться в Царьград: епископ галицкий, Козьма, и бояре Ярославовы с честию проводили его за границу. Сей изгнанник чрез несколько лет достиг сана императорского: будучи признательным другом россиян, он подражал им во нравах: любил звериную ловлю, бегание взапуски и, низверженный с престола, хотел вторично ехать в наше отечество; но был пойман и замучен в Константинополе.

Ростислав в 1160 году призвал из Греции нового митрополита, Феодора, умершего чрез три года. Великий князь, отдавая наконец справедливость достоинствам изгнанного святителя, Климента, желал возвратить ему сан архипастыря нашей церкви и для того послал вельможу, Юрия Тусемковича, в Грецию; но сей боярин встретил в Ольше нового митрополита, Иоанна, поставленного в Константинополе без согласия великокняжеского. Ростислав был весьма недоволен; однако ж, смягченный дружеским письмом Мануила и дарами, состоявшими в бархатах и тканях драгоценных, принял греческого святителя, с условием, чтобы впредь император и патриарх не избирали митрополитов России без воли ее государей. — Исполняя требование честолюбивых новогородцев, Иоанн позволил их епископу, именем также Иоанну, мужу добродетельному, называться *архиепископом.* Сей митрополит, умерший незадолго до кончины великого князя, славился ученостию и, слыша о желании папы, Александра III, знать особенные догматы нашей церкви, писал к нему ласково, оправдывая уставы восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языке латинском и достойно пастыря христианского. «Не знаю (говорит сочинитель), каким образом произошли ереси в Вере Божественной; не понимаю, как могут римляне именовать нас лжехристианами. Мы не следуем такому примеру и считаем их своими братьями, хотя и видим, что они во многом заблуждаются». Предложив учение обеих церквей и доказав согласие нашего с апостольским, добрый митрополит убеждает папу восстановить древнее единство Веры; кланяется ему от имени всего духовенства и желает, чтобы любовь братская обитала в сердцах христиан.

Глава XVII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ КИЕВСКИЙ. АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ИЛИ ВЛАДИМИРСКИЙ 1167—1169 гг.

Вероломство Владимира. Изгнание Святослава из Новагорода. Война с половцами. Речь Мстислава. Клевета бояр. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятие и совершенное падение Киева.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ киевский и черные клобуки — исполняя известную им последнюю волю умершего великого князя — звали на престол Мстислава Волынского. Сей князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и князь дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие города. Мстислав оскорбился; призвал галичан, ляхов и выступил к Днепру с сильною ратию. Усердно любив отца, киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими; народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостию, и князья смирились. Только Владимир Мстиславич, малодушный и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: великий князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и чрез несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» — говорил Мстислав, и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил боярам своим, что берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И так отроки будут моими боярами!» — сказал он и приехал к берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но видя его оставленного и князьями и боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастися бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, князем дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве:

Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди куда хочешь! но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрешила их клятву — в тайных ночных собраниях умыслили изгнать своего князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить новогородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», — ответствовали граждане, клялися в том иконою Богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощию Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны князь смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы новогородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного князя», — говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у великого князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Едва послы новогородские могли проехать в Киев: ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новегороде начальствовал умный посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

Несколько месяцев Новгород сиротствовал без князя [1168 г.], с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех князей союзных он сказал им: «Земля Русская, ваше отечество, стенает от половцев, которые не пременили доныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым *путем греческим.* Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за Русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, князья ту-

ровский и волынские. Бояре радовались согласию государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: половцы услышали, и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князья, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою князья, бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день Пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: князья ходили с войском на встречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения половцев, еще не совсем усмиренных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни киевляне, радуясь победе и товарам греческим, не предвидели близкого несчастия. Одна из причин оного была весьма маловажна: князья жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два боярина, удаленные великим князем от двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре киевские, знавшие чистосердечие государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «кто ж захочет впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом великий князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание новогородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем новогородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою князей российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им нелюбимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславским и с по-

лоцким князем; взял дружину у владетелей рязанского и муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение *одиннадцати* князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом черных клобуков к Новугороду: Ростиславичи схватили сего князя на пути вместе с купцами новогородскими. Мстислав едва успел призвать берендеев и торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 марта 1169 г.] союзники взяли Киев *приступом:* чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, *мать* городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою.* Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола — и добродушный летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего митрополита Константина!.. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, бояр пленниками в руках неприятельских и едва не был на пути застрелен изменниками, черными клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *великим князем России;* и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России.

Конец II тома

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ
1169—1174 гг.

Области Андрея. Набеги половцев. Возвращение Мстислава в Киев. Кончина сего князя. Война Андреева с Новымгородом. Мир. Набег половцев. Кончина Глеба. Смерть вероломного Владимира. Киев отдан смоленскому князю. Сайгат, или трофеи половецкие. Сын Андреев в Новегороде. Война с болгарами. Ссора Андрея с Ростиславичами. Происшествия в Галиче. Свойство Мстислава Храброго. Осада Вышегорода. Коварство черниговского князя. Убиение Андрея. Мятеж в земле Суздальской. Ненависть к Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодей епископ. Население Вятки.

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; отчасти в Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областию Киевскою; повелевал князьями рязанскими, муромскими, смоленскими, кривскими, даже волынскими; но черниговские и галицкий оставались независимы: Новгород также.

Мстислав Андреевич, утвердив дядю на престоле киевском, спешил поздравить отца с сим важным завоеванием. Оставленный союзниками, Глеб с беспокойством услышал о множестве половцев, вступивших в область Днепровскую. Изъявляя миролюбие, послы их говорили: «Мы не хотим страшить вас; не хотим и вас страшиться. Присягнем же друг другу в любви и согласии!»

11 Зак. № 38

Но когда Глеб осыпал дарами половцев на левой стороне Днепра, чтобы скорее удалить опасность от двенадцатилетнего сына своего, Владимира, княжившего в Переяславле, в то самое время другие толпы сих варваров, бывшие у Корсуня, жгли и грабили церковные села, приписанные к Десятинному храму Богоматери. Глеб, не имея готового войска, хотел с малым числом гнаться за разбойниками, которые уже бежали к степям своим; но берендеи не пустили его. «Государь киевский (сказали они) не выходит в поле без сильной рати и без союзников. У тебя есть меньший брат и мы, верные слуги». Князь Михаил Георгиевич, взяв 100 переяславцев и 1500 берендеев, настиг половцев; умертвил их стражу и начал битву. Берендеи и тут оказали усердие: схватили за узду коня Михайлова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идут вперед, оставляя его за собою как твердую опору. «Враги (по словам летописца) превосходствовали числом, а наши мужеством: на всякое копие русское было десять половецких». Знаменосец Михаилов пал в рядах, и неприятели сорвали его хоругвь с древка. Воевода княжеский, наткнув на оное шлем свой, бросился вперед и сразил знаменосца неприятельского. Михаила ранили двумя копьями в бедро, а третьим в руку: князь не думал о своих ранах, победил и привел в Киев 1500 пленных, освободив великое число русских невольников.

Еще Глеб не мог княжить спокойно. Изгнанный из Киева Мстислав Изяславич, гордый, воинственный подобно родителю, считал свое изгнание минутным безвременьем и думал так же управиться с сыновьями Долгорукого, как Изяслав II управлялся с их отцом. Будучи союзником Ярослава Галицкого, он вступил с его полками в область Дорогобужскую, чтобы наказать ее князя, Владимира Андреевича, ему изменившего. Владимир лежал на смертном одре: города пылали, жителей тысячами отводили в плен; в числе их попался в руки неприятелю и знаменитый пестун княжеский, боярин Пук. Напрасно ждав обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер, и разоренная область его досталась Владимиру Мстиславичу, столь известному вероломством. Сей недостойный внук Мономахов, ознаменованный стыдом и презрением, отверженный князьями и народом, долго странствовал из земли в землю, был в Галиче, в Венгрии, в Рязани, в степях половецких; наконец прибегнул к великодушию своего гонителя, Мстислава; вымолил прощение и с его согласия въехал в Дорогобуж, дав обет вдовствующей княгине и тамошним боярам не касаться их имения. На другой же день он преступил клятву, отнял у них все, что мог, и выгнал горестную невестку, которая, взяв тело супруга, повезла оное в Киев. Туда шел и Мстислав, усиленный дружинами князей городнен-

ских, туровскою и Владимира Мстиславича; а нерадивый Глеб, в одно время сведав о кончине Владимира Андреевича и приближении Мстислава, отправил игумена Поликарпа встретить гроб первого и спешил уехать в Переяславль, ибо сомневался в верности киевлян. Но Давид бодрствовал в Вышегороде. К нему привезли тело дорогобужского князя, оставленное боярами, которые не смели явиться в Киев, где они недавно злодействовали вместе с суздальцами. Игумен лавры, Поликарп, требовал воинов у Давида, чтобы вести за гробом коней княжеских и держать знамя над оным. «Мертвым нет нужды ни в чести, ни в знаменах,— ответствовал князь: — неприятель идет; моя дружина готовится к битве: даю тебе только игуменов и священников». Зная, что Мстислав уже близко и что народ волнуется в Киеве, Давид не пустил туда горестной супруги Владимировой, для ее безопасности; сам выжег окрестности своего города и ждал неприятеля.

Мстислав без сопротивления вошел в Киев. Граждане столицы и берендеи встретили его как друга: первые искренно, вторые лицемерно, доброхотствуя Глебу. Не теряя времени, Мстислав приступил к Вышегороду; стал пред Златыми вратами, в садах; бился с утра до вечера, не жалея крови; хотел непременно взять крепость. Но союзники изменили ему. Воевода галицкий объявил мнимое повеление своего князя щадить людей и не стоять долго под Вышегородом. Другие также охладели в усердии; а берендеи и торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшение войска, силу неприятеля и слыша, что Глеб идет с половцами к Киеву, Мстислав снял осаду; удалился в Волынию с горестию, однако ж не без надежды быть впредь счастливее. Он действительно не замедлил снова ополчиться, узнав, что его племянник, Василько Ярополкович, разбитый половцами, теснимый в Михайлове (близ Киева) и принужденный искать мира, выехал в Чернигов к Святославу Всеволодовичу (деду своему по матери); что Глеб и Давид с братьями разрушили до основания городок Михайлов, истребили все памятники Мстиславова княжения в странах Днепровских. Но внезапная болезнь обезоружила сего князя. Предчувствуя близкую смерть, он поручил сыновей брату Ярославу, взял с него клятву не касаться их уделов и преставился в Владимире с именем властителя умного, бодрого. Летописцы польские, согласно с нашими, называют Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустого.

Россия северная в то же время была феатром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу государства, думал смирить новогородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые неприятельские действия еще более возгордили сих надменных

друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд суздальский и взяли дань с Андреевской области. Тогда великий князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князья смоленский, рязанский, муромский, полоцкий вторично соединили свои дружины с его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолюбием: он не хотел сам предводительствовать ратию и в надежде на счастие или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство. Вся Россия с любопытством ожидала следствий предприятия грозного, справедливого, по мнению современников беспристрастных. «Правда (говорили они), что Ярослав Великий, желая изъявить новогородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу *избирать* себе князей из его достойнейших потомков; но сей князь бессмертный предвидел ли все злоупотребления свободы? Предвидел ли, что народ, упоенный самовластием, будет ругаться над священным саном государей, внуков и правнуков своего незабвенного благотворителя; будет давать клятву с намерением преступить оную; будет заключать князей в темницу, изгонять их с бесчестием? Злоупотребление уничтожает право, и великий князь Андрей был избран Небом для наказания вероломных». Читая в летописях такие рассуждения, можем заключить, что современники желали успеха Андрею: одни по уважению и любви к достоинству князей российских, уничижаемых тогда новогородцами; другие, может быть, от зависти к избытку и благосостоянию сего народа торгового. Падение Киева предвещало гибель и новогородской независимости: шло то же войско; тот же Мстислав вел оное. Но киевляне, приученные менять государей и жертвовать победителю побежденным, сражались только за честь князя; а новогородцы за права собственные, за уставы отцов, которые бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вместо того, чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа (ибо целый народ никогда сам собою не действует) или врагам изгнанного Святослава, за коего великий князь вступался, Мстислав Андреевич в области Новогородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь новогородцев. Юный князь их, Роман Мстиславич, и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном; вооружили множество людей. Неприятели, на трех стах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдалися. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день [25 февраля 1170 г.]

началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском; о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялися умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провождаемый всем клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении, или остроге: игумены, иереи пели святые песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон[1] архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новогородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности. Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новогородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее. Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять суздальцев* (как сказано в Новогородской летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах. — Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *великий пост,* ели *мясо* коней своих.

Казалось, что новогородцы, столь озлобленные Боголюбским, долженствовали навеки остаться его врагами; но (к удивлению современников), чрез несколько месяцев изгнав князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем: ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей российских. Четверть ржи стоила тогда в Новегороде около рубля сорок трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, архиепископ, люди нарочитые предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей,* то

---

[1] Фелон — риза священника.

есть не уступая прав новогородских: великий князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новегороде брат его, Рюрик Ростиславич, который господствовал в Овруче, не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей удел волынский брату Давиду.

Северные области успокоились: в южных снова свирепствовали половцы, которые на сей раз пришли из-за реки Буга, от берегов Черного моря. Глеб Киевский, отягченный болезнию, не мог защитить бедных земледельцев; но храбрый Михаил и юный брат его, Всеволод Георгиевич, с отроками и берендеями разбили хищников. Воевода Михаилов, Володислав, дал князю совет умертвить пленных: ибо другие толпы неприятелей были еще впереди. Сия жестокость казалась тогда спасительною мерою безопасности. Освободив 400 россиян, сыновья Георгиевы возвратились оплакать кончину Глеба, благонравного (по сказанию летописцев), верного в слове и милосердого.

Еще Андрей не имел времени назначить преемника Глебова, когда Ростиславичи, Давид и Мстислав, послали в Волынию за дядею своим, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как старший в роде Мономаховом, господствовал в Киеве или в самом деле зависел от них, господствуя только именем. Будучи союзником Ярослава Луцкого и сыновей его брата, Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был возведен племянниками на киевский престол, к неудовольствию граждан и Боголюбского, который, хотя унизил сию столицу, однако ж думал, что князь, славный только вероломством, не достоин именоваться наследником ее древних самодержцев. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавших дядю, Андрей велел ему немедленно выехать из Киева; но Владимир, княжив менее трех месяцев, умер [10 мая 1171 г.], памятный криводушием и всеми презираемый: ибо не имел блестящих свойств, смелости и мужества, коими другие князья, столь часто ему подобные в вероломстве, закрашивали свои преступления. Тогда Андрей, соединяя честолюбие с благородным бескорыстием и как бы желая великодушием устыдить Ростиславичей, объявил им, что они, дав слово быть ему послушными как второму отцу, имеют право ждать от него милости и что он уступает Киев брату их, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностию великого князя, Роман поручил Смоленск сыну Ярополку и въехал в столицу Киевскую при изъявлениях всеобщей радости жителей, любивших в нем добродетели отца его: справедливость и незлобие. Он торжествовал вместе и свое восшествие на престол и победу, одержанную Игорем Святославичем Северским (близ урочища Олтавы и реки Ворсклы) над Кобяком и Кончаком, ханами

половецкими. Юный Игорь сам вручил ему *сайгат,* или трофеи, в знак уважения; был одарен Ростиславичами и весело праздновал с ними в Вышегороде день святых Бориса и Глеба.

Не уважая Киева, Андрей старался подчинить себе Новгород уже не силою, но дружбою и справедливостию. Рюрик не долго был там князем: выгнав посадника Жирослава (ушедшего к Боголюбскому), он не мог жить с гражданами в мире и скоро уехал к братьям. На его место Андрей с удовольствием дал новогородцам юного сына своего, Георгия, и сам решил их важнейшие дела гражданские, по коим архиепископ Иоанн ездил на совет к нему в Владимир. Народ, в угодность великому князю, снова признал Жирослава главным своим чиновником; а великий князь, в угодность народу согласился чрез год на избрание другого посадника.

В то время Андрей имел опять войну с болгарами, желая ли отмстить им за какие обиды или обогатиться добычею в стране торговой. Рязанцы и муромцы соединились с его сыном, Мстиславом, на устье Оки и зимою пришли к берегам Камы, но в малом числе: ибо люди отбывали от зимнего похода, трудного в местах, большею частию ненаселенных, где лежат глубокие снега и часто свирепствуют метели. Главный воевода Андреев, Борис Жидиславич, взяв шесть болгарских деревень и седьмой городок, умертвив жителей, пленив жен и детей, советовал князьям идти назад. 6000 болгаров гнались за ними и едва не настигли Мстислава близ границы, верстах в 20 от устья Оки. Сей князь, возвратясь в столицу, кончил жизнь в юности. Пользуясь доверенностию отца в делах ратных, он без сомнения отличался мужеством.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойного сына, не терял бодрости в делах государственных, ни властолюбия. Вероятно, что Рюрик, принужденный отказаться от Новагорода, винил в том не одну строптивость его жителей, но и хитрость великого князя, столь охотно взявшего на себя быть их главою. Вероятно, что и великий князь, изведав гордость Ростиславичей, в особенности Давида и Мстислава, искал случая унизить оную без явного нарушения справедливости. По крайней мере, счастливое согласие между ими не продолжилось. Веря, искренно или притворно, какому-то ложному внушению, Андрей дал знать Ростиславичам, что Глеб умер в Киеве не естественною смертию и что тайным убийцею его был вельможа Григорий Хотович, коего они, вместе с другими участниками сего злодеяния, должны прислать к нему в Владимир для казни. Роман не сделал того из жалости к людям невинным, бессовестно оклеветанным; а гневный Андрей, велев Ростиславичам выехать из областей южных, отдал Киев храброму

Михаилу, княжившему в Торческе. Тихий Роман не спорил и возвратился в Смоленск; но его братья, Рюрик, Давид, Мстислав, жаловались на сию несправедливость и, видя, что великий князь презирает их жалобы, вступили ночью в Киев [1173 г.], захватили там Всеволода Георгиевича вместе с племянником Андреевым, Ярополком; осадили Михаила в Торческе и заключили с ним особенный мир, уступив ему Переяславль, а себе взяв столицу Киевскую, где Рюрик, возведенный братьями на ее престол, хотел господствовать независимо от Андрея. В сие время жил у Михаила юный князь галицкий, Владимир Ярославич, сын его сестры, Ольги Георгиевны. Ярослав, имея слабость к одной злонравной женщине, именем Анастасии, не любил супруги и так грубо обходился с нею, что она решилась бежать с сыном в Польшу. Многие бояре галицкие, доброхотствуя им, дерзнули на явный бунт: вооружили народ, умертвили некоторых любимцев княжеских, сожгли Анастасию, заточили ее сына и невольно примирили Ярослава с супругою. Мир, вынужденный угрозами и злодейством, не мог быть искренним: усмирив или обуздав мятежных бояр, Ярослав новыми знаками ненависти к княгине Ольге и к Владимиру заставил их вторично уйти из Галича. Владимир искал покровительства Ярослава Изяславича Луцкого и его племянников, обещая им со временем возвратить волынские города, Бужск и другие; но князь галицкий требовал, чтобы они выдали ему сего несчастного, и грозился опустошить пламенем всю область Луцкую. Тогда Владимир прибегнул к своему дяде Михаилу; а Михаил, не пустив его ни к Святославу Черниговскому (тестю Владимирову), ни к Андрею, велел ему, в угодность Ростиславичам, друзьям князя галицкого, возвратиться к отцу, готовому простить сына. За то Рюрик освободил Всеволода Георгиевича, удержав одного Ярополка пленником в Киеве: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну с Андреем, хотели иметь важного аманата в руках своих. Брат Ярополков, высланный ими из Триполя, должен был уехать в Чернигов.

Святослав Черниговский и все Олеговы внуки радовались междоусобию Мономахова потомства. «Неужели не вступишься за честь свою! — говорили их послы великому князю: — враги твои суть наши; мы все готовы к войне». Андрей, еще более подвигнутый ими на злобу, отправил княжеского мечника, именем Михна, сказать Ростиславичам: «Вы мятежники. Область Киевская есть мое достояние. Да удалится Рюрик в Смоленск к брату, а Давид в Берлад: не хочу терпеть его в земле Русской, ни Мстислава, главного виновника злу». Сей последний, как пишут современники, навык от юности не бояться никого, кроме Бога единого. В пылкой досаде он велел остричь голову и бороду

послу Андрееву. «Теперь иди к своему князю, — сказал Мстислав: — повтори ему слова мои: доселе мы уважали тебя как отца; но когда ты не устыдился говорить с нами как с твоими *подручниками* и людьми простыми, забыв наш княжеский сан, то не страшимся угроз; исполни оные: идем на суд Божий». Сведав бесчестие своего посла и сей гордый ответ, Андрей, по выражению летописца, омрачился гневом и, собрав 50 000 воинов суздальских, белозерских, новогородских, муромских, рязанских, вручил предводительство юному Георгию Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и вельможе Борису Жидиславичу. Он велел им изгнать Рюрика с Давидом, а дерзкого Мстислава привести в Владимир. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всех иных князей, подчиненных Андрею: кривских, или полоцких, туровского, городненского, пинского, даже и смоленского: ибо Роман не смел ослушаться великого князя, сколько ни любил братьев. Все полки соединились в Черниговской области, и старший из князей, Святослав, внук Олегов, принял главное начальство. Михаил и Всеволод Георгиевичи, вместе с тремя племянниками, встретили их на берегу Днепра. Они вступили в Киев без сопротивления: ибо Рюрик удалился оттуда в Белгород, а Мстислав с Давидовым полком заключился в Вышегороде; сам же Давид уехал в Галич требовать вспоможения от Ярослава Владимирковича. Взяв с собою еще множество киевлян, берендеев, торков, Святослав Черниговский и более двадцати князей осадили Вышегород. Шумный, необозримый стан их был предметом удивления для жителей днепровских. Ничтожная крепость, обороняемая горстию людей, казалась целию, недостойною такого великого ополчения, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу; но в сей ничтожной крепости бодрствовал Герой, а в стане осаждающих недоставало ни усердия, ни согласия. Одни князья не любили самовластия Андреева, другие коварства Святославова; некоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичам. Стояли девять недель, от 8 сентября [1173 г.] до самой глубокой осени; бились ежедневно, с обеих сторон теряя немало людей. Вдруг показались вдали знамена: Мстислав ожидал галичан; но пришел Ярослав Изяславич Луцкий, также союзник Андреев. Сей князь решил судьбу осады. Думая только о собственной пользе, он хотел столицы Киевской; узнав же, что Ольговичи намерены присвоить оную себе, вступил в тайные переговоры с Рюриком и Мстиславом, которые охотно согласились на все его требования. Когда же Ярослав явно взял их сторону и с полками своими двинулся к Белугороду, чтобы соединиться с Рюриком, стан осаждающих представил зрелище удивительной тревоги и наконец всеобщего бегства. Не слушая

ни воевод, ни князей, малодушные вопили: «Мы гибнем! Ярослав изменил, берендеи изменят, галичане идут; будем окружены, побиты наголову!» — и ночью бросались толпами в реку. Герой Мстислав стоял на стене: при свете утренней зари видя сие непонятное бегство войска многочисленного, как бы сверхъестественною силою гонимого, низвергаемого во глубину Днепра, он едва верил глазам — поднял руки к небу; восхвалил святых заступников Вышегорода, Бориса и Глеба; сел на коня и спешил довершить удар; топил, пленял людей; взял стан неприятельский, обозы — и с того времени считался храбрейшим из князей российских. Летописцы, осуждая надменность Андрея и союз его с Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносят хвалами Мстислава, ознаменованного чудесным покровительством Неба в ратоборстве с сильными.

Ярослав Луцкий въехал в Киев, а сын Андреев возвратился в суздальский Владимир с неописанным стыдом, без сомнения, весьма чувствительным для отца; но, умея повелевать движениями своей души, Андрей не изъявил ни горести, ни досады и снес уничижение с кротостию христианина, приписывая оное, может быть — равно как и бедственную осаду Новагорода — гневу Божию на суздальцев за опустошение святых церквей киевских в 1169 году. Сия мысль смирила, кажется, его гордость. Он не хотел упорствовать в злобе на Ростиславичей, не думал мстить Ярославу за измену и не мешал ему спокойно властвовать в Киеве, к прискорбию Святослава Черниговского, коего искусство государственное состояло в том, чтобы ссорить Мономаховых потомков. Сей князь, не имея надежды вооружить Андрея, начал требовать удела от Ярослава, говоря: «Ты обещал под Вышегородом дать мне область, когда сядешь на престоле Святого Владимира; ныне, сидя на оном — право ли, *криво* ли, не знаю, — исполни обещание. У нас одни предки: я не лях, не угрин». Ярослав сухо ответствовал, что он господствует в Киеве не по милости Ольговичей и что род их должен искать уделов только на левом берегу Днепра. Князь черниговский замолчал; но в тишине собрал войско, внезапно изгнал Ярослава, пленил его жену, сына, бояр и, ограбив дворец, ушел назад. Киевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя в ожидании, кто захочет быть их князем. Ярослав возвратился; и, думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложил данию всех граждан, даже попов, монахов, иноземных купцов, католиков. «Мне надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына», говорил озлобленный князь и, наказав киевлян, виновных единственно своею к нему холодностию, заключил мир с Святославом, который жег тогда область брата, Олега Северского.

Сей мир казался Ростиславичам малодушием, а тягостная дань, возложенная на Киев, несправедливостию. Огорченные Андреем, но внутренно уважая в нем старейшего из князей, достойного быть их главою, они изъявили ему желание забыть прошедшее и взаимным искренним согласием успокоить южную Россию: для того хотели, чтобы великий князь, как ее законный покровитель, снова уступил Киев Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимого народом и неспособного блюсти древнюю столицу государства. Андрей, довольный их уважением, обещал посоветоваться с братьями, Михаилом, Всеволодом; писал к ним в Торческ и не дождался ответа, кончив жизнь от руки своих любимцев.

Великий князь, женатый — по известию новейших летописцев — на дочери убиенного боярина Кучка, осыпал милостями ее братьев. Один из них приличился[1] в каком-то злодействе и заслужил казнь. Другой, именем Иоаким, возненавидел государя и благотворителя за сие похвальное действие правосудия; внушал друзьям своим, что им будет со временем такая же участь; что надобно умереть или умертвить князя, ожесточенного старостию; что безопасность есть закон каждого, а мщение должность. Двадцать человек вступили в заговор. Никто из них не был лично оскорблен князем; многие пользовались его доверенностию: зять Иоакимов, вельможа Петр (у коего в доме собирались заговорщики), ключник Анбал Ясин, чиновник Ефрем Моизович. В глубокую полночь [29 июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове (ныне селе в 11 верстах от Владимира), ободрили себя вином и крепким медом в княжеском погребе, зарезали стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. С ним находился один из его отроков. Услышав голос великого князя, злодеи отбили дверь *ложницы,* или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросились на государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!»... Наконец упал на землю. В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стеная. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный

---

[1] Приличился — был уличен, оказался виноватым.

князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!» — и скончался.

Умертвив еще первого любимца княжеского, Прокопия, заговорщики овладели казною государственною, золотом, драгоценными каменьями; вооружили многих дворян, приятелей, слуг и послали объявить владимирской дружине или тамошним боярам о смерти великого князя, называя их своими единомышленниками. «Нет, — ответствовали владимирцы: — мы не были и не будем участниками вашего дела». Но граждане боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани. — Тело Андреево лежало в огороде: киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного государя, стоял над оным и плакал. Видя ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовим его на снедение псам». *Изверг!* — сказал сей добродушный слуга: — *государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.* Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане[1] долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней владимирский игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери.

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением государя, везде грабил домы посадников и тиунов, отроков и мечников княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так, что духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: игумены, иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля Всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Одним словом, казалось, что государство освободилось от тирана: Андрей же, некогда вообще любимый, по сказанию летописцев, был не только набожен, но и благотворителен; щедр не только для духовных, но и для бедных, вдов и сирот: слуги его обыкновенно развозили по улицам и темницам мед и брашна стола княжеского. Но в самых упреках, делаемых летописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находим объяснение на сию странность: *вы не рассудили* (говорят они современ-

---

[1] Крилошанин, клирошанин — поющий на клиросе (месте для певчих в церкви) причетник, дьячек.

никам), *что царь, самый добрый и мудрый, не в силах искоренить зла человеческого; что где закон, там и многие обиды.* Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судий: столь нужно ведать государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей и чиновников ненавидит царя, самого добродушного и милосердого! Убийцы Андреевы знали сию ненависть и дерзнули на злодеяние.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум *вторым Соломоном,* был, конечно, одним из мудрейших князей российских в рассуждении политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял донских хищников и водворил спокойствие в местах, облагодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное государство, нежели восстановить могущество *древнего* на юге.

Летописцы всего более хвалят Андрея за обращение многих болгаров и евреев в христианскую Веру, за его усердие к церквам и монастырям, за уважение и любовь к сану духовных. Подражая Святому князю, крестившему Россию, он наделил в Владимире новую *епископскую* соборную церковь Богоматери (им в 1158 году заложенную) поместьями и купленными слободами; отдал ей также десятую часть из торговых доходов своих и княжеских стад; призвал художников из разных земель, чтобы украсить оную великолепно; и драгоценные сосуды ее, златые двери, паникадила, серебряный амвон, живопись, богатые оклады икон, осыпанных жемчугом, были тогда предметом удивления для россиян и купцов иностранных. В сем новом Десятинном храме стоял палладиум великого княжения Суздальского: образ Богоматери, с коим Андрей прибыл из Вышегорода на берега Клязьмы и победил в 1164 году болгаров. Не менее славилась великолепием церковь Боголюбская, украшенная золотом и финифтью. Такую же хотел Андрей соорудить и в Киеве, на *дворе Ярослава* — в память, как говорил он, древнему отечеству его предков; уже отправил туда зодчих, строивших владимирские Златые врата, но не успел исполнить своего набожного обета. В некоторых летописях сказано, что сей великий князь думал учредить митрополию в Владимире, но что патриарх цареградский отказал

ему в том, желая оставить киевского митрополита единственным в России.

Со времен Владимира Святого до Георгия Долгорукого мир и тишина царствовали в недрах Российской благословенной церкви. При Изяславе II сей мир был нарушен несогласием епископов о посвящении митрополита Климента: при великом же князе Боголюбском открылась первая ересь в нашем отечестве, важная, по мнению тогдашних христиан. Ростовский епископ Леон, изгнанный народом за его корыстолюбие и грабеж, утверждал, что ни в какие Господские праздники, буде они случатся в среду или в пятницу, не должно есть мяса. Новый епископ суздальский, Феодор, в присутствии великого князя опровергал Леона, который решился искать суда в Греции. Послы киевский, Андреев, переяславский и черниговский отправились вслед за ним и в ставке императора Мануила, бывшего тогда на Дунае, с великим благоговением слушали, как святитель болгарский, Адриан, уличал Леона в заблуждении. Император думал согласно с Адрианом; но Леон противоречил, и столь дерзко, что вельможи греческие схватили нескромного еретика и хотели утопить в реке. Митрополит российский и черниговский епископ Антоний держались мнения Леонова: за что князь Святослав Всеволодович изгнал Антония из Чернигова. Сие странное прение несколько лет волновало умы и совесть людей простодушных.

Гораздо удивительнее и важнее то, что летописцы рассказывают нам о другом ростовском епископе. Великий князь, признав монаха Феодора достойным святительского сана, посылал его ставиться в Киев; но Феодор, уже приняв на себя звание епископа, не хотел ехать к митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбив и злобен, он мучил людей в подвластных епископу селах, иноков, игуменов, священников; брил им головы и бороды; даже распинал некоторых, выжигал глаза, резал языки, единственно для того, чтобы присвоить себе их достояние. Князь терпел изверга, довольствуясь, может быть, одними угрозами. Еще более тем озлобленный, лжепастырь вздумал наконец запереть все церкви в Владимире и взял от них ключи. Народ взволновался. Великий князь, низвергнув Феодора, предал его на суд митрополиту, который велел отрезать ему язык, отсечь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретик (прибавляют летописцы) злословил Богоматерь!» Такие происшествия могут быть изъяснены одним тогдашним невежеством и грубостию нравов.

К последнему году княжения Андреева относится любопытное известие *Хлыновского летописца* о первом населении Вятки россиянами. В 1174 году некоторые жители области Новогородской, отчасти наскучив внутренними раздорами, отчасти теснимые воз-

растающим многолюдством в их пределах, решились выехать из отечества и, Волгою доплыв до Камы, завели селение на берегу ее. Зная, что далее к северу обитают народы дикие в стране лесной, изобильной дарами природы, многие из сих выходцев отправились вверх до устья Осы; обратились к западу; дошли до Чепцы и, плывя ею вниз, покорили бедные жилища вотяков; наконец, вошли в реку Вятку и на правом берегу ее, на горе высокой, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. Место полюбилось россиянам: они захотели овладеть им и навсегда там остаться; несколько дней говели, молились и, призвав в помощь святых защитников своего отечества, Бориса и Глеба, на память их, июля 24, взяли город. Жители скрылись в лесах. Сие укрепленное селение называлось *Болванским* (вероятно, от капища, там бывшего): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили в нем церковь Бориса и Глеба. Между тем оставленные на Каме товарищи — может быть, опасаясь соседственных болгаров — решились также искать другого жилища: пришли на судах к устью Вятки, плыли сею рекою вверх до *черемисского* города *Кокшарова* (ныне Котельнича) и завладели оным. Утвердясь в стране Вятской, россияне основали новый город близ устья речки Хлыновицы, назвали его *Хлыновом* и, с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осми лет, наблюдая обычаи новогородские, повинуясь сановникам избираемым и духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, чудь, вотяки, черемисы, хотя набегами беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном, и память сих битв долго хранилась там в торжественных церковных обрядах: два раза в год из села Волкова с образом Св. Георгия носили в Вятку *железные стрелы,* кои были оружием чуди или вотяков и напоминали победу россиян. Новогородцы также от времени до времени старались делать зло хлыновским поселенцам, именовали их своими беглецами, рабами и не могли простить им того, что они хотели жить независимо.

Глава II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ II (ГЕОРГИЕВИЧ) 1174—1176 гг.

Вече в Владимире. Добродушие Михаила. Гордость ростовцев. Корыстолюбие бояр. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего князя. Междоусобие в южной России.

Скоро по кончине великого князя съехались ростовцы, суздальцы, переяславцы и все люди воинские в город Владимир на вече, следуя примеру новогородцев, киевлян и других российских знаменитых граждан, которые, по словам летописцев, издревле обыкли решить дела государственные в собраниях народных и давали законы жителям городов уездных. «Всем известно, каким образом мы лишились князя, — говорили бояре на вече: — он не оставил детей кроме сына, княжащего в Новегороде. Братья Андреевы в южной России. Кого же изберем в государи? Кто защитит нас от соседственных князей, рязанского и муромского, да не будем жертвою их коварства или силы? Обратимся к зятю Ростислава Георгиевича, Глебу Рязанскому; скажем ему: *Бог взял нашего князя: зовем шурьев твоих на престол Андреев; отец их жил с нами и пользовался любовию народною*». Сия мысль была внушена боярам послами рязанскими: граждане одобрили оную; утвердили выбор крестным целованием и, согласясь с Глебом, отправили посольство в Чернигов, где находились тогда Ярополк и Мстислав Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честию такого избрания, но желая быть великодушными, сии два князя предложили дядям своим, Михаилу и Всеволоду Георгиевичам, господствовать вместе с ними; признали Михаила старшим, уверили друг друга клятвою в искренности союза и целовали крест из рук епископа черниговского. Обряд бесполезный! Ярополк по совету ростовцев, недовольных прибытием Михаила, оставив его в Москве, тайно уехал в Переяславль Залесский, собрал бояр, воинов и взял с них клятву верности. Ростовцы призвали туда и 1150 владимирцев; но сограждане сих последних, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и с радостию назвали его князем своим, помня, что Георгий Долгоруков хотел отдать Суздальское княжение ему и Всеволоду. Началось междоусобие. Ярополк осадил Владимир; союзники его, муромцы, рязанцы, жгли села в окрестностях. Семь недель граждане крепко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконец, изнуренные голодом, объявили князю, чтобы он дал им

мир и сам удалился. Храбрый, добродушный Михаил не думал укорять их. «Вы правы, — сказал он им: — могу ли желать вашей погибели?» — и немедленно выехал. Граждане, проводив сего достойного князя с искренними слезами, вступили в переговоры с Ярополком и Мстиславом; уверяли их в своей покорности, но боялись злобы ростовцев, которые, завидуя новой знаменитости Владимира, желали его унизить. Города считались тогда между собою в летах, как роды дворянские в поколениях: ростовцы славились древностию; именовали Владимир *пригородом,* его жителей своими *каменщиками,* слугами, недостойными иметь князя, и хотели дать им посадника. Владимирцы, напротив того, утверждали, что их город, основанный Владимиром Великим, имеет право на знаменитость. Обнадеженные Ярополком и братом его в справедливой защите, они встретили их со крестами и ввели торжественно в храм Богоматери, где Ярополк был объявлен князем владимирским, а Мстислав ростовским и суздальским. Народ успокоился, однако ж ненадолго.

Мстислав и Ярополк, неопытные в деле государственного правления, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшие с ними из южной России, сделались посадниками, отягощали граждан судебными налогами; думали о корысти гораздо более, нежели о расправе. Князья зависели от бояр и во всем исполняли их волю; а бояре, наживаясь сами, советовали и князьям обогащаться. Ярополк отнял у соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреем; в самый первый день княжения своего взяв ключи от сего богатого храма, присвоил себе казну оного, серебро, золото и дерзнул наконец самую победоносную вышегородскую икону Марии отдать зятю, Глебу Рязанскому. Общее негодование обнаружилось. «Мы не рабы (говорили владимирцы) и приняли князей добровольно; они же грабят нас как иноплеменных, опустошая не только домы, но и святые храмы. И так *промышляйте,* братья!» Слово важное: оно значило, что надобно князей унять или сбыть с рук. Видя же, что все бояре держат сторону слабых государей — видя, что ростовцы и суздальцы нечувствительны к народным обидам или терпеливы до излишества, — граждане владимирские тайно призвали Михаила из Чернигова [1175 г.]. «Ты внук Мономахов и старший из князей его рода, — говорили ему послы: — иди на престол Боголюбского; а ежели Ростов и Суздаль не захотят тебя, мы на все готовы, и с Божиею помощию никому не уступим». Михаил с братом Всеволодом и сыном князя черниговского был уже в Москве, где ожидали их усердные владимирцы и сын Андрея Боголюбского (скоро по смерти отца принужденный выехать из Новагорода): тогда Ярополк сведал о грозящей ему опасности; хотел встретить Георгиевичей, но разо-

шелся с ними в дремучих лесах и написал брату, Мстиславу Суздальскому: «Михалко болен; его несут на носилках: спеши отразить малочисленных неприятелей от Владимира, я пленю их задний отряд». Михаил, будучи действительно весьма нездоров, приближался к Владимиру, когда полк суздальский, выступив из-за горы в блестящих латах и распустив знамя, с воплем устремился на его дружину. Устроенная Михаилом, она изготовилась к сражению; стрелки с обеих сторон начали битву; но суздальцы — изумленные стройным ополчением неприятелей — вдруг обратили тыл, бросив хоругвь княжескую. Летописцы говорят, что ни те, ни другие воины не отличались никаким особенным знаком и что сие обстоятельство спасло многих суздальцев: ибо победители не могли распознавать своих и неприятелей. Михаил [15 июня 1175 г.] с торжеством въехал в город Владимир: пред ним вели пленников. Духовенство и все жители встретили его с живейшею радостию. Ярополк ушел к зятю своему в Рязань, а Мстислав в Новгород (где княжил юный сын его, Святослав, после Георгия Андреевича); но мать и жены их остались пленницами в Владимире.

Скоро послы от Суздаля и Ростова явились во дворце Михаиловом и сказали именем всех граждан: «Государь! Мы твои душою и сердцем. Одни бояре, преданные Мстиславу, были тебе врагами. Повелевай нами как отец добродушный!» Таким образом Михаил наследовал великое княжение Андреево; объехал разные области; везде учредил порядок; везде пекся о народном спокойствии. Осыпанный дарами суздальцев и ростовцев, награжденный за свой труд благословениями довольных граждан, он возвратился в Владимир, оставив Всеволода княжить в Переяславле Залесском.

Народ требовал мести: Глеб Рязанский пользовался слабостию шурьев, обирал их, обогатился драгоценностями и святынею храмов владимирских. Михаил шел наказать его: но Глеб, не дерзая оправдываться, требовал милосердия; прислал вышегородскую икону Богоматери, все драгоценности, даже книги, им похищенные, и тем обезоружил великого князя. Народ, с восхищением встретив образ Марии, снова поставил его в соборной церкви владимирской: Михаил возвратил ей поместья, оброки и десятину.

Торжество владимирцев было совершенно: город их сделался опять столичным; и князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцем Неба, ибо счастие ему благоприятствовало. Они хвалились своим выбором и говорили, что Бог, унизив гордость *древнего* Ростова, прославил *новый* Владимир, ознаменовав его жителей мудростию в совете и мужеством в деле; что они, вопреки боярам, даже вопреки народу суздальскому и

ростовскому, единственно в надежде на свою правду, дерзнули изгнать злых князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской. К несчастию, сей государь властвовал только один год и скончался [20 июня 1176 г.], оставив в летописях память своей храбрости и добродетели. Жив в веке суровом, мятежном, он не запятнал себя ни жестокостию, ни вероломством и любил спокойствие народа более власти. Новейшие летописцы уверяют, что Михаил казнил многих убийц Андреевых; но современные не говорят о том. Некогда изгнанный Боголюбским, он мог еще питать в сердце своем неприятное воспоминание сей обиды; и тем более достоин хвалы, ежели действительно наказал злодеев.

Михаил, занимаясь единственно благом Суздальского или Владимирского княжения, не хотел или не имел времени думать о России южной, где господствовало междоусобие. Олег Северский, зять и союзник Ростиславичей, вместе с ними воевал область Черниговскую, осаждал Стародуб и, сам осажденный Святославом в Новегороде Северском, должен был молить о мире. Киев более и более унижался. Видя нечаянное прибытие Романа Смоленского и догадываясь, что братья намерены возвести его на киевский престол, слабый Ярослав Изяславич не захотел подвергнуть себя стыду изгнания и добровольно уехал в Луцк. Роман также не мог утвердиться на сем престоле, от зависти и козней Святослава. Имея тайные сношения с киевлянами и с черными клобуками, волнуя умы лестию, злословием и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовых с половцами, в коей легло на месте множество лучших воинов, Святослав начал торжественно жаловаться на Давида. «Я ничего не требую кроме справедливости, — говорил он Роману: — Брат твой, помогая Олегу, жег города мои. Согласно с древним уставом боярин в вине ответствует головою, а князь уделом. Изгони же беспокойного Давида из областей днепровских». Не получив удовлетворения, Святослав прибегнул к оружию и к изменникам. Зять его, сын Владимира Мстиславича, внука Мономахова, именем Мстислав, жил в Триполе с Ярополком Романовичем и предал сей город тестю. Узнав еще измену берендеев, Роман удалился в крепкий Белгород и ждал братьев. Хотя князь черниговский, более властолюбивый, нежели храбрый, заняв Киев, малодушно бежал от них и перетопил часть своего войска в Днепре; однако ж Ростиславичи, сведав о впадении половцев, призванных Святославом, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. «Господствуй в ней, — сказали они, — но с согласия нашего: не насилием и не обманом; мы не хотим тешить иноплеменных варваров междоусобием». Роман возвратился в Смоленск.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД III ГЕОРГИЕВИЧ 1176—1212 гг.

Вероломство ростовцев. Война с князем рязанским. Ослепление двух князей. Славолюбие Мстислава и кончина его. Раздор великого князя с черниговским. Вероломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушие Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика новогородцев. Браки. Война с болгарами. Народ литовский. Война с половцами. Огнестрельное оружие. Бедствие Игоря. Мужество Владимира. Герой Всеволод. Торки и берендеи. Междоусобие в Рязани. Добродетели Ярослава Галицкого. Слабости и бедствие князя Владимира. Властолюбие Романа. Вероломство короля венгерского. Благородство сына Берладникова. Князь Владимир в Германии. Изгнание венгров из Галича. Браки. Временная независимость Киева. Добродетели Владимира Глебовича. Беспокойства в Смоленске и Новегороде. Ссора с варягами. Воинские подвиги. Бедствия чуди. Немцы в Ливонии. Серебро сибирское. Кончина и характер Святослава. Княжна Евфимия за греческим царевичем. Пиры в Киеве. Миролюбие духовенства. Гнев Романа. Битва в Польше. Мятежный дух Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушие Давида. Война с половцами. Всеволод подчиняет себе Новгород. Слава и тиранство Романа. Опустошение Киева. Пострижение Рюрика. Посольство папы к Роману. Ответ Романов. Характер сего князя. Рюрик снова на престоле. Происшествия в Галиче. Константин в Новегороде. Князья северские господствуют в Галиче. Бегство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермного. Бедствие рязанских князей. Хитрость Всеволода. Жестокость великого князя. Смелость Мстислава. Мир с Ольговичами. Мятежи в Галиче. Неповиновение Константина. Кончина и характер Всеволода Великого. Мудрость великой княгини. Постриги. Князь российский в Грузии. Разные бедствия. Взятие Царяграда. Немцы в Ливонии. Основание Риги. Орден меченосцев. Духовная власть в Новегороде.

Владимирцы, еще не осушив слез о кончине государя любимого, собралися пред Златыми вратами и присягнули его брату Всеволоду Георгиевичу, исполняя тем волю Долгорукого, который назначал область Суздальскую в удел меньшим сыновьям. Но бояре и ростовцы не хотели Всеволода. Еще при жизни Михаила

они тайно звали к себе Мстислава, его племянника, из Новагорода, и сей князь, оставив там сына своего, уже находился в Ростове; собрал многочисленную дружину бояр, гридней, так называемых пасынков, или отроков боярских[1], и шел с ними ко Владимиру. Жители сего города пылали ревностию сразиться; но Всеволод, умеренный, благоразумный, предлагал мир. «За тебя ростовцы и бояре, — говорил он Мстиславу: — за меня Бог и владимирцы. Будь князем первых; а суздальцы да повинуются из нас, кому хотят». Но вельможи ростовские, надменные гордостию, сказали Мстиславу: «Мирися один, если тебе угодно, мы оружием управимся с чернию владимирскою». Присоединив к себе в Юрьеве дружину переяславскую, Всеволод объявил воинам о непримиримой злобе их врага общего. Все единодушно ответствовали: «Государь! Ты желал добра Мстиславу, а Мстислав ищет головы твоей и, не дав еще исполнится девяти дням по кончине Михайловой, жаждет кровопролития. Иди же на него с Богом! Если будем побеждены, то пусть возьмут ростовцы жен и детей наших!» Всеволод, оставив за собою реку Кзу, среди Юрьевского поля [27 июня 1176 г.] ударил на неприятеля, рассеял его и с торжеством возвратился в столицу. Дружина княжеская и владимирцы вели связанных вельмож ростовских, виновников междоусобия; за ними гнали множество коней и скота, взятого в селах боярских. Суздаль, Ростов покорились Всеволоду.

Мстислав напрасно желал быть вторично князем новогородским. «Нет! — сказали ему жители: — *Ты ударил пятою* Новгород: иди же от нас вместе с сыном!» Они искали дружбы победителя и требовали себе князя от Всеволода, который отправил к ним племянника своего, Ярослава. Мстислав, уехав к зятю, Глебу Рязанскому, склонил его к несчастной войне, бедственной для них обоих. Сия война началась в конце лета пожарами: Глеб обратил в пепел Москву и все окрестные слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянник его, Владимир Глебович, князь южного Переяславля, и сыновья Святослава Черниговского. Новогородцы обещали ему также дружину вспомогательную, называя его своим отцом и властителем; однако ж не сдержали слова. Будучи в Коломне, великий князь сведал, что Глеб Рязанский, наняв половцев, с другой стороны вступил в область Суздальскую, взял Боголюбов, ограбил там церковь, богато украшенную Андреем, жжет селения боярские, плавает в крови беззащитных, отдает жен и детей в плен варварам. Таким образом, междоусобие князей открыло путь сим иноплеменным хищникам

[1] Пасынки или отроки (дети) боярские — княжья дружина; гридин (*мн.* гридни) — телохранитель князя, воин отборной дружины.

и в северные земли России... [1177 г.] Всеволод сошелся с неприятелями; но те и другие стояли праздно целый месяц в ожидании мороза: река Колокша находилась между ими и не перепускала их; лед ее был слишком тонок. Раздраженный злодействами Глеба, великий князь отказался от мирных его предложений и наконец — видя, что река замерзла — отправил на другую сторону обоз свой с частию войска. Мстислав первый напал на сей отряд и первый обратился в бегство: Глеб также, смятый полком Всеволода. Дружина великого князя гналась за малодушными и, пленив самого Глеба, сына его Романа, Мстислава, множество бояр, истребила половцев. В числе пленников находился старый воевода Андрея Боголюбского, Борис Жидиславич, который держал сторону Мстислава. Все они были предметом народной ненависти, и граждане владимирские, посвятив два дня на общую радость, хотели ознаменовать третий злобною местию: обступили дворец княжеский и говорили Всеволоду: «Государь! Мы рады положить за тебя свои головы; но казни злодеев, или ослепи, или выдай нам в руки». Изъявляя человеколюбие, Всеволод желал спасти несчастных и велел заключить их в темницу, чтобы успокоить народ. Глеб имел заступников. Будучи ему зятем, храбрый Мстислав, брат Романа Смоленского, вместе с горестною своею тещею убеждал Святослава Черниговского, как Всеволодова союзника, освободить пленников усердным ходатайством. Порфирий, черниговский епископ, ездил для того в Владимир. Глебу предложили свободу, с условием отказаться навсегда от княжения и ехать в южную Россию. Он гордо ответствовал: «Лучше умру в неволе» — и действительно умер чрез несколько дней. Когда же рязанцы, устрашенные бедствием их князя, в угодность Всеволоду взяли под стражу Ярополка Ростиславича в Воронеже и привезли в город Владимир, тогда мятеж возобновился. Бояре, купцы пришли с оружием на двор княжеский, разметали темницу и, к горести великого князя, ослепили его племянников, Ростиславичей. Он только уступил народному остервенению, по словам летописца владимирского, не имев никакого участия в сем злодействе (которое древние россияне заимствовали от просвещенных греков); другие же летописцы обвиняют в том Всеволода, может быть несправедливо; но великий князь, не наказав злодеев, заслужил подозрение, бесславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушием в глазах всей России, он выпустил из темницы Глебова сына, Романа. Несчастные слепцы были также освобождены, и на пути в южную Россию, к общему удивлению, прозрели в Смоленске, с усердием моляся в Смядынской церкви Св. Глеба, по известию летописцев.

Чудо разгласилось и благоприятствовало властолюбию сих князей: новогородцы призвали их как мужей богоугодных; оставили Мстислава начальствовать в столице, Ярополку дали Торжок, а бывшего князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волоком Ламским. Мстислав чрез несколько месяцев умер [20 апреля 1178 г.]; Ярополк заступил его место, но скоро был изгнан народом, в угодность великому князю, который захватил многих купцов новогородских, с неудовольствием видя злодея своего главою сей области. Всеволод еще не был обезоружен: приступил к Торжку и требовал дани. Граждане обещались заплатить оную; но воины сказали великому князю: «Мы пришли сюда не за тем, чтобы целовать их и слушать пустые клятвы», сели на коней и взяли город; зажгли его, пленили жителей. Всеволод с отборною дружиною спешил к Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашел там одного племянника своего, Ярослава; истребил огнем пустые домы, самый хлеб в окрестностях, и сею безрассудною жестокостию так озлобил новогородцев, что они решились не иметь с ним никакого дружелюбного сношения, призвав к себе Романа Смоленского [1179 г.]. Потомки Св. Владимира все еще верили их ненадежным обетам и прельщались знаменитостию древнейшего в государстве княжения.

Роман властвовал там не долее многих своих предместников; по крайней мере выехал добровольно и с честию. Тогда новогородцы, желая иметь князя, известного воинскою доблестию, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитого мужеством, что ему в целой России не было имени кроме *Храброго*. Он колебался, ответствуя их послам, что не может расстаться ни с верными братьями, ни с южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: «Новгород есть также твое отечество» – и сей бодрый князь поехал искать славы на ином феатре: ибо душа его, как пишут современники, занималась одними великими делами. Весь Новгород, чиновники, бояре, духовенство с крестами вышли к нему навстречу. Возведенный [1 ноября 1179 г.] на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержал оное. Узнав, что эстонцы (в 1176 году) дерзнули осаждать Псков и не престают беспокоить границ, он в несколько дней собрал 20 000 воинов и, веселяся предводительством рати столь многочисленной, нетерпеливо хотел битвы; но эстонцы, думая только о спасении жизни, скрывались. Опустошив их землю до самого моря [1180 г.], взяв в добычу множество скота, пленников, Мстислав на возвратном пути усмирил во Пскове мятежных чиновников, не хотевших повиноваться его племяннику, Борису Романовичу,

и готовился к иным предприятиям. Еще в 1066 году прадед Всеслава Полоцкого ограбил Софийскую церковь в Новегороде и захватил один из его уездов: Мстислав, как ревностный витязь новогородской чести, вздумав отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шел к Полоцку. Едва Роман Смоленский мог обезоружить брата, представляя ему, что сей князь, супруг их сестры, не должен ответствовать за прадеда, давно истлевшего во гробе; что воспоминание обид древних не достойно ни христианина, ни князя благоразумного. Мстислав уважил братний совет и возвратился из Великих Лук, обещая себе, гражданам и дружине новым походом навсегда смирить Ливонию. Но среди блестящих надежд пылкого славолюбия и в силе мужества сраженный внезапною болезнию, он увидел суету гордости человеческой и, жив Героем, хотел умереть христианином: велел нести себя в церковь, причастился Святых Таин после Литургии и закрыл глаза навеки [4 июня 1180 г.] в объятиях неутешной супруги и дружины, поручив детей, в особенности юного Владимира, своим братьям. Таким образом, новогородцы в два года погребли у себя двух князей: чего уже давно не бывало: ибо, непрестанно меняя властителей, они не давали им умирать на троне. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храброго, всеми любимого, величая его красоту мужественную, победы, великодушные намерения для славы их отечества, младенческое добродушие, соединенное с пылкою гордостию сердца благородного. Сей князь, по свидетельству современников, был украшением века и России. Другие воевали для корысти: он только для славы и, презирая опасности, еще более презирал золото, отдавая всю добычу церкви или воинам, коих всегда ободрял в битвах словами: *за нас Бог и правда; умрем ныне или завтра, умрем же с честию.* «Не было такой земли в России (говорит летописец), которая не хотела бы ему повиноваться и где бы об нем не плакали». Народная любовь к сему князю была столь велика, что граждане смоленские в 1175 году единогласно объявили его, в отсутствие Романа, своим государем, изгнав Ярополка Романовича; но Мстислав согласился властвовать над ними единственно для того, чтобы усмирить их и возвратить престол старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава в гробнице Владимира Ярославича, строителя Софийской церкви. Надлежало избрать преемника: в досаду Всеволоду Георгиевичу они призвали к себе княжить Владимира, сына Святославова, из Чернигова.

Сей юноша незадолго до того времени гостил у Всеволода и женился на его племяннице, дочери Михаиловой. Святослав имел случай оказывать услуги великому князю, когда он жил в южной

России, не имея удела и не дерзая требовать оного от брата, Андрея Боголюбского, своего бывшего гонителя. Между тем как Михаил и Всеволод с помощию Святослава искали престола владимирского, супруги их оставались в Чернигове. Сия дружба, основанная на одолжениях, благодарности и свойстве, не устояла против обоюдного властолюбия. Святослав, охотно пославший сына господствовать в Новегороде, мог предвидеть, что Всеволод тем оскорбится, считая сию область законным достоянием Мономахова рода. Новые неудовольствия ускорили явное начало вражды. Меньшие сыновья умершего Глеба Рязанского жаловались Всеволоду на старшего брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что он, следуя внушению тестя, отнимает их уделы и презирает великого князя. Всеволод, уже не доброхотствуя князю черниговскому, вступился за них, встреченный ими в Коломне, пленил там Святославова сына, Глеба; разбил передовой отряд Романов на берегах Оки, взял город Борисов, осадил Рязань и заключил мир. Роман и братья его признали Всеволода общим их покровителем, довольные уделами, которые он назначил для каждого из них по верховной воле своей.

Князь черниговский, раздраженный пленением сына, хотел не только отмстить за то, но и присвоить себе, счастливым успехом оружия, лестное первенство между князьями российскими. Еще Всеволод не имел прав Андреевых, утвержденных долговременною славою; не имел и силы Боголюбского: ибо Смоленск, область кривская и Новгород не помогали ему. Святослав надеялся смирить его, но желал прежде вытеснить Рюрика и Давида из области Киевской, чтобы господствовать в ней единовластно. Смерть Мстислава Храброго и Олега Северского, их зятя, казалась ему случаем благоприятным: уверенный в дружелюбии Олеговых братьев, Игоря и Всеволода; выдав племянницу за князя переяславского, Владимира Глебовича, и называясь покровителем сего юноши, он дерзнул на гнусное коварство, рассуждая, что все способы вредить Мономаховым потомкам согласны с уставом праведной мести и что ближайшие из них должны быть ее первым предметом. Не имея в самом деле никаких причин жаловаться на Ростиславичей — которые жили с ним мирно и вместе отразили набег хана половецкого, Кончака — Святослав вздумал схватить Давида на звериной ловле в окрестностях Днепра; сказал о том единственно жене и главному из любимцев, именем Кочкарю; тайно собрал воинов и нечаянно ударил на стан Давидов. Сей князь, изумленный злодейством, бросился в лодку с супругою и едва мог спастися, осыпаемый с берега стрелами. Он ушел в Белгород к Рюрику; а Святослав, неудачно обнаружив свой умы-

сел, призвал всех родственников на совет в Чернигов. «Вижу *теперь* горестную необходимость войны, — сказал ему Игорь Северский: — но ты мог бы *прежде* сохранить мир. Впрочем, мы готовы повиноваться тебе, как нашему отцу, желая усердно твоего блага». Между тем Рюрик, слыша, что Святослава нет в Киеве, занял сию столицу, требовал помощи от князей волынских и велел Давиду ехать в Смоленск к Роману, чтобы вместе с ним взять нужные меры для безопасности сего княжения. Но Давид уже не застал брата живого. Роман скончался, известный более мирными, кроткими свойствами, нежели воинским духом. Летописцы сказывают, что он имел наружность величественную и редкое милосердие; терпел от граждан смоленских многие досады и мстил им только благодеяниями; не обманывал князей, нежно любил братьев, славился набожностию: соорудил великолепную церковь Св. Иоанна, украсил оную золотом и финифтью. Давид наследовал престол Смоленский.

В надежде управиться и с Ростиславичами и с великим князем, Святослав, наняв множество половцев, оставил часть войска с братом своим Ярославом в Чернигове, чтобы действовать против Рюрика и Давида [1181 г.]; а сам с главною силою вступил в область Суздальскую, соединился с новогородцами на устье Тверцы, опустошил берега Волги и шел к Переяславлю. За 40 верст от сего города стоял Всеволод с полками суздальскими, рязанскими, муромскими в стане, укрепленном природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Неприятели видели друг друга и пускали чрез реку стрелы. Воины Святославовы желали битвы, суздальские также: последние были удерживаемы великим князем, а первые неприступностию места. Прошло более двух недель. Чтобы сделать тревогу в стане черниговцев, Всеволод послал князей рязанских ударить на них сбоку. Внезапность нападения имела успех только мгновенный: брат Игоря Северского принудил рязанцев бежать и взял у них немалое число пленников. Напрасно ожидав нового нападения, Святослав отправил к великому князю своего духовника с такими словами: «Брат и сын мой! Имев искреннее удовольствие служить тебе советом и делом, мог ли я ожидать столь жестокой неблагодарности? В возмездие за сии услуги ты не устыдился злодействовать мне и схватил моего сына. Для чего же медлишь? Я близ тебя: решим дело судом Божиим. Выступи в поле, и сразимся на той или другой стороне реки». Всеволод не ответствовал, задержал послов и велел отвезти их в Владимир, желая, чтобы князь черниговский в досаде своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешел за реку. Святослав не трогался с места.

Весна наступила: боясь распутья, он решился оставить часть обоза и стан в добычу неприятелю, впрочем, не хотевшему за ним гнаться; сжег Дмитров, место Всеволодова рождения, и прибыл весновать в Новгород, где жители встретили его как победителя, называя именем *Великого*. Ярополк, прежде изгнанный ими в удовольствие Всеволоду, находился с черниговским князем: они вторично приняли его к себе и дали ему в удел Торжок, чтобы охранять их восточные области.

Святослав, изведав воинскую осторожность Всеволода, уже не хотел возобновить неприятельских действий в великом княжении Суздальском: он велел брату, Ярославу, выступить из Чернигова и соединился с ним в областях кривских, где Васильковичи, Всеслав Полоцкий и Брячислав Витебский вместе с другими князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава; каждый привел к нему свою дружину, а Всеслав литву и ливонцев. Ростиславичи и Киев были предметом сего ополчения. Один князь друцкий, Глеб, сын умершего Рогволода, не изменил Давиду Смоленскому, который думал защитить его, но, видя превосходную силу врагов, удалился от битвы. Святослав обратил в пепел внешние укрепления Друцка и, не теряя времени, шел к Киеву, сопровождаемый толпами половцев. Сие-то гибельное обыкновение, в войнах междоусобных дружиться с иноплеменными хищниками и призывать их для ужасных злодейств в недра государства, всего более обесславило князей черниговских в нашей древней истории и было одною из причин народной любви к Мономаховым потомкам, которые *дотоле* гнушались оным (если исключим Георгия Долгорукого) и, следуя наследственным правилам, отличались великодушием. Так поступил и Рюрик. Не имея способов защитить Киев, он выехал в Белгород, умел внезапно разбить половцев, предводимых Игорем Северским, и воспользовался робостию Святослава для заключения мира: признал его старейшим; отказался от Киева, удержав за собою все другие города днепровские, и клялся искренно быть верным другом черниговских князей с условием, чтобы они, подобно ему, служили щитом для южной России и не давали варварам пленять христиан.

Вероятно, что Рюрик старался примирить Святослава с великим князем: Новгород, быв основанием их вражды, подал им и способ прекратить оную. Ярополк, ненавидя Всеволода, не мог жить спокойно в Торжке и беспрестанно тревожил границы суздальские. Всеволод осадил его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долее месяца; не имея хлеба, питались кониною: наконец голод заставил их сдаться. Ярополк, раненный

стрелою во время осады, был заключен в цепи, а город сожжен вторично; жителей отвели пленниками в Владимир. Войско новогородское находилось тогда с Святославом в земле кривской: оно спешило назад защитить собственную. Но чиновники и граждане, переменив мысли, уже хотели искать милости Всеволодовой. Рассуждая, что дружба государя соседственного, юного, могущественного, твердого душою, выгоднее дружбы черниговского князя, слабодушного, легкомысленного и притом удаленного от пределов новогородских, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволод, оставив вражду, дал им правителя. Он немедленно возвратил свободу пленным жителям Торжка, и свояк его, Ярослав Владимирович, внук Мстислава Великого, приехал из Суздаля княжить в Новгород. Достигнув, таким образом, цели своей — то есть присоединив область Новогородскую ко владениям Мономахова дома — Всеволод с честию отпустил Глеба Святославича к отцу, не мешал последнему господствовать в Киеве и, возобновив старую с ним дружбу, выдал своячину, княжну ясскую, за его меньшего сына; а Глеб Святославич женился на дочери Рюриковой.

Внутреннее междоусобие прекратилось: начались войны внешние [1182—1184 гг.]. Подобно Андрею смотря с завистию на цветущую художествами и торговлею Болгарию[1], Всеволод желал овладеть ею и звал других князей к содействию. Война с неверными казалась тогда во всяком случае справедливою: Святослав прислал сына своего, Владимира, к великому князю, радуясь, что он замыслил дело столь благоприятное для чести российского оружия. Князья рязанские, муромский и сын Давида Смоленского также участвовали в сем походе. Рать союзников плыла Волгою до Казанской губернии, оставила ладии близ устья Цывили, под стражею белозерских воинов, и шла далее сухим путем. Передовой отряд, увидев вдали конницу, готовился к битве; но мнимые неприятели оказались половцами, которые также воевали Болгарию и хотели служить Всеволоду. Вместе с ними россияне осадили так называемый Великий город в земле *серебряных* болгаров[2], как сказано в летописи. Юный племянник Всеволодов, Изяслав Глебович, брат князя переяславского, не хотел ждать общего приступа и между тем, как бояре советовались в шатре у великого князя, один с своею дружиною ударил на болгарскую пехоту, стоявшую в укреплении пред городом; пробился до ворот,

---

[1] Болгария — восточный сосед Руси, Волжско-Камская Болгария.

[2] Великий город — Биляр, столица Болгарии в XII в.; серебряные болгары — название одного из болгарских племен.

но, уязвленный стрелою в сердце, пал на землю. Воины принесли его в стан едва живого. Сей случай спас город: ибо великий князь, видя страдание любимого, мужественного племянника, не мог ревностно заниматься осадою и в десятый день, заключив мир с жителями, отступил к ладиям, где белозерцы до его прибытия одержали победу над соединенными жителями трех городов болгарских, хотевших истребить суда россиян. Там Изяслав скончался, и Всеволод с горестию возвратился в столицу, отправив конницу в Владимир чрез землю мордвы (нынешнюю Симбирскую и Нижегородскую губернии).

В сие время Россия западная узнала новых врагов, опасных и жестоких. Народ литовский, в течение ста пятидесяти лет подвластный ее князьям[1], дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками. Непрестанные наши междоусобия, разделение земли кривской и слабость каждого удела в особенности дали способ литовцам не только освободиться от зависимости, но и тревожить набегами области российские. Трубя в длинные свои трубы, они садились на борзых лесных коней и, как лютые звери, стремились на добычу: жгли селения, пленяли жителей и, настигаемые отрядами воинскими, не хотели биться стеною: рассыпаясь во все стороны, пускали стрелы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Так сии грабители, несмотря на зимний холод, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успев защитить ее, винили в том своего князя, Ярослава Владимировича, и на его место — кажется, с согласия Всеволодова — призвали к себе из Смоленска Давидова сына, Мстислава.

В России южной князья соединили силы, чтобы смирить половцев: Святослав Киевский, Рюрик с двумя племянниками, Владимир Переяславский (внук Долгорукого), Глеб Юрьевич Туровский (правнук Святополка-Михаила) с братом Ярославом Пинским, Всеволод и Мстислав, сыновья Ярослава Луцкого, Мстислав Всеволодкович Городненский и дружина галицкого. Они пять дней искали варваров за Днепром. Князь Владимир, начальник передового отряда, вступил в битву с половцами. «Мне должно наказать их за разорение моей Переяславской области», — сказал он старейшему из князей, Святославу Киевскому, и смело устремился на многочисленные толпы неприятелей, которые заранее объявили его и всех наших воевод своими пленниками; но, устрашенные одним грозным видом полку Владимирова, бежали в степи. Россияне на берегах Угла или Орели взяли

[1] Литва была завоевана Ярославом Мудрым.

7000 пленных (в том числе 417 князьков), множество коней азиатских и всякого оружия. Славный свирепостию хан половецкий, Кончак, был также разбит ими близ Хороля, несмотря на его самострельные, необыкновенной величины луки (едва натягиваемые пятьюдесятью воинами) и на искусство бывшего с ним *бессерменина,* или харазского турка, *стрелявшего живым огнем,* как сказано в летописи; вероятно, *греческим,* а может быть, и порохом. Киевляне догнали сего хитреца в бегстве и представили Святославу со всеми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

Чрез несколько месяцев торжество россиян обратилось в горесть. Князья северские, Игорь Новогородский, брат его Всеволод Трубчевский и племянник их, не имев участия в победах Святослава, завидовали им и хотели еще важнейших; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговского так называемых ковуев — единоплеменных, как вероятно, с черными клобуками — и пошли к Дону. Случившееся тогда затмение солнца [1 мая 1185 г.] казалось их боярам предзнаменованием несчастным. «Друзья и братья! — сказал Игорь: — Тайны Божественные никому не ведомы, а нам не миновать своего рока». Он переправился за Донец. Всеволод, брат Игорев, шел из Курска иным путем: соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, к рекам Дону и Салу, феатру блестящих побед Мономаховых. Кочующие там варвары известили своих единоплеменников о сей новой грозе, представляя им, что россияне, дерзнув зайти столь далеко, без сомнения хотят совершенно истребить весь род их. Половцы ужаснулись и бесчисленными толпами двинулись от самых дальних берегов Дона навстречу смелым князьям. Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь! Неприятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время». Игорь ответствовал: «Мы будем осмеяны, когда, не обнажив меча, возвратимся; а стыд ужаснее смерти». В первой битве россияне остались победителями, взяли стан неприятелей, их семейства; ликовали в завоеванных вежах и говорили друг другу: «Что скажут теперь наши братья и Святослав Киевский? Они сражались с половцами еще *смотря на Переяславль* и не смели идти в их землю; а мы уже в ней, скоро будем за Доном, и далее в странах приморских, где никогда не бывали отцы наши; истребим варваров и приобретем славу вечную». Сия гордость витязей мужественных, но малоопытных и неосторожных, имела для них самые гибельные следствия. Разбитые половцы соединились с новыми толпами, отрезали россиян от воды и в ожидании еще большей помощи не хотели сразиться *копьями,* три дня действуя одними *стрелами.* Число

варваров беспрестанно умножалось. Наконец войско наших князей открыло себе путь к воде: там половцы со всех сторон окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникам: предводители спешились вместе с воинами. Один раненый Игорь ездил на коне, ободряя их и сняв с себя шлем, чтобы они видели его лицо и тем великодушнее умирали. Всеволод, брат Игорев, оказал редкое мужество и наконец остался без оружия, изломив свое копие и меч. Почти никто не мог спастися: все легли на месте или с князьями были отведены в неволю. В России узнали о сем бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника), от некоторых купцов, там бывших. «Скажите в Киеве (говорили им половцы), что мы теперь можем обменяться пленниками». Князья, вельможи, народ оплакивали несчастных; многие лишились братьев, отцов, ближних сродников. Святослав Киевский ездил тогда в Карачев: на возвратном пути услышав печальную весть, залился слезами и сказал: «Я жаловался на легкомыслие Игоря: теперь еще более жалуюсь на его злосчастие». Он собрал князей под Каневом, но распустил их, когда половцы, боясь сего ополчения, удалились от границ России. Не хотев идти по следам владетелей северских, чтобы не иметь той же участи, Святослав был причиною новых бедствий: ибо варвары, успокоенные его робостию, снова явились, взяли несколько городов на берегах Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владимир Глебович встретил их под стенами и бился как Герой; кровь текла из ран его; дружина ослабевала. Видя опасность князя любимого, все граждане вооружились и едва спасли Владимира, уязвленного тремя копьями. Половцы, взяв город *Рим,* или нынешний Ромен, опустошив множество сел близ Путивля и напомнив россиянам бедственные времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные пленниками, в свои вежи. Но, к утешению северян, Игорь Святославич возвратился. Он жил в неволе под надзиранием благосклонного к нему хана Кончака; имел при себе слуг, священника и мог забавляться ястребиною охотою. Один из половцев, именем Лавер, вызвался бежать с ним в Россию. Князь Игорь ответствовал: «Я мог уйти во время битвы, но не хотел обесславить себя бегством; не хочу и теперь». Однако ж, убежденный советом верного своего конюшего, Игорь воспользовался темнотою ночи и сном варваров, упоенных крепким кумысом; сел на коня и в 11 дней приехал благополучно в город Донец. Сын его Владимир, оставленный им в плену, женился там на дочери хана Кончака и возвратился к отцу через два года вместе с дядею Всеволодом (коего называют летописцы Героем, или, по их словам, *удалей-*

шим из всех Ольговичей, величественным наружностию, любезным душою). Сия гибель дружины северской, плен князей и спасение Игоря описаны со многими обстоятельствами в особенной древней, исторической повести, украшенной цветами воображения и языком стихотворства[1].

В течение следующих осьми лет половцы то мирились, то воевали с россиянами, имея успех и неудачи. Сии маловажные сшибки не представляют ничего достопамятного для истории. Один сын Рюриков, юный Ростислав, отличался в оных мужеством и был грозою варваров, предводительствуя торками и берендеями, иногда верными стражами областей Киевских, иногда изменниками: так их знаменитый чиновник, или князек, именем Кунтувдей, оскорбленный Святославом, ушел к половцам и долго грабил с ними села днепровские. Чтобы обезоружить сего храброго наездника, Рюрик дал ему городок Дверен на берегах Роси. Народ благословлял согласие Рюрика с Святославом, которые единодушно действовали для его внешней безопасности. Первый, женатый на сестре князей пинских, или туровских, правнуке Святополка-Михаила, старался быть защитником и сего края: он ходил с войском на Литву, как бы предвидя, что она будет для нашего отечества еще опаснее половцев.

Междоусобие князей рязанских [1186—1187 гг.] нарушило внутренний мир и спокойствие в России восточной. Глебовичи Роман, Игорь, Владимир умышляли на жизнь меньших братьев, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконец осадили их в Пронске. Великий князь был занят тогда новым походом рати своей на болгаров; когда же воеводы его возвратились оттуда с добычею и с пленниками, он решился прекратить вражду злобных братьев. Напрасно послы его благоразумно представляли им, что добрые россияне и единокровные должны извлекать меч только на врагов иноплеменных. Роман, Игорь, Владимир ответствовали гордо, что они не имеют нужды в советах и хотят быть независимы. Обольщенный ими, Святослав изменил меньшему брату, Всеволоду, бывшему у великого князя, и сдал им Пронск, где находи́лось 300 человек дружины владимирской. Роман взял их в плен вместе с женою, детьми, боярами Всеволода Глебовича. Сии безрассудные мятежники скоро увидели опасность и старались умилостивить великого князя. Они склонили черниговского епископа Порфирия (коего епархия заключала в себе и Рязанскую область) быть их ходатаем; послы Святослава Киевского и брата его также находились в Владимире для сего дела. Но Порфирий

---

[1] Имеется в виду "Слово о полку Игореве".

худо исполнил священную обязанность миротворца; действовал как переветник, раздражил Всеволода Георгиевича коварством своим и тем умножил зло: ибо великий князь огнем и мечом опустошил землю Рязанскую, держась правила, как говорят летописцы, что «война *славная* лучше мира постыдного».

Сей год [1187] достопамятен кончиною Ярослава Владимирковича Галицкого и важными ее следствиями. Подобно отцу господствуя от гор Карпатских до устья Серета и Прута, он имел истинные государственные добродетели, редкие в тогдашние времена: не искал завоеваний, но, довольствуясь своею немалою областию, пекся о благоденствии народа, о цветущем состоянии городов, земледелия; для того любил тишину, вооружался единственно на обидящих и посылал рать с боярами, думая, что дела гражданские еще важнее воинских для государя; нанимал полки иноплеменников и, спасая тем подданных от кровопролития, не жалел казны. В 1173 году он нанял у поляков войско за 3000 гривен серебра: успехи торговли и мирной промышленности доставляли ему способ быть щедрым в таких случаях. Союзник греческого императора Мануила, покровитель изгнанного Андроника, Ярослав считался одним из знаменитейших государей своего времени, хвалимый в летописях вообще за мудрость и сильное, убедительное красноречие в советах, по коему россияне прозвали его *Осьмомыслом*[1]. Сей миролюбивый князь не находил мира только в недрах семейства и не мог жить в согласии ни с супругою, ни с сыном: первая решилась навсегда с ним расстаться и (в 1181 году) скончалась монахинею в Владимире Суздальском у Всеволода, ее брата; а сын Ярославов, в третий раз изгнанный отцом, напрасно искав пристанища у князей волынских, смоленского, даже у великого князя, жил два года в Путивле у своего зятя, Игоря Северского, и хотя наконец, посредством Игорева старания, примирился с отцом, но, имея склонности развратные, непрестанно огорчал его. Тем более Ярослав любил меньшего, побочного сына, именем Олега, прижитого им с несчастною Анастасиею. Готовясь к смерти, он три дня прощался со всеми: бояре,

---

[1] О Ярославе Галицком есть упоминание в “Слове о полку Игореве”:

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осьмомыслом — за великий разум.
(Пер. Н. Заболоцкого.)

духовные, граждане, самые нищие теснились во дворце к одру умирающего. Изъявив чувства набожные и христианские, смирение пред Богом и людьми; назначив богатые вклады в церкви, в монастыри и велев раздать часть казны бедным, Ярослав объявил своим наследником Олега: Владимира же наградил только Перемышлем, взяв с него и с бояр клятву исполнить сие завещание. Но бояре, едва предав земле тело государя, изгнали Олега (ушедшего к Рюрику в Овруч) и возвели Владимира на престол.

Они раскаялись: ибо новый государь, имея отвращение от дел, пил день и ночь, презирал уставы церкви и нравственности, женился вторым браком на попадье; сверх того, удовлетворяя гнусному любострастию, бесчестил девиц и супруг боярских. Негодование сделалось общим; в домах, на улицах и площадях народ жаловался громогласно. В соседственной области Владимирской господствовал тогда князь, известный мужеством, умом, деятельностию, Роман Мстиславич, который еще в летах нежной юности, под стенами Новагорода, смирив гордость Андрея Боголюбского, заслужил тем внимание россиян. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, он, к несчастию, жертвовал властолюбию правилами добродетели и, будучи сватом Владимиру, веселился его распутством и народным озлоблением, ибо думал воспользоваться следствиями оного. Имея тайную связь с галицкими вельможами, Роман хотел открыть себе путь к тамошнему престолу и советовал им свергнуть князя, столь порочного. Сии внушения не остались без действия. Волнение и шум в столице пробудили усыпленного негою Владимира. Двор княжеский наполнился людьми; но заговорщики, не уверенные в согласии добрых, терпеливых граждан, опасались возложить руку на государя и, зная его малодушие, послали сказать ему, чтобы он избрал супругу достойнейшую, выдал им попадью для казни, правительствовал как должно или готовился к следствиям весьма несчастным. Их желание исполнилось: то есть устрашенный Владимир бежал в Венгрию с женою, двумя сыновьями и наследственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить в Галиче.

Плоды льстивых внушений и коварства оказались непрочными для сего властолюбивого князя. Бела, король венгерский, не уступая ему в коварстве, осыпал Владимира ласками, дружескими уверениями и немедленно выступил к Галичу со всеми силами, чтобы смирить мятежных подданных, как говорил он, и возвратить престол изгнаннику. Давно короли венгерские, быв и друзьями и неприятелями мужественных, умных князей галицких, от Василька до Ярослава, завидовали их стране плодоносной, богатой также минералами и в особенности солью, которая издревле шла в южную Россию и в соседственные земли. Бела обрадовался

случаю присоединить такую важную область к Венгрии. Еще Роман не утвердился на новом престоле; многие граждане и вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутого нрава и гордого самовластия. Сведав, что венгры сходят с гор Карпатских, он успел только захватить казну и выехал из Галича с боярами, ему преданными. Король без сопротивления вошел в столицу. Уже Владимир, изъявляя благодарность добрым союзникам, думал, что они могут идти обратно; но вероломный Бела вдруг объявил своего сына, Андрея, *королем галицким,* с согласия легкомысленных бояр, обольщенных его уверениями, что Андрей будет царствовать по их уставам и воле. Сего не довольно: Бела, отняв у Владимира и сокровища и свободу, возвратился с ним в Венгрию как с пленником.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей князь, отправляясь господствовать в Галиче, уступил всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотел впустить его в город Владимир: затворил ворота и сказал: «Я здесь князь, а не ты!» Изумленный Роман — лишаясь таким образом и приобретенной и наследственной области — искал защиты у Рюрика и ляхов. Первый был ему тестем, а государь польский, Казимир Справедливый, дядею по матери. Брат Казимиров, Мечислав Старый, без успеха приступал к Владимиру, желая возвратить сей город любимому ими племяннику. Без успеха также ходил Роман с дружиною тестя в землю галицкую: жители и венгры отразили его. Наконец Рюрик угрозами принудил Всеволода Мстиславича отдать Владимирское княжение старшему брату.

Князья наши не думали вступиться за несчастного Владимира Галицкого — посаженного королем Белою в каменную башню, — но с прискорбием видели иноплеменников господами прекраснейшей из областей российских. Между тем хитрый Бела, имея дружелюбные сношения с Святославом Киевским, старался уверить его в своем бескорыстии и даже обещал со временем отдать ему Галич; а Святослав, вопреки условиям тесного союза, заключенного им с Рюриком, тайно послал одного из сыновей к королю для переговоров [1189 г.]. Рюрик сведал и досадовал. Приняв совет митрополита, они согласились было изгнать венгров из Галича; но Святослав, уступая Рюрику сие княжение, требовал Овруча, Белагорода и всех других областей днепровских. Рюрик не хотел того, и Галич остался за венграми, впрочем, ненадолго.

Сын князя Иоанна Берладника, умершего в Фессалонике, двоюродный племянник Ярослава Галицкого, именем Ростислав, подобно отцу скитался из земли в землю и нашел пристанище в Смоленске. Он имел друзей в отечестве, где народ, неохотно

повинуясь иноземным властителям, и некоторые бояре желали видеть его на престоле. По согласию с ними Ростислав, уехав от Давида Смоленского, с малым числом воинов явился пред стенами Галича, в надежде, что все граждане к нему присоединятся. Но Андрей оградил себя полками венгерскими, взял с жителей, волею и неволею, присягу в верности и вообще такие меры, что сын Берладников вместо друзей встретил там одних врагов многочисленных. Видя неудачу, измену или робость галичан, Ростислав не думал спасаться бегством; сказал дружине: «Лучше умереть в своем отечестве, нежели скитаться по чужим землям; предаю суду Божию тех, которые меня обманули» — и бросился в средину неприятелей. Тяжело раненный, он упал с коня и был приведен в столицу, где народ, тронутый его жалостною судьбою, хотел возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятеж, венгры, как сказано в летописи, приложили *смертное зелие* к язве Ростислава, и сей несчастный князь, достойный лучшей доли, скончался, имев только время удостовериться в народной к нему любви; а граждане, изъявив оную, раздражили своего короля. Правление Андреево, дотоле благоразумное, снисходительное, обратилось в насилие. Венгры мстили галичанам как изменникам, нагло и неистово: отнимали жен у супругов, ставили коней в домы боярские, в самые церкви; позволяли себе всякого рода злодейства. Народ вопил, с нетерпением ожидая случая избавиться от ига: он представился.

Владимир Галицкий, заключенный с женою и с детьми у короля венгерского, нашел способ уйти: изрезал шатер, поставленный для него в башне, свил из холста веревки, спустился по оным вниз и бежал к немецкому императору, Фридерику Барбаруссе. Так сын Ярослава Великого искал некогда покровительства императора Генрика IV; но привез сокровища в Германию, а Владимир мог только обещать и действительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривен серебра, буде его содействием отнимет Галич у венгров. Император — неизвестно, каким образом знал великого князя суздальского и весьма ласково принял Владимира, слыша, что он сын Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важным намерением ратоборствовать в Палестине с Героем Востока, Саладином, Фридерик не мог послать войска к берегам Днестра, однако ж дал Владимиру письмо к Казимиру Справедливому, которое имело счастливое для изгнанника действие: ибо сей монарх польский, завидуя венграм в приобретении земли Галицкой и ведая, сколь их господство противно ее жителям, не отказался от предлагаемой ему чести быть покровителем несчастного князя, вероломно обманутого Белою; надеялся на галичан и не обманулся. Быв недовольны правлением Владимировым, они еще гораздо

более ненавидели венгров; и когда услышали, что сей князь с воеводою краковским, знаменитым Николаем, идет к их границам: то все единодушно восстали, изгнали Андрея и встретили Владимира с радостию; а Беле остался стыд и титул *короля галицкого,* с 1190 года употребляемый в его грамотах. Еще не миновались опасности для Владимира: худо веря бескорыстию поляков, боясь венгров, Романа Волынского и собственного народа, он прибегнул к дяде, великому князю, не хотев дотоле искать в нем милости; смиренно винился, обещал исправиться и писал к нему: «Будь моим отцом и государем: я Божий и твой со всем Галичем; желаю тебе повиноваться, но только тебе одному». Сие покровительство, согласное с долгом родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взяв оное на себя, известил о том всех князей российских и Казимира: после чего Владимир мог безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и вне России, Всеволод хотел искреннего взаимного дружелюбия князей и старался утвердить оное новым свойством, выдав дочь свою за племянника Святославова, — другую, именем Верхуславу, за Рюриковича, мужественного Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилетнего, женив на внуке умершего Романа Смоленского. Юность лет не препятствовала брачным союзам, коих требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила в возраст отроковицы, когда родители послали ее к жениху в Белогород. Сия свадьба была одною из великолепнейших, о коих упоминается в наших древних летописях. За невестою приезжали в Владимир шурин Рюриков, Глеб Туровский, и знатнейшие бояре с супругами, щедро одаренные Всеволодом. Отменно любя Верхуславу, отец и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилетнюю дочь до третьего стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который должен был, вместе с первыми боярами суздальскими, везти невесту. В Белогороде епископ Максим совершал обряд венчания, и более двадцати князей пировали на свадьбе. Рюрик, следуя древнему обычаю, в знак любви отдал снохе город Брагин. Сей князь, тесть Игорева сына, жил в мире со всеми Ольговичами и в случае споров о границах или уделах прибегал к посредству Всеволодову. Так, Святослав (в 1190 году) желал присвоить себе часть смоленских владений; но Рюрик и Давид вместе с великим князем обезоружили его, представляя, что он взял Киев с условием не требовать ничего более и забыть споры, бывшие при великом князе Ростиславе; что ему остается или исполнить договор, или начать войну. Святослав дал им слово впредь не нарушать мира и сдержал оное, довольный честию первенства между князьями южной России. Уступив Черни-

гов брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Киевской области, не имея ни Переяславля, ни Волыни, он не мог равняться силою с древними великими князьями, но подобно им именовался великим и восстановил независимость Киева. Всеволод Георгиевич уважал в Святославе опытного старца (власы седые были тогда правом на почтение людей); предвидя его близкую кончину, удерживал до времени свое властолюбие и терпел некоторую зависимость могущественной области Суздальской от Киева по делам церковным. Вместе с народом или знаменитыми гражданами избирая епископов для Ростова, Суздаля, Владимира, но посылая их ставиться к митрополиту Никифору, преемнику Константинову, он всегда отправлял послов и к Святославу, требуя на то его княжеского соизволения: ибо власть духовная была тесно связана с гражданскою, и митрополит действовал согласно с желанием государя. Никифор хотел нарушить сей устав в России, самовластно посвятив в епископы Суздалю одного грека; но Всеволод не принял его, и митрополит поставил иного, назначенного великим князем и одобренного Святославом. — Между тем, желая приблизиться к древней столице, Всеволод возобновил город Остер, разрушенный Изяславом Мстиславичем: тиун суздальский приехал туда властвовать именем князя. Южный Переяславль также зависел от Всеволода, который отдал его, по смерти Владимира Глебовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*[1], по словам летописца, оплакала сего мужественного Владимира, ужасного для половцев, доброго, бескорыстного, любившего дружину и любимого ею.

Когда почти вся Россия наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляют нам ужасы мятежа и картину воинской деятельности. Давид Ростиславич, господствуя в Смоленске, не был любим народом. Не имея твердых государственных законов, основанных на опыте веков, князья и подданные в нашем древнем отечестве часто действовали по внушению страстей; сила казалась справедливостию: иногда государь, могущественный усердием и мечами дружины, угнетал народ; иногда народ презирал волю государя слабого. Неясность взаимных прав служила поводом к мятежам, и смоляне, однажды изгнав князя, хотели и вторично утвердить народную власть таким же делом. Но Давид был смел, решителен; не уступил гражданам и не жалел их крови; казнил многих и восстановил порядок.

---

[1] Украйна. — Карамзин выделяет появившийся впервые географический термин. Украйной тогда называли часть Переяславских земель, тогдашнюю окраину Руси.

Сын Давидов, Мстислав, года два княжил спокойно в Новегороде; вместе с отцом ходил воевать Полоцкую область и заключил мир с ее жителями, которые встретили их на границе с дарами. При сем же князе новогородцы, опустошив часть Финляндии, привели оттуда многих пленников. Но дух раздора не замедлил обнаружиться в республике: народ возненавидел некоторых знатных граждан, осудил на смерть, бросил с моста в Волхов. Юный Мстислав не предупредил зла и казался слабым. В вину ему поставили, может быть, и гибель чиновников, ездивших тогда для собрания дани в Заволочье, в страну Печерскую и Югорскую, где Новгород господствовал и давал законы народам полудиким, богатым драгоценными звериными кожами: сии чиновники и товарищи их были убиты жителями, хотевшими освободиться от ига россиян. Вследствие того и другого происшествия новогородцы изгнали Мстислава, прибегнули опять ко Всеволоду и желали вторично иметь князем свояка его, Ярослава Владимировича. Теснейшая связь с могущественным государем суздальским обещала им столь важные выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава и целые девять лет терпели его как в счастливых, так и в неблагоприятных обстоятельствах. Первый год Ярославова княжения, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлебною дороговизною (четверть ржи стоила более двух нынешних серебряных рублей) и важною ссорою с варягами, готландцами и другими народами скандинавскими. Новогородцы задержали их купцов, разослали по темницам; не пустили своих за море; отправили назад послов варяжских и не хотели с ними договариваться о мире. Шведские летописцы сказывают, что в сей год россияне, соединясь с жителями Эстонии и корелами, приходили на судах в окрестности Стокгольма, убили архиепископа упсальского, взяли 14 июля древний торговый город шведский Сигтуну, опустошили его так, что он уже навеки утратил свое прежнее цветущее состояние, и вместе со многими драгоценностями похитили серебряные церковные врата, которыми украсилась Соборная церковь новогородская. Недовольные тогда варягами, новогородцы могли возбудить эстонцев к опустошению приморской Швеции; могли дать им и некоторых воинов: но участие россиян в сем предприятии, без сомнения, было не важно, когда современные летописцы наши о том не упоминают, описывая обстоятельно малейшие военные действия их времени; например, как псковитяне (в 1190 году) разбили сих самых эстонцев, которые на семи *шнеках,* или судах, приходили грабить в окрестностях тамошнего озера; как новогородцы с корелами (в 1191 году) воевали бедную землю финнов, жгли там селения, истребляли скот. Тогда же

Ярослав Владимирович, имев на границе свидание с князьями кривскими, или полоцкими, согласился вместе с ними идти зимою на литву или чудь; богато одаренный союзниками, возвратился в Новгород и, по условию вступив в Ливонскую землю, взял Дерпт, множество пленников и всякого роду добычи. В следующий год, летом, сей князь сам остался во Пскове, а двор его, или дружина, с отрядом псковитян завоевали *Медвежью Голову,* или Оденпе, распространив огнем и мечом ужас в окрестностях. Тогдашнее состояние чудского народа было самое несчастное: россияне, ссылаясь на древние права свои, требовали от него дани, а шведы перемены закона. Папа Александр III торжественно обещал северным католикам вечное блаженство, ежели язычники эстонские признают в нем Апостольского Наместника: с латинскою Библиею и с мечом шведы выходили на восточные берега моря Балтийского и наказывали идолопоклонников за их упорство в заблуждениях язычества. Россияне — новогородцы, кривичи — изъявили менее ревности к обращению неверных и не хотели *насилием* просвещать людей; но считали жителей Эстонии и Ливонии своими подданными, наказывая их как мятежников, когда они желали независимости. В сие время, по сказанию древнейшего летописца ливонского, славился могуществом *князь полоцкий Владимир:* он господствовал до самого устья Двины, и власть его над южною чудскою землею была вообще столь известна, что благочестивый старец Меингард, усердный немецкий католик, приехав около 1186 года с купцами немецкими в Ливонию, просил у него дозволения мирно обращать тамошних язычников в христианство: на что Владимир охотно согласился и даже отпустил Меингарда с дарами из Полоцка, не предвидя вредных следствий, которым скоро надлежало открыться для россиян от властолюбия пап и духовенства римского. Меингард имел успех в важном деле своем: основал первую христианскую церковь в Икскуле вместе с маленькою крепостию (недалеко от нынешней Риги); учил язычников Закону и военному искусству для их безопасности; крестил волею и неволею; одним словом, утвердил там Веру латинскую[1].

Новогородцы, желая отмстить народу югорскому за убиение их собирателей дани, в 1193 году послали туда воеводу с дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирепые обычаем и дикие нравами, имели уже города. Воевода, взяв один из оных, пять недель стоял под другим, терпя нужду в съестных припасах. Осажденные уверяли его в своей покорности, называли

---

[1] В е р а л а т и н с к а я — католичество.

себя новогородскими слугами и несколько раз обещали вынести обыкновенную дань: *соболей, серебро* (что, как надобно думать, получали они меною от дальнейших народов сибирских). Неосторожный воевода, приглашенный ими, въехал в город с двенадцатью чиновниками и был изрублен в куски; такую же участь имели и другие 80 россиян, вошедшие за ними. На третий день, декабря 6, жители сделали вылазку и почти совсем истребили осаждающих, изнуренных голодом. Спаслося менее ста человек, которые, долгое время скитаясь по снежным пустыням, не могли дать о себе никакой вести новогородцам, беспокойным о судьбе их, и возвратились уже чрез 8 месяцев. Вместо того, чтобы идти в храм и благодарить Небо, спасшее их от погибели, сии несчастные вздумали судиться пред народом, обвиняли друг друга в измене, в тайном сношении со врагами во время осады города югорского. Дело, весьма неясное, кончилось убиением трех граждан и взысканием пени с иных, мнимых преступников.

Всеволод Суздальский и Святослав Киевский держали равновесие государства [1194–1195 гг.]: Новгород, Рязань, Муром, Смоленск, некоторые области волынские и днепровские, подвластные Рюрику, признавали Всеволода своим главою: Ольговичи и владетели кривские повиновались Святославу, который, несмотря на то, чувствовал превосходство сил на стороне великого князя и, следуя внушениям благоразумия, свойственного опытной старости, не дерзал явно ему противоборствовать. Так, имея ссору о границах с князьями рязанскими и готовый вместе с другими Ольговичами объявить им войну, он не мог начать ее без дозволения Всеволодова: требовал оного, не получил и должен был мирно возвратиться из Карачева. На сем пути Святослав занемог: чувствуя сильную боль в ноге, летом ехал в санях до реки Десны, где сел в лодку; из Киева немедленно отправился в Вышегород: облил слезами раку Святых Мучеников, Бориса и Глеба; хотел поклониться там гробу отца своего, но видя дверь сего придела запертою, спешил возвратиться к супруге. Он жил только неделю; мог еще однажды выехать из дворца к обедне; слабел, едва говорил и лежал наконец в усыплении; за несколько же часов до смерти вдруг поднялся на одре и спросил у супруги: когда будут Маккавеи?[1] — день, в который умер отец его. В понедельник, ответствовала княгиня. «Итак, мне не дожить!» — сказал он. Княгиня думала, что ему привиделся сон, и хотела знать оный. Святослав не ответствовал ей, громко читая: *верую во единаго;* отправил гонца за Рюриком, велел постричь себя в

---

[1] Когда будут Маккавеи — то есть когда наступит 1 августа, день поминовения мучеников Маккавеев.

монахи и преставился... Непостоянный от юности, некогда друг и предатель Мстиславичей, Мономаховых внуков; то враг, то союзник Долгорукого и дядей своих, черниговских владетелей; жертвуя истинными государственными добродетелями, справедливостию, честию, выгодам политики личной; бессовестный в отношении не только к Мономахову потомству, но и к своим единокровным, сей князь имел однако ж достоинства: ум необыкновенный, целомудрие, трезвость, всю наружность усердного христианина и щедрость к бедным. Имя государя киевского, напоминая знаменитость древних князей великих, доставляло ему уважение от монархов соседственных. Бела Венгерский искал его дружбы: сильный Казимир также. Женив сына, именем Всеволода Чермного, на дочери Казимировой, Марии (скоро умершей инокинею в киевском, ею основанном монастыре Св. Кирилла), Святослав помолвил внуку, Евфимию, дочь Глебову, за греческого царевича (может быть, Исаакиева сына, Алексия IV) и не дожил до ее брака, успев единственно выслать бояр навстречу к императорским сановникам, ехавшим за невестою.

Вероятно, что Рюрик уступил Святославу Киев единственно по его смерти и что Всеволод утвердил сей договор, известный князьям, вельможам и гражданам. Любимый вообще за свою приветливость, Рюрик был встречен народом и митрополитом со крестами; а великий князь прислал бояр возвести его на трон киевский, желая тем ознаменовать зависимость оного от государей суздальских, хотя Рюрик, подобно Святославу, также назывался *великим князем* и самовластно располагал городами днепровскими. Он звал к себе брата, Давида Смоленского, чтобы вместе с ним назначить уделы своим сыновьям и Владимировичам, внукам Мстислава Великого. Давид провел для того несколько дней в Киеве, посвященных делам государственным и весельям. Рюрик, сын его Ростислав Белогородский и киевляне давали ему пиры. Давид также угостил их. Берендеи, торки, самые монахи пировали у сего князя; и между тем, как роскошь изливала свой тук[1] на княжеских трапезах, благотворительность не забывала и нищих. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатых без милостыни для бедных. Вообще сии народные угощения, обыкновенные в древней России, установленные в начале гражданских обществ и долго поддерживаемые благоразумием государственным, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, как истинный хозяин, подчивал граждан, пил и ел вместе с ними; вельможи, тиуны, воеводы, знаменитые

---

[1] Тук — обилие, вообще все жирное.

духовные особы смешивались с бесчисленными толпами гостей всякого состояния; дух братства оживлял сердца, питая в них любовь к отечеству и к венценосцам.

Признав Всеволода *старшим* и главою князей, Рюрик имел в нем надежного покровителя; однако ж искал еще другой опоры и, будучи тестем Романа Мстиславича Волынского, отдал ему пять городов киевских: Торческ, Канев, Триполь, Корсунь и Богуслав. Всеволод оскорбился. «Я старший в Мономаховом роде, — велел он сказать Рюрику: — кому обязан ты Киевом? Но забывая меня, отдаешь города иным младшим князьям. Не оспориваю власти твоей: господствуй и делись оною с друзьями! Увидим, могут ли они защитить тебя!» Желая умилостивить Всеволода, сват его предлагал ему особенный удел в Киевской области; но великий князь требовал для себя городов, отданных Мстиславичу. В сомнении и нерешимости Рюрик призвал на совет Никифора митрополита; с одной стороны не хотел нарушить слова своего в рассуждении зятя, а с другой боялся Всеволода. «Мы поставлены от Бога мирить государей в земле Русской, — ответствовал митрополит: — всего ужаснее кровопролитие. Исполни волю старейшего князя. Если Мстислав назовет тебя клятвопреступником, то я беру грех на себя; а ты можешь удовольствовать зятя иными городами». Сам Роман изъявил согласие взять другую область или деньги в замену удела, и распря прекратилась; но когда Всеволод, отправив наместников в города днепровские, подарил Торческ зятю своему, Рюрикову сыну: волынский князь вознегодовал на тестя, считая себя обманутым; не хотел жить с его дочерью; принуждал бедную супругу удалиться в монастырь и вступил в дружбу с Ярославом Черниговским, советуя ему завоевать Киев. Тогда Рюрик, обличив зятя в умыслах неприятельских и велев *повергнуть пред ним грамоты крестные*[1], обратился к Всеволоду Георгиевичу. «Государь и брат! — сказали послы его. — *Романко* изменил нам и дружится со врагами Мономахова племени. Вооружимся и сядем на коней!» Предвидя, что великий князь вступится за Рюрика, Мстиславич искал союзников в Польше, где юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбивого Мечислава. Они сами имели нужду в помощи, и мужественный Роман за них ополчился, говоря дружине своей, что услуга дает право на взаимную услугу и что, победив дядю, он будет располагать силами благодарных племянников. Уже войска стояли друг против друга. Мечислав требовал мира, предлагая нашему князю

---

[1] Подписание грамот (договоров) сопровождалось целованием креста.

быть посредником. Бояре российские также не хотели кровопролития; но пылкий князь, вопреки их совету, дал знак битвы. Польские историки пишут, что он повелевал только одним крылом, а воевода краковский, Николай, другим и срединою. Сражались с утра до вечера. Мечислав победил, и Роман, жестоко уязвленный, велел *нести* себя к пределам Волынии. Знаменитый епископ краковский, Фулько, ночью догнал его и заклинал возвратиться, боясь, чтобы неприятель не взял столицы. «Не имея ни силы в руках, ни воинов, отчасти убитых, отчасти рассеянных, могу ли быть вам полезен?» — сказал ему Мстиславич; а на вопрос епископа: *что ж делать?* — ответствовал: «Защищать столицу, пока соберемся с силами». Роман отправил из Владимира послов в Киев; обезоружил тестя смиренным признанием вины своей и чрез ходатайство митрополита получил от Рюрика два города в награждение.

Великий князь, Рюрик и брат его, Давид Смоленский, требовали от черниговского и всех князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за детей своих никогда не искать ни Киева, ни Смоленска и довольствовались левым берегом Днепра, отданным их прадеду, Святославу. Ольговичи не хотели того. «Мы готовы, — говорили они чрез послов Всеволоду Георгиевичу, — *блюсти* Киев за тобою или за Рюриком; но если желаешь навсегда удалить нас от престола киевского, то знай, что мы не венгры, не ляхи, а потомки государя единого. Властвуйте, пока вы живы; когда ж вас не будет, древняя столица да принадлежит достойнейшему, по воле Божией!» Всеволод грозил им: они на все согласились; а Рюрик отпустил наемных половцев и в доказательство своего миролюбия обещал Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебск, где княжил Василько Брячиславич, зять Давидов, племянник Всеслава Полоцкого.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обет мира: не дождавшись послов ни Всеволодовых, ни Давидовых, с коими надлежало им во всем условиться, в конце зимы [1196 г.] выступили с войском к Витебску и начали грабить Смоленскую область. Племянник Давида, Мстислав Романович, сват великого князя, хотел отразить их. Ольговичи имели время изготовиться к битве, соединились с князьями полоцкими, Васильком Володаревичем и Борисом Друцким; заняли выгодное место и *притоптали снег* вокруг себя, чтобы тем удобнее действовать оружием. Мстислав вышел с полками из леса, напал стремительно и смял рать черниговскую, над коею начальствовал Олег Святославич; но воевода смоленский, Михалко, в то же время бежал, не дерзнув сразиться с полочанами, которые, видя Олега разбитого, ударили с тылу на полки Мстислава. Сей храбрый князь, гнав черниговцев, уви-

дел себя окруженного новыми рядами неприятелей и должен был сдаться. Зять Давидов, юный князь рязанский, и Ростислав Владимирович, внук Мстислава Великого, едва могли спастися. Они принесли смоленскому князю весть о сем несчастии; а Ярослав Черниговский, обрадованный блестящим успехом своего племянника и слыша, что жители Смоленска не любят Давида, хотел с новыми полками идти прямо к сему городу. Рюрик остановил его. «Ты не имеешь совести, — писал он к нему из Овруча: — и так возвращаю тебе грамоты крестные, тобою нарушенные. Иди к Смоленску: я пойду к Чернигову. Увидим, кто будет счастливее». Ярослав оправдывался, жалуясь на Давида и князя витебского; обещал без выкупа освободить пленного Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрик отступил от союза с великим князем. «У нас дела общие, — ответствовал Рюрик: — буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моим послам чрез твою область ко Всеволоду и Давиду; мы все готовы примириться». Но Ярослав, будучи коварным, считал и других таковыми; не верил ему; занял все дороги; препятствовал сообщению между областями Киевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство в пределах днепровских. Отвергнув великодушные правила Мономахова дому, Рюрик не устыдился нанять диких половцев для опустошения черниговских владений и *полнил руки* варварам, как сказано в летописи.

Ольговичи имели союзников в князьях полоцких: те и другие считали себя угнетенными и старейшими Мономаховых наследников. Они нашли друга и между последними: мужественного Романа Волынского, который искал всех способов возвыситься; следуя одному правилу *быть сильным,* не уважал никаких иных, ни родства, ни признательности. Обязанный благодеяниями тестя, он забыл их: помнил только, что Рюрик взял у него назад города днепровские. Отдохнув после несчастной битвы с Мечиславом Старым, Роман снова предложил союз Ольговичам и послал рать свою воевать область Смоленскую и Киевскую. Сие нечаянное нападение уменьшило на время затруднение Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бедствиям опустошения: с одной стороны Ростислав, сын Рюриков, а с другой племянник его, Мстислав, сын Мстислава *Храброго,* вместе с Владимиром Галицким пленили множество людей в окрестностях Каменца и Перемиля. Сам Рюрик остался в Киеве: ибо узнал, что Всеволод наконец решительно действует против Ольговичей, соединился с Давидом, с князьями рязанскими, муромскими, с половцами, — завоевал область вятичей и думает вступить в Черниговскую. Ярослав видел себя в крайней опасности; но, скрывая боязнь,

изготовился к сильному отпору: укрепил города, нанял степных половцев, оставил в Чернигове двух Святославичей, и расположился станом близ темных лесов, сделав вокруг засеки, подрубив все мосты. Впрочем, ему легче было поссорить врагов своих хитростию, нежели силою одолеть их: так он и действовал.

Изъявляя вместе и миролюбие и неустрашимость, Ярослав послал сказать Всеволоду: «Любезный брат! Ты взял нашу отчину и достояние. Желаешь ли загладить насилие дружбою? Мы любви не убегаем и готовы заключить мир согласно с твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? Не убегаем и того. Бог и святой Спас рассудят нас в поле». Всеволод хотел знать мнение князей смоленского, рязанских и бояр. Давид противился миру, говоря: «Ты дал слово моему брату соединиться с ним под Черниговом и там или разрушить власть коварных Ольговичей, или заключить мир общий; а теперь думаешь один вступить в переговоры? Рюрик не будет доволен тобою. Ты велел ему начать войну; для тебя он предал огню и мечу свою область. Можешь ли без него мириться?» То же говорили и князья рязанские; но Всеволод, недовольный их смелыми представлениями, велел сказать Ольговичам, что соглашается забыть их вину, если они возвратят свободу Мстиславу Романовичу, откажутся от союза с Романом Волынским и выгонят мятежного *Ярополка,* сего славного чудесным прозрением слепца, который, будучи взят в плен великим князем, ушел из неволи и жил в Чернигове. Ярослав не принял только одного условия, касательно Романа Волынского, желая быть и впредь его другом. Согласились во всем прочем и с обыкновенными священными обрядами утвердили мир, к великому огорчению Рю́рика. Хотя Всеволод дал ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни киевских, ни смоленских областей; но Рюрик осыпал его укоризнами. «Так поступают одни вероломные, — ответствовал сей князь Всеволоду: — для тебя я озлобил зятя, отдав тебе города его; ты же заставил меня воевать с Ярославом, который лично не сделал мне зла и не искал Киева. В ожидании твоего содействия прошли лето и зима; наконец, выступаешь в поле и миришься сам собою, оставив главного врага, Романа, в связи с Ольговичами и господином области, им от меня полученной». Следуя внушению досады, Рюрик отнял у Всеволода города киевские и, тем оскорбив его, приготовил для себя важные несчастия, лишенный великокняжеского покровительства. Всеволод без сомнения поступил в сем случае несправедливо. Имея тайные намерения, он не хотел совершенного падения черниговских князей, чтобы не усилить тем киевского и смоленского, равно противных замышляемому им единовластию.

Равновесие их сил казалось ему до времени согласнее с его пользою.

Смирив Ольговичей и, по-видимому, защитив союзников, великий князь с торжеством возвратился в столицу как государь, любимый народом, и победитель. В Смоленске, в Чернигове сделались важные перемены, благоприятные для его властолюбия. Давид, благородный, мужественный, предчувствуя свой конец, уступил трон племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вместе с супругою, отправил юного сына, именем Константина, на воспитание к брату Рюрику и велел нести себя, уже больного, из дворца в обитель Смядынскую, где и преставился [23 апреля 1197 г.] в молитвах (пятидесяти семи лет от рождения), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Летописцы, уважая дела набожности более государственных, сказывают, что никто из князей смоленских не превзошел Давида в украшении храмов; что церковь Св. Михаила, им созданная, была великолепнейшею *в странах полунощных* и что он ежедневно посещал ее. Но сей князь, христианин усердный, слыл грозою мятежников и злых: набожность не ослабляла в нем строгости правосудия, ни веледушной[1] гордости княжеской, противной Андрею Боголюбскому, неприятной и Всеволоду, который тем более любил Давидова наследника, своего добродушного свата, ему преданного. — В Чернигове умер Ярослав [1198 г.], верный последователь братней, коварной системы[2], и великий князь с удовольствием сведал, что Игорь Северский, старейший в роде, сел на тамошнем знаменитом престоле: ибо сей внук Олегов менее других славился ковнодейством[3].

Не имея опасных совместников внутри России, Всеволод старался утвердить безопасность границ своих. Половцы за деньги служили ему, но в то же время, кочуя от нынешней Слободской Украинской до Саратовской губернии, беспокоили его южные владения, особенно же пределы рязанские: он сильным ополчением устрашил варваров, ходил с юным сыном, Константином, во глубину степей, везде жег зимовья половецкие, и ханы, сняв свои многочисленные вежи, от берегов Дона с ужасом бежали к морю.

Чего Андрей желал напрасно, то сделал хитрый Всеволод: он на несколько лет совершенно подчинил себе мятежную первобытную столицу наших князей [1196—1201 гг.]. Во время раздора его с Ольговичами, повинуясь ему, лучшие новогородцы, не толь-

---

[1] Веледушный — великодушный.

[2] Братняя система — наследование брату, а не сыну; удельная система.

[3] Ковнодейство — коварство, злонамеренность.

ко военные люди, но и самые купцы, ходили с Ярославом в Великие Луки, чтобы удерживать кривских владетелей и препятствовать их соединению с черниговцами. Ярослав Владимирович уже имел тогда многих неприятелей в Новегороде: посадник, чиновники ездили ко Всеволоду, прося его, чтобы он вывел от них свояка и дал им сына. Великий князь задержал сих послов, а новогородцы, тем оскорбленные, изгнали Ярослава, к сожалению добрых, миролюбивых людей, которых сторона редко бывает сильнейшею. Народ, обольщенный безрассудными, хотел доказать свою независимость, и сын князя черниговского[1], избранный большинством голосов, приехал в Новгород, не господствовать, но быть игралищем своевольных. Между тем Ярослав, с согласия жителей, остался в Торжке; брал дань в окрестностях Мсты и за Волоком. Новогородцев везде ловили как неприятелей, толпами приводили в Владимир. Действуя осторожнее Андрея, Всеволод не думал осаждать их столицы: мешал им только купечествовать в России и собирать налоги в двинской земле, зная, что любостяжание скоро одержит верх над упрямством людей торговых. В самом деле, чрез шесть месяцев сын князя черниговского должен был ехать назад к отцу: сотники новогородские явились во дворце у Всеволода, извинялись, молили, обещали, и Ярослав к ним возвратился, провождаемый множеством их освобожденных сограждан. Народ торжествовал прибытие сего князя как отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблуждению. Тишина восстановилась: князь властвовал благоразумно, судил справедливо, взял нужные меры для защиты границ и смирил половчан, дерзнувших вместе с литвою злодействовать вокруг Великих Лук. Но Всеволод, недовольный свояком, призвал его к себе, и чего прежде не хотел сделать в угодность народу, то народ сделал в угодность великому князю: архиепископ Мартирий и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повеление государя, ехать в Владимир и требовать Всеволодова сына на престол новогородский. Послы сказали: *«Господин* князь великий! Область наша есть твоя *отчина:* молим, да повелевает нами родной внук Долгорукого, правнук Мономахов!» Всеволод изъявил притворную нерешимость; хотел еще советоваться с дружиною и как бы из снисхождения дал новогородцам сына, именем Святослава-Гавриила, еще младенца, предписав им условия, согласные с честию княжескою. Сей государь, обласкав, угостив чиновников, без сомнения не мог уверить их, что славная *воля новогородская* остается в древней силе своей; однако ж хотя

---

[1] Сын князя черниговского — Ярополк, сын Ярослава Всеволодовича Черниговского.

наружным образом почтив устав ее, скрыл действие самовластия от простых граждан. Они думали, что Святослав ими *избран,* и встретили его с радостию. Другие видели повелителя, но молчали, ибо надеялись жить спокойнее или боялись сильного Всеволода. Согласясь с посадником, он дал Новугороду и архиепископа на место Мартирия, который, не доехав до Владимира, умер близ Осташкова. – Вероятно, что великий князь окружил юного Святослава опытными боярами и чрез них управлял областию Новогородскою, так же, как и южным Переяславлем, где другой, десятилетний сын Всеволодов, Ярослав-Феодор, властвовал по кончине своего двоюродного брата, Ярослава Мстиславича.

В сие время Роман Волынский обратил на себя общее внимание приобретением сильной области и тиранством удивительным, если сказание польских историков справедливо. Знаменитый род Володаря Галицкого пресекся: сын Ярославов, Владимир, освободив наследственную область свою от ига венгров, чрез несколько лет умер и не оставил детей. Вся южная Россия пришла в движение: каждый князь хотел овладеть землею богатою, торговою, многолюдною. Но Роман Мстиславич предупредил совместников: воспитанный при дворе Казимира *Справедливого,* связанный ближним родством с его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзского, которая участвовала в важнейших делах государственных, он прибегнул к ляхам и с их помощию вступил в страну Галицкую. Народ уже знал и не любил сего князя, жестокого нравом. Вельможи, бояре явились в стане польском, моля Казимирова сына, герцога Лешка, «чтобы он сам управлял ими или чрез своего наместника и таким образом избавил бы их от бедственного участия в междоусобии князей российских». Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоценные; а граждане вооружались. Однако ж поляки силою возвели Романа на престол галицкий. Тогда сей князь, озлобленный общею к нему ненавистию вельмож, начал свирепствовать как второй Бузирис в своих новых владениях. Так пишет современный историк, епископ Кадлубек, повествуя, что Роман умертвил лучших бояр галицких, зарывал их живых в землю, четверил, расстреливал, изобретал неслыханные муки. Многие спаслися бегством в другие земли: он старался возвратить их, обещая им всякие милости, и не обманывал; но чрез несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковерных во мнимом злоумышлении, казнил и присвоивал себе их достояние, говоря в пословицу: «чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел».

Может быть, злословие, легковерие или пристрастие излишно очернили свойство государя, ужасного для строптивых, мятежных

галичан; когда же он действительно, играя жизнию людей, следовал в своем правлении сей гнусной пословице, сохраненной и в наших летописях: то князья российские могли свержением тирана услужить человечеству. Рюрик, Ольговичи, быв дотоле в дружбе с Романом, хотели отнять у него державу Галицкую, снисканную им помощию иноплеменников, и соединились в Киеве, чтобы идти к Днепру. Но деятельный Мстиславич не терял времени: они еще не вышли в поле, когда знамена Романовы уже развевались на берегах Днепра [1202 г.]. Сей хитрый князь, имев время снестися с могущественным Всеволодом, с черными клобуками, с наместниками многих южных городов, удостоверился в их доброжелательстве. Берендеи, торки приехали к нему в стан; города не оборонялись; жители прежде битвы встречали его как победителя, и самые киевляне без малейшего сопротивления отворили Копыревские ворота Подола. Рюрик, Ольговичи трепетали за каменною стеною в верхней части города; с радостию приняли мир и выехали из Киева: Рюрик в Овруч, черниговские в их наследственную область. – По условию, сделанному с великим князем, отдав Киев двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Роман спешил, ко славе нашего древнего оружия, защитить греческую империю. Половцы опустошали Фракию: Алексий Комнин III и митрополит российский молили его быть спасителем христиан единоверных. Мужественный Роман вступил в землю половецкую, завоевал многие вежи, освободил там пленных россиян, отвлек варваров от Константинополя и, принудив их оставить Фракию, с торжеством возвратился в Галич.

Страшный князь галицкий ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрик не дерзнут нарушить мира. Не жалея казны своей, не жалея отечества, они наняли множество половцев и взяли приступом Киев [1 января 1204 г.]. Варвары опустошили домы, храм Десятинный, Софийский, монастыри; умертвили старцев и недужных; оковали цепями молодых и здоровых; не щадили ни знаменитых людей, ни юных жен, ни священников, ни монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись в каменных церквах столь мужественно, что половцы вступили с ними в переговоры: удовольствовались частию их товаров и не сделали им более никакого зла. Город пылал; везде стенали умирающие; невольников гнали толпами. Киев никогда еще не видел подобных ужасов в стенах своих: был взят, ограблен сыном Андрея Боголюбского; но жители, лишенные имения, остались тогда по крайней мере свободными. Все добрые россияне, самые отдаленные, оплакивали несчастие древней столицы и жаловались на его виновников. Мало-помалу она снова наполнилась жителями, которые укры-

лись от меча половцев и спаслись от неволи; но сей город, дважды разоренный, лишился своего блеска. В церквах не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы с окладом. Варвары похитили и драгоценные одежды древних князей российских, Св. Владимира, Ярослава Великого и других, которые на память себе вешали оные в храмах.

Рюрик и черниговские владетели, довольные злодеянием, вышли из Киева: судьба наказала первого. Роман пришел с войском к Овручу и сверх чаяния предложил тестю мир, убеждая его отказаться от союза Ольговичей; склонил даже и Всеволода Георгиевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Киев, как бы в награду за разорение оного. Такое удивительное великодушие было одною хитростию: князь галицкий желал только отвлечь легковерного тестя от черниговских владетелей (которые тогда счастливо воевали с Литвою); примирил их со Всеволодом и в доказательство своей мнимой дружбы к Рюрику ходил с ним, в жестокую зиму, на половцев; взял немало пленников, скота – и вдруг, будучи в Триполе, без всякой известной причины велел дружине схватить сего несчастного князя, отвезти в Киев, заключить в монастырь. Рюрик, жена его и дочь, супруга Романова, в одно время были пострижены; а сын его, зять Всеволодов, отведен пленником в Галич, вместе с меньшим братом. Наказав тестя, Роман возвратился в свою область, и хотя, в угодность великому князю, отпустил Рюриковых сыновей, но бедный отец остался монахом. Довольный освобождением зятя, Всеволод посадил его на престол киевский.

Тогда пылкий, неутомимый Роман, уступив великому князю честь располагать судьбою Киева, обратил его внимание на Польшу, где коварный герцог Мечислав, обманув юного Лешка, присвоил себе единовластие. Князь галицкий весною вступил в область Сендомирскую, взял два города и прекратил военные действия, услышав о смерти старого герцога, врага своего и победителя; но возобновил их, сведав, что сын Мечиславов объявил себя государем в Кракове. Беззащитные села были жертвою пламени вокруг Сендомира, и послы Лешковы молили Романа оставить их землю в покое. Соглашаясь на мир, он требовал денег за убытки, им понесенные, и за кровь россиян, убитых в сражении с Мечиславом; отсрочил платеж, но хотел, чтобы ему отдали в залог область Люблинскую. – В то же самое время прибыл к галицкому князю посол Иннокентия III, властолюбивого папы римского. Уже давно ревностные проповедники латинской Веры желали отвратить наших предков от Восточной церкви: знаменитый епископ краковский Матфей около половины XII века торжественно возлагал на аббата клервоского, миссионария,

именем Бернарда, обязанность вывести их из мнимого заблуждения, говоря в письме к нему, что «россияне живут как бы в особенном мире, бесчисленны подобно звездам небесным, и в хладных, мрачных странах своих ведая Спасителя единственно по имени, ожидают теплотворного света истинной Веры от Наместника Апостольского; что Бернард, смягчив их грубые сердца, будет новым Орфеем, Амфионом», и проч. Сии усердные домогательства римских фанатиков не имели успеха, и папа, слыша о силе Мстиславича, грозного для венгров и ляхов, надеялся обольстить его честолюбие. Велеречивый посол Иннокентия доказывал нашему князю превосходство Закона латинского; но, опровергаемый Романом, искусным в прениях богословских, сказал ему наконец, что папа может его наделить городами и сделать великим королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостию ответствовал: «Такой ли у папы? Доколе ношу его на бедре, не имею нужды в ином и кровию покупаю города, следуя примеру наших дедов, возвеличивших землю Русскую». — Сей князь умный скоро погиб от неосторожности: снова объявив войну ляхам, стоял на Висле; с малою дружиною отъехал от войска, встретил неприятеля и пал в неравной битве [1205 г.]. Галичане нашли его уже мертвого. Роман, называемый в Волынской летописи *Великим и самодержцем всея Руси,* надолго оставил память блестящих воинских дел своих, известных от Константинополя до Рима. Жестокий для галичан, он был любим, по крайней мере отлично уважаем, в наследственном уделе владимирском, где народ славил в нем *ум мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову* в усмирении варваров, под щитом Героя не боясь ни хищных ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых литовцев, коих историк пишет, что сей князь, одерживая над ними победы, впрягал несчастных пленников в соху для обработывания земли и что в отечестве их до самого XVI века говорили в пословицу: *Романе! Худым живеши, литвою ореши.* Летописцы византийские упоминают об нем с похвалою, именуя его *мужем крепким, деятельным.* Одним словом, ему принадлежит честь знаменитости между нашими древними князьями. — Даниил и Василько, сыновья Романовы, *второго брака,* остались еще младенцами под надзиранием матери: галичане волновались, однако ж присягнули в верности Даниилу, имевшему не более четырех лет от рождения.

Постриженный Рюрик, услышав о смерти зятя и врага, ободрился: скинул одежду инока и сел на престоле в Киеве; хотел расстричь и жену свою, которая вместо того немедленно приняла схиму, осуждая его легкомыслие. Он возобновил союз с князьями

черниговскими и спешил к Галичу в надежде, что младенец Даниил не в состоянии ему противиться и что тамошние бояре не захотят лить крови своей за сына, терпев много от жестокости отца. Но мать Даниилова взяла меры. Андрей, государь венгерский, все еще именовался *королем Галиции;* не спорил об ней с мужественным Романом и даже был его названым братом: однако ж не преставал жалеть о сем утраченном королевстве и брал живейшее участие в происшествиях оного. Вдовствующая княгиня виделась с Андреем в Саноке; напомнила ему дружбу Романову, представила Даниила, говорила с чувствительностию матери и сделала в нем, по-видимому, столь глубокое впечатление, что он искренно дал слово быть ее сыну вторым нежным отцом. Действия соответствовали обещаниям. Сильная дружина венгерская окружила дворец княжеский, заняла крепости; повелевая именем малолетнего Даниила, грозила казнию внутренним изменникам и распорядила защиту от неприятелей внешних, так что Рюрик, вступив с Ольговичами в Галицкую землю, встретил войско благоустроенное, сражался без успеха, не мог взять ни одного укрепленного места и возвратился с великим стыдом. Сын Рюриков, зять великого князя, выгнал только Ярослава Владимировича, свояка Всеволодова, из Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрик уступил Белгород своим друзьям черниговским, которые отдали его Глебу Святославичу.

Между тем Всеволод Георгиевич спокойно господствовал на севере: отряды его войска тревожили болгаров, князья рязанские отражали донских хищников, а новогородцы литву. Жители Великих Лук с воеводою, именем Нездилою, ходили в Летгалию, или в южную часть нынешней Лифляндской губернии, и привели оттуда пленников. Новая ссора россиян с варягами — вероятно, по торговле — не имела никакого следствия: последние должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать в наших северо-западных областях. Но Всеволод, будто бы желая защитить Новгород от внешних опасных неприятелей, велел объявить тамошним чиновникам, что он дает им старшего сына своего, Константина, ибо отрок Святослав еще не в силах быть их покровителем. Надобно думать, что бояре владимирские, пестуны юного Святослава, не могли обуздывать народного своевольства и что великий князь хотел сею переменою еще более утвердить власть свою над Новымгородом. Двадцатилетний Константин уже славился мудростию, великодушием, христианскими добродетелями: граждане владимирские с печалию услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бедных, должен их оставить. Отец вручил ему *крест и меч.* «Иди управлять народом, — сказал Всеволод: — будь его судиею и защитником. Новгород *Великий*

есть древнейшее княжение в нашем отечестве: Бог, государь и родитель твой дают тебе старейшинство между всеми князьями русскими. Гряди с миром; помни славное имя свое и заслужи оное делами». Братья, вельможи, купцы провожали Константина: толпы народные громогласно осыпали его благословениями. Новогородцы также встретили сего князя с изъявлением усердия: архиепископ, чиновники ввели в церковь Софийскую, и народ присягнул ему в верности [20 марта 1206 г.]. Угостив бояр в доме своем, Константин ревностно начал заниматься правосудием; охраняя народ, охранял и власть княжескую: хотел действительно господствовать в своей области. Мирные граждане засыпали спокойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Всеволод не имел войны с черниговскими князьями, однако ж не дозволял друзьям своим искать их союза. Несмотря на то, сват его, Мстислав Смоленский, в угождение Рюрику вступил с ними в тесную связь, и хотя, боясь утратить приязнь великого князя, посылал к нему епископа смоленского, Игнатия, с дружескими уверениями, но не хотел отстать от князей черниговских. Главою их, по смерти Игоря и старшего брата, Олега, был тогда Всеволод Чермный, сын Святослава, подобный отцу в кознях, гордый, властолюбивый: наняв толпы половцев, соединясь с Рюриком, Мстиславом Смоленским и с берендеями, он вторично предпринял завоевать Галицкую область и для вернейшего успеха призвал ляхов. Уведомленный о том король венгерский, Андрей, спешил защитить юных сыновей Романовых. Уже полки его спустились с гор Карпатских; но Даниил и Василько не дождались прибытия Андреева. Слыша, что с одной стороны идут россияне, с другой ляхи; видя также страшное волнение в земле Галицкой, вдовствующая княгиня бежала с детьми в наследственный удел ее супруга, Владимир Волынский. Андрей не дал соединиться полякам с Ольговичами: стал между ими близ Владимира и вступил с первыми в мирные переговоры, коих следствием было то, что венгры, ляхи, россияне вышли из Галича; а жители, с согласия Андреева, послали в Переяславль за сыном великого князя, юным Ярославом, желая, чтобы он в их земле господствовал. Может быть, сама вдовствующая супруга Романова убедила короля венгерского согласиться на сие избрание, в надежде, что отец Ярославов, сильный Всеволод Георгиевич, вообще уважаемый, обуздает там народ мятежный и со временем возвратит Даниилу достояние его родителя. Но черниговские князья имели в Галиче доброхотов, в особенности Владислава, знатного вельможу, бывшего изгнанником в Романово время. Он вместе с другими единомышленниками представлял согражданам, что Ярослав слишком молод, а великий князь слишком удален от

их земли; что им нужен защитник ближайший; что Ольговичи без сомнения не оставят Галицкой области в покое и что лучше добровольно поддаться одному из них. Галичане, тайно отправив послов в стан российский, предложили Владимиру Игоревичу Северскому быть их государем. Обрадованный Владимир ночью укрылся от своих родных, друзей, союзников, не сказав им ни слова, и прискакал в Галич тремя днями ранее Ярослава, который должен был с досадою ехать назад в Переяславль.

Еще гонение на семейство Романова тем не кончилось. Владимир Игоревич, исполняя совет злопамятных галицких бояр, велел объявить гражданам владимирским, чтобы они выдали ему младенцев, Даниила и Василька, приняли к себе княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видеть разрушение их столицы. Усердный народ хотел убить сего посла, спасенного только заступлением некоторых бояр; но вдовствующая княгиня, опасаясь злобы галичан, измены собственных вельмож и легкомыслия народного, по совету Мирослава, пестуна Даниилова решилась удалиться и представила трогательное зрелище непостоянной судьбы в мире. Любимая супруга князя сильного, союзника императоров греческих, уважаемого папою, монархами соседственными, в темную ночь бежала из дворца как преступница, вместо сокровищ взяв с собою одних милых сыновей. Мирослав вел Даниила, священник Юрий и кормилица несли Василька на руках; видя городские ворота уже запертые, они пролезли сквозь отверстие стены, шли во мраке, не зная куда; наконец достигли границ польских и Кракова. Там Лешко Белый, умиленный несчастием сего знаменитого семейства, не мог удержаться от слез; осыпал ласками княгиню и, послав Даниила в Венгрию с вельможею Вячеславом Лысым, писал к Андрею: «Ты был другом его отца: я забыл вражду Романову. Вступимся за изгнанников; введем их с честию в области наследственные». Андрей также принял сего младенца со всеми знаками искренней любви, но более ничего не сделал, охлажденный, может быть, в своем великодушном покровительстве дарами Владимира Игоревича, коего послы, не жалея ни золота, ни льстивых обещаний, усердно работали в Венгрии и в Польше. Сей бывший князь удела Северского, вдруг облагодетельствованный счастием, едва верил своему величию, опасному и ненадежному. Без сопротивления заняв всю область Владимирскую, он уступил ее Святославу Игоревичу, а Звенигород другому брату, именем Роману.

Хитрый Всеволод Чермный, имев надежду сам господствовать на плодоносных берегах Днестра и Сана, без сомнения завидовал Игоревичам; однако ж скрыл неудовольствие, остался им другом и хотел иначе удовлетворить своему властолюбию. Все способы

казались ему позволенными: быв союзником Рюрика и Мстислава, он стал их врагом; вооруженною рукою занял Киев и разослал своих наместников по всей области Днепровской. Рюрик ушел в Овруч; сын его, зять великого князя, в Вышегород, а Мстислав Смоленский заключился с дружиною в Белегороде. Они уже не имели права требовать защиты от великого князя; но Чермный сам дерзнул оскорбить его. «Иди к отцу, — велел он сказать юному Ярославу Всеволодовичу: — Переяславль да будет княжением моего сына! Если не исполнишь сего повеления или будешь домогаться Галича, где властвует теперь род нашего славного предка, Олега: то я накажу дерзкого, слабого юношу». Ярослав выехал из Переяславля; а Всеволод Чермный скоро бежал из Киева, нечаянно увидев пред стенами оного знамена Рюрика и Мстислава Смоленского. Он нанял половцев: Рюрик сперва отразил его; но Чермный призвал союзников, Владимира Игоревича Галицкого и князей туровских, потомков Святополка-Михаила, неблагодарно изменивших своему зятю [1207 г.]. Ничто не могло им противиться. Рюрик вторично удалился в Овруч; Мстислав осажденный в Белегороде, просил только свободы возвратиться в Смоленск. Триполь, Торческ сдалися, и Святославич сел опять на престоле киевском. Половцы торжествовали счастливый успех союзника своего грабежом и злодействами в окрестностях Днепра: бедный народ, стеная, простирал руки к великому князю.

Всеволод Георгиевич наконец вооружился. «Южная Россия есть также мое отечество», — сказал он и выступил к Москве, где ожидал его Константин с войском новогородским. На берегу Оки соединились с ним князья муромский и рязанские. Все думали, что целию сего ополчения будет Киев: случилось, чего никто не ожидал. Великому князю донесли, что рязанские владетели суть изменники и тайно держат сторону черниговских: он поверил и сказав словами Давида: *ядый хлеб мой возвеличил есть на мя препинание,* решился наказать их строго. Не предвидя своего бедствия, они собрались [22 сентября 1207 г.] в ставке у Всеволода, чтобы веселиться за княжеским столом его. Всеволод, в знак дружбы обняв несчастных, удалился: тогда боярин его и Давид Муромский явились уличать действительных или мнимых изменников, которые тщетно именем Бога клялися в своей невинности: двое из князей же рязанских, Олег и Глеб Владимировичи, пристали к обвинителям, или *клеветникам,* по выражению новогородского летописца, и Всеволод осудил Романа Глебовича, Святослава (брата его) с двумя сыновьями и племянниками (детьми Игоря), также некоторых бояр; велел отвезти их в Владимир, окованных тяжкими цепями, и вступил с войском в область Рязанскую. Жители Пронска, усердные к своим госу-

дарям, отвергнули мирные его предложения. Юный князь их, Михаил, бежал к тестю, Всеволоду Чермному: но граждане, призвав к себе другого князя рязанского, Изяслава Владимировича, брата Олегова и Глебова, оборонялись мужественно. Неприятель стоял на берегу реки: не имея колодезей, изнемогая от жажды, они ночью выходили из города и в тишине наполняли сосуды водою: узнав о том, великий князь поставил стражу пред городскими воротами. Кровь лилася ежедневно в течение трех недель. Остервенение граждан уступило наконец крайности, ибо многие люди умирали от жажды. Пронск сдался: Всеволод наградил им Олега Владимировича, может быть, за гнусную клевету его; взял множество добычи и пленил жену Михаилову. Во время сей осады рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившие Окою съестные припасы войску; но быв отражены, изъявили покорность. Епископ их, Арсений, встретил великого князя с молением. «Государь! — сказал он: — удержи руку мести; пощади храмы Всевышнего, где народ приносит жертвы Небу и где мы за тебя молимся. Верховная воля твоя будет нам законом». Не имея надежды с успехом противиться Всеволоду, народ рязанский прислал к нему остальных князей своих, с их детьми и женами, в Владимир, куда сей государь возвратился, сведав, что Рюрик опять выгнал Чермного из Киева.

Всеволод Георгиевич уже не хотел расстаться с Константином; довольный новогородцами, милостиво одарил их в Коломне и велел им идти с миром в свою отчизну, сказав торжественно: «Исполняю желание народа доброго; возвращаю вам все права людей свободных, все уставы князей древних. Отныне управляйте сами собою: любите своих благодетелей и казните злодеев!» Сия удивительная речь князя властолюбивого была хитростию: он знал неудовольствие граждан, которые жаловались на отяготительные подати и разные действия княжеского самовластия. Современный летописец сказывает одно из оных: Всеволод, обманутый ложным доносом, за несколько времени до Рязанского похода прислал в Новгород боярина своего и велел, без всякого исследования, умертвить знатного гражданина, Алексея Сбыславича, торжественно, на вече двора Ярославова. Сие насилие произвело всеобщее негодование: сожалели о невинной жертве; видели, что Константин есть только орудие самовластного отца и что истинный государь Новагорода живет в Владимире. Опасаясь следствий такого впечатления, великий князь хотел польстить народу мнимым восстановлением прежней свободы; хотел казаться единственно великодушным его покровителем, а в самом деле остаться государем новогородцев; отпустил их войско, но удержал в Владимире посадника Димитрия (раненного в битве) и семь

знаменитейших граждан в залог верности. Между тем народ спешил воспользоваться древнею вольностию, ему объявленною, и на шумном вече осудил Димитрия, доказывая, что он и братья его были виновниками многих беззаконных налогов. Судьи обратились в мятежников, разграбили, сожгли домы обвиняемых; продали их рабов, села; разделили деньги: каждому гражданину пришлось по нескольку гривен; а князю оставили право взыскивать платеж с должников Димитрия по счетам и письменным обязательствам. Многие чиновники разбогатели, тайно присвоив себе большую часть взятого имения. Еще волнение не утихло, когда привезли из Владимира в Новгород тело умершего Димитрия посадника: озлобленный народ хотел бросить его с моста; но архиепископ Митрофан удержал неистовых и велел предать оное земле в Георгиевском монастыре, подле могилы отца Димитриева. Сын великого князя, Святослав, вторично приехал управлять Новогородскою областию [1208 г.]; взял оставленную ему часть из имения осужденных и согласился довершить народную месть ссылкою их детей и родственников в Суздаль. Не достигнув еще и юношеского возраста, он повелевал только именем и не мог предводительствовать войском, которое сражалось тогда с Литвою под начальством Владимира Мстиславича: сей юный князь, сын Мстислава *Храброго,* господствовал во Пскове с согласия новогородцев или князя их.

Поручив область Рязанскую наместникам и тиунам, Всеволод скоро отправил туда княжить сына своего, Ярослава-Феодора. Народ повиновался ему неохотно, жалея о собственных князьях, заключенных в Владимире. Летописец суздальский обвиняет рязанцев даже в явном бунте, сказывая, что они уморили в темнице многих бояр владимирских: сею ли дерзостию или чем другим оскорбленный, Всеволод пришел с войском к Рязани. Ярослав выехал к нему навстречу вместе с послами, которые именем народа предложили свои оправдания или требования, но столь нескромно, что великий князь, еще более разгневанный, явил пример излишней строгости: велел жителям выйти с детьми из города и зажечь его. Напрасно хотели они молением смягчить грозного судию: сия столица удела знаменитого обратилась в кучу пепла, и бедные граждане, лишенные отечества, были расселены по отдаленным местам Суздальского княжения. Ту же участь имел и Белгород Рязанский. Самый епископ Арсений как пленник был привезен в Владимир. — Князь Изяслав Владимирович, который спасся от неволи, и Михаил, зять Чермного, мстили Всеволоду опустошением московских окрестностей; но сын великого князя, Георгий, разбил их наголову [1209 г.].

В сие время дерзнул владетель ничтожного удела объявить себя врагом государя, страшного для иных, сильнейших князей. Мстислав, старший сын Мстислава *Храброго,* племянник Рюрика, служил ему усердно, прославил себя мужественною, упорною защитою Торческа и, принужденный выехать оттуда, получил от смоленского князя удел Торопецкий. Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многие чиновники и самый народ не любят там опеки Всеволодовой, он смело предпринял воспользоваться их тайным расположением; вступил с дружиною в Торжок, пленил дворян Святославовых, оковал цепями наместника его, взял их имение. Посол Мстиславов явился в Новегороде и сказал народу следующие слова от имени князя: «Кланяюся Святой Софии, гробу отца моего и всем добрым гражданам. Я сведал, что князья угнетают вас и что насилие их заступило место прежней вольности. Новгород есть моя отчина: я пришел восстановить древние права любезного мне народа». Сия речь пленила новогородцев: они прославили великодушие Мстислава, единогласно объявили его своим князем и заключили Святослава с боярами владимирскими в доме архиерейском. Мстислав, встреченный с громкими восклицаниями радости, немедленно собрал войско, желая предупредить великого князя; но сей государь, или опасаясь, чтобы новогородцы в озлоблении не умертвили Святослава, или зная их легкомыслие и надеясь управиться с ними без кровопролития, не хотел битвы; предложил мир, назвался отцом Мстислава и, довольный освобождением сына, отпустил всех купцов новогородских, задержанных в Суздальской области. Обе рати возвратились, не обнажив меча, и Константин, начальник полков владимирских, привез Святослава к родителю.

Великий князь, завоевав берега Пры, где еще держались Изяслав и Михаил Рязанский, доказал любовь свою к общему спокойствию миром с Ольговичами [1210 г.]. Глава духовенства, митрополит Матфей, был посредником и сам приехал в Владимир, к удовольствию народа; угощенный, обласканный всем княжеским домом, склонил Всеволода предать забвению наглое, обидное изгнание сына его из Переяславля. Новые клятвы утвердили союз. Всеволод Чермный столь любил Киев, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наследственной области: Рюрик взял Чернигов, а южный Переяславль, где злодействовали тогда половцы, остался уделом великого княжения. Митрополит исходатайствовал свободу княгиням рязанским, но не мог избавить князей от неволи. Все были довольны, и Чермный в залог верности прислал в Владимир дочь свою, которая совокупилась браком с Георгием, вторым сыном великого князя [10 апреля 1211 г.].

В сии дни общего мира земля Галицкая была позорищем неустройства, жертвою коварных иноплеменников и собственных врагов спокойствия. Несмотря на внешние и внутренние опасности, на угрозы венгров и ляхов, на строптивость народа и мятежный дух бояр, безрассудные Игоревичи искали неприятелей друг в друге. Роман Звенигородский, озлобленный старшим братом, ушел в Венгрию и, с помощию короля Андрея изгнав Владимира Игоревича, сел на престоле галицком, к изумлению Даниловой матери, которая надеялась, что Андрей отдаст сие княжение сыну ее. Другой покровитель Даниилов также изменил своему обету. Видя междоусобие Игоревичей, Лешко Белый соединился с Александром Бельзским, сыном умершего Всеволода Мстиславича, и приступил к городу Владимиру. Жители не хотели обороняться, отворили ворота и сказали полякам: «Вы — друзья наши; с вами племянник Великого Романа». Сии мнимые друзья ограбили домы, церкви; пленили Святослава Игоревича; отдали Владимир Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславе; и чтобы не оставить сыновей Романовых совершенно без удела, отпустил малолетнего Василька княжить в Брест, исполняя требование тамошних граждан: Александр уступил ему после и Бельз.

Таким образом ясно обнаружилось намерение венгров и ляхов: они имели случай и не захотели восстановить сильного дому Романова, опасаясь его могущества; разделение областей Галицкой и Владимирской (в самое сие время опустошаемой ятвягами и литвою) казалось благоприятным для политики Андрея и Лешка. Вероятно также, что самый Роман Игоревич и не менее слабый Александр, обязанные милостию сих монархов, долженствовали господствовать только в качестве их данников, или *подручников.* Первый не сдержал, кажется, слова: для того Андрей прислал войско в Галич с вельможею Бенедиктом, который, схватив Романа (беспечно мывшегося в бане), отправил в Венгрию, а сам начал свирепствовать как *антихрист,* по выражению летописца, удовлетворяя гнуснейшим вожделениям своего развратного сердца, тесня чиновников и граждан. Кто имел богатство или прекрасную жену, не мог быть спокоен; кто обличал тиранство, подвергался казни или заточению. В числе смелых бояр находился Тимофей книжник, родом киевлянин: он дерзнул укорять злого властителя и едва мог спастися бегством. Так и во время Андреева правления в Галиче насильствовали венгры: по крайней мере Андрей имел право государя; сей же Бенедикт не имел никакого законного. Народ и вельможи искали способа избавиться от иноплеменного злодея. Первый опыт был неудачен. Мстислав, прозванием *Немой,* сын Ярослава Луцкого, господст-

вуя в Пересопнице, взял на себя изгнать Бенедикта: он приехал с дружиною к Галичу; но венгры остереглися: стражи их стояли у ворот; тишина царствовала в городе, и Мстислав, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здесь летописец прибавляет, что близ Днестра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною,* от коей произошло имя *Галиций;* что один боярин, смеясь Мстиславу, возвел его на сию могилу и сказал: «Князь! Теперь без стыда можешь ехать назад: ты был на *Галичине!»*

В сие время Роман Игоревич бежал из Венгрии и примирился с братом Владимиром: к ним обратился несчастный народ галицкий, обвиняя себя в том, что не умел прежде ценить благословенного их княжения. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти в Карпатские горы. Спокойствие восстановилось. Роман удовольствовался Звенигородом; Святослав Игоревич, освобожденный поляками, взял себе Перемышль; Владимир, как старший, остался княжить в столице, отдав сыну Теребовль, а другого сына послав с дарами к королю венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорят, что бедствие есть учитель: оно имеет сию выгоду только для умов основательных; другие, испытав несчастие, хотят руководствоваться в делах новыми правилами и впадают в новые заблуждения. Желая утвердиться на шатком троне галицком; обвиняя прежнюю слабость свою в излишнем самовольстве тамошних вельмож и приписывая блестящее государствование Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнию первостепенных бояр обуздать народ и погубили себя невозвратно: без явной, особенной вины, без улики, без суда исполнители княжеской воли хватали знатнейших людей, убивали и произвели всеобщий ужас. Но многие из обреченных на смерть имели время спастися, и в том числе боярин Владислав, которому Игоревичи обязаны были престолом галицким. Сей вельможа, вместе с другими бежав в Венгрию, молил Андрея, чтобы он дал им отрока Даниила и войско для изгнания жестоких Игоревичей, неблагодарных, забывших милость королевскую. Непрестанно лаская Даниила — обещая то усыновить, то женить его на своей дочери, — Андрей до сего времени благодетельствовал ему одними словами. Тогда еще не имея сыновей, по крайней мере взрослых; рассудив, что гораздо надежнее управлять Галициею именем ее законного князя, нежели собственным, чрез венгерских баронов, ненавистных россиянам; думая, что юный Даниил, отчасти им воспитанный, охотнее Игоревичей может быть его подручником: Андрей исполнил требование галицких бояр, и Владислав, окруженный полками венгров, вступил с князем-отроком в пределы отечества. Города сдавались. «За кого вам сражаться? —

говорил одушевленный местию Владислав: — за убийц ли, которые злодейски умертвили ваших отцов и братьев, похитили их имение, женили рабов на дочерях боярских?» Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича. Роман в Звенигороде оборонялся, призвав половцев. Но все соседственные князья восстали на Игоревичей: Александр Владимирский, Ярославичи, — Ингварь Луцкий и Мстислав Немой; малолетний Василько прислал из Бельза к брату Даниилу свою дружину; самые ляхи соединились с венграми, чтобы участвовать в выгодах сего ополчения. Романа Звенигородского пленили в бегстве: Владимир ушел. Юному Даниилу вручили державу княжескую. Родительница спешила обнять его: он не узнал матери, был долго в разлуке с нею; но тем более изъявил чувствительности, услышав от нее имя сына и видя ее радостные слезы. Среди вельмож и народа сей величественный отрок уже казался повелителем, благородною наружностию предвещая свою будущую знаменитость.

Но еще не мог он властвовать действительно: венгры, ляхи, князья соседственные и гордые бояре надеялись пользоваться его малолетством. Ему отдали Галич, но Владимир остался за Александром, Червен за Всеволодом, Александровым братом. В самом Галиче Даниил находился под опекою своевольных недостойных вельмож и не мог спасти русского имени от поношения, будучи свидетелем гнуснейшего злодеяния. Воеводы Андреевы, великий дворецкий, именем Пот, и другие, пленив Игоревичей, хотели отвезти их к королю; но бояре галицкие, движимые злобою, требовали сих несчастных для торжественной казни. Венгры колебались: наконец, убежденные дарами, выдали им жертвы, и галичане редким неистовством заслужили в древней России имя *безбожных,* данное им в современной летописи: били, терзали и повесили своих бывших князей. Сие государственное преступление долженствовало бы вооружить всех потомков Св. Владимира: к сожалению, кончина великого князя[1] и новые междоусобия отвлекли их внимание от мятежной земли Галицкой.

Всеволод, призвав к себе Константина из Новагорода, назначил ему в удел Ростов с пятью городами; за несколько же времени до смерти назвал его преемником великокняжеского достоинства с тем, чтобы он уступил Ростовскую область брату Георгию. Константин не хотел выехать из своего удела, желая наследовать целое великое княжение Суздальское. Раздраженный столь явным неповиновением, отец созвал бояр из всех городов, епископа Иоанна, игуменов, священников, купцов, дворян и в

---

[1] В е л и к и й к н я з ь - Всеволод Большое гнездо.

их многочисленном собрании объявил, что наследником его должен быть второй сын Георгий; что он ему поручает и великую княгиню и меньших братьев. Константина любили, уважали; но безмолвствовали пред священною властию отца: сын ослушный казался преступником, и все, исполняя волю великого князя, присягнули избранному наследнику. Константин оскорбился, негодовал и, как говорят летописцы, со *гневом воздвиг брови свои на Георгия.* Добрые сыны отечества с горестию угадывали следствия.

Всеволод Георгиевич, княжив 37 лет, спокойно и тихо преставился на пятьдесят осьмом году жизни [15 апреля 1212 г.], оплакиваемый не только супругою, детьми, боярами, но и всем народом: ибо сей государь, называемый в летописях *Великим,* княжил счастливо, благоразумно от самой юности и строго наблюдал правосудие. Не бедные, не слабые трепетали его, а вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильных,* по словам летописца, *и не тунс нося меч, ему Богом данный,* он казнил злых, миловал добрых. Воспитанный в Греции, Всеволод мог научиться там хитрости, а не человеколюбию: иногда мстил жестоко, но хотел всегда казаться справедливым, уважая древние обыкновения; требовал покорности от князей, но без вины не отнимал у них престолов и желал властвовать без насилия; повелевая новогородцами, льстил их любви к свободе; мужественный в битвах и в каждой — победитель, не любил кровопролития бесполезного. Одним словом, он был рожден царствовать (хвала, не всегда заслуживаемая царями!) и хотя не мог назваться самодержавным государем России, однако ж, подобно Андрею Боголюбскому, напомнил ей счастливые дни единовластия. Новейшие летописцы, славя добродетели сего князя, говорят, что он довершил месть, начатую Михаилом: казнил всех убийц Андреевых, которые еще были живы; а главных злодеев, Кучковичей, велел зашить в короб и бросить в воду. Сие известие согласно отчасти с древним преданием: близ города Владимира есть озеро, называемое Пловучим; рассказывают, что в нем утоплены Кучковичи, и суеверие прибавляет, что тела их доныне плавают там в коробе!

Доказав свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооружением храмов, Всеволод оставил и другие памятники своего княжения: кроме города Остера, им возобновленного, он построил крепости в Владимире, Переяславле Залесском и Суздале.

Всеволод в 1209 году сочетался вторым браком с дочерью витебского князя Василька Брячиславича. Первою его супругою была Мария, родом ясыня, славная благочестием и мудростию. В последние семь лет жизни страдая тяжким недугом, она изъявляла удивительное терпение, часто сравнивала себя с Иовом

и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала их жить в любви, напомнив им мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, вообще приветливыми и в особенности уважать старцев, по изречению Библии: *во множем времени премудрость, во множе житии ведение.* Летописцы хвалят ее также за украшение церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называют российскою Еленою, Феодорою, второй Ольгою. Она была материю осьми сыновей, из коих двое умерли во младенчестве. Летописец суздальский, упоминая о рождении каждого, сказывает, что их на четвертом или пятом году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* в присутствии епископа, бояр, граждан; что Всеволод давал тогда пиры роскошные, угощал князей союзных, дарил их золотом, серебром, конями, одеждами, а бояр тканями и мехами. Сей достопамятный обряд так называемых *постриг,* или первого обрезания волосов у детей мужеского полу, кажется остатком язычества: знаменовал вступление их в бытие гражданское, в чин благородных всадников*, и соблюдался не только в России, но и в других землях славянских: например, у ляхов, коих древнейший историк пишет, что два странника, богато угощенных Пиастом, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита.

В историю сего времени входит следующее любопытное известие, хотя, может быть, и не совсем достоверное. После 1175 года не упоминается в наших летописях о сыне Андрея Боголюбского, Георгии; но он является важным действующим лицом в истории грузинской. «В 1171 году юная Тамарь[1], дочь царя Георгия III, наследовала престол родителя. Духовенство и бояре искали ей жениха: тогда один вельможа тифлисский, именем Абуласан, предложил собранию, что сын великого князя российского Андрея, дядею Всеволодом изгнанный и заточенный в *Савалту,* ушел оттуда в *Свинч* к хану кипчакскому (или половецкому) и что сей юноша, знаменитый родом, умом, храбростию, достоин быть супругом их царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за князем, и Тамарь сочеталась с ним браком. Несколько времени быв счастием супруги и славою государства, он переменился в делах и нраве: Тамарь, исполняя

---

* Татищев пишет, что и в его время некоторые знатные люди еще держались всего древнего обыкновения, и что младенцы переходили тогда из рук женских в мужские. (III, 144.)

[1] Тамарь — Тамара, царица (1184—1207) Грузии, которой посвящена поэма Ш. Руставели "Витязь в тигровой шкуре".

волю совета, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатством. Князь удалился в черноморские области, в Грецию; вел жизнь странника, скучал, возвратился опять в Грузию, преклонил к себе многих жителей и хотел взять Тифлис; но, побежденный Тамарию, с ее дозволения, безопасно и с честию выехал, неизвестно куда». Сия Тамарь славилась победами, одержанными ею над персиянами и турками; завоевала разные города и земли; любила науки, историю, стихотворство, и время ее считалось златым веком грузинской словесности. Сын Тамарин, Георгий Лаш, по кончине матери царствовал от 1198 до 1211 года.

Заметим некоторые бедственные случаи долговременного княжения Всеволодова. Два раза горел при нем Владимир: в 1185 году огонь разрушил там 32 церкви каменные и Соборную, богато украшенную Андреем; ее серебряные паникадила, златые сосуды, одежды служебные, вышитые жемчугом, драгоценные иконы, парчи, куны, или деньги, хранимые в тереме, и все книги были жертвою пламени. Чрез пять лет случилось такое же несчастие для целой половины Владимира: едва могли отстоять дворец княжеский; а в Новегороде многие люди, устрашенные беспрестанными пожарами, оставили домы и жили в поле: в один день сгорело там 4300 домов. Многие другие города: Руса, Ладога, Ростов обратились в пепел. В 1187 году свирепствовала какая-то общая болезнь в городах и селах: летописцы говорят, что ни один дом не избежал заразы, и во многих некому было принести воды. В 1196 году вся область Киевская чувствовала землетрясение: домы, церкви колебались, и жители, не приученные к сему обыкновенному в жарких климатах явлению, *трепетали и падали ниц от страха.*

В княжение Всеволода был завоеван крестоносцами Царьград: происшествие важное и горестное для тогдашних россиян, тесно связанных с греками по Вере и торговле! Взятие Царяграда и Киева случилось в один год (1204): суеверные летописцы наши говорят, что многие страшные явления в ту зиму предвещали бедствие; что небо казалось в огне, метеоры сверкали в воздухе и снег имел цвет крови. Французы, венециане, ограбив богатые храмы, похитив драгоценности искусства и мощи святых, избрали не только собственного императора, но и патриарха латинского: греческий, оставив им в добычу казну софийскую, в одном бедном хитоне уехал на осле во Фракию. Папа Иннокентий III, желая воспользоваться сим случаем, писал к духовенству нашему, что Вера истинная торжествует; что вся Греческая империя уже ему повинуется; что одни ли россияне захотят быть отверженными от паствы Христовой; что церковь Римская есть ковчег спасения

13 Зак. № 38

и что вне оного все должно погибнуть; что кардинал Г., муж ученый, благородный, посол Наместника Апостольского, уполномочен от него быть просветителем России, истребителем ее заблуждений, и проч. Сие пастырское увещание не имело никакого следствия, и митрополиты наши были оттоле поставляемы в Никее, новой столице греческих константинопольских патриархов, до самого изгнания крестоносцев из Царяграда.

Тогда же другие *крестоносцы* сделались опасны для северо-западной России. Мы упоминали о Меингарде, проповеднике латинской Веры в Ливонии: преемники его, утверждаемые главою бременской церкви в сане епископов, для вернейшего успеха в деле своем прибегнули к оружию, и папа отпускал грехи всякому, кто под знамением креста лил кровь упрямых язычников на берегах Двины. Ежегодно из немецкой земли толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, но не с посохом, а с мечом, искать спасения души в убийстве людей. Третий епископ ливонский, Альберт, избрав место, удобное для пристани, в 1200 году основал город Ригу, а в 1201 *орден Христовых воинов,* или *меченосцев,* которым папа Иннокентий III дал устав славных *рыцарей Храма,* подчинив их епископу рижскому: *крест* и *меч* были символом сего нового братства. Россияне назывались господами Ливонии, имели даже крепость на Двине, Кукенойс (ныне Кокенхузен); однако ж, собирая дань с жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонников. Сей хитрый епископ от времени до времени дарил князя полоцкого, Владимира, уверяя его, что немцы думают единственно о распространении истинной Веры. Но Альберт говорил как христианин, а действовал как политик: умножал число воинов, строил крепости, хотел и духовного и мирского господства. Бедные жители не знали, кому повиноваться, россиянам или немцам: единоплеменники финнов, ливь, желали, чтобы первые освободили их от тиранства рыцарей, а латыши изъявляли усердие к последним. Наконец князь Владимир объявил войну опасным пришельцам: осаждал Икскуль и не мог в 1200 году взять Кирхгольма, ибо россияне, искусные стрелки, по сказанию ливонского древнего летописца, не умели действовать пращою; хотя и переняли сие орудие у немцев, но, худо бросая камни, били ими своих. Владимир снял осаду — услышав, что многие чужеземные корабли приближаются к берегам Ливонии — и Двиною возвратился в Полоцк. Флот, испугавший россиян, был датский: король Вольдемар в угодность папе шел оборонить новую церковь ливонскую; пристал к Эзелю, хотел основать там крепость, но вдруг, переменив мысли, удалился, отправив в Ригу лунденского архиепископа, знаменитого ученостию Андрея, который в сане римского

посла должен был способствовать успехам католической Веры в сих пределах. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видели, что их ничтожные идолы, разрушаемые секирами христиан, не могли защитить себя. Современный летописец рассказывает случай любопытный: латыши бросили жребий, какую Веру принять им, немецкую или русскую, и согласно с волею судьбы избрали первую. Впрочем, они долго еще с некоторою благодарностию хранили в памяти имена ложных богов: Перкуна, или громовержца, Земинника, или дарователя земных плодов, Тора, или северного Марса, и проч. Ливь и чудь назвали самого Творца вселенной именем главного их идола, Юмалла, были уже христианами, но ходили еще молиться в леса священные, приносили жертвы древам, ежегодно торжествовали праздник усопших с обрядами язычества и клали в могилу оружие, пищу, деньги, говоря мертвому: «Иди, несчастный, в мир лучший, где немцы уже не могут господствовать над тобою, а будут твоими рабами!» Сей бедный народ в течение веков не забывал насилия своих жестоких просветителей! — Довольный услугами рыцарей, епископ Альберт уступил им третию часть покоренной Ливонии; старался более и более утверждать там свое владычество; выгнал россиян из укрепленного замка Кукенойса, принудив удельного князя двинского, именем Всеволода, быть данником рижской церкви. Сей князь, женатый на дочери одного знатного литовца, господствовал в Герсике (нынешнем Крейцбурге): он делал много зла не только немцам, но и россиянам, свободно пропуская литовских грабителей чрез Двину и доставляя им съестные припасы. Епископ Альберт сжег столицу Всеволода, пленил его княгиню, многих жителей и с тем условием возвратил им свободу, чтобы сей князь отказался от союза с литовцами и навсегда подарил свою область Богородице, то есть епископу. Всеволод под тремя знаменами клялся верно служить Матери Божией; торжественно назвал Альберта отцом; признал себя его наместником в Герсике! Но северная часть Ливонии оставалась еще независимою от немцев: там хотел господствовать храбрый Мстислав Новогородский. Взяв меры для безопасности границ своих, укрепив южные новыми городами и поручив охранять Великие Луки брату, князю Владимиру Псковскому, он ходил с войском (в 1212 году) на западные берега Чудского озера собирать дань и смирять непокорных; осаждал крепость *Медвежью Голову*, или Оденпе, и взял с жителей 400 гривен *ногатами* или *кунами*. Немецкий летописец прибавляет, что князь новогородский, крестив тогда некоторых язычников, обещал прислать к ним своих попов, но что Альбертовы миссионарии предупредили россиян и скоро ввели там Веру латинскую.

Заключая описание достопамятных времен Всеволода III, упомянем о случае, принадлежащем вместе и к церковной и к светской истории нашего отечества. В 1212 году новогородцы, недовольные святителем Митрофаном, без всякого сношения с главою духовенства, митрополитом киевским, изгнали своего архиепископа и выбрали на его место бывшего знаменитого гражданина, Добрыню Ядренковича, который незадолго до того времени ездил в Царьград и постригся в монастыре Хутынском, основанном в конце XII века Св. Варлаамом, близ Волхова. Так новогородцы судили и князей и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа.

Глава IV

ГЕОРГИЙ, КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКИЙ, КОНСТАНТИН РОСТОВСКИЙ
1212—1216 гг.

Междоусобие. Изгнание Мономахова дому из южной России. Благоразумие россиян в делах Веры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голод в Новегороде. Славная битва Липецкая. Великодушие Мстислава. Епископ Симон.

Совершив погребение отца, Георгий, с одобрения вельмож, возвратил свободу князьям рязанским, всем их подданным и епископу Арсению. Великое княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Георгий господствовал в Владимире и Суздале, Константин в Ростове и Ярославле; оба желали единовластия и считали друг друга хищниками. Братья их также разделились: Ярослав-Феодор, начальствуя в Переяславле Залесском, взял сторону Георгия, равно как и Святослав, получив в удел Юрьев Польский; Димитрий-Владимир остался верным Константину. Ростовский князь обратил в пепел Кострому, пленил жителей; Георгий два раза приступал к Ростову и, заключив весьма неискренний мир с Константином, выслал Димитрия из Москвы. «Даю тебе (сказал он) южный Переяславль, нашу отчину; господствуй в нем и блюди землю Русскую». Димитрий, как бы предчувствуя бедствие, неохотно поехал в сей удел, некогда знаменитый и столь любезный для его деда; женился там на племяннице Всеволода Чермного и, едва отпраздновав свадьбу, долженствовал сразиться с половцами; не мог одолеть варваров

и, плененный ими, был отведен в вежи. Он года чрез три освободился и княжил после в Стародубе на Клязьме.

Рюрик скончался: князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочем не имевший доброй славы братьев своих: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храброго. Всеволод Чермный, желая один начальствовать в южной России и не боясь уже никого по смерти великого князя, изгнал сыновей и племянников Рюриковых из уделов Киевской области. К сему насилию он прибавил клевету: «Вы (говорил Всеволод) хотели овладеть Галичем, возмутили там народ, повесили моих братьев как разбойников; вы гнусным злодеянием посрамили имя отечества!» Изгнанники, удалясь в область Смоленскую, требовали защиты от Мстислава Новогородского. Сей мужественный князь был тогда стражем северозападной России: с одной стороны тревожили оную литовцы, с другой — властолюбие немцев угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться в самый Псков, которого жители — изгнав князя своего, Владимира Мстиславича, за его дружескую связь с рижским епископом — ходили тогда в Чудскую землю для собрания дани. Литовцы не могли завладеть городом, но выжгли его и разорили окрестности. Мстислав Новогородский дал псковитянам иного князя, своего племянника двоюродного, Всеволода Борисовича, а Владимир удалился в Ригу, будучи верным союзником ордена и тестем епископова брата, Дитриха. Принятый им как друг и свойственник, он имел случай оказать немцам важную услугу. Современный летописец ливонский рассказывает, что князь полоцкий, Владимир, желая объясниться с епископом Альбертом, назначил ему свидание на берегу Двины, близ нынешнего Крейцбурга. Альберт приехал туда с рыцарями, старейшинами ливонскими, купцами немецкими и с Владимиром Мстиславичем. Князь полоцкий говорил Альберту, чтобы он не тревожил язычников и не принуждал их креститься; что немцы должны следовать примеру россиян, которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить Спасителю или не верить. «Нет! — ответствовал с жаром епископ: — совесть обязывает меня крестить идолопоклонников: так угодно Богу и папе!» Князь грозился обратить в пепел Ригу и в гневе обнажил меч: рыцари также изготовились к битве; но Владимир Мстиславич встал между ими, молил, убеждал и сделал наконец то, что князь полоцкий, отдавая справедливость неустрашимости рыцарей, совершенно уступил им всю южную Ливонию. Сей князь чрез несколько лет думал поправить свою ошибку и выгнать немцев; но упал мертвый в самую ту минуту, как хотел сесть на ладию и плыть к устью Двины, чтобы осадить Ригу. Господствуя в

южной Ливонии, рыцари желали покорить и северную, вместе с Эстониею: узнав, что отряды их грабят тамошних жителей, Мстислав Новогородский собрал 15 000 воинов; вместе с князем псковским и Давидом Торопецким, братом своим, выступил в поле; доходил до самого моря. Не встретив нигде немцев, которые заблаговременно ушли назад в Ригу, он требовал дани с чуди, осаждал Воробьин, или Верпель, взял с граждан 700 гривен *ногатами* и разорил многие окрестные селения. Сия западная часть нынешней Эстляндской губернии находилась тогда в цветущем состоянии; земледельцы жили в изобилии, и деревни были хорошо выстроены; к несчастию, Альбертовы рыцари скоро огнем и мечом опустошили всю Эстонию.

Мстислав, отдав две части взятой дани новогородцам, а третью своим дворянам, или дружине, спешил от берегов Балтийского моря к Днепру; прибыв в Новгород, собрал вече на *дворе Ярослава* и предложил народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо он старался им угождать) и единодушно ответствовали: «Князь! Куда обратишь свои очи, там будут наши головы!» Сие усердие вдруг охладело на пути. Новогородские воины поссорились с смоленскими, убили одного человека в драке и торжественно объявили, что не хотят идти далее. Напрасно князь звал их на вече; напрасно думал усовестить неблагодарных: никто не слушал его повеления. «Итак, мы должны расстаться», — сказал Мстислав без всякой укоризны; дружески простился с ними и вышел с братьями из Смоленска. Новогородцы изумились: тогда посадник Твердислав напомнил им, что предки их гордились усердием к добрым князьям, охотно умирали за Ярослава Великого и служили примером для других россиян. Сия речь тронула новогородцев, легкомысленных, однако ж чувствительных к народной чести, ко славе великодушных подвигов. Они догнали князя и, пылая ревностию, нетерпеливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два князя отдалися в плен. Всеволод Святославич бежал из Киева, заключился в Чернигове и с горести умер; а брат его, Глеб, видя опустошение земли своей, покорностию и дарами купил мир. Победители отдали Киев Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступил его князю смоленскому.

Храбрый Мстислав, учредив порядок в завоеванной Днепровской области, возвратился в Новгород [1215 г.], но скоро объявил жителям на вече, что дела отзывают его в южную Россию; что он будет всегда защитником новогородцев, однако ж дает им волю избрать себе иного князя. Народ сожалел об нем; долго рассуждал, кем заменить князя столь великодушного; наконец

отправил посадника, тысячского и десять старейших купцов звать Феодора Всеволодовича, Мстиславова зятя. Ярослав-Феодор начал свое правление строгостию и наказаниями, сослав в Тверь некоторых окованных цепями чиновников, велел разграбить двор тысячского, оклеветанного врагами, взяв под стражу сына и жену его. Возбужденный самим князем к действиям своевольным, народ искал жертв, новых преступников; умертвил сам собою двух знаменитых граждан; а князь с досады на сих мятежников уехал в Торжок. Между тем в окрестностях Новагорода сделался неурожай: Ярослав, ослепленный злобою, захватил весь хлеб в изобильных местах и не пустил ни воза в столицу. Тщетно послы убеждали князя возвратиться: он задерживал их в Торжке, призвав к себе жену из Новагорода, где уже свирепствовал голод. Четверть ржи стоила около трех рублей шестидесяти копеек нынешними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеек, воз репы два рубля 86 копеек. Бедные ели сосновую кору, липовый лист и мох; отдавали детей всякому, кто хотел их взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицах, оставленные на снедение псам, и люди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избавиться от ужасной смерти. В последний раз новогородцы молили Ярослава утешить их своим присутствием. «Иди к Св. Софии, — говорили они: — или скажи, что не хочешь быть нашим князем». Он задержал и сих послов, вместе с купцами новогородскими. Чиновники скорбели; граждане воплем изъявляли отчаяние; а наместник Ярославов и дворяне его были равнодушными зрителями народного бедствия. В то время явился утешитель: Мстислав великодушный [11 февраля 1216 г.]. Новогородцы с восторгом увидели его на *дворе Ярослава.* Сей князь говорил, что он помнит свое обещание быть всегда их другом; что освободит невинных граждан, заключенных в Торжке, восстановит благоденствие Новагорода или положит свою голову. Народ клялся жить и умереть с добрым Мстиславом, который, взяв под стражу бояр Ярославовых, чрез одного умного священника объявил зятю, чтобы он, если желает остаться ему сыном, выехал из Торжка и немедленно возвратил свободу всем боярам и купцам новогородским. С гордостию отвергнув мирное предложение, Ярослав изготовился к войне; сделал на пути засеки, укрепления и прислал сто знаменитых новогородцев в отчизну их с приказанием выпроводить оттуда его тестя. Но сии люди, видя единодушие сограждан, пристали к ним с радостию. Тогда озлобленный Ярослав собрал на поле всех бывших у него новогородцев, числом более двух тысяч; оковал цепями и послал в свой город, Переяславль Залесский, отняв у них коней, деньги, все имение. В надежде на могущество брата, Георгия Владимир-

ского, он грозился наказать тестя и смело поднял руку на кровопролитие междоусобное. Состояние Новагорода было достойно жалости: голод, болезни истребили немалую часть его жителей; другие скитались по землям чуждым; знатнейшие люди стенали в темницах Суздальской области; домы и целые улицы опустели. Мстислав, собрав вече, ободрял граждан своим мужеством. «Оставим ли братьев в заключении и постыдной неволе? — говорил он народу: — Да воскреснет величие столицы! Да не будет она презрительным Торжком, ни Торжок ею! Новгород там, где Святая София. Рать наша малочисленна; но Бог заступник правых, и сильного и слабого!» Все казались единодушными; однако ж некоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бежали к нему в Торжок. Мстислав выступил с остальными и с братом, князем Владимиром Псковским (который, быв несколько времени начальником маленькой области в немецкой Ливонии, снова господствовал тогда во Пскове).

Сия война имела важное следствие: князь новогородский, хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял свои меры как искусный военачальник и политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол владимирский. Неприятельские действия началися в Торопецкой области. Святослав Всеволодович, присланный Георгием к Ярославу, с десятью тысячами осадил Ржевку, где находилось только 100 воинов; но князь новогородский подоспел с 500 всадниками, заставил осаждающих удалиться и взял укрепленный Зубцов. Дружина Мстиславова хотела прямо идти к Торжку; но князь, призвав Владимира Рюриковича из Смоленска, вдруг обратился к Переяславлю Залесскому, чтобы удалить феатр войны от Новогородской области. Наконец обе рати сошлися близ Юрьева[1]. Константин с полками своими находился в стане новогородском: Георгий, Ярослав и князья муромские, действуя заодно, вооружили самых поселян и в необозримых рядах стали на берегу Кзы. Летописцы сказывают, что князь владимирский и меньший брат его имели 30 знамен, или полков, 140 труб и бубнов. Благоразумный Мстислав еще надеялся отвратить кровопролитие. Послы новогородские говорили Георгию, что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжок с Волоком Ламским. Но Георгий ответствовал, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав,

[1] Имеется в виду Юрьев-Польской.

надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений. «Не время думать о мире, — говорил он послам: — вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую». Мстислав вторично представлял Георгию и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для государства; что он желает примирить их с большим братом, который уступит им всю область Суздальскую, буде Георгий отдаст ему, как старшему, город Владимир. «Ежели сам отец наш (сказал Георгий) не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судиею? Пусть Константин одолеет в битве: тогда все его». Послы с горестию удалились, и князь владимирский, пируя в шатре с вельможами, желал знать их мнение. Один боярин советовал не отвергать мира и признать Константина старейшим государем земли Суздальской, представляя, что князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины новогородские и смоленские *дерзки* в битвах; что Мстислав в деле ратном не имеет совместника и что превосходные силы уступают иногда превосходному искусству. Князья слушали боярина с неудовольствием, другие вельможи, льстя их самолюбию, говорили, что никогда еще враги не выходили целы из сильной земли Суздальской; что жители ее могли бы с успехом противоборствовать соединенному войску всех россиян и *седлами закидают* новогородцев. Одобрив сию безрассудную надменность и собрав военачальников, князья дали им приказ не щадить никого в битве: убивать даже и тех, на коих увидят шитое золотом оплечье. «Вам брони, одежда и кони мертвых, — сказали они: — в плен возьмем одних князей и решим после судьбы их». Отпустив воевод, Георгий с меньшими братьями заперся в шатре и вздумал уже делить всю Россию; назначил Ростов для себя, Новгород для Ярослава, Смоленск для третьего брата, а Киев для Ольговичей, оставляя Галич на свое дальнейшее распоряжение. Написав договорную грамоту и взаимною клятвою утвердив оную, сии князья послали сказать неприятелям, что желают биться с ними на обширном Липецком поле. Мстислав принял вызов: долго советовался с Константином, обязал его торжественными обетами верности и ночью выступил из стана к назначенному для битвы месту, с трубным звуком, с грозным кликом воинским. Встревоженные полки Георгиевы *стояли* всю ночь *за щитами,* то есть вооруженные и в боевом порядке, ожидая нападения, и едва было не обратились в бегство. На рассвете Мстислав и Константин приближились к неприятелю, который зашел за дебрь и расположился на горе, окруженной плетнем. Напрасно Мстислав предлагал Георгию или мир, или битву на равнине. Сей князь ответствовал: «Не хочу ни того, ни другого; и когда вы уже не боялись дальнего пути, то можете

перейти и за дебрь, где мы вас ожидаем». Мстислав стал на другой горе, велев отборным молодым людям ударить на полки Ярославовы. Бились с утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастно. На другой день Мстислав думал идти прямо ко Владимиру, но Константин не советовал оставлять неприятеля назади и боялся, чтобы миролюбивые ростовцы, пользуясь случаем, не разбежались по городам. Между тем Георгиевы полки, видя движение в стане новогородцев и смолян, вообразили, что Мстислав хочет отступить, и бросились с горы, в намерении гнаться за ним; но Георгий и Ярослав удержали их. Тогда князь новогородский, сказав: «гора не защитит и не победит нас; пойдем с Богом и с чистою совестию», велел своим готовиться к битве. На одном крыле стоял Владимир Рюрикович Смоленский, на другом Константин, в средине Мстислав с новогородцами и князь псковский. Учредив строй, обозрев все ряды, Мстислав ободрил воинов краткою речью. «Друзья и братья! — говорил он: — Мы вошли в землю сильную: станем крепко, призвав Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бегство не спасение. Кому не умереть, тот будет жив. Забудем на время жен и детей своих. Сражайтесь, как хотите: пешие или на конях». Новогородцы ответствовали: «Сразимся пешие, как отцы наши под Суздалем» [21 апреля 1216 г.]. Оставив коней, они сбросили с себя одежду, даже сняли сапоги, и с громким кликом устремились вперед; за ними Мстислав и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать их стремления. Смоляне также пешие вступили в бой, не хотев ждать воеводы своего, который упал с коня в дебри[1]. Князь новогородский, видя кровопролитие, сказал Владимиру Псковскому: «не выдадим добрых людей!» — и мгновенно опередил всех; имея в руке топор, три раза с дружиною проехал сквозь полки неприятельские, сек головы, оставлял за собою кучи трупов. Летописцы живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие новогородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина. Победа не была сомнительною. Новогородцы, смоляне дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина; но скоро обратился в бегство за Ярославом. «Друзья! — сказал князь новогородский своим храбрым воинам: — не время думать о корысти; надобно довершить победу», — и новогородцы, ему послушные, не хотели прикоснуться к добыче,

---

[1] Дебрь — долина, лог, овраг, буерак.

с жаром гнали суздальцев, топили их в реках, осуждая смолян, которые обдирали мертвых и грабили обозы неприятеля.

Урон был велик только со стороны побежденных: их легло на месте 9233 человека. В остервенении своем не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не более 60 пленников; а смоляне нашли в Георгиевом стане и договорную грамоту сего князя, по коей он хотел делить всю Россию с братьями. Ярослав, главный виновник кровопролития, ушел в Переяславль и, пылая гневом, задушил там многих новогородских купцов в темнице; а Георгий, утомив трех коней под собою, на четвертом прискакал в Владимир, где оставались большею частию одни старцы и дети, жены и люди духовного сана. Видя вдали скачущего всадника, они думали, что князь их одержал победу и шлет к ним гонца; но сей мнимый радостный вестник был сам Георгий: в бегстве своем он сбросил с себя одежду княжескую и явился в рубашке пред вратами столицы; ездил вокруг стены и кричал, что надобно укреплять город. Жители ужаснулись. Ночью пришли в Владимир многие раненые; а на другой день Георгий, созвав граждан, молил их доказать ему свое усердие мужественною защитою столицы. «Государь! Усердием не спасемся; — ответствовали граждане: — братья наши легли на месте битвы; другие пришли, но без оружия: с кем отразить врага?» Князь упросил их не сдаваться хотя несколько дней, чтобы он мог вступить в переговоры.

Великодушный Мстислав не велел гнаться за Георгием и Ярославом, долго стоял на месте битвы и шел медленно ко Владимиру. Чрез два дня окружив город, сей князь в первую ночь увидел там сильный пожар: воины хотели идти на приступ, чтобы воспользоваться сим случаем; но человеколюбивый Мстислав удержал их. Георгий уже не думал обороняться и, на третий день приехав в стан к новогородскому князю с двумя юными сыновьями, сказал ему и Владимиру Смоленскому: «Вы победители: располагайте моею жизнию и достоянием. Брат мой Константин в вашей воле». Мстислав и Владимир, взяв от него дары, были посредниками между им и Константином. Принужденный выехать из столицы, Георгий омочил слезами гроб родителя, в душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сел в ладию с женою и поехал в Городец Волжский, или Радилов. В числе немногих друзей отправился с ним епископ Симон, знаменитый не только описанием жизни святых иноков киевских, но и собственными добродетелями; обязанный Георгию саном святителя, он не изменил благотворителю своему в злополучии. Сей князь в 1215 году учредил особенную епархию для Владимирской и Суздальской области, не хотев, чтобы они зависели от Ростова.

Глава V

КОНСТАНТИН, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКИЙ И СУЗДАЛЬСКИЙ 1216—1219 гг.

Добросердечие Константина. Дела ливонские. Важное предприятие Мстислава. Пылкость юного Даниила. Тиранство венгров в Галиче. Убийства в Рязани. Смерть Константина.

Мстислав возвел Константина на престол великого княжения Владимирского и шел смирить своего зятя, который, оставив гордость, прибегнул к великодушию старшего брата. «Будь мне отцом, — говорил он Константину: — я в твоих руках и прошу у тебя хлеба: неужели выдашь меня князьям новогородскому и смоленскому?» Мстислав в угодность Константину согласился на мир и принял дары от Ярослава; но не хотел, чтобы дочь его жила с князем столь жестокосердным: взял ее к себе и возвратился с честию в Новгород, освободив всех жителей оного, бывших в Переяславле.

Достигнув цели своей, Константин захотел утешить изгнанного Георгия, призвал его к себе, объявил наследником великого княжения и дал ему Суздаль [1217 г.]. С искреннею дружбою обняв брата, Георгий клялся забыть прошедшее. Константин чувствовал слабость здоровья своего и желал в случае смерти оставить юным сыновьям второго отца в их старшем дяде.

Мстислав, Герой сего времени, совершив одно дело и ревнуя ознаменовать свое мужество новым, еще важнейшим подвигом, удалился в южную Россию. Пользуясь его отсутствием, литовцы разорили несколько селений в области Шелонской; а рыцари немецкие, заняв Оденпе, старались укрепить сие место. Владимир Псковский находился тогда в Новегороде и, приняв начальство над войском, осадил прежних друзей своих, немцев, в оденпском замке. В то время как жители города коварно предлагали мир россиянам, отошедшим далеко от стана, немцы напали на обозы новогородцев: однако ж, потеряв многих людей и в том числе двух воевод, должны были спасаться бегством в замок. Сам великий магистр ордена, Вольквин, едва ушел с Дитрихом, братом епископа рижского, Альберта, и зятем Владимира Псковского. Теснимые осаждающими, терпя голод, не смея вторично вступить в бой, они требовали мира. Дитрих, в залог верности, остался в руках у новогородцев, которые дали рыцарям свободный пропуск, взяв в добычу 700 коней немецких. — Мстислав, возвратясь

из Киева, объехал Новогородскую область, наказал некоторых ослушных или нерадивых чиновников, созвал граждан столицы на *дворе Ярослава* и сказал им: «Кланяюся Святой Софии, гробу отца моего и вам, добрые новогородцы. Иноплеменники господствуют в знаменитом княжении Галицком: я намерен изгнать их. Но вас не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у Святой Софии, там же, где покоится мой родитель». Тщетно граждане, искренно огорченные, молили князя великодушного, любимого не оставлять их. Он дружески простился с народом и спешил в Киев к своим братьям, пылая нетерпением собрать войско в южной России и вести оное к берегам Днестра.

Честь и Вера предписывали Мстиславу сей подвиг. Мы оставили юного Даниила на престоле галицком с одним именем князя: бояре всем управляли и, находя вдовствующую супругу Романову опасною для их своевольства, принудили ее выехать в Бельз. Даниил проливал слезы, не хотел разлучиться с нею и в гневе ударил мечом одного из вельмож, взявшего за узду коня его; однако ж княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостию бояр, Андрей, король венгерский, пришел сам с войском, смирил мятежников и виновнейшего из них, Владислава, оковал цепями. Но скоро бедствия Романова семейства возобновились. Тайно призванный галичанами, Мстислав Немой заставил Даниила бежать в Венгрию; а Лешко Белый отнял у Василька Бельз для своего тестя, Александра Владимирского (Василько, провождаемый многими боярами, удалился в Каменец). Уже Андрей вторично шел защитить Даниила; уже Мстислав Немой, слабый, хотя и властолюбивый, бежал от страха, когда ужасный бунт открылся в самой Венгрии. Свирепые бароны, враги королевы Гертруды, умертвили ее, готовив такую же участь и королю. В сих обстоятельствах он мог думать единственно о собственной безопасности: чем боярин галицкий, Владислав (тогда освобожденный), умел воспользоваться, представляя ему, как вероятно, что отрок Даниил, сын отца, ненавистного народу, не в состоянии мирно управлять княжением, или, возмужав, не захочет быть данником Венгрии; что Андрей поступит весьма благоразумно, ежели даст наместника Галиции, не природного князя и не иноплеменника, но достойнейшего из тамошних бояр, обязав его в верности клятвою и еще важнейшими узами столь великого благодеяния. Желание Владислава исполнилось: предпочтенный другим боярам, он с дружиною венгерскою приехал господствовать в свое отечество, назвался князем и думал равняться саном с потомками Св. Владимира; а Даниил и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились к Лешку Белому. Видя с завистию, что богатая Галиция сделалась почти

областию Венгрии, сей государь усердно взял Даниилову сторону, одержал верх в битве с Владиславом и хотя не мог завоевать Галича, однако ж услужил сыновьям Романовым, принудив своего тестя, Александра, уступить им Тихомль и Перемиль. Там могли они несколько времени жить спокойно вместе с родительницею, печально смотря на башни владимирские, наследственную столицу Романову. Туда съехались все верные бояре, сподвижники их храброго отца, готовые усердно служить и сыновьям, которые в нежном цвете юности обещали зрелые плоды мужества, ум необыкновенный, душевное благородство. Россияне и чужеземцы с удивлением видели в ничтожном городке двор блестящий, составленный из витязей и бояр опытных, особенно уважаемых государем польским. Воевода сендомирский, именем Пакослав, доброжелательствуя Романому семейству, хотел согласить выгоды оного с выгодами венгров и ляхов, бывших тогда явными врагами за Галич; ездил к Андрею и без труда склонил его к миру. Положили, чтобы малолетний сын Андреев, Коломан, женился на малолетней дочери герцога Лешка, Саломее, и княжил в Галиче; чтобы король уступил Перемышль ляхам и чтобы Владимир отдать Даниилу с братом, а Любачев миротворцу Пакославу. Условия были исполнены: Александра выслали из Владимирской области, а Владислава, как хищника, заточили. Таким образом (говорит летописец) сей гордый боярин безрассудным честолюбием погубил себя и детей, коих никто из князей российских, оскорбленных его дерзким самозванством, не хотел призреть. Может быть, утомленные смятениями и переменами галичане удовольствовались бы тогдашним своим жребием, если бы новое правительство венгерское наблюдало умеренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумал утеснять нашу церковь. Уже в первый год Коломанова властвования, в 1214 [году], он писал к папе Иннокентию III, что народ и князья галицкие, *подданные Венгрии,* испросив себе сына его в государи, желают присоединиться к римской церкви, единственно с тем условием, чтобы папа не отменял их древних обрядов священных и дозволил им отправлять богослужение на языке славянском. Когда же архиепископ гранский именем преемника Иннокентиева, Гонория III, возложил в Галиче венец королевский на сына Андреева и Саломею, сей новый государь, исполняя волю отца и папы, изгнал епископа российского, священников наших и хотел обратить всех жителей в Веру латинскую. Народ, уничиженный мятежами, преступлениями и争 кознями бояр запутанный в противоречиях своей системы политической, не смел восстать на тиранов совести, довольствуясь бесполезными жалобами. К несчастию венгров, Андрей поссорился с герцогом Лешком, отнял у

него Перемышль с Любачевом и возбудил в нем столь великую злобу, что он, вопреки узам крови, искал в России сильных неприятелей зятю. Таковым представился ему Мстислав Новогородский. «Ты мне брат, — писал Лешко к сему храброму князю: — иди прославиться знаменитым подвигом мужества: Галич, достояние твоих предков, стенает под игом утеснителей». Мстислав, подобно отцу *готовый всегда на дела великие,* не отказался от предложения, столь лестного для его славолюбия.

В то время как он занимался в древней южной столице воинскими приготовлениями, тишина царствовала в пределах великого княжения Владимирского. Константин наслаждался спокойствием подданных и любовию братьев; не следовал примеру дяди и родителя: не требовал повиновения от слабейших князей соседственных и думал, что каждый из них обязан давать отчет в делах своих единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостию, двое из владетелей рязанских дерзнули на гнусное злодеяние.

Коварный Глеб, при великом князе Всеволоде, хотевший погубить своих родственников доносом, условился с братом, Константином Владимировичем, явно лишить их жизни, чтобы господствовать над всею областию Рязанскою. Они съехались в поле для общего совета, и Глеб дал им роскошный пир в шатре своем. Князья, бояре пили и веселились, не имев ни малейшего подозрения. Хозяин ласкал, приветствовал беспечных гостей; лицо и голос злодея не изменяли адской тайне его сердца. В одно мгновение Глеб и Константин Владимирович извлекают мечи: вооруженные слуги и половцы стремятся в шатер. Начинается кровопролитие. Ни один из шести несчастных князей, ни один из верных бояр их не мог спастися. Утомленные смертоубийством изверги выходят из шатра и спокойно влагают в ножны мечи свои, дымящиеся кровию. В числе убиенных находился и родной брат Глебов, добродушный Изяслав.

Злодейство было ужасно: еще ужаснее то, что виновники остались без наказания. Великий князь Константин — изнуренный, может быть, недугами — довольствовался сожалением о несчастных; строил церкви, раздавал милостыню и с восторгом лобызал святые мощи, привозимые к нему из Греции. Незадолго до кончины своей он послал старшего сына, именем Василька, княжить в Ростов, а другого, Всеволода, в Ярославль, приказав им жить согласно, быть во нравах подобными ему, благотворить сиротам, вдовицам, духовенству и чтить Георгия как второго отца. Константин преставился на 33 году от рождения [2 февраля 1219 г.], оплакиваемый боярами, слугами, нищими, монахами. Хваля его мудрость и добродетель, летописец суздальский говорит, что сей князь не только читал многие душеспасительные

книги, но и жил по их правилам; был исполнен Апостольской Веры и столь кроток, что старался не опечалить ни одного человека, любя делом и словом утешать всякого. — Супруга Константинова немедленно постриглась над его гробом и, названная Агафиею, чрез два года кончила дни свои в уединении монастырском.

Глава VI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧ 1219—1224 гг.

Беспокойства в Новегороде. Великодушие посадника. Дела церковные. Войны. Устюг. Новгород Нижний. Освобождение Галича. Неблагоразумие Мстислава. Происшествия в Ливонии. Мужественный Вячко. Набег литвы. Слух о татарах.

По отбытии Мстислава новогородцы призвали к себе его двоюродного племянника, Святослава Мстиславича, из Смоленска. Сей князь не мог обуздать своевольства чиновников и народа. Посадник Твердислав, муж, отличный достоинствами, взяв под стражу какого-то мятежного боярина, вооружил против себя многих его друзей и единомышленников. Началось междоусобие: одни стояли за Твердислава, другие за боярина; прочие оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась в явную войну. Целую неделю были шумные веча при звуке колоколов; граждане, надев брони и шлемы, в исступлении своем обнажили мечи. Напрасно увещевали старцы, напрасно плакали жены и дети: казалось, что новогородцы не имели ни законов, ни князя, ни человечества. Чтобы еще более воспалить усердие своих друзей, Твердислав, устремив глаза на храм Софийский, громогласно обрек себя в жертву смерти, если совесть его не чиста пред Богом и согражданами. «Да паду в битве первый (говорил он), или Небо да оправдает меня победою моих братьев!» Наконец злоба утолилась кровию десяти убитых граждан; народ образумился, требовал мира и, целуя крест, клялся быть единодушным. Тишина восстановилась; но князь, недовольный Твердиславом, прислал своего тысячского объявить на вече, что сей посадник властию княжескою сменяется. Граждане хотели знать вину его. Святослав гордо ответствовал: *без вины!* «Я доволен, — сказал Твердислав: — честь моя останется без пятна: а вы, братья сограждане, вольны избирать и посадников и князей». Народ всту-

пился за него. «Вспомни условие, — говорили Святославу послы веча: — ты дал нам клятву не сменять чиновников безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы с поклоном указать тебе путь; а Твердислав будет нашим посадником». Святослав, видя упрямство народа, не хотел спорить; но скоро уехал в Киев по воле отца своего, Мстислава Романовича, уступив престол новогородский меньшему брату, Всеволоду. Правление сего князя ознаменовалось также внутренними беспокойствами. Люди, посланные новогородцами в Двинскую землю для собрания дани, к удивлению народа, возвратились с дороги, сказывая, что великий князь Георгий и Ярослав Всеволодович не хотели пропустить их чрез область Белозерскую, имея будто бы тайное сношение с новогородским посадником и тысячским. Народ взволновался и сменил главных чиновников; однако ж чрез некоторое время снова возвел Твердислава на степень посадника. Всеволод без всякой основательной причины возненавидел и хотел убить сего знаменитого человека, вооружив своих дворян и многих граждан на *дворе Ярослава.* Твердислав был тогда болен: усердные друзья вывезли его на санях из дому и поручили великодушной защите народа, который стекался к нему толпами, готовый умереть за своего любимого чиновника. Жители трех концов стали в ряды и ждали князя как неприятеля. Но Всеволод не дерзнул на кровопролитие. Архиепископ примирил врагов; а Твердислав, желая спокойствия отечеству, добровольно сложил с себя чин посадника, тайно ушел в монастырь Аркадьевский и навсегда отказался от света.

Самые церковные дела Всеволодова времени изъявляют легкомыслие новогородцев: выгнав прежде архиепископа Митрофана, народ раскаялся и хотел загладить сию несправедливость; дозволил ему возвратиться и послал сказать его преемнику, Антонию, осматривавшему тогда свою епархию, чтобы он ехал, куда хочет, и что Новгород имеет уже иного святителя. Однако ж Антоний не послушался и признавал себя единственным законным пастырем. Граждане были в крайнем затруднении и, не зная, что делать с двумя архиепископами, отправили их в Киев на суд к митрополиту, который, решив тяжбу в пользу Митрофана, послал Антония епископом в Перемышль Галицкий.

Воинские подвиги новогородцев были удачны: хотя Всеволод не мог взять Пертуева, или нынешнего Пернау, однако ж разбил немцев за рекою Эмбахом. Древний летописец ливонский повествует, что рыцари в битве с нашим передовым отрядом имели успех и даже отняли знамя князя новогородского; но союзники их, латыши, видя многочисленность россиян, обратились в бегство. Сей летописец к чести единоземцев своих прибавляет, что

их было только 200, а наших 16 000; что немцы, отделенные от новогородцев глубоким ручьем, сражались от 9 часов утра до захождения солнечного, убили около пятидесяти неприятелей, в целости отступили и шли назад с веселыми песнями.

В России восточной были также воинские действия. Глеб Владимирович, убийца князей рязанских, хотел еще довершить свое гнусное злодеяние. Провидение спасло одного из сих князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовал в Старой Рязани и мог рано или поздно отмстить смерть братьев: наняв половцев, Глеб шел осадить его столицу; но Ингварь победил варваров. Ненавидимый всеми добрыми россиянами и самому себе ненавистный (обыкновенная мука злодеев!), Глеб бежал в степи, подобно древнему братоубийце Святополку гонимый Небесным гневом, и там в безумии скончал гнусную жизнь свою [1219 г.]. — Ингварь наследовал всю область Рязанскую и с дружиною великого князя вторично разбил половцев.

Вероятно, что камские болгары издревле торговали с чудским народом, обитавшим в Вологодской и Архангельской губернии: с неудовольствием видя новое господство россиян в сих мирных странах, они хотели также быть завоевателями и — более обманом, нежели силою — взяли Устюг, неизвестно когда и кем основанный. Он имел прежде собственных князей; стоял, как сказывают, на высокой горе, верстах в четырех от нынешнего, и назывался, по имени ее, *Гледеном;* а название устюжан произошло от устья реки Юга, сливающего там воды свои с рекою Сухоною. Жители — вероятно, смесь россиян с чудью — зависели от великого князя Георгия и в особенности от ростовского. Чтобы утвердиться в сем городе, болгары в то же время старались овладеть берегами Унжи; но были отражены и скоро увидели войско россиян в собственной земле своей. Брат Георгиев, Святослав, с сыновьями муромских князей и с сильным ополчением приплыл туда Волгою, вышел на берег ниже устья Камы и, для безопасности судов оставив стражу, приблизился к городу Ошелу, укрепленному высоким дубовым тыном с двумя оплотами, между коими находился вал. Впереди шли люди с огнем и топорами; за ними стрелки и копейщики. Одни подсекли тын, другие зажгли оплоты; но сильный ветер дул им прямо в лицо: задыхаясь от густого дыма, воины Святославовы, ободренные речью князя, приступили с другой стороны и зажгли город по ветру. Зрелище было ужасно: целые улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рекою; отчаянные жители с воплем бежали из города и не могли уйти от меча россиян; только князь болгарский и некоторые его всадники спаслися бегством. Другие, не требуя пощады, убивали жен, детей своих и самых себя или сделались

жертвою пламени, вместе со многими россиянами, искавшими добычи в городе. Святослав, видя там наконец одни кучи дымящегося пепла, удалился, провождаемый толпами пленников, большею частию жен и младенцев. Напрасно болгары хотели отмстить ему, стекаясь отовсюду к берегам Волги: россияне, готовые к битве, сели на ладии, распустили знамена и при звуке бубнов, труб, свирелей плыли медленно вверх по Волге в стройном ополчении. Болгары только смотрели на них с берега. Святослав близ устья Камы сошелся с ростовцами, устюжанами и с воеводою Георгиевым, который ходил опустошать ее берега, и взял несколько городков болгарских. Сей успех казался столь важным великому князю, что он встретил брата за несколько верст от столицы, благодарил его, осыпал дарами; три дня угощал всех воинов. Зимою явились во Владимир послы болгарские, требуя мира; но Георгий отвергнул их предложение и готовился к новому походу. Испытав многократно превосходную силу россиян, болгары всячески старались отвратить бедствие войны; наконец, посредством богатых даров, обезоружили великого князя. Послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир клятвою по Закону магометанскому. Георгий, будучи тогда сам на берегах Волги, имел случай снова осмотреть их, выбрал место и чрез несколько месяцев заложил Нижний Новгород [1221 г.], там, где сливаются две знаменитые реки нашего отечества и где скоро поселилось множество людей, привлеченных выгодами торговли и судоходства.

В сие время князь черниговский, брат Всеволода Чермного, разбил литовцев, которые искали добычи в его области. – Но важнейшим успехом российского оружия было тогда освобождение Галича от ига чужеземцев. Кажется, что бывший князь новогородский, Мстислав, занимаясь в Киеве ратными приготовлениями, умел скрыть цель оных: по крайней мере вельможи Андреевы, именем Коломана господствовавшие на берегах Днестра, не взяли никаких мер для обороны и бежали в Венгрию, как скоро Мстислав приближился. Столь легкий успех не мог ослепить сего князя: он знал, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступит ему сыновнего королевства мирно и что победа должна решить судьбу оного. Тамошние граждане желали снова повиноваться Даниилу: вопреки им, Мстислав сел на троне галицком, но в угождение народу выдал дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотел быть ему отцом; старался также сохранить любовь герцога польского и не мешал ему владеть частию западной России: ибо Лешко, передав Владимир сыновьям Романовым, занял Брест со многими другими наследственными их городами в окрестностях Буга. Напрасно Даниил жаловался

тестю на хищность герцога. Мстислав ответствовал: «Лешко мой друг». Но когда неуступчивый Даниил осмелился искать управы силою; когда, выехав в поле с собственною дружиною, отнял у ляхов все области российские: тогда оскорбленный герцог, считая Мстислава тайным наставником юного зятя, обвиняя того и другого в неблагодарности, в вероломстве, возобновил союз с Андреем Венгерским. «Отказываюсь от всякого участия в Галиции, — велел он сказать королю: — пусть властвует в оной сын твой. Изгоним только россиян». Андрей не мог желать иного. Венгры и ляхи, вступив в Галицкую землю, одержали победу над Димитрием, воеводою Мстислава. Сам Коломан предводительствовал ими и с удовольствием видел головы наших бояр, повергаемые к его ногам вместе с золотыми цепями. Оставив зятя в Галиче, Мстислав удалился к пределам киевским. Неприятели осадили Даниила: хотя сей юноша смелыми, счастливыми вылазками делал им много вреда, однако ж, исполняя повеление тестя, должен был наконец выйти из города, очистил себе путь мечом и за Днестром соединился с Мстиславом, который, обняв его как витязя достойного, в знак особенной дружбы подарил ему любимого своего коня и сказал: «Храбрый князь! Теперь иди в Владимир: я пойду за половцами. Мы отмстим врагам, и стыд наш падет на них». Он сдержал слово.

Союзники, венгры, ляхи, завоевав Галич, не дремали; первые усилились новыми полками своими и богемскими, присланными Андреем к Коломану с знаменитым воеводою Фильнием. Сей надменный барон изъявил величайшее презрение к россиянам и часто говорил в пословицу: «Один камень избивает множество глиняных сосудов. Острый меч, борзый конь и Русь у моих ног». Ляхи непрестанными впадениями тревожили область Владимирскую. К счастию, Даниил успел заключить мир с князьями литовскими, жмутскими, латышскими и мог наемным их войском устрашить собственные владения Лешковы. — Между тем деятельный Мстислав изготовился и двинул рать свою, усиленную половцами, к берегам Днестра. Воевода Андреев, гордый Фильний, не хотев подвергнуть юного Коломана опасностям битвы, оставил его в укрепленном Галиче и ждал россиян в поле. Ляхи стояли на правом крыле: венгры и галичане на левом; легкое войско их находилось впереди. Россияне показались: шли медленно и стройно; за ними половцы. Владимир Рюрикович предводительствовал одною частию войска, другою Мстислав, который, вдруг отделяся от полков, стал на высоком холме и долго смотрел на движения неприятелей, так что Владимир, встревоженный его отсутствием, велел с неудовольствием напомнить ему, сколь время дорого и сколь нужно действовать, не теряя оного.

«Не забывай (говорил он), что ты военачальник, а не зритель. Твое бездействие может погубить нас». Мстислав съехал с холма и спешил оживить храбрость воинов, именем Св. Креста обещая им победу. Уже битва началася. Владимир не устоял против ляхов: они гнали россиян, брали пленников, добычу и древними песнями отцов своих торжествовали победу. Венгры, галичане также имели успех, и бедствие наших казалось совершенным. Но Мстислав в самое то время с отборною дружиною и с половцами ударил в тыл неприятелю: изумленные, расстроенные венгры падали мертвые целыми рядами; сам предводитель их отдался в плен, и скоро ляхи к отчаянию своему увидели, что победа им изменила; окруженные россиянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бегством и все легли на месте. Одни половцы брали пленников, ловили коней, обнажали мертвых: россияне, исполняя волю князя, старались только о совершенном истреблении неприятеля. Еще многие ляхи оставались назади, не ведали о гибели своих и, видя издали государственное знамя польское, толпами стремились к оному; но сие знамя, с изображением белого орла, развевалось уже в руках победителя; они находили там смерть. Кровопролитие было ужасно; вопль, стон несчастных жертв достигал до Галича; трупы лежали кучами на пространстве необозримом. Россияне, торжествуя победу, все единодушно превозносили хвалами Мстислава храброго, называя его, по тогдашнему обыкновению, *красным солнцем* отечества.

Сей князь осадил Галич. Боясь измены граждан (ибо жители всех окрестных мест с радостию принимали Мстислава), венгры и ляхи выгнали их из крепости, чтобы обороняться до последней возможности; но россияне, ночью сделав подкоп, вошли в город. Тогда Коломан заключился в укрепленном храме Богоматери и еще с гордостию отвергнул свидание, предложенное ему Мстиславом. Чрез несколько дней, изнуренные голодом и жаждою, венгры сдалися. Князь российский уже не хотел слышать о милосердии. Ему представили несчастного Коломана и юную супругу его, в слезах, в глубокой горести: он велел за крепкою стражею отвезти их в Торческ, а баронов венгерских с женами и детьми отдал, как пленников, своей дружине и половцам, в награду за оказанное ими мужество. Только славный архиепископ краковский, летописец Кадлубко, и канцлер польский Ивон, бывшие в Галиче, успели заблаговременно спастися от неволи бегством. Герцог Лешко воспрепятствовал Даниилу соединиться с тестем до битвы: сей юноша славолюбивый успел только видеть свежие трофеи россиян на ее месте. Новейшие историки пишут, что гордый, счастливый Мстислав, торжествуя оную, принял на

себя имя *царя галицкого* и что российские епископы венчали его златым венцом Коломановым, доставшимся ему в руки.

Андрей, король венгерский, был в отчаянии и немедленно отправил вельможу своего, именем Яроша, сказать Мстиславу, чтобы он прислал к нему сына и всех пленников, или скоро увидит в России многочисленное победоносное войско венгров. Мстислав не испугался угрозы, но хладнокровно ответствовал, что победа зависит от Неба; что он ждет короля, надеясь с Божиею помощию смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда в силах походом иерусалимским, не имел желания воевать и прибегнул к доброхотствующим ему боярам галицким. Один из них, Судислав, плененный вместе с Коломаном, умев снискать особенную доверенность Мстислава, склонил его к миру, неожиданно выгодному для короля. Согласились, чтобы меньший сын Андреев, именем также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей в приданое отец назначил спорную Галицию. Следственно, Мстислав освободил сию землю от иноплеменников единственно для того, чтобы добровольно уступить им оную, взяв, может быть, только меры для безопасности церкви греческой! Не любя тамошних бояр мятежных и нелюбимый ими, он хотел сначала, как мы сказали, возвратить Галицию Даниилу, желаемому народом; но хитрые вельможи, тайные друзья Венгрии, представили ему, что Даниил возьмет ее, как наследственное достояние Романовых детей, без всякой особенной признательности и, с летами возрастая в силах, в честолюбии, не уважит благотворителя; а юный сын Андреев, всем обязанный милости тестя, не дерзнет ни в чем его ослушаться или в противном случае легко может быть лишен княжения. Мстислав — более воин, нежели политик — принял мнение бояр и, с радостию назвав Андрея сватом, освободил Коломана. Брак отложили за малолетством жениха и невесты, с обеих сторон утвердив договор клятвами. Между тем совесть Андреева находилась в затруднении: жених был прежде помолвлен на царевне арменской, единственной наследнице родительского престола. Боясь греха, король требовал разрешения от папы Гонория III. Вероятно, что герцог Лешко также писал в Рим и жаловался папе на условия мира, заключенного венграми с россиянами: ибо Гонорий (в 1222 году) ответствовал Андрею, что Галиция принадлежит Коломану, зятю герцога польского, возведенному на ее трон Апостольскою властию; что обязательство несправедливое, вынужденное бедствием Коломановым, само собою уничтожается; что малолетство жениха и невесты дает время отцам размыслить основательнее о выгодах или невыгодах такого союза; что надобно подождать, и проч. Однако ж Андрей не хотел нарушить договора, и Мстислав чрез некоторое время

отдал будущему зятю Перемышль, к неудовольствию жителей и герцога Лешка, который долженствовал, обманутый венграми, сам примириться с князьями российскими. Сей мир имел несчастные следствия для Александра, князя бельзского, взявшего сторону венгров и ляхов во время их первого успеха. Даниил и Василько, озлобленные коварством Александра, омрачили добрую славу юности своей разорением окрестностей Бельза, где народ долго помнил оное и называл *злою ночью:* ибо воины сыновей Романовых, свирепствуя там от заката до восхождения солнечного, не оставили камня на камне. Одно великодушие Мстислава спасло Александра: уважив ходатайство тестя, Даниил прекратил жестокое действие мщения и возвратился к матери, которая, видя его уже способного править землею, обуздывать вельмож, смирять неприятелей, удалилась от света в тишину монастырскую.

В сих происшествиях юго-западной России участвовали слабые тогда Ольговичи как союзники Мстислава. Великий же князь Георгий занимался единственно внутренним правлением собственной земли и внешнею безопасностию новогородцев, послав к ним осьмилетнего сына, Всеволода, на место Мстиславича, внука Романова, изгнанного народом. Опаснейшими их врагами были тогда Альбертовы рыцари: новогородцы требовали сильной помощи от Георгия и, с братом его, Святославом, вступив в Ливонию, опустошили берега реки Аа. Летописец немецкий говорит, что россияне своими жестокостями возбудили тогда гнев рижской Богоматери: изъявляя ненависть к ее новым храмам, разрушали латинские церкви, монастыри, пленяли жен, детей и жгли хлеб на полях. Сын Владимира Псковского, Ярослав, с войском литовских союзников встретил Святослава близ Кеси, или нынешнего Вендена: россияне осадили сей город. С утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Немцы всего удачнее действовали пращами и тяжело ранили многих из наших бояр под стеною. На другой день, узнав, что сам великий магистр ордена, Вольквин, ночью вошел в крепость и что к осажденным скоро прибудет новая помощь, — Святослав отступил. Но военные действия не прекратились: латыши, послушные немцам, беспрестанно злодействовали в окрестностях Пскова и не могли насытиться кровию людей безоружных; оставив домы и работы сельские, жили в наших лесах, грабили, убивали путешественников, земледельцев, уводили женщин, лошадей и скот. Дабы наказать сих разбойников, граждане псковские ходили осенью в землю латышей, где истребили все, что могли. — Несмотря на мирные, весьма неискренние предложения с обеих сторон, немцы и россияне не давали покоя друг другу. Первые, собрав ливь и латышей, дерзнули вступить в собственные наши пределы: обошли Псков

и в окрестностях Новагорода, по сказанию ливонского летописца, обратили в пепел несколько деревень. Латыши ограбили церковь близ самого предместия столицы, взяв иконы, колокола и другие вещи. Довольные сею местию, немцы спешили уйти без сражения и, боясь россиян, старались укрепиться в восточной Ливонии: строили замки, рыли в них колодези на случай осады, запасались хлебом, а всего более оружием и пращами. Возбуждаемые рыцарями, толпы чуди два раза зимою приходили внезапно из-за реки Наровы в Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; пленили множество людей и побили весь скот, которого не могли взять в собою.

В то время малолетний сын Георгиев, по желанию своих бояр, не находивших для себя ни выгод, ни удовольствия в Новегороде, тайно собрался ночью и со всем двором уехал к отцу. Народ опечалился; сиротствуя без главы, желал иметь князем хотя брата Георгиева; забыл свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к Ярославу-Феодору и принял его с живейшими знаками удовольствия: ибо надеялся, что он будет грозою внешних неприятелей. Ярослав, выгнав хищных литовцев из южных пределов новогородских и Торопецкой области, хотел отличить себя важнейшим подвигом и быть защитником северных ливонцев, утесненных тогда новыми пришельцами.

Вальдемар II, мужественный король датский, желая (как говорит современный летописец) «очиститься от грехов своих и доказать усердие к рижской Богоматери», высадил многочисленное войско на берега Эстонии, заложил Ревель[1] и в кровопролитной битве одержал над жителями победу, которая служила поводом к основанию данеброгского ордена: ибо рассказывают басню, что во время сражения красное знамя с белым крестом упало из облаков в руки к датчанам и что небо сим чудом оживило их мужество. Король возвратился в Данию, но оставил в Ревеле воинов и епископов, чтобы утвердить там христианскую Веру и власть свою, к неудовольствию рижских немцев, которые считали себя господами Эстонии. Шведы также прибыли в сию несчастную землю, также хотели крестить язычников. Бедные жители не знали, кого слушаться: ибо их мнимые просветители ненавидели друг друга, и датчане повесили одного чудского старейшину за то, что он дерзнул принять крещение от немцев! В сей крайности народ эзельский вооружился, побил шведов, взял приступом новую крепость, основанную датчанами на Эзеле. Скоро мятеж сделался общим в разных областях ливонских:

---

[1] Ревель — в русских летописях Колывань; позднее Таллинн.

граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть к немцам; умертвили многих рыцарей, священников, купцов, и мечи, обагренные их кровию, были посылаемы из места в место в знак счастливого успеха. Уже все жители северной Ливонии торжественно отреклись от христианства, вымыли свои домы, как будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велели сказать рижскому епископу, что они возвратились к древней Вере отцов и не оставят ее, пока живы. В сих обстоятельствах старейшины их призвали россиян в города свои, уступили им часть богатства, отнятого у немцев, и послали дары к новогородскому князю, моля его о защите.

Ярослав, собрав около 20 000 воинов, вступил в Ливонию. Жители встретили его с радостию, выдавали ему всех немцев, заключенных ими в оковы, и приняли россиян как друзей в Юрьеве, Оденпе и других местах. Князь новогородский хотел идти к Риге; но убежденный послами эзельскими, обратился к Эстонии, чтобы освободить сию землю от ига датчан. Близ Феллина он к изумлению своему увидел трупы многих россиян повешенных; рыцари, предупредив его, снова завладели сею крепостию и бесчеловечно умертвили бывших там новогородских воинов. Огорченный Ярослав клялся жестоким образом отмстить за такое злодейство, но вместо рыцарей наказал одних невинных жителей Феллинской области: лил их кровь, жег домы; довершил бедствие сих несчастных, которые искали убежища в диких лесах, стеная от немцев, россиян и болезней. — Удовлетворив своему гневу, Ярослав соединился с приморскими жителями Эстонии, осадил Ревель, или Колывань, и стоял под его стенами четыре недели без всякого важного успеха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно действуя пращами, что утомленный бесполезными приступами князь снял осаду и возвратился в Новгород, хотя без славы, однако ж с пленниками и добычею. В летописи именно сказано, что наши воины принесли тогда с собою немало *золота.*

Народ охотно повиновался Ярославу: но сей князь — неизвестно для чего — сам не захотел остаться в Новегороде, и Георгий вторично прислал на его место юного сына своего, Всеволода [1224 г.]. Надлежало обуздывать литву, бороться с властолюбивыми немцами в Ливонии, наблюдать датчан: а князь новогородский был десятилетний отрок! его именем правили чиновники: чтобы удержать за Россиею Дерпт, они уступили сей город одному из владетелей кривских, мужественному Вячку, который начальствовал прежде в двинском замке Кукенойсе. Имея у себя не более двух сот воинов, он утвердил свое господство в северной Ливонии: брал дань с жителей, строго нака-

зывал ослушников, беспрестанно тревожил немцев и счастливо отразил приступ их к Юрьеву. Тогда епископ Альберт созвал всех рыцарей, странствующих богомольцев, купцов, латышей и сам выступил из Риги, окруженный монахами, священниками. Сие войско расположилось в шатрах около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрел на все приготовления немцев. Они сделали огромную деревянную башню, равную в вышине с городскими стенами, и придвинули оную к самому замку, подкопав часть вала; но князь российский еще не терял бодрости. Напрасно Альберт предлагал ему мир и свободу выйти из крепости со всеми людьми, с их имуществом и с конями: Вячко не хотел о том слышать, надеясь, что новогородцы не оставят его без помощи. Стрелы и камни летали с утра до вечера из города и в город: немцы бросали туда и раскаленное железо, чтобы зажечь деревянные здания. Осажденные не имели покоя ни в самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работе осаждающих, которые, разводя большие огни, копали землю с песнями и музыкою: латыши гремели щитами, немцы били в литавры; а россияне также играли на трубах, стоя беспрестанно на стене. Утомленные трудами, ежедневными битвами, немцы собрались на общий совет. «Не будем терять времени (сказал один из них) и возьмем город приступом. Доселе мы излишно щадили врагов своих: ныне да погибнут все без остатка! Кто первый из нас войдет в крепость, тому честь и слава; тому лучший конь и знаменитейший пленник. Но опасный князь российский должен быть повешен на дереве». Одобрив сие предложение, рыцари устремились на приступ. Хотя жители и россияне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающих и несколько часов отражали немцев: однако ж принуждены были уступить превосходному числу врагов. Вслед за рыцарями ворвались в крепость и латыши, убивая своих единоземцев, жен, детей без разбора. Долее всех оборонялись россияне. Никто из них не мог спастися от меча победителей, кроме одного суздальского боярина: пленив его, немцы дали ему коня и велели ехать в Новгород, чтобы объявить там о бедствии россиян. Храбрый Вячко находился в числе убитых.

Новогородцы шли к Юрьеву и стояли близ Пскова: рыцари не хотели ждать их; над кучами мертвых тел с веселою музыкою отпели благодарный молебен, сожгли крепость и спешили удалиться. Ливонский летописец прибавляет, что россияне, не имея тогда надежды воевать счастливо, предложили мир епископу рижскому; что Альберт заключил оный с их послами и выдал им из казны своей часть дани, которую они прежде собирали в земле латышей: ибо сей хитрый епископ иногда еще признавал

россиян господами Ливонии, чтобы, обманывая их, тем спокойнее властвовать над оною.

Новогородцы, примирясь с рижским орденом, должны были вооружиться для защиты южных границ своих. Посадник города Русы вышел с войском против литовцев и не мог устоять в битве с ними: сии мужественные разбойники одержали победу, взяли в добычу множество коней и бежали назад в свою землю: ибо никогда не думали о завоеваниях, желая только вредить россиянам и грабить селения.

Доселе, в течение двух столетий и более, мы видели древнее отечество наше беспрестанно терзаемое войнами междоусобными и нередко хищными иноплеменниками; но сии времена — столь, кажется, несчастные — были златым веком в сравнении с последующими. Настало время бедствия общего, гораздо ужаснейшего, которое, изнурив государство, поглотив гражданское благосостояние оного, унизило самое человечество в наших предках и на несколько веков оставило глубокие, неизгладимые следы, орошенные кровию и слезами многих поколений. *Россия* в 1224 году *услышала о татарах...*

Готовясь описывать редкое народное несчастие, гибель воинств и княжений российских, порабощение государства, утрату лучших областей его, считаем за нужное обозреть тогдашнее состояние России, от времен Ярослава Великого до нашествия сих грозных иноплеменников.

Глава VII

СОСТОЯНИЕ РОССИИ С XI ДО XIII ВЕКА

Права великих князей. Княжеские съезды. Право наследственное. Враги внешние. Правление. Обряды и чины двора. Войско. Торговля. Ганза. Договор с немцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзия. Нравы. Древнейшее путешествие в Россию.

Ярослав, могущественный и самодержавный подобно Св. Владимиру, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского, как присяжники и знаменитые слуги его. Отдав ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россию и Новгород, он думал, что Изяслав и наследники его, сильнейшие других князей, могут удерживать

их в границах нужного повиновения и наказывать ослушников. Ярослав не предвидел, что самое великое княжение раздробится, ослабеет и что удельные владетели, чрез союзы между собою или с иными народами, будут иногда предписывать законы мнимому своему государю. Уже Всеволод I долженствовал воевать с частным князем его собственной области, а Святослав II ответствовать как подсудимый на запросы князей удельных. Одаренные мужеством и благоразумием, Мономах и Мстислав I еще умели повелевать Россиею; но преемники их лишились сей власти, основанной на личном уважении, и Киев зависел наконец от Суздаля. Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил систему уделов в своих областях; если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди: то они могли бы восстановить единовластие. Но Россия, по кончине Всеволода Георгиевича, осиротела без главы, и сыновья его совсем не думали быть монархами.

Ярослав разделил государство на четыре области, кроме Полоцкой, оставленной им в наследие роду старшего брата его: в течение времени каждая из оных разделилась еще на особенные уделы — и князья первых стали после называться *великими* в отношении к частным, или *удельным*, от них зависевшим. Волыния, Галиция, земля древличей отошли от Киева. Княжение Переяславское, весьма знаменитое при Всеволоде I и Мономахе, утратило Суздаль, Ростов, Курск; а Черниговское — Рязань и Муром (кроме Тмутороканя, завоеванного половцами); Новгород Северский, Стародуб, иногда земля вятичей во XII веке принадлежали разным владетелям, нередко обнажавшим меч друг на друга. Смоленское также имело частные уделы: торопецкий и красенский. Самый Новгород, древнее достояние государей киевских, славный храбростию и богатством жителей, присвоив себе власть избирать князей, не мог сохранить целости владений своих. Псковитяне действовали иногда как независимые от него и свободные граждане.

Мономах, еще не будучи великим князем, видя с горестию безначалие и неустройство в России, хотел уменьшить сие великое зло учреждением общих княжеских советов, или съездов, которые иногда воспаляли в сердцах любовь к отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вредного междоусобия. Вследствие такого съезда несчастный Василько был ослеплен, а Глеб Рязанский обагрил руки свои кровию братьев.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наследства. Мы уже заметили выше, что по древнему обычаю не сын, но брат умершего государя или старший в роде долженствовал быть его преемником. Мономах, убежденный народом властвовать

в столице по кончине Святополка-Михаила, нарушил сей обычай; а как родоначальник владетелей черниговских был старее Всеволода I, то они в сыновьях и внуках Мономаховых ненавидели похитителей великокняжеского достоинства и воевали с ними. Но истинными наследниками киевского престола, согласно с тогдашним обыкновением, были потомки Изяслава I[1], которые не искали сей чести, мирно господствуя в уделах туровском и пинском.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внешних? Одному особенному счастию надлежит приписать то, что Россия в течение двух веков не утратила своей народной независимости, от времени до времени имея князей мужественных, благоразумных. Как Ярослав Великий решительным ударом навсегда избавил отечество от свирепости печенегов, так Мономах блестящими победами, в княжение Святополка II, ослабил силу жестоких половцев: они все еще тревожили Днепровскую область набегами, но уже не столь гибельными, как прежде; в отношении к своим диким нравам чувствовали превосходство россиян, любили называться славянскими именами и даже охотно крестились. Два раза поляки были господами нашей древней столицы, но испытав ужасную месть россиян и стеная от собственных бедствий внутри государства, волнуемого мятежами, оставляя нас в покое. Мужественные князья галицкие — Владимирко, Ярослав, Роман — служили для России щитом на юго-западе и держали венгров в страхе. Дунайские болгары, с 1185 года свободные от ига греков, были тогда сильным народом; в 1205 году разбили латинского императора Балдвина, взяли его в плен и доходили до врат Константинополя; но жили мирно с нами. Сын их героя Асана, именем Иоанн, принужденный выехать из отечества, искал защиты россиян и с помощью сих верных друзей — вероятно, знаменитого Мстислава Галицкого — в 1222 году восшел на престол своего дяди. — Болгары камские не имели духа воинского. Рыцари немецкие вытеснили новогородцев и кривичей из Ливонии, но далее не могли распространить своих завоеваний; а литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других, опаснейших врагов отечество наше тогда не знало и, несмотря на развлечение внутренних сил его, еще славилось могуществом в отношении к соседям, наблюдая законы предков в своем правлении, успевая в делах воинских, в торговле, в гражданском образовании.

---

[1] Изяслав I, — сын Ярослава Мудрого.

Что касается собственно до правления, то оно в сии времена соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности. Когда Олег, Святослав, Владимир, окруженные славою побед, величием завоевателей, силою единодержавия в целой России, повелевали народу: народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда государство разделилось; когда лучи славы угасли над престолом Св. Владимира и вместо одного явились многие государи в России: тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы княжеской власти или противился ее действию. Самовластие государя утверждается только могуществом государства, и в малых областях редко находим монархов неограниченных. Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен: везде, и в самом Новегороде, князь судил, наказывал и сообщал власть свою тиунам; объявлял войну, заключал мир, налагал дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою веча, нередко останавливали государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решили собственную судьбу его как вышние законодатели. Жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами,* не имели сего права. Вероятно, что и в столицах не все граждане могли судить на вечах, а только старейшие или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство также участвовало в делах правления. Святополк-Михаил и Мономах звали Олега на совет с боярами, градскими людьми, епископами, игуменами. Митрополит киевский присутствовал на вече Софийском. Архиепископ новогородский ездил с судными делами к Андрею Боголюбскому. Подобно князьям, вельможам, богатым купцам владея селами, епископы пользовались в оных исключительным правом судебным без сношения с гражданскою властию; под главным ведомством митрополита судили иереев, монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями. Россияне в XIII веке уже имели перевод греческого Номоканона, или Кормчей книги: она хранилась в новогородском соборе и служила правилом для разбирательства случаев, относящихся к совести христиан. — Духовным же особам были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убеждения рассудка, подкрепляемые гласом Веры, тем сильнее действовали на сердца людей. — Но епископы, избираемые князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны. В отношениях гражданских святитель совершенно зависел от суда княжеского: так Ярослав-Феодор (в 1229 году) судил какую-то важную тяжбу епископа ростовского, Кирилла, обвинил его и лишил почти всего имения. (К чести сего Кирилла, славного необыкновенным бо-

гатством, скажем, что он, вместо жалоб, принес благодарность Небу; раздал остаток своего достояния друзьям, нищим и, подобно Иову страдая тогда от недуга телесного, постригся в схиму.)

Восшествие государя на трон соединено было с обрядами священными: митрополит торжественно благословил Долгорукого властвовать над южною Россиею; киевляне, новогородцы сажали князей на престол в Софийском храме. Князь в самой церкви, во время Литургии, стоял с покровенною главою, в шапке или клобуке (может быть, в венце); украшал вельмож своих златыми цепями, крестами, гривнами; жаловал придворных в казначеи, ключники, постельники, конюшие и проч. Что прежде называлось *дружиною* государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *двором:* бояре, отроки и мечники княжеские составляли оный.

Сии *дворяне,* первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей, *пасынков,* или отроков боярских (названных так для отличия от княжеских) и гридней, или простых мечников, означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы. Совершив поход — большею частию в конце зимы — князь обирал у воинов оружие, чтобы хранить его до нового предприятия. Войско разделялось на полки, конные и пехотные, на копейщиков и стрелков; последние обыкновенно начинали дело. Главный воевода именовался тысячским: князья имели своих тысячских, города также. Если сказания Нестора о числе Олеговых и Игоревых воинов, справедливы, то древнейшие ополчения российские были многолюднее, нежели в XI, XII и XIII столетии; ибо сильнейшее *известное* нам войско в течение сих веков состояло только из 50 000 ратников[1]. Воины надевали латы единственно в то время, когда уже готовились к битве; самое оружие, для облегчения людей, возили в телегах: отчего неприятель, пользуясь нечаянностию, иногда нападал на безоружных. Войско робкое или малочисленное ограждало себя в поле кольями и плетнем; такие же ограды деревянные, или *остроги,* служили внешнею защитою для крепостей, замков, или *детинцев.* Немецкий летописец, хваля меткость наших стрелков, говорит, что россияне могли учиться у ливонских рыцарей искусству города: но стенобитные орудия, или *пороки,* уже давно были у нас известны.

---

[1] Речь идет о войске Андрея Боголюбского под Вышгородом в 1173 г. (см. т. III, гл. I.)

Ни внутренние раздоры, ни внешние частые войны не препятствовали в России мирным успехам торговли, благодетельным для гражданского образования народов. В сие время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили в Киев купеческие флоты из Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что князья, ожидая их, из самых дальних мест присылали войско к Каневу для обороны судов от хищных половцев. Днепр в течении своем от Киева к морю назывался обыкновенно *путем греческим*. Мы уже говорили о предметах сей торговли. Россияне, покупая соль в Тавриде, привозили в Сурож, или Судак, богатый и цветущий, горностаевые и другие меха драгоценные, чтобы обменивать их у купцов восточных на бумажные, шелковые ткани и пряные коренья. Половцы, овладев Тмутороканем и едва не всем Крымом, для собственных выгод не мешали торговле и первые, кажется, впустили генуэзцев в южную часть Тавриды. По крайней мере сии корыстолюбивые, хитрые италиянцы еще за несколько лет до нашествия татар имели торговые заведения в Армении, следственно, уже господствовали на Черном море. В самое то время, когда войско российское сражалось с половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для ее безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венецияне жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством россиян, которые дозволяли христианам латинской церкви свободно и торжественно отправлять свое богослужение, но запрещали им спорить о Вере: так Владимир Рюрикович Киевский выгнал (в 1233 году) какого-то Мартина, приора латинского храма Св. Марии в Киеве, вместе с другими монахами католическими, боясь — как говорит польский историк — *чтобы сии проповедники не доказали, сколь Вера греческая далека от истины!*

Подобно Черному морю и Днепру, Каспийское и Волга служили другим важным путем для торговли. Болгары, в случае неурожая питая хлебом Суздальское великое княжение, могли доставлять нам и ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города болгарского, в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлися армянские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и *кожи* на товары персидские и другие. Доныне под именем *болгар* разумеется в Турции восточные сафьяны, а в Бухарии юфть: из чего заключают, что Азия получала некогда сей товар от болгаров. Достойно примечания, что в древнем их отечестве, в Казани, и ныне делаются лучшие из русских сафь-

янов. В упомянутых развалинах найдены также арабские надписи от 1222 до 1341 года по христианскому летосчислению, вырезанные отчасти над могилами *ширванских* и *шамаханских* уроженцев. — Земледельцы находят иногда в окрестностях сего места золотые мелочи, женские украшения, серебряные арабские монеты и другие без всякой надписи, ознаменованные единственно произвольными изображениями, точками, звездочками и без сомнения принадлежавшие народу безграмотному (может быть, чудскому). Такие любопытные памятники свидетельствуют о древнем цветущем состоянии российской Болгарии.

Новгород, серебром и мехами собирая дань в Югре, посылал корабли в Данию и в Любек. В 1157 году, при осаде Шлезвига, король датский, Свенд IV, захватил многие суда российские и товары их роздал, вместо жалования, воинам. Купцы новогородские имели свою церковь на острове Готландии, где цвел богатый город Визби, заступив место Винеты, и где до XVII века хранилось предание, что некогда товары индейские, персидские, арабские шли чрез Волгу и другие наши реки в пристани Балтийского моря. Известие вероятное: оно изъясняет, каким образом могли зайти на берега сего моря древние монеты арабские, находимые там в большом количестве. — Готландцы, немцы издавна живали в Новегороде. Они разделялись на два общества: *зимних* и *летних гостей.* Правительство обязывалось за установленную плату высылать к Ижоре, навстречу им, лодошников: ибо сии купцы, боясь порогов невских и волховских, обыкновенно перегружали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна гривну кун, а с нагруженного хлебом полгривны. В Новегороде отведены были особенные дворы немецким и готландским купцам, где они пользовались совершенною независимостию и ведались собственным судом, избирая для того старейшин; один посол княжеский мог входить к ним. Обиженный россиянином гость жаловался князю и тиуну новогородскому; обиженный гостем россиянин — старейшине иноземцев. Сии тяжбы решились на дворе Св. Иоанна. Готландцы имели в Новегороде божницу Св. Олава, немцы храм Св. Петра, а в Ладоге Св. Николая, с кладбищами и лугами. Когда же, в течение XIII столетия, вольные города германские Любек, Бремен и другие, числом наконец до семидесяти, вступили в общий, тесный союз, славный в истории под именем Ганзы, утвержденный на правилах взаимного дружества и вспоможения, нужный для их безопасности и свободы, для успехов торговли и промышленности — союз столь счастливый, что он, господствуя на двух морях, мог давать законы народам и венценосцам, — когда Рига и Готландия присоединились к сему братству: тогда Новгород сделался еще важнее в

купеческой системе Европы северной: Ганза учредила в нем главную контору, называла ее *матерью* всех иных, старалась угождать россиянам, пресекая злоупотребления, служившие поводом к раздорам; строго подтверждала купцам своим, чтобы товары их имели определенную доброту, и чтобы купля в Новегороде производилась всегда менoю вещей без всяких долговых обязательств, из коих выходили споры. Немцы привозили тонкие сукна, в особенности фламандские, соль, сельди и хлеб в случае неурожая, покупая у нас меха, воск, мед, кожи, пеньку, лен. Ганза торжественно запрещала ввозить в Россию серебро и золото; но купцы не слушались устава, противного их личным выгодам, и доставляли Новугороду немало драгоценных металлов, привлекаемые туда славою его изобилия и рассказами, почти баснословными, о пышности двора княжеского, вельмож, богатых граждан. — Псков участвовал в сей знаменитой торговле, и правительство обоих городов, способствуя успехам ее, довольствовалось столь умеренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрым бескорыстием.

Древняя Биармия, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли шведские, норвежские не переставали до самого XIII века ходить к устью Северной Двины. Летописцы скандинавские повествуют, что в 1216 году знаменитый купец их, Гелге Богрансон, имев несчастную ссору с биармским начальником, был там умерщвлен вместе со всеми товарищами, кроме одного, именем Огмунда, ушедшего в Новгород. Сей Огмунд ездил из России в Иерусалим и, возвратясь в отечество, рассказал о жалостной кончине Богрансона. Норвежцы хотели мстить за то биармским жителям и, в 1222 году прибыв к ним на четырех кораблях, ограбили их землю, взяли в добычу множество *клейменого* серебра, мехов *бельих,* и проч.

Смоленск имел также знатную торговлю с Ригою, с Готландиею и с немецкими городами: чему доказательством служит договор, заключенный с ними смоленским князем Мстиславом Давидовичем в 1228 году. — Предлагаем здесь главные статьи оного, любопытные в отношении к самым нравам и законодательству древней России.

«1. Мир и дружба да будут отныне между Смоленскою областию, Ригою, *Готским* берегом (Готландиею) и всеми немцами, ходящими по *Восточному морю,* ко взаимному удовольствию той и другой стороны. А если — чего Боже избави — сделается в ссоре убийство, то за жизнь вольного человека платить десять гривен серебра, *пенязями* (деньгами) или кунами, считая оных (кун) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударит холопа, платит гривну кун; за повреждение глаза, отсечение руки, ноги

и всякое увечье 5 гривен серебра; за вышибленный зуб 3 гривны (серебра же); за окровавление человека посредством дерева 1½ гривны, за рану без увечья то же; кто ударит палицею, батогом или схватит человека за волосы, дает ¾ гривны. Если россиянин застанет немца или немец россиянина у своей жены; также если немец или россиянин обесчестит девицу или вдову хорошего поведения, то взыскать с виновного 10 гривен серебра. Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная. Если виновный найдет поруку, то не заключать его в оковы и не сажать в темницу; не приставлять к нему и стражи, пока истец не дал знать о своей жалобе старейшему из единоземцев обидчика, предполагаемому миротворцу. — С вором, пойманным в доме или у товара, хозяин волен поступать, как ему угодно.

2. Заимодавец чужестранный удовлетворяется прежде иных; он берет свои деньги и в таком случае, когда должник осужден за уголовное преступление лишиться собственности. Если холоп княжеский или боярский умрет, заняв деньги у немца, то наследник первого — или кто взял его имение — платит долг.

3. И немец и россиянин обязаны в тяжбах представлять более двух свидетелей из своих единоземцев. Испытание невинности посредством раскаленного железа дозволяется только в случае обоюдного на то согласия; принуждения нет. Поединки не должны быть терпимы; но всякое дело разбирается судом по законам той земли, где случилось преступление. Один князь судит немцев в Смоленске; когда же они сами захотят идти на *суд общий,* то их воля. Сею же выгодою пользуются и россияне в земле немецкой. Те и другие увольняются от судных пошлин: разве люди добрые и нарочитые присоветуют им что-нибудь заплатить судье.

4. Пограничный тиун, сведав о прибытии гостей немецких на волок, немедленно дает знать тамошним жителям, чтобы они везли на возах товары сих гостей и пеклись о личной их безопасности. Жители платят за товар немецкий или смоленский, ими утраченный. Немцы на пути из Риги в Смоленск и на возвратном увольняются от пошлины: также и россияне в земле немецкой. Немцы должны бросить жребий, кому ехать наперед; если же будет с ними купец русский, то ему остаться позади. — Въехав в город, гость немецкий дарит княгине кусок полотна, а тиуну волокскому перчатки готские; может купить, продать товар или ехать с оным из Смоленска в иные города. Купцы русские пользуются такою же свободою на *Готском береге* и вольны ездить оттуда в Любек и другие города немецкие. — Товар, купленный и вынесенный из дому, уже не возвращается хозяину, и купец не должен требовать назад своих денег. — Немец дает весовщику за две *капи,* или 24 пуда, куну *смоленскую,* за гривну

купленного золота ногату, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосуд от гривны куну; в случае *продажи металлов* ничего не платит; когда же покупает вещи на серебро, то с гривны вносит куну смоленскую. — Для поверки весов хранится одна *капь* в церкви Богоматери на горе, а другая в немецкой божнице» (следственно и в Смоленске была католическая церковь): «с сим весом должны и волочане сверять пуд, данный им от немцев.

5. Когда смоленский князь идет на войну, то ему не брать немцев с собою: разве они сами захотят участвовать в походе. И россиян не принуждать к военной службе в земле немецкой.

6. Епископ рижский, мастер Фолкун (Volquin) и все другие рижские властители признают Двину вольною, от устья до вершин ее, для судоходства россиян и немцев. Если — чего Боже избави — ладия русская или немецкая повредится, то гость может везде пристать к берегу, выгрузить товар и нанять людей для вспоможения; но им более договорной цены с него не требовать.

Сия грамота имеет для Полоцка и Витебска то же действие, что и для Смоленска. Она писана при священнике Иоанне, мастере Фолкуне и многих купцах рижского *царства,* приложивших к ней свои печати; а свидетели подписались»... Следуют имена некоторых жителей Готландии, Любека, Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказано: «Кто из россиян или немцев нарушит наш устав, будет противен Богу».

О сем договоре упоминается и в немецкой летописи, где он назван весьма благоприятным для купцов ливонских; но предки наши, давая им свободу и права в России, не забывали собственных выгод: таким образом, увольняя чужеземных гостей, *продавцов* серебра и золота, от всякой пошлины, хотели чрез то умножить количество ввозимых к нам металлов драгоценных. В рассуждении цены серебра заметим, что она со времен Ярослава до XIII века, кажется, не возвысилась относительно к *смоленской* ходячей или кожаной монете: Ярослав назначает в *Правде* 40 гривен пени кунами за убийство, а Мстислав Давидович в уставе своем 10 гривен серебром, полагая 4 гривны кун на одну гривну серебра, — следственно, ту же самую пеню: напротив чего новогородские куны унизились.

Не только купцов, но и других чужеземцев, полезных знаниями и ремеслом, россияне старались привлекать в свою землю: строителей, живописцев, лекарей. От Ярослава Великого до времен Андрея Боголюбского знаменитейшие церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами; но в 1194 году владимирский епископ Иоанн, для возобновления древнего суздальского храма Богоматери, нашел между собственными церковниками искусных мастеров и литейщиков, которые весьма красиво

отделали сию церковь снаружи и покрыли оловом, не взяв к себе в товарищи ни одного *немецкого* художника. Тогда же славился в Киеве зодчий, именем Милонег-Петр, строитель каменной стены на берегу Днепра под монастырем Выдубецким, столь удивительной для современников, что они говорили об ней как о великом чуде. Греческие живописцы, украсив образами Киевскую лавру, выучили своему художеству добродетельного монаха печерского Св. Алимпия, бескорыстного и трудолюбивого: не требуя никакой мзды, он писал иконы для всех церквей и, занимая деньги на покупку красок, платил долги своею работою. Сей Алимпий есть древнейший из всех известных нам живописцев российских. Кроме икон церковных, они изображали на хартиях в священных книгах разные лица, без особенного искусства в рисунке, но красками столь хорошо составленными, что в шесть или семь веков свежесть оных и блеск золота нимало не помрачились. — Заметим также, касательно рукоделий, что древние бояре княжеские обыкновенно носили у нас *шитые золотом оплечья:* итак, искусство золотошвеев — сообщенное нам, как вероятно, от греков — было известно в России прежде, нежели во многих других землях европейских.

Мы упомянули о лекарях: ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве арменские врачи: один из них (как пишут), взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти. Врач Николы Святоши был сирианин. Многие лекарства составлялись в России: лучшие и драгоценнейшие привозились чрез Константинополь из Александрии. Желая всеми способами благодетельствовать человечеству, некоторые из наших добрых монархов старались узнавать силу целебных трав для облегчения недужных и часто успехами своими возбуждали зависть в лекарях чужеземных. Печерский инок Агапит самым простым зелием и молитвою исцелил Владимира II, осужденного на смерть искусным врачом арменским.

Таким образом, художества и науки, быв спутниками христианства на Севере, водворялись у нас в мирных обителях уединения и молитвы. Те же благочестивые иноки были в России первыми наблюдателями тверди небесной, замечая с великою точностию явления комет, солнечные и лунные затмения; путешествовали, чтобы видеть в отдаленных странах знаменитые святостию места и, приобретая географические сведения, сообщали оные любопытным единоземцам; наконец, подражая грекам, бессмертными своими летописями спасли от забвения память наших древнейших Героев, ко славе отечества и века. Митрополиты, епис-

копы, ревностные проповедники христианских добродетелей, сочиняли наставления для мирян и духовных. Суздальский святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, монах лавры Киевской, описали ее достопамятности и жития первых угодников слогом уже весьма ясным и довольно чистым. Вообще духовенство наше было гораздо просвещеннее мирян; однако ж и знатные светские люди учились. Ярослав I, Константин отменно любили чтение книг. Мономах писал не только умно, но и красноречиво. Дочь князя полоцкого, святая Евфросиния, день и ночь трудилась в списывании книг церковных. Верхуслава, невеста Рюрикова, ревностно покровительствовала ученых мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игореве* сочинено в XII веке и без сомнения мирянином: ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные. Вероятно, что оно в рассуждении слога, оборотов, сравнений есть подражание древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей: так, сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещие персты,* летая по *живым струнам, рокотали* или гласили *славу* наших витязей. К несчастию, песни Бояновы и, конечно, многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частию памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь — здания и хартии. Тем достойнее внимания *Слово о полку Игореве,* будучи в своем роде единственным для нас творением: предложим содержание оного и места значительнейшие, которые дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков.

Игорь, князь северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: «Хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить Дону!»* Многочисленная рать собирается: «Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новегороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы». Игорь, *вступив в златое стремя,* видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери ревут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, злато и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах, вместо мостов для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя не-

приятельское с древком сребряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: «Ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «сыплет на врагов стрелы, громит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет златой шишак его, там лежат головы половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дня пылает битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом». Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «Ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Дон вычерпать шлемами», — Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями калеными», — Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные», — сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «О вы, славного гнезда *шестокрильцы!* заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого *Осмомыслом,* прибавляя: «сидя высоко на престоле златокованом, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то же время Сочинитель оплакивает гибель одного кривского князя, убитого литовцами: «Дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою из мощного тела чрез златое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «На берегах Немана стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела... О времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным)!.. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его?.. О Днепр славный! Ты пробил горы каменные, стремяся в землю половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! Ты для всех тепло и красно: почто

же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится в ладию и плывет Донцом в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: «Немало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле веселия». Князь ответствует: «Немало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных,* одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить Всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и Сочинитель, повторив слова Боянова: «худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игорево. Слава князьям и дружине!» Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов.

Со времен Владимира Святого нравы долженствовали измениться в древней России от дальнейших успехов христианства, гражданского общежития и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нередко сами укрывались в них от сует мира. Достойные святители и пастыри церкви учили государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями; были ходатаями человечества и вступались за утесненных. Россияне, по старинному обыкновению, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость как добродетель; явно имели наложниц, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народ жаловался на корыстолюбие тиунов и князей. Летописцы XIII века с отменным жаром хвалят умеренность древних властителей российских: «Прошли те благословенные времена (говорят они), когда государи наши не собирали имения, а только воевали за отечество, покоряя чуждые земли; не угнетали людей налогами и довольствовались одними справедливыми вирами, отдавая и те своим воинам, на оружие. Боярин же твердил государю: *мне мало двух сот гривен;* а кормился жалованьем и говорил товарищам: *станем за князя, станем за Русскую землю!* Тогда жены боярские носили не златые, а просто *серебряные* кольцы. Ныне другие времена!» — Однако ж ни миролюбивые правила христианства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратного духа наших предков; даже

самые уставы церковные питали оный: так, воин накануне похода освобождался от всякой эпитимии. Сыновья княжеские возрастали в поле и в станах воинских; еще не достигнув лет юношества, уже садились на коней и мечом грозили врагу. К сожалению, сей дух воинственный не был управляем благоразумием человеколюбия в междоусобиях князей: злобствуя друг на друга, они без стыда разоряли отечество, жгли селения беззащитные, пленяли людей безоружных.

Наконец скажем, что если бы Россия была единодержавным государством (от пределов Днестра до Ливонии, Белого моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы в могуществе никакой державе сего времени; спаслась бы, как вероятно, от ига татарского и, находясь в тесных связях с Грециею, заимствуя художества ее, просвещение, не отстала бы от иных земель европейских в гражданском образовании. Торговля внешняя, столь обширная, деятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства с домами многих знаменитейших государей христианских — императоров, королей, принцев Германии — делали наше отечество известным в отдаленных пределах Востока, Юга и Запада. К дошедшим до нас чужестранным известиям о тогдашней России принадлежит сказание испанского еврея Вениамина, сына Ионы, о многих азиатских и европейских землях, им виденных. В 1173 году выехав из Сарагоссы, он долго путешествовал и записывал свои примечания, иногда с довольною подробностию; но, упомянув о России, говорит только, что она весьма пространна; что в ней много лесов и гор; что жители от чрезмерного холода зимою не выходят из домов, ловят соболей и торгуют людьми.

Таким образом, предложив читателю известия и некоторые мысли, служащие к объяснению наших древностей, обратимся к описанию важных происшествий.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ 1224—1238 гг.

Происхождение татар. Чингисхан. Его завоевания. Половцы бегут в Россию. Мнения о татарах. Совет князей. Избиение послов татарских. Битва на Калке. Правило татар. Победители скрываются. Удивление россиян. Ужасные предзнаменования. Новые междоусобия. Набеги литовские. Поход в Финляндию. Христианство в земле Корельской. Новогородцы жгут волшебников. Нелюбовь к Ярославу. Сношения с папою. Бедствия новогородцев. Происшествия в южной России. Льготные грамоты Великого Ярослава. Землетрясение. Затмение солнца. Мятеж в Новегороде. Голод и мор. Услуга немцев. Криводушие Михаила. Святая Евпраксия. Война с немцами и с литвою. Бедствие Смоленска. Подвиги Данииловы. Война с мордвою. Мир с болгарами. Мученик Аврамий. Смерть Чингисхана. Его завещание. Новое нашествие татар, или моголов. Ответ князей. Зараз. Взятие Рязани. Мужество Евпатия. Коломенская битва. Сожжение Москвы. Взятие Владимира. Опустошение многих городов. Битва на Сити. Герой Василько. Спасение Новагорода. Осада Козельска. Отшествие Батыево.

В нынешней Татарии китайской, на юг от Иркутской губернии, в степях, неизвестных ни грекам, ни римлянам, скитались орды моголов, единоплеменных с восточными турками[1]. Сей народ дикий, рассеянный, питаясь ловлею зверей, скотоводством и грабежом, зависел от татар *ниучей*[2], господствовавших в северной части Китая; но около половины XII века усилился и начал славиться победами. Хан его, именем Езукай Багадур, завоевал некоторые области соседственные и, скончав дни свои в цветущих летах, оставил в наследие тринадцатилетнему сыну, Темучину, 40 000 подвластных ему семейств, или данников. Сей отрок, воспитанный в просторе жизни пастырской[3], долженствовал удивить мир геройством и счастием, покорить миллионы людей и сокрушить государства, знаменитые сильными воинствами, цветущими искусствами, науками и мудростию своих древних законодателей.

---

[1] Речь идет о Монголии.

[2] Н и у ч и — чжурчжени, племена тунгусского происхождения, населявшие Восточную Манчжурию.

[3] П а с т ы р с к и й — пастуший, сельский.

По кончине Багадура многие из данников отложились от его сына. Темучин собрал 30 000 воинов, разбил мятежников и в семидесяти котлах, наполненных кипящею водою, сварил главных виновников бунта. Юный хан все еще признавал над собою власть монарха татарского и служил ему с честию в разных воинских предприятиях; но скоро, надменный блестящими успехами своего победоносного оружия, захотел независимости и первенства. Ужасать врагов местию, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным было его правилом. Все особенные начальники могольских и татарских орд добровольно или от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядом пил ее воду и клялся делить с ними все *горькое* и *сладкое* в жизни. Но хан Кераитский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником *Темучинова гнева.* В то время как многочисленное войско могольское, расположенное в девяти станах близ источников реки Амура, под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святой пустынник, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что бог отдает Темучину всю землю и что сей владетель мира должен впредь именоваться *Чингисханом,* или Великим ханом. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудиями воли Небесной: народы следовали их примеру. Киргизы южной Сибири и славные просвещением игуры, или уйгуры, обитавшие на границах Малой Бухарии, назвалися подданными Чингисхана. Сии уйгуры, обожая идолов, терпели у себя магометан и христиан несторианских; любили науки, художества и сообщили грамоту всем другим народам татарским. Царь Тибета также признал Чингисхана своим повелителем.

Достигнув столь знаменитой степени величия, сей гордый хан торжественно отрекся платить дань монарху ниучей и северных областей Китая, велев сказать ему в насмешку: «Китайцы издревле называют своих государей *сынами Неба;* а ты *человек* — и смертный!» Большая каменная стена, служащая оградою для Китая, не остановила храбрых моголов: они взяли там 90 городов, разбили бесчисленное войско неприятельское, умертвили множество пленных старцев, как людей бесполезных. Монарх ниучей обезоружил своего жестокого врага, дав ему 500 юношей и столько же девиц прекрасных, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисхан, вторично вступив в Китай, осадил столицу его, или нынешний Пекин. Отчаянное сопротивление жителей не могло спасти города: моголы овладели им (в 1215 году)

и зажгли дворец, который горел около месяца. Свирепые победители нашли в Пекине богатую добычу и мудреца, именем Иличуцая, родственника последних императоров китайских, славного в истории благодетеля людей: ибо он, заслужив любовь и доверенность Чингисхана, спас миллионы несчастных от погибели, умерял его жестокость и давал ему мудрые советы для образования диких моголов.

Еще татары-ниучи противоборствовали Чингисхану: оставив сильную рать в Китае, под начальством мужественного предводителя, он устремился к странам западным, и сие движение войска его сделалось причиною бедствий для России. Мы говорили о турках алтайских: хотя они, утесненные с одной стороны китайцами, а с другой аравитянами (во XII веке завладевшими Персиею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники их, служив долгое время калифам, освободились наконец от ига и были основателями разных государств могущественных. Так, в исходе XI века монарх турков-сельчуков, именем Челаддин, господствовал от моря Каспийского и Малой Бухарии до реки Гангеса, Иерусалима, Никеи и давал повеления багдадскому калифу, папе магометан. Сие государство исчезло, ослабленное распрями частных его владетелей и завоевателями крестоносцев в Азии: на развалинах его, в конце XII столетия, возвеличилась новая турецкая династия монархов харазских, или хивинских, которые завладели большею частию Персии и Бухариею. В сие время там царствовал Магомет II, гордо называясь вторым Александром Великим: Чингисхан имел к нему уважение, искал его дружбы, хотел заключить с ним выгодный для обоих союз: но Магомет велел умертвить послов могольских...

Тогда Чингисхан прибегнул к суду Неба и меча своего; три ночи молился на горе и торжественно объявил, что Бог в сновидении обещал ему победу устами епископа христианского, жившего в земле игуров. Сие обстоятельство, вымышленное для ободрения суеверных, было весьма счастливо для христиан: ибо они с того времени пользовались особенным благоволением хана могольского. Началась война, ужасная остервенением варварства и гибельная для Магомета, который, имея рать бесчисленную, но видя мужество неприятелей, боялся сразиться с ними в поле и думал единственно о защите городов. Сия часть Верхней Азии, именуемая Великою Бухариею (а прежде Согдианою и Бактриею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лесов и вод, но и просвещением народным, художествами, торговлею, многолюдными городами и цветущею столицею, доныне известною под именем Бохары, где находилось знаменитое училище для юношей маго-

метанской Веры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисхан, приняв городские ключи из рук старейшин, въехал на коне в главную мечеть и, видя там лежащий Алкоран[1], с презрением бросил его на землю. Столица была обращена в пепел. Самарканд, укрепленный искусством, заключал в стенах своих около ста тысяч ратников и множество слонов, главную опору древних воинств Азии: несмотря на то, граждане прибегнули к великодушию моголов, которые, взяв с них 200 000 золотых монет, еще не были довольны: умертвили 30 000 пленников и такое же число оковали цепями вечного рабства. Хива, Термет, Балх (где находилось 1200 мечетей и 200 бань для странников) испытали подобную же участь, вместе со многими иными городами, и свирепые воины Чингисхановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда так, что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть до своего прежнего цветущего состояния. Магомет, гонимый из места в место жестоким, неумолимым врагом, уехал на один остров Каспийского моря и там в отчаянии кончил жизнь свою.

В сие время — около 1223 года — желая овладеть западными берегами моря Каспийского, Чингисхан отрядил двух знаменитых военачальников, Судая Баядура и Чепновиана, с повелением взять Шамаху и Дербент. Первый город сдался, и моголы хотели идти самым кратчайшим путем к Дербенту, построенному, вместе с Каспийскою стеною, в VI веке славным царем персидским Хозроем I, или Нуширваном, для защиты государства его от козаров. Но обманутые путеводителями моголы зашли в тесные ущелья и были со всех сторон окружены аланами — ясами, жителями Дагестана — и половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, военачальник Чингисханов прибегнул к хитрости, отправил дары к половцам и велел сказать им, что они, будучи *единоплеменниками* моголов, не должны восставать на своих братьев и дружиться с аланами, которые совсем иного рода. Половцы, обольщенные ласковым приветствием или дарами, оставили союзников; а моголы, пользуясь сим благоприятным случаем, разбили алан. Скоро главный хан половецкий, именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности: узнав, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, он хотел бежать в степи; но моголы умертвили его и другого князя, Даниила Кобяковича; гнались за их товарищами до Азовского моря, до вала Половецкого или до самых наших границ; покорили

[1] Алкоран — Коран.

ясов, абазинцев, касогов, или черкесов, и вообще семь народов в окрестностях азовских.

Многие половцы ушли в Киевскую область с своими женами, скотом и богатством. В числе беглецов находился знаменитый Котян, тесть Мстислава Галицкого: сей хан взволновал Россию вестию о нашествии моголов; дарил князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами и говорил: «Ныне они взяли нашу землю; завтра возьмут вашу». Россияне ужаснулись и в изумлении спрашивали друг у друга, кто сии пришельцы, до того времени неизвестные? Некоторые называли их таурменами, другие печенегами, но вообще татарами. Суеверные рассказывали, что сей народ, еще за 1200 лет до Рождества Христова побежденный Гедеоном и некогда заключенный в пустынях северо-востока, долженствовал пред концом явиться в Азии, в Европе и завоевать всю землю. Храбрый князь галицкий, пылая ревностию отведать счастия с новым и столь уже славным врагом, собрал князей на совет в Киеве и представлял убедительно, что благоразумие и государственная польза обязывает их вооружиться; что утесненные половцы, будучи оставлены ими, непременно соединятся с татарами и наведут их на Россию; что лучше сразиться с опасным неприятелем вне отечества, нежели впустить его в свои границы. Мстислав Романович киевский (называемый в летописях Старым и Добрым), князь черниговский того же имени (брат Всеволода Чермного) и Мстислав Галицкий председательствовали в совете, где находились также пылкие юноши, Даниил Романович Волынский, — Михаил, сын Чермного, и бывший князь новогородский, Всеволод Мстиславич. Они долго рассуждали: наконец единодушно положили искать неприятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и хан их Батый принял тогда же Веру христианскую.

Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и *Варяжского* острова: там явились десять послов татарских. «Слышим, — говорили они князьям российским, — что вы, обольщенные половцами, идете против нас; но мы ничем не оскорбили россиян: не входили к вам в землю; не брали ни городов, ни сел ваших, а хотим единственно наказать половцев, своих рабов и *конюхов.* Знаем, что они издревле враги России: будьте же нам друзьями; пользуясь случаем, омстите им ныне, истребите злодеев и возьмите их богатство». Сие благоразумное миролюбие показалось нашим князьям или робостию, или коварством: забыв правила народной чести, они велели умертвить послов; но татары еще прислали новых, которые, встретив войско российское, в семнадцатый день его похода, на берегах Днепра, близ Олешья, сказали князьям: «Итак, вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов

и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: Он нас рассудит». Князья, как бы удивленные великодушием татар, отпустили сих послов и ждали остального войска. Мстислав Романович, Владимир Рюрикович и князья черниговских уделов привели туда, под своими знаменами, жителей Киева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. С ними соединились волынцы и галичане, которые на 1000 ладиях плыли Днестром до моря, вошли в Днепр и стали у реки Хортицы. Половцы также стекались к россиянам толпами. Войско наше расположилось станом на правом берегу Днепра. Услышав, что отряд татарский приближается, юный князь Даниил с некоторыми любопытными товарищами поскакал к нему навстречу. Осмотрев сие новое для них войско, они возвратились с донесением ко Мстиславу Галицкому. Но вести были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что татары суть худые ратники и не достойны уважения; а воевода, пришедший из Галича с ладиями, именем Юрий Домаречич, уверял, что сии враги кажутся опытными, знающими и стреляют лучше половцев. Молодые князья нетерпеливо хотели вступить в бой: Мстислав Галицкий, с тысячею воинов ударив на отряд неприятельский, разбил его совершенно. Стрелки наши оказали в сем деле искусство и мужество. Летописцы говорят, что татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его в яме, но что россияне нашли, а половцы, с дозволения Мстиславова, умертвили сего могольского чиновника.

Надменные первым успехом и взяв в добычу множество скота, все россияне переправились за Днепр и шли девять дней до реки Калки (ныне Калеца в Екатеринославской губернии, близ Мариуполя), где была легкая сшибка с неприятелем. Мстислав Галицкий, поставив войско свое на левом берегу Калки, велел Яруну, начальнику половцев, и Даниилу с российскою дружиною идти вперед; а сам ехал на коне за ними и скоро увидел многочисленное войско татар. Битва началася [31 мая 1223 г.]. Пылкий Даниил изумил врагов мужеством; вместе с Олегом Курским теснил густые толпы их и, копием в грудь уязвленный, не думал о своей ране. Мстислав *Немой,* брат Ингваря Луцкого, спешил дать ему помощь и крепкою мышцею разил неприятелей. Но малодушные половцы не выдержали удара моголов: смешались, обратили тыл; в беспамятстве ужаса устремились на россиян, смяли ряды их и даже отдаленный стан, где два Мстислава, Киевский и Черниговский, еще не успели изготовиться к битве: ибо Мстислав Галицкий, желая один воспользоваться честию победы, не дал им никакой вести о сражении. Сие излишнее славолюбие героя столь знаменитого погубило наше войско: россияне,

приведенные в беспорядок, не могли устоять. Юный Даниил вместе с другими искал спасения в бегстве; прискакав к реке, остановил коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовал свою рану. Татары гнали россиян, убив их множество, и в том числе шесть князей: Святослава Яновского, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского; также отличного витязя, именем Александра Поповича, и еще 70 славных *богатырей*. Земля Русская, по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное, бодрое, сильное совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; одних киевлян легло на месте 10 000. Самые мнимые друзья наши, половцы, виновники сей войны и сего несчастия, убивали россиян, чтобы взять их коней или одежду. Мстислав Галицкий, испытав в первый раз ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился в ладию, переехал за Днепр и велел истребить все суда, чтобы татары не могли за ним гнаться. Он уехал в Галич; а Владимир Рюрикович Смоленский в Киев.

Между тем Мстислав Романович Киевский еще оставался на берегах Калки в укрепленном стане, на горе каменистой; видел бегство россиян и не хотел тронуться с места: достопамятный пример великодушия и воинской гордости! Татары приступали к сему укреплению, три дня бились с россиянами, не могли одолеть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если он даст им окуп за себя и за дружину. Князь согласился: воевода *бродников,* именем Плоскиня, служа тогда моголам, от имени их клялся в верном исполнении условий; но обманул россиян и, связав несчастного Мстислава вместе с двумя его зятьями, князем Андреем и Александром Дубровецким, выдал их полководцам Чингисхановым. Остервененные жестоким сопротивлением великодушного Мстислава Киевского и вспомнив убиение своих послов в нашем стане, моголы изрубили всех россиян, трех князей задушили под досками и сели пировать на их трупах! — Таким образом заключилась сия первая кровопролитная битва наших предков с моголами, которые, по известию татарского историка, умышленно заманили россиян в опасную степь и сражались с ними целые семь дней.

Полководцы Чингисхановы шли за бегущим остатком российского войска до самого Днепра. Жители городов и сел, в надежде смягчить их свирепость покорностию, выходили к ним навстречу со крестами; но татары безжалостно убивали и граждан и земледельцев, следуя правилу, что побежденные не могут быть друзьями победителей, и что смерть первых нужна для безопасности вторых. Вся южная Россия трепетала: народ, с воплем и стена-

нием ожидая гибели, молился в храмах — и Бог на сей раз услышал его молитву. Татары, не находя ни малейшего сопротивления, вдруг обратились к востоку и спешили соединиться с Чингисханом в Великой Бухарии, где сей дикий Герой, собрав всех полководцев и князей, на общем сейме давал законы странам завоеванным. Он с удовольствием встретил свое победоносное войско, возвратившееся от Днепра: с любопытством слушал донесение вождей, хвалил их и щедро наградил за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественным царем тангутским, Чингисхан пошел сокрушить его величие.

Россия отдохнула: грозная туча как внезапно явилась над ее пределами, так внезапно и сокрылась. «Кого Бог во гневе своем насылал на землю Русскую? — говорил народ в удивлении: — откуда приходили сии ужасные иноплеменники? куда ушли? известно одному Небу и людям, искусным в книжном учении». — Селения, опустошенные татарами на восточных берегах Днепра, еще дымились в развалинах: отцы, матери, друзья оплакивали убитых: но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним.

Князья южной России, готовясь идти на моголов, требовали помощи от великого князя Георгия. Племянник его, Василько Константинович, шел к ним с дружиною ростовскою и стоял уже близ Чернигова: там сведал он о несчастии их и возвратился к дяде, благодаря Небо за спасение жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущего, владимирцы утешались мыслию, что Бог избавил их от бедствия, претерпенного другими россиянами. Георгий, некогда уничиженный Мстиславом Галицким, мог даже с тайным удовольствием видеть его в злополучии: долговременная слава и победа сего Героя возбуждала зависть. — Но скоро несчастные для суеверных знамения произвели общий страх в России (и во всей Европе). Явилась комета, звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на западе, озаряя небо лучом блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю. Вспомнили, что в княжение Всеволода I было такое же лето в России, и что отечество наше стенало тогда от врагов иноплеменных, голода и язвы.

Провидение, действительно готовое искусить Россию всеми возможными для государства бедствиями, еще на несколько лет отложило их; а россияне как бы спешили воспользоваться сим временем, чтобы свежую рану отечества растравить новыми междоусобиями. Юный сын Георгиев, исполняя тайное повеление

отца, вторично уехал из Новагорода со всем двором своим и занял Торжок, куда скоро прибыл и сам Георгий, брат его Ярослав, племянник Василько и шурин Михаил, князь черниговский. Они привели войско с собою, грозя Новугороду: ибо великий князь досадовал на многих тамошних чиновников за их своевольство. Новогородцы отправили к Георгию двух послов и хотели, чтобы он выехал из Торжка, отпустив к ним сына; а великий князь требовал, чтобы они выдали ему некоторых знаменитых граждан, и сказал: «Я поил коней своих Тверцою: напою и Волховом». Воспоминая с гордостию, что сам Андрей Боголюбский не мог их смирить оружием, новогородцы укрепили стены свои, заняли войском все важные места на пути к Торжку и чрез новых послов ответствовали Георгию: «Князь! Мы тебе кланяемся; но своих братьев не выдадим. Дерзнешь ли на кровопролитие? У тебя меч, у нас головы: умрем за Святую Софию». Георгий смягчился; вступили в переговоры, и шурин его, Михаил Черниговский, поехал княжить в Новгород.

Правление сего князя было мирно и счастливо. «Вся область наша, — говорит летописец новогородский, — благословляла свой жребий, не чувствуя никакой тягости» [1225 г.]. Георгий вышел из Торжка, захватил казну новогородскую и достояние многих честных людей: Михаил, провождаемый знаменитыми чиновниками, ездил в Владимир и согласил Георгия возвратить сию незаконную добычу. Народ любил князя; но Михаил считал себя пришельцем в северной России. Выехав из Чернигова в то время, когда татары приближались к Днепру, он стремился душою к своей отчизне, где снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные новогородцы доказывали ему, что князь, любимый народом, не может с покойною совестию оставить его: Михаил на *дворе Ярослава* простился с ними, сказав им, что Чернигов и Новгород должны быть как бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостеприимство свяжут их узами общих выгод и благоденствия. Нередко задерживая у себя князей ненавистных, новогородцы давали волю добрым жить с ними, или, говоря тогдашним языком, *поклониться Святой Софии:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его с великою честию и послали за Ярославом-Феодором.

В то время литовцы, числом до 7000, ворвались в наши пределы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцов и пленяли земледельцев. Летописцы говорят, что сии разбойники никогда еще не причиняли столь великого зла государству Российскому. Ярослав, предводительствуя своею дружиною княжескою, соединился с Давидом Мстиславичем Торопецким, с братом его, Владимиром Псковским,

и настиг неприятеля близ Усвята [1226 г.]; положил на месте 2000 литовцев, взял в плен их князей, освободил всех наших пленников. Князь Давид и любимый меченосец Ярославов находились в числе убитых россиян. Новогородцы не были в сражении: доходили только до Русы и возвратились. Однако ж Ярослав, приехав к ним и выслушав их оправдание, не изъявил ни малейшего гнева; а в следующий год ходил с войском в северную, отдаленную часть Финляндии, где никогда еще не бывали россияне; не обогатился в сей бедной стране ни серебром, ни золотом, но отнял у многих жителей самое драгоценнейшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько пленников, что не могли всех увести с собою: некоторых бесчеловечно умертвили, других отпустили домой. — Ярослав в сей же год отличился делом гораздо полезнейшим для человечества: отправил священников в Корельскую землю и, не употребив никаких мер насильственных, крестил большую часть жителей, уже давно подданных Новагорода и расположенных добровольно к принятию христианства. Представив действие благоразумного усердия к Вере, не скроем и несчастных заблуждений суеверия: в то время, как наши церковные учители проповедывали корелам Бога истинного и человеколюбивого, ослепленные новогородцы сожгли четырех мнимых волшебников на *дворе Ярослава.* К чести духовенства и тогдашнего новогородского архиепископа Антония — который в 1225 году возвратился из Перемышля Галицкого — заметим, что в сем жалостном безумии действовал один народ, без всякого внушения со стороны церковных пастырей.

Россияне думали, что, грозно опустошив Финляндию, они уже на долгое время будут с сей стороны покойны; но месть дает силы. Лишенные отцов, братьев, детей и пылая справедливою злобою, финляндцы разорили селения вокруг Олонца и сразились с посадником ладожским [1228 г.]. Их было около двух тысяч. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагав мир, они умертвили всех пленников, бросили лодки свои и бежали в густые леса, где ижеряне и корелы встретили их всех до одного человека. Между тем Ярослав, не имев времени соединиться с ладожанами, праздно стоял на Неве и был свидетелем мятежа воинов новогородских, хотевших убить какого-то чиновника, именем Судимира: князь едва мог спасти несчастного, скрыв его в собственной ладии своей.

Вообще Ярослав не пользовался любовию народною. Желая иметь Псков в своей зависимости, он поехал туда с новогородскими чиновниками; но псковитяне не хотели принять его, думая, что сей князь везет к ним оковы и рабство. Огорченный Ярослав, возвратясь в Новгород, собрал жителей на дворе архиепископском

и торжественно принес им жалобу. «Небо свидетель, — говорил он, — что я не хотел сделать ни малейшего зла псковитянам и вез для них не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требует мести». Недовольный холодностию граждан, князь призвал войско из Переславля Залесского, и новогородцы с изумлением увидели шатры его полков вокруг дворца. Славянский конец также наполнился толпами сих ратников, с головы до ног вооруженных и страшных для народа своевольного. Ярослав сказывал, что хочет идти против немецких рыцарей; но граждане не верили ему и боялись его тайных замыслов. К тому же бедные жаловались на дороговизну; от прибытия многочисленного войска цена на хлеб и на мясо возвысилась: осьмина ржи стоила нынешними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеек. Ярослав требовал от псковитян, чтобы они выдали ему клеветников его, а сами шли с ним к Риге; но псковитяне уже заключили особенный тесный союз с рижским орденом и, будучи обнадежены в помощи рыцарей, прислали в Новгород одного грека с таким ответом: «Князь Ярослав! Кланяемся тебе и друзьям новогородцам; а братьев своих не выдадим и в поход нейдем, ибо немцы нам союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венден) и Медвежью Голову, но брали везде не города, а деньги; раздражив неприятелей, сами ушли домой, а мы за вас терпели: наши сограждане положили свои головы на берегах Чудского озера; другие были отведены в плен. Теперь восстаете против нас: но мы готовы ополчиться с Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите в плен жен и детей: вы не лучше поганых». Сии укоризны относились вообще к новогородцам; однако ж народ взял сторону псковитян: решительно объявил князю, что не хочет воевать ни с ними, ни без них с орденом немецким, и требовал, чтобы рать переславская удалилась. Ярослав велел полкам выступить, но в досаде и гневе сам уехал из Новагорода, оставив там юных сыновей, Феодора и Александра, под надзиранием двух вельмож. Псковитяне торжествовали; отпустили немцев, чудь, латышей, уже призванных ими для защиты, и выгнали из города друзей Ярославовых, сказав им: «Подите к своему князю; вы нам не братья». Тогдашний союз россиян с ливонским орденом и дружелюбные их сношения с послом Гонория III в Риге, епископом моденским, столь обрадовали папу, что он в 1227 году написал весьма благосклонное письмо ко всем нашим князьям, обещая им мир и благоденствие в объятиях латинской церкви и желая видеть их послов в Риме. «Ваши заблуждения в Вере (говорил он) раздражают небо и причиною всех зол в России: бойтесь еще ужаснейших, если не обратитесь к истине. Увещаем и молим,

чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрез надежных послов, а между тем жили мирно с христианами ливонскими».

С сего времени Новгород был несколько лет жертвою естественных и гражданских бедствий. От половины августа до самого декабря месяца густая тьма покрывала небо и шли дожди беспрестанные; сено, хлеб гнили на лугах и в поле; житницы стояли пустые. Народ, желая кого-нибудь обвинить в сем несчастии, восстал против нового владыки новогородского, Арсения (ибо Антоний, слабый здоровьем, лишился языка и добровольно заключился в монастыре Хутынском). «Бог наказывает нас за коварство Арсения, — говорили безрассудные: — он выпроводил Антония в Хутынскую обитель и несправедливо присвоил себе его сан, подкупив князя». Добрый, смиренный пастырь молился денно и нощно о благе сограждан; но дожди не преставали, и народ, после шумного вече, извлек архиепископа из дому, гнал, толкал, едва не умертвил его как преступника. Арсений искал убежища в Софийском храме, наконец, в монастыре Хутынском, откуда немой Антоний должен был возвратиться в дом святителей. Новогородцы дали ему в помощники двух светских чиновников и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили дом тысячского, стольников архиерейского и Софийского, хотели повесить одного старосту и кричали, что сии люди наводят князя на зло. Избрав нового тысячского, вече послало сказать Ярославу, чтобы он немедленно ехал в Новгород, снял налог церковный, запретив княжеским судьям ездить по области и, наблюдая в точности льготные грамоты Великого Ярослава, действовал во всем сообразно с уставом новогородской вольности. «Или, — говорили ему послы веча, — наши связи с тобою навеки разрываются». Еще князь не дал ответа, когда юные сыновья его, Феодор и Александр, устрашенные мятежом новогородским, тайно уехали к отцу с своими вельможами. «Одни виновные могут быть робкими беглецами (сказали новогородцы): не жалеем об них. Мы не сделали зла ни детям, ни отцу, казнив своих братьев. Небо отмстит вероломным; а мы найдем себе князя. Бог по нас: кого устрашимся?» Они клялися друг другу быть единодушными и звали к себе Михаила Черниговского; но послы их были задержаны на дороге князем смоленским, другом Ярославовым.

Доселе, описав несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествиях северной России: обратим взор на полуденную. Михаил, возвратясь (в 1225 году) из Новагорода в Чернигов, нашел опасного неприятеля в Олеге Курском и требовал помощи от Георгия, своего зятя, который сам привел к нему войско. К счастию, там был киевский митрополит Кирилл,

родом грек, присланный константинопольским патриархом из Никеи. Сей муж ученый, благонамеренный, отвратил войну и примирил врагов: после чего Михаил княжил спокойно, будучи союзником Георгия, который, женив племянника, Василька, на его дочери, отдал южный Переяславль, как удел великого княжения Суздальского, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрез год брату Святославу. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховых потомков казалась усыпленною. Те и другие равно уважали знаменитого Мстислава Галицкого, их главу и посредника. Сей герой, долго называемый *Удатным,* или счастливым, провел остаток жизни в беспокойствах и в раскаянии. Обманутый злобными внушениями Александра Бельзского, он возненавидел было доброго зятя своего, мужественного Даниила, союзника поляков, и хотел отнять у него владение; узнав же клевету Александрову, спешил примириться с Даниилом, и, вопреки совету других князей, оставил клеветника без наказания. Нечаянное бегство всех знатнейших бояр галицких и ссора с королем венгерским были для него также весьма чувствительным огорчением. Один из вельмож, именем Жирослав, уверил первых, что князь намерен их, как врагов, предать на избиение хану половецкому Котяну: они ушли со всеми домашними в горы Карпатские и едва могли быть возвращены духовником княжеским, посланным доказать им неизменное прямодушие, милосердие государя, который велел обличенному во лжи, бесстыдному Жирославу только удалиться, не сделав ему ни малейшего зла. Столь же невинен был Мстислав и в раздоре с венграми. Нареченный его зять, юный сын короля Андрея, послушав коварных наушников, уехал из Перемышля к отцу с жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущего тестя. Андрей вооружился; завоевал Перемышль, Звенигород, Теребовль, Тихомль и послал войско осадить Галич, боясь сам идти к оному: ибо волхвы венгерские, как говорит летописец, предсказали ему, что он не будет жив, когда увидит сей город. Воевода сендомирский находился с королем: сам герцог Лешко хотел к ним присоединиться; но Даниил, верный тестю, убеждениями и хитростию удалил поляков; а Мстислав разбил венгров, и король Андрей мог бы совершенно погибнуть, если бы вельможа галицкий, Судислав, вопреки Даниилову мнению не склонил победителя к миру и к исполнению прежних заключенных с Андреем условий, так что Мстислав не только прекратил военные действия, не только выдал дочь свою за королевича, но и возвел зятя на трон галицкий, оставив себе одно *Понизье,* или юго-восточную область сего княжения. Случай беспримерный в нашей истории, чтобы князь российский, имея наследников единокровных, имея

даже сыновей, добровольно уступал владение иноплеменнику, согласно с желанием некоторых бояр, но в противность желанию народа, не любившего венгров. Легкомысленный Мстислав скоро раскаялся, и внутреннее беспокойство сократило дни его. Он считал себя виновным перед Даниилом, тем более, что сей юный князь изъявлял отменное к нему уважение и вообще все качества души благородной. «Льстецы обманули меня, — говорил Мстислав боярам Данииловым: — но если угодно Богу, то мы поправим сию ошибку. Я соберу половцев, а сын мой, ваш князь, свою дружину: изгоню венгров, отдам ему Галич, а сам останусь в Понизье». Он не успел сделать того, занемог и нетерпеливо желал видеть Даниила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями вельмож лишенный и сего утешения, преставился в Торческе схимником, подобно отцу заслужив имя *Храброго,* даже Великого, впрочем, слабый характером, во многих случаях неблагоразумный, игралище хитрых бояр и виновник первого бедствия, претерпенного Россиею от моголов. Смертию его воспользовался королевич венгерский, Андрей, немедленно завладев Понизьем как уделом галицким: князья же юго-западной России, лишенные уважаемого ими посредника, возобновили междоусобие. Мстислав Немой, умирая, объявил Даниила наследником городов своих: Пересопницы, Черторижска и Луцка (где прежде княжил Ингварь, брат Немого); но Ярослав, сын Ингварев, насильственно занял Луцк, а князь пинский Черторижск. Сие случилось еще при жизни Мстислава Храброго. Даниил с согласия тестя доставил себе управу мечом, имев случай показать свое великодушие: он встретил Ярослава Луцкого на богомолье, почти одного и безоружного; дал ему свободный путь и сказал дружине: «Пленим его не здесь, а в столице». Осажденный им в Луцке, Ярослав искал милости в Данииле и получил от него в удел Перемиль с Межибожьем. Взяв Черторижск, Даниил пленил сыновей князя пинского, Ростислава, который, будучи союзником Владимира Киевского и Михаила Черниговского, требовал от них вспоможения, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даниил по кончине Мстислава Храброго не присвоил себе власти над другими князьями. Владимир Рюрикович вздумал мстить сыну за отца: известно, что Роман Галицкий силою постриг некогда Рюрика. Тщетно митрополит старался прекратить сию вражду: «Такие дела не забываются», — говорил Владимир и собрал многочисленное войско. Хан половецкий, Котян, Михаил Черниговский, князья северские, пинский, туровский, вступив в дружественную связь с Андреем, королевичем венгерским, осадили Каменец, город Даниилов; но возвратились с одним стыдом и долженствовали сами просить мира: ибо Даниил склонил Котяна на свою

сторону, призвал ляхов и с воеводою сендомирским Пакославом готовился осадить Киев.

Михаил, по заключению сего общего мира, сведал о задержании послов новогородских в Смоленске: видя Чернигов со всех сторон безопасным, он немедленно поехал в Новгород [1229 г.], где народ принял его с восклицаниями единодушной радости. Желая еще более утвердить общую к себе любовь, Михаил клялся ни в чем не нарушать прав вольности и грамот Великого Ярослава; бедных поселян, сбежавших на чужую землю, освободили на пять лет от дани, а другим велел платить легкий оброк, уставленный древними князьями. Народ, как бы из великодушия, оставил друзей ненавистного Ярослава в покое — то есть не грабил их домов, но хотел, чтобы они на свои деньги построили новый мост волховский, ибо старый был разрушен наводнением минувшей осени. Сию пеню собрали в особенности с жителей городища, где находился княжеский дворец и где многие люди держали сторону Ярослава.

Михаил, восстановив тишину, предложил новогородцам избрать иного святителя на место Антония, неспособного, по его недугу, управлять епархиею. Одни хотели иметь владыкою епископа волынского, Иоасафа; другие монаха и диакона Спиридона, славного благочестием, а некоторые — грека. Судьба решила выбор: положили три жеребья на алтарь Св. Софии; младенец, сын Михаилов, снял два: третий остался Спиридонов. Таким образом, диакон сделался главою новогородского духовенства и попечителем республики: ибо архиепископ, как мы уже заметили, имел важное участие в делах ее. — Михаил поехал в Чернигов, оставив в Новегороде юного сына, Ростислава, и взяв с собою некоторых из людей нарочитых, для совета или в залог народной верности. «Дай Бог, — сказал он гражданам, — чтобы вы с честию возвратили мне сына и чтобы я мог быть для вас посредником истины и правосудия». Между тем Ярослав овладел Волоком Ламским и задержал у себя послов Михаиловых, которые жаловались на сию несправедливость. Отвергнув все их мирные предложения, Ярослав ждал случая еще более утеснить новогородцев. Сей князь в то же время поссорился и с братом своим Георгием; тайными внушениями удалил от него племянников, сыновей Константиновых, и замышлял войну междоусобную: но Георгий старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съехались наконец в Суздале, где великий князь говорил столь благоразумно, столь убедительно, что Ярослав склонился к искреннему миру, обнял брата и вместе с племянниками назвал его своим отцом и государем.

Новогородцы, озабоченные набегом литовцев в окрестностях Селигерского озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили неприятелей в поле, но скоро увидели гораздо ужаснейшее зло в стенах своих. Предтечею его было землетрясение [3 мая 1230 г.], общее во всей России, и еще сильнейшее в южной, так что каменные церкви расседались. Удар почувствовали в самую Обедню, когда Владимир Рюрикович Киевский, бояре и митрополит праздновали в лавре память Св. Феодосия; трапезница, где уже стояло кушанье для монахов и гостей, поколебалась на своем основании: кирпичи падали сверху на стол. Чрез десять дней необыкновенное затмение солнца и разноцветные облака на небе, гонимые сильным ветром, также устрашили народ, особенно в Киеве, где суеверные люди ждали конца своего, стенали на улицах и прощались друг с другом.

Михаил, как бы желая ободрить новогородцев, подобно другим изумленных сими явлениями, приезжал к ним на несколько дней, совершил обряд торжественных *постриг* над юным Ростиславом и возвратился в Чернигов. Посадником новогородским был тогда Водовик, человек свирепого нрава, мстительный, злобный. Вражда его с сыном знаменитого Твердислава, чиновника гордого, друга буйной вольности, а после смиренного инока Аркадьевской обители, произвела междоусобие в городе. Народ волновался, шумел на вечах: то посадник, то неприятели его одерживали верх; дрались, жгли домы, грабили. Свирепый Водовик собственною рукою убил наконец одного из главных его врагов и бросил в Волхов; другие скрылись или бежали к Ярославу. «Небо, — говорил летописец, — оскорбленное сими беззакониями, от коих Ангелы с печалию закрывают лица свои крылами, наказало мое отечество». Жестокий мороз 14 сентября побил все озими; цена на хлеб сделалась неслыханная: за четверть ржи платили в Новегороде пять гривен или около семи нынешних рублей (серебром), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубля 65 копеек. Хотя жители славились богатством; но сия неумеренная дороговизна истощила все средства пропитания для города. Открылись голод, болезни и мор. Добрый архиепископ, как истинный друг отечества, не имея способов прекратить зло, старался по крайней мере уменьшить действие оного. Трупы лежали на улицах: он построил скудельницу, или убогий дом, и выбрал человеколюбивого мужа, именем Станила, для скорого погребения мертвых, чтобы тление их не заражало воздуха. Станил с утра до вечера вывозил трупы и в короткое время схоронил их 3030. С нетерпением ожидали князя: ибо он дал слово возвратиться к ним в сентябре месяце и выступить в поле для защиты их областей; но Михаил переменил мысли и желал мира

с Ярославом, готовым объявить ему войну за Новгород. Митрополит Кирилл, Порфирий, епископ черниговский, и посол Владимира Рюриковича Киевского приехали к великому князю Георгию, моля его, для общей пользы государства, быть миротворцем. Ярослав упрекал черниговского князя *вероломством*. «Коварные его внушения, — говорил он, — возбудили против меня новогородцев». Однако ж митрополит и Георгий успели в благом деле своем, и послы возвратились с мирною грамотою.

Узнав о том, новогородцы велели сказать юному Михаилову сыну, уехавшему в Торжок с посадником Водовиком, что отец его изменил им и не достоин уже быть их главою; чтобы Ростислав удалился и что они найдут себе иного князя. Народ избрал нового посадника и тысячского, разграбил домы и села прежних чиновников, умертвил одного славного корыстолюбием гражданина и взял себе найденное у них богатство. Водовик ушел с друзьями своими к Михаилу в Чернигов, где скоро умер в бедности; а новогородцы призвали Ярослава, который дал им на вече торжественную клятву действовать во всем согласно с древними обыкновениями их вольности; но чрез две недели уехал в Переславль Залесский, вторично оставив в Новегороде двух сыновей, Феодора и Александра.

Между тем голод и мор свирепствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривен кунами. Бедные ели мох, желуди, сосну, ильмовый лист[1], кору липовую, собак, кошек и самые трупы человеческие; некоторые даже убивали людей, чтобы питаться их мясом: но сии злодеи были наказаны смертию. Другие в отчаянии зажигали домы граждан избыточных, имевших хлеб в житницах, и грабили оные; а беспорядок и мятеж только увеличивали бедствие. Скоро две новые скудельницы наполнились мертвыми, которых было сочтено до 42 000; на улицах, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенных тел и самых живых оставленных младенцев; родители, чтобы не слыхать вопля детей своих, отдавали их в рабы чужеземцам. «Не было жалости в людях, — говорит летописец: — казалось, что ни отец сына, ни мать дочери не любит. Сосед соседу не хотел уломить хлеба!» Кто мог, бежал в иные области; но зло было общее для всей России, кроме Киева: в одном Смоленске, тогда весьма многолюдном, умерло более тридцати тысяч людей.

Новогородцы весною [1231 г.] испытали еще иное бедствие: весь богатый конец Славянский обратился в пепел; спасаясь от

---

[1] Ильмовый лист — лист дерева, похожего на вяз.

пламени, многие жители утонули в Волхове; самая река не могла служить преградою для огня. «Новгород уже кончался», по словам летописи... Но великодушная дружба иноземных купцов отвратила сию погибель. Сведав о бедствии новогородцев, немцы из-за моря спешили к ним с хлебом и, думая более о человеколюбии, нежели о корысти, остановили голод, скоро исчезли ужасные следы его, и народ изъявил живейшую благодарность за такую услугу.

Михаил Черниговский, несмотря на заключенный мир в Владимире, дружелюбно принимал новогородских беглецов, врагов Ярославовых, обещая им покровительство. Сам великий князь Георгий оскорбился сим криводушием и выступил с войском к северным пределам черниговским: он возвратился с дороги; но Ярослав, предводительствуя новогородцам, и сыновья Константиновы выжгли Серенск (в нынешней Калужской губернии), осаждали Мосальск и сделали много зла окрестным жителям. Таким образом древняя семейственная вражда возобновилась. Беглецы уверяли, что Ярослав ненавидим большею частию их сограждан, готовых взять сторону Ольговичей: для того князь трубчевский Святослав, родственник Михаилов, отправился в Новгород с дружественными предложениями [1232 г.]; но сведал противное и с великим стыдом уехал назад. Последнею надеждою новогородских изгнанников оставался Псков, где они действительно были приняты как братья. Там находился сановник Ярославов: они заключили его в цепи и, пылая злобою, желали кровопролития. Граждане стояли за них усильно, однако ж недолго. Ярослав, сам прибыв в Новгород, не пускал к ним купцов, ни товаров. Нуждаясь во многих вещах — платя за берковец соли около 10 нынешних рублей серебряных, — псковитяне смирились. Ярослав не хотел дать им в наместники сына, юного князя Феодора, а дал шурина своего, Георгия, которого они приняли с радостию, выгнав беглецов новогородских.

Сии мятежные изгнанники ушли в Медвежью Голову, или Оденпе, к сыну бывшего князя псковского Владимира, именем Ярославу, и с помощию ливонских рыцарей взяли Изборск: но псковитяне схватили их всех и выдали князю новогородскому. В числе пленников находился и Ярослав Владимирович: подобно отцу то враг, то союзник немцев, он считал Псков своим наследием и, хотев завоевать его с беглецами новогородскими, был вместе с ними заточен в Переславль Суздальский. Чрез несколько лет супруга его, жившая в Оденпе, приняла смерть мученицы от руки злобного пасынка и, погребенная в монастыре псковском Св. Иоанна, славилась в России памятию своих добродетелей и чудесами.

Присутствие Ярослава Всеволодовича было нужно для новогородцев; но пораженный внезапною кончиною старшего сына, он уехал в Переяславль. Юный Феодор, цветущий красотою, готовился к счастливому браку; невеста приехала; князья и вельможи были созваны и вместо ожидаемого мира, вместо общего веселия положили жениха во гроб. Народ изъявил искреннее участие в скорби нежного отца; а князь, едва осушив слезы, извлек меч для защиты новогородцев и привел к ним свои полки многочисленные.

Ливонские рыцари, пристав к российским мятежникам и захватив близ Оденпе одного чиновника новогородского, дали повод Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта [1234 г.]. Немцы, требуя мира, заключили его на условиях, выгодных для россиян. Совершив сей поход, Ярослав спешил настигнуть литовцев, которые едва было не взяли Русы, опустошив церкви и монастыри в окрестности: он разбил их в Торопецком княжении; загнал в густые леса; взял в добычу триста коней, множество оружия и щитов. Сей народ беспрестанными набегами более и более ужасал соседов; занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию. Общая польза государственная предписывала нашим князьям истребить гнездо разбойников и покорить их землю: вместо чего они только гонялись за литовцами, которые чрез несколько времени одержали совершенную победу над сильною ратию ливонских рыцарей; сам великий магистр, старец Вольквин, положил голову в битве, вместе со многими витязями немецкими и псковитянами, бывшими в их войске.

Изобразив бедствия Новагорода, опишем несчастия и перемены, бывшие в других княжениях российских. Смоленск, опустошенный мором, по кончине князя Мстислава Давидовича (в 1230 году) не хотел покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову. Предводительствуя полочанами, Святослав взял Смоленск (в 1232 году) и без жалости лил кровь граждан.

В России юго-западной война и мятежи не преставали. Главным действующим лицом был Даниил мужественный. Потеряв союзника в Лешке Белом, злодейски убитом изменниками, он предложил услуги свои брату его, Конраду, и вместе с ним осаждал Калиш, где господствовал один из главных убийц Лешка, герцог Владислав, сын Оттонов. Сей город, окруженный лесами и болотами, мог долго обороняться, несмотря на усильные приступы, в коих россияне оказывали гораздо более воинской рев-

ности, нежели Конрадовы ляхи; но граждане хотели мира. Здесь летописец рассказывает случай довольно любопытный в отношении к характеру Даниилову. Конрад, уверенный в искренней дружбе сего князя, желал, чтобы он был свидетелем переговоров. Сендомирский воевода, Пакослав, подъехал к стенам крепости; а Даниил, в простой одежде и закрыв шлемом лицо свое, стал за ним. Городские чиновники надеялись ласковыми словами смягчить посла. «В нас течет одна кровь, — сказали они: — ныне служим брату Конрадову, а завтра будем служить самому Конраду. Может ли он мстить нам как изменникам или врагам и видеть спокойно ляхов невольниками россиян? Какая будет ему честь, если возьмет сей город? Жестокий иноплеменник, Даниил, присвоил ее себе одному». Пакослав ответствовал: «Мой и ваш государь расположен к милости; но князь российский не хотел о том слышать. Говорите с ним сами: вот он!» Даниил снял шлем и, видя изумление городских чиновников, которые столь неосторожно его злословили, засмеялся от доброго сердца; успокоил их, доставил им выгодный мир и дал клятву, что россияне, участвуя в польских междоусобиях, никогда не будут впредь тревожить безоружных земледельцев, с условием, чтобы и ляхи таким же образом поступали в России. При сем случае сказано в летописи, что никто из наших древних князей, кроме Святого Владимира, так далеко не заходил в землю польскую, как Даниил.

Возвратясь в отечество, он совершил еще важнейший подвиг: завоевал Галицкую область, пленил королевича Андрея и, помня старую дружбу его отца, дозволил ему ехать в Венгрию вместе с боярином Судиславом, который управлял Понизьем, имея в Галиче великолепный дом с арсеналом. Народ метал камнями в сего мятежного боярина, восклицая: «Удались, злодей, навеки!» Но Судислав, нечувствительный к великодушию Даниилову, думал только о мести, и король Андрей, им возбужденный, послал старшего сына, Белу, снова завоевать Галич. Сей поход имел весьма горестное следствие для венгров. *Хляби небесные,* по словам летописи, *отверзлись на них* в горах Карпатских: от сильных дождей ущелия наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достиг наконец Галича, в надежде взять его одною угрозою: видя же твердую решительность тамошнего начальника; слыша, что ляхи и половцы идут с Даниилом защитить город; приступав к оному несколько раз без успеха и страшась быть жертвою собственного упрямства, он спешил удалиться, гонимый судьбою и войском Данииловым. Множество венгров погибло в Днестре, который был от дождей в разливе, так что в Галицкой земле осталась пословица: *Днестр сыграл злую*

игру уграм. Множество их пало от меча россиян или отдалося в плен, другие умирали от изнурения сил или от болезней.

Но время спокойного или бесспорного владычества над княжением Галицким было еще далеко от Даниила. Начались заговоры между боярами под тайным руководством Александра Бельзского: они хотели сжечь Даниила и Василька во дворце или убить их на пиру. Сей ков уничтожился странным образом. Юный Василько, однажды играя с придворными, в шутку обнажил меч: заговорщики в ужасе, думая, что их намерение открылось, бежали из дворца и города. Сам Александр, не успев захватить казны с собою, ушел из Бельза в Венгрию к своим единомышленникам, коим удалось снова вооружить короля Андрея против Даниила. На сей раз венгры были счастливее. Город Ярослав сдался им от неверности тамошнего воеводы. Они приступили ко Владимиру, где начальствовал боярин, дотоле известный мужеством, имея дружину сильную. Видя крепкие башни и стены, блестящие оружием многочисленных воинов, король, по словам летописца, сказал, что таких городов мало и в земле немецкой. Венгры не могли бы взять Владимира; но боярин Даниилов изменил правилам великодушия, оробел и без воли княжеской заключил мир с королем, отдал Бельз и Червен союзнику его, Александру. С другой стороны, вельможи галицкие, не чувствительные к редкому милосердию Даниила, простившего им два заговора, бежали из его стана к неприятелю и довершили торжество венгров, которые заняли Галич, где сын Андреев, утвержденный отцом на престоле, господствовал уже до самой кончины своей, несмотря на покушения Данииловы и Васильковы изгнать его. Две кровопролитные битвы ничего не решили, оказав только впоследствии вероломство двух недостойных князей российских. Изяслав Владимирович, внук Игоря Северского, быв другом, сделался врагом Даниилу; союзник же Андреев, Александр Бельзский, оставив венгров, взял сторону своих братьев, чтобы снова изменить им. Наконец внезапная смерть королевича (в 1234 году) и единодушное желание народа возвратили Галич Даниилу. Бояре не дерзнули противиться: главный из них, известный мятежник Судислав, спешил уехать за Карпатские горы, а князь Бельзский, злобный Александр, в Киевскую область. Сей последний не избавился от заслуженного им наказания и, схваченный на пути Данииловыми воинами, умер, как вероятно, в неволе.

Даниил мог еще опасаться венгров; но бедствие встретилось ему там, где он не ожидал его. Вместе с братом Васильком смирив хищных ятвягов и литовцев, которые в особенности тревожили тогда область Пинскую, сей деятельный князь вмешался в ссору зятя своего, Михаила Черниговского, с Владимиром Киевским.

Последний, желая быть его другом, уступил ему Торческ: Даниил великодушно отдал сей город сыновьям Мстислава Храброго, сказав: «за благодеяния вашего отца». Тщетно желав примирить враждующих, он взял несколько городов черниговских и, заключив мир с двоюродным братом Михаиловым, Мстиславом Глебовичем, думал возвратиться в свое княжение; но Владимир, слыша о нашествии половцев, ведомых к Киеву Изяславом, внуком Игоря Северского, умолил Даниила идти к ним навстречу. Когда же они сошлись с неприятелем близ Торческа, Владимир, испуганный многочисленностью варваров, хотел удалиться от битвы. «Нет! — сказал Даниил: — ты заставил меня против воли с дружиною утомленною искать врагов в поле, теперь, видя их пред собою, могу единственно или победить, или умереть». Хотя Даниил долго сражался как Герой, однако ж принужден был спасаться бегством; а половцы, усиленные черниговцами, взяли Киев, пленили самого князя Владимира с его супругою. Бедные граждане откупились деньгами от свирепости варваров. Князья же, Изяслав и Михаил, обложили данию всех иноземцев, там обитавших. Первый взял себе Киев; второй спешил вступить в область Галицкую и занял ее столицу, откуда горестный Даниил, сведав новые опасные умыслы тамошних бояр, долженствовал выехать.

В сие время не стало Андрея, короля венгерского: Бела IV восшел на престол, и Даниил, поручив брату Васильку оберегать Владимир, решился лично искать покровителя в бывшем враге своем. Вероятно, что он тогда, надеясь с помощию Андреева преемника удержать за собою Галич, дал ему слово быть данником Венгрии: ибо, участвуя в совершении торжественных обрядов Белина коронования, вел его коня (что было тогда знаком подданства). Уничижение бесполезное! Даниил возвратился к брату с одними льстивыми обещаниями. Политика венгров не изменилась: Бела хотел, чтобы юго-западная Россия принадлежала разным, следственно, бессильным владетелям, и явно поддерживал Михаила вместе с Конрадом, неблагодарным герцогом польским, забывшим услуги сыновей Романовых. Напрасно Даниил зимою и летом не сходил с коня, добывая Галича: хотя иногда одолевал неприятелей и пленил так называемых князей болоховских, подручников галицкого (имевших свой удел на Буге, недалеко от Бреста): однако ж не мог изгнать Михаила и, наконец, согласился на мир, взяв от него область Перемышльскую. — Кроме сей войны междоусобной, кроме непрестанных ошибок с ятвягами, добрый Даниил ратоборствовал еще с немецким орденом, занявшим какие-то из наших древних владений: отнял их и пленил немецкого чиновника Бруно; хотел даже вести полки свои в Германию, чтобы защитить герцога австрийского, его союзника,

утесненного императором Фридериком: но возвратился из Венгрии, уважив совет короля Белы не мешаться в дела империи[1].

Таким образом, не будучи всегда счастливым, Даниил превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмевал других современных князей российских. Один Ярослав Всеволодович Новогородский мог спорить с ним в способностях ума и в душевной твердости, которая скоро обнаружится в бедствиях нашего отечества. Сии два князя, связанные дружбою и новым свойство́м (ибо Василько Романович женился на великой княжне, дочери Георгия Всеволодовича), сблизились тогда в своих владениях. Союзник и родственник Михаилов, Изяслав, недолго величался на троне киевском: Владимир Рюрикович изгнал его, выкупив себя из плена; но вследствие переговоров Данииловых с великим князем Георгием [1236 г.] долженствовал уступить Киев Ярославу Всеволодовичу, который, оставив в Новегороде сына своего, юного Александра, поехал княжить в древней столице Российской; а Владимир кончил жизнь в Смоленске.

Великое княжение Суздальское, или Владимирское, наслаждалось внутренним спокойствием. Георгий от времени до времени посылал войско и сам ходил на мордву жечь села и хлеб, пленять людей и брать скот в добычу. Жители обыкновенно искали убежища в густых лесах: но и там редко спасались от россиян; иногда же заманивали наших в сети и не давали им пощады: так отроки, или молодые воины, ростовской переяславской дружины были однажды жертвою их мести и своей неосторожности. Князь мордовский, именем Пургас, осмелился даже приступить к Нижнему Новугороду, хотя и не имел порядочного войска: другие князья мордовские были *ротниками,* или присяжными данниками Георгия, и многие россияне селились в их земле, несмотря на то, что болгары и половцы тревожили оную. — Болгары искали дружбы Георгиевой после шестилетнего несогласия: разменялись пленниками, с обеих сторон дали аманатов и клятвенно утвердили мир. Летописец сказывает, что их *труны,* или знатные люди, и чернь присягнули в верном исполнении условий. Впрочем, мир не препятствовал сим ревностным магометанцам изъявлять ненависть к нашей Вере: они тогда же бесчеловечно умертвили одного христианина, богатого купца, приехавшего для торговли в их так называемый Великий Град и не хотевшего поклониться Магомету. Купцы российские, быв свидетелями убийства, взяли тело сего мученика, именем Аврамия, и с честью отвезли в Владимир, где великий князь, супруга его,

[1] Речь идет о Священной Римской империи.

дети, епископ, духовенство, народ встретили оное со свещами и погребли в монастыре Богоматери.

После несчастной Калкской битвы россияне лет шесть не слыхали о татарах, думая, что сей страшный народ, подобно древним обрам, как бы исчез в свете. Чингисхан, совершенно покорив Тангут, возвратился в отчизну и скончал жизнь — славную для истории, ужасную и ненавистную для человечества — в 1227 году, объявив наследником своим Октая, или Угадая, старшего сына, и предписав ему давать мир одним побежденным народам: важное правило, коему следовали римляне, желая повелевать вселенною! Довершив завоевание северных областей китайских и разрушив империю ниучей, Октай жил в глубине Татарии в великолепном дворце, украшенном китайскими художниками; но, пылая славолюбием и ревностию исполнить волю отца — коего прах, недалеко от сего места, лежал под сению высочайшего дерева, — новый хан дал 300 000 воинов Батыю, своему племяннику, и велел ему покорить северные берега моря Каспийского с дальнейшими странами. Сие предприятие решило судьбу нашего отечества.

Уже в 1229 году какие-то *саксины* — вероятно, единоплеменные с киргизами — половцы и стража болгарская, от берегов Яика гонимые татарами, или моголами, прибежали в Болгарию с известием о нашествии сих грозных завоевателей. Еще Батый медлил; наконец, чрез три года, пришел зимовать в окрестностях Волги, недалеко от Великого города; в 1237 году, осенью, обратил в пепел сию болгарскую столицу и велел умертвить жителей. Россияне едва имели время узнать о том, когда моголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области, послав к нашим князьям какую-то *жену чародейку* и двух чиновников. Владетели рязанские — Юрий, брат Ингворов, Олег и Роман Ингворовичи, также пронский и муромский — сами встретили их на берегу Воронежа и хотели знать намерение Батыево. Татары уже искали в России не друзей, как прежде, но данников и рабов. «Если желаете мира, — говорили послы, — то десятая часть всего вашего достояния да будет наша». Князья ответствовали великодушно: «Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете», и велели послам удалиться. Они с таким же требованием поехали к Георгию в Владимир; а князья рязанские, дав ему знать, что пришло время крепко стать за отечество и Веру, просили от него помощи. Но великий князь, надменный своим могуществом, хотел один управляться с татарами и, с благородною гордостию отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум.

Некоторые летописцы новейшие рассказывают следующие обстоятельства. «Юрий Рязанский, оставленный великим князем,

15 Зак. № 38

послал сына своего, Феодора, с дарами к Батыю, который, узнав о красоте жены Феодоровой, Евпраксии, хотел видеть ее; но сей юный князь ответствовал ему, что христиане не показывают жен злочестивым язычникам. Батый велел умертвить его; а несчастная Евпраксия, сведав о погибели любимого супруга, вместе с младенцем своим, Иоанном, бросилась из высокого терема на землю и лишилась жизни. С того времени сие место, в память ее, называлось *заразом,* или убоем. Отец Феодоров, Юрий, имея войско малочисленное, отважился на битву в поле, где легли все витязи рязанские, вместе с князьями пронским, коломенским, муромским. Только одного князя, Олега Ингворовича *Красного,* привели живого к Батыю, который, будучи удивлен его красотою, предлагал ему свою дружбу и Веру: Олег с презрением отвергнул ту и другую; исходил кровию от многих ран и не боялся угроз, ибо не страшился смерти». — В летописях современных нет о том ни слова: последуем их достовернейшим известиям.

Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец, убивая всех людей без милосердия и, приступив к Рязани, оградили ее тыном, или острогом, чтобы тем удобнее биться с осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах от усталости. В шестой день, декабря 21 [1237 г.], поутру, изготовив лестницы, татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечом. Князь, супруга, мать его, бояре, народ были жертвою их свирепости. Веселяся отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников или, связав им руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли иереев или кровию их обагряли алтари. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стенать и плакать. На сем ужасном феатре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу. — «Один из князей рязанских, Ингорь, по сказанию новейших летописцев, находился тогда в Чернигове с боярином Евпатием Коловратом. Сей боярин, сведав о нашествии иноплеменников, спешил в свою отчизну; но Батый уже выступил из ее пределов. Пылая ревностию отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым ударом смял их полки задние. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском

пленников, кто они? *Слуги князя рязанского, полку Евпатиева,* ответствовали сии люди: *нам велено с честию проводить тебя, как государя знаменитого, и как россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями.* Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; немногие отдалися в плен живые, и Батый, уважая столь редкое мужество, велел освободить их. Между тем Ингорь возвратился в область Рязанскую, которая представилась глазам его в виде страшной пустыни или неизмеримого кладбища: там, где цвели города и селения, остались единственно кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойных витязей лежали рядом на мерзлом ковыле, занесенные снегом. Только изредка показывались люди, которые успели скрыться в лесах и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собрав иереев, с горестными священными песнями предал земле мертвых. Он едва мог найти тело князя Юрия и привез его в Рязань; а над гробами Феодора Юрьевича, нежной его супруги Евпраксии и сына поставил каменные кресты, на берегу реки Осетра, где стоит ныне славная церковь Николая Заразского».

Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Глебович, князь Роман и большая часть из дружины погибли от мечей татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир. Батый в то же время сжег Москву, пленил Владимира, второго сына Георгиева, умертвил тамошнего воеводу, Филиппа Няньку, и всех жителей. Великий князь содрогнулся: увидел, сколь опасны сии неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина, и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно бодрого, умного Ярослава.

2 февраля [1238 г.] татары явились под стенами Владимира: народ с ужасом смотрел на их многочисленность и быстрые движения. Всеволод, Мстислав и воевода Петр Ослядюкович ободряли граждан. Чиновники Батыевы, с конным отрядом подъехав к Златым вратам, спрашивали, где великий князь, в столице или в отсутствии? Владимирцы вместо ответа пустили несколько стрел; неприятели также, но кричали нашим: *не стреляйте!* и россияне с горестию увидели пред стеною юного Владимира Георгиевича, плененного в Москве Батыем. «Узнаете ли вашего князя?» — го-

ворили татары. Владимира действительно трудно было узнать: столь он переменился в несчастии, терзаемый бедствием России и собственным! Братья его и граждане не могли удержаться от слез; однако ж не хотели показывать слабости и слушать предложений врага надменного. Татары удалились, объехали весь город и поставили шатры свои против Златых врат, в виду. Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы. «Умрем, — говорили они дружине, — но умрем с честию и в поле». Опытный воевода Петр удержал их, надеясь, что Георгий, собрав войско, успеет спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядил часть войска к Суздалю. Сей город не мог сопротивляться: взяв его, татары по своему обыкновению истребили жителей, но кроме молодых иноков, инокинь и церковников, взятых ими в плен. Февраля 6 владимирцы увидели, что неприятель готовит для приступа орудия стенобитные и лестницы; а в следующую ночь огородили всю крепость тыном. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милует только рабов или данников и любя честь более жизни, решились умереть великодушно. Открылось зрелище достопамятное, незабвенное: Всеволод, супруга его, вельможи и многие чиновники собрались в храме Богоматери и требовали, чтобы епископ Митрофан облек их в схиму, или в великий Образ Ангельский. Священный обряд совершился в тишине торжественной: знаменитые россияне простились с миром, с жизнью, но, стоя на праге смерти, еще молили Небо о спасении России, да не погибнет навеки ее любезное имя и слава! Февраля 7, в воскресенье мясопустное, скоро по Заутрене, начался приступ: татары вломились в Новый Город у Златых врат, Медных и Святой Ирины, от речки Лыбеди; также от Клязьмы у врат Волжских. Всеволод и Мстислав с дружиною бежали в Старый, или так называемый Печерный город; а супруга Георгиева, Агафия, дочь его, снохи, внучата, множество бояр и народа затворились в Соборной церкви. Неприятель зажег оную: тогда епископ, сказав громогласно: «Господи! Простри невидимую руку Свою и приими в мире души рабов Твоих», благословил всех людей на смерть неизбежную. Одни задыхались от дыма; иные погибали в пламени или от мечей неприятеля: ибо татары отбили наконец двери и ворвались в святой храм, слышав о великих его сокровищах. Серебро, золото, драгоценные каменья, все украшения икон и книг, вместе с древними одеждами княжескими, хранимыми в сей и в других церквах, сделались добычею иноплеменников, которые, плавая в крови жителей, немногих брали в плен; и сии немногие, будучи нагие влекомы в стан неприятельский, умирали от жестокого мороза. Князья Всеволод и Мстислав, не видя никакой возможности от-

разить неприятелей, хотели пробиться сквозь их толпы и положили свои головы вне города.

Завоевав Владимир, татары разделились: одни пошли к волжскому Городцу и костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов великого княжения — Переславль, Юрьев, Дмитров — то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей. Еще Георгий стоял на Сити: узнав о гибели своего народа и семейства, супруги и детей, он проливал горькие слезы и, будучи усердным христианином, молил Бога даровать ему терпение Иова. Чрезвычайные бедствия возвеличивают душу благородную: Георгий изъявил достохвальную твердость в несчастии; забыл свою печаль, когда надлежало действовать; поручил воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу и готовился к решительной битве. Передовой отряд его, составленный из 3000 воинов под начальством Дорожа, возвратился с известием, что полки Батыевы уже обходят их. Георгий, брат его Святослав и племянники сели на коней, устроили войско и встретили неприятеля [4 марта]. Россияне бились мужественно и долго; наконец обратили тыл. Георгий пал на берегу Сити. Князь Василько остался пленником в руках победителя.

Сей достойный сын Константинов гнушался постыдною жизнию невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбию и голодом, он не хотел принять пищи от руки врагов. «Будь нашим другом и воюй под знаменами великого Батыя!» — говорили ему татары. «Любые кровопийцы, враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями, — ответствовал Василько: — о темное царство! Есть Бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами от ярости: великодушный князь молил Бога о спасении России, Церкви Православной и двух юных сыновей его, Бориса и Глеба. — Татары умертвили Василька и бросили в Шеренском лесу. — Между тем ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белаозера и желая видеть место несчастной для россиян битвы на берегах Сити, в куче мертвых тел искал Георгиева. Он узнал его по княжескому одеянию; но туловище лежало без головы. Кирилл взял с благоговением сии печальные остатки знаменитого князя и положил в ростовском храме Богоматери. Туда же привезли тело Василька, найденное в лесу сыном одного сельского священника: вдовствующая княгиня, дочь Михаила Черниговского, епископ и народ встретили оное со слезами. Сей князь был искренно любим гражданами. Летописцы хвалят его красоту цветущую, взор светлый и величественный, отважность на звериной

ловле, благодетельность, ум, знания, добродушие и кротость в обхождении с боярами. «Кто служил ему, — говорят они: — кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугою иного князя». Тело Василька заключили в одной раке с Георгиевым, вложив в нее отысканную после голову великого князя.

Многочисленные толпы Батыевы стремились к Новугороду и, взяв Волок Ламский, Тверь (где погиб сын Ярославов), осадили Торжок. Жители две недели оборонялись мужественно, в надежде, что новогородцы усердною помощию спасут их. Но в сие несчастное время всякий думал только о себе; ужас, недоумение царствовали в России; народ, бояре говорили, что отечество гибнет, и не употребляли никаких общих способов для его спасения. Татары взяли наконец Торжок [5 марта] и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло далее путем селигерским; села исчезали; головы жителей, по словам летописцев, падали на землю как трава скошенная. Уже Батый находился в 100 верстах от Новагорода, где плоды цветущей, долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг — испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края — к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску (в губернии Калужской). Сей город, весьма незнаменитый, имел тогда особенного князя еще в детском возрасте, именем Василия, от племени князей черниговских. Дружина его и народ советовались между собою, что делать. «Наш князь младенец, — говорили они: — но мы, как верные россияне, должны за него умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия». Сказали и сделали. Татары семь недель стояли под крепостию и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал: граждане резались с ними ножами и в единодушном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многие стенобитные орудия татарские и, положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев и назвал Козельск *Злым* городом: имя славное в таком смысле! Юный князь Василий пропал без вести: говорили, что он *утонул в крови.*

'Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю половецкую, к Дону, и брат Георгиев, Ярослав — в надежде, что буря миновалась, — спешил из Киева в Владимир принять достоинство великого князя.

Конец III тома

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ 1238—1247 гг.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгия. Освобождение Смоленска. Междоусобия. Батый опустошает южную Россию. Красота Киева. Великодушие граждан. Осада и взятие Киева. Состояние России. Причина успехов Батыевых. Свойства и оружие моголов. Происшествия в западной России. Спесь венгерского короля. Слава Александра Невского. Россия в подданстве моголов. Кончина и свойства Ярослава. Убиение Михаила. Даниил, честимый в Орде. Любопытные известия о России и татарах. Политика Даниилова. Даниил — король галицкий.

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей князь хотел славиться деятельностию ума и твердостию души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оного. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквах и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по

счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку, благодарил Небо за спасение еще многих князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости — и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова в Владимир [1239 г.]. Георгий в безрассудной надменности допустил татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства; но он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил монахов — и граждане благословили его память.

Ко славе государя, попечительного о благе народном, великий князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области: Ярослав, разбив их, пленил князя литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новегороде.

Между тем князья южной России, не имев участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! Доколе вам терпеть державу князей иноплеменных? Не я ли ваш государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «ты, ты — наш отец, Богом данный! Иди: мы твои!» Воевода Ростислава и галицкий епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, изменами, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению летописца, *стремились* к Даниилу, *как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному,* поздравляя друг друга с князем любимым. Даниил принес благодарность Всевышнему в Соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на Немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Галича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом королевы, Белиной дочери; а бояре галицкие упали к ногам Данииловым. Редкое милосердие сего князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только «исправьтесь!» и надеялся великодушием обезору-

жить мятежников. В самом деле они усмирились; но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею половцев. Знаменитейший из их ханов, Котян, тесть храброго Мстислава галицкого, был еще жив и мужественно противился татарам; наконец, разбитый в степях астраханских, искал убежища в Венгрии, где король, приняв его в подданство с 40 000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший владимирскому храму Богоматери. Тогда жители великого княжения снова обеспамятели от ужаса: оставляя домы свои, бегали из места в место и не знали, где найти безопасность. Но Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаилов, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, татары сожгли Чернигов; но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. — Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

Уже Батый давно слышал о нашей древней столице днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных: ибо арабские историки и географы говорят об ней в своих творениях. Внук Чингисхана, именем Мангу, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и, по словам летописца, не мог надивиться красоте оного. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов, — высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр:

стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству. Битва на Калке, на Сити, – пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов, свидетельствовали грозную силу моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостию именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь уничижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили послов Мангу-хана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, съехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к королю венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице вождя искусного и мужественного: князь не ошибся в выборе, поручив оную боярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах. – Димитрий бодрствовал и распоряжал хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми воеводами могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын великого хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель ниучей китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и княжения суздальского. Сей пленник сказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началася приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но татары ввечеру овладели стеною. Еще воины российские не теряли бодрости; отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с дра-

гоценнейшим своим имением заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам и гражданам необходимостию, предписанною для них отечеством и Верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили бренную ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб Св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал воеводе российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать градов Российских,* в XIV и XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для россиян: где гроб Ольгин? Где кости Св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная и вернейшая... Первое великолепное здание греческого зодчества в России, храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оного, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего. — Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные к святыне сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища и, сняв *златокованный* крест с главы храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить летописцам XVII века, то первобытное строение лавры красотою и величием превосходило новейшее. Они же повествуют, что некоторые иноки печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.

Батый — узнав, что князья южной России находятся в Венгрии, — пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умев двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив: ибо татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михаилов, Изяслав Владимирович, внук Игорев, татары отступили с неудачею от Кременца, Даниилова города; но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный воевода киевский, Димитрий, находился с Батыем и, сокрушаясь о бедствиях России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он всеми силами ударит на моголов. Батый, уважив совет Димитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный воевода российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благоденствие и драгоценная народная независимость погибли для них на долгое время: по крайней мере они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительств; могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие князья российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жены боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опаляли над очагом, готовя пищу неверным... Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Фео-

досия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве моголов в ратном деле: древние россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками, или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины князей и города́ не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом: в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей татарских как беззащитные жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы. Впрочем, моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сорокалетними победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки и семейства, жен, детей и везде находили отечество, где могло пастися их стадо. В свободное от человекоубийств время занимались звериною ловлею: видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров как волны стремились одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих людей и стараясь убивать врагов издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками давали повеления и не стыдились иногда общего бегства; но смертию наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копья с крюками, щиты ивовые, или сплетенные из прутьев.

В то время, как сии губители свирепствовали в южной России, ее князья находились в Польше. Король венгерский, видя Михаила изгнанником, не хотел выдать дочери за его сына и велел им удалиться. Даниил, готовый тогда ехать к Беле IV, имел случай оказать свое великодушие: убедил великого князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествия Батыева, плененную им в Каменце; возвратил ее супругу и, забыв вражду, обещал навсегда уступить ему Киев, если благость Всевышнего избавит Россию от иноплеменников; а Ростиславу отдал Луцк. Чтобы в

общей опасности действовать согласнее с Белою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери королевской; но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастие российских княжений есть счастие для Венгрии: мысль ума слабого, внушаемая обыкновенно взаимною завистию держав соседственных! Предсказав королю гибельное следствие такой системы, Даниил спешил защитить свое княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастися от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов, дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России. Получив сию утешительную весть, они возвратились в отечество; не могли от смрада въехать ни в Брест, ни в Владимир, наполненный трупами, и решились жить в Холме, основанном Даниилом близ древнего Червена и, к счастию, уцелевшем от могольского разорения. Сей городок, населенный отчасти немцами, ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалин всей окрестной страны казался тогда очаровательным, имея веселые сады, насажденные рукою его основателя, новые здания и церкви, им украшенные (в особенности церковь Св. Иоанна, поставленную на четырех, искусно изваянных головах человеческих, с медным помостом и с *римскими* стеклами в окнах). Как бы следуя указанию Неба, столь чудесно защитившего сие приятное место, Даниил назвал Холм своим любимым городом и, подобно Ярославу, суздальскому великому князю, неутомимо старался воскресить жизнь и деятельность в областях юго-западной России. Ему надлежало не только вызвать людей из лесов и пещер, где они скрывались, но и сражаться с буйностию легкомысленных бояр, которые думали, что внук Чингисханов опустошил наше государство для их пользы и что им настало время царствовать. Воевода дрогичинский не впустил князя в сей город, а бояре галицкие хотя и называли Даниила своим государем, однако ж самовольно повелевали областями, явно над ним смеялись, присвоили себе доходы от соли коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье так называемым княжеским *оружникам*[1], и тайно сносились с Михаиловым сыном, Ростиславом. Долго бегав

[1] Оружники — ополченцы.

от татар из земли в землю, Михаил, ограбленный немцами близ Сирадии, возвратился в Киев и жил на острове против развалин сей древней столицы, послав сына в Чернигов. Он уже не помнил благодеяний шурина и старался ему злодействовать. Ростислав хотел овладеть Бакотою в Понизье; был отражен Данииловым печатником[1], но занял Галич и Перемышль. Столь мало князья российские научились благоразумию в несчастиях, с бессмысленным властолюбием споря между собою о бедных остатках государства растерзанного! Несмотря на измены бояр и двух епископов, галицкого и перемышльского, друзей Михаилова сына; несмотря на изнурение своего княжества и малочисленность войска, большею частию истребленного татарами, Даниил смирил мятежников и неприятелей; изгнал Ростислава из Галича и пленил его союзников, князей болоховских, прежде облаготворенных им и Васильком. Достойно замечания, что сии князья умели спасти их землю от хищности Батыевой, обязавшись сеять для татар пшеницу и просо. — В то же время оскорбленный поляками Даниил осаждал и взял бы Люблин, если бы жители не испросили у него мира. Восстановив свою державу, он ждал с беспокойством, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще некоторые отряды моголов не выходили из России, довершая завоевание восточных уделов черниговских, и князь Мстислав, потомок Святослава Ольговича Северского, был умерщвлен татарами.

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость Небесную и счастие своего юного князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовию и почтением; приятный голос сего князя *гремел как труба* на вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александрова. Достигнув лет юноши, он женился на дочери полоцкого князя Брячислава, и, празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область от внезапных нападений чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские рыцари, финны и шведы были неприятелями Новагорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для россиян опаснее: ибо, лишася магистра своего, Вольквина, и лучших сподвижников в несчастной битве с Литвою, присоединились к славному немецкому ордену Св. Марии. Скажем несколько слов о сем достопамятном братстве. Когда государи европейские, по-

---

[1] Печатник — хранитель печати, канцлер.

двигнутые и славолюбием и благочестием, вели кровопролитные войны в Палестине и в Египте; когда усердие видеть Святые места ежегодно влекло толпы людей из Европы в Иерусалим: многие немецкие витязи, находясь в сем городе, составили между собою братское общество, с намерением покровительствовать там своих единоземцев, бедных и недужных, служить им деньгами и мечом, — наконец быть защитниками всех богомольцев и неутомимыми врагами сарацинов. Сие общество, в 1191 году утвержденное папскою буллою, назвалося орденом Св. Марии Иерусалимской, и рыцари его ознаменовали белые свои мантии черным крестом, дав торжественный обет целомудрия и повиновения начальникам. Великий магистр говорил всякому новому сочлену: «Если вступаешь к нам в общество с надеждою вести жизнь покойную и приятную, то удалися, несчастный! Ибо мы требуем, чтобы ты отрекся от всех мирских удовольствий, от родственников, друзей и собственной воли: что ж в замену обещаем тебе? хлеб, воду и смиренную одежду. Но когда придут для нас времена лучшие, тогда орден сделает тебя участником всех своих выгод». Сии лучшие времена настали: орден Св. Марии, переселясь в Европу, был уже столь знаменит, что великий магистр его, Герман Зальца, мог судить папу, Гонория III, с императором Фридериком II; завоевал Пруссию — ревностно обращая ее жителей в христианство, то есть огнем и мечом — принял ливонских рыцарей под свою защиту, дал им магистра, одежду, правила ордена немецкого и, наконец, слово, что ни литовцы, ни датчане, ни россияне уже не будут для них опасны.

В сие время был магистром ливонским некто Андрей Вельвен, муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия ливонских рыцарей и новогородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего летописца: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новогородского с изумлением». Сей юный князь скоро имел случай важным подвигом возвеличить свою добрую славу.

Король шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород, и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости послам шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской

церкви, принял благословение архиепископа Спиридона, отер на праге[1] слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые новогородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 июля [1240 г.] приближился к берегам Невы, где стояли шведы. Там встретил его знатный ижерянин, Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях неприятеля. Здесь современный летописец рассказывает чудо. Ижеряне, подданные новогородцев, большею частию жили еще в идолопоклонстве; но Пелгуй был христианин, и весьма усердный. Ожидая Александра, он провел ночь на берегу Финского залива во бдении и молитве. Мрак исчез, и солнце озарило необозримую поверхность тихого моря; вдруг раздался шум: Пелгуй содрогнулся и видит на море легкую ладию, гребцов, *одеянных мглою,* и двух лучезарных витязей в ризах червленных. Сии витязи совершенно походили на Святых мучеников Бориса и Глеба, как они изображались на иконах, и Пелгуй слышал голос старшего из них: «Поможем родственнику нашему Александру!» По крайней мере так он сказывал князю о своем видении и предзнаменовании столь счастливом; но Александр запретил ему говорить о том и как молния устремился на шведов. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера. Витязь российский, Гавриил Олексич, гнал принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с воеводою шведским. Новогородец Сбыслав Якунович с одним топором вломился в середину неприятелей; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел. Ратмир, верный слуга князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров; отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра: нагрузили две шнеки телами чиновников, зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный воевода их, Спиридон, и епископ, по рас-

[1] П р а г — порог.

сказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что летописец, служа сему князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Рыцари ливонские не помогали шведам, однако ж старались вредить Новугороду. Ярослав, сын Владимира Псковского, в 1233 году сосланный в область Суздальскую, получил свободу, жил тогда у немцев в Эстонии и питал их ненависть к россиянам. Во Пскове были также некоторые изменники — чиновник Твердило и другие, — склонявшие рыцарей овладеть сим городом. Обнадеженные ими в верном успехе, немцы собрали войско в Оденпе, Дерпте, Феллине и с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Псковитяне сразились с ними; но, претерпев великий урон и желая спасти город, зажженный неприятелем, должны были согласиться на мир постыдный. Рыцари хотели аманатов: знатнейшие люди представили им своих детей, и гнусный изменник, Твердило, начал господствовать во Пскове, деляся властию с немцами, грабя села новогородские. Многие добрые псковитяне ушли с семействами к Александру и требовали его защиты. К несчастию, сей князь имел тогда распрю с новогородцами: досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль Залесский, с материю, супругою и всем двором.

Между тем немцы вступили в область Новогородскую, обложили данию вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить свое господство в нынешнем Ораниенбаумском уезде; взяли на границах Эстонии российский городок Тесов и грабили наших купцов верст за 30 до Новагорода, где чиновники дремали или тратили время в личных ссорах. Народ, видя беду, требовал себе защитника от Ярослава Всеволодовича и признал второго сына его, Андрея, своим князем; но зло не миновалось. Литва, немцы, чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибегнуть к герою Невскому: архиепископ со многими боярами отправился к Александру; убеждал, молил князя и склонил его забыть вину Новагорода.

Александр прибыл, и все переменилось [1241 г.]. Немедленно собралось войско: новогородцы, ладожане, корела, ижерцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье[1] и пленили многих немцев. Александр освободил некоторых; но во-

[1] Речь идет о Псковской земле.

жане и чудские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены.

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя, Твердила, и чужеземцев. Александр завоевал Псков [1242 г.], возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных немцев и чудь. Летописец ливонский сказывает, что 70 мужественных рыцарей положили там свои головы и что князь новогородский, пленив 6 чиновников, велел умертвить их. Победитель вошел в Ливонию, и когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил малочисленный передовой отряд новогородский. Тут Александр оказал искусство благоразумного военачальника: зная силу немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере [5 апреля 1242 г.]. Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял немцев и гнал чудь до самого темного вечера. 400 рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела чуди лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля короля спасти рижскую Богоматерь от *неверных,* жестоких россиян; но храбрый князь, довольный ужасом немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцом и спасителем. Счастливый делом своим и радостию общею, сей добрый князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: «О псковитяне! Если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии: то вы будете примером неблагодарности!» — Новогородцы радовались не менее псковитян, и скоро послы ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, отказавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и знатную часть Летгаллии.

В сие время [1243–1245 гг.] литовцы разбили Ярослава *Владимировича,* который, оставив немцев, с изволения Александрова начальствовал в Торжке. Соединясь с тверскою дружиною, Ярослав гнался за хищниками до Торопца, где они считали себя уже в безопасности, овладев крепостию; но Герой Невский приспел, взял город, истребил их всех, одних на стенах, других в бегстве,

и в том числе 8 князьков литовских. Совершив подвиг, Александр отпустил войско, ехал с малочисленною дружиною и вдруг увидел себя окруженного новыми толпами неприятелей: ударил неустрашимо, рассеял оные, благополучно возвратился в Новегород. — Одним словом, Александр, в несколько дней, семь раз победил литовцев; воины его, ругаясь над ними, привязывали пленников к хвостам конским.

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы россиян, уже данников татарских. Батый, завоевав многие области польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею половецкою, Тавридою, странами кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звал к себе великого князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоразумием в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, великий князь отправился со многими боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к великому хану Октаю, который в сие время, празднуя блестящие завоевания моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию историка татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно. — Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех князей российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для удельных князей суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих.

Сын Ярославов чрез два года возвратился из Китайской Татарии; а великий князь, вторично принужденный ехать в Орду со всеми родственниками, должен был сам отправиться к берегам Амура, где моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового великого хана. Ярослав простился навеки с любезным отечеством: сквозь степи и пустыни достигнув до ханского стана, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника, оправдал себя в каких-то доносах, сделанных на него хану одним российским вельможею, и, получив милостивое позволение ехать обратно, кончил жизнь на пути [30 сентября 1246 г.].

Таким образом, сей князь несчастный, быв свидетелем и жертвою народного уничижения России, не имел и последнего утешения сомкнуть глаза в недрах святого отечества! Верные бояре привезли его тело в столицу владимирскую. Говорили, что он был отравлен; что мать нового хана Гаюка, как бы в знак особенного благоволения предложив Ярославу пищу из собственных рук, дала ему яд, который в седьмой день прекратил его жизнь и ясно обнаружился пятнами на теле умершего. Но моголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли князь Владимирской области казаться страшным монарху, повелевавшему народами от Амура до устья дунайского?

Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благоразумием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного великого княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батыя и Гаюка, но не заслужил *ревностной* похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквам и монахам, отличаясь, может быть, Верою просвещенною, а не суесвятством. — Супруга его, именем Феодосия, оставленная им в Новегороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была схоронена в оном подле ее сына, Феодора.

Россия, огорченная смертию Ярослава, почти в то же время сведала ужасные обстоятельства кончины Михаиловой. Узнав, что сын его, Ростислав, принят весьма дружелюбно в Венгрии и что Бела IV, в исполнении прежнего обязательства, наконец выдал за него дочь свою, Михаил вторично поехал туда советоваться с королем о средствах избавить себя от ига татарского; но Бела изъявил к нему столь мало уважения и сам Ростислав так холодно встретил отца, что сей князь с величайшим неудовольствием возвратился в Чернигов, где сановники ханские переписывали тогда бедный остаток народа и налагали на всех людей дань поголовную, от земледельца до боярина. Они велели Михаилу ехать в Орду. Надлежало покориться необходимости. Приняв от духовника благословение и запасные святые дары, — ободренный, утешенный его христианскими наставлениями, он с вельможею Феодором и с юным внуком, Борисом Васильковичем Ростовским, прибыл в стан к моголам и хотел уже вступить в шатер Батыев; но волхвы, или жрецы сих язычников, блюстители древних суеверных обрядов, требовали, чтобы он шел сквозь разложенный перед ставкою священный огнь и поклонился их кумирам. «Нет! — сказал Михаил: — я могу поклониться царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Услышав о том, свирепый Батый объявил ему

чрез своего вельможу, именем Эльдега, что должно повиноваться или умереть. «Да будет!» — ответствовал князь; вынув запасные дары, вместе с любимцем своим, Феодором, причастился Святых Таин и, пылая ревностию христианских мучеников, пел громогласно святые псалмы Давидовы. Напрасно юный Борис хотел его смягчить молением и слезами; напрасно вельможи ростовские брали на себя грех и торжественное покаяние, если Михаил исполнит волю Батыеву, следуя примеру других князей наших. «Для вас не погублю души, — говорил он и, свергнув с себя мантию княжескую, примолвил: — Возьмите славу мира; хочу Небесной». По данному знаку убийцы бросились, как тигры, на Михайла, били его в сердце, топтали ногами; бояре российские безмолвствовали от ужаса. Один Феодор стоял покойно и с веселым лицом ободрял терзаемого князя, говоря, что он умирает, как должно христианину; что муки земные непродолжительны, а награда Небесная бесконечна. Желая, может быть, прекратить Михаилово страдание, какой-то отступник Веры христианской, именем Доман, житель Путивля, отсек ему голову и слышал последние, тихо произнесенные им слова: *Христианин есмь!* Пишут, что сам Батый, удивляясь твердости сего несчастного князя, назвал его великим мужем. Боярин Феодор приял также венец мученика и доказал, что он, утешая Михаила, не лицемерил: ибо, раздираемый на части варварами, славил благость Небесную и свою долю. Тела их, поверженные на снедение псам, были сохранены усердием россиян; а церковь признала святыми и великодушного князя и верного слугу его, которые, не имев сил одолеть моголов в битве, редкою твердостию доказали по крайней мере чудесную силу христианства. — Юный Борис Василькович, оплакав жребий деда, должен был ехать к Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границах России, и получил дозволение возвратиться в свой удел; о князьях же черниговских с того времени почти совсем не упоминается в наших летописях: знаем единственно, что там около 1261 года властвовал Андрей Всеволодович, зять Даниилова брата, Василька. Сыновья Михаиловы, по кончине отца, княжили в уделах: Роман в Брянске, Мстислав в Карачеве, Симеон в Глухове, Юрий в Торуссе; а старший их брат, Ростислав, зять короля Белы, остался в Венгрии и, получив в удел от своего тестя Банат Маховский (в Сервии), назывался государем сей области, герцогом Болгарии и повелителем Славонии (Rex de Madschau, dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). От сыновей его, Белы и Михаила, пошли герцоги маховские и боснийские; сестра же их совокупилась браком с Лешком Черным, герцогом польским.

Счастливее князя черниговского был Даниил в своих первых сношениях с Ордою. Послы за послами являлись у него от имени

ханского, требуя, чтобы он искал милости Батыевой раболепством или отказался от земли Галицкой. Наконец Даниил поехал к сему завоевателю чрез Киевскую столицу, управляемую боярином Ярослава Суздальского, Димитрием Ейковичем; встретил татар за Переяславлем, гостил у Куремсы, их темника[1], и в окрестностях Волги нашел Батыя, который в знак особенного благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших князей. «Ты долго не хотел меня видеть (сказал Батый), но теперь загладил вину повиновением». Горестный князь пил кумыс, преклоняя колена и славя величие хана. Батый хвалил Даниила за соблюдение татарских обычаев; однако ж велел дать ему кубок вина, говоря: «Вы не привыкли к нашему молоку». Сия честь стоила недешево: Даниил, пробыв 25 дней в улусах, выехал оттуда с именем слуги и данника ханского. — Далее откроется, что сей князь, лаская моголов, хотел единственно усыпить их на время и думал о средствах избавить отечество от ига. Между тем государи соседственные, устрашенные его дружественною связию с Ордою, начали оказывать к нему гораздо более уважения. Незадолго до того времени король Бела имел с ним новую вражду. Ростислав Михайлович, зять королевский, предводительствуя венграми, осаждал Ярославль; с обеих сторон изъявляли остервенение и казнили знатнейших пленников; в том числе россияне умертвили славного гордостию полководца венгерского, Фильнию, и в кровопролитной битве одержали верх. Боясь, чтобы моголы, как покровители Даниила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложил ему тесный союз и выдал меньшую дочь, именем Констанцию, за его сына, Льва, чему способствовал митрополит Кирилл, избранный Даниилом и Васильком на место Иосифа; он ехал ставиться в Константинополь через Венгрию, говорил с Белою и ручался своим князьям за искренность сего монарха. Утвердив вечный с ним мир, Даниил жил согласно и с поляками. Конрад умер его другом: Болеслав Мазовский также. Последний, женатый на дочери Александра Бельзского, Анастасии, в угодность Даниилу отказал Мазовию брату своему, Самовиту.

Описав случаи времен Ярославовых, мы должны упомянуть о любопытном путешествии Иоанна План-Карпина, монаха францисканского, в Татарию к великому хану. Европа, приведенная в ужас нашествием Батыевым, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгрии: ибо татары могли возвратиться. Немецкий император писал ко всем государям, чтобы они собрали войско

---

[1] Т е м н и к — начальник над большим войском.

для спасения царств и Веры. Беспокойство, волнение было общее; народ постился; духовенство день и ночь молилось в храмах. Один Св. Людовик, мужественный король французский, не терял бодрости и спокойно ответствовал матери, что он, в надежде на Бога и меч свой, смело встретит варваров. Но папа, Иннокентий IV, желая миром удалить бурю, отправил к хану монахов с дружелюбными письмами. Иоанн Карпин, один из сих послов, в 1246 году проезжал из Италии чрез Россию и сообщает следующие известия о тогдашнем ее состоянии и моголах. Увидим, что папа, думая о татарах, не забывал и наших предков, усильно домогаясь подчинить нас латинской церкви. Несчастия россиян давали ему тем более надежды успеть в сем важном деле.

«В Мазовии, — пишет Карпин, — встретили мы князя российского Василька» (брата Даниилова, ходившего тогда с мазовским герцогом на ятвягов), «который рассказал нам весьма много любопытного о татарах. Узнав, что не должно ехать в Орду с пустыми руками, мы купили несколько бобровых и других шкур. Конрад, герцог краковский, епископ и бароны польские снабдили нас также всякими мехами, прося князя Василька быть нашим покровителем. Вместе с ним приехали мы в его столицу (Владимир Волынский), где, отдохнув, желали беседовать с российскими епископами и предложили им письма от папы, который убеждал их присоединиться к латинской церкви; но епископы и Василько ответствовали, что они не могут ничего сказать нам без князя Даниила, брата Василькова, бывшего тогда в Орде. После чего Василько отправил нас с вожатым в Киев, куда мы и прибыли благополучно, несмотря на глубокий снег, холод и многие опасности: ибо литовцы беспрестанными набегами тревожат сию часть России. Жителей везде мало: они истреблены моголами или отведены ими в плен. В Киеве наняли мы татарских лошадей, а своих оставили: ибо они могли бы умереть с голода в дороге, где нет ни сена, ни соломы; а татарские, разбивая копытами снег, питаются одною мерзлою травою.

Первое место, в коем живут моголы (близ Киева), называется *Хановым*[1]. Они со всех сторон окружили нас, спрашивая, зачем и куда едем? Я отвечал, что мы послы отца и владыки всех христиан, который, ничем не оскорбив государей татарских, с крайним изумлением сведал о разорении Венгрии и Польши, где живут *его подданные;* что он, желая мира, в письмах своих убеждает ханов принять Веру христианскую, без коей нет спасения. Моголы удовольствовались некоторыми подарками и дали

---

[1] Ханов - совр. г. Канев.

нам вожатым до Орды главного их начальника. Он называется Куремсою, предводительствует шестидесятью тысячами воинов и хранит западные пределы могольских владений. — Куремса отправил нас к Батыю, первейшему из ханов после великого.

Мы проехали всю землю половецкую, обширную равнину, где текут реки Днепр, Дон, Волга, Яик и где летом кочуют татары, повинуясь разным воеводам, а зимою приближаются к морю *Греческому* (или Черному). Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор и 600 000 воинов, 160 000 татар и 450 000 иноплеменников, христиан и других подданных. В пятницу Страстной недели провели нас в ставку его между двумя огнями, для того, как говорили татары, что огонь есть чистилище для всяких злых умыслов, отнимая даже силу у скрываемого яда. Мы должны были несколько раз кланяться и вступить в шатер, не касаясь порога. Батый сидел на троне с одною из жен своих; его братья, дети и вельможи на скамьях; другие на земле, мужчины на правой, а женщины на левой стороне. Сей шатер, сделанный из тонкого полотна, принадлежал королю венгерскому: никто не смеет входить туда без особенного дозволения, кроме семейства ханского. Нам указали место на левой стороне, и Батый с великим вниманием читал письма Иннокентиевы, переведенные на языки славянский, арабский и татарский. Между тем он и вельможи его пили из золотых или серебряных сосудов: причем всегда гремела музыка с песнями. Батый имеет лицо красноватое; ласков в обхождении с своими, но грозен для всех; на войне жесток, хитр и славится опытностью. — Он велел нам ехать к великому хану.

Хотя мы были весьма слабы, ибо питались во весь пост одним просом и пили только снежную воду, однако ж ехали скоро, пять или шесть раз в день меняя лошадей, где находили их. Земля половецкая во многих местах есть дикая степь: жители истреблены татарами или бежали; другие признали себя их подданными. Она граничит к северу с Россиею, Мордвою, Болгариею, Башкириею (pays des Bastarques), отечеством венгров, и с самоедами (Samogedes), обитающими на пустынных берегах Океана[1]; к югу с аланами (оссетинцами), черкесами, козарами и Грециею. За половцами начинается страна кангитов (канглей или хвалисов), совершенно безводная и малонаселенная. В сей печальной степи (ныне киргизской) умерли от жажды бояре Ярослава, князя российского, посланные им в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена моголами; жители, не имея

[1] Океан — Северный Ледовитый океан.

домов, обитают в шатрах и так же, как половцы, не знают хлебопашества, а кормятся одним скотоводством.

Около Вознесения Христова въехали мы в страну бесерменов (харазов или хивинцев), говорящих языком половцев, но исповедующих веру сарацинскую. Там представилось нам множество сел и городов опустошенных. Владетель их, называемый великим султаном, погиб со всем родом от меча татарского. Сия земля имеет большие горы и сопредельна к северу (востоку) с черными китанами (в Малой Бухарии), где живет Сибан, брат Батыев, и где находится дворец ханский. Далее мы увидели обширное озеро (Байкал), оставили его на левой стороне и чрез землю кочующих найманов в исходе июня прибыли в отечество моголов, которые суть истинные татары.

Уже несколько лет они готовились к избранию великого хана; но Гаюк еще не был торжественно возглашен Октаевым преемником: он велел нам ждать сего времени и послал к матери, вдовствующей супруге Октаевой, именем Туракане, у коей собирались все чиновники и старейшины: ибо она была тогда правительницею. Ее ставка, обнесенная тыном, могла вместить более 2000 человек. Воеводы сидели на конях, богато украшенных серебром, и советовались между собою. Одежда их в первый день была *пурпуровая белая,* на другой день красная, на третий синеватая, а на четвертый алая. Народ толпился вне ограды. У ворот стояли воины с обнаженными мечами; в другие ворота, хотя оставленные без стражи, никто не смел входить, кроме Гаюка. Вельможи беспрестанно пили кумыс и хотели нас также поить; но мы отказались. Они везде давали первое место нам и российскому князю Ярославу; тут же находились два сына грузинского царя, посол калифа багдадского и многие другие послы сарацинские, числом до четырех тысяч: одни с дарами, иные с данию.

Таким образом, мы жили целый месяц в сем шумном стане, называемом Сыра Орда, и часто видели Гаюка. Когда он выходил из шатра своего, певцы обыкновенно шли впереди и громко пели его славу. Наконец двор переехал в другое место и расположился на берегу ручья, орошающего прекрасную долину, где стоял великолепный шатер, называемый *Златая Орда.* Столпы сего шатра, внутри и снаружи украшенного богатыми тканями, были окованы золотом. Там надлежало Гаюку торжественно воссесть на престол в день успения Богоматери. Но ужасная непогода, град и снег препятствовали совершению обряда до 24 августа. В сей день собрались вельможи и, смотря на юг, долго молились Всевышнему: после чего возвели Гаюка на златой трон и преклонили колена; народ также. Князья и вельможи говорили императору: *мы хотим и требуем, чтобы ты повелевал нами.*

Гаюк спросил: *желая иметь меня государем, готовы ли вы исполнять мою волю; являться, когда позову вас; идти, куда велю, и предать смерти всякого, кого наименую?* Все ответствовали: *готовы!.. Итак* (сказал Гаюк), *слово мое да будет отныне мечом!* Вельможи взяли его за руку, свели с трона и посадили на войлок, говоря императору: *Над тобою Небо и Всевышний; под тобою земля и войлок. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая князей и вельмож по их достоинству, то царство Гаюково прославится в мире, земля тебе покорится и Бог исполнит все желания твоего сердца. Но если обманешь надежду подданных, то будешь презрителен и столь беден, что самый войлок, на котором сидишь, у тебя отнимется.* Тогда вельможи, подняв Гаюка на руках, возгласили его императором и принесли к нему множество серебра, золота, камней драгоценных и всю казну умершего хана; а Гаюк часть сего богатства роздал чиновникам в знак ласки и щедрости. Между тем готовился пир для князей и народа; пили до самой ночи и развозили в телегах мясо, варенное без соли.

Гаюк имеет от роду 40 или 45 лет, росту среднего, отменно умен, догадлив и столь важен, что никогда не смеется. Христиане, служащие ему, уверяли нас, что он думает принять Веру Спасителеву, ибо держит у себя христианских священников и дозволяет им всенародно перед своим шатром отправлять Божественную службу по обрядам греческой церкви. Сей император говорит с иностранцами только через переводчиков, и всякий, кто подходит к нему, должен стать на колена. У него есть гражданские чиновники и секретари, но нет стряпчих: ибо моголы не терпят ябеды, и слово ханское решит тяжбу. Что скажет государь, то и сделано; никто не смеет возражать или просить его дважды об одном деле. Гаюк, пылая славолюбием, готов целый мир обратить в пепел. Смерть Октаева удержала моголов в их стремлении сокрушить Европу: ныне, имея нового хана, они ревностно желают кровопролития, и Гаюк, едва избранный, в первом совете с князьями своими положил объявить войну церкви нашей, империи Римской, всем государям христианским и народам западным, если Св. Отец — чего Боже избави — не исполнит его требований, то есть не покорится ему со всеми государями европейскими: ибо моголы, следуя завещанию Чингисханову, непременно хотят овладеть вселенною.

Гаюк чрез несколько дней принял нас, равно как и других послов. Секретарь его сказывал ему имя каждого; однако ж не многие из них были впущены в ставку императорскую. Дары, поднесенные ими хану, состояли в шелковых тканях, поясах, мехах, седлах, также вельблюдах и лошаках, богато украшенных.

Между сими бесчисленными дарами мы заметили один зонтик, весь осыпанный драгоценными камнями. В некотором расстоянии от шатров стояло более пяти сот телег, наполненных золотом, серебром, шелковыми одеждами: что все было отдано хану, князьям и вельможам, которые после дарили тем своих чиновников. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имели.

В намерении завоевать Запад Гаюк не хотел вступить с нами в переговоры, и мы около месяца жили праздно, в скуке, в недостатке, получая от моголов на пять дней не более того, что надлежало издержать в один день; а купить было нечего. К счастию, добрый россиянин, золотарь[1], именем Ком, любимец Гаюков, наделял нас всем нужным. Он сделал печать для хана и трон из слоновой кости, украшенный золотом и камнями драгоценными с разными изображениями, и с удовольствием показывал нам свою работу. — Наконец Гаюк, призвав нас, спросил, есть ли у папы люди, знающие язык татарский, русский или арабский? Нет, отвечали мы: хотя в Европе и находятся некоторые арабы, но далеко от того места, где живет папа. Впрочем, мы брались сами перевести на латинский язык, что будет угодно хану написать к Св. Отцу. Вследствие того пришел к нам Кадак, государственный министр, с тремя ханскими секретарями для сочинения грамоты, которую мы, слушая их, писали на латинском языке и толковали им каждое слово: ибо они боялись ошибки в переводе и спрашивали, ясно ли разумеем, что пишем? Приставы наши говорили, что хан отправит с нами собственных послов в Европу, если будем о том просить его; но сего мы не хотели: во-первых, для того, что они увидели бы несогласие и междоусобие государей христианских, столь благоприятное для неверных; во-вторых, ежели бы с послами Гаюка сделалось какое несчастие в Европе, то он еще более остервенился бы против христиан. К тому же хан не уполномочил бы сих послов для заключения надежного мира, а велел бы им единственно вручить письма Св. Отцу такого же содержания, как и данные нам за его печатию.

Откланявшись Гаюку и матери его, которая дала нам по шубе лисьей и по красному кафтану, мы отправились в обратный путь, 14 ноября, чрез необозримые пустыни; не видали ни селений, ни лесов; ночевали в степях, на снегу, и приехали к Вознесению в стан Батыев, чтобы взять у него письма к папе. Но Батый сказал, что он не может ничего прибавить к ответу хана, и дал нам пропуск, с коим мы благополучно доехали до Киева, где

---

[1] Золотарь — золотых дел мастер; *Ком* — скорее всего, Козьма или Косьма.

считали нас уже мертвыми, равно как и в Польше. Князь российский Даниил и брат его, Василько, оказали нам много ласки в своем владении и, собрав епископов, игуменов, знатных людей, с общего согласия объявили, что они *намерены признать Св. Отца главою их церкви, подтверждая все сказанное ими о том прежде чрез особенного посла, бывшего у папы».*

Сие важное известие согласно с грамотами Иннокентия IV, с летописями польскими и нашими собственными. Занимаясь великим намерением свергнуть иго Батыево, Даниил с горестию видел слабость России, уныние князей и народа; не мог надеяться на их содействие и долженствовал искать способов вне отечества. Единоверная Греция, стесненная аравитянами, турками, крестоносцами, едва существовала: Даниил обратил глаза на Запад, где Рим был душою и средоточием всех государственных движений. Сей князь (в 1245 или 1246 году) дал знать Иннокентию, что желает соединить церковь нашу с латинскою, готовый под ее знаменами идти против моголов. Началось дружелюбное сношение с Римом. Папа, называя Даниила королем и любезнейшим сыном, велел архиепископу прусскому ехать в Галицию и выбрать там святителей из ученых монахов католических; объявил снисходительно, что все обряды греческой Веры, не противные латинской, могут и впредь быть у нас соблюдаемы невозбранно (как то служение на квасных просфирах), и в знак особенной благосклонности утвердил супружество князя Василька, женатого на родственнице *в третьем и четвертом колене* (так сказано в письме Иннокентиевом, где сия дочь Георгия Суздальского именована *Добравою);* наконец, чтобы обольстить Даниилово честолюбие, предложил ему венец королевский. Разумный князь ответствовал: «Требую войска, а не венца, украшения суетного, пока варвары господствуют над нами». Иннокентий обещал и войско: но Даниил в ожидании того медлил объявить себя католиком; оба хитрили, досадовали, и в 1249 году легат папский с неудовольствием выехал из Галиции. Посредничество короля венгерского утушило сию явную ссору: в залог милости Иннокентий (в 1253 или 1254 году) прислал к Даниилу венец с другими царскими украшениями. Достойно замечания, что князь галицкий, нечаянно встретив послов римских в Кракове, не хотел видеть их, сказав: «Мне, как государю, непристойно беседовать с вами в земле чуждой». Он вторично не хотел принять и короны; но, убежденный материю, вдовствующею супругою Романовою, и герцогами польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентий взял действительные меры для обороны христиан от Батыя и до всеобщего Собора не осуждал догматов греческой церкви: вследствие чего Даниил признал папу *своим отцом* и наместником Св. Петра,

коего властию посол Иннокентиев, аббат мессинский, в присутствии народа и бояр возложил венец на главу его. Сей достопамятный обряд совершился в Дрогичине, и князь галицкий с того времени именовался *королем;* а папа написал грамоту к богемскому, моравскому, польскому, сербскому и другим народам, чтобы они вместе с галичанами *под знамением креста* ударили на моголов; но как от безрассудного междоусобия христианских государей сие ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и презрел гнев папы, Александра IV, который (в 1257 году) писал к нему, что «он забыл *духовные и временные* благодеяния церкви, венчавшей и помазавшей его на царство; не исполнил своих обетов и погибнет, если с новым раскаянием не обратится на путь истины; что клятва церковная и булат мирской готовы наказать неблагодарного». В надежде смирять моголов посольствами и дарами новый король галицкий, богатый казною, сильный войском, окруженный соседами или несогласными или слабыми, уже смеялся над злобою папы и, строго наблюдая уставы греческой церкви, доказал, что мнимое присоединение его к латинской было одною государственною хитростию.

Обращаясь к путешествию Карпина, предложим сказанное им о свойстве, нравах и вере моголов: сии известия также достойны замечания, сообщая нам ясное понятие о народе, который столь долгое время угнетал Россию.

«Татары (повествует Карпин) отличны видом от всех иных людей, имея щеки выпуклые и надутые, глаза едва приметные, ноги маленькие; большею частию ростом не высоки и худы; лицом смуглы и рябы. Они бреют волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинные косы назади; выстригают себе также гуменцо, подобно нашим священникам. Мужчины и женщины носят кафтаны парчовые, шелковые и клееношные или шубы навыворот[1] (получая ткани из Персии, а меха из России, Болгарии, земли мордовской, Башкирии) и какие-то странные высокие шапки. Живут в шатрах, сплетенных из прутьев и покрытых войлоками; вверху делается отверстие, чрез которое входит свет и выходит дым: ибо у них всегда пылает огонь в ставке. Стада и табуны могольские бесчисленны: в целой Европе нет такого множества лошадей, вельблюдов, овец, коз и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сих дикарей, довольных малым ее количеством. Они не знают хлеба; едят все нечистыми руками, обтирая их об сапоги или траву; не

[1] Шубы навыворот – т. е. мехом наружу.

моют ни котлов, ни самой одежды своей; любят кумыс и пьянство до крайности, а мед, пиво и вино получают иногда из других земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматривают только за стадами или делают стрелы. Младенцы трех или двух лет уже садятся на лошадь; женщины также ездят верхом и многие стреляют из лука не хуже воинов; в хозяйстве же удивительно трудолюбивы; стряпают, шьют платье, сапоги; чинят телеги, навьючивают вельблюдов. Вельможи и богатые люди имеют до ста жен; двоюродные совокупляются браком, пасынок с мачехою, невестки с деверем. Жених обыкновенно покупает невесту у родителей, и весьма дорогою ценою. Не только прелюбодеяние, но и блуд наказывается смертию, равно как и воровство, столь необыкновенное, что татары не употребляют замко́в; боятся, уважают чиновников и в самом пьянстве не ссорятся или по крайней мере не дерутся между собою; скромны в обхождении с женщинами и ненавидят срамословие; терпеливо сносят зной, мороз, голод и с пустым желудком поют веселые песни; редко имеют тяжбы и любят помогать друг другу; но зато всех иноплеменных презирают, как мы видели собственными глазами: например, Ярослав, великий князь российский, и сын царя грузинского, будучи в Орде, не смели иногда сесть выше своих приставов. Татарин не обманывает татарина; но обмануть иностранца считается похвальною хитростию.

Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к югу; славятся терпимостию и не проповедуют Веры своей; однако ж принуждают иногда христиан следовать обычаям могольским: в доказательство чего расскажем случай, которому мы были свидетелями. Батый велел умертвить одного князя российского, именем Андрея, будто бы за то, что он, вопреки ханскому запрещению, выписывал для себя лошадей из Татарии и продавал чужеземцам. Брат и жена убитого князя, приехав к Батыю, молили его не отнимать у них княжения: он согласился, но принудил деверя к брачному совокуплению с невесткою, по обычаю моголов.

Не ведая правил истинной добродетели, они вместо законов имеют какие-то предания и считают за грех бросить в огонь ножик, опереться на хлыст, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть из рта пищу; но убивать людей и разорять государства кажется им дозволенною забавою. О жизни вечной не умеют сказать ничего ясного, а думают, что они и там будут

есть, пить, заниматься скотоводством и проч*. Жрецы их суть так называемые волхвы, гадатели будущего, коих совет уважается ими во всяком деле. (Глава их, или патриарх, живет обыкновенно близ шатра ханского. Имея астрономические сведения, они предсказывают народу солнечные и лунные затмения.)

Когда занеможет татарин, родные ставят перед шатром копье, обвитое черным войлоком: сей знак удаляет от больного всех посторонних. Умирающего оставляют и родные. Кто был при смерти человека, тот не может видеть ни хана, ни князей до новой луны. Знатных людей погребают тайно, с пищею, с оседланным конем, серебром и золотом; телега и ставка умершего должны быть сожжены, и никто не смеет произнести его имени до третьего поколения. — Кладбище ханов, князей, вельмож неприступно: где бы они ни скончали жизнь свою, моголы отвозят их тела в сие место; там погребены многие, убитые в Венгрии. Стражы едва было не застрелили нас, когда мы нечаянно приближились к гробам.

Таков сей народ, ненаситимый в кровопролитии. Побежденные обязаны давать моголам десятую часть всего имения, рабов, войско и служат орудием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали в Россию вельможу своего, с тем, чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а не платящие должны быть рабами моголов. Сии жестокие завоеватели особенно стараются искоренять князей и вельмож; требуют от них детей в аманаты и никогда уже не позволяют им выехать из Орды. Так *сын Ярослав* и князь ясский живут в неволе у хана. Начальники могольские в землях завоеванных именуются баскаками и при малейшем неудовольствии льют кровь людей безоружных: так истребили они *великое число россиян, обитавших в земле половецкой.*

Одним словом, татары хотят исполнить завещание Чингисханово и покорить всю землю: для того Гаюк именует себя в письмах *государем мира,* прибавляя: *Бог на небесах, я на земле.* Он готовится послать в марте 1247 года одну рать в Венгрию, а другую в Польшу; через три года перейти за Дон и 18 лет воевать Европу. Моголы и прежде, победив короля венгерского, думали идти беспрестанно далее и далее; но внезапная смерть хана, *отравленного ядом,* остановила тогда их стремление. Гаюк

* Сии-то россияне, жившие в степях половецких, как дикари, назывались, думаю, *бродниками,* о коих со XII века упоминается в наших летописях. (IV, 66.)

намерен еще завоевать Ливонию и Пруссию. Государи европейские должны соединенными силами предупредить замыслы хана, или будут его рабами».

Провидение спасло Европу: ибо Гаюк жил недолго, и преемник его, Мангу, озабоченный внутренними беспорядками в своих азиатских владениях, не мог исполнить Гаюкова намерения. Но Запад еще долгое время страшился Востока, и Святой Людовик, находясь в Кипре, в 1253 году вторично отправил монахов в Татарию с дружелюбными письмами, услышав, что великий хан принял веру Спасителеву. Сей слух оказался ложным: Гаюк и Мангу терпели при себе христианских священников, позволяли им спорить с идолопоклонниками и магометанами, даже обращать жен ханских; но сами держались Веры отцов своих. Рубруквис, посол Людовиков, ехал из Тавриды или *Казарии* (где жили многие греки с готфами под властию моголов), чрез нынешнюю землю донских козаков, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую губернию, где в густых лесах и в бедных, рассеянных хижинах обитали мокшане и мордовские их единоплеменники, богатые только звериными кожами, медом и соколами. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положил свою голову в Венгрии, и мокшане, узнав там немцев, говорили об них с великою похвалою, желая, чтобы они избавили мир от ненавистного ига татарского. Батый кочевал в Казанской губернии, на Волге, обыкновенно проводя там лето, а в августе месяце начиная спускаться вниз по ее течению, к странам южным. В стане могольском и в окрестностях находилось множество россиян, венгров, ясов, которые, заимствуя нравы своих победителей, скитались в степях и грабили путешественников. При дворе сына Батыева, Сартака, жил один из славных рыцарей храма и пользовался доверенностию моголов, часто рассказывая им о европейских обычаях и силе тамошних государей. — Рубруквис от берегов Волги отправился в южную Сибирь и, приехав к великому хану, старался доказать ему превосходство Веры христианской; но Мангу равнодушно ответствовал: «Моголы знают, что есть Бог, и любят всею душою. Сколько у тебя на руке пальцев, столько или более можно найти путей к спасению. Бог дал вам Библию, а нам волхвов: вы не исполняете ее предписаний, а мы слушаемся своих наставников и ни с кем не спорим... Хочешь ли золота? Взяв его из казны моей, иди, куда тебе угодно». Посол Людовиков нашел при дворе ханском российского архитектора и диакона, венгров, англичан и весьма искусного золотаря парижского, именем Гильйома, жившего у Мангу в чести и в великом изобилии. Сей Гильйом сделал для хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырех серебряных львах, которые служили чанами в пиршествах: кумыс, мед, пиво и вино

подымались из них до вершины дерева и лились сквозь отверстый зев двух вызолоченных драконов на землю в большие сосуды; на дереве стоял крылатый ангел и трубил в трубу, когда надлежало гостям пить. Моголы вообще любили художников, обязанные сим новым для них вкусом мудрому правлению бессмертного Иличутсая, о коем мы выше упоминали и который, быв долгое время министром Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать их подданных: спас жизнь многих ученых китайцев, основал училища, вместе с математиками арабскими и персидскими сочинил календарь для моголов, сам переводил книги, чертил географические карты, покровительствовал художников; и когда умер, то завистники сего великого мужа, к стыду своему, нашли у него, вместо предполагаемых сокровищ, множество рукописных творений о науке править государством, об астрономии, истории, медицине и земледелии.

Великий хан, отпуская Людовикова посла, дал ему гордое письмо к королю французскому, заключив оное сими словами: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим властителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделаем! Но если дерзнешь отвергнуть повеление Божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки и что нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!» Такова была надменность моголов!

Рубруквис возвратился к берегам Волги и приехал в Сарай, новый город, построенный Батыем в 60 верстах от Астрахани, на берегу Ахтубы. Недалеко оттуда, на среднем протоке Волги, находился и древнейший город Сумеркент, в коем обитали ясы и *сарацины:* татары осаждали его восемь лет и едва могли взять, по словам нашего путешественника. — Имев случай видеть россиян, сей посол Людовиков сказывает, что жены их, украшая голову подобно француженкам, опушивают низ своего платья белками и горностаями, а мужчины носят *епанчи немецкие* и поярковые шапки, остроконечные и высокие. Он прибавляет еще, что обыкновенная монета российская состоит из кожаных, пестрых лоскутков. Через Дербент, Ширван (где находилось великое число жидов), Шамаху, Тифлис (где начальствовал могольский воевода Баку[1]) Рубруквис прибыл в Армению и благополучно достиг Кипра.

---

[1] Воевода Баку. — По-видимому, по его плети назван город Баку, в то время столица Ширвана.

Глава II

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
(один после другого)
1247—1263 гг.

Александр в Орде. Князь московский убит литвою. Дряхлость Батыева. Посольство из Рима. Болезнь Александрова. Посольство в Норвегию. Бегство Андреево. Благоразумие Александра. Ветреность новогородцев. Смерть Батыева. Исчисление жителей в России. Казнь бояр. Покушение Даниилово свергнуть иго. Откупщики бесерменские. Кончина и добродетели Александровы. Выходцы из чужих земель. Мятежи в Орде.

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы оплакать оную вместе с родными и взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновению, дядя Невского, Святослав, наследовал престол великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных княжениях.

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и россияне еще с гордостию именовали его своим независимым князем: даже стращали им моголов. Батый слышал о знаменитых его достоинствах и велел сказать ему: «Князь новогородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и величие моголов». Александр любил отечество более своей княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил вельможам, что слава не увеличила достоинств Александровых и что сей князь действительно есть человек необыкновенный: такое сильное впечатление сделали в нем мужественный вид Невского и разумные слова его, одушевленные любовию к народу российскому и благородством сердца! — Но Александр и брат его долженствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к великому хану. Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов

кочующих. Может быть, в самой глубокой древности ходили там караваны купеческие: скифы и греки сражались с опасностию, нуждою и скукою, по крайней мере в надежде обогатиться золотом; но что ожидало князей российских в Татарии? Уничижение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, воспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством.

В отсутствие Александра меньший брат его, Михаил Московский, прозванием *Храбрый,* изгнал — как сказано в некоторых летописях [1248 г.] — *дядю* их, Святослава, из Владимира, но в ту же зиму, воюя с литвою, положил свою голову в битве. Тело его осталось на берегу Протвы: епископ суздальский, Кирилл, ревностный блюститель княжеской чести, велел привезти оное в Владимир и положил в стене храма Соборного; а братья Михаиловы отмстили литовцам, разбив их близ Зубцова.

Наконец Александр* и брат его благополучно возвратились от великого хана [1249 г.], который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском; а дядя их, Святослав, без успеха ездив жаловаться на то в Орду, чрез два года скончался в Юрьеве Польском. Удельные князья владимирские зависели тогда в особенности от Сартака и часто бывали в его стане — как то Борис Ростовский и Глеб Василькович Белозерский, — ибо дряхлый Батый, отец Сартаков, хотя жил еще несколько лет, но уже мало занимался делами покоренной России.

В сие время Герой Невский, коего имя сделалось известно в Европе, обратил на себя внимание Рима и получил от папы, Иннокентия IV, письмо, врученное ему, как сказано в наших летописях, двумя хитрыми кардиналами, Гальдом и Гемонтом. Иннокентий уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарии у великого хана, с ведома или по совету какого-то боярина дал слово монаху Карпину принять Веру латинскую и без сомнения исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан

* В житии Александра: «Князь же, здумав с мудреци своими, въписа к нему и рече: от Адама до Потопа, от потопа до разделения язык, начала Авраамля и проития Исраиля сквозь море, до умертвия Давида царе — от начала царства Соломона до Августа и до Христова Рождества, страсти, воскресения, на небеса восшествия и царства Константинова, — от начала онаго до первого Збора (Собора) и седмаго — си вся добре ведаем, а от вас учения не приемлем». (IV, 85.)

следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастия; что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не слушаясь Бога и римского Его наместника; что князь и народ российский найдут тишину и славу под сению западной церкви; что Александр должен, как верный страж христиан, немедленно уведомить рыцарей ливонского ордена, если моголы снова пойдут на Европу. Папа в заключение хвалит Невского за то, что он не признал над собою власти хана: ибо Иннокентий еще не слыхал тогда о путешествии сего князя в Орду. Александр, призвав мудрых людей, советовался с ними и написал к папе: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». Он без сомнения не поверил клевете на память отца его: сам Карпин в описании своего путешествия не говорит ни слова о мнимом обращении Ярослава.

Новогородцы встретили Невского с живейшею радостию [1251 г.]: также и митрополита Кирилла, который прибыл из Владимира и к общему удовольствию посвятил их архиепископа, Далмата. Внутреннее спокойствие Новагорода было нарушено только случайным недостатком в хлебе, пожарами и весьма опасною болезнию князя Александра, в коей все государство принимало участие, возлагая на него единственную свою надежду: ибо он, умев заслужить почтение моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления россиян, бывших там в неволе. Бог услышал искреннюю молитву народа, бояр и духовенства: Александр выздоровел и, желая оградить безопасностию северную область Новогородскую, отправил посольство к норвежскому королю Гакону в Дронтгейм, предлагая ему, чтобы он запретил финмаркским своим подданным грабить нашу Лопь[1] и Корелию. Послам российским велено было также узнать лично Гаконову дочь, именем Христину, на коей Александр думал женить сына своего, Василия. Король норвежский, согласный на то и другое, послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились к Гакону с богатыми дарами; но с обеих сторон желаемый брак не мог тогда совершиться, ибо Александр, сведав о новых несчастиях Владимирского княжения, отложил семейственное дело до иного, благоприятнейшего времени и спешил в Орду, чтобы прекратить сии бедствия.

Брат его, Андрей, зять Даниила Галицкого, хотя имел душу благородную, но ум ветреный и неспособный отличать истинное величие от ложного: княжа в Владимире, занимался более зве-

---

[1] Лопь – Лапландия.

риною ловлею, нежели правлением; слушался юных советников и, видя беспорядок, обыкновенно происходящий в государстве от слабости государей, винил в том не самого себя, не любимцев своих, а единственно несчастные обстоятельства времени. Он не мог избавить Россию от ига: по крайней мере, следуя примеру отца и брата, мог бы деятельным, мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении моголов облегчить судьбу подданных: в сем состояло тогда истинное великодушие. Но Андрей пылкий, гордый, положил, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на нем данником Батыевым, и тайно бежал из Владимира с женою своею и с боярами. Неврюй, Олабуга, прозванием *Храбрый,* и Котья, воеводы татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание: настигнув [24 июля 1252 г.] Андрея у Переславля, разбили княжескую дружину и едва не схватили самого князя. Обрадованные случаем мстить россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским; брали скот, людей; убили в Переславле воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича, пленили его детей и с добычею удалились. — Несчастный Андрей искал убежища в Новегороде; но жители не хотели принять его. Он дождался своей княгини во Пскове; оставил ее в Колыване, или Ревеле, у датчан, и морем отправился в Швецию, куда чрез некоторое время приехала к нему и супруга. Но добродушная ласка шведов не могла утешить его в сем произвольном изгнании: отечество и престол не заменяются дружелюбием иноземцев.

Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на россиян и, признанный в Орде *великим князем,* с торжеством въехал в Владимир. Митрополит Кирилл, игумены, священники встретили его у Золотых ворот, также все граждане и бояре под начальством тысячского столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александр спешил оправдать ее неусыпным попечением о народном благе, и скоро воцарилось спокойствие в великом княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в домы, земледельцы к плугу и священники к алтарям. — В сие время татары отпустили от себя рязанского князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдав в неволе, чрез 6 лет умер в отчизне монахом и схимником. Сын его, Роман, наследовал престол Рязанский.

Выехав из Новагорода, Александр оставил там сына своего, Василия, который счастливо отразил литовцев. Псков, внезапно осажденный ливонскими рыцарями [1253 г.], защищался мужественно. Неприятель отступил, сведав, что идут новогородцы; а россияне и корела, опустошив часть Ливонии, в окрестностях

Наровы разбили немцев, таким образом наказанных за нарушение мира и принужденных согласиться на все требования победителей.

Между тем как великий князь радовался успехам оружия новогородского [1255 г.], он был изумлен нечаянным известием, что сын его, Василий, с бесчестием изгнан оттуда и приехал в Торжок. За год до сего времени брат Невского, Ярослав, княжив в Твери, по каким-то неудовольствиям выехал оттуда с боярами, сделался князем псковским и разными хитростями преклонил к себе новогородцев. Они стали жаловаться на Василия, хотели послать архиепископа с челобитьем к Александру и вдруг, забыв благодеяние Невского Героя, объявили Ярослава своим правителем. Великий князь, огорченный поступком брата и народа, ему любезного, вооружился, в надежде смирить их без кровопролития. Ярослав, не посмев обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на вече умереть друг за друга и стали полками на улицах. Впрочем, не все действовали единодушно: многие бояре думали единственно о личных выгодах: они желали торговаться с великим князем, чтобы предать ему народ. В числе их был некто Михалко, гражданин властолюбивый, который, лаская посадника Ананию, тайно намеревался заступить его место и бежал в Георгиевский монастырь, велев собраться там своим многочисленным единомышленникам. Граждане устремились за ним в погоню; кричали: «Он изменник! Убьем злодея!» Но посадник, не зная Михалкова умыслу, спас сего мнимого друга и говорил им с твердостию: *убейте прежде меня самого!* В благодарность за такую услугу Михалко, встретив Александра, описал ему Ананию как первого мятежника, и посол великого князя, приехав в Новгород, объявил жителям на вече, чтобы они выдали ему посадника, или разгневанный государь будет их неприятелем. Народ отправил к Александру Далмата архиепископа и Клима тысячского. «Новгород любит тебя и не хочет противиться своему законному князю, — говорили ему сии послы: — иди к нам с Богом, но без гнева, и не слушайся наших изменников. Анания есть добрый гражданин». Александр, отвергнув все их убеждения, требовал головы посадника. В подобных случаях новогородцы стыдились казаться малодушными. «Нет, — говорил народ: — если князь верит новогородским клятвопреступникам более, нежели Новугороду, то Бог и Святая София не оставят нас. Не виним Александра, но будем тверды». Они три дня стояли вооруженные. Наконец князь велел объявить им, что он удовольствуется сменою посадника. Тогда Анания с радостию отказался от своего верховного сана, а коварный Михалко принял начальство. Александр вступил в Новгород, дав слово не стеснять прав народных, и с честию возвратился в столицу владимирскую.

Скоро шведы, финны и немцы явились на берегах Наровы и заложили там город [1256 г.]. Встревоженные новогородцы послали гонцов к Александру и в свои области для собирания людей ратных. Хотя опасность миновалась — ибо шведы ушли, не достроив крепости, — но великий князь, немедленно прибыв в Новгород с митрополитом Кириллом, велел полкам изготовиться к важному предприятию, не сказывая ничего более. Только у Копорья, где митрополит дал Невскому благословение на путь, сведали воины, что они идут в Финляндию: устрашенные дальним зимним походом, многие новогородцы возвратились домой; прочие сносили терпеливо ужасные вьюги и метели. Погибло множество людей; однако ж россияне достигли своей цели, то есть опустошили знатную часть Финляндии, где, по сказанию шведских историков, некоторые жители держали нашу сторону, недовольные правлением шведов и насильственными их поступками.

Поручив Новгород сыну своему, Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Батый умер: сын его — вероятно, Сартак — хотел господствовать над татарами, но был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки, который, умертвив племянника, согласно с волею великого хана объявил себя преемником Батыевым и вверил дела российские своему наместнику Улавчию [1257 г.]. Сей вельможа принимал наших князей и дары их: к нему явился Александр с Борисом Васильковичем и братом Андреем (ибо сей последний уже возвратился тогда в отечество и жил в Суздале). Вероятно, что они, сведав намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенною данию по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей и поставили над ними десятников, сотников, темников для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и монахов. Хитрость, достойная замечания. Моголы, вступив в наше отечество, с равною свирепостию лили кровь и мирян и духовных, ибо не думали жить близ его пределов и, страшась оставить за собою многочисленных врагов, хотели мимоходом истребить всех людей; но обстоятельства переменились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать в привольных окрестностях Волги и Дона: хан ее для своих выгод должен был в некотором смысле щадить подданную ему Россию, богатую естественными и для самых варваров нужными произведениями; узнав же власть духовенства над совестию людей, вообще усердных к Вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать

нами. Изъявляя уважение к духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги Бога русского, как думал народ. — В одно время с Александром возвратился из Орды Глеб Василькович: сей князь белозерский ездил к великому хану и там женился, без сомнения, на какой-нибудь могольской христианке, ибо самые жены ханов явно исповедывали веру Спасителеву. Он надеялся сим брачным союзом доставить некоторые выгоды своему утесненному отечеству.

Чрез несколько месяцев великий князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским (который, признав вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Наместник ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную: Герой Невский, некогда ревностный поборник новогородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною независимостию. Вместе с татарскими чиновниками и с князьями, Андреем и Борисом, Александр поехал в Новгород, где жители, сведав о его намерении, пришли в ужас. Напрасно говорили некоторые и посадник Михалко, что воля сильных есть закон для благоразумия слабых и что сопротивление бесполезно: народ ответствовал грозным воплем, умертвил посадника и выбрал другого. Сам юный князь Василий, по внушению своих бояр, уехал из Новагорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою оковы и стыд для людей вольных. В сем расположении Александр нашел большую часть граждан и не мог ничем переменить его: они решительно отказались от дани, но отпустили могольских чиновников с дарами, говоря, что желают быть в мире с ханом, однако ж свободными от ига рабского.

Великий князь, негодуя на ослушного сына, велел схватить его во Пскове и под стражею отвезти в Суздальскую землю; а бояр, наставников Василиевых, казнил без милосердия. Некоторые были ослеплены, другим обрезали нос: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народ считал их виновными, ибо они возмутили сына против отца: столь власть родительская казалась священною!

Александр остался в Новегороде [1259 г.] и, предвидя, что хан не удовольствуется дарами, ждал следствий неприятных. В самом деле пришло известие из Владимира, что войско ханово уже готово идти к Новугороду. Сия весть, впрочем, ложная, имела такое действие в народе, что он на все согласился, и великий князь уведомил моголов о его покорности. Чиновники их, Беркай и Касачик, с женами и со многими товарищами

явились на берегах Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглым и для бедных утеснительным образом, что граждане, сведав о том, вдруг переменили мысли. Сделалось волнение: чиновники могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр приставил к ним посадникова сына и боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их домы. Мятеж не утихал. Бояре советовали народу исполнить волю княжескую, а народ не хотел слышать о дани и собирался вокруг Софийской церкви, желая умереть за честь и свободу, ибо разнесся слух, что татары и сообщники их намерены с двух сторон ударить на город. Наконец Александр прибегнул к последнему средству: выехал из дворца с могольскими чиновниками, объявив, что он предает мятежных граждан гневу хана и несчастной судьбе их, навсегда расстается с ними и едет в Владимир. Народ поколебался: бояре воспользовались сим расположением, чтобы склонить его упорную выю под ненавистное ему иго, действуя, как говорит летописец, согласно с своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, будучи для всех равная; бедствие же войны отчаянной страшило последних гораздо более, нежели первых. — И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или чрез великих князей. — Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая домы; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностию и роскошным избытком: добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния. — Вельможи татарские, распорядив налоги, удалились. Александр поручил Новгород сыну Димитрию и возвратился в великое княжение через Ростов, где вдовствующая супруга Василькова, Мария, князь Борис и Глеб угостили его с любовию; но сей государь великодушный мог ли быть счастлив и весел в тогдашних обстоятельствах России?

Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батыя избавиться от власти моголов. Деятельностию ума необыкновенного восстановив свое княжение и загладив в нем следы татарского опустошения, он брал участие в делах Европы и два раза ходил помогать Беле венгерскому, неприятелю императора Фридерика и короля богемского. (Венгры, по словам летописца, удивлялись стройности полков российских, их татарскому оружию и пышности самого князя, его богатой одежде греческой, обшитой золотыми кружевами, — сабле, стрелам, седлу, окованным драгоценными металлами с блестящею резьбою.) Сия вражда была за

области умершего герцога австрийского, Фридерика: Бела, император и король богемский хотели овладеть ими. Первый объявил себя защитником дочери Фридериковой, именем Гертруды, уступившей ему свои наследственные права; женил на ней Даниилова сына, Романа; отправил их в Юденбург и клялся Гертруде отдать ей Австрию и Стирию, как скоро завоюет оные. Тем усерднее Даниил доброжелательствовал королю венгерскому; несмотря на глазную болезнь, которая мешала ему видеть, выступил в поле с краковским герцогом, разорил богемскую Силезию, взял Носсельт, выжег окрестности троппавские и возвратился, довольный мыслию, что никто из древних героев российских, ни Св. Владимир, ни великий отец его, не воевал столь далеко в земле немецкой. Хотя Бела не исполнил данного Гертруде слова и даже не защитил ее супруга, осажденного богемским принцем в Юденбурге (так что Роман, оставив беременную жену, принужден был уйти к отцу): но Даниил остался другом венгров. — Счастливые войны с ятвягами и с литвою более и более прославляли мужество сего князя. Первые, не находя безопасности и за своими лесистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебром. В Литве господствовал тогда славный Миндовг, баснословно производимый некоторыми летописцами от племени древних римлян, а другими от наших князей полоцких. Он жил в Кернове, повелевал всеми иными князьками литовскими и, грабя соседственные земли христианские, искал приязни одного Даниила, который женился вторым браком на его племяннице. Несколько времени быв друзьями, они сделались неприятелями. Миндовг, опасаясь честолюбивых братьев Данииловой супруги, Товтивила и Эдивида, велел им воевать Смоленскую область, но в то же время замышлял их убить. Племянники сведали и бежали в Владимир Волынский. Обрадованный случаем унизить гордость Миндовга, Даниил представил ляхам и рижским немцам, что междоусобие князей литовских есть счастие для христиан и что надобно оным воспользоваться. Немцы действительно вооружились: россияне также; самые ятвяги и жмудь, в угодность им, восстали на Литву. Даниил завоевал Гродно и другие места литовские; но скоро немцы изменили, отчасти подкупленные Миндовгом, отчасти им обманутые: ибо сей хитрый язычник, видя беду, принял веру латинскую и заслужил покровительство легкомысленного папы, Александра IV, давшего ему сан королевский. Чрез два года увидели обман: Миндовг, в крайности уступив Даниилову сыну, Роману, Новогродок, Слоним, Волковиск и выдав дочь свою за его меньшего брата, именем Шварна, отдохнув и собрав силы, снова обратился к идолослужению и к разбоям, гибельным для рижского

ордена, Мазовии, Смоленских, Черниговских, даже Новогородских областей.

В сие время Даниил, ободряемый королем венгерским, ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом моголов. Они вступили в Понизье и заняли Бакоту: юный Лев Даниилович, выгнав их оттуда, пленил баскака ханского. Темник Батыев, Куремса, не мог взять Кременца и, сильно убеждаемый Изяславом Владимировичем (внуком Игоря Северского) идти к Галичу, ответствовал: «Даниил страшен!» Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий; а мужественный Даниил, пленив Изяслава и пользуясь изумлением татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом, где баскаки господствовали как в своих улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслию о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы моголов, ведомые свирепым Бурондаем, преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты хану или враг? — сказали королю галицкому послы Бурондаевы: — если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил татарских, медлил и наконец послал Василька к Бурондаю с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие. Сонмы моголов устремились на Литву, дотоле им неизвестную; одни дремучие леса и вязкие болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бедствие. Хваля мужество, оказанное братом Данииловым в разных сшибках, Бурондай отпустил его в Владимир. Прошло два года в тишине и спокойствии для юго-западной России. Даниил, именуя себя другом ханским, строил, укреплял города и не переставал надеяться, что державы соседственные рано или поздно увидят необходимость действовать общими силами против варваров; но Бурондай открыл глаза и, вступив в область Галицкую, дал знать ее королю, чтобы он явился в его стане как смиренный данник или ждал казни. Даниил послал к нему брата, сына, холмского епископа Иоанна и дары. «Хотите ли уверить нас в искренней покорности? — говорил темник ханов: — разберите или предайте огню стены крепостей ваших; сравняйте их окопы с землею». Василько и Лев не смели ослушаться: города Данилов, Стожек, Кременец, Луцк, Львов, незадолго до того времени основанный и названный именем старшего сына Даниилова, обратились в села, быв лишены своих укреплений, ненавистных татарам. Бурондай веселился, смотря на пылающие стены и башни владимирские; хвалил повиновение Василька и, в знак особенного удовольствия несколько дней пи-

ровав в его дворце, пошел к Холму, откуда горестный Даниил уехал в Венгрию. Провидение вторично спасло сей город хитростию Василька, который, будучи послан с двумя мурзами (знавшими русский язык), чтобы склонить жителей к сдаче, взял в руку камень и, сказав: «не велю вам обороняться», кинул его на землю. Воевода холмский угадал мысль князя и с притворным гневом ответствовал ему: «Удалися; ты враг государя нашего». Василько действительно хотел, чтобы жители сопротивлялись, имея лучших ратников, укрепления надежные и много самострелов; а татары, не любя долговременных, кровопролитных осад, чрез несколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, где Василько и Лев служили им невольным орудием в злодействах. Так, сии князья уговорили сендомирского начальника сдаться, обещая ему и гражданам безопасность; но с горестию должны были видеть, что моголы, в противность условию, резали и топили народ в Висле. Наконец Бурондай возвратился к берегам Днепра, с угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будут пеплом, если их князья не захотят мирно рабствовать и платить дани хану.

Следственно, важные усилия и хитрости Данииловы остались бесполезными. Он не нашел помощи ни в Кракове, ни в Венгрии, к единственному утешению своему сведав на пути, что Василько победил Миндовга, слабого против моголов, но ужасного для соседственных образованных государств. Как скоро Бурондай удалился, хищные литовцы опустошили Мазовию, убили ее князя Самовита и впали в наше владение близ Камена, предводимые каким-то изменником, бояриной рязанским Евстафием. Василько, разбив их на берегах озера Невельского, послал к брату множество трофеев, коней оседланных, щитов, шлемов и копий литовских.

Мы описали здесь случаи нескольких лет относительно к юго-западной России, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и немецкого ордена гораздо более, нежели с суздальскими или новогородскими. Последние для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества.

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, которое более и более отягощало народ. Господство моголов в России открыло туда путь многим купцам бесерменским, хaразским, или хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали у татар дань наших княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и единодушно восстали

[1262 г.], при звуке вечевых колоколов, на сих лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах северной России. В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего монаха, который, приняв Веру магометанскую в Татарии, хвалился милостию нового великого хана Коблая и ругался над святынею христианства; тело его бросили псам на снедение. В Устюге находился тогда могольский чиновник Буга: собирая дань с жителей, он силою взял себе в наложницы дочь одного гражданина, именем Марию, но умел снискать ее любовь и, сведав от нее, что устюжане хотят лишить его жизни, объявил желание креститься. Народ простил ему свои обиды; а Буга, названный в христианстве Иоанном, из благодарности женился на Марии. Сей человек добродетелями и набожностию приобрел всеобщую любовь, и память его еще хранится в Устюге: там показывают место, на коем он, забавляясь *соколиною охотою,* вздумал построить церковь Иоанна Предтечи и которое доныне именуется *Сокольею горою.*

Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: россияне, наказав лихоимцев харазских, озлобили татар, их покровителей. Правительство не могло или не хотело удержать народа: то и другое обвиняло Александра в глазах хановых, и великий князь решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Летописцы сказывают и другую причину его путешествия: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательного войска от Александра: он хотел избавиться от сей тягостной обязанности, чтобы бедные россияне по крайней мере не проливали крови своей за неверных. — Уже готовый к отъезду, Александр послал дружину в Новгород и велел Димитрию идти на ливонских рыцарей. Сей юный князь взял приступом Дерпт, укрепленный тремя стенами, истребил жителей и возвратился обремененный добычею. Кроме многих новогородцев с ним ходили Ярослав Тверской, Константин, зять Александров (сын Ростислава Смоленского) и князь литовский Ровтивил, племянник Миндовгов, который принял Веру христианскую и господствовал в Полоцке, или завоевав его, или — что гораздо вероятнее — будучи добровольно призван жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивил имел славу доброго князя. С помощию Даниила Галицкого и ливонских рыцарей он утвердил оружием свою независимость от дяди и жил мирно с россиянами.

Александр нашел хана Берку в волжском городе Сарае. Сей Батыев преемник любил искусства и науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою Капчакскую столицу и позволил россиянам, в нем обитавшим, свбодно отправлять христианское богослужение, так, что митрополит Кирилл (в

1261 году) учредил для них особенную епархию под именем *Сарской,* с коею соединили после епископию южного Переяславля. Великий князь успел в своем деле, оправдав изгнание бесерменов из городов суздальских. Хан согласился также не требовать от нас войска, но продержал Невского в Орде всю зиму и лето. Осенью Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября [1263 г.]. Истощив силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству, пред концом своим он думал единственно о Боге: постригся, принял схиму и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!» Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда — по собственному выражению одного из них — гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл жил тогда в Владимире: сведав о кончине великого князя, он в собрании духовенства воскликнул: «Солнце отечества закатилось!» Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «Не стало Александра!» Все оцепенели от ужаса: ибо Невский казался необходимым для государства и по летам своим мог бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаем!»... Тело великого князя уже везли в столицу: несмотря на жестокий зимний холод, митрополит, князья, все жители Владимира шли навстречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась. Что может прибавить суд историка, в похвалу Александру, к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые россияне включили Невского в лик своих Ангелов хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому Небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя *Святого,* ему данное, гораздо выразительнее *Великого:* ибо *Великими* называют обыкновенно *счастливых;* Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства. Самые легкомысленные новогородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили Бога за усопшего князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было

погребено в монастыре Рождества Богоматери (именуемом тогда *великою архимандритиею)*, где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии остатки бессмертного князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие.

По кончине первой супруги, именем *Александры*, дочери полоцкого князя Брячислава, Невский сочетался вторым браком с неизвестною для нас княжною *Вассою*, коей тело лежит в Успенском монастыре владимирском, в церкви Рождества Христова, где погребена и дочь его, Евдокия.

Слава Александрова, по свидетельству наших *родословных книг*, привлекла к нему из чужих земель — особенно из Германии и Пруссии — многих именитых людей, которых потомство доныне существует в России и служит государству в первейших должностях воинских или гражданских.

В княжение Невского начались в Волжской, или Капчакской, Орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану, сделался в окрестностях Черного моря владетелем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом[1], императором греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю монархию византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногая произошло, как вероятно, название татар ногайских, ныне подданных России. — Несмотря на внутреннее неустройство, моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в Веру христианскую и дал им земли для поселения.

---

[1] Из Германии выехали Ратша и Гавриил, а из Пруссии Михаил. От первого ведут род свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменские и проч.; от второго Кутузовы, Голенищевы, Щукины и проч.; от третьего (коего сын Терентий отличился в Невском сражении) Морозовы, Шеины, Чеглоковы, Шестовы, Салтыковы, Тучковы и проч. (IV, 111.)

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ 1263—1272 гг.

Древнейшая грамота новогородская. Брак Ярославов. Мятежи в Литве. Война в Ливонии. Баскаки. Упреки великому князю. Мир новогородцев с Ярославом. Татары принимают веру Магометову. Кончина Ярослава. Перемены в уделах. Князь Феодор, зять ханов. Смерть и добродетели короля Даниила. Происшествия в западной России. Основание Кафы. Город Крым.

Андрей Ярославич должен был наследовать престол владимирский; но как он умер через несколько месяцев по кончине Невского, то брат их, Ярослав Тверской, сделался великим князем. Новогородцы также признали его своим начальником, выгнав юного Димитрия Александровича за его малолетство; но хотели, чтобы Ярослав дал клятву в верном соблюдении условий. Мы имеем подлинник сего торжественного договора, писанного от имени архиепископа, Михаила посадника, тысячского Кодрата и всего Новагорода, от *старейших* и *меньших*. Там сказано: «Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новымгородом по древнему обыкновению, брать одни *дары* с наших областей, поручать оные только новогородским, а не княжеским чиновникам, не избирать их без согласия посадника и без вины не сменять тех, которые определены братом твоим Александром, сыном его Димитрием и новогородцами. В Торжке и Волоке будут княжеские и наши тиуны (или судии): первые в твоей части, вторые в Новогородской; а в Бежицах ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, равно как и в других владениях Новагорода: в Волоке, Торжке и проч.; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печере, Югре. В Русу можешь ты, князь, ездить осенью, не летом; а в Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамоте отца твоего, Ярослава. Димитрий и новогородцы дали бежичанам и обонежцам на три года право судиться собственным их судом: не нарушай сего временного устава и не посылай к ним судей. Не выводи народа в свою землю из областей наших, ни принужденно, ни волею. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать людей в залог по долгам, ни купцов, ни земледельцев. Отведем сенные покосы для тебя и бояр твоих; но не требуй отнятых у нас князем Александром, и вообще не подражай

ему в действиях самовластия. Тиунам и дворянам княжеским, объезжающим волости, даются прогоны, как издревле установлено, и только одни ратные гонцы могут в селах требовать лошадей от купцов. Что касается до пошлин, то купцы наши в твоей и во всей земле Суздальской обязаны платить по две векши[1] с лодки, с возу и с короба льну или хмеля. Так бывало, князь, при отцах и дедах твоих и наших. Целуй же святой крест во уверение, что исполнишь сии условия; целуй не чрез посредников, но сам и в присутствии послов новогородских. А затем мы кланяемся тебе, господину князю». — Сия любопытная грамота свидетельствует, что собственный доход князей новогородских состоял в *дарах,* а дань шла в казну общественную; что избрание областных начальников хотя и зависело от князя, но требовало согласия посадникова; что некоторые волости откупали право иметь собственных судей; что новогородцы не дозволяли единоземцам своим переселяться в другие княжения; что купцы их в областях соседственных торговали по большей части хмелем и льном; что ладожане давали мед и рыбу для стола княжеского, преимущественно изобилуя оными. — Здесь в первый раз упоминается о городе Вологде, которая, по тамошним церковным запискам, около 1147 году была торговым местечком, окруженным лесами, а в следующие времена городом знатным, обнесенным каменною стеною; развалины ее башен и ворот доныне приметны.

Ярослав, клятвенно утвердив договор, приехал в Новгород, где, будучи вдов, женился на Ксении, дочери какого-то Юрия Михайловича [1265 г.]. Там сведал он о важных происшествиях в Литве. Не стало Миндовга, короля литовского, злодейски убитого ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкого, коварно заманив его в сети, и дали полочанам своего князя; а сын Товтивилов, спасаясь от сих убийц, приехал в Новгород. Россияне с горестию видели идолопоклонника на троне православного, некогда столь знаменитого княжения; но утешались междоусобием и бедствиями литовцев. Миндовг имел сына, именем Воишелга, который господствовал в Новогродке, изгнав оттуда Романа Данииловича, и славился тиранством, ежедневно плавая в крови жертв невинных. К радости бедных подданных, он еще при жизни отца сделался христианином и, смягченный Верою Спасителя, возненавидел самую власть мирскую: уехал к Даниилу Галицкому; крестил сына Львова, Юрия[2], отказался от света; жил долго в обители полонинского игумена, Григория,

---

[1] Векша — мелкая разменная монета из кожи; Карамзин полагает, что в куне не более 10 векш (II, 104).

[2] Юрий — внук Даниила Галицкого, будущий князь галицкий и холмский.

известного благочестием; хотел видеть Иерусалим и гору Афонскую; возвратился с пути и, на берегу Немана основав монастырь, трудился в оном несколько лет, ревностно исполняя все обязанности инока. Миндовг ни ласками, ни угрозами не мог поколебать его усердия к христианству; но весть о несчастной смерти отца произвела в Воишелге действие чрезвычайное: он затрепетал от гнева, схватил меч и, свергнув с себя монашескую одежду, дал Богу обет чрез три года снова надеть ее, когда отмстит врагам Миндовга. Сия месть была ужасна: собрав полки, Воишелг явился в Литве как зверь свирепый и, признанный там единодушно государем, истребил множество людей, называя их предателями. Триста семейств литовских искали убежища во Пскове, крестились и нашли великодушного заступника в Ярославле: ибо новогородцы хотели было умертвить сих несчастных.

В то же время один из родственников Миндовговых, именем Довмонт, выехал из отечества и, к удовольствию псковитян приняв у них Веру христианскую [1266 г.], снискал столь великую доверенность между ими, что они без согласия Ярославова объявили его своим князем и дали ему войско для опустошения Литвы. Довмонт оправдал сию доверенность подвигами мужества и ненавистию к соотечественникам: разорив область литовского князя Герденя, пленил его жену, двух сыновей и на берегах Двины одержал решительную над ним победу [18 июня]. Множество литовцев утонуло в Двине, и сам Гердень едва ушел; а псковитяне, славя храбрость Довмонта, с восхищением видели в нем набожность христианскую: ибо он смиренно приписывал успех своего оружия единственно заступлению Святого Леонтия, победив неприятелей в день памяти сего мученика.

Между тем Ярослав, досадуя на псковитян за самовольное избрание князя чужеземного, желал изгнать Довмонта и привел для того в Новгород полки суздальские; но должен был отпустить их назад. Новогородцы не хотели слышать о сей войне междоусобной и сказали ему [1267 г.]: «Другу ли Святой Софии быть неприятелем Пскова?» — Ярослав уехал в Владимир, оставив у них своего племянника, Юрия Андреевича, при коем знатная часть Новагорода обратилась в пепел. Конец Неревский исчез совершенно. Многие люди сгорели, и даже самые купеческие суда в пристани, нагруженные товаром: Волхов, по словам летописца, казался пылающим. Богатые граждане в несколько часов обеднялн, а бедные разбогатели, в общем смятении захватив чужие драгоценные вещи.

Сие бедствие не мешало новогородцам заниматься делами ратными: войско их ходило с Довмонтом и псковитянами на Литву, сделало много вреда неприятелю и возвратилось без урона; другое

осаждало Везенберг, или Раковор, в Эстонии, подвластной датчанам, но не могло взять его. Желая загладить сию неудачу, новогородцы сыскали искусных мастеров и велели им на дворе архиепископском строить большие стенобитные орудия; призвали Димитрия Александровича из Переславля с войском, Довмонта Псковского, и ждали самого великого князя: но Ярослав вместо себя прислал к ним двух сыновей, Святослава и Михаила. В то время, как войско готовилось выступить, лазутчики немецкого ордена, называясь послами от Риги, Феллина и Дерпта, явились в Новегороде, говоря нашим князьям, что рыцарство ливонское желает остаться в дружбе с ними, не думает помогать датчанам и не вмешивается в их дела с россиянами. Немцы дали клятву в истине своих уверений, и новогородский боярин, отправленный к епископам и к чиновникам *дворян Божиих* — так у нас именовали рыцарей ливонских — заставил их присягнуть в том же. Считая немцев друзьями, россияне надеялись легко управиться с датчанами, шли к Везенбергу тремя путями, разоряли селения и, зная, что многие жители скрываются в одной неприступной пещере с своим имением, посредством какой-то искусственной машины пустили туда воду [23 января 1268 г.]: бедные эстонцы выскочили и без милости были изрублены в куски; а добычу, найденную в пещере, новогородцы отдали всю князю Димитрию. Уже войско наше, приближаясь к Раковору, стояло на берегах Кеголи, и вдруг, к изумлению своему, увидело сильные полки немецкие, коими предводительствовал сам магистр ордена, именем Отто фон-Роденштейн, и епископ дерптский Александр, в противность данной клятве взявшие сторону датчан. Видя, что надобно разведаться с ними мечом, новогородцы немедленно перешли за реку и стали против *железного* немецкого *полку;* сын Ярославов, Михаил, на левом крыле; Довмонт Псковский, Димитрий и Святослав на правом. Удари́ли смело и мужественно с обеих сторон. «Ни отцы, ни деды наши, — говорит летописец, — не видали такой жестокой сечи». Новогородцы, имея дело с отборною немецкою фалангою, падали целыми рядами. Посадник Михаил и многие чиновники были убиты; тысячский, именем Кодра̀т, пропал без вести, а князь Юрий Андреевич обратил тыл. Псковитяне, ладожане стояли дружно. Наконец князь Димитрий и новогородцы сломили неприятелей и гнали их семь верст до самого города; но, возвратясь на место битвы, увидели еще другой полк немецкий, который врезался в наши обозы. Между тем наступил темный вечер. Благоразумные вожди советовали подождать утра, чтобы в ночной схватке не убивать своих вместо неприятелей, и с трудом могли удержать пылких воинов. Ожидали света с нетерпением; но рыцари, пользуясь темнотою, ушли.

Три дня стояли россияне *на костях*, то есть на месте сражения, в знак победы, и решились идти назад: ибо, претерпев великий урон, не могли заняться осадою городов. Вместо добычи они принесли с собою трупы убиенных, знаменитых бояр, и схоронили тело посадника Михаила в Софийской церкви. Сия честь и слезы целого Новагорода были ему воздаянием за его славную кончину. Избрали нового посадника, именем Павшу; а место тысячского осталось праздно, ибо народ еще не имел вести о судьбе Кодратовой. — Сию кровопролитную битву долго помнили в Новегороде и в Риге. Ливонские историки пишут, что на месте сражения легло 5000 наших и 1350 немцев; в числе последних был и дерптский епископ.

Злобствуя на россиян, магистр ордена собрал новые силы [1269 г.]; пришел на судах и с конницею в область Псковскую: сжег Изборск, осадил Псков и думал сравнять его с землею, имея множество стенобитных орудий и 18 000 воинов (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей князь был страшен не только для литвы, но и для соседственных немцев, и незадолго до того времени истребил их отряд на границе. Мужественный Довмонт, осмотрев силу неприятелей и готовясь к битве, привел всю дружину в храм Святой Троицы, положил меч свой пред алтарем и молился, да будут удары его для врагов смертоносны. Благословенный игуменом Исидором (который собственною рукою препоясал ему меч), князь новыми подвигами геройства заслужил удивление и любовь псковитян; десять дней бился с немцами; ранил магистра. Между тем новогородцы с князем Юрием Андреевичем приспели и заставили рыцарей отступить за реку Великую; вошли в переговоры с ними и согласились дать им мир. Те и другие остались при своем, потеряв множество людей без всякой пользы.

Тогда великий князь Ярослав прибыл в Новгород и, досадуя на многих чиновников за сию войну кровопролитную, хотел их сменить или немедленно выехать из столицы. Граждане объявили решительно, что они не согласны на первое, но молили его у них остаться, ибо мир, заключенный с немцами, казался им ненадежным; сведав же, что великий князь действительно уехал, отправили вслед за ним архиепископа, который наконец уговорил Ярослава возвратиться из Бронниц. Чиновников не сменили, однако ж, в угодность князю, граждане избрали в тысячские одного преданного ему человека, именем Ратибора, и начали готовиться к войне. Князья суздальских уделов и полки Ярославовы собрались в Новгород, куда приехал и великий владимирский баскак, татарин Амраган. Сей чиновник хана — имея, кажется, участие и в наших государственных советах — одобрил намерение россиян

идти к Ревелю; но датчане и немцы, ослабленные претерпенным ими уроном, не захотели новой войны и, добровольно уступив нам все берега Наровы, обезоружили тем Ярослава.

Оставив в покое Эстонию, великий князь хотел было вести полки свои в землю Корельскую, чтобы утвердить ее жителей в послушании; новогородцы просили его не тревожить сих бедных людей, и князь отпустил войско, не предвидя для себя опасности. Уверенный в преданности некоторых чиновников, а может быть и в покровительстве татар, он худо исполнял заключенный им договор с новогородцами: действовал иногда как государь самовластный; слышал ропот и не уважал его. Общее неудовольствие возрастало [1270 г.]. Вдруг, к изумлению князя, ударили в вечевой колокол: настал грозный час суда народного, и люди со всех сторон бежали к Св. Софии решить судьбу отечества, как они думали. Первым определением сего шумного веча было изгнать Ярослава и казнить любимцев княжеских: главного из них умертвили; другие ушли в церковь Св. Николая и на Городище, к Ярославу, оставив домы свои в жертву народу, разломавшему оные до последнего бревна. Именем Новагорода вручили князю грамоту обвинительную. «Для чего, — писали к нему граждане, — завладел ты двором Морткинича? Для чего взял серебро с бояр Никифора, Романа и Варфоломея? Для чего выводишь отсюда иноземцев, мирно живущих с нами? Для чего птицеловы твои отнимают у нас реку Волхов, а звероловы поля? Да будет ныне конец твоему насилию! Иди, куда хочешь; а мы найдем себе князя». Ярослав послал сына и тысячского своего на вече с уверением, что он сделает все угодное народу. «Нет! — ответствовали ему граждане: — Мы не хотим тебя. Удались, или будешь немедленно изгнан». Великий князь уехал; а новогородцы отправили посольство к Димитрию Александровичу, думая, что он с радостию согласится княжить у них; но Димитрий отрекся и велел им сказать: «Не хочу престола, с коего вы согнали моего дядю».

Сей отказ весьма огорчил новогородцев. В то же время они получили известие от Василия, меньшего Ярославова брата, что великий князь, пылая гневом, готовится идти на них с полками моголов, с Димитрием Переславским и с Глебом Смоленским (сыном Ростислава Мстиславича). «Но будьте спокойны, — писал к ним Василий: — Святая София есть моя отчина; я готов служить ей и вам». Он поехал в Орду, где любимец великого князя, Ратибор, тысячский Новагорода, вооружил хана против своих единоземцев, говоря ему: «Новогородцы враги твои; изгнали Ярослава с бесчестием, разграбили наши домы и хотели нас умертвить единственно за то, что мы требовали с них для тебя дани». Обманутый хан послал войско, чтобы смирить ослушников; но Ва-

силий Ярославич вывел его из заблуждения, объяснив ему, что новогородцы ничем не оскорбили моголов и что неудовольствия их на великого князя справедливы. Тогда хан велел полкам своим возвратиться; а Василий, оказав столь важную услугу новогородцам, надеялся быть их князем. Готовые умереть за права вольности, они укрепили столицу с обеих сторон высоким тыном, сносили имение в средину города и ждали неприятелей.

Ярослав приближился к самому Городищу; но видя там всех жителей вооруженных, конных и пеших, обратился к Русе и, заняв оную своим войском, прислал оттуда боярина с дружелюбными предложениями в Новгород. «Забываю, — говорил он, — сделанные мне вами обиды, и все князья российские будут моими поруками в верном исполнении наших условий». Новогородцы ответствовали ему чрез посла: «Князь! Ты объявил себя врагом Святой Софии: оставь же нас в покое, или мы умрем за отечество. Не имеем князя; но за нас Бог, правда и Святая София; а тебя не хотим». Вслед за послом двинулось к Русе их войско многочисленное, в коем находились ладожане, корелы, ижерцы, вожане и псковитяне. Стан их был на одной стороне реки, Ярославов на другой: прошла неделя в бездействии. Тогда новогородцы получили грамоту от митрополита Кирилла. Сей достойный пастырь церкви именем отечества и Веры заклинал их не проливать крови: ручался за Ярослава и брал на себя грех, если они, в исступлении злобы, дали Богу клятву не мириться с великим князем. Слова добродетельного старца тронули новогородцев, и послы Ярославовы, прибыв к ним в стан, довершили благое дело мира. Написали договор: великий князь утвердил оный целованием креста. Сия грамота также хранится в нашем архиве и содержанием подобна первой; означим только некоторые прибавления. В ней сказано от имени Новагорода: «Князь Ярослав! Забудь гнев на владыку, посадника и всех мужей новогородских; не мсти им ни судом, ни словом, ни делом. Не верь клеветникам; не принимай доносов от раба на господина. Послов и купцов наших, остановленных в Костроме и в других городах низовских[1], выпусти с их имением; освободи также военнопленных и всех должников новогородских, задержанных в Торжке князем Юрием Андреевичем, или твоих собственных, или княгининых, или боярских (купец да идет в свою сотню, а селянин в свой погост[2]). Не раздавай никому государственных даней. Возврати грамоту отца твоего, которую ты у нас отнял; и вместо новых, данных

---

[1] Низовские земли, Низ — так новогородцы называли Владимирские, Суздальские, Московские и иные земли.

[2] Погост — село.

тобою, да имеют силу прежние, Ярославовы и Александровы грамоты. На дворе немецком торгуй единственно через наших купцов; а двора не затворяй и не посылай туда приставов. Село Святой Софии останется ее неотъемлемою собственностию. Новогородцы не должны быть судимы в земле Суздальской. Купцы наши да торгуют в ней свободно по грамоте ханской; бери там установленные пошлины, но в областях новогородских не заводи таможни. Судьи начинают свои объезды с Петрова дня», и проч. На белой стороне сей хартии, к коей привязана свинцовая печать, написано, что послы хана татарского, Чевгу и Банши, прибыли с его грамотою в Новгород возвести Ярослава на престол. Столь велика была зависимость князей российских!

Ярослав жил потом несколько месяцев в Новегороде. Не любя Довмонта, он дал псковитянам иного князя — но только на малое время — какого-то Айгуста, и зимою уехал в Владимир, поручив Новгород наместнику, Андрею Вратиславичу. Великое княжение Суздальское было спокойно, то есть рабствовало в тишине, и народ благодарил Небо за облегчение своей доли, которое состояло в том, что преемник хана, или царя Берки, брат его, именем Мангу-Тимур, освободил россиян от насилия откупщиков харазских. Историк могольский, Абульгази, хвалит Тимура за его острый ум; но ум не смягчал в нем жестокого сердца, и память сего хана запечатлена в наших летописях кровию доброго сына Олегова, Романа, князя рязанского, принявшего в Орде венец Мученика. Еще хан Берка, имев случай говорить о Вере с купцами бухарскими и плененный учением Алкорана, объявил себя ревностным магометанином: пример его служил законом для большей части моголов, весьма равнодушных к древнему идолопоклонству; а как всякая новая Вера обыкновенно производит изуверов или фанатиков, то они, вместо прежней терпимости, начали славиться пламенным усердием ко мнимой божественности Алкорана. Может быть, князь Роман неосторожно говорил о сем ослеплении ума: донесли Тимуру, что он хулит их Закон. Тогда Роман, принуждаемый дать ответ, не хотел изменить совести и говорил так смело, что озлобленные варвары, заткнув ему рот, изрезали несчастного князя по составам и взоткнули голову его на копие, содрав с нее кожу. Россияне проливали слезы, но утешались твердостию сего второго Михаила[1] и думали, что Бог не оставил той земли, где князья, презирая славу мирскую, столь великодушно умирают за Его святую Веру.

---

[1] Михаил — Михаил Всеволодович Черниговский, о его гибели в стане Батыя см. т. IV, гл. I.

Великий князь Ярослав, следуя примеру отца и Александра Невского, старался всеми способами угождать хану и подобно им кончил жизнь свою на возвратном пути из Орды, куда он ездил с братом Василием и с племянником Димитрием Александровичем [в 1272 г.]. Тело его было отвезено для погребения в Тверь. Летописцы не говорят ни слова о характере сего князя: видим только, что Ярослав не умел ни довольствоваться ограниченною властию, ни утвердить самовластия смелою решительностию; обижал народ и винился как преступник; не отличался ратным духом, ибо не хотел сам предводительствовать войском, когда оно сражалось с немцами; не мог назваться и другом отечества, ибо вооружал моголов против Новагорода.

Опишем разные особенные происшествия Ярославова времени. При сем государе сделались некоторые перемены в частных уделах великого княжения. Василий Всеволодович, внук Константинов, умерший еще в 1249 году, оставил на престоле Ярославской области супругу Ксению и малолетнюю дочь Марию, которая после сочеталась браком с Феодором Ростиславичем *Черным*, внуком Мстислава Давидовича Смоленского, удельным князем Можайска. Считая себя обиженным старшими братьями, Глебом и Михаилом, он переехал в Ярославль, наследие супруги его, и княжил там вместе с тещею. К сему известию новейшие летописцы прибавляют следующую повесть: «Феодор, быв в Орде, мужественною красотою и разумом столь пленил царицу могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. В то самое время Мария скончалась в Ярославле, и народ, объявив ее сына, Михаила, владетельным князем, уже не хотел повиноваться Феодору, который, лишась супруги и престола, согласился быть зятем хана, или царя капчакского. Все препятствия исчезли: хан позволил дочери креститься, и константинопольский патриарх торжественною грамотою утвердил ее благословенное супружество; а тесть построил для Феодора великолепные палаты в Сарае и дал ему множество городов: Чернигов, Херсон, Болгары, Казань; по смерти же юного Михаила Феодоровича возвел сего любимого зятя на престол ярославский, наказав его врагов. Супруга Феодорова, названная в крещении Анною, построила в Ярославле храм Архистратига Михаила и заслужила имя добродетельной христианки». Ежели сия повесть справедлива, то вероятно, что Феодор был зятем не Мангу-Тимура, а Ногая, женатого на христианке и не хотевшего принять Веры магометанской.

Димитрий Святославич, князь Юрьева Польского, двоюродный брат Ярослава, умер в 1269 году; и с того времени 70 лет не упоминается в нашей истории о владетелях юрьевских. Сей набожный князь принял схиму от епископа ростовского и, за-

крывая глаза навеки, сказал ему: «Святый Владыко! ты совершил труд свой и приготовил меня к пути дальнему, как доброго воина Христова. Там, в жизни вечной, царствует Бог милосердия: иду служить Ему с Верою и надеждою». Сии последние слова Димитриевы казались летописцам достопамятнее дел его, совершенно для нас неизвестных.

Лет за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребен в Холме) знаменитый Даниил, король галицкий, славный воинскими и государственными достоинствами, а еще более отменным милосердием, от коего не могли отвратить его ни измены, ни самая гнусная неблагодарность бояр мятежных: добродетель редкая во времена жестокие и столь бурные. Милостивый к подданным, он и в других отношениях исполнял уставы нравственности: в юности чтил князей старших; изъявлял нежную любовь к матери и к брату, получившему от него в удел область Владимирскую; помнил благодеяния, ему оказанные; наблюдал правило верности в союзах, победами и разумом утверждая безопасность и честь державы Галицкой; нашествием моголов расстроенный в видах своей политики, не изумился, не утратил бодрости духа: хотя не мог совершенно избавиться от их свирепого тиранства, но закрыл глаза с надеждою, что его потомки будут счастливее, следуя принятой им системе держаться союза государей западных, иногда обольщать варваров золотом и смирением, иногда устрашать силою, в ожидании, что они, как гунны Аттилины, как обры; исчезнут, сокрушенные или внутренним междоусобием, или общим усилием государей европейских. Сия надежда не совсем обманула Даниила: его преемники рабствовали менее иных князей российских, уважаемые и ханами и соседственными христианскими державами, которые в течение целого века считали княжество Галицкое верным для себя оплотом с опасной стороны моголов.

Первым следствием кончины Данииловой была война наследников его с Болеславом Польским. Василько остался князем владимирским, Лев перемышльским; Роман Даниилович умер; третий брат их, Мстислав, господствовал в Луцке и Дубне; меньший Шварн — кажется, любезнейший отцу, — в Галиче, Холме и Дрогичине. Несмотря на мир и союз, за несколько лет до того времени утвержденный в Тернаве между Болеславом и Даниилом, корыстолюбивые бояре Шварновы не усомнились вместе с литвою грабить польские владения. Болеслав хотел отмстить: дошло до битвы, в коей дружина Шварнова претерпела великий урон; наконец примирилсь, ибо общая польза обеих держав того требовала.

Хотя княжество Даниилово разделилось на части, однако ж его сыновья действовали согласно в государственных предприятиях и слушались дяди, опытного, благоразумного Василька, не-

смотря на то, что князь Лев с неудовольствием видел меньшего брата властелином Галича и Холма. Сия зависть еще усилилась от нового происшествия, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной России, но и для спокойствия других земель соседственных. Бывший инок Воишелг, сын Миндовга, искренний друг Василька и Шварна, своего зятя, с их помощию овладев большею частию Литвы, раздробленной на многие области, дал последнему в ней удел, а наконец уступил ему и престол; снял с себя одежду княжескую и заключился в монастыре Угровском, исполняя произнесенный им обет. Россияне надеялись, что грабительства литовские уже не возобновятся и что сей опасный народ, правимый сыном Данииловым, составит одну державу с Галицким княжением; но Лев, думая о пользе собственного властолюбия еще более, нежели о благе отечества, не мог снести равнодушно, что сильное княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнул на месть подлую и свирепую. Он предложил Воишелгу съехаться с ним в Владимире будто бы для какого-то важного дела. Сей князь-инок сомневался, зная коварство Льва; но уверенный в безопасности словом добродушного Василька, приехал в Владимир и стал в монастыре Св. Михаила. На другой день был обед у знатнейшего вельможи Даниилова, немца Маркольта, где князья по тогдашнему обыкновению пили весьма неумеренно и где Лев с удивительным искусством притворялся нежным другом Миндовгова сына. Настал вечер: Воишелг спокойно возвратился в монастырь, куда вслед за ним прискакал и Лев, желая, как он говорил, еще повеселить любезного кума. Несчастный отпер дверь: вдруг слуги княжеские окружили его, и Лев, грозным голосом исчислив бедствия, претерпенные Россиею от Литвы, саблею рассек ему голову. Ни Василько, ни Шварн не участвовали в заговоре: они жалели, что имя русское очернилось злодейским вероломством, и с честию погребли Воишелга в обители Св. Михаила. Пишут, что сей литовский князь, от природы жестокосердный, будучи властителем, сверх одежды богатой носил *черную мантию* и потому заслужил названиe *волка в коже агнца.* Но он имел право на благодарность россиян, хотев, по усердию к Вере христианской и любви к ним, чтобы кровь Св. Владимира, браками Даниила и Шварна соединенная с кровию славного Миндовга, царствовала в Литве. К несчастию, столь важное для России благодеяние не имело желаемых следствий: Шварн в юности умер, и князь литовский, именем Тройден, верою язычник, сердцем Нерон, сел на Миндовговом троне. Скоро преставился и князь Василько, о коем упоминается с честию во многих летописях иностранных, особенно в Сербской истории по его дружеству с королем Стефаном Драгутиным. Сей

достойный брат Даниилов, некогда воин храбрый и неутомимый, кончил дни свои монахом и тружеником: повествуют, что он жил несколько времени в дикой, заросшей кустарником пещере, оплакивая грехи прежнего мирского властолюбия и ратной деятельности. Сын его Иоанн-Владимир, женатый на Ольге, дочери Романа Михайловича Брянского, (в 1269 году) наследовал область родительскую, а Лев Шварнову, то есть Галич, Холм и Дрогичин, утвердив престол свой в новом городе Львове, основанном еще при Данииле.

Ко временам, нами описываемым, историки относят возобновление древней Феодосии, или основание нынешней Кафы. Может быть, генуэзцы уже и ранее купечествовали в Тавриде вместе с венециянами; но в царствование императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею и с дозволения моголов завели там гостиный двор, анбары и лавки: сперва, выпросив небольшую частицу земли, обвели ее рвом и валом, а после начали строить высокие домы, присвоили себе гораздо более отданного им места и сделали каменную стену, назвав сей укрепленный, прекрасный город Кафою; овладели Судаком, Балаклавою, нынешним Азовом, или Танаисом, выгнали оттуда своих опасных совместников, венециян, и стеснили древний Херсон, где (в 1333 году) находился уже *латинский* епископ и где в XVI веке представлялись глазам путешественников одни великолепные развалины. Имея иногда ссоры и даже войну с моголами (в 1343 году), генуэзцы господствовали там до падения Греческой империи и были наконец истреблены турками. Но еще и ныне видим в Тавриде памятники сих образованных италиянцев, остатки их зданий и надписи; в Азове же, как говорит один историк, жили некоторые генуэзские семейства до самого XVII столетия. — Близ Кафы находился еще знаменитый могольский город Крым (коем именем назвали и всю Тавриду), столь великий и пространный, что всадник едва мог на хорошем коне объехать его в половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мрамором и порфиром, и другие народные здания, особенно училища, заслуживали удивление путешественников. Купцы ездили из Хивы в Крым без малейшей опасности и, зная, что им надлежало быть в дороге около трех месяцев, не брали с собою никаких съестных припасов, ибо находили все нужное в гостиницах: доказательство, сколь моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатством и скупостию, запирали золото в сундуки и, не давая ничего бедным, строили великолепные мечети в знак своей набожности. Нынешнее местечко *Старый Крым* (на реке Чуруксе, близ Кафы) есть бедный остаток сего древнего города.

Глава IV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ
1272—1276 гг.

Спор о новогородском княжении. Моголы идут на Литву. Пруссы в Слониме и в Гродне. Кончина Василия. Собор.

Меньший брат Ярославов, Василий Костромской, наследовал престол великого княжения и немедленно отправил послов в Новгород, куда вместе с ними прибыли и Димитриевы. Те и другие остановились на *дворе Ярослава;* те и другие ходатайствовали за своего князя: ибо и Василий и Димитрий Александрович желали присвоить себе Новгород, избыточный, сильный и менее других областей угнетенный игом татарским. Димитрий надеялся на славу мужества, изъявленного им в битве Раковорской, и еще более на память отца, Героя Невского; а Василий на услугу, недавно оказанную им в Орде Новугороду. Посадник Павша взял сторону первого, и сын Александров, признанный князем новогородским, спешил в сию столицу. Василий, сведав о том, послал вслед за ним воеводу, чтобы схватить его на пути, а сам хотел взять Переславль, но обратился с войском к Торжку и, заняв сей город, оставил там своего наместника, или тиуна. Князь тверской, Святослав Ярославич, помогая дяде, опустошал между тем берега Волги, Бежецк, Волок. Надлежало прибегнуть к мечу или к договорам: новогородцы хотели употребить оба средства и, собрав войско, послали бояр к великому князю, чтобы укротить его гнев словами мирными. Но Василий, приняв послов с отменной честию, не согласился на мир, и Димитрий с сильными полками выступил к Твери зимою. Вдруг сделалась перемена. «Дружба великого князя для нас необходима, — думали многие новогородцы: — купцов наших грабят теперь в земле Суздальской; мы лишены подвозов и терпим нужду в хлебе. Не лучше ли, вместо кровопролития, исполнить желание Василиево, согласное с народною пользою?» Сие мнение было наконец всеми одобрено: остановясь в Торжке, войско не хотело идти далее. Сам Димитрий не противился общей воле и дружелюбно расстался с новогородцами, которые, сменив верного ему посадника Павшу, объявили Василия своим правителем. Таким образом великий князь достиг цели; приехал в Новгород и, в знак миролюбия забыв недоброжелательство боярина Павши, согласился, чтобы народ возвратил ему сан посадника. Сей чиновник ушел было из Торжка к Димитрию; но, боясь на старости лет остаться изгнанником, прибегнул к Василиеву великодушию и до кончины своей пользовался любовию сограждан.

Чрез два года, спокойные для России, великий князь отправился к хану [1275 г.]. В сие время моголы ходили на Литву, приглашенные к тому Львом Галицким. Преемник Шварнов, свирепый Тройден, несколько лет быв союзником Данииловых сыновей, нечаянно взял Дрогичин и безжалостно умертвил большую часть жителей. Лев, озлобленный его вероломством, обратился к хану Мангу-Тимуру, желая истреблять врагов врагами. Глеб Смоленский и Роман Михайлович Брянский, тесть сына Василькова, Иоанна-Владимира, соединились с татарами, долго терпев набеги литовцев, которые опустошили за Днепром самые отдаленные места Черниговского княжества. Но сей поход имел для России более вредных следствий, нежели благоприятных: ибо князья поссорились между собою и, взяв одно предместие Новогродка, не захотели идти далее в Литву; а моголы на возвратном пути разорили множество наших сел, под именем друзей отнимая у земледельцев скот, имение, одежду. «Дружба с неверными, — говорит летописец, — не лучше брани; и сей случай да будет примером для потомства!»

Оставленные союзниками, князья галицкие взяли в Литве два города, Турийск на берегу Немана и Слоним (где жили пруссы, которые искали там убежища от притеснений немецкого ордена: Тройден населил ими и Гродно). Хотя Лев и Владимир, сын Васильков, заключили было мир с Тройденом; но гордый Ногай, недовольный худым успехом могольского оружия в Литовской земле, прислал новую рать в Галицию и велел им идти с нею против Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродок, россияне Гродно; но те и другие взяли единственно добычу в окрестностях, потеряв много людей. Гродненские пруссы в особенности бились мужественно и в нечаянном нападении пленили лучших бояр галицких; однако ж должны были освободить их, когда россияне, овладев главною башнею крепости, предложили честный мир жителям.

Великий князь по возвращении из Орды преставился в Костроме на сороковом году от рождения [1276 г.], к горести князей и народа, чтивших в нем государя умного и добродушного. — В его время чиновники могольские сделали вторично общую перепись людям во всех российских областях для платежа дани, и народ, уже начиная привыкать к рабству, сносил терпеливо свое уничижение.

К главным достопамятностям Василиева княжения принадлежит Собор, бывший в 1274 году, когда митрополит Кирилл[1] приехал из Киева в Владимир с архимандритом Печерской лавры

---

[1] Кирилл. — См. о нем т. IV, гл. V.

Серапионом, чтобы посвятить его там в епископы. Кирилл, знаменитый миротворец князей и друг отечества, сведав о многих беспорядках в делах церковных, ревностно желал исправить их и созвал для того епископов в Владимир: Далмата Новогородского, Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского, или Сарского, Симеона Полоцкого, и, рассуждав с ними, издал церковные правила, коих почти современный харатейный список находится в Синодальной библиотеке. «Доныне, — пишет митрополит, — уставы церковные *были омрачены облаком еллинской мудрости;* ныне же предлагаются ясно, и неведение да не будет извинением. Уклоняясь от истинных правил христианства, какое мы видели следствие? Не рассеял ли нас Бог по лицу земли? не взяты ли грады наши? не истреблены ли князи острием меча? не отведены ли в плен семейства? не опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно от ига безбожных и нечестивых врагов? Се казнь за нарушение уставов церкви!» Уверенный, что нравственность мирян во многом зависит от нравов духовенства, Кирилл повелевает давать священный сан единственно людям непорочным, коих жизнь и дела известны *от самого детства;* соседи и знакомые должны засвидетельствовать их честность, трезвость, добрые склонности. Житель иной области (следственно, неизвестный в той епархии), раб неосвобожденный, гражданин, не платящий дани, господин жестокий, *ротник,* или многоклянущийся, лжесвидетель, убийца, хотя и принужденный, мздоимец, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются от сего сана. Иерею надлежит иметь 30 лет от рождения, диакону 29. Епископам строго запрещается брать с них деньги за поставление, кроме определенных митрополитом *семи гривен* для крилошан. Всякая мзда, так называемая *посошная*[1] и другие, отменены. Далее сказано: «Мы сведали, что некоторые иереи в странах новогородских от Пасхи до Всех Святых празднуют только и веселятся, не крестят никого и не отправляют службы Божественной: такие да исправятся или да будут извержены! Един достойный пастырь лучше тысящи беззаконных. Известно нам также, что многие люди держатся древних языческих обыкновений, сходятся в святые праздники на какие-то бесовские игрища, криком и свистом сзывают подобных себе пьяниц и бьются дрекольем до самой смерти, снимая с убитых одежду: отныне кто не престанет тешить Диавола такими гнусными забавами, да будет отлучен от церквей Божиих; да не приемлют от него никаких приношений, то есть ни просфор, ни кутьи, ни свеч; когда же умрет, да не отправляют по нем Божественной службы, и тело

---

[1] Посошная мзда — дорожный сбор.

17 Зак. № 38

его да лежит далеко от святых храмов!» В числе многих обыкновений, противных уставам церковным, Кирилл осуждает *обливание* при крещении, говоря, что оно беззаконно и что крестимый должен быть *погружаем* в сосуде особенном. — Таким образом, приписывая государственное бедствие разврату народа и заблуждениям духовенства, сей митрополит хотел искоренить оные мерами, согласными с образом мыслей своего века.

Глава V

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1276—1294 гг.

Состояние России. Россияне в Дагестане. Копорье. Ссора князей ростовских. Междоусобие в великом княжении. Бедствие Курской области. Независимость Тверского княжения. Опустошение России. Кончина Димитриева. Неустройства в Новегороде. Дела с немцами и шведами. Набеги литвы. Дела с Польшею. Кончина кн. Владимира Волынского. Добродетели Кирилла митрополита. Смерть Ногаева.

После страшной грозы Батыевой отечество наше как бы отдохнуло в течение лет тридцати, будучи обязано внутренним устройством и тишиною умному правлению Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Некоторые частные грабежи моголов, некоторые маловажные распри князей и самая утрата государственной независимости уже казались легким злом в сравнении с общими бедствиями минувших лет, еще свежими в памяти народа. Войны внешние были довольно счастливы: победа Невская и Раковорская свидетельствовали, что россияне еще умеют владеть мечом; а торговля, ободряемая даже грамотами ханскими, доставляла и купцам и земледельцам способ платить дань без затруднения. В таком состоянии находилось великое княжение, когда Димитрий Александрович восшел на престол оного, к несчастию подданных и своему, к стыду века и крови Героя Невского.

Новогородцы тогда же признали Димитрия своим князем, следуя, во-первых, древнему правилу, что глава России есть и глава Новагорода, а во-вторых, и для того, чтобы он покровительствовал их важную торговлю в земле Низовской и не мешал им иметь свободное общение с Заволочьем.

Димитрий немедленно отправился в Новгород [1277 г.], а другие князья — Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Феодор Ярославский и Андрей Городецкий, сын Невского, брат Димитриев —

повели войско в Орду, чтобы вместе с ханом Мангу-Тимуром идти на кавказских ясов, или алан, из коих многие не хотели повиноваться татарам и еще с усилием противоборствовали их оружию. Князья наши завоевали ясский город Дедяков (в южном Дагестане), сожгли его, взяв знатную добычу, пленников, и сим подвигом заслужили отменное благоволение хана, изъявившего им оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Феодор Ярославский и зять его, Михаил, сын Глебов, ходили и в следующий год помогать татарам, или единственно исполняя волю хана, или желая добычи, коею моголы охотно делились с россиянами, пользуясь их мужеством. Татары воевали тогда в Болгарии[1] с одним славным[2] бродягою, свинопасом, известным в греческих летописях под именем Лахана: сей человек приманил к себе многих людей, уверив их, что Небо послало его освободить отечество от ига могольского; имел сперва удачу и женился на вдовствующей супруге царя болгарского, им злодейски умерщвленного; но был наконец разбит татарами и лишен жизни в стане Ногаевом.

Между тем великий князь Димитрий наказал данников Новагорода, корелов, *взяв* их землю на *щит*, то есть разорив оную и пленив многих жителей за ослушание или явный бунт: в надежде, может быть, на помощь магистра ливонского или короля шведского, они хотели свергнуть иго, возложенное Новымгородом на их предков. Чтобы немцы и шведы не могли свободно приставать к нашим берегам Финского залива, Димитрий заложил каменную крепость в Копорье [1280 г.], где прежде находилась деревянная, в его же время срубленная. Сия крепость сделала раздор между князем и народом: первый хотел присвоить оную лично себе и занять своею дружиною; а граждане не позволяли князю владеть чем-нибудь в области Новогородской, особенно же местом укрепленным — и Димитрий, с досадою уехав в Владимир, начал готовиться к войне. Тщетно посол, архиепископ Климент, преемник Далматов, уговаривал его оставить гнев на людей, обыкших соблюдать древние права свои: великий князь пошел с войском в область Новогородскую, начал неприятельские действия разорением многих селений и стал на Шелоне. Там архиепископ Климент вторичным молением и дарами склонил его к миру: новогородцы согласились поручить Копорье дружине княжеской, но с того времени невзлюбили Димитрия, ожидая случая отмстить ему за сие насилие, который скоро и представился.

Димитрий, оставив своего чиновника в Новегороде, возвратился в Владимир быть посредником в ссоре князей ростовских.

---

[1] Болгария. — Здесь: Дунайская Болгария.

[2] Славный. — Здесь: знаменитый.

Борис Василькович еще в 1277 году скончался в Орде, где была с ним и супруга его, Мария. Глеб Белозерский, наследовав Ростов, через несколько месяцев умер. Сей меньший Васильков сын от юности своей пользовался отменною милостию ханов и служил им на войнах усердно, чтобы тем лучше служить отечеству: ибо угнетаемые моголами россияне всегда находили заступника и спасителя в великодушном Глебе, вообще благотворительном, щедром, отце сирых и бедных. По его кончине сыновья Борисовы, Димитрий и Константин, господствуя в Ростове, отняли у Глебова сына, Михаила, наследственную Белозерскую область и скоро поссорились между собою, так что Константин должен был прибегнуть к великому князю, а Димитрий Борисович начал собирать полки; но великий князь отвратил ненавистное кровопролитие: сам ездил в Ростов и посредством тамошнего епископа, Игнатия, уговорил братьев жить согласно.

В то самое время собственный его меньший брат, Андрей Александрович, князь Городца Волжского, действуя по совету злодея, Семена Тониглиевича, и других недостойных бояр, вздумал овладеть великим княжением, вопреки государственному уставу или древнему обыкновению, по коему старший в роде заступал место отца. Лестию и дарами задобрив хана, Андрей получил от него грамоту и войско, подступил к Мурому и велел всем удельным князьям явиться к нему в стан с их дружинами. Никто не смел ослушаться: Феодор Ярославский, Михаил Иванович Стародубский (внук Всеволода III) и даже Константин Ростовский, облагодетельствованный Димитрием, соединились с Андреем. Изумленный сею внезапною грозою, великий князь искал спасения в бегстве; а татары, пользуясь случаем, напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самого Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни икон, ни сосудов, ни книг, украшенных богатым переплетом; гнали людей толпами в плен или убивали. Юные монахини, жены священников были жертвою гнусного насилия. Спасая жизнь и вольность, земледельцы гибли в степях от жестоких морозов. Переславль, удельный город Димитриев, хотел обороняться и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя (по словам летописи), который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга. Сие несчастие случилось декабря 19 [1281 г.]: в Рождество Христово церкви стояли пусты; вместо священного пения раздавался в городе один плач и стон. Андрей, злобный сын отца столь великого и любезного России, праздновал один с татарами и, совершив дело свое, отпустил их с благодарностию к хану.

Димитрий Александрович бежал к Новугороду и думал заключиться в Копорье. Новогородцы многочисленными полками встретили его на озере Ильмене [1282 г.]. «Стой, князь! — говорили они: — мы помним твои обиды. Иди, куда хочешь». Они взяли дочерей и бояр Димитриевых в залог, дав слово освободить их, когда дружина княжеская добровольно выступит из Копорья, где находился тогда и славный Довмонт Псковский, зять великого князя. Доброхотствуя тестю, он с горстию воинов вломился в Ладогу, взял там казну его, даже много чужого, и возвратился в Копорье; но пользы не было: ибо новогородцы немедленно осадили сию крепость и, принудив Довмонта выйти оттуда со всеми людьми княжескими, срыли оную до основания. Внутренно, может быть, гнушаясь злодеянием Андрея Александровича, но жертвуя совестию особенным их выгодам, новогородцы призвали его и возвели на престол Св. Софии.

Между тем, сведав, что полки ханские оставили Россию, Димитрий возвратился в Переславль, где жители изъявляли к нему усердие, и начал собирать войско. Андрей, видя опасность, спешил в Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имея недостаток в съестных припасах и боясь, чтобы Димитрий не занял хлебного Торжка, вверили защиту сего для них важного места надежному боярину, Семену Михайловичу; велели ему доставить оттуда весь излишний хлеб водою в Новгород и соединились с друзьями Андреевыми, меньшим его братом, Даниилом Московским, и Святославом Тверским. Они хотели изгнать великого князя; встретив же его готового к битве, в пяти верстах от Дмитрова, остановились и заключили мир *на всей воле своей:* то есть Димитрий отказался от Новагорода и дал слово никогда не мстить его жителям. Но Андрей нашел гораздо усерднейших помощников в моголах: сии варвары, всегда алчные к злодействам и добыче, не отказались и вторично услужить ему разорением великого княжения; напали со всех сторон на Суздальские области и стремились к Переславлю, означая свой путь кровию и пожарами. Димитрий не мог противиться: он бежал к сильному Ногаю, который, быв прежде воеводою ханским, тогда уже самовластно господствовал от степей Слободской Украинской и Екатеринославской губернии до берегов Черного моря и Дуная.

Таким образом князья российские в самом источнике насилий искали способа защитить себя от оных· и жертвовали последними остатками народной гордости выгодам собственного, личного властолюбия. Димитрий не обманулся в надежде: убежденный его справедливостию или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратил ему престол и власть не мечом и не кровопролитием, но одною повелительною грамотою [1283 г.]. Ан-

дрей не дерзнул быть ослушником, ибо сам новый хан, Тудан-Мангу, боялся Ногая. Братья примирились, хотя и не искренно; меньший отказался от великого княжения и даже не мог защитить своих друзей от мести Димитриевой. Мы упоминали о вельможе Семене Тониглиевиче, главном советнике Андреевом, коему летописцы дают имя коварного мятежника: великий князь послал двух бояр умертвить его в Костроме, где он жил спокойно, надеясь на заключенный между братьями мир. Бояре, тайно схватив сего вельможу, напрасно хотели сведать, не имеет ли Андрей новых опасных замыслов: Семен ответствовал: «Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья мирятся; а мое дело верно служить государю». Запираясь в том, чтобы Андрей по его совету призывал моголов, и слыша угрозы, он равнодушно сказал: «И так великий князь не боится вероломства? клялся быть другом Андреевым и грозит казнию его боярам!» Тогда исполнители Димитриева повеления убили сего человека жестокого, но смелого и решительного: свойства, без коих злодеи не могли бы так часто успевать в своих намерениях.

Андрей молчал и, не смея ни в чем спорить с Димитрием, уступил ему Новгород, хотя, будучи в Торжке, незадолго до сего времени дал клятву новогородским чиновникам жить или умереть с ними. Он ходил даже вместе с великим князем и с татарами смирять новогородцев, не хотевших повиноваться его брату. Чтобы не раздражить моголов и спасти свою область от разорения, они согласились наконец зависеть от Димитрия, уступив ему Волок.

Увидим, что Андрей, стараясь доказывать великому князю свое раскаяние и миролюбие, действовал как лицемер; но прежде описания его новых злодейств изобразим тогдашние бедствия области Курской, где господствовали Олег и Святослав, потомки древних владетелей черниговских: первый в Рыльске и Ворголе, а второй в Липецке. Баскаком сего княжения был Ахмат хивинец: взяв на откуп дань татарскую, он угнетал народ, не исключая ни бояр, ни князей, и завел близ Рыльска две слободы, куда стекались негодяи всякого рода, чтобы, снискав его покровительство, грабить окрестные селения. Олег с согласия Святослава пожаловался на то хану Телебуге, который, дав ему отряд моголов, велел разорить слободы Ахматовы: князья же, исполняя в точности приказ его, вывели оттуда своих беглых людей, а других оковали цепями. Ахмат находился тогда у Ногая и, слыша, что сделалось в области Курской, описал ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его неприятелями. Сие обвинение имело некоторую тень истины: ибо легкомысленный Святослав, еще прежде Олегова возвращения из Орды, тревожил баскаковы селения ночными нападениями, похожими на разбой. «Чтобы уве-

риться в справедливости моих слов, — говорил Ахмат Ногаю, — пошли сокольников в Олегову землю ловить лебедей и вели ему к тебе приехать: увидишь, что он не послушается». Олег не считал себя виновным, ибо исполнил только волю хана; но, боясь клеветы Ахматовой, не захотел ехать к Ногаю, который, будучи раздражен его ослушанием, послал войско наказать мнимого неприятеля. Мог ли князь двух или трех ничтожных городков думать о сопротивлении? Олег бежал к хану Телебуге, Святослав в леса воронежские, а моголы, разорив курское владение, схватили 13 бояр, также несколько странников и предали их скованных в жертву злобному баскаку. Он злодейски умертвил первых, освободил странников и, подарив им окровавленные одежды казненных бояр, сказал: «Ходите из земли в землю и громогласно объявляйте: *так будет всякому, кто дерзнет оскорбить баскака!»* Разоренные Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотом и другими плодами всеместного грабежа в Курской области: люди бежали в пустыни, несмотря на жестокость зимы; города и села опустели так, что слуги баскаковы, возя повсюду головы и руки убитых бояр, видели, что некого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однако ж Ахмат боялся ушедших князей и сам поехал к Ногаю, оставив вместо себя двух братьев для охранения слобод. Что он предвидел, то и случилось. Бродяги, жители баскаковых деревень, скоро должны были все разбежаться: ибо Святослав возвратился, стерег их на дорогах и несколько человек умертвил, не заботясь о следствиях. Тогда же приехал из Орды и родственник его, Олег, собрать, успокоить народ и с христианскими обрядами воздать честь погребения убитым боярам, коих искаженные трупы еще висели на деревах. Желая отвратить новую беду от земли Курской, сей князь торжественно объявил Святослава преступником, говоря ему: «Мы были правы, а теперь стали виновны. Дело твое есть вторичный разбой, всего более ненавистный татарам и в самом нашем отечестве нетерпимый. Надлежало требовать суда от хана: ты же не хотел ехать к нему, укрываясь в темноте лесов как злодей. Моя совесть чиста. Иди, оправдайся перед царем». Но Святослав не слушал ни упреков, ни советов его, ответствуя гордо: «Я волен в своих делах; наказал врагов моих и прав». Тогда Олег поехал с жалобою к Телебуге и, ревностно исполняя волю его, умертвил Святослава! Достойное замечания, что летописцы сего времени нимало не винят убийцы, осуждая безрассудность убитого: столь рабство изменяет понятия людей о чести и справедливости! Святослав казался злодеем, ибо, отражая насилие насилием, подвергал россиян гневу сильного тирана; а жестокий Олег, вонзив меч в сердце единокровного князя, не заслужил

их укоризны, ибо тем спасал себя и подданных от мести татарской... Но себя не спас: брат Святослава, Александр, убил его вместе с двумя сыновьями и нашел способ умилостивить моголов. Сии завоеватели требовали единственно повиновения и даров, оставляя нашим князьям право резать друг друга и, вступаясь иногда с великою ревностию за утесненного, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видели, что Ногай защитил Димитрия: увидим его и защитником Андрея [1285 г.]. Сей князь городецкий, жив два года спокойно, призвал к себе какого-то царевича из Орды и начал явно готовиться к важным неприятельским действиям. Великий князь предупредил их: соединился с удельными владетелями, выгнал царевича и пленил бояр Андреевых. Сие действие могло оскорбить хана и казалось дерзостию: ростовцы поступили еще смелее. С неудовольствием смотря на множество татар, привлекаемых к ним корыстолюбием и хотевших быть во всем господами, они положили на вече изгнать сих беспокойных гостей и разграбили их имение [1289 г.]. Владетель ростовский, Димитрий Борисович, сват великого князя, немедленно послал в Орду брата своего Константина, чтобы оправдать народ или себя, и хан на сей раз не вступился за обиженных татар: чему были причиною или дары княжеские, или тогдашние внутренние неустройства в Орде. Ногай более и более стеснял власть ханскую: наконец умертвил Телебугу и возвел на престол его брата, именем Тохту [1291 г.]. К несчастию, Россия не могла еще воспользоваться сими междоусобиями ее тиранов, согласных в желании угнетать оную.

Великий князь, обязанный всем покровительству Ногая, мог быть еще спокойнее прежнего, видя его, располагающего судьбою ханов. Чтобы тем более угодить ему, он послал в Орду сына, юного Александра (который там и скончался). Но Андрей хитрыми происками успел склонить на свою сторону многих удельных князей, в особенности же Феодора Ярославского, любимца — и как вероятно — зятя Ногаева, представляя им Димитрия опасным и готовым стеснить их права, хотя великий князь совсем не думал о самовластии. За несколько лет до того времени оскорбленный тверским владетелем, Михаилом Ярославичем, юношею гордым, он ходил вместе с новогородцами воевать его области, но должен был заключить с ним мир у Кашина, не смев решиться на битву и как бы признав независимость Тверского княжения. Андрей и Феодор, вступив в тесную связь, очернили Димитрия в глазах Ногая, весьма равнодушного к справедливости и довольного случаем обогатить своих моголов новым впадением в Россию, где они били людей как птиц и брали добычу, не

подвергаясь ни малейшей опасности. Ногай сказал слово, и многочисленные полки моголов устремились на разрушение [1293 г.]. Дюдень, брат хана Тохты, предводительствовал ими; а князья, Андрей и Феодор, указывали ему путь в сердце отечества. Димитрий находился в Переславле: не имея отважности встретить Дюденя ни с оружием, ни с убедительными доказательствами своей невинности, он бежал через Волок в отдаленный Псков, к верному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на великое княжение и могли бы сделать то без всякого кровопролития: ибо никто не думал сопротивляться воле Ногаевой; но сей предлог был только обманом. Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были ими взяты как неприятельские, люди пленены, жены и девицы обруганы. Духовенство, свободное от дани ханской, не спаслося от всеобщего бедствия: обнажая церкви, татары выломали даже медный пол собора Владимирского, называемый *чудесным* в летописях. — В Переславле они не нашли ни одного человека: ибо граждане удалились заблаговременно с женами и с детьми. Даниил Александрович Московский, брат и союзник Андреев, дружелюбно впустив татар в свой город, не мог защитить его от грабежа. Ужас царствовал повсюду. Одни леса дремучие, коими сия часть России тогда изобиловала, служили убежищем для земледельцев и граждан.

Дюдень, вступив в Тверскую область, думал взять столицу тем удобнее, что князь Михаил находился в Орде. К счастию, бояре и народ изъявили великодушную смелость: с обрядами священными дав клятву друг другу обороняться до последнего человека, они составили войско, довольно сильное числом; многие люди из других областей, спасаясь от моголов, прибежали в Тверь и вооружились вместе с ее мужественными гражданами. К внезапной их радости явился и князь Михаил, двадцатилетний юноша, любимый всеми. Не зная, что татары заняли Москву, он было едва не попался к ним в руки; но один сельский священник в окрестностях ее дал ему весть о том и показал дорогу безопасную. Духовенство встретило князя с крестами, народ с восхищением; думая, что он привез к ним спасение и победу, самые малодушные ободрились. Мужество в некоторых случаях так же легко сообщается, как и робость. Недостойный князь Андрей, быв свидетелем всех злодейств татарских, уже вел Дюденя к Твери; но сведав, что жители ее под начальством Михаила готовы дать им отпор сильный, моголы обратились к Новогородской области, ибо искали в России не славы побед, а только одной безопасно добываемой корысти. Разорением Волока заключилось сие губительство. Прислав дары воеводе могольскому,

новогородцы объявили там Андрею, что они всегда желали иметь его своим князем и что ему нет нужды идти к ним с татарами. Дюдень отступил и вышел из России [1294 г.]. Андрей приехал в Новгород; союзник же его, Феодор Ростиславич, взял себе Переславль Залесский. Сей князь по смерти братьев, Глеба и Михаила Ростиславичей, господствовал и в Смоленске, но скоро должен был уступить оный племяннику, Александру Глебовичу, воину мужественному, который (в 1285 году) счастливо отразил от столицы своей князя брянского, Романа Михайловича.

Великий князь ждал только отбытия полков Дюденевых и хотел немедленно возвратиться в свою наследственную Переславскую область, зная, что усердный к нему народ возьмет его сторону. Андрей с дружиною новогородскою перехватил брата на пути, близ Торжка. Великий князь, оставив казну свою в руках Андреевых, ушел в Тверь, где юный Михаил принял его со всею должною честию и вызвался быть миротворцем между ими, чтобы избавить отечество от дальнейших бедствий. Епископ тверской и Святослав (князь или вельможа) поехали в Торжок, убеждали, молили Андрея и наконец успели в благом деле своем. Великий князь отказался от старейшинства и престола владимирского, довольный наследственным переславским уделом; а новогородцы получили обратно Волок. Согласно с главным условием мира, Феодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: он не мог противиться воле Андреевой, но, выезжая из сего города, обратил его в пепел. Димитрий сведал о том уже в последние часы своей жизни: занемог, постригся и близ Волока умер на пути: государь, памятный одними несчастиями, претерпенными Россиею в его княжение от Андреева безумного властолюбия! Летописцы прибавляют, что в сии горестные времена были страшные небесные знамения, громы, вихри и смертоносные болезни.

Новогородцы при Димитрии также не пользовались ни внутренним, ни внешним миром. В 1287 году смененный посадник, Симеон Михайлович, несправедливо обвиняемый во злоупотреблениях власти, был осажден в доме своем шумными вооруженными толпами; но архиепископ спас его, проводив в Софийскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всеми признанный невинным, посадник умер с горести, видев легковерие и жестокость сограждан. *Конец* восставал на *конец,* улица на улицу: так называемая Прусская была вся выжжена за боярина Самуила Ратьшинича, убитого ее жителями на дворе архиепископском. В 1291 году крамольники опустошили богатые лавки купеческие: народ, вследствие торжественного суда, утопил двух главных виновников сего злодейства. — Немцы часто тревожили новогородцев, разбивали их суда на Ладожском озере и

хотели обложить данию корелу: мужественный посадник Симеон, в устье Невы победив немецкого воеводу Трунду, истребил большую часть его *шнек* и *лойв,* или судов. Шведы, раздраженные нападением отряда новогородского на Финляндию, приходили разорять земли Ижерскую и Корельскую. Их было 800 человек: ни один не спасся; жители сих областей сами собою управились с ними. Но в следующий год (1293) шведы заложили крепость на границах Корелии, нынешний Выборг, и новогородцы, приступив к ней с малыми силами, возвратились без успеха. Король шведский, Биргер, желал утвердиться в Корелии для того, чтобы обуздать ее свирепых жителей, непрестанно беспокоивших его северо-восточные владения и грабивших суда купеческие на Финском заливе; хотел также укоренить в ней латинскую Веру и присвоить себе господство над торговлею немцев с Новымгородом: чему свидетельством служит грамота, данная Биргером Любеку и другим городам приморским, в коей он, обещая им покровительство, строго запрещает их купцам ввозить оружие и всякое железо в Россию.

Набеги литовцев продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцова, Ржева, Твери, но и москвитяне с дмитровцами долженствовали вооружиться (в 1285 году) и, соединенными силами поразив толпы сих хищников, убили их князя, именем Домонта.

Гораздо важнее и несчастнее для России, как пишет историк Длугош, было (в 1280 году) сражение Льва Данииловича Галицкого с поляками. По кончине доброго Болеслава, умершего бездетным, Лев думал быть его наследником и государем всей Польши; не мог преклонить к тому вельмож краковских (избравших Лешка, Болеславова племянника) и, желая силою овладеть некоторыми из ближайших ее городов, сам ездил в Орду к Ногаю требовать от него войска. Однако ж, несмотря на многочисленные толпы моголов, данные ему ханом, воеводы Лешковы одержали над ним блестящую победу, взяв 2000 пленников, семь знамен и положив на месте 8000 человек. Князья благоразумные, Владимир-Иоанн и Мстислав Даниилович, весьма неохотно участвовали в сем походе, осуждая призвание моголов, которым слепое властолюбие Льва указывало путь к дальнейшим опустошениям стран христианских. Но провидение охраняло Запад. Так сильные вожди ханские, Ногай и Телебуга, в 1285 году предприяв совершенно разрушить Венгерскую державу и взяв с собою князей галицких, наполнили стремнины Карпатские трупами своих воинов. Россияне были для них худыми путеводителями: где надлежало идти три дня, там моголы скитались месяц; сделался голод, мор, и Телебуга возвратился *пеш с одною женою и ко-*

былою, по словам летописца. Около ста тысяч варваров погибло в горах и пустынях. Несмотря на то, Ногай и Телебуга в 1287 году с новыми силами явились на берегах Вислы: герцог Лешко бежал из Кракова; никто не мыслил обороняться в Польше: но, к ее спасению, вожди татарские боялись, ненавидели друг друга; не захотели действовать совокупно и, без битвы пленив множество людей, удалились. Телебуга на возвратном пути остановился в Галиции, требуя гостеприимства от ее князей, вместе с ним неволею ходивших за Вислу; а в благодарность за оное моголы грабили, убивали россиян и сообщили им язву, от коей умерло в одних Львовских областях 12 500 человек и которая, если верить сказанию Длугоша, произошла от того, что моголы испортили воды в Галиции ядом, будто бы извлеченным ими из мертвых тел. Сие бедствие уверило Льва Данииловича, что должно не призывать, а всячески отводить моголов от покушений на Запад: ибо Галич и Волыния, служа им перепутьем, страдали в таком случае не менее тех земель, куда стремились сии варвары.

Здесь подробные сказания волынского летописца о происшествиях его отчизны заключаются известием о болезни и кончине Владимира-Иоанна Васильковича, любителя правды, кроткого, милостивого, трезвого и за особенную ученость по тогдашнему времени названного *Философом.* Сей добрый князь владимирский четыре года страдал как Иов. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпеливо боль, он занимался делами и ездил на коне. Недуг усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижние зубы и челюсти выгнили. Предвидя смерть, Владимир собрал все драгоценности, золотые и серебряные поясы отцовские и собственные, монисты бабкины, материны, большие серебряные блюда, золотые кубки; слил их в гривны и роздал бедным вместе с княжескими стадами. Не имея детей, он в духовном завещании объявил наследником своим Мстислава Данииловича, мимо старшего Льва и сына его Юрия (женатого на дочери Ярослава Тверского): ибо не любил их за лукавые происки. Так Лев, сведав о тяжкой болезни Владимира, прислал к нему святителя перемышльского, Мемнона, чтобы выпросить у него Брест, *на свечу для гроба Даниилова,* как говорил сей епископ. «А что брат наш Лев дал в память родителя моего? — сказал Владимир: — господствуя в трех княжениях, Галицком, Перемышльском, Бельзском, хочет взять и Брест; но не обманет меня». Тщетно и Юрий притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный им удела, и надеялся вымолить у дяди сию же область. Умирая, Владимир отказал супруге, именем Елене, город Кобрин, поручил ее наследнику своему, равно как и юную питомицу их, неизвестную княжну Изяславу, взятую ими в пеленах

от матери, — и преставился в Любомле (в 1289 году), а погребен, *обвитый бархатом с кружевами,* в Владимире, в церкви Св. Богоматери, епископом Евсегением. Нежная супруга и сестра Ольга оплакали его вместе с подданными и бывшими там иноземцами, в числе коих летописец именует евреев, сказывая далее, что сей князь был отменно высокого роста и прекрасный лицом, имел желтые кудреватые волосы, голос толстый, и стриг бороду вопреки обыкновению; что он построил город Каменец за Брестом на реке Льстне (где все места по кончине Романа, отца Даниилова, 80 лет пустели), везде исправил, обновил крепости, украсил многие церкви живописью, серебром, финифтью и наделил священными книгами, им самим списанными; что наследник Владимиров, Мстислав, уподоблялся ему в добродетелях: одною угрозою выгнал Юрия Львовича из Бреста, Каменца, Бельска и в наказание обложил их жителей необыкновенною податию. Летописец волынский жил в сие время: он называет его счастливым. Уже татары не беспокоили западной России и были довольны, получая от ее князей дань, собираемую с народа. Владетели литовские, братья Будикид и Буйвид, купили дружбу Мстислава, уступив ему Волковыск. Ятвяги, отчасти присоединенные к Литве Тройденом, не смели оскорблять россиян, желая получать от них хлеб и представляя им в обмен воск, бобров, черных куниц и даже серебро. Польша терзалась в междоусобиях: Болеслав и Конрад Самовитовичи, враги Генрика Вратиславского, искали благосклонности князей галицких. Лев, помогая им, осаждал Краков: не взял его от измены вельмож Болеславовых, но возвратился с великою добычею, разорив область Генрикову и заключив тесный союз с королем богемским. Одним словом, Галиция и Волыния отдохнули, славя мудрость и знаменитость своих государей. Еще род Святополка-Михаила господствовал в Пинске: последний князь его, нам известный, был Георгий Владимирович, *добрый* и *правдивый* (от того же, вероятно, колена произошли князья *Степанские,* упоминаемые в летописи Волынской). — Теперь обратимся к северной России.

Во время Димитрия Александровича возвысилось могуществом новое княжение Тверское, которое, быв частию Суздальского, или Владимирского, сделалось особенным при Ярославе Ярославиче, учредившем там епископию. Первый святитель тверской, Симеон, имел уже многие, богатые волости, Олешну и другие, данные ему князем; а преемник Симеонов, игумен Андрей, был сын литовского князя Герденя и христианки Евпраксии, тетки Довмонта Псковского. Сего второго епископа тверского ставил уже новый митрополит Максим: ибо Кирилл (в 1280 году) скончался в Переславле Залесском, быв главою нашей церкви 31 год;

тело его отвезли для погребения в Киев. Едва ли кто-нибудь из древних митрополитов российских превосходил Кирилла в добродетелях, истинно пастырских. Он мирил князей с народом, просвещал духовенство, искоренял заблуждения, одушевленный ревностию к Вере и к чистоте Евангельского учения. Расскажем один любопытный случай, который ясно представляет благоразумие сего митрополита. Услышав, что епископ ростовский, Игнатий, вздумал судить давно умершего доброго князя Глеба Васильковича и как недостойного велел ночью перенести в гробе из Соборной церкви в монастырь Спасский, Кирилл, оскорбленный таким злоупотреблением духовной власти, отлучил епископа от службы и, наконец, простив его из уважения к ревностному предстательству князя Димитрия Борисовича Ростовского, сказал ему: «Игнатий! Оплакивай во всю жизнь свое безумие, дерзнув осудить мертвеца прежде суда Божия! Когда Глеб был жив и властвовал, ты искал в нем милости, брал от него дары, вкусно ел и пил за столом княжеским, и в благодарность за то обругал тело покойника! Кайся во глубине сердца, да простит Бог твое согрешение!» — Кирилл посылал епископа сарского, Феогноста, к патриарху константинопольскому, Иоанну Векку, славному ученостию и красноречием, но изменнику православия: ибо Иоанн хотел подчинить церковь Восточную Западной. Патриарх действовал так в угодность царю Михаилу Палеологу, а царь для безопасности своего царства и в надежде, что папа примирит его с братом Св. Людовика, опасным Карлом д'Анжу, который, господствуя на Средиземном море, угрожал империи Греческой. Российский епископ видел в Константинополе несчастный раскол, гонение и даже казнь многих ревностных сановников церкви, громогласно осуждавших царя, и возвратился (в 1279 году) к митрополиту с известиями печальными. Духовенство российское, по кончине знаменитого Кирилла, два года не имело главы, ибо не хотело, как вероятно, принять нового митрополита от злочестивого Иоанна Векка. Максим в 1283 году был посвящен старцем Иосифом, вторично призванным на патриаршество по смерти императора Михаила и предавшим анафеме уставы латинской церкви. — В одной летописи сказано, что преемник Кириллов, грек Максим, прибыв в Россию, ездил в Орду и после сзывал для чего-то всех наших епископов в Киев; но сие известие, не подтверждаемое другими достовернейшими летописцами, остается сомнительным. Доселе ни митрополиты, ни епископы наши не бывали в Орде, кроме сарского, жившего в ее столице. Достойно замечания, что епископ Феогност ездил оттуда в Константинополь не только по церковным делам, но и в качестве ханского посла

к императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — в тот самый год, как Дюденево войско злодействовало в России, — был побежден ханом Тохтою и найден между убитыми. Кажется, что в сие время уже разные воеводы могольские присвоивали себе имя царей: ибо в наших летописях упоминается еще о каком-то царе Токтомере, который (около 1293 году) приезжал в Тверь, утеснял народ и возвратился с богатою корыстию в свои улусы.

Глава VI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1294—1304 гг.

Браки. Свойства Андреевы. Суд князей. Сеймы княжеские. Москва усиливается. Смелость россиян. Смерть Даниила Московского. Междоусобия в княжениях. Война с орденом ливонским. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Мир с Даниею. Смерть Андреева. Разные бедствия. Митрополиты в Владимире. Кончина Льва Галицкого. Двинская грамота.

Наконец властолюбивый Андрей уже мог назваться законным великим князем России; никто не спорил с ним о сем достоинстве. Константин Борисович, по кончине старшего брата, сел на престоле ростовском, отдав Углич своему сыну, Александру. Великий князь и Михаил Тверской женились на дочерях умершего Димитрия Борисовича, и два года протекли в тишине.

Но мог ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви от народа и почтения от князей? Он не имел и тех свойств, коими злодеи человечества закрашивают иногда черноту свою: ни ревностного славолюбия, ни великодушного мужества; брал города, истреблял христиан руками моголов, не обнажав меча, не видав опасности и пролив множество невинной крови, не купил даже права назваться победителем!

В тогдашних обстоятельствах России великому князю надлежало бы иметь превосходную душу Александра Невского, чтобы не именем только, но в самом деле быть главою частных владетелей, из коих всякий искал независимости. Михаил Тверской и Феодор Ярославский приобрели оную в княжение Димитрия, а Даниил Московский[1] и сын Дмитрия Александровича, Иоанн

---

[1] Даниил Московский — сын Александра Невского.

Переславский, хотели того же при Андрее. Открылась распря [1295 г.], дошедшая до вышнего судилища ханова: сам великий князь ездил в Орду с своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посол ханский, избранный быть миротворцем, созвал князей в Владимир. Они разделились на две стороны: Михаил Тверской взял Даниилову (Иоанн же находился в Орде; вместо его говорили бояре переславские): Феодор Черный и Константин Борисович стояли за Андрея. Татарин слушал подсудимых с важностию и с гордым видом, но не мог удержать их в пределах надлежащего смирения. Разгоряченные спором князья и вельможи взялись было за мечи. Епископы, владимирский Симеон и сарский Исмаил, став посреди шумного сонма, не дали братьям резаться между собою. Суд кончился миром, или, лучше сказать, ничем. Посол ханов взял дары, а великий князь, дав слово оставить братьев и племянника в покое, в то же время начал собирать войско, чтобы смирить их как мятежников. Желая воспользоваться отсутствием Иоанна, он хотел завладеть Переславлем, но встретил под Юрьевом сильную рать тверскую и московскую: ибо Иоанн, отправляясь к хану, поручил свою область защите Михаила Ярославича. Вторично вступили в переговоры и вторично заключили мир, который, сверх чаяния, не был нарушен до самой кончины Андреевой [1295—1304 гг.]. Князья иногда ссорились, однако ж не прибегали к мечу и находили способ мириться без кровопролития.

Древние сеймы княжеские, учрежденные Мономахом при Святополке II, тогда возобновились, в обстоятельствах подобных и с тем же добрым намерением: ибо ни Святополк, ни Андрей не мог силою обуздывать частных владетелей, и словесные убеждения, за недостатком иных средств, казались нужными. В сих торжественных собраниях присутствовали и знаменитые духовные особы, как толкователи святых устоев правды и совести. Первое из оных, по смерти Феодора Ярославского, было в Дмитрове, где Андрей с братом Даниилом, с племянником Иоанном и с Михаилом кончил все дела дружелюбно, но где князья тверской и переславский не могли в чем-то согласиться, доселе действовав единодушно. Хитрый Михаил привлек было на свою сторону и новогородцев, заключив с ними договор, по коему они взаимно обязывались помогать друг другу в случае утеснений от великого князя и самого хана: Новгород обещал правосудие всем тверским истцам в его области, а Михаил отступался от закабаленных ему должников новогородских, и проч. Андрей не мог помешать сему оскорбительному для него союзу и без сомнения был доволен размолвкою Михаила с Иоанном, которая уменьшала могущество первого. Но Иоанн, названный в летописях тихим, или кротким,

тем согласнее жил с дядею своим, Даниилом, и в 1302 году, умирая бездетен, отказал ему Переславль. Князь московский, въехав в сей город, выгнал оттуда бояр Андрея, который считал себя истинным наследником Иоанновым, и, негодуя на властолюбие меньшего брата, поехал с жалобою к хану. Область Переславская вместе с Дмитровом была по Ростове[1] знаменитейшею в великом княжении, как числом жителей, бояр, людей военных, так и крепостию столичного ее города, обведенного глубоким, наполненным водою рвом, высоким валом и двойною стеною под защитою двенадцати башен. Сие важное приобретение еще более утверждало независимость московского владетеля: Даниил же, за два года перед тем, победил и взял в плен рязанского князя, Константина Романовича, *убив* в сражении и *многих татар:* смелость удивительная и не имевшая никаких следствий. Таким образом россияне начинали ободряться и, пользуясь дремотою ханов, издалека острили мечи свои на конечное сокрушение тиранства.

Между тем как Андрей искал суда в Орде, Даниил внезапно скончался [1303 г.], однако ж успев принять схиму, по тогдашнему обыкновению людей набожных. Он первый возвеличил достоинство владетелей московских и первый из них был погребен в сем городе, в *церкви Св. Михаила,* оставив по себе долговременную память князя доброго, справедливого, благоразумного и приготовив Москву заступить место Владимира.

Сведав о кончине Данииловой, переславцы единодушно объявили князем своим сына его, Юрия, или Георгия, у них бывшего, и даже не дозволили ему ехать на погребение отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занял их города. Георгий, успокоив народ и будучи уверен или в покровительстве, или в беспечности хана, не только без страха ожидал Андрея, но хотел еще и новыми приобретениями умножить владения московские; соединился с братьями, завоевал Можайск, удел смоленский, и привел пленником тамошнего князя, Святослава Глебовича, Феодорова племянника.

Наконец великий князь, быв целый год в Орде, возвратился с послами Тохты. Князья съехались в Переславле на общий сейм (осенью в 1303 году). Там, в присутствии митрополита Максима, читали ярлыки, или грамоты ханские, в коих сей надменный повелитель объявлял свою верховную волю, да наслаждается великое княжение тишиною, да пресекутся распри владетелей и каждый из них да будет доволен тем, что имеет. Андрей, Михаил

---

[1] П о Р о с т о в е — то есть после Ростова.

и сыновья Данииловы возобновили договор мира; но Георгий удержал за собою Переславль, и, следственно, великий князь, хваляся впрочем милостию Тохты, не достигнул своей цели.

В сих княжеских съездах не участвовали ни рязанские, ни смоленские, ни другие владетели. Нашествие моголов уничтожило и последние связи между разными частями нашего отечества: великий князь, не удержав господства над собственными уделами Владимирскими, мог ли вмешиваться в дела иных областей и быть — ежели бы и хотел — душою общего согласия, порядка, справедливости? Как в великом, так и в частных княжениях единокровные восставали друг на друга. Александр Глебович, отразив (в 1298 году) дядю своего, Феодора Черного, от Смоленска, хотел (чрез два года) взять Дорогобуж, город Смоленской области, ему непослушный; отнял у жителей воду, но, разбитый ими с помощию князя *вяземского*, Андрея, его родственника, отступил, исходя кровию от тяжелой раны. Роман Глебович, брат Александров, также был уязвлен стрелою; а юный сын последнего пал мертвый на месте сражения.

Мужество россиян гораздо счастливее ознаменовалось тогда в битвах с врагами иноплеменными... Ливонские рыцари (в 1299 году) неожидаемо осадили Псков и, разграбив монастыри в его предместии, убивали безоружных монахов, женщин, младенцев. Князь Довмонт, уже старец летами, но еще воин пылкий, немедленно вывел свою дружину малочисленную, сразился с немцами на берегу Великой, смял их в реку и, взяв в добычу множество оружия, брошенного ими в бегстве, отправил пленников, граждан эстонского Феллина, к великому князю. Командор ордена, предводитель немцев, был ранен в сем несчастном для них сражении, о коем ливонские историки не упоминают и которое было последним знаменитым делом храброго Довмонта. Он преставился чрез несколько месяцев от какой-то заразительной болезни, смертоносной тогда для многих псковитян, и кончина его была долгое время оплакиваема народом, самыми женами и детьми. Довмонт, названный в крещении Тимофеем, хотя родился и провел юность в земле варварской, ненавистной нашим предкам, но, приняв веру Спасителеву, вышел из купели усердным христианином и верным другом россиян; тридцать три года служил Богу истинному и второму своему отечеству добрыми делами и мечом: удостоенный сана княжеского, не только прославлял имя Русское в битвах, но и судил народ право, не давал слабых в обиду, любил помогать бедным. Женатый на Марии, дочери великого князя Димитрия, не оставлял сего изгнанника в несчастии и готов был положить за него свою голову; по смерти же Димитрия свято наблюдал обязанности князя удельного и в рас-

суждении Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта более всех других князей; воины, им предводимые, не боялись смерти. Обыкновенным его словом, в час опасности и кровопролития, было: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец; кто молод, тот брат! Помните отечество и церковь Божию!» Он укрепил Псков новою каменною стеною, которая до самого XVI века называлась *Довмонтовою* и которую после (в 1309 году) посадник Борис довел от церкви Св. Петра и Павла до реки Великой. Историк литовский пишет, что Довмонт господствовал и над *Полоцкою* областию; но в 1307 году литовцы *купили* оную у немецких рыцарей; ибо какой-то из тамошних князей, обращенный в латинскую Веру, отказал сей город рижской церкви, не имея наследников.

Шведы, основав в Корелии Выборг, в 1295 году заложили и нынешний Кексгольм[1]: воеводою их был витязь Сигге. Новгородцы взяли приступом сию крепость, не оставили ни одного шведа живого, срыли вал и, чувствуя необходимость иметь укрепленное место на берегу Финского залива, возобновили Копорье. Чрез пять лет сильный флот шведский, состоящий изо ста одиннадцати больших судов, вошел в Неву. Сам государственный правитель, или маршал, Торкель Кнутсон, предводительствовал оным и начал строить новый город, в семи верстах от нынешнего С. Петербурга, при устье Охты, употребив для того весьма искусных римских художников и назвав сию крепость Ландскроною, или *Венцом земли.* Летописец наш говорит только, что великого князя не было тогда в Новегороде и что шведы, оставив в крепости войско, удалились; но историки шведские пишут, что россияне, имея намерение сжечь их флот, хотели при сильном ветре пустить несколько горящих судов из Ладожского озера в Неву; но что маршал Торкель, уведомленный о сем через лазутчиков, велел оградить исток Невы потаенными сваями; что новогородцы, видя неудачу, вышли из лодок, напали на шведов и с великим уроном отступили; что знаменитый Матфей Кеттильмундсон, бывший после опекуном шведского короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединок храбрецов российских, но что никто из них не принял его вызова. Сие известие может быть отчасти справедливо: ибо невероятно, чтобы новогородцы беспрепятственно дали маршалу основать и довершить крепость на берегу Невы. Чувствуя важность сего места, они убедительно звали к себе великого князя Андрея, который, долго медлив, наконец весною

---

[1] Кексгольм — ныне г. Приозерск (на Карельском перешейке).

1301 года пришел с полками низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодом и болезнями шведы все еще бились мужественно, под начальством славного витязя, Стена, храброго, но беспечного или слишком надменного: ибо он не хотел заблаговременно требовать вспоможения от правителя Швеции, хладнокровно ответствуя другому благоразумнейшему витязю, именем Амундсону: «На что беспокоить великого маршала?» Россияне огнем и пращами в несколько дней истребили большую часть внешних укреплений и, не слушая никаких предложений Стеновых, готовились к решительному приступу. Тогда Амундсон напомнил своему начальнику слова его: «на что беспокоить великого маршала?» и вместе с ним был изрублен победителями. Новогородцы взяли крепость и сравняли ее с землею, пленив горсть шведов, которые долго оборонялись в погребе. Сей успех остался в летописях единственным достохвальным делом Андреевым: по крайней мере он участвовал в оном, имея в предмете безопасность отечества. Михаил Ярославич также хотел идти к берегам Невы; но узнал на пути, что страшная Ландскрона уже не существует.

Успокоенные со стороны шведов, новогородцы отправили за море послов и заключили мир (в 1302 году) с королем датским Эриком VI, чтобы прекратить свои частые войны с Эстониею, его областию. Впрочем, не надеясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внешних врагов и князей российских, они в тот же год заложили у себя большую *каменную* крепость: ибо вольность их ограждалась дотоле одним бренным *деревом.* Умножение опасностей требовало защиты твердейшей: умножение частных и казенных прибытков доставляло правительству способ воздвигнуть оную, без излишней тягости для граждан.

Великий князь Андрей скончал жизнь свою схимником в 1304 году, заслужив ненависть современников и презрение потомства. Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского.

Ужасы естественные и всякие несчастия ознаменовали десятилетнее время его княжения, так же как и Димитриево. К числу тогдашних явлений, воздушных и небесных, обыкновенно страшных для народа, принадлежала славная комета 1301 года, описанная китайскими астрономами и воспетая в стихах Пахимером. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голод, мор в некоторых местах и сильные пожары. В Твери сгорел дворец княжеский (в 1298) со всею казною и драгоценностями; не успели вынести ни серебра, ни золота, ни оружия; сам князь Михаил, ночью пробужденный огнем, едва мог спастися с юною супругою от пламени. В Новегороде обратились в пепел многие улицы (в 1299),

Варяжская, Холопья, и немецкий гостиный двор. Изверги, пользуясь общим смятением, грабили имение, снесенное в церкви; убивали сторожей: злодейство, о коем летописец говорит с праведным омерзением.

В княжение Андреево (в 1299 году) митрополит Максим оставил навсегда Киев, чтобы не быть там свидетелем и жертвою несносного тиранства моголов, и со всем клиросом переехал в Владимир; даже большая часть киевлян разбежалась по другим городам. После Ярослава и сына его, Александра Невского, великие князья уже не имели никакой власти над странами Днепровскими. Кто из потомков Св. Владимира господствовал в оных, неизвестно (в летописях упоминается только о князе поросьском Юрии, служившем Мстиславу Данииловичу). Лев Галицкий не заботился о древней столице своих предков, оставленной, таким образом, в жертву варварам. Любимый, оплаканный подданными, он скончался мирно и тихо в 1301 году, дожив до глубокой старости и велев предать земле тело свое без всяких знаков пышности: монахи одели его в простой саван и вложили ему в руку изображение креста. В городе Львове показывают две харатейные жалованные грамоты, будто бы данные сим князем тамошнему храму Св. Николая и крылосскому (близ Галича) Успения Богоматери на имение и на исключительное право суда епископского; но та и другая кажутся изобретением позднейших времен. Слог обеих есть новое, неискусное смешение языка русского с польским; в обеих именуются *особенные митрополиты галицкие,* коих не бывало, и в одной назван тогдашний *киевский* митрополит *Киприаном:* а Киприан пас церковь уже во время Димитрия Донского и сына его. – Преемником Льва был сын Юрий, или Георгий, который по смерти дяди, Мстислава Данииловича, наследовав и Владимирскую область, возобновил титул своего деда и подобно Даниилу именовался *Королем Российским,* Rex Russiae, как изображено на печати сего князя, сохраненной в архиве кенигсбергском вместе с письмами галицких владетелей к великим магистрам немецкого ордена.

После несчастной для немцев осады Пскова россияне жили в мире и в тишине с орденом ливонским. Магистр в 1304 году призывал в Дерпт всех своих чиновников и епископов на сейм, где они единодушно положили всячески избегать войны с нашими князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбит новогородцев или псковитян и тем навлечет на себя месть их.

В числе наших собственных памятников сего времени заметим грамоту, писанную великим князем к посадникам, казначеям и к старостам Заволочья. Там сказано, что в силу договора, за-

ключенного Андреем с Новымгородом, он может посылать три *ватаги*[1] *для ловли на море, под начальством атамана* Крутицкого; что селения обязаны давать им корм и подводы, также и сыну атаманову, когда пошлют его оттуда с морскими птицами; что ловцы новогородские, согласно с уставом времен Александровых и Димитриевых, не должны в Заволочье ходить на *Терскую* сторону, и проч. Таким образом великие князья, участвуя в народных промыслах, старались умножать свои доходы.

Глава VII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ
1304—1319 гг.

Спор о великом княжении. Злодейство князя московского. Дела новогородские. Узбеки. Мужество новогородцев. Георгий — зять ханов. Умеренность и добродушие Михаила. Победа над татарами. Суд в Орде. Пышная забава ханская. Великодушная кончина Михаила. Город Маджары. Разбои моголов. Петр митрополит. Ярлык ханский. Разные бедствия.

Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастием для России [1304–1305 гг.]. Два князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и Георгий Даниилович Московский; но первый с бо́льшим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следственно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым, и бояре великого княжения, предав земле тело Андреево, спешили в Тверь поздравить Михаила государем владимирским. Новогородцы также признали его своим главою, в уверении, что хан утвердит за ним великое княжение. Михаил обязался, подобно отцу, блюсти их уставы, восстановить древние границы между Новымгородом и землею Суздальскою; не требовать бывших волостей Димитриевых и Андреевых: купленные же им самим, княгинею или боярами его в земле Новогородской отдать на выкуп или прежним владельцам, или правительству; не позволять *самосуда* ни себе, ни княжеским судиям, но решать тяжбы единственно по законам; отправлять людей своих за Волок только из Новагорода, в двух ладиях, и проч.

Добрый митрополит Максим тщетно уговаривал Георгия не искать великого княжения, обещая ему именем Ксении, матери

---

[1] Ватага — артель; временное или случайное товарищество для работ и т. п.

Михаиловой, и своим собственным любые города в прибавок к его Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к хану, оставив Россию в несогласии и в мятеже. Одни города стояли за князя тверского, иные за московского. Георгий едва мог спастися от друзей Михаиловых, которые не хотели пустить его в Орду и думали задержать на пути в области Суздальской; а Бориса Данииловича, приехавшего в Кострому, схватили и послали в Тверь. Но второй Георгиев брат, Иоанн, разбил тверитян, хотевших взять Переславль, и воевода их, Акинф остался на месте сражения в числе убитых. Наместники Михаиловы хотели въехать в Новгород: жители не впустили их, сказав: «Мы избрали Михаила с *условием,* да явит грамоту ханскую и будет тогда князем нашим, но не прежде!» — В других областях господствовало безначалие и неустройство. Граждане костромские, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывших его любимцев, самовольно их судили и наказывали; а чернь Нижнего Новагорода, вследствие мятежного веча, умертвила многих бояр как мнимых врагов отечества. Князь нижегородский, Михаил, сын Андрея Ярославича, находился в Орде: он там женился, и возвратясь в свой удел, казнил виновников сего беззаконного веча: ибо чернь не имела власти судебной, исключительного права княжеского.

Чрез несколько месяцев решилась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с ханскою грамотою в Владимир, где митрополит возвел его на престол великого княжения. Зная неуступчивость врага своего, он хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха; кровопролитный бой под ее стенами усилил только взаимную их злобу, бедственную для обоих, как увидим [1305–1308 гг.]. Современные летописцы винят одного князя московского, который в противность древнему обыкновению спорил с дядею о старейшинстве. Сверх того Георгий по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества. Мы говорили о несчастной судьбе рязанского владетеля, Константина, плененного Даниилом: он шесть лет томился в неволе; княжение его, лишенное главы, зависело некоторым образом от московского. Георгий велел умертвить Константина, считая сие злодейство нужным для беспрекословного господства над Рязанью, и весьма ошибся: ибо сын убиенного, Ярослав, под защитою хана спокойно наследовал престол отеческий как владетель независимый, оставив в добычу Георгию из городов своих одну Коломну. — Самые меньшие братья Георгиевы, дотоле служив ему верно, не могли с ним ужиться в согласии. Двое из

них, Александр и Борис Данииловичи, уехали в Тверь, без сомнения недовольные его жестокостию.

Михаил несколько лет властвовал спокойно и жил большею частию в Твери. Его наместники правили великим княжением и Новымгородом, коего чиновники относились к нему во всех делах государственных. Так, они письменно жаловались Михаилу на двух княжеских вельмож, Феодора и Бориса, бывших начальниками во Пскове и в области Корельской: первый, сведав о нашествии ливонских рыцарей (в 1307 году), уехал из города, принудив тем оставленных без вождя псковитян заключить с магистром, Гертом фон-Йокке, не весьма выгодный мир, и разорил многие села новогородские; второй, утесняя корелов, заставил их бежать к шведам и силою брал, что ему не принадлежало. Новогородцы желали навсегда избавиться от таких недостойных правителей, взносили деньги за села, купленные в их областях сими боярами, и предоставляли себе условиться изустно с князем о прочем. Он ездил из Твери к Святой Софии и был принят гражданами с обыкновенными знаками усердия; однако ж не хотел сам предводительствовать ими, когда они, построив новую крепость на месте нынешнего Кексгольма, ходили на судах в Финляндию до реки Черной, или Кумо, где сожгли город Ванай, осаждали шведов в замке, на скале неприступной, и разорили множество селений [1310—1311 гг.]. У бедных жителей, по словам летописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо россияне истребили там все, чего не могли увести с собою.

Совершив благополучно сей дальний поход, новогородцы начали ссориться с князем, жалуясь, что он не исполняет договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаил, заняв войском Торжок [1312 г.], не велел пускать к ним хлеба, народ встревожился и, несмотря на весеннюю распутицу, отправил в Тверь своего архиепископа, Давида, чтобы обезоружить великого князя. Мир заключили скоро, ибо искренно желали его с обеих сторон: Новгород, опустошенный в сие время пожаром, имел необходимую нужду в подвозах и, лишенный оных, мог быть жертвою голода; а Михаил долженствовал немедленно ехать в Орду. Хан Тохта умер; сын его, юный Узбек, воцарился, славный в летописях Востока правосудием и ревностию к Вере Магометовой, восстановленной им во всех могольских владениях: ибо Тохта был, кажется, язычником и не следовал учению Алкорана. Историк Абулгази пишет, что многие татары, в знак особенной любви к сему царю, назвалися его именем, или *узбеками,* доныне известными в Хиве и в землях окрестных.

Взяв с новогородцев 1500 гривен серебра, Михаил возвратил им своих наместников и, поехав в Орду, жил там целые два года

[1313–1314 гг.]. Столь долговременное отсутствие, без сомнения невольное, имело вредные следствия для него и для России. Шведы сожгли Ладогу: корелы, впустив их в Кексгольм, умертвили там многих россиян. Хотя новогородцы отмстили тем и другим, под начальством Михаилова наместника выгнали шведов и казнили изменников корельских, но винили Михаила, что он, пресмыкаясь в Орде у ног хановых, забывает отечество. Георгий Московский не замедлил воспользоваться сим расположением: родственник его, князь Феодор Ржевский, приехал в Новгород, взял под стражу наместников Михаиловых и так обольстил легкомысленных граждан, что они, признав Георгия своим начальником, объявили даже войну великому князю. Едва не дошло до битвы: на одном берегу Волги стояли новогородцы, на другом сын Михаилов, Димитрий, с верною тверскою ратию. К счастию, осенние морозы, покрыв реку тонким льдом, удалили кровопролитие, и новогородцы согласились на мир; а князь московский, обещая им благоденствие и вольность, сел на престоле Святой Софии [1315 г.].

Скоро позвали Георгия к хану дать ответ на справедливые жалобы Михаиловы. Он поручил Новгород брату своему Афанасию и, взяв с собою богатые дары, надеялся быть правым в таком судилище, где председательствовало алчное корыстолюбие. Но Михаил уже нес обнаженный меч и грамоту Узбекову. Сильные полки моголов окружили его и вступили в Россию с воеводою Тайтемером. Сия грозная весть поколебала, однако ж не смирила новогородцев. Исчисляя в мыслях все одержанные ими победы со времен Рюрика до настоящего и вспомнив, что сам Михаил великодушною решимостию спас Тверь от нашествия моголов, они вооружились и ждали неприятеля близ Торжка. Прошло шесть недель. Наконец явилась сильная рать Михаилова, владимирская, тверская и могольская. Переговоров не было: вступили в бой, жестокий, хотя и неравный [10 февраля 1316 г.]. Никогда новогородцы не изъявляли более мужества; чиновники и бояре находились впереди; купцы сражались как герои. Множество их легло на месте; остаток заключился в Торжке, и Михаил, как победитель, велел объявить, чтобы новогородцы выдали ему князей Афанасия и Феодора Ржевского, если хотят мира. Слабые числом, обагренные кровию, своею и чуждою, они единодушно ответствовали: «Умрем за Святую Софию и за Афанасия; честь всего дороже». Михаил требовал по крайней мере одного Феодора Ржевского: многие и того не хотели; наконец уступили необходимости и еще обязались заплатить великому князю знатное количество серебра. Некоторые из бояр новогородских вместе с князем Афанасием остались аманатами в руках победителя; другие отдали ему все, что имели: коней, оружие, деньги. Написали следующую

грамоту: «Великий князь Михаил условился с Владыкою и с Новымгородом не воспоминать прошедшего. Что с обеих сторон захвачено в междоусобие, того не отыскивать. Пленники свободны без окупа. Прежняя тверская Феоктистова грамота должна иметь всю силу свою. Новгород платит князю в разные сроки от второй недели Великого поста до Вербной, 12 000 гривен серебра, зачитая в сей платеж взятое в Торжке у бояр новогородских имение. Князь, приняв сполна вышеозначенную сумму, должен освободить аманатов, изрезать сию грамоту и править нами согласно с древним уставом».

Сей мир, вынужденный крайностию, не мог быть истинным, и великий князь, сведав, что послы новгородские тайно едут в Орду с жалобою на него, велел переловить их; отозвал наместников княжеских из Новагорода и пошел туда с войском. Новогородцы укрепили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, корелов, ижерцев, вожан и ревностно готовились к битве, одушевленные любовию к вольности и ненавистию к великому князю. Он имел еще друзей между ими, но робких, безмолвных: ибо народ свирепо вопил на вече и грозил им казнию; свергнул одного боярина с моста за мнимую измену, а другого, совершенно невинного, умертвил по доносу раба, что господин его в переписке с Михаилом. — Такое ужасное остервенение и многочисленность собранных в Новегороде ратников изумили великого князя: он стоял несколько времени близ города, решился отступить и вздумал, к несчастию, идти назад ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его между озерами и болотами тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда новогородцы прислали в Тверь [1317 г.] архиепископа Давида, без всякой надменности моля великого князя освободить их аманатов; предлагали ему серебро, мир и дружбу. «Дело сделано, — говорили они: — желаем спокойствия и тишины». Михаил отвергнул сие предложение; стыдился мира *бесчестного;* хотел победить и даровать его.

Между тем Георгий жил в Орде, три года кланялся, дарил и приобрел наконец столь великую милость, что юный Узбек, дав ему старейшинство между князьями российскими, женил его на своей любимой сестре Кончаке, названной в крещении Агафиею: дело не весьма согласное с ревностию сего хана к Вере Магометовой! Провождаемый моголами и воеводою их, Кавгадыем, Георгий возвратился в Россию и, пылая нетерпением сокрушить врага, хотел немедленно завоевать Тверь [1318 г.]. Михаил отправил к нему послов. «Будь великим князем, если так угодно

царю, — сказали они Георгию именем своего государя: — только оставь Михаила спокойно княжить в его наследии; иди в Владимир и распусти войско». Ответом князя московского было опустошение тверских сел и городов до самых берегов Волги. Тогда Михаил призвал на совет княжеский епископа и бояр. «Судите меня с племянником, — говорил он: — не сам ли хан утвердил меня на великом княжении? Не заплатил ли я ему *выхода,* или царской пошлины? Теперь отказываюсь от сего достоинства и не могу укротить злобы Георгия. Он ищет головы моей; жжет, терзает мою наследственную область. Совесть меня не упрекает; но может быть, ошибаюсь. Скажите ваше мнение: виновен ли я пред Георгием?» Епископ и бояре, умиленные горестию и добросердечием князя, единогласно отвечали ему: «Ты прав, государь, пред лицом Всевышнего, и когда смирение твое не могло тронуть ожесточенного врага, то возьми праведный меч в десницу; иди: с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго князя». — «Не за меня одного (сказал Михаил), но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни. Вспомните речь Евангельскую: *кто положит душу свою за друга, той велик наречется.* Да будет нам слово Господне во спасение!» Великий князь, предводительствуя войском мужественным, встретил полки Георгиевы, соединенные с татарами и мордвою, в 40 верстах от Твери, где ныне селение Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаил искал смерти: шлем и латы его были все исстрелены, обсечены, но князь цел и невредим; везде отражал неприятелей и наконец обратил их в бегство. Сия победа [22 декабря] спасла множество несчастных россиян, жителей Тверской области, взятых в неволю татарами: смотря издали на кровопролитие, безоружные, скованные, они помогали своему князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали от радости. Михаилу представили жену Георгиеву, брата его Бориса Данииловича и воеводу Узбекова, Кавгадыя, вместе с другими пленниками. Великий князь запретил воинам убивать татар и, ласково угостив Кавгадыя в Твери, с богатыми дарами отпустил его к хану. Сей лицемер клялся быть ему другом; обвинял себя, Георгия и говорил, что они воевали Тверскую область без повеления Узбекова.

Князь московский бежал к новогородцам, которые, еще не знав об успехе его в Орде, дали Михаилу слово не вмешиваться в их распрю. (В сие время они мстили шведам за разбитие наших судов на Ладожском озере: воевали приморскую часть Финляндии; взяли город *финского князя* и другой — *епископов,* или нынешний Або[1].) Узнав торжество Михаилово, новогородцы вступились за

---

[1] Або — шведское название г. Турку (Финляндия).

Георгия: собрали полки и приблизились к Волге. На другой стороне ее развевались знамена тверские, украшенные знаками свежей победы; однако ж великий князь не хотел вторичной жестокой битвы и предложил Георгию ехать с ним в Орду. «Хан рассудит нас, — говорил Михаил, — и воля его будет мне законом. Возвращаю свободу супруге твоей, брату и всем новогородским аманатам». На сем основании сочинили договорную грамоту, в коей *Георгий* именован *великим князем* и по коей новогородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области, а послы их ездить чрез оную безопасно. К несчастию, жена Георгиева скоропостижно умерла в Твери, и враги Михаиловы распустили слух, что она была отравлена ядом. Может быть, сам Георгий вымыслил сию клевету: по крайней мере охотно верил ей и воспользовался случаем очернить своего великодушного неприятеля в глазах Узбековых. Провождаемый многими князьями и боярами, он вместе с Кавгадыем отправился к хану; а неосторожный Михаил еще долго медлил, послав в Орду двенадцатилетнего сына, Константина, защитника слабого и бессловесного.

Между тем как враг его ревностно действовал в Сарае и подкупал вельмож могольских, великий князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России, спокойно занимался в Твери делами правления; наконец, взяв благословение у епископа, поехал. Великая княгиня Анна провожала его до берегов Нерли: там он исповедался с умилением, и, вверяя духовнику свою тайную мысль, сказал: «Может быть, в последний раз открываю тебе внутренность души моей. Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий: по крайней мере буду доволен, если хотя смерть моя успокоит его». Михаил, скрывая сие горестное предчувствие от нежной супруги, велел ей возвратиться. Посол ханский, именем Ахмыл, объявил ему в Владимире гнев Узбеков. «Спеши к царю, — говорил он: — или полки его чрез месяц вступят в твою область. Кавгадый уверяет, что ты не будешь повиноваться». Устрашенные сим известием, бояре советовали великому князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрий и Александр, также заклинали отца не ездить в Орду и послать туда кого-нибудь из них, чтобы умилостивить хана. «Нет, — отвечал Михаил: — царь требует меня, а не вас: подвергну ли отечество новому несчастию? Можем ли бороться со всею силою неверных? За мое ослушание падет множество голов христианских; бедных россиян толпами поведут в плен. Мне надобно будет умереть и тогда: не лучше ли же ныне, когда могу еще своею погибелию спасти других?» Он написал завещание, распорядил сыновьям уделы, дал им отеческое наставление, как жить добродетельно, и простился с ними навеки.

Михаил нашел Узбека на берегу моря *Сурожского,* или Азовского, при устье Дона; вручил дары хану, царице, вельможам и шесть недель жил спокойно в Орде, не слыша ни угроз, ни обвинений. Но вдруг, как бы вспомнив дело совершенно забытое, Узбек сказал вельможам своим, чтобы они рассудили Михаила с Георгием и без лицеприятия решили, кто из них достоин казни. Начался суд. Вельможи собрались в особенном шатре, подле царского; призвали Михаила и велели ему отвечать на письменные доносы многих баскаков, обвинявших его в том, что он не платил хану всей определенной дани. Великий князь ясно доказал их несправедливость свидетельствами и бумагами; но злодей Кавгадый, главный доноситель, был и судиею! Во второе заседание привели Михаила уже связанного и грозно объявили ему две новые вины его, сказывая, что он дерзнул обнажить меч на посла царева и ядом отравил жену Георгиеву. Великий князь отвечал: «В битве не узнают послов; но я спас Кавгадыя и с честию отпустил его. Второе обвинение есть гнусная клевета: как христианин свидетельствуюсь Богом, что у меня и на мысли не было такого злодеяния». Судии не слушали его, отдали под стражу, велели оковать цепями. Еще верные бояре и слуги не отходили от своего злосчастного государя: приставы удалили их, наложили ему на шею тяжелую колодку и разделили между собою все драгоценные одежды княжеские.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терека со всем войском, многими знаменитыми данниками и послами разных народов. Сия любимая забава ханова продолжалась обыкновенно месяц или два и разительно представляла их величие: несколько сот тысяч людей было в движении; каждый воин украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшего коня; купцы на бесчисленных телегах везли товары индейские и греческие; роскошь, веселие господствовали в шумных, необозримых станах, и дикие степи казались улицами городов многолюдных. Вся Орда тронулась: вслед за нею повлекли и Михаила, ибо Узбек еще не решил судьбы его. Несчастный князь терпел уничижение и муку с великодушною твердостию. На пути из Владимира к морю Азовскому он несколько раз приобщался Святых Таин и, готовый умереть как должно христианину, изъявил чудесное спокойствие. Печальные бояре снова имели к нему доступ: Михаил ободрял их и с веселым лицом говорил: «Друзья! Вы долго видели меня в чести и славе: будем ли неблагодарны? Вознегодуем ли на Бога за уничижение кратковременное? Выя моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную». Ночи проводил он в молитве и в пении утешительных псалмов Давидовых; отрок княжеский держал перед ним книгу и перевертывал листы: ибо стражи

всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый в один день вывел его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставил на колена, ругался над ним и вдруг, как бы тронутый сожалением, сказал ему: «Не унывай! Царь поступает так и с родными в случае гнева; но завтра, или скоро, объявят тебе милость, и снова будешь в чести». Торжествующий злодей удалился. Князь, изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его, рассказывая друг другу, что сей узник был великим государем в земле своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: он встал и пошел в вежу, или шатер, читая тихим голосом из псалма: *Вси видящие мя покивaху главами своими... уповаю на Господа!* — Несколько раз верные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не знал постыдного бегства, — отвечал Михаил: — оно может только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будет!»

Орда находилась уже далеко за Тереком и горами Черкасскими, близ Врат Железных, или Дербента, подле ясского города Тетякова, в 1277 году взятого нашими князьями для хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступал к царю со мнимыми доказательствами, что великий князь есть злодей обличенный: Узбек, юный, неопытный, опасался быть несправедливым; наконец, обманутый согласием бессовестных судей, единомышленников Георгиевых и Кавгадыевых, утвердил их приговор.

Михаил сведал и не ужаснулся; отслушав Заутреню (ибо с ним были игумен и два священника), благословил сына своего, Константина; поручил ему сказать матери и братьям, что он умирает их нежным другом; что они, конечно, не оставят верных бояр и слуг его, которые у престола и в темнице изъявляли государю равное усердие. Час решительный наступал. Михаил, взяв у священника Псалтирь и разогнув оную, читал слова: *сердце мое смятеся во мне, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игумен сказал ему: «Государь! В сем же псалме, столь тебе известном, написано: *возверзи на Господа печаль твою*». Великий князь продолжал: *кто даст ми криле яко голубине? и полещу, и почию...* Умиленный сим живым образом свободы, он закрыл книгу, и в то самое мгновение вбежал в ставку один из его отроков с лицом бледным, сказывая дрожащим голосом, что князь Георгий Даниилович, Кавгадый и множество народа приближаются к шатру. «Ведаю, для чего, — ответствовал Михаил и немедленно послал юного сына своего к царице, именем Баялыни, будучи уверен в ее жалости. Георгий и Кавгадый остановились близ шатра, на площади, и сошли с коней, отрядив убийц совершить беззаконие. Всех людей кня-

жеских разогнали: Михаил стоял один и молился. Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, именем *Романец* (следственно, христианской веры), вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Народ вломился в ставку для грабежа, позволенного у моголов в таком случае. — Георгий и Кавгадый, узнав о смерти Святого Мученика — ибо таковым справедливо признает его наша церковь — сели на коней и подъехали к шатру. Тело Михаила лежало нагое. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «Он твой дядя: оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Георгиев закрыл оный своею одеждою.

Михаил не обманулся в надежде на добродушие супруги Узбековой: она с чувствительностию приняла и старалась утешить юного Константина, защитила и бояр его, успевших отдать себя в ее покровительство: другие же, схваченные злобными врагами их государя, были истерзаны и заключены в оковы. — Георгий послал тело великого князя в Маджары, город торговый (на реке Куме, в Кавказской губернии), где, как вероятно, обитали некогда угры, изгнанные печенегами из Лебедии. Там многие купцы, знав лично Михаила, желали прикрыть оное драгоценными плащеницами и внести в *церковь;* но бояре Георгиевы не пустили их к окровавленному трупу и поставили его в хлеве. В ясском городе *Бездеже* они также не хотели остановиться у *церкови христианской;* днем и ночью стерегли тело; наконец привезли в Москву и погребли в монастыре Спасском (в Кремле, где стоит еще древняя церковь Преображения).

Злодей Кавгадый чрез несколько месяцев кончил жизнь свою внезапно; увидим, что Провидение наказало и жестокого Георгия; а память Михаилова была священна для современников и потомства: ибо сей князь, столь великодушный в бедствии, заслужил славное имя *отечестволюбца.* Кроме одних новогородцев, считавших его опасным врагом народной вольности, все жалели об нем искренно, но всех более верные, мужественные тверитяне: ибо он возвеличил сие княжение и любил их действительно как отец. Сверх достоинств государственных — ума проницательного, твердости, мужества — Михаил отличался и семейственными: нежною любовию к супруге, к детям, в особенности к матери, умной, добродетельной Ксении, воспитавшей его в правилах благочестия и скончавшей дни свои монахинею.

При сем великом князе Ростов, Кострома и Брянск были жертвою хищных татар. Наследник Константина Борисовича Ростовского, умершего в Орде, сын его Василий (в 1316 году) приехал от хана в столицу свою с двумя могольскими вельможами, коих грабительство и насилие остались в ней надолго памятными. Такие разбойники назывались обыкновенно *послами.*

Один из них (в 1318 году), убив в Костроме 120 человек, опустошил Ростов огнем и мечом, взял сокровища церковные, пленил многих людей. Несчастие Брянска произошло от междоусобия двух князей. Там господствовал Василий, внук Романов: изгнанный дядею, Святославом, он возвратился (в 1310 году) с шайкой моголов. Святослав, в надежде на усердие жителей, спешил отразить их; но граждане изменили ему: бросили знамена и побежали. Он не хотел уступить и лег на месте битвы со своею дружиною княжескою, оказав редкое, но бесполезное мужество. Победители расхитили город.

В Брянске находился тогда новый митрополит, преемник Максимов: он едва мог, ушедши в церковь, спастися от лютости татар. По кончине Максима (в 1305 году) какой-то игумен Геронтий вздумал было своевольно занять его место, присвоив себе утварь святительскую и жезл пастыря; но патриарх Афанасий в угодность князю галицкому, отвергнув Геронтия (в 1308 году), посвятил в митрополиты *для всей России* Петра, волынского игумена, мужа столь ревностного в исполнении своих пастырских обязанностей, что духовенство северной России единогласно благословило его высокую добродетель. Один тверской епископ, сын князя литовского Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнул злословить сего митрополита; но был торжественно обличен в клевете на Соборе в Переславле Залесском, где присутствовали епископ ростовский, игумены, священники, князья, вельможи и посол цареградского патриарха. Истиною и любовию заградив уста клеветнику, Петр, вместо укоризн, сказал ему: *Мир ти о Христе, чадо! Отныне блюдися лжи; мимошедшая же да отпустит ти Господь!..* В других случаях сей кроткий архипастырь умел быть и строгим: снял епископский сан с Исмаила Сарского, без сомнения за важное преступление относительно к церкви или отечеству, и предал анафеме какого-то опасного еретика Сеита, обличенного им в богопротивном умствовании, но не хотевшего раскаяться. Как достойный учитель Веры христианской, Петр склонял князей к миролюбию, заклинал несчастного Святослава Брянского не вступать в битву с Василием и старался прекратить вражду между князьями тверскими и московским; не имея средств избавить народ от ига, желая по крайней мере оградить безопасностию церкви святые и домы ее служителей; ездил в Орду с Михаилом (в 1313 году) и выходил для них так называемый *ярлык,* или грамоту льготную, в коей Узбек, следуя примеру бывших до него ханов, подтвердил важные права и выгоды российского духовенства. Мы имеем сей ярлык и многие иные новейшие, достопамятные содержанием и слогом. Хан пишет: «Вышнего и бессмертного Бога волею и силою, величеством и милостию. Узбеково слово ко всем

князьям великим, средним и нижним, воеводам, книжникам, баскакам, писцам, мимоездящим послам, сокольникам, пардусникам во всех улусах и странах, где Бога бессмертного силою наша власть *держит* и слово наше *владеет.* Да никто не обидит в Руси Церковь Соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритов, игуменов, попов, и проч. Их грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, леса, винограды, сады, мельницы, хуторы свободны от всякой дани и пошлины: ибо все то есть Божие; ибо сии люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют. Да будут они подсудны единому митрополиту, согласно с древним законом их и грамотами прежних царей ордынских. Да пребывает митрополит в тихом и кротком житии; да правым сердцем и без печали молит Бога за нас и детей наших. Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое; кто дерзнет порицать Веру Русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, да умрет! и проч. Писано Заячьего лета, осеннего первого месяца, четвертого *ветха* (то есть в четвертый день ущерба луны) на полях». Говоря о данях, собираемых в России, Узбек именует *поплужную,* или с каждой сохи, мостовую, береговую; увольняет церковников от воинской службы, подвод и всякой работы. В таком порабощении находились россияне, всего более угнетаемые ненасытным сребролюбием ханских пошлинников или откупщиков царской дани, между коими бывали иногда и жиды, обитатели Крыма, или Тавриды.

К сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частые естественные бедствия. Летописцы сказывают, что в 1309 году явилось везде чудесное множество мышей, которые съели хлеб на полях, рожь, овес, пшеницу: от чего в целой России произошли голод, мор на людей и на скот. В 1314 году Новгород терпел великий недостаток в съестных припасах; а народ псковский, угнетаемый дороговизною, грабил домы и села богатых людей так, что правительство долженствовало употребить весьма строгие меры для восстановления тишины и казнить пятьдесят главных мятежников. *Зобница*[1] *ржи* стоила там 5 гривен. В 1318 году свирепствовала в Твери какая-то жестокая, смертоносная болезнь.

---

[1] Зобница — мерная корзина.

Глава VIII

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГИЙ ДАНИИЛОВИЧ, ДИМИТРИЙ И АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧИ
(один после другого)
1319—1328 гг.

Горесть тверитян. Рубли. Война с шведами. Дела с немцами ливонскими. Мир с шведами в Орехове. Князья устюжские. Убиение Георгия и Димитрия. Истребление моголов в Твери. Мщение ханское. Казнь рязанского князя. Литовцы-завоеватели. Сомнительное повествование Стриковского. Судьба южной и западной России. Последний князь галицкий. Характер Гедимина.

Утвержденный ханом на великом княжении [1319 г.] и взяв с собою юного Константина Михайловича и бояр тверских в виде пленников, Георгий приехал господствовать в Владимир, а брата своего, Афанасия, послал наместником в Новгород. Услышав о том, нежная супруга Михаилова, сыновья, епископ и вельможи изумились: они еще не знали происшедшего в Орде, но, угадывая свое несчастие, велели гонцам спешить в Москву, чтобы разведать там о судьбе великого князя. Гонцы возвратились с подробным известием о всех ужасных обстоятельствах Михаиловой кончины. Горесть была общая: церковь и народ делили оную с княжеским семейством. Чрез несколько дней, посвященных слезам и молитве, Димитрий, как старший сын, наследовав власть родителя, отправил посольство в Владимир. Меньший брат его, Александр, и бояре тверские престали Георгию в одежде печальной; не хотели укорять его: молили только отдать им драгоценные остатки князя, равно любезного супруге, детям и народу. Георгий согласился с условием, чтобы они прислали ему на обмен тело жены его, Кончаки, сестры Узбековой. Вдовствующая великая княгиня Анна и Димитрий Михайлович с братьями выехали по Волге в ладиях навстречу ко гробу Михаилову: епископ, духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрелище было умилительно. Народ вопил, стремился к телу и громогласно звал Михаила, как бы надеясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили перед монастырем Архангельским, где бесчисленное множество людей теснилось лобызать оную. Сняв крышку, с несказанною радостию увидели целость мощей, не поврежденных ни дальним путем от берегов моря Каспийского, ни пятимесячным лежанием в могиле. Народ благословил Небо за сие чудо, и погребение казалось ему уже не печальным обрядом, но торжес-

твом Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная княгиня Анна отказалась от мира и кончила дни свои монахинею; а Димитрий и Александр, отерев слезы, думали только о мести.

Георгий ходил [1320 г.] между тем с войском к Рязани и, заставив тамошнего князя, Иоанна Ярославича, согласиться на все его предложения, готовился к нападению на Тверскую область, уверенный в справедливой ненависти к нему сыновей Михаиловых. Димитрий не боялся войны; но хотел прежде освободить брата своего, Константина, и бояр Михаиловых, бывших аманатами в Владимире: послал тверского епископа, Варсонофия, в Переславль и заключил мир, дав Георгию 2000 *рублей* и слово не спорить с ним о великом княжении. (Заметим, что здесь в первый раз упоминается о *рублях:* они были не что иное, как отрубки серебра, без всякого знака или клейма, весом около двадцати двух золотников.) — Обманутый коварным миром, Георгий успокоился и поехал в Новгород, коего чиновники звали его предводительствовать войском: ибо шведы старались овладеть Корелиею и Кексгольмом. Георгий приступил к Выборгу и хотя имел с собою шесть больших стенобитных орудий, но осаждал сию крепость без успеха от 12 августа до 9 сентября [1322 г.]. Злобясь на шведов, россияне вешали пленников.

По возвращении в Новгород Георгий оплакал кончину верного брата, Афанасия, и сведал, что князь Иоанн Даниилович, быв в Орде, приехал оттуда с послом Узбековым, Ахмылом, который, объявив намерение учредить благоустройство в областях великого княжения, лил кровь людей, взял Ярославль как неприятельский город и с торжеством отправился назад к хану дать ему отчет в своем успешном посольстве. Вторая весть была для Георгия еще горестнее: Димитрий Михайлович нарушил данное ему слово, выходил для себя в Орде достоинство великого князя, и царь Узбек прислал с грамотою вельможу Севенч-Буга возвести его на престол владимирский! Тщетно Георгий молил новогородцев идти вместе с ним ко Владимиру: он должен был ехать туда один и на пути едва не попался в руки к Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обоз и казну. Георгий бежал во Псков, где чиновники и народ, помня завещание Александра Невского, приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь действовать всеми силами против немцев. Эстонские рыцари, несмотря на мир, убивали тогда купцов и звероловов псковских на Чудском озере и на берегах Наровы. Озабоченный собственною опасностию, великий князь уехал в Новгород; а псковитяне разорили Эстонию до самого Ревеля, взяв несколько тысяч пленников и не пощадив святыни церквей. Предводителем их был князь литовский Давид, славный в истории немецкого

ордена под именем *Кастеллана Гарденского.* Заслужив благодарность псковитян, он возвратился в Литву и скоро имел случай оказать им еще важнейшую услугу. Немцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псков, придвинули стенобитные орудия и, в 18 дней разрушив большую часть укреплений, уже готовили лестницы для приступа. Хотя наместник изборский, Евстафий (родом князь), нечаянно ударив на обозы немецкие за рекою Великою, освободил бывших там российских пленников; однако ж граждане находились в крайности и посылали гонца за гонцом в Новгород, требуя помощи. В сие время приспел мужественный Давид Литовский, соединил дружину свою с полками осажденных, разбил немцев наголову, взял в добычу стан их и все снаряды. Следствием победы был выгодный для псковитян осьмнадцатилетний мир с орденом.

Сведав, что Димитрий Михайлович, сверх покровительства Узбекова, имеет сильное войско в великом княжении и что народ, любив отца его, изъявляет усердие и к сыну, Георгий решился на некоторое время остаться в Новегороде: ибо мог отсутствием утратить и сей важный престол. Новогородцы ходили с ним к берегам Невы и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острову *Ореховом,* заложили крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, чтобы шведы не могли свободно входить в сие озеро. Услышав о том и желая прекратить войну, столь часто бедственную для шведской Корелии и Финляндии, юный король Магнус прислал вельмож в стан Георгиев с дружелюбным предложением, соответственным обоюдной пользе. Оно было принято. Россияне, заключив договор с послами, в своей новой крепости торжествовали мир, коего главное условие состояло в восстановлении древних пределов между обеими державами в Корелии и в Финляндии.

Новогородцы должны были в сие время управиться с устюжанами, грабившими их купцов на пути в Югорскую землю, и с литовцами, которые злодействовали в окрестностях Ловоти. Разбив последних, они взяли Устюг; но, довольные сделанным там опустошением, на берегах Двины заключили мир [1324 г.] с *князьями устюжскими,* наместниками ростовского. Тогда Георгий, заслужив искреннюю признательность новогородцев и обнадеженный в их верности, дружески простился с ними: он поехал к хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрия и вновь утвердить за собою великое княжение. Сие путешествие достойно замечания тем, что Георгий ехал от берегов Двины чрез область Пермскую; сел там на ладию и рекою Камою плыл до нынешней Казанской губернии.

В следующий год отправился к хану и Димитрий. Там они увидели друг друга, и нежный сын, живо представив себе окровавленную тень Михаилову, — затрепетав от ужаса, от гнева, — вонзил меч в убийцу. Георгий испустил дух: а Димитрий, совершив месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидал следствий... Так одно злодеяние рождает в мире другое, и виновник первого ответствует за оба, по крайней мере в судилище Вышнего! Тело Георгиево привезли в Москву, где княжил брат его, Иоанн Даниилович, и погребли в церкви Архангела Михаила. Митрополит Петр с четырьмя епископами совершил сей обряд печальный. Князь Иоанн и самый народ проливал искренние слезы, умиленные столь бедственною кончиною государя хотя и не добродетельного, однако ж знаменитого умом и славными предками. Новогородцы сожалели об нем: тверитяне хвалили дело своего князя, с беспокойством ожидая суда Узбекова.

Хан долго молчал. Друзья князя московского без сомнения представляли ему, что убийство столь наглое, совершенное пред его глазами, требует наказания, или будет пятном для чести царской, знаком слабости и поводом к новым опасным своевольствам князей российских; что хан, сверх того, должен вступиться за Георгия как за своего зятя. Прошло десять месяцев. Брат Димитриев, Александр, спокойно возвратился из Орды с ханскими пошлинниками, надеясь, что дело уже кончилось и что Узбек не думает о мести. Но вдруг вышло грозное повеление, и несчастного Димитрия убили [15 сентября 1326 г.] в Орде (вместе с князем новосильским, потомком Михаила Черниговского, обвиненным также в каком-то преступлении). Сия весть, равнодушно принятая в Москве и в Новегороде, огорчила добрых тверитян, усердных к государям и видевших в юном своем князе славную жертву любви сыновней. Димитрий Михайлович, прозванием *Грозные Очи,* смелый, пылкий, имел только 27 лет от рождения; женатый на дочери князя литовского, Гедимина, он не оставил детей.

Несмотря на казнь Димитриеву, Узбек в знак милости признал его брата великим князем российским: по крайней мере так назван Александр Михайлович в договорной грамоте, коею новогородцы, не имея тогда главы и терпя от внутренних неустройств, обязались ему повиноваться как законному своему властителю. Сия грамота, писанная в 1327 году, есть повторение Ярославовых и Михаиловых с прибавлением, что новогородцы уступают Александру села, им самим или боярами его купленные, если княжеские дворяне, господствуя в оных, не будут вмешиваться в судные дела иных волостей и принимать вольных жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и верность новогородцев скоро изменились.

В конце лета [1327 г.] явился в Твери ханский посол, Шевкал, сын Дюденев и двоюродный брат Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бедный народ, уже привыкнув терпеть насилия татарские, искал облегчения в одних бесполезных жалобах; но содрогнулся от ужаса, слыша, что Шевкал, ревностный чтитель Алкорана, намерен обратить россиян в магометанскую веру, убить князя Александра с братьями, сесть на его престоле и все города наши раздать своим вельможам. Говорили, что он воспользуется праздником Успения, к коему собралось в Тверь множество усердных христиан, и что моголы умертвят их всех до единого. Сей слух мог быть неоснователен: ибо Шевкал не имел достаточного войска для произведения в действо намерения столь важного и столь несогласного с политикою ханов, хотевших всегда быть покровителями духовенства и церкви в набожной России. Но люди угнетенные обыкновенно считают своих тиранов способными ко всякому злодейству; самая грубая клевета кажется им доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасения Веры и православных государей, окружили князя, юного и легкомысленного. Забыв пример отца, великодушно умершего для спокойствия подданных, Александр с жаром представлял тверитянам, что жизнь его в опасности; что моголы, убив Михаила и Димитрия, хотят истребить и весь род княжеский; что время справедливой мести настало; что не он, а Шевкал замыслил кровопролитие и что Бог есть надежда правых. Граждане, усердные, пылкие, единодушно требовали оружия: князь на рассвете, 15 августа, повел их ко дворцу Михаилову, где жил брат Узбеков. Общее волнение, шум и стук оружия пробудили татар: они успели собраться к своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на них с воплем. Сеча была ужасна. От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, моголы заключились во дворце; Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком ханской дружины. К свету не было уже ни одного татарина живого. Граждане умертвили и купцов ордынских.

Сие дело, внушенное отчаянием, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россия готова восстать и сокрушить свои цепи; но Россия только трепетала, боясь, чтобы мщение хана, заслуженное тверитянами, не коснулось и других ее пределов. Узбек, пылая гневом, клялся истребить гнездо мятежников; однако ж, действуя осторожно, призвал Иоанна Данииловича Московского, обещал сделать его великим князем и, дав ему в помощь 50 000 воинов, предводимых пятью ханскими темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить россиян россиянами. К сему многочисленному войску присоединились еще суздальцы с владетелем своим,

Александром Васильевичем, внуком Андрея Ярославича. Тогда князь тверской мог умереть великодушно, или в славной битве, или предав себя одного в руки моголов, чтобы спасти подданных; но сын Михаилов не имел добродетели отца. Видя грозу, он пекся единственно о собственной безопасности и думал искать убежища в Новегороде. Туда ехали уже наместники московские: граждане не хотели об нем слышать. Между тем Иоанн и князь суздальский, верные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, несмотря на глубокие снега и морозы жестокой зимы. Малодушный Александр, оставив свой добрый, несчастный народ, ушел во Псков, а братья его, Константин и Василий, в Ладогу. Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнем и мечом, другие отведены в неволю. Самые новогородцы едва спаслися от хищности моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех воевод Узбековых.

Хан с нетерпением ожидал вести из России: получив оную, изъявил удовольствие. Дымящиеся развалины тверских городов и селений казались ему славным памятником царского гнева, достаточным для обуздания строптивых рабов. В то же время казнив рязанского владетеля, Иоанна Ярославича, он посадил его сына, Иоанна Коротопола, на сей кровию отца обагренный престол и, будучи доволен верностию князя московского, дал ему самую милостивую грамоту на великое княжение [1328 г.], приобретенное бедствием столь многих россиян.

Описав следствия Георгиевой кончины, обратим внимание читателя на южные области России. Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века они сделались как бы чужды для нашего северного отечества, коего жители брали столь мало участия в судьбе киевлян, волынян, галичан, что летописцы суздальские и новогородские не говорят об ней почти ни слова; а волынский не доходит до времен, наиболее любопытных важностию происшествий, когда народ бедный, дикий, платив несколько веков дань России и более ста лет умев только грабить, сведал от нас и немцев действия военного и гражданского искусства, в грозном ополчении выступил из темных лесов на феатр мира и быстрыми завоеваниями основал державу именитую. Говорим о Литве, уже сильной при Миндовге и Тройдене, но еще гораздо сильнейшей при Гедимине. Сей человек, разума и мужества необыкновенного, был конюшим литовского князя Витена или, вероятно, Буйвида: злодейски умертвив государя своего, он присвоил себе господство над всею землею Литовскою. Немцы, россияне, ляхи скоро увидели его властолюбие. Гедимин искал уже не добычи, но завоеваний — и древнее Пинское княжение,

где долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружия присоединено к Литве. Союзы брачные служили ему также способом приобретать земли. Выдавая дочерей за князей российских с одним благословением, он требовал богатого вена от сватов: дозволил сыновьям, Ольгерду и Любарту, креститься; женил первого на княжне витебской, а второго на владимирской: Ольгерд наследовал по смерти тестя всю его землю; а Любарт получил удел в Волыни. Юрий Львович, Галицкий и Волынский, скончался около 1316 года: ибо в сие время уже господствовали там Андрей и Лев, вероятно сыновья его, коих имена известны нам единственно по их сношениям с немецким орденом и которые в грамотах своих назывались *князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимирской.* Один из сих князей, как надобно думать, был и тестем Любартовым: историк же литовский именует его *Владимиром,* рассказывая следующие обстоятельства:

«Опасаясь властолюбивых замыслов Гедимина, князья российские, Владимир и Лев, хотели предупредить их, и в то время, как он воевал с немцами, напали на Литву. Владимир опустошил берега Вилии: Лев взял *Брест и Дрогичин, бывшие тогда уже во власти Гедиминовой.* Сей мужественный витязь, в 1319 году победою окончив войну с орденом, немедленно устремился на Владимир (где княжил тесть Любартов). Под стенами оного началася битва, в коей татары стояли за российского князя против россиян: ибо Гедимин имел полочан в своем войске, а князь владимирский наемную ханскую конницу. Густые толпы литовцев редели, осыпаемые стрелами татарскими; но Гедимин, поставив в ряды пехоту, вооруженную пращами и копьями, обратил моголов в бегство. Россияне замешались. Тщетно жены и старцы, зрители битвы, с городских стен кричали им, что она решит судьбу отечества: князь Владимир, оказав мужество, достойное Героя, пал в сражении, и войско, лишенное бодрости, рассеялось. Город сдался. Гедимин, поручив его своим наместникам, спешил к Луцку, откуда Лев, устрашенный несчастием Владимира, бежал к брянскому князю, Роману, своему зятю: граждане не оборонялись, и победитель, изъявляя благоразумную кротость, уверил всех россиян в безопасности и защите. Утружденное войско его отдыхало целую зиму. Наградив щедро полководцев, он жил в Бресте и готовился к дальнейшим подвигам.

Как скоро весна наступила и земля покрылась травою, Гедимин с новою бодростию выступил в поле, взял Овруч, Житомир, города киевские и шел к Днепру. В Киеве властвовал Станислав, один из потомков Св. Владимира: он имел время призвать моголов, соединился с Олегом Переяславским, с изгнанным князем луцким Львом, с Романом Брянским; верстах в 25 от столицы,

на берегу Ирпени, встретил неприятеля и долго спорил о победе; но отборная дружина литовская, ударив сбоку на россиян, смяла их. Олег положил голову на месте битвы: Лев также. Станислав и Роман ушли в Рязань; а Гедимин, отдав всю добычу воинам, осадил Киев. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили несколько приступов; наконец, не видя помощи ни от князя Станислава, ни от татар и зная, что Гедимин щадит побежденных, отворили ворота. Духовенство вышло со крестами и вместе с народом присягнуло быть верным государю литовскому, который, избавив Киев от ига моголов, оставил там наместником племянника своего, Миндова, князя голшанского[1], Верою христианина, и скоро завоевал всю южную Россию до Путивля и Брянска».

Сие повествование историка не весьма основательного едва ли утверждено на каких-нибудь современных или достоверных свидетельствах. Оно тем сомнительнее, что баскаки ханские, как видно из наших летописей, до самого 1331 года находились в Киеве, где господствовал тогда не Миндов, а князь российский. Не зная, когда именно литовцы овладели странами Днепровскими, знаем только, что Киев при Димитрии Донском уже был в их власти (без сомнения и Черниговская область). Таким образом наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, места славных воспоминаний, где оно росло в величии под щитом Олеговым, сведало Бога истинного посредством Св. Владимира, прияло законы от Ярослава Великого и художества от греков!.. Что касается до княжения Владимиро-Волынского, то оно, в противность ложному сказанию литовского историка, вместе с Галициею еще несколько лет хранило свою независимость и силу. Владетели его, Андрей и Лев, преставились около 1324 года. Об них-то король польский, Владислав Локетек, говорит в письме к папе Иоанну XXII: «Извещаю Ваше святейшество о кончине двух последних князей российских, бывших для нас твердою защитою от свирепости татар. Сии жестокие враги христианства без сомнения пожелают ныне овладеть Россиею, смежною с нашими землями, и мы будем в величайшей опасности». Но Андрей и Лев оставили малолетнего наследника, именем Георгия, праправнука Даниилова. В дружеских латинских грамотах к великим магистрам ордена немецкого, скрепленных печатями епископа, княжеского пестуна и воевод бельзского, перемышльского, львовского, луцкого, он писался *природным князем и государем всей Малой России*[2], обязываясь предохранять землю рыцарей от набега моголов; употреблял печать Юрия Львовича, своего деда,

---

[1] Великий князь Литовский Ольгерд захватил Киев около 1362 г.

[2] Малая Россия — так в XVI в. называли Галицию и Волынь.

и жил то в Владимире, то во Львове. Бояре, в малолетстве его управляя княжеством, не дерзнули остановить гибельных для южной России успехов литовского оружия, довольные тем, что Гедимин не отнимал собственных областей у Георгия (Любартова шурина, как вероятно) и надеясь, может быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владения к востоку и сближаясь с татарскими, обратит на себя грозную силу хана, или погибнет или счастливым противоборством ослабит ее; то и другое следствие могло казаться благоприятным для нашего отечества.

Но хитрый Гедимин умел снискать дружбу моголов; по крайней мере никогда не воевал с ними и не платил им дани. Властвуя над Литвою и завоеванною частию России, он именовал себя *великим князем Литовским и Российским;* жил в Вильне, им основанной[1]; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя Веру греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от митрополита московского; украшал новую столицу свою, ловил зверей в дремучих лесах и, желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и бесполезную войну с немецким орденом, писал к папе Иоанну: «Одолевая христиан в битвах, я не хочу истреблять Веры их, а только защищаюсь от врагов, подобно всем другим государям. Монахи доминиканские и францисканские окружают меня: даю им волю учить и крестить людей в моем государстве; сам верю Святой Троице, желаю повиноваться тебе, Главе Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за моих вельмож: только усмири злобу немцев», и проч. Иоанн, обрадованный столь благословенным известием, отправил в Литву епископа алетского Варфоломея, и Бернарда, игумена пюйского; но Гедимин, вновь раздраженный неприятельскими действиями и вероломством прусского ордена, вдруг переменил мысли, встретил послов Иоанновых весьма немилостиво и сказал им: «Я не знаю вашего папы и знать не желаю. Исповедую Веру моих предков и не изменю ей до гроба». Потупив глаза в землю, они должны были удалиться; и с того времени Гедимин слыл в Европе коварным обманщиком. Впрочем, история отдает справедливость многим его достохвальным делам и качествам. Он старался образовать народ свой; дозволял ганзейским купцам торговать в Литве без всякой пошлины; призывал людей ремесленных, серебренников, каменщиков, механиков; на десять лет освобождал всех новых поселенцев от дани, ручаясь им за безопасность личную и целость собственности, которую они приобретут своим трудолюбием;

---

[1] Гедимин основал Вильну (Вильнюс) в 1323 г.

давал им гражданское право Риги и все возможные выгоды; построил для христиан церкви в Вильне и Новогородке и, не терпя монахов, под видом набожности скрывающих злое корыстолюбие и сердце развратное, любил иноков добродетельных, не мешая им распространять Веру Иисусову; любил хвалиться верностию своих обещаний и ставил себя христианам в пример честности. Сии обстоятельства известны нам по грамоте, данной им в 1323 году любекским, ростокским, штетинским и другим немцам, за его княжескую печатию.

Нет сомнения, что вся древняя область Кривская, или нынешняя Белоруссия, уже совершенно зависела от Гедимина; но, держась правил умеренности в своем властолюбии, он не хотел изгнать тамошних князей и, довольствуясь их покорностию, оставлял им уделы наследственные. Так (в 1326 году) с братом его, Воином, приезжали из Литвы в Новгород, для заключения мира, князь полоцкий Василий и минский Феодор Святославич, вероятно, потомки Св. Владимира от племени Рогнедина сына, Изяслава.

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН ДАНИИЛОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ КАЛИТА 1328—1340 гг.

Северная Россия отдыхает. Москва — глава России. Предсказание митрополита. Милость хана к Иоанну. Великодушие псковитян. Особенный епископ во Пскове. Происшествия новогородские. Закамское серебро. Политика Новагорода. Хан прощает Александра. Иоанн повелевает князьями. Несчастие Александра. Мир с Норвегиею. Неприязнь шведов. Разбои литовские. Ссора Иоаннова с Новымгородом. Поход к Смоленску. Кончина и достоинства Иоанновы. Прозвание Калиты. Кремник. Торг на Мологе. Завещание великого князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Летописцы говорят, что с восшествием Иоанна на престол великого княжения мир и тишина воцарились в северной России; что моголы перестали наконец опустошать ее страны и кровию бедных жителей орошать пепелища; что христиане на сорок лет опочили от *истомы*[1] *и насилий долговременных — то есть Узбек*

[1] Истома — изнурение, истощение.

и преемники его, довольствуясь обыкновенною данию, уже не посылали воевод своих грабить великое княжение, занятые делами Востока и внутренними беспокойствами Орды или устрашаемые примером Твери, где Шевкал был жертвою ожесточенного народа. Отечество наше сетовало в уничижении; головы князей все еще падали в Орде по единому мановению ханов: но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, бояре наслаждаться избытком; кони татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность, старцы не умирали на снегу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народов благоденствующих: угнетенные желают только облегчения и славят Бога за оное.

Сия действительно благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою России. Мы видели, что и прежние великие князья любили свои удельные, или наследственные, города более Владимира, совершая в нем только обряд восшествия на главный престол российский: Димитрий Александрович жил в Переславле Залесском, Михаил Ярославич в Твери; следуя той же естественной привязанности к родине, Иоанн Даниилович не хотел выехать из Москвы, где находилась уже и кафедра митрополии: ибо Святой Петр, имев несколько раз случай быть в сем городе, полюбил его красивое местоположение и доброго князя, оставил знаменитую столицу Андрея Боголюбского, правимую тогда уже одними наместниками княжескими, и переселился к Иоанну. «Если ты, — говорил он князю в духе пророчества, как пишет митрополит Киприан в житии Св. Петра, — если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители захотят обитать в оном, *и руки его взыдут на плеща врагов наших*». Иоанн исполнил желание старца и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успения Богоматери, при великом стечении народа. Святой митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь епископ ростовский, и новый митрополит, именем Феогност, родом грек, основал свою кафедру также в Москве, к неудовольствию других князей: ибо они предвидели, что наследники Иоанновы, имея у себя главу духовенства, захотят исключительно присвоить себе достоинство великокняжеское. Так и случилось, ко счастию России. В то время, когда она достигла вышней степени бедствия,

видя лучшие свои области отторженные Литвою, все другие истерзанные моголами, — в то самое время началось ее государственное возрождение, и в городке, дотоле маловажном, созрела мысль благодетельного Единодержавия, открылась мужественная воля прервать цепи ханские, изготовились средства независимости и величия государственного. Новгород знаменит бывшею в нем колыбелию монархии, Киев купелию христианства для россиян; но в Москве спаслися отечество и Вера. — Сие время великих подвигов и славных усилий еще далеко. Обратимся к происшествиям.

Первым делом великого князя было ехать в Орду вместе с меньшим братом Александра Тверского, Константином Михайловичем, и с чиновниками новогородскими. Узбек признал Константина тверским князем; изъявил милость Иоанну: но отпуская их, требовал, чтобы они представили ему Александра. Вследствие того послы великого князя и новогородские, архиепископ Моисей и тысячский Аврам, прибыв во Псков, именем отечества убеждали Александра явиться на суд к хану и тем укротить его гнев, страшный для всех россиян. «И так вместо защиты, — ответствовал князь тверской, — я нахожу в вас гонителей! Христиане помогают неверным, служат им и предают своих братьев! Жизнь суетная и горестная не прельщает меня: я готов жертвовать собою для общего спокойствия». Но добрые псковитяне, умиленные его несчастным состоянием, сказали ему единодушно: «Останься с нами: клянемся, что тебя не выдадим; по крайней мере умрем с тобою». Они велели послам удалиться и вооружились. Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный славою великодушия. Чем реже бывают сии случаи, тем они достопамятнее в летописях. Разделяя с Новымгородом выгоды немецкой торговли, псковитяне славились в сие время и богатством и воинственным духом. Под защитою высоких стен они готовились к мужественной обороне и построили еще новую каменную крепость в Изборске, на горе Жераве.

Иоанн, боясь казаться хану ослушником или нерадивым исполнителем его воли, приехал в Новгород [1329 г.] с митрополитом и многими князьями российскими, в числе коих находились и братья Александровы, Константин и Василий, также князь Суздальский, Александр Васильевич. Ни угрозы, ни воинские приготовления Иоанновы не могли поколебать твердости псковитян: в надежде, что они одумаются, великий князь шел медленно к их границам и чрез три недели расположился станом близ Опоки; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибегнул к иному способу, необыкновенному в древней России: склонил

митрополита наложить проклятие на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся. Сия духовная казнь, соединенная с отлучением от церкви, устрашила народ. Однако ж граждане все еще не хотели предать несчастного сына Михаилова. Сам Александр великодушно отказался от их помощи. «Да не будет проклятия на моих друзьях и братьях ради меня! — сказал он им со слезами: — иду из вашего града, освобождая вас от данной мне клятвы». Александр уехал в Литву, поручив им свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадник их, именем Сольга, объявил Иоанну, что изгнанник удалился. Великий князь был доволен, и митрополит, разрешив псковитян, дал им благословение. Хотя Иоанн в сем случае казался только невольным орудием ханского гнева, но добрые россияне не хвалили его за то, что он, в угодность неверным, гнал своего родственника и заставил Феогноста возложить церковное проклятие на усердных христиан, коих вина состояла в великодушии. — Новогородцы также неохотно участвовали в сем походе и спешили домой, чтобы смирить немцев и князей устюжских: первые убили в Дерпте их посла, а вторые купцов и промышленников на пути в землю Югорскую. Летописцы не говорят, каким образом новогородское правительство отмстило за то и другое оскорбление.

Страх, наведенный Иоанном на Псков [1330–1332 гг.], не имел желаемого действия: ибо Александр, принятый дружелюбно Гедимином Литовским, обнадеженный им в защите и влекомый сердцем к добрым псковитянам, чрез 18 месяцев возвратился. Они приняли его с радостию и назвали своим князем; то есть отложились от Новагорода и, выбрав даже особенного для себя епископа, именем Арсения, послали его ставиться к митрополиту, бывшему тогда в Волынии. Александр Михайлович и сам Гедимин убеждали Феогноста исполнить волю псковитян; однако ж митрополит с твердостию отказал им и в то же время — с епископами полоцким, владимирским, галицким, перемышльским, хелмским — посвятил архиепископа Василия, избранного новогородцами, коего епархия, согласно с древним обыкновением, долженствовала заключать в себе и Псковскую область. Гедимин стерпел сие непослушание от митрополита, уважая в нем главу духовенства, но хотел перехватить архиепископа Василия и бояр новогородских на их возвратном пути из Волыни, так что они едва могли спастися, избрав иную дорогу, и принуждены были откупиться от киевского неизвестного нам князя Феодора, который гнался за ними до Чернигова с татарским баскаком.

Между тем как Иоанн, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность хану, утверждал спокойствие в облас-

тях великого княжения, Новгород был в непрестанном движении от внутренних раздоров, или от внешних неприятелей, или ссорясь и мирясь с великим князем. Зная, что новогородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иоанн требовал оного для себя и, получив отказ, вооружился, собрал всех князей низовских, рязанских [1333 г.]; занял Бежецк, Торжок и разорял окрестности. Тщетно новогородцы звали его к себе, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствие: он не хотел слушать послов, и сам архиепископ Василий, ездив к нему в Переславль, не мог его умилостивить. Новогородцы давали великому князю 500 рублей серебра, с условием, чтобы он возвратил села и деревни, беззаконно им приобретенные в их области; но Иоанн не согласился и в гневе уехал тогда к хану.

Сия опасность заставила новогородцев примириться с князем Александром Михайловичем. Уже семь лет псковитяне не видали у себя архипастыря: святитель Василий, забыв их строптивость, приехал к ним с своим клиросом, благословил народ, чиновников и крестил сына у князя. Желая иметь еще надежнейшую опору, новогородцы подружились с Гедимином, несмотря на то, что он в сие время вступил в родственный союз с Иоанном Данииловичем, выдав за его сына, юного Симеона, дочь или внуку свою Августу (названную в крещении Анастасиею). Еще в 1331 году (как рассказывает один летописец) Гедимин, остановив архиепископа Василия и бояр новогородских, ехавших в Волынию, принудил их дать ему слово, что они уступят Нариманту, его сыну, Ладогу с другими местами в вечное и потомственное владение. Обстоятельство весьма сомнительное: в достовернейших летописях нет оного; и могло ли обещание, вынужденное насилием, быть действительным обязательством? Гораздо вероятнее, что Гедимин единственно изъявил новогородцам желание видеть Нариманта их удельным князем, обещая им защиту, или они сами вздумали таким образом приобрести оную, опасаясь Иоанна столь же, сколько и внешних врагов: политика не весьма согласная с общим благом государства Российского; но заботясь исключительно о собственных выгодах — думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, новогородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком. Как бы то ни было, Наримант, дотоле язычник, известил новогородцев, что он уже христианин и желает *поклониться Святой Софии.* Народное вече отправило за ним послов и, взяв с него клятву быть верным Новогороду, отдало ему Ладогу, Орехов, Кексгольм, всю землю Корельскую и половину Копорья *в отчину* и *в дедину,* с правом наследственным для его сыновей и внуков. Сие право

состояло в судебной и воинской власти, соединенной с некоторыми определенными доходами.

Однако ж новогородцы все еще старались утишить гнев великого князя и наконец в том успели посредством, кажется, митрополита Феогноста, с коим деятельный архиепископ Василий имел свидание в Владимире. Иоанн, возвратясь из Орды в Москву, выслушал милостиво их послов и сам приехал в Новгород. Все неудовольствия были преданы забвению. В знак благоволения за оказанную ему почесть и приветливость жителей, умевших иногда ласкать князя, Иоанн позвал в Москву архиепископа и главных их чиновников, чтобы за роскошное угощение отплатить им таким же. В сих взаимных изъявлениях доброжелательства он согласился с новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича из России и смирить псковитян, исполняя волю татар или следуя движению личной на него злобы. Условились в мерах, но отложили поход до иного времени.

Спокойные с одной стороны, новогородцы искали врагов в стенах своих. Еще и прежде, сменяя посадника, народ ограбил домы и села некоторых бояр: в сем году река Волхов была как бы границею между двумя неприятельскими станами. Несогласие в делах внутреннего правления, основанного на определениях веча или на общей воле граждан, естественным образом рождало сии частые мятежи, бывающие главным злом свободы, всегда беспокойной и всегда любезной народу. Половина жителей восстала на другую; мечи и копья сверкали на обоих берегах Волхова. К счастию, угрозы не имели следствия кровопролитного, и зрелище ужаса скоро обратилось в картину трогательной братской любви. Примиренные ревностию благоразумных посредников, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный летописец, умалчивая о вине сего междоусобия, говорит только, что оно было доказательством и гнева и милосердия Небесного, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и ненадолго. Чрез несколько времени опять упоминается в Новогородской летописи о возмущении, в коем пострадал один архимандрит, запертый и стрегомый народом в церкви как в темнице [1337 г.].

Согласие с великим князем было вторично нарушено походом его войска в Двинскую область. Истощая казну свою частыми путешествиями в корыстолюбивую Орду и видя, что новогородцы не расположены добровольно поделиться с ним сокровищами сибирской торговли, он хотел вооруженною рукою перехватить оные. Полки Иоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встреченные сильным отпором двинских чиновников, они не имели успеха и возвратились, потеряв множество людей. Сие неприятельское действие заставило новогородцев опять искать

дружбы псковитян чрез их общего духовного пастыря: архиепископ Василий отправился во Псков; но жители, считая новогородцев своими врагами, уже не хотели союза с ними: приняли владыку холодно и не дали ему обыкновенной так называемой судной *пошлины,* или десятой части из судебных казенных доходов. Напрасно Василий грозил чиновникам именем церкви и, следуя примеру митрополита Феогноста, объявил проклятие всему их городу. Псковитяне на сей раз выслушали оное спокойно, и разгневанный архиепископ уехал, видя, что они не верят действию клятвы, внушенной ему корыстолюбием или политикою и несогласной с духом христианства.

Впрочем, великий князь, испытав неудачу, оставил новогородцев в покое, встревоженный переменою в судьбе Александра Михайловича. Жив около десяти лет во Пскове, Александр непрестанно помышлял о своей отчизне и средствах возвратиться с безопасностию в ее недра. «Если умру в изгнании, — говорил он друзьям, — то и дети мои останутся без наследия». Псковитяне любили его, но сила не соответствовала их усердию: он предвидел, что новогородцы не откажутся от древней власти над ними, воспользуются первым случаем смирить сих ослушников, выгонят его или оставят там из милости своим наместником. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему тверского престола: ибо сей литовский князь избегал войны с ханом. Александр мог бы обратиться к великому князю; но, будучи им издавна ненавидим, надеялся скорее умилостивить грозного Узбека и послал к нему юного сына своего, Феодора, который (в 1336 году) благополучно возвратился в Россию с послом могольским. Привезенные вести были таковы, что Александр решился сам ехать в Орду и, взяв заочно благословение от митрополита Феогноста, отправился туда с боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный! — сказал он хану с видом покорности, но без робости и малодушия: — я заслужил гнев твой и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению Неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою». Свирепый хан смягчился, взглянул на него милостиво и с удовольствием объявил вельможам своим, что«князь Александр смиренною мудростию избавляет себя от казни». Узбек, осыпав его знаками благоволения, возвратил ему достоинство князя тверского.

Александр с восхищением прибыл [1338 г.] в свою отечественную столицу, где братья и народ встретили его с такою же искреннею радостию. Тверь, в 1327 году опустошенная моголами, уже возникла из своего пепла трудами и попечением Константина Михайловича; рассеянные жители собралися, и церкви, вновь

украшенные их ревностию к святыне, сияли в прежнем велелепии. Добрый Константин, восстановитель сего княжения, охотно сдал правление старшему брату, коего безрассудная пылкость была виною столь великого несчастия, и желал, чтобы он превосходством опытного ума своего возвратил их отчизне знаменитость и силу, приобретенные во дни Михаиловы. Александр призвал супругу и детей из Пскова, велев объявить его добрым гражданам вечную благодарность за их любовь, и надеялся жить единственно для счастия подданных. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумыий Иоанн[1] — видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости князей — с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную власть над князьями древних уделов владимирских и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром: так говорит один летописец, сказывая, что сей князь перевез было оттуда и древний вечевой колокол Успенской соборной церкви в Суздаль, но возвратил оный, устрашенный его глухим звоном. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным, Иоанн не дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностию хана, начал смелее повелевать князьями; выдал дочь свою за Василия Давидовича Ярославского, другую за Константина Васильевича Ростовского и, действуя как глава России, предписывал им законы в собственных их областях. Так московский боярин, или воевода, именем Василий Кочева, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове и казался истинным государем: свергнул тамошнего градоначальника, старейшего боярина Аверкия; вмешивался в суды, в расправу; отнимал и давал имение. Народ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что князья его лишились власти и что Москва тиранствует! Самые владетели рязанские долженствовали следовать за Иоанном в походах; а Тверь, сетуя в развалинах и сиротствуя без Александра Михайловича, уже не смела помышлять о независимости. Но обстоятельства переменились, как скоро сей князь возвратился, бодрый, деятельный, честолюбивый. Быв некогда сам на престоле великокняжеском, мог ли он спокойно видеть на оном врага своего? Мог ли не думать о мести, снова уверенный в милости ханской? Владетели удельные хотя и повиновались Иоанну, но с неудовольствием, и

---

[1] Иоанн — отец Димитрия Донского.

рады были взять сторону тверского князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого: так и поступил Василий Ярославский, начав изъявлять недоброжелательство тестю и заключив союз с Александром. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбия, и нужное для спокойствия государства, Иоанн решился низвергнуть опасного совместника.

В сие время многие бояре тверские, недовольные своим государем, переехали в Москву с семействами и слугами: что было тогда не бесчестною изменою, но делом весьма обыкновенным. Произвольно вступая в службу князя великого или удельного, боярин всегда мог оставить оную, возвратив ему земли и села, от него полученные. Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые вельможи завидовали: например, мы знаем, что к нему выехал из Курляндии во Псков какой-то знаменитый немец, именем Доль, и сделался первостепенным чиновником двора его. Сие могло быть достаточным побуждением для тверских бояр искать службы в Москве, где они без сомнения не старались успокоить великого князя в рассуждении мнимых или действительных замыслов несчастного Александра Михайловича.

Иоанн не хотел прибегнуть к оружию, ибо имел иное безопаснейшее средство погубить тверского князя: отправив юного сына, Андрея, к новогородцам, чтобы прекратить раздор с ними, он спешил в Орду [1339 г.] и взял с собою двух старших сыновей, Симеона и Иоанна, представил их величавому Узбеку как будущих надежных, ревностных слуг его рода; искусным образом льстил ему, сыпал дары и, совершенно овладев доверенностию хана, мог уже смело приступить к главному делу, то есть к очернению тверского князя. Нет сомнения, что Иоанн описал его закоснелым врагом моголов, готовым возмутить против него всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково. Царь, устрашенный опасностию, послал звать в Орду Александра, Василия Ярославского и других князей удельных, коварно обещая каждому из них, и в особенности первому, отменные знаки милости. Иоанн же, чтобы отвести от себя подозрение, немедленно возвратился в Москву ожидать следствий.

Хотя посол татарский всячески уверял Александра в благосклонном к нему расположении Узбековом, однако ж сей князь, опасаясь злых внушений Иоанновых в Орде, послал туда наперед сына своего, Феодора, чтобы узнать мысли хана; но, получив вторичный зов, должен был немедленно повиноваться. Мать, братья, вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитриеву. Казалось, что самая природа остерегала

несчастного князя: в то время, как он сел в ладию, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай казался народу бедственным предзнаменованием. Василий Михайлович проводил брата за несколько верст от города; а Константин лежал тогда в тяжкой болезни: чувствительный Александр всего более жалел о том, что не мог дождаться его выздоровления. — Вместе с тверским князем поехали в Орду Роман Михайлович Белозерский и двоюродный его брат, Василий Давидович Ярославский. Ненавидя последнего и зная, что он будет защищать Александра перед ханом, великий князь тайно отправил 500 воинов схватить его на пути; но Василий отразил их и ехал в Орду с намерением жаловаться Узбеку на Иоанна, своего тестя.

Юный Феодор Александрович, встретив родителя в улусах, со слезами известил его о гневе хана. «Да будет воля Божия!» — сказал Александр и понес богатые дары Узбеку и всему его двору. Их приняли с мрачным безмолвием. Прошел месяц: Александр молился Богу и ждал суда. Некоторые вельможи татарские и царица вступались за сего князя; но прибытие в Орду сыновей Иоанновых решило дело: Узбек, подвигнутый ими или друзьями хитрого их отца, без всяких исследований объявил, что мятежный, неблагодарный князь тверской должен умереть. Еще Александр надеялся: ждал вестей от царицы и, сев на коня, спешил видеть своих доброжелателей; узнав же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вместе с сыном причастился Святых Таин, обнял верных слуг и бодро вышел навстречу к убийцам, которые, отрубив голову ему и юному Феодору, *розняли их по составам!* Сии истерзанные остатки несчастных князей были привезены в Россию, отпеты в Владимире митрополитом Феогностом и преданы земле в тверской Соборной церкви, подле Михаила и Димитрия: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканные современниками и отмщенные потомством! Никто из ханов не умертвил столько российских владетелей, как сей: в 1330 году он казнил еще князя стародубского, Феодора Михайловича, думая, что сии страшные действия гнева царского утвердят господство моголов над Россиею. Оказалось следствие противное, и не хан, но великий князь воспользовался бедственною кончиною Александра, присвоив себе верховную власть над Тверским княжением: ибо Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем ослушаться Иоанна и как бы в знак своей зависимости должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол отменной величины, коим славились тверитяне. Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оного и что, способствуя единовластию князя

московского, он готовит свободу России и падение царства Капчакского.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнув Александра в несчастии и способствовав его изгнанию, тужили о погибели сего князя: ибо предвидели, что Иоанн, не имея опасного соперника, будет менее уважать их вольность. Между тем они старались обеспечить себя со стороны внешних неприятелей. Мир, в 1323 году заключенный со шведами, продолжался около пятнадцати лет. Король Магнус, владея тогда Норвегиею, распространил его и на сию землю, нередко тревожимую новогородцами, которые издавна господствовали в восточной Лапландии. Так они, по летописям норвежским, в 1316 и 1323 году опустошили пределы Дронтгеймской области, и папа Иоанн XXII уступил Магнусу часть церковных доходов, чтобы он мог взять действительнейшие меры для защиты своих границ северных от россиян. Вельможа сего короля, именем Гаквин, в 1326 году, июня 3, подписал в Новегороде особенный мирный договор, по коему россияне и норвежцы на десять лет обещались не беспокоить друг друга набегами, восстановить древний рубеж между обоюдными владениями, забыть прежние обиды и взаимно покровительствовать людей торговых. Но в 1337 году шведы нарушили мир: дали убежище в Выборге мятежным российским корелам; помогли им умертвить купцов ладожских, новогородских и многих христиан греческой Веры, бывших в Корелии; грабили на берегах Онежских, сожгли предместие Ладоги и хотели взять Копорье. В сей опасности новогородцы увидели худое к ним усердие Наримانта и бесполезность оказанной ему чести: еще и прежде (в 1335 году) — несмотря на его княжение в их области и на родственный союз Иоаннов с Гедимином — шайки литовских разбойников злодействовали в пределах Торжка: за что великий князь приказал своим воеводам сжечь в соседственной Литве несколько городов: Рясну, Осечен и другие, принадлежавшие некогда к Полоцкому княжению. Хотя сии неприятельские действия тем и кончились, однако ж доказывали, что дружба Гедимина с россиянами была только мнимая. Когда же новогородцы, встревоженные нечаянною ратию шведскою, потребовали Нариманта (бывшего тогда в Литве) предводительствовать их войском, он не хотел ехать к ним и даже вывел сына своего, именем Александра, из Орехова, оставив там одного наместника. Но шведы имели более дерзости, нежели силы: гордо отвергнув благоразумные предложения новогородского посадника Феодора, ушли от Копорья и не могли защитить самых окрестностей Выборга, где россияне истребили все огнем и мечом. Скоро начальник сей крепости дал знать новогородцам, что предместник его сам собою начал войну и что

король желает мира. Написали договор, согласный с ореховским и через несколько месяцев клятвенно утвержденный в Лунде, где послы российские нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы шведы выдали им всех беглых корелов; но Магнус не согласился, ответствуя, что сии люди уже приняли Веру латинскую и что их число весьма невелико. «Корелы, — сказал он, — бывают обыкновенно виною раздоров между нами; и так возьмем строгие меры для отвращения сего зла: впредь казните без милости наших беглецов; а мы будем казнить ваших, чтобы они своими злобными наветами не мешали нам жить в согласии».

Окончив дело с шведами, новогородцы отправили обыкновенную ханскую дань к Иоанну; но великий князь, недовольный ею, требовал с них еще вдвое более серебра, будто бы для Узбека. Они ссылались на договорные грамоты и на древние Ярославовы, по коим отечество их свободно от всяких чрезвычайных налогов княжеских. «Чего не бывало от начала мира, того и не будет, — ответствовал народ послам московским: — князь, целовав святой крест в соблюдении наших уставов, должен исполнить клятву». Прошло несколько времени: великий князь ждал вестей из Орды. Когда же хан отпустил его сыновей с честию и всех других князей с грозным повелением слушаться московского: тогда Иоанн объявил гнев Новугороду и вывел оттуда своих наместников, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величавого народа и решить вечную прю его вольности со властию княжескою. К счастию новогородцев, он должен был обратить силы свои к иной цели.

Хотя мы не видим по летописям, чтобы князья смоленские когда-нибудь ездили в Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повествователи наших государственных деяний, жив в других областях, вообще редко упоминают о Смоленске и его происшествиях. Возможно ли, чтобы княжение, столь малосильное, одно в России спаслося от ига, когда и Новгород, еще отдаленнейший, долженствовал повиноваться царю капчакскому? В Смоленске господствовал тогда Иоанн Александрович, внук Глебов, с коим Димитрий, князь брянский, в 1334 году имел войну. Татары помогали Димитрию; однако ж ни в чем не успели, и князья, пролив много крови, заключили мир. Вероятно, что хан не участвовал в предприятии Димитрия и что сему последнему служила за деньги одна вольница татарская; но Иоанн Александрович ободрился счастливым опытом своего мужества и, вступив в союз с Гедимином, захотел, кажется, совершенной независимости. По крайней мере Узбек объявил его мятежником, отрядил в Россию могольского воеводу, именем Товлубия, и дал повеление всем нашим князьям идти на Смоленск [1340 г.]. Владетель

рязанский, Коротопол, выступил с одной стороны, а с другой сильная рать великокняжеская. Под знаменами московскими шли Константин Васильевич Суздальский, Константин Ростовский, Иоанн Ярославич Юрьевский, князь Иоанн Друцкий, выехавший из Витебской области, и Феодор Фоминский, князь смоленского удела. Не имея особенной склонности к воинским действиям, Иоанн Даниилович остался в столице и вверил начальство двум своим воеводам. Казалось, что соединенные полки моголов и князей российских должны были одним ударом сокрушить державу смоленскую; но, подступив к городу, они только взглянули на стены и, не сделав ничего, удалились! Вероятно, что россияне не имели большого усердия истреблять своих братьев и что воевода Узбеков, смягченный дарами смолян, взялся умилостивить хана.

Сим заключилось достопамятное правление Иоанна Данииловича: остановленный в важных его намерениях внезапным недугом, он променял княжескую одежду на мантию схимника и кончил жизнь в летах зрелого мужества, указав наследникам путь к единовластию и к величию. Но справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть великокняжескую? Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики. Суд истории, единственный для государей — кроме суда Небесного, — не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога.

Несмотря на коварство, употребленное Иоанном к погибели опасного совместника, москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и государя-отца: ибо сей князь не любил проливать крови в войнах бесполезных, освободил великое княжение от грабителей внешних и внутренних, восстановил безопасность собственную и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден. Жители других областей российских, от него независимых, завидовали устройству, тишине Иоанновых, будучи волнуемы злодействами малодушных князей или граждан своевольных: так в Козельске один из потомков Михаила Черниговского, князь Василий Пантелеймонович, умертвил дядю родного Андрея Мстиславича; так владетель рязанский, Коротопол, возвращаясь из Орды перед смоленским походом, схватил по дороге родственника своего, Александра Михайловича Пронского, ехавшего к хану с данию, ограбил его и лишил жизни в нынешней Рязани; так брянцы, вследствие мятежного веча, умертвили (в 1340 году) князя Глеба Святосла-

вича, в самый великий для россиян праздник, в день Св. Николая, несмотря на все благоразумные убеждения бывшего там митрополита Феогноста.

Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок, или *калиту,* наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван *Калитою*[1]. Кроме собора Успенского им построены еще каменный Архангельский (где стояла его гробница и где с того времени погребали всех князей московских), церковь Иоанна Лествичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображения, древнейшая из существующих ныне и бывшая тогда архимандритиею[2], которую основал еще отец Иоаннов на берегу Москвы-реки при созданной им деревянной церкви Св. Даниила: Иоанн же перевел сию обитель к своему дворцу, любил более всех иных, обогатил доходами; кормил, одевал там нищих и в ней постригся пред кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, он окружил ее (в 1339 году) дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время *Кремник,* или *Кремль,* бывший внутреннею крепостию или, по старинному именованию, *детинцем.* В княжение Иоанна два раза горела Москва; были и другие несчастия: ужасное наводнение от сильного дождя и голод, названный в летописях *рослою рожью.* Но подданные, облаготворенные деятельным, отеческим правлением Калиты, не смели жаловаться на бедствия случайные и славили его счастливое время.

Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России северной. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (чрез Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками татарских разбойников: милостивые грамоты Узбековы, данные великому князю, служили щитом для путешественников и жителей. Открылись новые способы мены, новые торжища в России: так в Ярославской области, на устье Мологи, где существовал *Холопий городок,* съезжались купцы немецкие, греческие, италиянские, персидские, и казна в течение летних месяцев собирала множество пошлинного серебра, как уверяет один писатель XVII века: бесчисленные суда покрывали Волгу, а шатры — прекрасный, необозримый луг Моложский, и

---

[1] Калита — сума, кошель. Считается, что она была подарена Иоанну ордынским ханом.

[2] Эти храмы не сохранились.

народ веселился в семидесяти питейных домах. Сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия.

Добрая слава Калиты привлекла к нему людей знаменитых: из Орды выехал в Москву татарский мурза Чет, названный в крещении Захариею, от коего произошел царь Борис Федорович Годунов; а из Киева вельможа Родион Несторович, предок Квашниных, который был вызван Иоанном еще во время Михаила Тверского и привел с собою 1700 отроков, или детей боярских. Летописец рассказывает, что сей Родион, возведенный московским князем на первую степень боярства, возбудил зависть во всех других вельможах; что один из них, Акинф Гаврилович, не хотев уступить ему старшинства, бежал к Михаилу Тверскому, с сыновьями своими, оставив в *челядне,* или людской избе, новорожденного внука Михаила, прозванного *Челяднею;* что усердный Родион спас Иоанна Данииловича в битве с тверитянами под городом Переславлем, в 1304 году, зашедши им в тыл, и, собственною рукою отрубив голову Акинфу, привез оную на копье к князю; что Иоанн наградил его половиною Волока, а Родион отнял другую у новогородцев, выгнав их наместника, и получил за то от великого князя еще иную волость в окрестностях реки Восходни. Сии обстоятельства прописаны также в челобитной Квашнина, поданной царю Иоанну Васильевичу на Бутурлиных, потомков боярина Акинфа, во время несчастных споров о боярском старейшинстве.

Древняя русская пословица: *близ царя, близ смерти,* родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи моголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию царскою или по крайней мере с головою! Так Иоанн Даниилович, в начале своего великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою, которая преставилась монахинею в 1332 году. Сия древнейшая из подлинных духовных грамот княжеских, нам известных, свидетельствует, какие города принадлежали тогда к Московской области и как велико было достояние князей. После обыкновенных слов: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», Иоанн говорит: «Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю сию *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, в целом уме и совершенном здравии. Приказываю, в случае смерти, сыновьям моим город Москву: отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостями; Ивану Звенигород и Рузу; Андрею Лопастну, Серпухов, Перемышль; княгине моей с меньшими детьми села, бывшие в ее владении» (следуют имена их) ... «также оброк *городских волостей;* а купеческие пошлины, в оных собираемые, остаются

доходом наших сыновей. Ежели татары отнимут волость или село у кого из вас, любезные дети, то вы обязаны снова уравнять свои части или уделы. Люди *численые»* — то есть вольные, окладные, платившие дань государственную — «должны быть под общим вашим ведением; а в раздел идут единственно купленные мною. Еще при жизни дал я сыну Симеону из золота четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом и два ковша, а серебром три блюда; Ивану из золота четыре цепи, два пояса с жемчугом и с каменьями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши, а серебром три блюда; Андрею из золота четыре цепи, пояс фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку, третий ханский, два ковша, две чарки, а серебром три блюда. Золото княгинино отдал я дочери Фетинье: четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, *чело* и гривну[1]; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгине своей с меньшими детьми. Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую, Ивану желтую объяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами, Андрею шубу соболью с наплечками, низанными жемчугом, и портище алое с нашитыми бармами; а две новые шубы, низанные жемчугом, меньшим детям, *Марье* и Федосье. Серебряные поясы и другие одежды мои раздать священникам, а 100 рублей, оставленных мною у казначея, по церквам. Большое сребряное блюдо о четырех кольцах отослать в храм Владимирской Богоматери. Прочее серебро и княжеские стада — кроме двух, отданных мною Симеону и Ивану — разделить моей супруге и детям. Тебе, Симеон, как старшему, приказываю[2] меньших братьев и княгиню с дочерьми: будь им по Боге главным защитником. — Грамоту писал дьяк великокняжеский Кострома, при духовных отцах моих, священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия». — К грамоте привешены две печати: одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и Св. Иоанна Предтечи и с надписью: *печать Великого Князя Ивана;* а другая свинцовая. — В сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переславле и других городах, бывших достоянием великокняжеского сана: Иоанн, располагая только своею отчиною, не мог их отказать сыновьям, ибо назначение его преемника зависело от хана.

Исчисляя свои села, великий князь упоминает о купленных или вымененных им в Новегороде, Владимире, Костроме и Ростове: таким образом он старался приобретать наследственную

---

[1] Чело, гривна — украшения.

[2] Приказываю — т. е. отдаю на попечение.

собственность и вне Московской области, к неудовольствию других князей и вопреки условию, заключенному с новогородцами. Но еще несравненно важнейшим приобретением были города Углич, Белозерск и Галич[1], купленные Иоанном Данииловичем: первые два у потомков Константина I, а третий у наследников Константина Ярославича Галицкого, как сказано в одной из грамот Димитрия Донского: чему надлежало случиться незадолго до преставления Калиты. Однако ж сии уделы до времен Донского считались великокняжескими, а не московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных.

Мы имеем еще иную достопамятную грамоту времен Иоанновых, данную Василием Давидовичем Ярославским архимандриту Спасской обители. Сей князь пишет, что он, следуя примеру деда, Феодора Черного, определяет жалованье монастырским людям, в год по два рубля; освобождает их от всех налогов, также от *яма*, или подвод, от постоя и стражи; далее говорит: «Судии мои, наместники и тиуны, да не шлют *дворян* своих за людьми Св. Спаса без ведома игумена, который один судит их, или вместе с моим судиею, буде истец или ответчик не есть человек монастырский; в последнем случае часть денежной пени, налагаемой на виновного, идет в казну Св. Спаса, а другая в княжескую. Жители *иных* областей, перезванные игуменом в его ведомство, считаются людьми монастырскими; но работники их, приписанные к моим селениям, остаются под судом княжеским. Черноризцы и крылошане спасские, торгуя в пользу Святой обители, увольняются от пошлин: что однако ж не уничтожает древнего устава о перевозах и бобровых реках». Сия харатейная грамота скреплена черною восковой печатию и свидетельствует, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри в России, согласно с уважением наших добрых предков к иноческому сану и в противность намерению, с коим были учреждены первые христианские обители, основанные единственно для трудов душеспасительных и чуждые миру.

Наконец, описав княжение Иоанново, должны мы в последний раз упомянуть о Галиции как о *Российской* области. Внук Юрия Львовича, князь Георгий, скончался около 1336 года, не оставив детей, и хан прислал своих наместников в Галицию; но жители, по сказанию одного современного историка, тайно умертвили их и с дозволения ханского поддалися Болеславу, сыну Тройдена, князя мазовского, и Марии, сестры Георгиевой, зятю Гедиминову, обязав его клятвою не отменять их уставов, не касаться сокровищ

---

[1] Галич — Галич Суздальский.

государственных или церковных и во всех делах важных требовать согласия народного или боярского: без чего город Львов — где находилось сильное войско, составленное отчасти из моголов, армян и других иностранцев — не хотел покориться сему князю. Но Болеслав не сдержал слова. Воспитанный в греческом исповедании, он в угодность папе и королю польскому, своему родственнику, сделался католиком: ибо вера нашего отечества, утесненного, растерзанного, казалась ему уже несогласною с мирскими выгодами. Сего мало: изменив православию, Болеслав хотел обратить и подданных в латинскую Веру; сверх того угнетал их налогами, окружил себя немцами, ляхами, богемцами и, следуя прихотям гнусного сластолюбия, отнимал жен у супругов, дочерей у родителей. Такие злодеяния возмутили народ, и Болеслав умер скоропостижно, отравленный столь жестоким ядом, как уверяют летописцы, что тело его распалось на части. Казимир, свояк Болеславов, умел воспользоваться сим случаем и (в 1340 году) завладел Галициею, обещав жителям не теснить их Веры. Львов, Перемышль, Галич, Любачев, Санок, Теребовль, Кременец присягнули ему как законному государю, и сокровища древних князей галицких — богатые одежды, седла, сосуды, два креста золотые с частию Животворящего Древа и две короны, осыпанные алмазами — были отвезены изо Львова в Краков. Довольный сим успехом, король ограничил на время свое властолюбие и, заключив мирный договор с Литвою, уступил Кестутию, сыну Гедиминову, Брест, а Любарту, женатому на княжне владимирской, — Холм, Луцк и Владимир, как бы законное наследство его супруги. Так рушилось совершенно знаменитое княжение, или королевство Даниилово, и древнее достояние России, приобретенное оружием Св. Владимира, долго называемое *городами червенскими,* а после *Галичем,* было разделено между иноплеменниками.

Глава X

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИМЕОН ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАННЫЙ ГОРДЫЙ 1340—1353 гг.

Корыстолюбие моголов. Твердость Симеона Гордого. Свойства Ольгердовы. Сношения папы с Ордою. Убиение Коротопола. Дела псковские и новогородские. Постыдное дело новогородцев. Война с Магнусом. Псков — брат Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздел западной России. Ссора псковитян с Литвою. Ольгерд миротворец. Черная смерть. Земной рай. Белый клобук. Кончина Симеона. Великий князь всея Руси. Привидение. Завещание. Св. Алексий. Ссоры удельных князей. Обновление Мурома. Начало Троицкой лавры. Художества в России.

Смерть Иоаннова была важным происшествием для князей российских: они спешили к хану. Два Константина, Тверской и Суздальский[1], могли искать великого княжения: другие желали им успеха, боясь исключительного первенства московских владетелей. Но Симеон Иоаннович (во время кончины родителя быв в Нижнем Новегороде) также поехал с братьями в Орду; представил Узбеку долговременную верность отца своего, обещал заслужить милость царскую и был объявлен великим князем: прочие долженствовали ему повиноваться как главе или старейшему. Без сомнения, не красноречие юного Симеона и не дружба ханова к его родителю произвела сие действие, но другая, сильнейшая для варваров причина: корысть и подкуп. Моголы, некогда ужасные своею дикостию в снежных степях Татарии, изменились характером на берегах Черного моря, Дона и Волги, узнав приятности роскоши, доставляемые им торговлею образованной Европы и Азии; уже менее любили опасности битв и тем более удовольствие неги, соединенной с грубою пышностию: обольщались золотом как главным средством наслаждения. Любимцы прежних ханов искали завоеваний: любимцы Узбековы требовали взяток и продавали его милости; а князья московские, умножив свои доходы приобретением новых областей и новыми торговыми сборами, находили ревностных друзей в Орде, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбию ее вельмож и, называясь сми-

---

[1] Два Константина — Константин Михайлович, сын убитого в Орде Михаила Ярославича, и Константин Васильевич, сын Василия Андреевича, племянника Александра Невского.

ренным именем слуг ханских, сделались могущественными государями.

Симеон, в бодрой юности достигнув великокняжеского сана, умел пользоваться властию, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал ханов до уничижения, но строго повелевал князьями российскими и заслужил имя *Гордого.* Торжественно воссев на престол в Соборном храме владимирском, он при гробе отца клялся братьям жить с ними в любви, иметь всегда одних друзей и врагов; взял с них такую же клятву и скоро имел случай доказать твердость своего правления. Считая себя законным государем Новагорода, он послал наместников в Торжок для собрания дани. Недовольные сим действием самовластия, тамошние бояре призвали новогородцев, которые, заключив наместников княжеских в цепи, объявили Симеону, что он только государь московский; что Новгород *избирает* князей и не терпит насилия. Симеон, не споря с ними о правах, готовил войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали от себя новогородских чиновников и бояр своих, убив одного знатнейшего и разломав домы прочих; освободили наместников Симеоновых и усердными восклицаниями приняли великого князя, окруженного полками московскими, суздальскими, ярославскими и другими. Все удельные князья и бояре их составляли его двор воинский. Тут же был и митрополит Феогност. Встревоженные новогородцы велели областным жителям идти в столицу для ее защиты; послали архиепископа с боярами в Торжок требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую в области сего пограничного города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тем, что великий князь, следуя обыкновению, грамотою обязался наблюдать их древние уставы.

Согласив честь княжескую с обычаем народа вольного, Симеон распустил войско [1341 г.] и вдруг услышал, что Ольгерд, сын Гедиминов, князь витебский, осадил Можайск с намерением завоевать его для владетеля смоленского, союзника Литвы. Великий князь не успел сразиться с неприятелем: Ольгерд выжег предместие; но видя крепость города и мужество защитников, отступил, может быть и для того, что в сие время умер славный Гедимин, отказав каждому из семи сыновей особенный удел. Ольгерд, второй сын, превосходил братьев умом и славолюбием; вел жизнь трезвую, деятельную; не пил ни вина, ни крепкого меду; не терпел шумных пиршеств, и когда другие тратили время в суетных забавах, он советовался с вельможами или с самим собою о способах распространить власть свою.

В тот же год умер и знаменитый хан капчакский Узбек, памятный в нашей истории разорением Твери и бедствиями Михаилова рода, союзник и приятель папы Венедикта XII, который надеялся склонить его к христианству и коему он дозволял утверждать Веру латинскую в странах Черноморских, особенно в земле ясов, обращенных монахом римским Ионою Валентом; жена ханова и сын присылали дары Венедикту, и генуэзцы, жители Кафы, ездили к нему в качестве послов татарских. Но Узбек не думал изменить Алкорану, терпя христиан единственно как политик благоразумный. Сын его, Чанибек, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Веры, открыл себе путь к престолу [1342 г.] убиением двух братьев, и князья российские вместе с митрополитом долженствовали немедленно ехать в Орду, чтобы смиренно пасть пред окровавленным ее троном. С честию и милостию отпустив Симеона, хан долго держал митрополита, требуя, чтобы он, богатый доходами, серебром и золотом, ежегодно платил церковную дань татарам; но Феогност ссылался на льготные грамоты ханов, и Чанибек удовольствовался наконец шестьюстами рублей, даром единовременным: ибо — что достойно замечания — не дерзнул самовольно отменить устава своих предков; а Феогност за его твердость был прославлен нашим духовенством. Все осталось, как было при Узбеке; один князь пронский, Ярослав, сын убиенного Александра, милостию нового хана распространил свое владение. Гнусный убийца, Иоанн Коротопол, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндяком, вельможею Чанибека, Ярослав осадил Иоанна в столице: сей злодей ночью бежал, однако ж не избавился от казни; его умертвили чрез несколько месяцев. К сожалению, татары, будучи орудиями справедливой мести, не могли действовать бескорыстно: они хотели добычи и пленили многих жителей Переславля Рязанского. Ярослав княжил с того времени в Ростиславле (ныне селе на берегу Оки) и чрез два года умер; а наследники его — кажется, добровольно — уступили после сие приобретение сыну Коротопола, Олегу.

В отсутствие Симеона псковитяне воевали с ливонскими немцами, которые убили в Летгаллии послов их. Во Пскове начальствовал князь Александр Всеволодович, коего род нам неизвестен: отмстив немцам разорением сел в юго-восточной Ливонии, он уехал в Новгород, и псковитяне тщетно убеждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и новогородское правительство дать им наместника и войско. Так говорит их собственный летописец, прибавляя, что немцы заложили крепость Нейгаузен в границах России на берегу реки Пижвы; что псковитяне, взяв предместие Ругодива, или Нарвы (города, основанного датчанами в 1223 году), и слыша о сильных

вооружениях ордена, отправили в Витебск послов, которые сказали Ольгерду: «Братья наши, новогородцы, в злобе своей не помогают нам. Государь! Вступись за утесненных». Но летописец новогородский обвиняет псковитян в вероломстве: они сами, по его известию, выслали князя Александра Всеволодовича и, встретив новогородцев, шедших защитить их от рыцарей, советовали им возвратиться, уверяя, что опасность миновалась и что немцы строят крепость на своей земле. Сие было в начале весны: 20 июля Ольгерд как союзник явился во Пскове с дружиною и с братом Кестутием. Они думали идти в Ливонию; но рыцари, истребив их передовой отряд, вдруг осадили Изборск и, схватив племянника Гедиминова, Любка, изрубили его в куски. Огорченные смертию сего князя, Ольгерд и Кестутий отказались действовать для спасения осажденных, и жители, не имея ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы немцы не отступили от города, испуганные, как вероятно, слухом о литовской силе. Хотя псковитяне не могли быть весьма довольны союзником, однако ж молили Ольгерда снова принять Веру христианскую, им отверженную, и княжить в их области, надеясь, что в таком случае он будет уже верным ее защитником. Вместо себя Ольгерд дал им сына, именем Андрея, и позволил ему креститься; но как сей юный князь, оставив у них наместника, вслед за отцом уехал в Литву, то граждане для своей безпасности старались помириться с Новымгородом и признали верховную власть его над ними.

В сие время Новгород сам находился в обстоятельствах неблагоприятных. Пожары истребили большую часть оного: конец Неревский, Людин и Славянский; не уцелели ни дом архиепископа, ни мост, ни богатые церкви: Софийская, Борисо-Глебская и Сорока Мучеников. Люди бежали из домов и жили вне города, на поле, даже в лодках, непрестанно ожидая новых пожаров, так что архиепископ едва успокоил их церковными ходами и молебнами. Другого рода несчастие состояло в дерзости и междоусобии граждан. В начале Симеонова княжения толпа их удальцов опустошила Устюжну и волости Белозерские, которые зависели от великого князя. Еще в 1294 году один из знатных бояр новогородских, построив крепость близ границ эстонских, хотел там властвовать независимо: оскорбленное правительство велело срыть оную и сжечь его село. Сей пример должного наказания не мог обуздать своевольных: сын умершего посадника Варфоломея, именем Лука, набрал шайку бродяг и, разорив множество деревень в Заволочье, по Двине и Ваге, основал для своей безопасности городок Орлец на реке Емце. Его умертвили жители как разбойника; но чернь новогородская, преданная ему, думала, что он убит слугами посадника Феодора, и требовала мести.

Граждане разделились на два веча: одно было у Св. Софии за Луку, другое на дворе Ярослава за посадника. Архиепископ и наместник княжеский едва отвратили кровопролитие.

Однако ж новогородцы были готовы стоять всеми силами за псковитян, которые, в надежде на их дружбу, решились смелее воевать Ливонию, предводимые каким-то князем Иоанном и Евстафием Изборским. Они пять дней не сходили с коней, опустошая села вокруг Оденпе [1343 г.]. Магистр Бурхард гнался за ними до границы и с жаром начал битву, в коей россияне, утомленные и гораздо слабейшие числом, купили победу кровию некоторых лучших бояр своих, а немцы лишились славнейшего из их витязей, Иоанна Левенвольда. Между тем в Изборске и Пскове народ был в ужасе: один священник, прибежав с места битвы, объявил, что немцы умертвили всех россиян; но отправленные гонцы псковские нашли рать свою уже под стенами Изборска, где князья и воины отдыхали среди пленников и трофеев. Орден заключил мир с городом Псковом, ибо имел опасных неприятелей внутри собственных владений. Историк Ливонии говорит, что сия земля могла тогда справедливо назваться «небом дворян, раем духовенства, золотым рудником иностранцев и адом утесненных земледельцев». В 1343 году открылось всеобщее возмущение в Эстонии: народ умертвил множество датчан и немцев, осадил Ревель, взял крепость Эзельскую. Около двух лет продолжалась война кровопролитная: меч и голод истребили большую часть бедных жителей, и король датский за 19 000 марок серебра уступил немецкому ордену все права свои на Эстонию.

В Литве сделалась перемена. Сын Гедиминов, Евнутий, княжил в Вильне, Наримант в Пинске, Кестутий в Троках. Последний вступил в тесный союз в Ольгердом: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество [1345 г.] и неожидаемо взяли Вильну с другими городами. Евнутий ушел в Смоленск, Наримант к хану татарскому: Ольгерд же, присвоив себе господство над прочими братьями, сделался владыкою единодержавным. Устроив порядок внутри государства, сей князь обратил глаза на Россию: он слышал, что новогородцы явно поносят честь его; сверх того изгнанник Евнутий прибегнул к великому князю Симеону, крестился в Москве, названный христианским именем Иоанна, и хвалился дружбою россиян. Ольгерд вступил в область Шелонскую [1346 г.]: завоевал Опоку и берега Луги, взял 300 рублей дани с Порхова и велел сказать новогородцам: «Ваш посадник Евстафий осмелился всенародно назвать меня псом: обида столь наглая требует мести; иду на вас». Они вооружились, чтобы сразиться с Литвою. Но посадник имел врагов между согражданами, утверждавших, что безрассудно лить кровь

многих за нескромность одного чиновника; что лучше принести его в жертву отечеству и тем удовольствовать раздраженного Ольгерда. Другие, уже будучи в походе, согласились с ними и, возвратясь с пути, умертвили Евстафия на вече. Сие дело, противное народной чести, противное всем законам, есть одно из постыднейших в истории новогородской, буде летописцы не скрыли некоторых обстоятельств, уменьшающих его гнусность. Ольгерд был доволен уничижением гордейшего из народов российских и согласился на мир [1347 г.], чтобы воевать с немецким орденом, коего великий магистр чрез несколько месяцев одержал над Литвою блестящую победу, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сих городов сражались под знаменами Ольгерда.

Гораздо лучше и великодушнее поступили новогородцы в делах с Швециею. Король Магнус, легкомысленный, надменный, вздумал загладить грехи своего нескромного сластолюбия, услужить папе и прославиться подвигом благочестивым; собрал в Стокгольме государственный совет и предложил ему силою обратить россиян в латинскую Веру, требуя людей и денег. Сие намерение казалось совету достохвальным; но Швеция, истощенная корыстолюбием духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнул прикоснуться к церковным сокровищам, или *доходам Св. Петра;* презрел неудовольствие епископов и нанял многих немецких воинов. В сие время славилась там пророчествами и святостию вдовствующая супруга вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именем Бригитта: она, как вдохновенная Пифия, заклинала Магнуса не брать с собою развратных иноземцев, но идти на Россию с одними набожными шведами и готами, достойными воевать для успехов истины: в противном случае грозила ему бедствием. Король смеялся над ее предсказанием и, с войском многочисленным приплыв [1348 г.] к острову Березовому, или Биорку, послал объявить новогородцам, чтобы они избрали русских *философов* для прения со шведскими о Вере и приняли латинскую, если она будет найдена лучшею, или готовились воевать с ним. Архиепископ Василий, посадник, все чиновники и граждане, изумленные таким предложением, благоразумно ответствовали: «Ежели король хочет знать, какая Вера лучше, греческая или римская, то может для состязания отправить людей ученых к патриарху цареградскому: ибо мы приняли Закон от греков и не намерены входить в суетные споры. Когда же Новгород чем-нибудь оскорбил шведов, то Магнус да объявит свои неудовольствия нашим послам». Боярин Козма Твердиславич поехал для свидания с королем; но Магнус сказал ему, что он, не имея никаких причин к неудовольствию, желает только обратить россиян на путь душевного спасения, добровольно или оружием. Война началася. Шведы

приступили к Орехову, предлагая окрестным жителям на выбор смерть или папу. Сие безумное насилие воспалило гнев и мужество в новогородцах. Воины стекались к ним из областей в Ладогу. Хотя Орехов (где был еще наместник сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потеряв 500 человек в битве на берегах Ижеры, имея недостаток в съестных припасах, видя множество больных в своем войске и зная, что россияне идут со всех сторон окружить его флот на реке Неве, сей легкомысленный король уверился в истине Бригиттина предсказания, оставил несколько полков в Невской крепости и возвратился в отечество с одним стыдом и с десятью пленниками, в числе коих были Аврам тысячский и Козма Твердиславич, взятые в Орехове. Шведские летописцы говорят, что Магнус, овладев сим городком и неволею крестив жителей по обрядам римской церкви, *великодушно* освободил их; что они дали ему клятву склонить всех своих единоземцев к принятию латинской Веры, но *коварно* обманули его и действовали после как самые злейшие неприятели шведов и папы.

Великий князь, по-видимому, мало заботился о новогородцах, и только однажды (в 1347 году) жил у них три недели, призванный ими чрез архиепископа. Слыша о нападении шведов, он долго медлил; наконец выступил с войском, но возвратился в Москву за каким-то ханским делом и вместо себя велел идти в Новгород брату своему Иоанну с Константином Ростовским; а сии князья — сведав, что Орехов завоеван Магнусом, — немедленно ушли назад, *не приняв,* как говорит летописец, *архиепископского благословения, ни челобитья новогородского.* Вероятно, что не робость, но хитрые намерения политические были тому причиною: Симеон хотел, кажется, довести сей величавый народ до крайности и воспользоваться ею для утверждения своей власти над оным. — Князь оставляет нас, — говорили новогородцы: — возложим упование на Бога и на Святую Софию». Вспомогательная дружина псковская была в их стане под Ладогою: они хотели доказать свою благодарность за сие усердие и торжественно объявили, что знаменитый город Псков должен впредь называться *младшим братом Новагорода.* «Одна любовь и Вера да утвердят искренний, вечный союз между нами! — сказали новогородцы псковитянам: — не будем давать вам посадников; не будем требовать вас на суд к Св. Софии: правьте и рядите сами; а для суда церковного архиепископ изберет наместника из ваших сограждан». Таким образом отчизна Св. Ольги приобрела гражданскую независимость — и, к сожалению, запятнала себя черным делом неблагодарности. Когда новогородцы в августе месяце приступили к Орехову и, видя упорство шведов, решились зимовать в стане: псковитяне, не захотев терпеть ненастья и холода, объявили, что идут обратно в землю

свою, разоряемую немцами. Ливонские рыцари действительно, нарушив тогда мир, выжгли села на границе в области Изборской, Островской и самое предместие Пскова: следственно, обстоятельства извиняли псковитян, и новогородцы, согласные на их отступление, желали единственно, чтобы оно было ночью и чтобы неприятель не видал его; но чиновники псковские, в досаду великодушным благодетелям, вывели рать свою из стана в самый полдень, затрубили в трубы, ударили в бубны и тем порадовали шведов, которые, стоя на валу, громко смеялись. Оставленные великим князем и союзниками, новогородцы не уныли, сделали примет к стенам крепости, взяли оную 24 февраля [1349 г.], убив или пленив 800 неприятелей, и торжествовали сей успех как славное происшествие для отечества и веры. Они положили употребить отнятое ими у шведов серебро на украшение церкви Бориса и Глеба, отправили пленников в Москву к Симеону и, несмотря на худую верность псковитян, сдержали данное им слово, считая их с того времени уже не подданными, а совершенно вольными в избрании гражданских правителей. — Чтобы озаботить Магнуса с другой стороны его владений, новогородцы из Двинской земли ходили воевать Норвегию; разбили также шведов под Выборгом; наконец, заключив с ними мир в Дерпте, разменялись пленниками, с условием, чтобы область Яскиская, Эграпская и часть Саволакса принадлежали России: Систербек остался границею. Договор был подписан королем, графом Генриком Голштейнским, вельможами Турсоном, Геннингом, священником Вамундом и двумя готландскими купцами; также новогородским посадником Юрием, тысячским Авраамом и другими боярами. Хотя король в 1351 году замышлял новую войну против россиян и папа в угодность ему дозволил его витязям ознаменоваться святым крестом; но внутренние раздоры и несчастия Швеции не допустили сего ветреного монарха вторично безумствовать для мнимого душевного спасения.

Между тем великий князь был занят иными делами. Узнав, что Ольгерд, теснимый немцами, прислал к хану брата своего, Корияда, требовать помощи, Симеон внушил Чанибеку, что сей коварный язычник есть враг России, подвластной татарам, следственно и самих татар; а хан, убежденный представлениями московских бояр, выдал им Корияда с другими послами литовскими. Столь беззаконное действие могло справедливо раздражать Ольгерда; но вместо злобы, он изъявил Симеону желание быть его другом: ибо тогдашние обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новых неприятелей. Мы упоминали о мирном договоре Казимира Польского с Литвою, отдавшего Любарту и Кестутию всю западную Волынию с городом Брестом: переменив мысли, Казимир в 1349 году отнял у них сие владение, из милости дав

Любарту один Луцк, а некоторых частных князей российских, потомков Св. Владимира, оставив господствовать в их уделах как своих присяжников. Сие происшествие заставило Ольгерда и братьев его искать дружбы Симеоновой, тем естественнее, что король польский, ободренный успехами, вздумал быть гонителем церкви греческой, теснил духовенство в Волынии и православные церкви обращал в латинские. Граждане стенали: утратив государственную независимость, они еще умели крепко стоять за веру отцов и, гнушаясь насилием папистов, славили терпимость литовского правления; а глас народа единокровного громко отзывался в Москве. Нет сомнения, что и митрополит ревностно ходатайствовал за князей литовских — которые не мешали ему повелевать духовенством в Волынии – особенно же за Любарта, усердного сына нашей церкви. И так великий князь, согласно с общим желанием, не только освободил Корияда, взяв за него окуп, но вступил и в тесную связь с сыновьями Гедимина, утвержденную свойством: Любарт женился на ростовской княжне, племяннице Симеона; язычник Ольгерд на его свояченице Иулиании, дочери Александра Михайловича Тверского. Сие второе бракосочетание затрудняло совесть великого князя; но митрополит Феогност благословил оное, в надежде, как вероятно, что Ольгерд рано или поздно будет христианином, и с условием, чтобы его дети воспитывались в истинной Вере. Изгнанник Евнутий, покровительствуемый Россиею, мог безопасно возвратиться в отечество: братья дали ему удел в Минской области.

В то время, когда государь польский веселился и торжествовал свои успехи в Кракове, литовские князья в тишине собирали войско, имели тайные сношения с жителями Волынии и, желая еще более усыпить Казимира, обещали ему принять римскую Веру, так, что папа, Климент VI, уже готовился послать им знаки королевского сана. Но хитрость обнаружилась: уверенные в дружбе московского князя и пользуясь его содействием для умножения своих ревностных доброжелателей в юго-западной России, Ольгерд, Кестутий и Любарт ударили на поляков и выгнали их из Волынии. — С сего времени *четыре* народа спорили о древнем достоянии нашего отечества: о Галиции, Подолии и земле Волынской. *Моголы,* по сказанию флорентийского современного историка, изгнанные из своих жилищ голодом, около 1351 года ворвались в землю Брацлавскую, где властвовал один из российских князей. Людовик, король венгерский, его покровитель, старался вытеснить их оттуда: в 1354 году, вместе с Казимиром Великим, перешел за Буг и взял в плен юного князя татарского. Однако ж моголы еще несколько лет держались в окрестностях Днестра. *Венгрия* хотела присвоить себе Галицию

и наконец долженствовала уступить оную *Польше;* а князья *литовские* удерживали в своем подданстве большую часть других западных областей российских, до самого XVI века, когда Литва и Польша составили одно государство.

Несмотря на союз Гедиминовых сыновей с великим князем, псковитяне сделались неприятелями Литвы. Наместником Андрея Ольгердовича был у них вельможа княжеского рода, именем Юрий Витовтович, в 1349 году убитый немцами, в нечаянном набеге, под стенами Изборска: муж храбрый и благочестивый христианин, оплаканный народом и погребенный в Соборной церкви. Его кончина прервала связь граждан псковских с Литвою. Взяв крепость, заложенную немцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велели сказать князю Андрею: «Ты не хотел сам управлять нами: мы же не хотим теперь ни твоих наместников, ни тебя». Вследствие чего Ольгерд задержал купцов псковских, отняв у них товары; а сын его, Андрей, княживший тогда в Полоцке, опустошил несколько сел на реке Великой.

Но хитрый Ольгерд пользовался дружбою Симеона. Сведав, что великий князь, недовольный смоленским владетелем, союзником Литвы, намерен объявить ему войну, Ольгерд желал быть их миротворцем. Послы литовские нашли Симеона, провождаемого братьями и другими князьями, в Вышегороде, на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вместе с дружеским письмом от своего государя [1352 г.]. Великий князь уважил его ходатайство, но шел далее к реке Угре: там, встретив послов смоленских, он заключил мир и возвратился в Москву быть свидетелем и, как вероятно, жертвою ужасного гнева Небесного.

Еще в 1346 году был мор в странах Каспийских, Черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Ясской и Черкесской, в Орне при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сарае. Пишут, что сия жестокая язва, известная в летописях под именем *черной смерти*[1], началась в Китае, истребила там около тринадцати миллионов людей и достигла Греции, Сирии, Египта. Генуэзские корабли привезли оную в Италию, где, равно как и во Франции, в Англии, в Германии, целые города опустели. В Лондоне на одном кладбище было схоронено 50 000 человек. В Париже отчаянный народ требовал казни всех жидов, думая, что они сыплют яд в колодези. В 1349 году началась зараза и в Скандинавии; оттуда или из Немецкой земли перешла она во Псков и Новгород: в первом открылась весною 1352 года и свирепствовала до зимы с такою силою, что едва осталась треть жителей. Болезнь обна-

---

[1] Черная смерть – чума, эпидемия которой в XIV в. опустошила Европу и в немалой степени Азию.

руживалась железами в мягких впадинах тела; человек харкал кровию и на другой или на третий день издыхал. Нельзя, говорят летописцы, вообразить зрелища столь ужасного: юноши и старцы, супруги, дети лежали в гробах друг подле друга; в один день исчезали семейства многочисленные. Каждый иерей поутру находил в своей церкви 30 усопших и более; отпевали всех вместе, и на кладбищах уже не было места для новых могил: погребали за городом, в лесах. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающим в надежде спользоваться их наследством; когда же увидели, что язва сообщается прикосновением и что в самом имуществе зараженных таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сын убегал отца, брат брата. Напротив того некоторые изъявляли великодушие: не только своих, но и чужих мертвецов носили в церковь; служили панихиды и с усердием молились среди гробов. Другие спешили оставить мир и заключались в монастырях или отказывали церквам свое богатство, села, рыбные ловли; питали, одевали нищих и благодеяниями готовились к вечной жизни. Одним словом, думали, что всем умереть должно. — В сих обстоятельствах несчастные псковитяне звали к себе архиепископа Василия благословить их и вместе с ними принести жертву моления Всевышнему: как достойный пастырь церкви он спешил их утешить, презирая опасность. Встреченный народом со изъявлениями живейшей благодарности, Василий облачился в ризы святительские; взял крест и, провождаемый духовенством, всеми гражданами, самыми младенцами, обошел вокруг города. Иереи пели Божественные песни; иноки несли мощи; народ молился громогласно, и не было такого каменного сердца, по словам летописи, которое не изливалось бы в слезах пред Всевидящим Оком. Еще смерть не насытилась жертвами; но архиепископ успокоил души, и псковитяне, вкусив сладость христианского умиления, терпеливее ожидали конца своему бедствию: оно прекратилось в начале зимы [1352 г.].

Василий, без сомнения зараженный язвою, на возвратном пути скончался, к великому сожалению новогородцев и примиренных с ними псковитян. Сей архиепископ был отменно любим первыми: брал всегда ревностное участие в делах правления; строил не только храмы, но и мосты, нужные для удобного сообщения людей, и собственными руками заложил новую городскую стену на другой стороне Волхова; украсил Софийскую церковь медными, вызолоченными вратами и живописью греческою; славился также разумом: был учителем крестного сына своего, Михаила Александровича Тверского, и в образец тогдашних богословских понятий оставил нам письмо к епископу тверскому Феодору, доказывая в оном, что «рай и ад действительно существуют на

земле, вопреки мнению новых еретиков, которые признают их *мысленными* или духовными». Уважая гражданские и пастырские достоинства Василия, великодушно умершего для облегчения страждущих псковитян, осудим ли сего знаменитого мужа за то, что он искал рая на Белом море и верил, что некоторые путешественники новогородские видели оный издали? — Василий первый из архиепископов получил от митрополита *крещатые ризы* в знак отличия и *белый клобук,* как пишут, от патриарха цареградского, доныне хранимый в новогородской Софийской ризнице и прежде носимый в Греции теми святителями, которые были поставляемы из белого духовенства.

Скоро язва посетила и Новгород, где от 15 августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и в других областях российских: в Киеве, Чернигове, Смоленске, Суздале. В Глухове и Белозерске не осталось ни одного жителя. Таким образом от Пекина до берегов Евфрата и Ладоги недра земные наполнились миллионами трупов, и государства опустели. Иностранные историки сего бедствия сообщают нам два примечания: 1) везде гибло более молодых людей, нежели старых; 2) везде, когда зараза миновалась, род человеческий необыкновенно размножался: столь чудесна Природа, всегда готовая заменять убыль в ее царствах новою деятельностию плодотворной силы!

Летописцы наши сказывают, что *вся Россия* испытала тогда гнев Небесный: следственно и Москва, хотя они не упоминают об ней в особенности. Сие тем вероятнее, что в короткое время скончались там митрополит Феогност, великий князь, два сына его и брат Андрей Иоаннович. Симеон имел не более тридцати шести лет от рождения. Сей государь, хитрый, благоразумный, пять раз ездил в Орду, чтобы соблюсти тишину в государстве; пользуясь отменною благосклонностию хана, исходатайствовал для разоренного Тверского княжения свободу не платить дани моголам, и первый, кажется, именовал себя великим князем *всея Руси,* как то вырезано на его печати. Видя внезапную смерть пред собою, он постригся (названный именем Созонта) и духовным завещанием распорядил свое достояние. По кончине первой супруги в 1345 году Симеон сочетался браком с Евпраксиею, дочерию одного из смоленских князей, Феодора Святославича, управлявшего Волоком в сане наместника; но чрез несколько месяцев отослал ее к отцу, будто бы для того, что «она на свадьбе была испорчена и всякую ночь казалась супругу мертвецом». К общему неудовольствию и соблазну правоверных, Евпраксия вышла за князя фоминского, Феодора Красного; а Симеон женился в третий раз на княжне тверской, Марии Александровне, прижил с нею четырех сыновей, умерших в детстве, и в знак любви отказал ей наслед-

ственные и купленные им волости, Можайск, Коломну, все сокровища, золото, жемчуг и *пятьдесят верховых* коней. «Кто из бояр, — пишет великий князь, — захочет служить моей княгине, тот, владея нашими селами, обязан давать ей половину дохода. Всем людям, купленным или за вину взятым мною в рабство: сельских тиунам (прикащикам), старостам, ключникам или женатым на их дочерях, объявляю вечную свободу. — Вам, любезные братья» (ибо Андрей жил еще около шести недель) «поручаю супругу и бояр моих и приказываю то же, что нам отец приказывал: живите согласно, не переменяйте уставленного мною в делах государственных или судных; не внимайте клеветникам и ссорщикам; слушайтесь добрых, старых бояр и нашего владыки *Алексия»*. Сей знаменитый святитель был крестник Иоанна Данииловича, сын черниговского боярина, Феодора Бяконта, служившего еще отцу его, и назывался мирским именем Елевферия: в самой цветущей юности возненавидев свет, к огорчению родителей он постригся в московской обители Св. Богоявления, за добродетель свою получил сан митрополитова наместника и жил в одном доме с Феогностом, 12 лет управляя всеми делами церковными, между тем как митрополит ездил в Царьград, в Орду и в отдаленные епархии российские. Сии путешествия иногда не делали чести Феогносту: епископы обязывались щедро дарить его, сверх угощения, весьма для тих тягостного. Но Алексий не думал о мзде и с неутомимою деятельностию занимался только общим церковным благоустройством. Поставленный епископом Владимиру, он гласом народа и двора княжеского был назначен заступить место Феогноста, который, готовясь к смерти, писал о том к патриарху, а Симеон к императору, Иоанну Кантакузину. Митрополит отправил послами в Царьград Артемия Коробьина и Михаила Грека, Симеон Дементия Давидовича и Юрия Воробьина: они возвратились уже по кончине великого князя с благоприятным ответом, чтобы Алексий ехал в столицу империи для поставления. Еще при жизни Феогноста терновский[1] патриарх самовольно объявил митрополитом России какого-то инока Феодорита и прислал его в Киев с грамотою; но тамошнее духовенство не хотело иметь никакого дела с сим новым патриархом и единодушно отвергнуло Феодорита как самозванца.

Хотя Симеон умел быть действительно главою князей удельных, однако ж власть его не могла отвратить некоторых раздоров между ими. Константин Тверской ссорился с невесткою Анастасиею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыном

---

[1] Терновский — Тырновский, от г. Тырново в Болгарии, где был независимый от Константинополя патриархат.

ее, Всеволодом Холмским, насильственно захватывая их бояр и доходы. Огорченный Всеволод поехал с жалобами к великому князю и в Орду, вслед за дядею, который там и скончался. Хан — согласно, может быть, с волею Симеона — отдал Всеволоду Тверское княжение, а Василий Михайлович Кашинский, брат Константинов, взяв дань с Холма, спешил к моголам с богатыми дарами. Дядя и племянник встретились в городе Бездеже как неприятели: второй ограбил первого и, зная, что никто с пустыми руками не бывает прав в Орде, покойно сел на престоле Тверского княжения; но тамошний епископ Феодор убедил его примириться с дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмом. Тишина восстановилась: Симеон равно покровительствовал того и другого князя, будучи зятем Всеволода и тестем Михаила, сына Василиева; однако ж Василий не мог забыть своей обиды, изъявлял ненависть к племяннику и теснил его владение.

В государствование Симеона князь Юрий Ярославич Муромский обновил *древний* Муром, издавно запустевший, как сказывают летописцы: то есть он перенес сей город на его древнее место (в 1351 году), построив там дворец и многие церкви; бояре, купцы начали селиться вокруг дворца, и народ следовал их примеру. Сей Юрий, по Святом Глебе[1], есть достопамятнейший из муромских князей, о коих наша история говорит мало: ибо они жили тихо от недостатка в силах и со времен Андрея Боголюбского зависели более от великих князей владимирских, нежели от рязанских, хотя их удел издревле был областию Рязани.

К церковным достопамятностям сего времени принадлежит начало Троицкой лавры, столь знаменитой и по важным государственным делам, коих она была феатром. Один из бояр ростовских, Кирилл, с неудовольствием видя уничижение своего князя и самовольство московских чиновников в его земле при Калите, не хотел быть свидетелем оного и переехал в городок Радонеж, удел меньшего брата Симеонова, Андрея. Там охотно селились люди неизбыточные: ибо наместник княжеский давал им льготу и выгоды: Кирилл же, некогда богатый, от разных несчастий оскудел. Двое из юных сыновей его, Стефан и Варфоломей (названный в монашестве Сергием) искали убежища от мирских печалей в трудах святости: первый сделался игуменом Богоявленской обители в Москве, а второй, жив долго пустынником в лесах дремучих, среди безмолвного уединения и диких зверей, близ деревянной церкви Св. Троицы, им созданной, основал нынешнюю лавру: ибо слава о добродетели его привлекла

---

[1] По Святом Глебе — т. е. после Глеба Владимировича, который был убит в 1015 г. (см. т. II, гл. I).

к нему многих иноков. Строгая набожность и христианское смирение возвеличили Св. Сергия между современниками: митрополит, князья, бояре изъявляли к нему отменное уважение, и мы увидим сего благочестивого мужа исполнителем трудных государственных поручений.

Чем реже находим в летописях известия о состоянии художеств в древней России, тем оные любопытнее для историка. В княжение Симеоново были расписаны в Москве три церкви: собор Успенский, Архангельский и храм Преображения; первый греческими живописцами Феогноста митрополита, второй *российскими придворными, Захариею, Иосифом* и *Николаем* с товарищами, а третий иностранцем *Гойтаном.* В сие же время отличался в литейном искусстве россиянин Борис: он лил колокола в Москве и Новегороде для церквей соборных. Греция все еще имела тесную связь с Россиею, присылая нам не только митрополитов, но и художников, которые учили русских. Образованная Германия могла также способствовать успеху гражданских искусств в нашем отечестве. Заметим, что при Симеоне начали употреблять в России *бумагу,* на коей писан договор его с братьями и духовное завещание. Вероятно, что она шла к нам из Немецкой земли чрез Новгород.

Глава XI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН II ИОАННОВИЧ 1353—1359 гг.

Характер великого князя. Жестокость Олегова. Властолюбие Ольгерда. Междоусобия. Действия духовной власти в Новегороде. Убийство в Москве. Дела церковные. Добродетели Св. Алексия. Слова юного Димитрия. Смерть и завещание великого князя. Начало княжества Молдавского и Волошского.

Все князья российские поехали в Орду узнать, кто будет их главою; а новогородцы особенно послали туда боярина своего Судокова просить хана, чтобы он удостоил сей чести Константина Суздальского, благоразумного и твердого. Вопреки им, Чанибек избрал Иоанна Иоанновича Московского, тихого, миролюбивого и слабого.

Еще новый государь не возвратился из Орды, когда юный Олег Рязанский, сын Коротопола, овладев всем княжением своего отца, дерзнул восстать на Московское. Он хотел быть совершенно

независимым; хотел также отмстить за убиение в Москве предка его, Константина, и снова присоединить к Рязани берега Лопасни, где уже давно и бесспорно господствовали Калитины наследники. Сей предлог войны мог казаться отчасти справедливым; но юноша Олег, преждевременно зрелый в пороках жестокого сердца, действовал как будущий достойный союзник Мамаев: жег, грабил и, пленив лопаснинского наместника Иоаннова, не устыдился мучить его телесно; наконец дал ему свободу, взяв окуп и заслужив ненависть москвитян, хвалился любовию рязанцев, которые, приметив в нем смелость и решительность, в самом деле ожидали от него геройских подвигов.

Кроткий Иоанн уклонился от войны с Олегом, довольный освобождением своего наместника, и терпеливо сносил ослушание новогородцев, не хотевших быть ему подчиненными, до самого того времени, как суздальский князь, Константин Васильевич, ими любимый, скончался: тогда, уже не видя достойного соперника для великого князя, они приняли наместников Иоанновых; а Чанибек утвердил Нижний, Городец и Суздаль за сыном Константиновым, Андреем: ибо самое ближайшее право наследственное для владетелей российских не имело силы без ханского согласия. Так Иоанн Феодорович Стародубский по кончине старшего брата, Димитрия, ждал целый год грамоты Чанибековой, без коей он не мог назваться князем сего удела.

Время государей тихих редко бывает спокойно: ибо мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и мятежников внутренних. Ольгерд, выдав дочь свою за Бориса Константиновича Суздальского, брата Андреева, и женив племянника, Димитрия Кориядовича, на дочери великого князя, старался, несмотря на то, более и более стеснять Россию. Смоленск и Брянск уже давно зависели некоторым образом от литовского княжения, как союзник слабый обыкновенно зависит от сильного: еще не довольный сим правом, Ольгерд хотел совершенно овладеть ими и взял в плен юного князя Иоанна Васильевича, коего отец получил тогда от хана грамоту на удел брянский. Василий скоро умер, и сей несчастный город, быв долгое время жертвою мятежного безначалия, наконец (в 1356 году) поддался Литве. Чтобы открыть себе путь к Тверскому и Псковскому княжению, Ольгерд занял было своим войском и городок Ржев; но тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опасным намерением, спешили вооружиться и выгнали оттуда литовцев. С другой стороны Андрей Ольгердович, князь полоцкий, все еще злобствовал на псковитян, называя их вероломными изменниками: они также мстили ему за разбой разбоями в его области, предводимые мужественным Евстафием Изборским.

Внутри России Муром, Тверь и Новгород страдали от междоусобия. Мы упоминали о князе Юрии Ярославиче Муромском: родственник его Феодор Глебович, собрав многочисленную толпу людей (в 1355 году), изгнал Юрия, обольстив бояр и вместе с знатнейшими из них поехал искать милости ханской. Князь Юрий чрез неделю возвратился в Муром, взял остальных бояр и также отправился к Чанибеку. В Орде был торжественный суд между ими. Феодор превозмог: хан отдал ему не только княжение, но и самого Юрия, скоро умершего в несчастии. Сим первым и последним раздором князей муромских заключилась их краткая история; род оных исчез, и столица, как увидим, присоединилась к великому княжению.

Вражда между Василием Михайловичем Тверским и племянником его, Всеволодом Александровичем Холмским, не могла быть прекращена ни великим князем, ни митрополитом Алексием, желавшим усовестить их в Владимире, где они для того съезжались (в 1357 году). Василий, особенно покровительствуемый Иоанном, угнетал Всеволода, к огорчению доброго тверского епископа Феодора, хотевшего даже оставить свою епархию, чтобы не быть свидетелем сей несправедливости. Дядя требовал суда в Орде, узнав, что племянник, остановленный на пути великокняжескими наместниками, проехал туда через Литву – и хан (в 1358 году) без всякого исследования выдал бедного Всеволода послам Василия, который уже обходился с ним как с невольником, отнимал имение у бояр холмских и налагал тяжкие дани на чернь.

В Новегороде был великий мятеж по случаю смены посадника. Мы видели, что и Симеон мало входил в дела тамошнего внутреннего правления: Иоанн еще менее, и народ тем более самовольствовал, не уважая наместников княжеских. Граждане конца Славянского, из всех пяти знаменитейшего, вопреки общей воле оставили посадника Андреяна; пришли в доспехах на двор Ярославов, разогнали других граждан невооруженных, даже умертвили некоторых бояр, и выбрали Сильвестра на место Андреяново. Софийская сторона хотела отмстить Славянской: обе готовились к войне. В таких случаях одна духовная власть еще не теряла прав своих и могла смягчать сердца, ожесточенные злобою. Владыко Моисей, схимник, просьбою народа изведенный из двадцатилетнего уединения, чтобы вторично править церковию, и за болезнию принужденный возвратиться в оное; новый архиепископ Алексий, по жребию избранный из ключников Софийских; архимандрит юрьевский, игумены явились среди шумного стана воинского: ибо таковым казался весь город. Старец Моисей, опасностию отечества как бы вызванный уже из гроба, благословлял народ, именуя всех своими любезными детьми духовными, и

молил их не проливать крови братьев. Мятеж утих; самые неистовые с умилением внимали гласу святого отшельника, стоявшего на праге смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновников действия насильственного и беззаконного: села честолюбивого Сильвестра и других вельмож Славянского конца были *взяты на щит,* то есть разорены по определению веча. Пострадали и невинные: ибо осторожная рассмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На место Сильвестра избрали нового посадника, и город успокоился.

В самой тихой Москве, не знакомой с бурями гражданского своевольства, открылось дерзкое злодеяние, и дремлющее правительство оставило виновников под завесою тайны. Тысячский столицы, именем Алексей Петрович, важнейший из чиновников и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, был в час заутрени найден мертвый среди городской площади, со всеми признаками убиенного — кем? неизвестно. Говорили явно, что он имел участь Андрея Боголюбского и что ближние бояре, подобно Кучковичам, умертвили его вследствие заговора. Народ встревожился: угадывали злодеев; именовали их и требовали суда. В самое то время некоторые из московских вельмож — опасаясь, как вероятно, торжественного обвинения — уехали с семействами в Рязань к Олегу, врагу их государя, и слабый Иоанн, дав время умолкнуть общему негодованию, снова перезвал оных к себе в службу.

Даже церковь российская в Иоанново время представляла зрелище неустройства и соблазна для христиан верных. В год Симеоновой кончины архиепископ новогородский, Моисей, отправил посольство к греческому царю и к патриарху жаловаться на беззаконное самовластие митрополита: вероятно, что дело шло о церковных сборах, коими наши митрополиты отягчали духовенство, называя оные учтивым именем даров. Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились с дружественными грамотами от императора Иоанна Кантакузина и патриарха Филофея, украшенными *златою печатию,* как сказано в летописи. Содержание грамот нам неизвестно; но кажется, что Филофей, как хитрый грек, отделался только ласковыми словами: ибо не хотел ссориться с российскими митрополитами, которые никогда не ездили в Царьград без даров богатых. В знак особенного уважения к святителю Моисею он прислал ему *крещатые ризы,* или *полиставрион.*

Сия жалоба новогородского духовенства на главу церкви — вынужденная сребролюбием предместника Алексиева, Феогноста — оскорбляла достоинство митрополитов. Другое происшествие сделало еще больше соблазна. Патриарх Филофей, вместо одного законного митрополита для России, поставил в Константинополе

двух: Св. Алексия, избранного великим князем, и какого-то Романа (вероятно, грека). Сия новость изумила наше духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо митрополиты были не согласны между собою: Роман же, обязанный святительством действию корысти, всего более думал о своих доходах и требовал серебра от епископов. Св. Алексий — *не искав чести,* по словам летописи, *но от чести взысканный* — вторично отправился в Константинополь с жалобами на беспорядок дел церковных, и Филофей, желая примирить совместников, объявил его митрополитом киевским и владимирским, а Романа литовским и волынским. Несмотря на то, сей последний без дозволения Алексиева жил несколько времени в Твери и вмешивался в дела епархии, призванный, кажется, Всеволодом Холмским, который сам ездил тогда в Литву. Роман заслужил его благодарность, убедив (в 1360 году) князя Василия Михайловича отдать племянникам третью часть Тверского княжения; был осыпан почестями и дарами при дворе, но не мог склонить на свою сторону епископа Феодора, не хотевшего иметь с ним никакого сношения.

Алексий же, более и более славясь добродетелями, имел случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая в тяжкой болезни, требовала его помощи. Хан писал к великому князю: «Мы слышали, что Небо ни в чем не отказывает молитве главного *попа* вашего: да испросит же он здравие моей супруге!» Св. Алексий поехал в Орду с надеждою на Бога и не обманулся: Тайдула выздоровела и старалась всячески изъявить свою благодарность. В сие время ханский посол Кошак обременял российских князей беззаконными налогами: милость царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибек — как называют его наши летописцы — жил недолго. Завоевав в Персии город Таврис (основанный любимою супругою славного калифа, Гарун-Алрашида, Зебеидою) и навьючив 400 вельблюдов взятыми в добычу драгоценностями, сей хан был (в 1357 году) злодейски убит сыном Бердибеком, который, следуя внушениям вельможи Товлубия, умертвил и 12 братьев. Митрополит, очевидец столь ужасного происшествия, едва успел возвратиться в Москву, когда Бердибек прислал вельможу Иткара с угрозами и с насильственными требованиями ко всем князьям российским. Они трепетали, слыша о жестоком нраве его: Св. Алексий взял на себя укротить сего тигра; снова поехал в столицу капчакскую и посредством матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовал милость для государства и церкви. Великий князь, его семейство, бояре, народ встретили добродетельного митрополита как утешителя Небесного, и — что было всего трогательнее — осьмилетный сын Иоаннов,

Димитрий[1], в коем расцветала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви к Алексию, проливая слезы, говорил ему с необыкновенною для своего нежного возраста силою: О владыко! Ты даровал нам *житие мирное:* чем изъявим тебе свою признательность?» Столь рано открылась в Димитрии чувствительность к заслугам и к благодеяниям государственным! — Успокоив Россию, митрополит жил два года в Киеве, оставленном его предместниками, среди развалин и печальных следов долговременного запустения стараясь обновить церковное устройство и велелепие храмов.

Иоанн надеялся княжить мирно; но скоро царевич татарский, Мамат-Хожа, приехал в Рязань и велел объявить ему, что время утвердить законный рубеж между княжением Олеговым и Московским: то есть корыстолюбивый царевич, уже славный злодеяниями насилия, хотел грабить в обеих землях под видом размежевания оных. Великий князь, ссылаясь на грамоты ханские, ответствовал, что он не впустит посла в московские области, коих границы известны и несомнительны. Ответ смелый; но Иоанн знал, что Мамат-Хожа действует самовольно, без особенного ханского повеления; знал, может быть и то, что Бердибек уже недоволен сим вельможею, который скоро долженствовал возвратиться в Орду и заплатил там жизнию за убиение какого-то любимца царева.

Княжив 6 лет, Иоанн скончался монахом на тридцать третьем году от рождения [13 ноября 1359 г.], оставив по себе имя *Кроткого,* не всегда достохвальное для государей, если оно не соединено с иными правами на общее уважение. — Подобно отцу и брату, он написал духовную, в коей приказывает Москву двум юным сыновьям, Димитрию и Иоанну, уступая треть ее доходов шестилетнему племяннику, Владимиру Андреевичу, и веля им вообще блюсти, судить и рядить земледельцев свободных, или *численных* людей; отдает супруге Александре разные волости и часть московских доходов, а Димитрию Можайск и Коломну с селами, Иоанну Звенигород и Рузу; утверждает за Владимиром Андреевичем удел отца его, за вдовствующею княгинею Симеона и Андреевою, именем Иулианиею, данные им от супругов волости, с тем, чтобы после Иулиании наследовали сыновья великого князя и Владимир Андреевич, а после Марии один Димитрий. Из драгоценностей оставляет Димитрию икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, саблю и шишак золотые; Иоанну также саблю и шишак,

---

[1] Д и м и т р и й — будущий Дмитрий Донской.

жемчужную серьгу, стакан цареградский, а двум будущим зятьям по золотой цепи и поясу; отказывает, вместо *руги*[1], некоторую долю княжеских прибытков церквам Богоматери на Крутицах, Успенской и Архангельской в Москве; дает волю казначеям своим, сельским тиунам, дьякам, всем купленным людям, и проч.

Достопамятным случаем Иоанновых времен, связанным с нашею историею, было происхождение нынешней Молдавской области, где в течение семи веков, от третьего до десятого, толпились полудикие народы Азии и Европы, изгоняя друг друга и стремясь грабить империю Греческую.

Нестор говорит, что славяне российские, лутичи и тивирцы, издавна жили по Днестру до самого моря и Дуная, имея селения и *города.* Князья галицкие во XII веке без сомнения владели частию Бессарабии и Молдавии, где обитали тогда, под именем волохов, остатки древних гетов, смешанных с римскими поселенцами первого столетия, также некоторые печенеги и половцы. Заметим еще, что в российской географии XIV века именованы Белгород (или Акерман), Романов, Сучава, Серет, Хотин, в числе *наших старинных* городов. Падение Галицкого княжения оставило Молдавию в жертву татарам, и сия земля, граждански образованная россиянами, снова обратилась в печальную степь: города и селения опустели. Когда же моголы, устрашенные счастливым оружием Людовика Венгерского, около половины XIV века удалились от Дуная: тогда волохи, предводимые Богданом или Драгошем, жив прежде в Венгрии, в Мармаросском графстве, явились на берегах Прута, нашли там еще многих *россиян* и поселились между ими на реке *Молдаве;* сперва угождали им и сообразовались с их гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконец же сии гости столь размножились, что вытеснили хозяев и, возобновив древние наши города, составили особенную независимую державу, названную *Молдавиею,* коею управляли наследники Богдановы под именем воевод и где язык наш до самого XVII века был не только церковным, но и судебным, как то свидетельствуют подлинные грамоты молдавских господарей. Таким же образом произошло и княжение Волошское, но еще ранее: Нигер, если верить преданию, во XII или в XIII столетии вышедши из Трансильвании со многими своими единоземцами, волохами, основал Терговисто, Бухарест и властвовал там до конца жизни; преемниками его были другие, избираемые народом воеводы, которые зависели иногда от сильных государей венгерских.

---

[1] Руга — годичное содержание попу и причту от прихода.

20 Зак. № 38

Глава XII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ 1359—1362 гг.

Царевичи могольские христианской Веры. Наследственное право. Приобретения Ольгердовы. Мятежи в Орде. Суд князей с болгарами. Москва удерживает право великого княжения. Отрок Димитрий.

В одно время с великим князем Иоанном Иоанновичем умер и хан Бердибек, быв жертвою своего гнусного распутства, и Кульпа, родственник его, воцарился, имея двух сыновей христианской Веры, Иоанна и Михаила, обращенных, может быть, римскими миссионерами или нашим епископом сарайским. Сие важное обстоятельство казалось весьма благоприятным для христиан; но Кульпа властвовал только 5 месяцев и погиб вместе с сыновьями, убитый Наврусом, одним из потомков Чингисова сына, Туши-хана. Князья России явились в Орде с дарами, и новый царь дал великое княжение Димитрию Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, как сказано в некоторых летописях, не захотел сей чести. Современники удивились такой несправедливости, рассуждая, что сын, и еще меньший, не может требовать достоинства, коего не имели ни отец, ни дед его, и что оно принадлежит роду князей московских: мнение, основанное единственно на обычае; в самом же деле Андрей и Димитрий Константиновичи были коленом ближе к Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолетство последних также удаляло их от главного престола российского, окруженного опасностями и заботами.

Избранный ханом великий князь въехал [22 июня 1360 г.] в Владимир, к удовольствию жителей обещая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Он надеялся, как вероятно, перезвать туда и митрополита; но Алексий, благословив его на княжение, возвратился в Москву, чтобы исполнить обет святителя Петра и жить близ его чудотворного гроба. — Новгород, не любя и боясь самовластия князей московских, охотно принял наместников Димитрия Константиновича; а Димитрий, желая только пользоваться княжескими доходами, согласился на все предложенные ему там условия. — В сие время новогородцы не имели войны, однако ж старались более и более укреплять столицу: взяли казну Софийскую, собранную архиепископом Моисеем, и поправили каменные городские стены. Духовенство не роптало

на такое употребление церковного серебра, рассуждая благоразумно, что отечество и Святая София не раздельны и что безопасность первого утверждает благосостояние церкви. Немцы и шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгерд устрашал его и всю Россию, непрестанно думая о завоеваниях. По кончине Иоанна Александровича Смоленского он взял город Мстиславль и Ржев; овладел еще прежде Белым, осаждал даже в Смоленске Иоаннова сына, князя Святослава, и беспокоил Тверскую область. Россия, с тайным удовольствием видя междоусобие моголов, в то же время опасалась быть жертвою литовского завоевателя.

Царство Капчакское явно клонилось к падению: смятение, измены, убийства изнуряли его внутренние силы. Один из полководцев, именем Хидырь, кочевав за рекою Уралом, пришел на берега Волги, обольстил вельмож ордынских, убил Навруса, царицу Тайдулу и сделался великим ханом. Еще князья наши рабски повиновались сим хищникам: Константин Ростовский выходил в Орде грамоту на всю наследственную область свою, а Димитрий Иоаннович, внук Давида Галицкого, на *Галич,* хотя сей удел был куплен Иоанном Данииловичем Калитою. Великий князь, брат его Андрей Нижегородский и Константин Ростовский долженствовали пред ханским послом судиться в Костроме с болгарами, ограбленными шайкою наших разбойников: князья, отыскав виновных, выдали их и сами поехали в Орду с данию. Но Хидырь уже плавал в крови своей, убиенный сыном Темирхожею [1361 г.]. Сей злодей царствовал спокойно только шесть дней; в седьмой открылся бунт: темник Мамай, сильный и грозный, возмутил Орду, умертвил Темирхожу, перешел с луговой на правую сторону Волги и назвал ханом какого-то Авдула. Явились и другие цари: Кальдибек, мнимый сын Чанибеков, хотел заступить место отца, но скоро погиб; многие вельможи заключились в Сарае с ханом Мурутом, братом Хидыревым; князь Булактемир овладел землею болгарскою, а Тагай Бездежский мордовскою (где ныне город Наровчат). Они резались между собою в ужасном остервенении; тысячи падали в битвах или гибли в степях от голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителем или тираном России, и спешили удалиться от феатра убийств; некоторые были ограблены в столице ханской, другие на возвратном пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрий Иоаннович Московский также находился в Орде, но успел выехать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая княгиня Александра, митрополит Алексий и верные бояре пеклися о благе отечества и государя: действуя по их внушениям, сей отрок объявил себя тогда соперником Димитрия Суздальского в достоинстве великокняжеском

и звал его на ханский суд, чтобы решить дело без кровопролития. Царство Капчакское уже разделилось; но кто господствовал в Сарае, тот казался еще законным ханом Орды, и бояре московские вместе с суздальскими отправились к Муруту. Вероятно, что сия честь удивила его: угрожаемый со всех сторон опасностями, теснимый свирепым Мамаем и будучи на троне Батыевом только призраком могущества, имел ли он право располагать иными державами? Однако ж, представляя лицо древних ханов, Мурут судил послов и признал малолетнего Димитрия Иоанновича главою князей российских, для того, как вероятно, что, соединяя знаменитую Московскую державу с областями великого княжения, надеялся воспользоваться его силами для утверждения собственного престола.

Но как сей хан мог послать только грамоту, а не войско в Россию, то князь суздальский не уважил его суда и не хотел выехать ни из Владимира, ни из Переславля Залесского. Надлежало прибегнуть к оружию. Все бояре московские, одушевленные ревностию, сели на коней и выступили под начальством трех юных князей, Димитрия Иоанновича, меньшего брата его и Владимира Андреевича. Бывший великий князь не ожидал того: по крайней мере не дерзнул обнажить меча и бежал в Суздаль; а Димитрий Московский занял Переславль, с обыкновенными обрядами сел на трон Андрея Боголюбского в Владимире, жил там несколько дней и, возвратясь в Москву, распустил войско: ибо не думал гнать своего предместника, оставив его спокойно княжить в уделе наследственном.

Таким образом слабая рука двенадцатилетнего отрока взяла кормило государства раздробленного, теснимого извне, возмущаемого междоусобием внутри. Иоанн Калита и Симеон Гордый начали спасительное дело Единодержавия: Иоанн Иоаннович и Димитрий Суздальский остановили успехи оного и снова дали частным владетелям надежду быть независимыми от престола великокняжеского. Надлежало поправить расстроенное сими двумя князьями и действовать с тем осторожным благоразумием, с тою смелою решительностию, коими не многие государи славятся в истории. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось немало времени для приведения их в зрелость, и государство успело бы между тем погибнуть, если бы Провидение не даровало Димитрию пестунов и советников мудрых, воспитавших и юного князя и величие России.

Конец IV тома

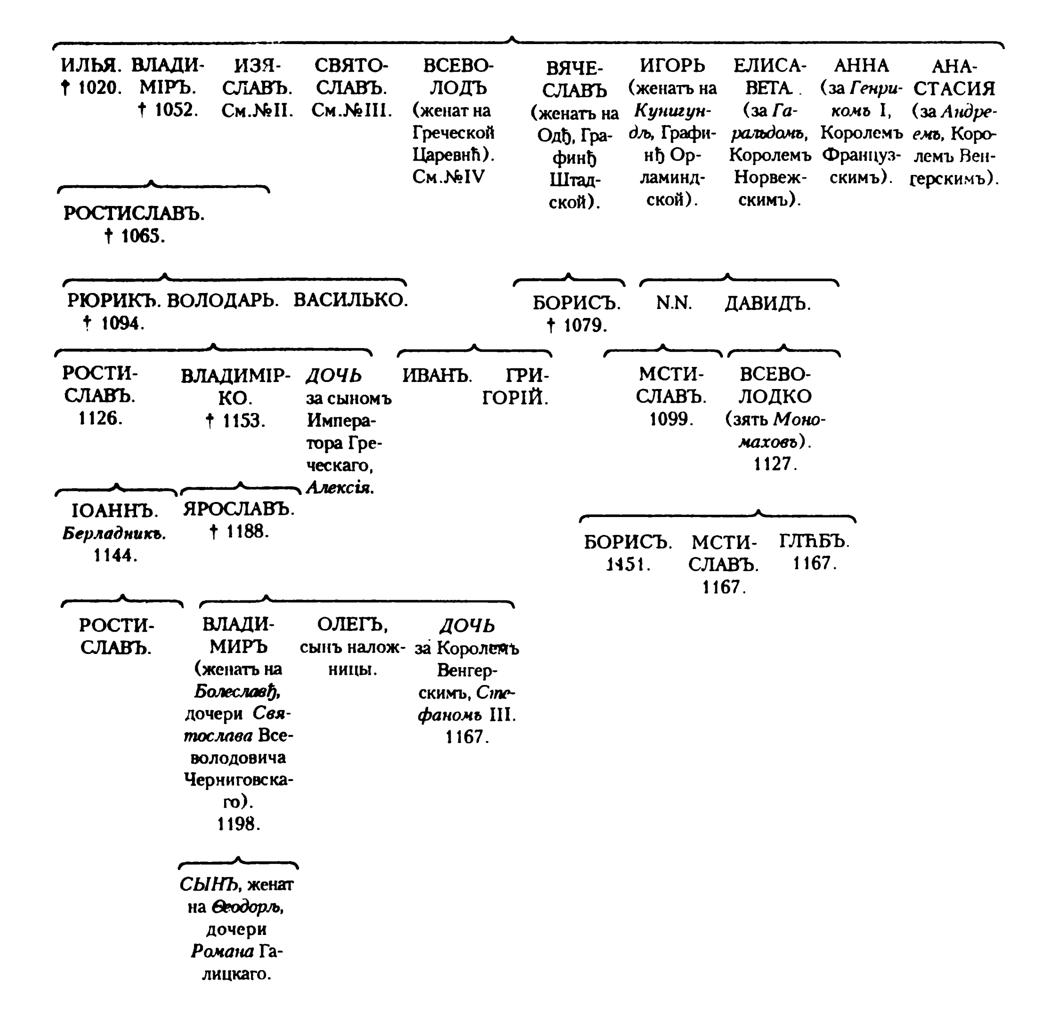
РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

составленныя Карамзинымъ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинить полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (†), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается. – *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая; третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

РОСПИСЬ I.
ЯРОСЛАВЪ ВЕЛИКІЙ.

РОСПИСЬ II.
ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

МСТИСЛАВЪ.	СВЯТОПОЛКЪ - МИХАИЛЪ.	ЕВПРАКСІЯ (за сыномъ Болеслава II).	ЯРОПОЛКЪ.

Дети Мстислава:

- РОСТИСЛАВЪ. 1093.

Дети Святополка-Михаила:

- МСТИСЛАВЪ (отъ наложницы). 1099.
- БРЯЧИСЛАВЪ. † 1127.
- ЯРОСЛАВЪ, или Ярославецъ. † 1123.
- ИЗЯСЛАВЪ. † 1127.
- СБЫСЛАВА (за Болеславомъ Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ). 1102.
- ПЕРЕДСЛАВА (за сыномъ Коломана, Короля Венгерскаго). 1104.

Дети Ярополка:

- ЯРОСЛАВЪ. † 1102.
- ВЯЧЕСЛАВЪ. † 1105.

Дети Ярослава Святополковича:

- ЮРІЙ (женатъ на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). 1144.
- ВЯЧЕСЛАВЪ. 1127.

Дети Юрия:

- ЯРОПОЛКЪ. 1190.
- ИВАНЪ. 1166.
- СВЯТОПОЛКЪ. 1168.
- ГЛѢБЪ. 1185.
- ЯРОСЛАВЪ. 1185.
- МАЛЬФРИДА (за Всеволодомъ, сыномъ Ярослава Изяславича, внука Мстислава Великаго).
- АННА, супруга Рюрикова.

РОСПИСЬ
СВЯТОСЛАВЪ, СЫНЪ

ГЛѢБЪ. † 1078.

ДАВИДЪ.

ЯРОСЛАВЪ. См № VIII.

ИЗЯСЛАВЪ. 1161.

ДОЧЬ (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, внукомъ Мономаха.) 1154.

СВЯТОША. 1099-1106.

ДОЧЬ (за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха.)

ВЛАДИМІРЪ. (ж. на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). † 1151.

СВЯТОСЛАВЪ. (зять Боголюбскаго). † 1166.

РОСТИСЛАВЪ. † 1120.

СВЯТОСЛАВЪ. (ж. на дочери Василька Полоцкаго). † 1194.

РОСТИСЛАВЪ. 1147.

РОСТИСЛАВЪ. (ж. на Всеславѣ, дочери Всеволода Великаго). 1187

ЯРОСЛАВЪ. † 1200.

ЯРОПОЛКЪ. 1197. 1214.

ГЛѢБЪ. 1185-1205.

ЕВФИМІЯ (за Царевичемъ Греческимъ Алексіемъ, сыномъ Исаакія). 1194.

МСТИСЛАВЪ. 1239.

ВЛАДИМІРЪ. (зять Михаила Суздальскаго). 1176-1182.

ОЛЕГЪ. 1176-1204.

ДАВИДЪ 1190.

БОРИСЪ. 1166.

ВСЕВОЛОДЪ Чермный, (ж. на Маріи, дочери Казимира, К. Польскаго). † 1215.

ДОЧЬ (за Киръ-Михаиломъ Рязанскимъ).

ДОЧЬ (за Георгіемъ, сыномъ Всеволода Великаго). 1211.

Св. МИХАИЛЪ Черниговскій. † 1246.

РОСТИСЛАВЪ (зять Белы, Короля Венгерскаго).

БЕЛА.

МИХАИЛЪ.

АГРИППИНА (за Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ).

РОМАНЪ Брянскій.

МСТИСЛАВЪ Карачевскій.

СИМЕОНЪ Глуховскій.

ДОЧЬ (за Романомъ Глѣбовичемъ Рязанскимъ).

III.
ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

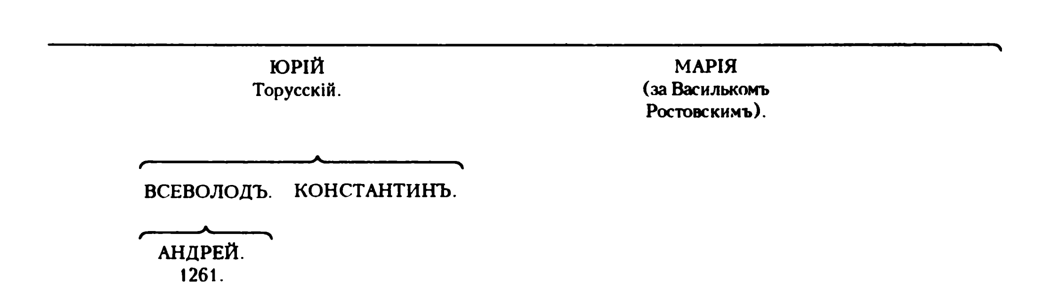
ОЛЕГЪ - МИХАИЛЪ. БОРИСЪ. РОМАНЪ.

ВСЕВОЛОДЪ. † 1146. ГЛѢБЪ. † 1138. ИГОРЬ. † 1147. СВЯТОСЛАВЪ. † 1166.

СВЯТОПОЛКЪ. † 1162
ДОЧЬ (за Владиславомъ, Герцогомъ Польскимъ).
ЗВЕНИСЛАВА (за Болеславомъ, братомъ Владислава, Герцога Польскаго). 1142.
ИЗЯСЛАВЪ. † 1134.
РОСТИСЛАВЪ. 1142
ОЛЕГЪ (зять Ростислава Мстиславича Смоленскаго жен. на Агапіи). † 1180.
ВСЕВОЛОДЪ. † 1196.
ИГОРЬ - ГЕОРГІЙ. † 1202.
ВЛАДИМІРЪ. † 1201.

ВЛАДИМИРЪ (зять Хана Кончака). † 1212.
РОМАНЪ. 1212.
СВЯТОСЛАВЪ (зять Рюриковъ). 1205.
ОЛЕГЪ - ПАВЕЛЪ. 1176.

СВЯТОСЛАВЪ - БОРИСЪ. 1185.
ИЗЯСЛАВЪ.
ВСЕВОЛОДЪ.
ОЛЕГЪ Курскій. 1228.

РОСПИСЬ
ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ

ЯНКА. † 1113.

ЕВПРАКСІЯ (за Императоромъ *Генрикомъ* IV ?). † 1109.

ЕКАТЕРИНА. † 1108.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ. (Первая его супруга *Гида*, дочь Англ. Короля Гаральда). † 1125.

МСТИСЛАВЪ - ѲЕОДОРЪ ВЕЛИКІЙ. (Первая его супруга *Христина*, дочь Шведск. Короля Инга Стенкильсона). † 1132.

ИЗЯСЛАВЪ † 1096.

РОМАНЪ (ж. на дочери *Володаря*). † 1119.

ЯРОПОЛКЪ. † 1139.

ВЯЧЕСЛАВЪ. † 1154.
- МИХАЛКО. † 1129.

СВЯТОСЛАВЪ. † 1114.
- ВЛАДИМІРЪ. 1166.
- ЯРОПОЛКЪ. 1157.

ВСЕВОЛОДЪ - ГАВРІИЛЪ (ж. на дочери Святоши). † 1138.

ИЗЯСЛАВЪ. † 1154.

РОСТИСЛАВЪ. † 1168. См. № V.

СВЯТОПОЛКЪ (ж. на Княжнѣ Моравской). 1144.

ВЛАДИМІРЪ. † 1173.

ДОЧЬ (за Норвежскимъ Королемъ *Сигурдомъ*, а послѣ за Датскимъ, *Эрикомъ*).

ЯРОСЛАВЪ (своякъ *Всеволода* Великаго). 1181.

МСТИСЛАВЪ (зять *Святослава Всеволодовича* Черниговскаго). 1175.

ИЗЯСЛАВЪ - МИХАИЛЪ. 1190.

РОСТИСЛАВЪ. † 1198.

ІОАННЪ. † 1128.

ВЛАДИМІРЪ. 1136.

ВЕРХУСЛАВА (за Княземъ Польскимъ).

МСТИСЛАВЪ. См. № VI.

ЯРОСЛАВЪ.
- МСТИСЛАВЪ. Нѣмый. 1184.
  - ИВАНЪ. 1227.
- ВСЕВОЛОДЪ (ж. на *Мальфридѣ*, дочери Юрія Ярославича Туровскаго).
- ИЗЯСЛАВЪ. † 1196.
  - ЯРОСЛАВЪ. 1229.
  - ВЛАДИМІРЪ.
  - ИЗЯСЛАВЪ. † 1224.
- ИНГВАРЪ. 1202.

IV.
ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО

РОСТИСЛАВЪ.

АНДРЕЙ. † 1141.

ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ. † 1157. См. № IX.

ЕВФИМІЯ (за Венгерскимъ К. *Коломаномъ*).
- БОРИСЪ (ж. на родственницѣ *Мануила*, Императ. Греческ.). 1139.
  - КОЛОМАНЪ. (Правитель Киликіи). 1139.

ДОЧЬ (за *Всеволодком Давидовичемъ*, внукомъ Игоря, правнукомъ *Ярослава* Великаго).

МАРІЯ (за *Леономъ* Греческ. Царевичемъ).
- ВАСИЛЬКО. 1136.

ДОЧЬ (за *Брячиславомъ Борисовичемъ*, внукомъ Всеслава Полоцкаго).

ДОЧЬ (за *Канутомъ* Св., Королемъ Ободритскимъ).

ДОЧЬ (за *Ярославомъ*, сыномъ Святополка II Михаила).

ЕВФРОСИНІЯ (за Королемъ Венгерскимъ *Гейзою*). 1149.

ДОЧЬ (за Греческим Царевичемъ *Алексіемъ*, сыномъ Императора Іоанна).

ДОЧЬ (за *Всеволодом Ольговичем*). 1140.

ЯРОПОЛКЪ (ж. на дочери *Святослава Ольговича*).
- ВАСИЛЬКО.

ДОЧЬ (за *Рогволодомъ Борисовичемъ* Полоцкимъ). 1144.

РОСПИСЬ

РОСТИСЛАВЪ - МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЬ,

СВЯТОСЛАВЪ.

РОМАНЪ.

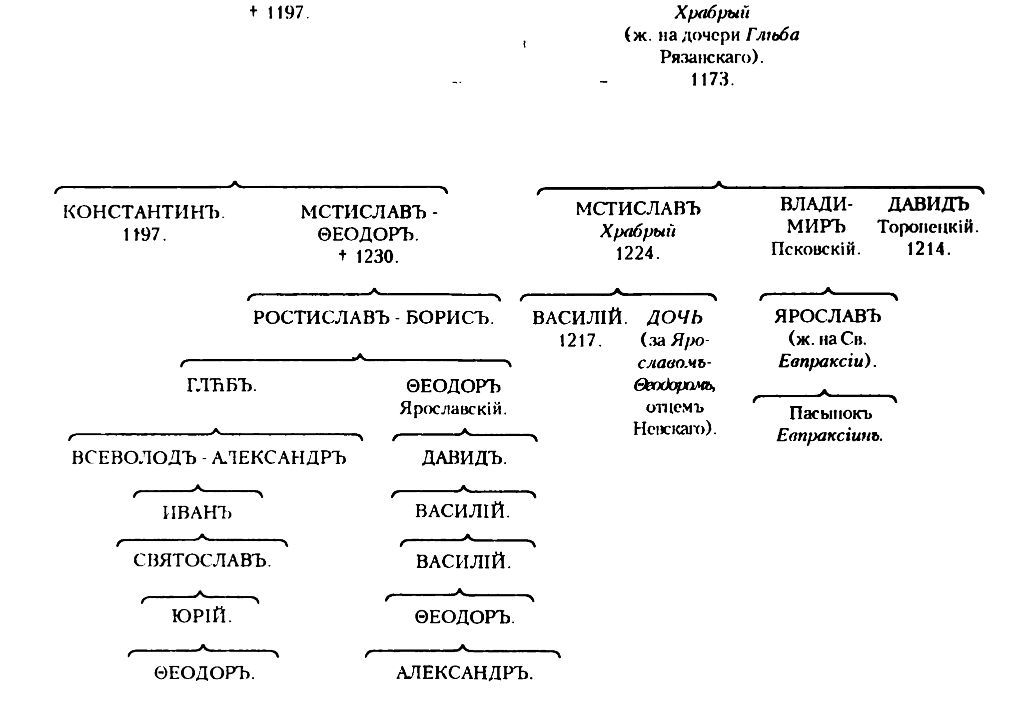
- МСТИСЛАВЪ - БОРИСЪ.
  - СВЯТОСЛАВЪ. 1232.
  - ВСЕВОЛОДЪ.

РЮРИКЪ - ВАСИЛІЙ (ж. на *Аннѣ*, дочери Юрія Яросл., внука Святополкова-Михаилова). 1195.

- ПРЕДСЛАВА.
- ЕВФРОСИНІЯ - ИСМАРАГДЪ.
- РОСТИСЛАВЪ (ж. на *Верхуславѣ-Анастасіи*, дочери Всеволода Великаго). 1189.
- ВЛАДИМІРЪ - ДИМИТРІЙ. 1187.
  - АНДРЕЙ Долгая Рука (родоначальникъ Князей Вяземскихъ).

V.

ВНУКЪ МОНОМАХОВЪ.

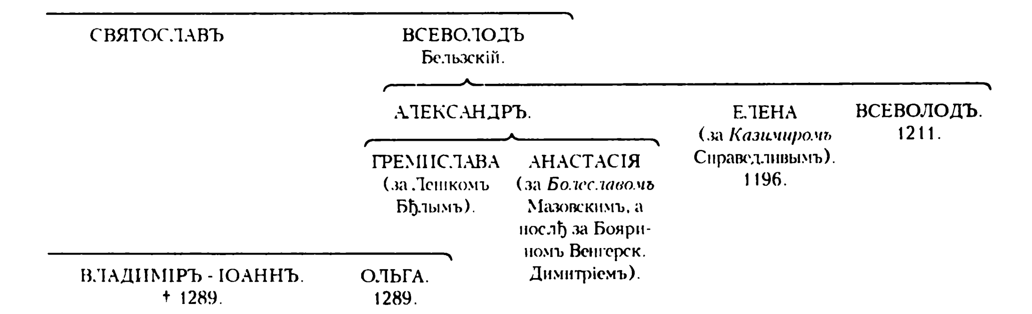
РОСПИСЬ
МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЬ, ПРАВНУКЪ КРИВОУСТАГО, К.

† 1170.

РОМАНЪ (ж. на дочери *Рюрика*). † 1205.

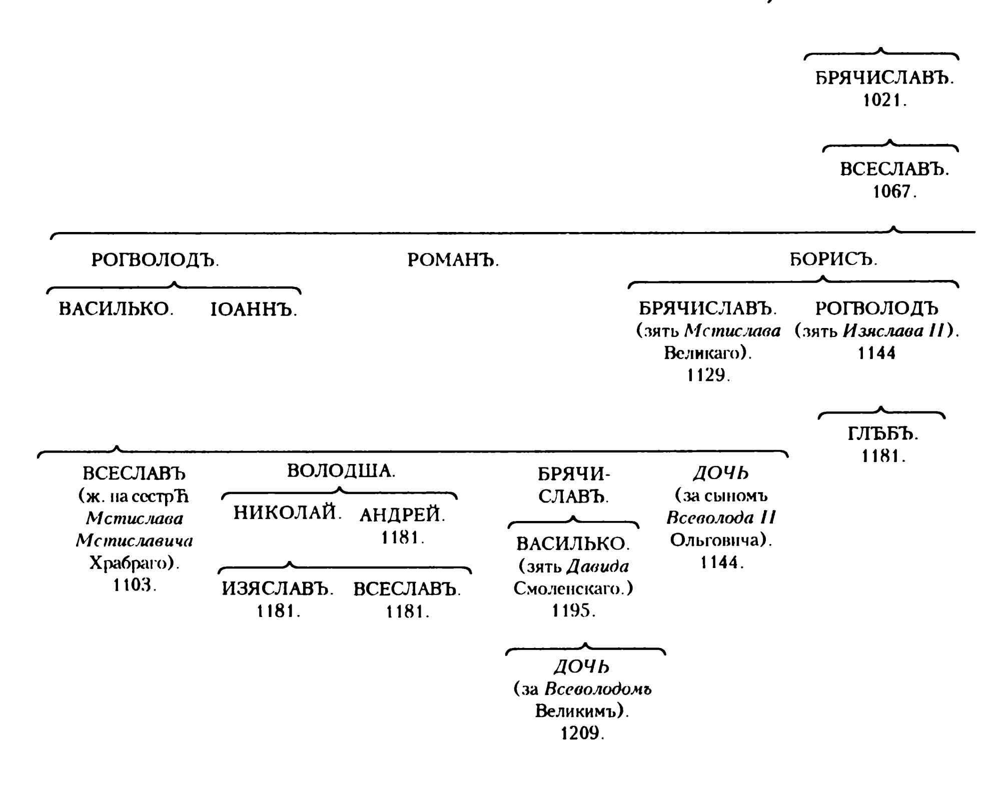
- Неизвѣстный.
  - ВСЕВОЛОДЪ. 1245.
- ДАНІИЛЪ. 1224.
  - РОМАНЪ.
  - *ДОЧЬ* (за *Андреемъ Ярославичемъ* Суздальскимъ).
  - ЛЕВЪ (ж. на Констанціи, дочери Короля Венгерскаго Белы).
    - ЮРІЙ (ж. на дочери *Ярослава* Тверскаго). 1289.
      - МИХАИЛЪ. † 1284.
      - АНДРЕЙ. † 1324.
      - ЛЕВЪ. † 1324.
        - ГЕОРГІЙ. † 1333.
        - МАРІЯ (за *Тройденомъ* Мазовскимъ). 1336.
          - БОЛЕСЛАВЪ. 1336.
  - МСТИСЛАВЪ.
    - ДАНІИЛЪ. 1280.
  - ШВАРНО.
- ѲЕОДОРА.
- ВАСИЛЬКО (ж. на дочери *Георгія*, К. Владимірскаго).
  - *ДОЧЬ* (за К. *Андреемъ Всеволод.* Черниговскимъ). 1261.

VI.
МОНОМАХОВЪ, ЗЯТЬ БОЛЕСЛАВА ПОЛЬСКАГО.

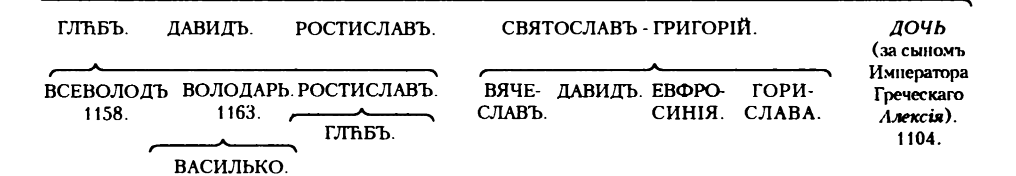
РОСПИСЬ

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ Св.

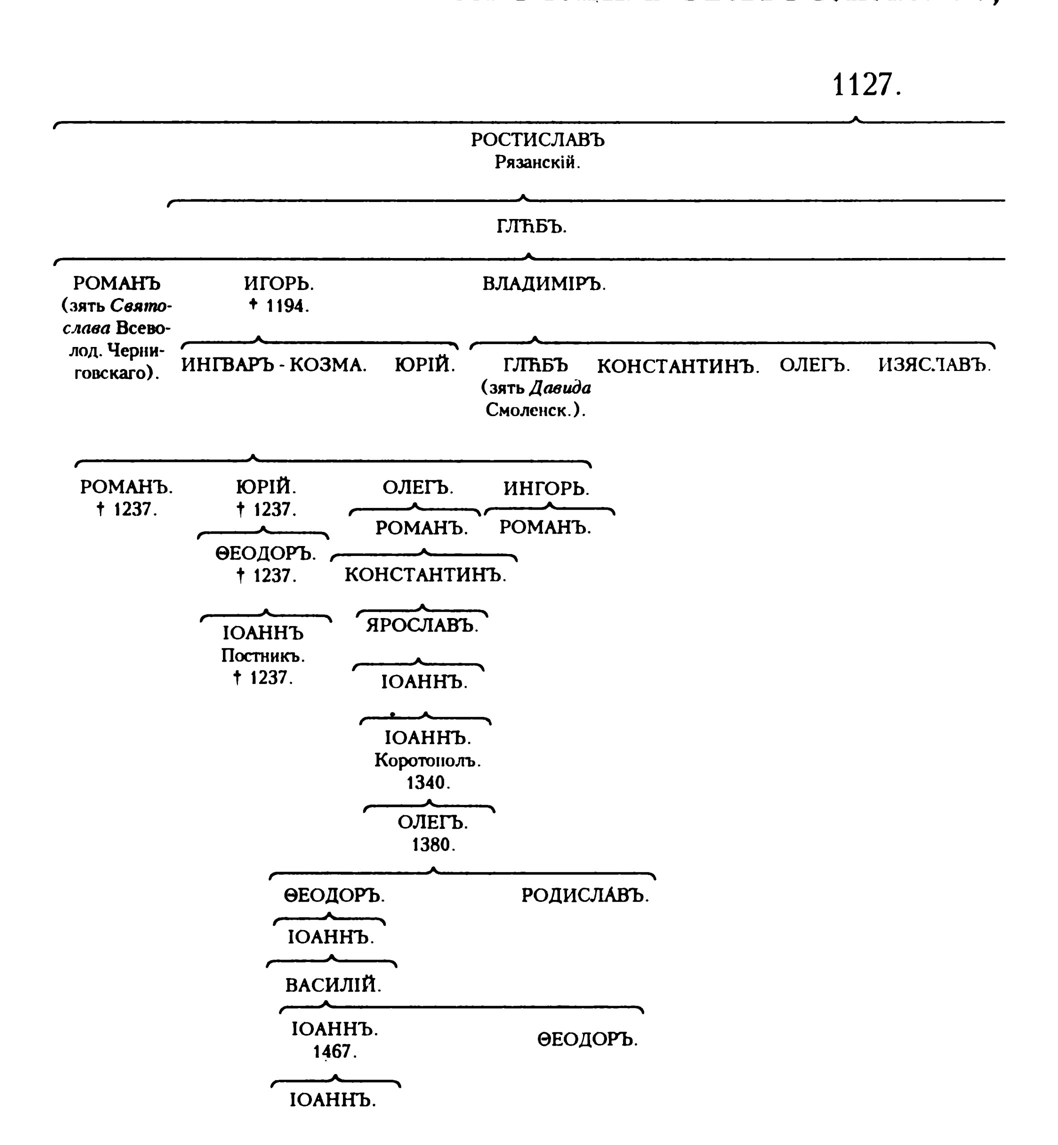

VII.

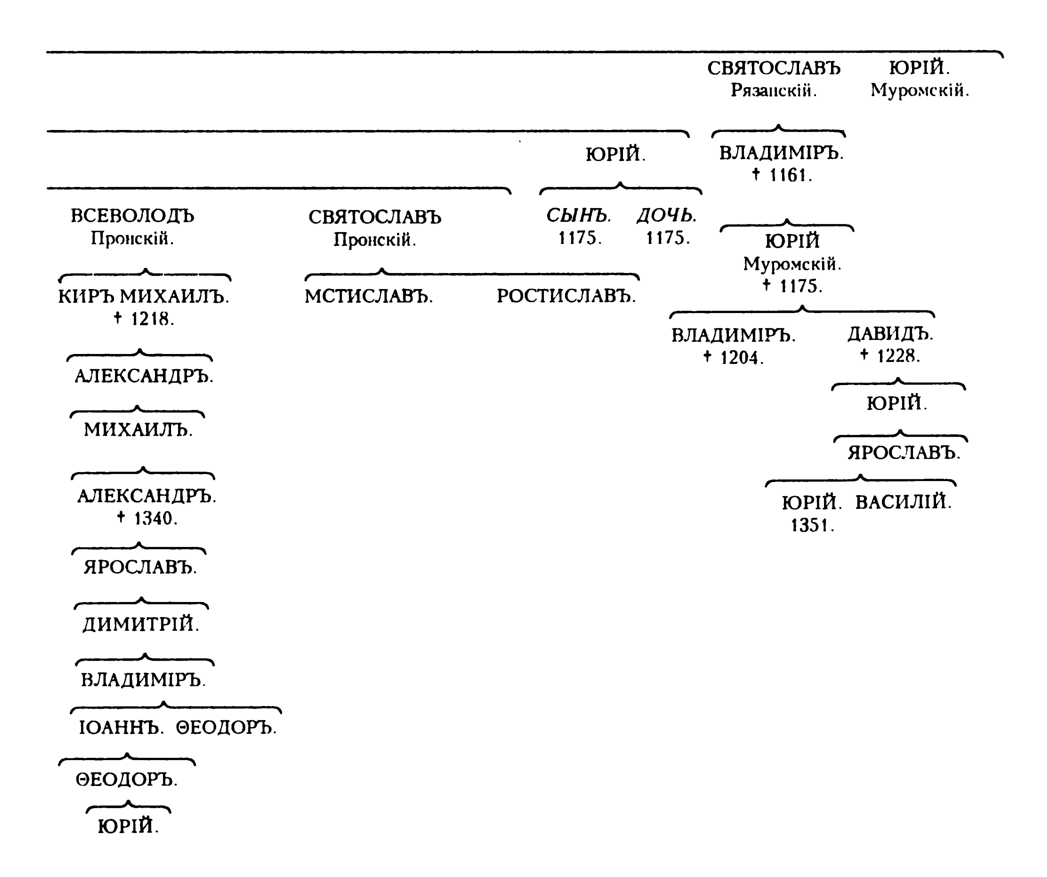
ВЛАДИМІРА ОТЪ РОГНѢДЫ.

РОСПИСЬ
ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЬ,

VIII.
ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

РОСПИСЬ

ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ,

† 1157.

РОСТИСЛАВЪ. | АНДРЕЙ Боголюбскій. | ІОАННЪ. | БОРИСЪ. | ГЛѢБЪ.

ЯРОПОЛКЪ. | МСТИСЛАВЪ. | РОМАНЪ. | ВЛАДИМІРЪ. | ИЗЯСЛАВЪ. † 1165. | МСТИСЛАВЪ.

СВЯТОСЛАВЪ. | ВАСИЛІЙ. 1171.

КОНСТАНТИНЪ (Отъ него Ростовскіе Князья). | БОРИСЪ. | ЮРІЙ. | ЯРОСЛАВЪ - ѲЕОДОРЪ

ѲЕОДОРЪ | АЛЕКСАНДРЪ Невскій. | АНДРЕЙ. (Отъ него Суздальскіе Князья).

ВАСИЛІЙ. | ДИМИТРІЙ. | АНДРЕЙ | ДАНІИЛЪ Московскій.

ЮРІЙ. | АЛЕКСАНДРЪ. | БОРИСЪ. | ІОАННЪ I. Калита. | АѲАНАСІЙ.

СИМЕОНЪ Гордый. | ІОАННЪ II. | АНДРЕЙ

ДИМИТРІЙ Донскій. | ІОАННЪ. | ВЛАДИМІРЪ Храбрый.

ДАНІИЛЪ | ВАСИЛІЙ. | ЮРІЙ. | АНДРЕЙ | ПЕТРЪ | ІОАННЪ.

ІОАННЪ. | ВАСИЛІЙ. Темный. | АННА. (за Греческ. Царевичемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.

ЮРІЙ. | ІОАННЪ III. Великій. | ЮРІЙ. | АНДРЕЙ | БОРИСЪ. | АНДРЕЙ

ІОАННЪ. | ВАСИЛІЙ. | ЮРІЙ. | ДИМИТРІЙ. | СИМЕОНЪ. | АНДРЕЙ

ДИМИТРІЙ. | ІОАННЪ IV. Грозный. | ЮРІЙ.

ДИМИТРІЙ. | ІОАННЪ. | ѲЕОДОРЪ Царь. | Св. ДИМИТРІЙ.

IX.

СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

МСТИСЛАВЪ. — ВАСИЛЬКО. — ЯРОСЛАВЪ. † 1166. — МИХАИЛЪ. — СВЯТОСЛАВЪ. † 1174. — ВСЕВОЛОДЪ Великій, прозваніемъ Большое Гнѣздо.

МСТИСЛАВЪ: ГЕОРГІЙ (ж. на Тамари, Царицѣ Грузинской).

МИХАИЛЪ: *ДОЧЬ.*

ВСЕВОЛОДЪ: ГЛѢБЪ. † 1189. — ВЛАДИМІРЪ. — СВЯТОСЛАВЪ. — ІОАННЪ. (Отъ него Стородубскіе Князья).

СВЯТОСЛАВЪ: ДИМИТРІЙ.

КОНСТАНТИНЪ. Галицкій. — АѲАНАСІЙ. — ДАНІИЛЪ. — МИХАИЛЪ. — ЯРОСЛАВЪ. (Отъ него Тверскіе Князья). — ВАСИЛІЙ Костромскій.

КОНСТАНТИНЪ.

РОДОСЛОВНЫЕ ТАБЛИЦЫ РЮРИКОВИЧЕЙ

I. КИЕВСКАЯ РУСЬ

1.1. Рюрик 862—879. После его смерти по малолетству Игоря в 879—912 гг. правил Олег, его родственник (Вещий Олег).

2.1. Игорь, кн. Новгородский и Киевский, 912—945; жена — Ольга, в. кн. Киевская, † 969.

3.1. Святослав, кн. Новгородский и Киевский, † 972.

4.1. Ярополк, в. кн. Киевский, † 980. 4.2. Владимир, в. кн. Киевский, † 1014. 4.3. Олег, кн. Древлянский, † 977.

5.1. Святополк, в. кн. Киевский, † 1019. 5.2. Ярослав Мудрый, в. кн. Киевский, † 1054. 5.3. Святослав, кн. Древлянский, † 1015. 5.4. Борис, кн. Ростовский, † 1015. 5.5. Вышеслав, кн. Новгородский. 5.6. Станислав. 5.7. Глеб, кн. Муромский, † 1015. 5.8. Судислав, † 1063. 5.9. Позвизд. 5.10. Всеволод, кн. Владимиро-Волынский. 5.11. Мстислав, кн. Тмутараканский, † 1036. 5.12. Изяслав, кн. Полоцкий, † 1001.

6.1. Владимир, кн. Новгородский, † 1052. 6.2. Игорь, кн. Владимирский, † 1060. 6.3. Вячеслав, кн. Смоленский, †1058. 6.4. Анна, королева Французская. 6.5. Илья, † 1020. 6.6. Изяслав, в. кн. Киевский, † 1078. 6.7. Всеволод, в. кн. Киевский, †1093. 6.8. Анастасия, королева Венгерская. 6.9. Елизавета, королева Норвежская. 6.10. Святослав, кн. Черниговский, † 1076. 6.11. Евстафий, † 1033. 6.12. Брячислав, кн. Полоцкий, † 1044.

7.1. Ростислав, кн. Тмутараканский, 1065. 7.2. Давид, кн. Владимиро-Волынский, † 1112. 7.3. Борис, кн. Тмутараканский, † 1078. 7.4. Ярополк, кн. Туровский, † 1086. 7.5. Евпраксия, королева Польская. 7.6. Мстислав, † 1068. 7.7. Святополк, в. кн. Киевский, † 1112. 7.8. Владимир Мономах, в. кн. Киевский, † 1125. 7.9. Ростислав, кн. Переяславский, † 1093. 7.10. Евпраксия, † 1109. 7.11. Глеб, кн. Новгородский, Тмутараканский, † 1078. 7.12. Ярослав, кн. Муромский, Черниговский, † 1129. 7.13. Роман, кн. Тмутараканский, † 1079. 7.14. Давид, кн. Черниговский, † 1123. 7.15. Олег (Гориславич), кн. Черниговский, † 1115. 7.16. Всеслав, кн. Полоцкий, †1101.

8.1. Владимир, кн. Перемышльский, † 1124. 8.2. Рюрик, кн. Перемышльский, † 1092. 8.3. Василий, кн. Теребовльский, † 1124. 8.4. Ярослав, кн. Брестский, † 1102. 8.5. Вячеслав, † 1105. 8.6. Мстислав, 1099. 8.7. Брячислав, † 1127. 8.8. Изяслав, † 1127. 8.9. Ярослав, кн. Владимирский, † 1123. 8.10. Мстислав Великий, в. кн. Киевский, † 1132. 8.11. Ярополк, в. кн. Киевский, † 1139. 8.12. Юрий (Долгорукий), кн. Суздальский, в. кн. Киевский, † 1157. 8.13. Святослав, кн. Смоленский, † 1114. 8.14. Вячеслав, кн. Туровский, † 1154. 8.15. Роман, кн. Владимиро-Волынский, † 1119. 8.16. Изяслав, кн. Курский, † 1096. 8.17. Андрей (Добрый), кн. Владимиро-Волынский, Переяславский, † 1141. 8.18. Владимир, кн. Черниговский, † 1151. 8.19. Изяслав, в. кн. Киевский, † 1159. 8.20. Святослав (Святоша), кн. Черниговский, † 1142. 8.21. Ростислав, † 1120. 8.22. Всеволод, кн. Муромский, 1124. 8.23. Всеволод, в. кн. Киевский, † 1146, и Игорь, в. кн. Киевский, † 1147. 8.24. Святослав, кн. Черниговский, † 1164. 8.25. Глеб, †1138. 8.26. Ростислав (Георгий), 1129. 8.27. Глеб, кн. Минский, † 1119. 8.28. Давид, кн. Полоцкий, 1129. 8.29. Святослав, кн. Полоцкий, 1129.

9.1. Владимирко, кн. Галицкий, † 1153. 9.2. Ростислав, † 1126. 9.3. Иоанн, † 1141. 9.4. Григорий, 1126. 9.5. Владимир, кн. Дорогобужский, † 1171. 9.6. Святополк, кн. Новгородский, † 1154. 9.7. Всеволод, кн. Новгородский, † 1138. 9.8. Изяслав, в. кн. Киевский, † 1154. 9.9. Ростислав, в. кн. Киевский, † 1167. 9.10. Михаил, кн. Туровский, † 1129. 9.11. Владимир, 1166. 9.12. Ярополк, 1160. 9.13. Святослав, кн. Вщижский, † 1166. 9.14. Ярослав, кн. Черниговский, † 1198. 9.15. Святослав, в. кн. Киевский, † 1194. 9.16. Олег, кн. Новгород-Северский, † 1180. 9.17. Игорь, кн. Новгород-Северский, † 1202 (герой «Слова о полку Игореве»). 9.18. Всеволод, кн. Курский, 1185. 9.19. Изяслав, † 1134. 9.20. Ростислав, 1144. 9.21. Владимир, кн. Минский, 1158. 9.22. Всеволод, кн. Изяславльский, 1158. 9.23. Ростислав, кн. Полоцкий, 1151. 9.24. Василько, кн. Полоцкий, 1143.

10.1. Ярослав Осмомысл, † 1187. 10.2. Иоанн Берладник, † 1161. 10.3. Ярослав, 1205. 10.4. Ростислав, 1202. 10.5. Мстислав, кн. Дорогобужский, 1204. 10.6. Ярослав, 1175. 10.7. Ярополк, † 1167. 10.8. Мстислав (Волын-ский), в. кн. Киевский, † 1169. 10.9. Святослав, † 1170. 10.10. Рюрик, в. кн. Киевский, Черниговский, † 1215. 10.11. Роман, † 1180. 10.12. Мстислав (Храбрый), кн. Смоленский, † 1178. 10.13. Давид, кн. Смоленский, † 1197. 10.14. Ростислав, кн. Сновский, † 1214. 10.15. Ярополк, 1214. 10.16. Всеволод Чермный, † 1212. 10.17. Мстислав, кн. Черниговский, † 1223. 10.18. Глеб, 1214. 10.19. Владимир, кн. Новгородский, † 1201. 10.20. Олег, кн. Черниговский, † 1204. 10.21. Василий, кн. Логовский, 1196. 10.22. Глеб. 10.23. Всеслав, кн. Полоцкий, 1180. 10.24. Брячислав, кн. Витебский, 1180.

11.1. Олег, 1187. 11.2. Ростислав, † 1189. 11.3. Изяслав, † 1198. 11.4. Ростислав, † 1198. 11.5. Ингвар, 1214. 11.6. Всеволод, 1185. 11.7. Мстислав Немой, † 1226. 11.8. Изяслав, † 1196. 11.9. Василько, 1182. 11.10. Роман Великий, кн. Галицкий, † 1205. 11.11. Всеволод, † 1195. 11.12. Святослав, 1173. 11.13. Владимир, 1236. 11.14. Ростислав, † 1218. 11.15. Ярополк, 1175. 11.16. Мстислав Старый, † 1224. 11.17. Владимир, кн. Псковский, 1226. 11.18. Давид, кн. Торопецкий, † 1226. 11.19. Мстислав Храбрый, † 1228. 11.20. Мстислав, † 1230. 11.21. Изяслав, 1184. 11.22. Константин, 1214. 11.23. Св. Михаил, кн. Черниговский, † 1246. 11.24. Андрей, 1261. 11.25. Мстислав, кн. Туровский, 1239. 11.26. Давид, 1196.

12.1. Изяслав, † 1224. 12.2. Владимир, 1229. 12.3. Ярослав, 1229. 12.4. Иоанн, † 1227. 12.5. Даниил, кн. Галицкий, † 1266. 12.6. Василий, † 1269. 12.7. Ростислав, 1239. 12.8. Святослав, 1232. 12.9. Всеволод, 1239. 12.10. Ростислав, 1231. 12.11. Андрей, † 1245. 12.12. Ярослав, 1245. 12.13. Василий, † 1218. 12.14. Ростислав, 1240. 12.15. Ростислав, 1249. 12.16. Георгий, кн. Торусский. 12.17. Мстислав, кн. Карачевский. 12.18. Симеон, кн. Глуховский. 12.19. Роман, 1275.

13.1. Шварн, 1267. 13.2. Мстислав, 1291. 13.3. Лев, † 1301. 13.4. Роман, 1260. 13.5. Владимир, † 1289. 13.6. Глеб, 1277. 13.7. Константин, 1267. 13.8. Михаил, † 1279. 13.9. Феодор Черный, † 1299. 13.10. Михаил. 13.11. Бела. 13.12. Андрей, † 1339. 13.13. Михаил. 13.14. Олег.

II. МОСКОВСКАЯ РУСЬ

9.1. Всеволод (Большое Гнездо), в. кн. Владимирский, † 1212. 9.2. Михаил, кн. Владимирский, † 1176. 9.3. Иоанн, кн. Курский, † 1147. 9.4. Василий, кн. Суздальский, 1162. 9.5. Святослав, † 1174. 9.6. Борис, кн. Белгородский, Туровский, † 1159. 9.7. Ярослав, † 1166. 9.8. Глеб, кн. Переяславский, † 1171. 9.9. Мстислав, кн. Новгородский, 1162. 9.10. Андрей (Боголюбский), кн. Владимирский, † 1174. 9.11. Ростислав, кн. Переяславский, † 1151.

10.1. Иоанн, кн. Стародубский, † 1239. 10.2. Георгий, кн. Суздальский, † 1238. 10.3. Константин (Ростовский), кн. Владимирский и Суздальский, † 1218. 10.4. Борис, † 1188. 10.5. Ярослав, кн. Владимирский, † 1247. 10.6. Глеб, † 1189. 10.7. Владимир, † 1228. 10.8. Святослав, † 1259. 10.9. Изяслав, † 1183. 10.10. Владимир, † 1187. 10.11. Ярослав (Красный), кн. Волоколамский, † 1199. 10.12. Мстислав, † 1173. 10.13. Георгий, жена — грузинская царица Тамарь, начало XIII века. 10.14. Изяслав, † 1165. 10.15. Ярополк, † 1196. 10.16. Мстислав (Безокий), кн. Новгородский, † 1178.

11.1. Михаил, 1281. 11.2. Всеволод, кн. Новгородский, † 1238. 11.3. Мстислав, † 1238. 11.4. Владимир, † 1238. 11.5. Василий, кн. Ростовский, † 1238. 11.6. Владимир, кн. Углицкий, † 1249. 11.7. Всеволод, кн. Ярославский, † 1238. 11.8. Андрей, † 1264. 11.9. Даниил, † 1256. 11.10. Михаил Храбрый, † 1248. 11.11. Александр (Невский), † 1263, кн. Новгородский, Дмитровский, Переяславский, в. кн. Киевский, в. кн. Владимирский; жена 1 — Александра, д. Брячислава, кн. Полоцкого, 2 — Василиса. 11.12. Феодор, † 1233. 11.13. Афанасий. 11.14. Ярослав, † 1272. 11.15. Василий Костромской, † 1276. 11.16. Константин, кн. Галицкий, † 1255. 11.17. Святослав, кн. Новгородский, † 1176.

12.1. Иоанн Калистрат, † 1315. 12.2. Борис, † 1277. 12.3. Глеб, † 1278. 12.4. Василий, †1249. 12.5. Георгий, 1269. 12.6. Василий, † 1309. 12.7. Михаил, 1305. 12.8. Димитрий, кн. Переяславский, в. кн. Владимирский, † 1294. 12.9. Василий (после 1239—1271). 12.10. Андрей, 1304, кн. Городецкий, Костромской, в. кн. Владимирский. 12.11. Евдокия. 12.12. Даниил (1265—1303), в. кн. Московский, кн. Переяславский. 12.13. Святослав, 1292. 12.14. Михаил, † 1272. 12.15. Михаил Тверской, † 1319. 12.16. Давид, † 1280.

13.1. Феодор Благоверный, 1330. 13.2. Константин, † 1307. 13.3. Василий, 1268. 13.4. Димитрий, † 1294. 13.5. Василий, † 1263. 13.6. Михаил, 1281. 13.7. Александр, † 1333. 13.8. Константин, †1355. 13.9. Александр, † 1292. 13.10. Иоанн, † 1302. 13.11. Юрий, кн. Переяславский, Московский, в. кн. Владимирский, † 1325. 13.12. Борис, кн. Костромской, † 1320. 13.13. Иоанн I Калита (1304—1340), кн. Московский, в. кн. Владимирский и Московский; жена 1 — Елена, † 1331, 2 — Ульяна. 13.14. Александр, † 1308. 13.15. Афанасий, † 1322. 13.16. Димитрий Грозные Очи, † 1326. 13.17. Александр, † 1339. 13.18. Константин, † 1346. 13.19. Василий, кн. Кашинский, † 1368.

14.1. Димитрий, † 1355. 14.2. Иоанн, 1356. 14.3. Андрей, 1380. 14.4. Михаил, 1286. 14.5. Василий, 1316. 14.6. Александр, 1294. 14.7. Александр, 1286. 14.8. Роман, 1339. 14.9. Димитрий, † 1383. 14.10. Андрей, † 1365. 14.11. Димитрий Ноготь, 1375. 14.12. Борис Городецкий, † 1394. 14.13. Евдокия, † 1342. 14.14. Симеон Гордый (1318—1353), в. кн. Владимирский и Московский. 14.15. Мария, † 1365. 14.16. Иоанн II (1326—1359), в. кн. Владимирский и Московский; жена 1 — Феодосия, д. Дмитрия, кн. Брянского, † 1342, 2 — Александра, † 1362. 14.17. Даниил (р. 1320). 14.18. Андрей (1327—1353), кн. Серпуховской. 14.19. Феодор, † 1339. 14.20. Всеволод, кн. Холмский, † 1365. 14.21. Михаил, † 1399. 14.22. Иулиания, замужем за Ольгердом Литовским. 14.23. Владимир, † 1365. 14.24. Симеон, † 1365. 14.25. Иеремия, † 1373. 14.26. Михаил, † 1345.

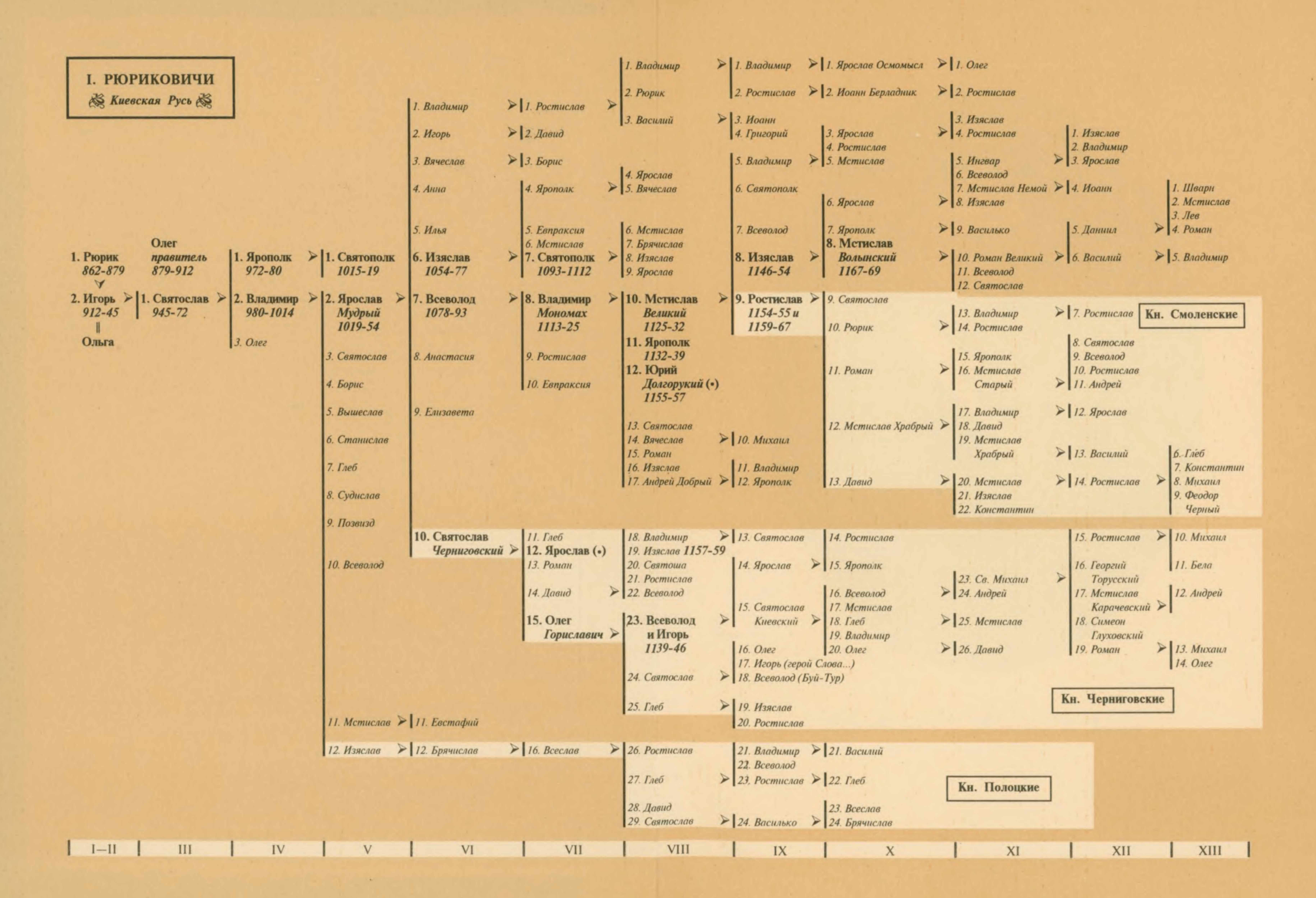
15.1. Симеон Крапива, † 1368. 15.2. Василий Пожарский. 15.3. Феодор, † 1331. 15.4. Константин, † 1365. 15.5. Георгий, † 1320. 15.6. Феодор, † 1380. 15.7. Василий. 15.8. Симеон, кн. Вятский, † 1402. 15.9. Иоанн, 1377. 15.10. Василий Кирдяпа, † 1403. 15.11. Евдокия. 15.12. Иоанн Тугой Лук, 1418. 15.13. Даниил, 1418. 15.14. Анна. 15.15. Иоанн (после 1350—1364), кн. Звенигородский. 15.16. Димитрий Донской (1350—1389), кн. Московский, в. кн. Владимирский и Московский; жена — Евдокия, д. Дмитрия Константиновича, в. кн. Суздальского. 15.17. Владимир Храбрый (1353—1410), кн. Серпуховской. 15.18. Иоанн, кн. Серпуховский, † 1358. 15.19. Иоанн, † 1426. 15.20. Александр, 1386. 15.21. Борис, † 1395. 15.22. Феодор, 1406. 15.23. Василий, 1426. 15.24. Иоанн, 1406. 15.25. Димитрий, † 1406. 15.26. Василий, кн. Кашинский, † 1382.

16.1. Андрей, 1380. 16.2. Василий, 1380. 16.3. Александр, 1380. 16.4. Иоанн, † 1380. 16.5. Иоанн, † 1417. 16.6. Георгий. 16.7. Даниил, † 1412. 16.8. Александр Брюхатый, † 1418; жена — Василиса, дочь Василия Димитриевича, внучка Димитрия Донского. 16.9. Александр Вэметень, 1418. 16.10. Иоанн, 1410. 16.11. Феодор, 1390. 16.12. Василий, † 1427. 16.13. Симеон, † 1426. 16.14. Андрей, † 1426. 16.15. Ярослав, † 1426. 16.16. Иоанн, 1406. 16.17. Александр, † 1426. 16.18. Иоанн, 1408. 16.19. Димитрий, 1400. 16.20. Андрей, 1418.

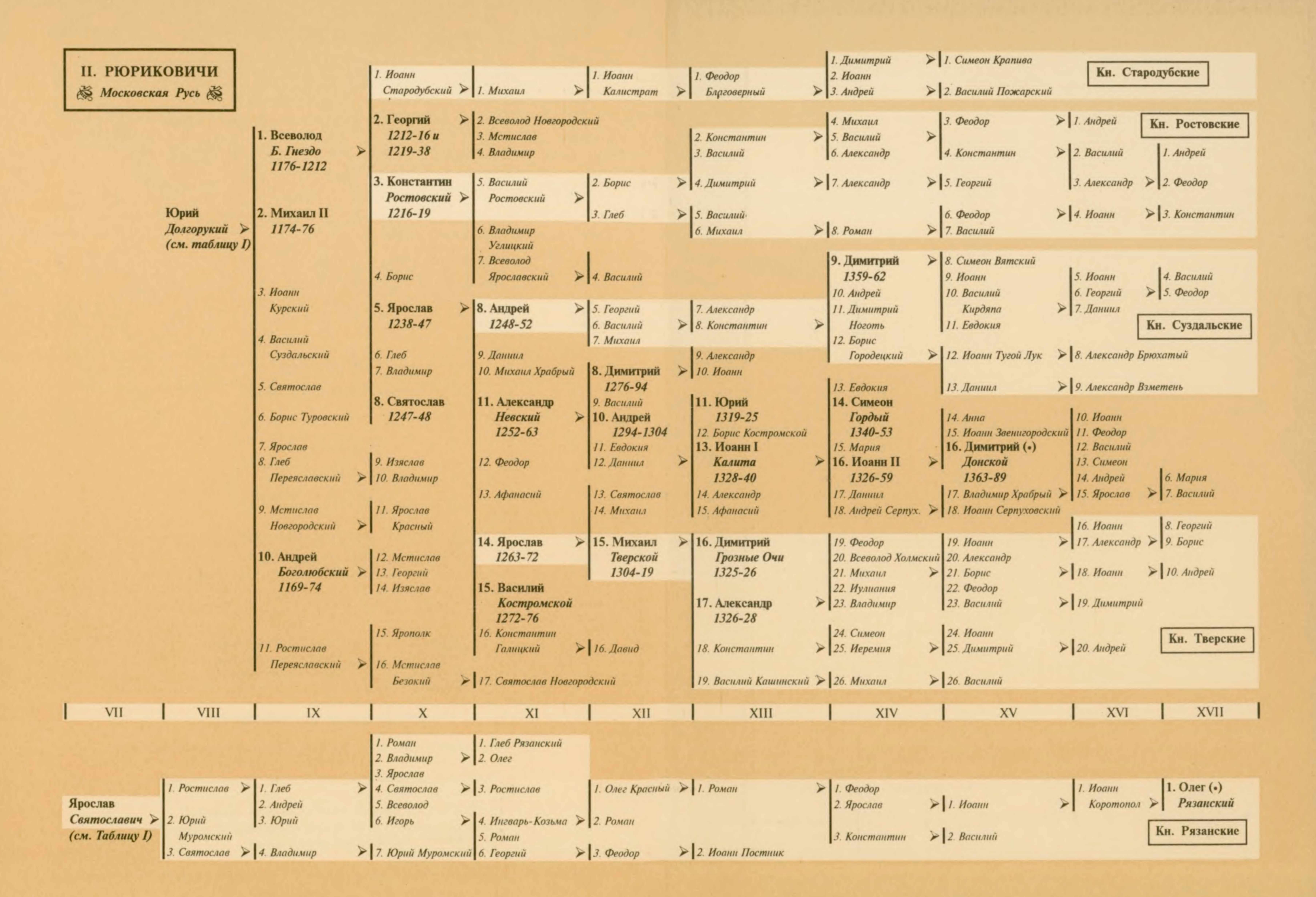
17.1. Андрей, 1417. 17.2. Феодор, 1418. 17.3. Константин, 1393. 17.4. Василий, 1446. 17.5. Феодор, 1472. 17.6. Мария. 17.7. Василий, †1483. 17.8. Георгий, † 1426. 17.9. Борис, † 1461. 17.10. Андрей, 1437.

РЯЗАНСКИЕ КНЯЗЬЯ

8.1. Ростислав, 1153. 8.2. Юрий, кн. Муромский, † 1174. 8.3. Святослав, † 1145. 9.1. Глеб, † 1177. 9.2. Андрей, 1147. 9.3. Юрий. 9.4. Владимир, † 1161. 10.1. Роман, 1207. 10.2. Владимир, 1195. 10.3. Ярослав, 1198. 10.4. Святослав, 1207. 10.5. Всеволод, † 1206. 10.6. Игорь, † 1195. 10.7. Юрий, кн. Муромский, † 1175. 11.1. Глеб, кн. Рязанский, † 1219. 11.2. Олег, 1207. 11.3. Ростислав, † 1217. 11.4. Ингварь-Козьма, 1219. 11.5. Роман, † 1217. 11.6. Георгий, † 1237. 12.1. Олег Красный, † 1250. 12.2. Роман, † 1237. 12.3. Феодор, † 1237. 13.1. Роман, 1270. 13.2. Иоанн Постник, † 1237. 14.1. Феодор, † 1293. 14.2. Ярослав. 14.3. Константин, † 1307. 15.1. Иоанн, † 1327. 15.2. Василий, † 1308. 16.1. Иоанн Коротопол, † 1343. 17.1. Олег Рязанский, † 1402.

I. РЮРИКОВИЧИ
Киевская Русь
1. Рюрик 862-879
2. Игорь 912-45
Ольга
Олег правитель 879-912
1. Святослав 945-72
1. Ярополк 972-80
2. Владимир 980-1014
3. Олег
1. Святополк 1015-19
2. Ярослав Мудрый 1019-54
3. Святослав
4. Борис
5. Вышеслав
6. Станислав
7. Глеб
8. Судислав
9. Позвизд
10. Всеволод
11. Мстислав
12. Изяслав
1. Владимир
2. Игорь
3. Вячеслав
4. Анна
5. Илья
6. Изяслав 1054-77
7. Всеволод 1078-93
8. Анастасия
9. Елизавета
10. Святослав Черниговский
11. Евстафий
12. Брячислав
1. Ростислав
2. Давид
3. Борис
4. Ярополк
5. Евпраксия
6. Мстислав
7. Святополк 1093-1112
8. Владимир Мономах 1113-25
9. Ростислав
10. Евпраксия
11. Глеб
12. Ярослав (•)
13. Роман
14. Давид
15. Олег Гориславич
16. Всеслав
1. Владимир
2. Рюрик
3. Василий
4. Ярослав
5. Вячеслав
6. Мстислав
7. Брячислав
8. Изяслав
9. Ярослав
10. Мстислав Великий 1125-32
11. Ярополк 1132-39
12. Юрий Долгорукий (•) 1155-57
13. Святослав
14. Вячеслав
15. Роман
16. Изяслав
17. Андрей Добрый
18. Владимир
19. Изяслав 1157-59
20. Святоша
21. Ростислав
22. Всеволод
23. Всеволод и Игорь 1139-46
24. Святослав
25. Глеб
26. Ростислав
27. Глеб
28. Давид
29. Святослав
1. Владимир
2. Ростислав
3. Иоанн
4. Григорий
5. Владимир
6. Святополк
7. Всеволод
8. Изяслав 1146-54
9. Ростислав 1154-55 и 1159-67
10. Михаил
11. Владимир
12. Ярополк
13. Святослав
14. Ярослав
15. Святослав Киевский
16. Олег
17. Игорь (герой Слова...)
18. Всеволод (Буй-Тур)
19. Изяслав
20. Ростислав
21. Владимир
22. Всеволод
23. Ростислав
24. Василько
1. Ярослав Осмомысл
2. Иоанн Берладник
3. Ярослав
4. Ростислав
5. Мстислав
6. Ярослав
7. Ярополк
8. Мстислав Волынский 1167-69
9. Святослав
10. Рюрик
11. Роман
12. Мстислав Храбрый
13. Давид
14. Ростислав
15. Ярополк
16. Всеволод
17. Мстислав
18. Глеб
19. Владимир
20. Олег
21. Василий
22. Глеб
23. Всеслав
24. Брячислав
1. Олег
2. Ростислав
3. Изяслав
4. Ростислав
5. Ингвар
6. Всеволод
7. Мстислав Немой
8. Изяслав
9. Василько
10. Роман Великий
11. Всеволод
12. Святослав
13. Владимир
14. Ростислав
15. Ярополк
16. Мстислав Старый
17. Владимир
18. Давид
19. Мстислав Храбрый
20. Мстислав
21. Изяслав
22. Константин
23. Св. Михаил
24. Андрей
25. Мстислав
26. Давид
1. Изяслав
2. Владимир
3. Ярослав
4. Иоанн
5. Даниил
6. Василий
7. Ростислав
8. Святослав
9. Всеволод
10. Ростислав
11. Андрей
12. Ярослав
13. Василий
14. Ростислав
15. Ростислав
16. Георгий Торусский
17. Мстислав Карачевский
18. Симеон Глуховский
19. Роман
1. Шварн
2. Мстислав
3. Лев
4. Роман
5. Владимир
6. Глеб
7. Константин
8. Михаил
9. Феодор Черный
10. Михаил
11. Бела
12. Андрей
13. Михаил
14. Олег
Кн. Смоленские
Кн. Черниговские
Кн. Полоцкие
I–II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII

II. РЮРИКОВИЧИ
Московская Русь
Юрий Долгорукий (см. таблицу I)
1. Всеволод Б. Гнездо 1176-1212
2. Михаил II 1174-76
3. Иоанн Курский
4. Василий Суздальский
5. Святослав
6. Борис Туровский
7. Ярослав
8. Глеб Переяславский
9. Мстислав Новгородский
10. Андрей Боголюбский 1169-74
11. Ростислав Переяславский
1. Иоанн Стародубский
2. Георгий 1212-16 и 1219-38
3. Константин Ростовский 1216-19
4. Борис
5. Ярослав 1238-47
6. Глеб
7. Владимир
8. Святослав 1247-48
9. Изяслав
10. Владимир
11. Ярослав Красный
12. Мстислав
13. Георгий
14. Изяслав
15. Ярополк
16. Мстислав Безокий
1. Михаил
2. Всеволод Новгородский
3. Мстислав
4. Владимир
5. Василий Ростовский
6. Владимир Углицкий
7. Всеволод Ярославский
8. Андрей 1248-52
9. Даниил
10. Михаил Храбрый
11. Александр Невский 1252-63
12. Феодор
13. Афанасий
14. Ярослав 1263-72
15. Василий Костромской 1272-76
16. Константин Галицкий
17. Святослав Новгородский
1. Иоанн Калистрат
2. Борис
3. Глеб
4. Василий
5. Георгий
6. Василий
7. Михаил
8. Димитрий 1276-94
9. Василий
10. Андрей 1294-1304
11. Евдокия
12. Даниил
13. Святослав
14. Михаил
15. Михаил Тверской 1304-19
16. Давид
1. Феодор Благоверный
2. Константин
3. Василий
4. Димитрий
5. Василий
6. Михаил
7. Александр
8. Константин
9. Александр
10. Иоанн
11. Юрий 1319-25
12. Борис Костромской
13. Иоанн I Калита 1328-40
14. Александр
15. Афанасий
16. Димитрий Грозные Очи 1325-26
17. Александр 1326-28
18. Константин
19. Василий Кашинский
1. Димитрий
2. Иоанн
3. Андрей
4. Михаил
5. Василий
6. Александр
7. Александр
8. Роман
9. Димитрий 1359-62
10. Андрей
11. Димитрий Ноготь
12. Борис Городецкий
13. Евдокия
14. Симеон Гордый 1340-53
15. Мария
16. Иоанн II 1326-59
17. Даниил
18. Андрей Серпух.
19. Феодор
20. Всеволод Холмский
21. Михаил
22. Иулиания
23. Владимир
24. Симеон
25. Иеремия
26. Михаил
1. Симеон Крапива
2. Василий Пожарский
3. Феодор
4. Константин
5. Георгий
6. Феодор
7. Василий
8. Симеон Вятский
9. Иоанн
10. Василий Кирдяпа
11. Евдокия
12. Иоанн Тугой Лук
13. Даниил
14. Анна
15. Иоанн Звенигородский
16. Димитрий (•) Донской 1363-89
17. Владимир Храбрый
18. Иоанн Серпуховский
19. Иоанн
20. Александр
21. Борис
22. Феодор
23. Василий
24. Иоанн
25. Димитрий
26. Василий
Кн. Стародубские
1. Андрей
2. Василий
3. Александр
4. Иоанн
5. Иоанн
6. Георгий
7. Даниил
8. Александр Брюхатый
9. Александр Взметень
10. Иоанн
11. Феодор
12. Василий
13. Симеон
14. Андрей
15. Ярослав
16. Иоанн
17. Александр
18. Иоанн
19. Димитрий
20. Андрей
Кн. Ростовские
1. Андрей
2. Феодор
3. Константин
4. Василий
5. Феодор
Кн. Суздальские
6. Мария
7. Василий
8. Георгий
9. Борис
10. Андрей
Кн. Тверские
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
Ярослав Святославич (см. Таблицу I)
1. Ростислав
2. Юрий Муромский
3. Святослав
1. Глеб
2. Андрей
3. Юрий
4. Владимир
1. Роман
2. Владимир
3. Ярослав
4. Святослав
5. Всеволод
6. Игорь
7. Юрий Муромский
1. Глеб Рязанский
2. Олег
3. Ростислав
4. Ингварь-Козьма
5. Роман
6. Георгий
1. Олег Красный
2. Роман
3. Феодор
1. Роман
2. Иоанн Постник
1. Феодор
2. Ярослав
3. Константин
1. Иоанн
2. Василий
1. Иоанн Коротопол
1. Олег (•) Рязанский
Кн. Рязанские

СЛОВАРЬ
УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ЗНАЧЕНИЙ

Алкоран — Коран.
Аманат — таль, заложник.

Берковец — десять пудов.
Бирюч — глашатай, герольд.
Боярские дети (отроки, пасынки) — то же, что гридни (см.).
Братняя система — система наследования княжеской власти не к сыну, а к брату, старшему в роду.
Брашно — яство, кушанье.

Векша — белка, беличий мех (эквивалент денег); позднее — мелкая монета из кожи.
Вено — приданое (к венцу); выкуп за невесту.
Вежа — шатер, палатка; гран, рубеж.
Великодушный — великий душой, геройский, мужественный.
Вира — окуп, денежная пеня за убийство; цена крови.
Внука — внук или внучка.
Впадение — нападение.
Вратарь — привратник.

Гость — купец.
Гривна — женское украшение, (медальон), которое носили на шее на цепи; серебряная монета.
Гридник, гридин — телохранитель князя, дружинник.

Дебрь — низина, овраг.
Доблий — доблестный.

Жильцы — уездные дворяне на службе у князя.
Житый, житочный — богатый, зажиточный; среднее сословие (между боярами и черным людом).

Зобница — мерная корзина.
Золотарь — золотых дел мастер, ювелир.
Знамение — печать, знак, примета.

Извет — донос.
Истома — изнурение.

Казнь — наказание.
Капь — пуд.
Клятва — про́клятье.
Ков, ковы — заговор, интриги.
Козноде й — строящий козни.
Крестная грамота — договор, скрепленный целованием креста.
Крилошане — низшие церковнослужители (от крылос — искаж. клирос, место для церковного хора).
Куна — куница, куний мех (эквивалент денег); позднее — кожаные деньги.

Латинская Вера — католичество.
Ложница — спальня.
Луда — расшитая золотом верхняя одежда.
Лютый зверь — рысь.

Моровая язва — чума.
Моровое поветрие — оспа.

Мусия — мозаика.
Мыт, мыто — кровавый понос, дизентерия.
Мягкая рухлядь — мех, пушнина.

Народное право — международное право.
Немцы — иноземцы (западные).
Низ, низовские земли — новгородское наименование владимирских, суздальских, московских земель.
Ногата — монета, четверть куны.
Нунций — папский посол.

Обослаться — обменяться посланиями.
Обратить тыл — показать спину, бежать.
Окольничий — приближенный (тот, кто около).
Окуп — выкуп.
Оратай — пахарь; орать — пахать.
Острог — частокол, укрепление; временная ограда из бревен стоймя для защиты войска на стоянке.
Отложиться — отделиться.

Пард — барс.
Пастырский — пастуший.
Пасынок — см. Боярские дети.
Печатник — хранитель печати, канцлер.
Погост — село.
По́рок — стенобитное орудие, таран.
Посадник — начальник посада (поселенья вокруг крепости); воевода (выборный).
Предместник — предшественник.
Предупредить — опередить.
Приказать — оставить кому-либо, передать, отдать.
Приличиться — быть уличенным.

Рать — войско; битва.
Резань — самая мелкая монета.
Ристание — битва, сражение.
Рост — проценты, нарастающие на долг.
Руга — годичное содержание попу и причту от прихода.
Рыбьи зубы — моржовый клык (в старину высоко ценился).
Рында — телохранитель, оруженосец.

Сайгат — трофеи.
Сам-трет, сам-третий — втроем.
Славный — известный, знаменитый.
Снаряд — вооружение, оружие; обоз (войсковой).
Совместник — соперник, противник.
Сочиво — кушанье, заправленное соком из конопляных, маковых семян и т. п.
Сретенье — встреча.
Стерво́ — падаль, мертвечина.

Таль — см. Аманат.
Тараса — подкатной сруб для осады; наружное укрепление городской стены в виде сруба, часто крытого дранкой (драницей).
Тарханная грамота — охранная грамота, освобождающая от податей (тархан — вотчинник, свободный от налогов).
Тесница — доска (в старину доски тесали, не пилили).
Темник — начальник большого войска (тьмы).
Тиун — управитель, назначенный князем, боярином; приказчик.
Томный — утомленный.

Тук — жир.

Тур — плетеная большая корзина без дна, засыпанная землей, для защиты нападающих на крепость; тур на колесах — осадная башня.

Тысяцкий, тысячский — выборный (в Новгороде) или назначаемый князем военачальник, возглавлял народное ополчение.

Украйна — окраина (напр., московская украйна — южный рубеж московских земель).

Фелон, фелонь — верхняя одежда, риза священнослужителя.

Харатья, хартия — старинная рукопись на пергаменте (пергамене).

Хоругвь — знамя, стяг.

Чело — вышитая кичка (женский головной убор).

Чермный — рыжий.

Черноризец — монах.

Черная смерть — чума.

Честить — почитать, чествовать.

Язва, моровая язва — черная смерть, чума.

Ярославов двор — древние палаты Ярослава в Новгороде.

Ясак — подать, дань.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей. Оно ставит своей целью приблизить к российской читающей публике труд Н. М. Карамзина не только как пособие по изучению истории, но и как литературное произведение с его великолепным языком и страстной авторской позицией, напитанное любовью к Отечеству и нелицеприятной нравственной проповедью. Благородная задача «открыть» современникам историю России была выполнена поэтом с блеском.

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) приступил к работе над «Историей» в 1803 году, и его жизнь оборвалась во время работы над XII томом — Смутным временем («междуцарствием», пишет автор). При жизни Историографа вышло два издания «Истории государства Российского». В 1836 году увидел свет «Ключ» П. М. Строева (1796—1876), русского историка и археографа, впоследствии академика. «Ключ» включает в себя алфавитные указатели имен личных, географических, предметов, а также родословные таблицы (росписи). После смерти Историографа знаменитый книгопродавец и издатель А. Ф. Смирдин выпустил 3-е и 4-е издания «Истории...» с несколько облегченным научным аппаратом, каждое в 12 отдельных книгах.

В 1844 году известный издатель середины прошлого века Иван Федорович Эйнерлинг (ум. 1854 г.), называвший себя «издателем латинских классиков», выпустил 5-е издание «Истории государства Российского». 12 томов сочинения Карамзина он объединил в 3 книги. В конце каждой книги были помещены Примечания (Нотицы) Н. М. Карамзина к соответствующим томам, содержащие обширные выдержки из различных исторических документов, которыми Историограф пользовался в процессе работы. 4-я книга этого издания — «Ключ, или Алфавитный указатель к “Истории государства Российского”, составленный П. М. Строевым». Строев дополнил «Ключ», исправил и приспособил его именно к изданию Эйнерлинга. Кроме того, в 4-й книге были помещены 24 родословные таблицы, составленные Н. М. Карамзиным и П. М. Строевым.

Предлагаемое читателю издание «Истории» в принципе повторяют структуру издания Эйнерлинга. 12 томов «Истории...» так же объединены в 3 книги. Поскольку объем Примечаний Н. М. Карамзина практически равен объему основного текста, мы, следуя традиции многих издателей XIX века, старавшихся сделать этот труд доступным возможно более широким слоям общества, не включили Примечания в настоящее издание.

Читатель, который вдохновится исторической поэмой Карамзина, сумеет найти необходимые дополнительные сведения в обширной исторической литературе, существующей в наше время. Мы же хотели облегчить понимание этого текста не специалисту историку, но гражданину своего отечества. И поскольку за два века русский язык, еще достаточно молодой, претерпел некоторые изменения, мы обратились к системе постраничных примечаний, помогающих понять вышедшие из употребления грамматические формы или реалии.

В конце каждой книги помещен небольшой словарик устаревших слов. В него включены как слова, уже объясненные в постраничных примечаниях, так и часто встречающиеся слова, в общем-то понятные по контексту, но могущие вызвать затруднения у неподготовленного читателя.

Исходя из принципа минимального вмешательства в текст Карамзина, мы изменили лишь устаревшую орфографию, оставив, впрочем, написание ряда слов с прописной буквы — там, где оно несет эмоциональную окраску (Герой, Вера, Небеса и т. п.). Особенности авторской пунктуации в принципе сохранены, хотя в некоторых случаях (особенно это касается обособлений, оформления авторской речи внутри реплик и цитат и др.) для облегчения чтения она несколько осовременена. Обильные двоеточия и точки с запятой, являющиеся не только приметой времени, но и особенностью авторского стиля, полностью в тексте сохранены. Сохранен и курсив Карамзина, которым он пользуется в разных целях: и как указание на первое использование слова или понятия, и как знак того, что цитируется какой-либо исторический документ, и как эмоциональный акцент и т. п.

Читая «Историю государства Российского» как произведение художественной литературы и оценивая ее с точки зрения языка и стиля, следует помнить о двух моментах, отразившихся в них. Первое — это своеобразие литературного языка конца XVIII начала XIX веков, еще не устоявшегося ни в нормах словоупотребления, ни в правилах правописания. И второе — влияние на стиль Карамзина используемых им исторических документов: летописей, иностранных хроник, официальных бумаг и пр.

Читатель должен знать, что сочинение это сыграло огромную роль в становлении современного русского литературного языка. Он, несомненно, почувствует с первых строк, что книга написана и строгим ученым, чурающимся пространных субъективных разглагольствований, и высочайшим прозаиком и поэтом, сумевшим с неизъяснимым мастерством пересказать публике вычитанное им в старинных документах.

В конце 1-й книги помещены Росписи Н. М. Карамзина, в том виде, в каком они были опубликованы Н. М. Строевым.

На форзацах всех трех книг помещены родословные таблицы русских князей и царей. Таблицы построены на основании связанных воедино Росписей Н. М. Строева, составленных с ведома Н. М. Карамзина, с незначительными сокращениями и изменениями, обусловленными целями данного издания. Не претендуя на научную полноту, они призваны помочь читателю в понимании текста. В конце каждой книги даны описания родословных таблиц, в которых имена сгруппированы по степеням родства.

М. Зимина

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

ТОМ II

ТОМ III

ТОМ IV

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

в 12 томах

Том I—IV

Ответственный редактор *М. С. Зимина*
Художественный редактор *Ю. П. Амбросов*
Ответственные за выпуск *Н. А. Мяготина,*
Н. В. Гаджиева

ЛР № 064423 от 29 января 1996 г.

ООО «Золотой век», Санкт-Петербург, ул. Железноводская, 56.

Оригинал-макет изготовлен ООО «Фирма КОСТА».

Подписано в печать 05.10.97. Формат $70 \times 100^1/_{16}$.
Гарнитура Кудряшовская. Объем 39 п. л. Печать офсетная.
Тираж 15 000. Заказ № 38.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.